

ВЪ СКЛАДѢ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Записная книжка штабного офицера во время Русско-Японской войны. *Сэръ-Янъ-Гамилтъонъ*, британскій военный агентъ изъ арміи маршала Куроки. Переводъ съ англійскаго генер. шт. капитана *Б. Семенова*. Спб., 1906 г. 3 р.

Тоже. Томъ II печатается.

..... Въ общемъ, книга написана интересно, живымъ языкомъ, читается легко и даетъ много такихъ справедливыхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о японской арміи, что становятся понятными усиленные происки японцевъ о томъ, чтобы второй томъ этихъ записокъ не появлялся въ печати. Но и эта отрывочная первая часть записокъ Яна Гамильтона составляетъ несомнѣнно вкладъ въ военную литературу, и заставляетъ желать самаго широкаго распространенія среди читающей публики. Что касается до перевода, то нужно сказать, что онъ слѣланъ добросовѣстно. **М.**

(Прил. къ „Русск. Инв.“ 1906 г. № 225).

Борьба за Портъ Артуръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями *А. В. фонъ Шварцъ* и *Ю. Р. Романовскаго*. печатается.

Война въ горахъ. Тактическое изслѣдованіе по опыту русско-японской войны, генеральнаго штаба капитана *Александра Свѣчина*. 80 к.

..... Читатель не найдетъ въ книгѣ систематическаго изложенія тактики горной войны, но зато многія основы этой тактики изложены ясно и цѣльно, иллюстрированы примѣрами изъ минувшей кампаніи, видѣнными авторомъ своими глазами.

Взгляды автора глубоко обоснованы и если съ нѣкоторыми и не соглашаешься, то все же нельзя не признать вѣской аргументаціи проводимыхъ идей.

(„Воен. Голосъ“, № 176, 1906 г.).

13
240

Осада и сдача

801-16
508

Портъ Артура

съ англійскаго,
подъ редакціей и съ примѣчаніями Генеральнаго Штаба Полковника
ХВОСТОВА

Изданъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14

1907.

2007336170

Типографія М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., 28.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе переводчика	VII—VIII
Предисловіе автора	1 — 3
Глава I. Причины войны.	
Значеніе Портъ-Артура; поведеніе державъ; при- готовленія.	4 — 10
Глава II. Дальній.	
Роскошь жизни; военная база; паника.	11 — 17
Глава III. Бой на Цзинчжоуской позиціи (Наньшань).	
Основной планъ; миноносцы; наступленіе 4-й япон- ской дивизіи; безпорядочное бѣгство	18 — 27
Глава IV. Наступленіе японцевъ.	
Русская позиція; взятіе Хуинсана (Кеншань); при- бытіе подкрѣплений; дѣйствіе артиллерійскаго огня; отступленіе русскихъ; потери	28 — 39
Глава V. Описаніе оборонительныхъ сооружений.	
1) Восточный фронтъ; 2) Западный фронтъ; 3) Пе- редовые укрѣпленные пункты	40 — 57
Глава VI. Взятіе Дагушаня и Сюгушаня.	
Атака; планъ дѣйствій; артиллерійскій огонь съ во- енныхъ судовъ; полная побѣда	58 — 66
Глава VII. Стратегическое положеніе на сушѣ и на морѣ.	
Coup-de-main; Балтійская эскадра; неудача плановъ.	67 — 72
Глава VIII. Взятіе редутовъ № 1 и № 2 (укрѣпленій Ванрушань).	
Долина Шуйшунинъ; отбить Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ); совѣщаніе; смерть полковника Оучи; генераль Іичинохэ	73 — 83

Глава IX. Большая ночная атака.

СТРАН.

Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай); опрометчивое рѣ-
шение; ночная экспедиція; удивительное зрѣлище;
прожектора; адъ; Ниппонъ Банзай; прекращение боя;
поражение японцевъ. 84—102

Глава X. Лагерная жизнь японцевъ.

Бери—бери; японскіе раціоны; ночная тревога; духъ
японцевъ; штабы; генераль Ноги; корреспонденты;
снаряды; усѣянная снарядами дорога; наступатель-
ныя сапы; жизнь въ сапахъ; Шуйшунинъ; русскіе
стрѣлки; японскія закрытія; лавочки; генераль
Ошима. 103—133

Глава XI. Возобновление активных дѣйствій.

Высокая гора (Высота 203 метра); бомбардировка;
атака; нижнія позиціи; штурмъ; ручныя гранаты;
неудача атаки; атака на Водопроводный редутъ
(фортъ Куропаткинъ); внутренность укрѣпленій . 134—152

Глава XII. Артиллерія и телефоны.

28 сантим. гаубицы; позиціи гаубицъ; телефонъ;
начальникъ артиллеріи; питаніе боевыми припасами;
столкновение 153—165

Глава XIII. Люди и нравы.

Первые 500-фунтовые снаряды; завтракъ у Ноги;
редутъ № 1 (Вост. Банрушань); на близкихъ дистан-
ціяхъ; ночная бомбардировка; жизнь въ траншеяхъ;
деревянная мортира; невѣдомая смерть; перерѣза-
ніе проволоки; накануне боя 166—186

Глава XIV. Взятіе капонира № 3 (Хачимачаяма).

Пойманы въ ловушкѣ; бойня; отдыхъ; атака на
фортъ III (Нирушань); фотографія при арміи; нервы;
японскіе часовые. 187—200

Глава XV. Штурмъ 17/30 октября.

День рожденія Императора; моленія о побѣдѣ;
фортъ II (Сѣверный Кейкваншань); оптимизмъ артил-
леристовъ; страшная бомбардировка; способъ атаки;
отравительное зрѣлище; дѣйствіе шрапнели; поте-
рянная надежда; внезапная паника; неизвѣстность;
еще разъ отбиты. 201—224

Глава XVI. Сапныя и минныя работы.

СТРАН.

Подземная война; трудная задача; отважный са-
перъ; фортъ III (Нирушань) и укрѣпление № 3 (Шою-
шань); минныя работы; взрывъ 225—237

Глава XVII. Госпитали и транспорты.

Перевязочные пункты; безнадежные случаи; Даль-
ній; Чораши; перевозка. 238—248

Глава XVIII. Жизнь въ арміи.

Китайская усадьба; китайская семья; мирный на-
родъ; гостепримные начальники; полковникъ Теруда;
генераль майоръ Баба 249—259

Глава XIX. Наканунъ крупныхъ событій.

Балтійскій флотъ; приготовленія; 7-я дивизія ;Ба-
тарей лит. Б. (Хигаши Кейкваншань); удачный бой;
празднованіе успѣха 260—271

Глава XX. Штурмъ 13/26 ноября.

Батареи въ дѣйстви; воинственный священникъ;
машины на войнѣ; война какъ зрѣлище; атака
12-го полка; фортъ II (Сѣверный Кейкваншань);
ужасная борьба; храбрый офицеръ; неуспѣхъ атаки;
ночная атака Накамура; адъ; Тсучійя раненъ . . 272—295

**Глава XXI. Штурмъ и взятіе Высокой горы (Высота 203 ме-
тра).**

Простой выходъ; основной планъ; положеніе сра-
жающихся; повторныя атаки; вылазка; 28 сантим.
снаряды; атака 7-й дивизіи; внезапная паника; совре-
менный огонь артиллеріи; послѣдняя атака; коверъ
изъ мертвецовъ; человѣческія траншеи 296—324

Глава XXII. Разрушеніе русскихъ военныхъ судовъ.

Того посѣщаетъ Высокую гору (Роюшань); пере-
миріе; странная рѣчь; дружескія сношенія; зимнія
жилища; развѣдочное бюро 325—337

**Глава XXIII. Паденіе форта II (Сѣверный Кейкваншань) и
форта III (Нирушань).**

Атаки въ пустую; мины; взрывъ; генераль Самед-
жима; смерть Кондратенко; Рождество; громадный
зарядъ; ванна генерала Ошима 338—355

Глава XXIV. Послѣднія операціи.

Укрѣпленіе № 3 (Шоюшань); энтузіазмъ солдатъ;
странное происшествіе; сцены на взятыхъ позиціяхъ;
штурмъ Большого Орлинаго Гнѣзда; конецъ осады. 356—369

Глава XXV. Сдача и торжество.

СТРАН.

Отвѣтъ Ноги Стесселю; послѣдній снарядъ; рас-
пространеніе извѣстія; капитуляція; японскій ульти-
матумъ; подписи; «макаки»; вниманіе Ноги; гене-
раль Стессель; встрѣча Ноги и Стесселя; два гене-
рала. 370—391

Глава XXVI. Заключительныя сцены.

Грубость русскихъ; отъѣздъ Стесселя; удивитель-
ные нравы; Провидѣніе; торжественное вступленіе;
смотръ 9-й дивизіи; русскія военныя суда; обра-
щеніе къ богамъ; салютъ; прощальный завтракъ;
оберъ-офицеры 392—415

Глава XXVII. Павшая крѣпость.

Праздникъ; тяжелыя картины; русскія мортиры;
колонна Накамура; фортъ IV (Ицзушань); гавань;
блокада; «Побѣда»; «Ретвизанъ»; «Севастополь». . 416—435

Глава XXVIII. Стессель и сдача.

Храбрость русскихъ; положеніе Стесселя; русскій
флотъ; рѣшеніе Стесселя; причины дальнѣйшаго
сопротивленія; силы гарнизона; съѣстные припасы;
раздѣленіе гарнизона; Кондратенко; утеранный бла-
гопріятный случай 436—456

Заключеніе.

Роковое пренебреженіе Портъ-Артуромъ; устарѣв-
шіе приемы войны; добыча въ Портъ-Артурѣ; уроки
осады; армія, которая учится; ужасное существова-
ніе; превосходство японцевъ; народная жизнь въ
Японіи; раса безъ нервовъ; жизнерадостный народъ;
нашъ упадокъ; будущее Японской арміи; грядущее
поколѣніе; конецъ 457—480

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Командный составъ 3-ей японской арміи	483
II. Артиллерія 3-ей Японской арміи, принимавшая участіе въ осадѣ Портъ-Артура.	485
III. Гарнизонъ Портъ-Артура	486
IV. Число плѣнныхъ, при сдачѣ Портъ-Артура	487
V. Количество запасовъ, найденныхъ въ Портъ-Артурѣ послѣ сдачи	488
VI. Вѣдомость имущества, сданнаго въ Портъ-Артурѣ . .	489
VII. Дневникъ событій.	490

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга Э. Ашмедъ Бартлетта — „Осада и сдача Портъ-Артура“ — одно изъ самыхъ выдающихся сочиненій о Портъ-Артурѣ, вышедшихъ въ свѣтъ до настоящаго времени, не только за границей, но даже у насъ въ Россіи. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ и содержитъ много совершенно новыхъ данныхъ относительно японской арміи. Всѣ важнѣйшіе моменты осады описаны очень вѣрно и освѣщены многими подробностями, въ значительной степени выясняющими обстановку. Въ общемъ, авторъ старается быть вполнѣ правдивымъ и безпристрастнымъ, отдавая должное какъ Японцамъ такъ и Русскимъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ярко сквозитъ нерасположеніе къ Русскимъ и, подъ влияніемъ этого, является неправильная оцѣнка событій, конечно, не въ пользу Русскихъ. Однако, такихъ случаевъ не много и они не могутъ умалить серьезныхъ достоинствъ переводимой книги.

Такъ какъ японскія названія укрѣпленій и мѣстныхъ предметовъ сильно затрудняютъ чтеніе книги и мало извѣстны русскимъ читателямъ, мы ставимъ въ текстѣ русскія названія, а въ скобкахъ помѣщаемъ японскія, приводимыя авторомъ; на картѣ указаны тѣ и другія; не приведены русскія названія

лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно было выяснить, о какомъ именно пунктѣ говоритъ авторъ, или когда пунктъ этотъ у Русскихъ не носилъ особаго названія. Карта автора очень неточна и мало сходится съ нашей верстовой картой, почему разысканіе того или другого пункта—становилось иногда дѣломъ чрезвычайно труднымъ и даже невыполнимымъ.

Съ тою-же цѣлью—облегченіе чтенія книги для русскихъ читателей—мы вездѣ числа мѣсяцевъ указывали по старому и новому стилю.

Въ нашемъ переводѣ мы прежде всего стремились къ ясности изложенія, жертвуя иногда для этого близостью къ подлиннику; исправлять стиль и способъ изложенія автора тамъ, гдѣ это не вредило ясности изложенія, мы избѣгали.

Книга переведена безъ пропусковъ; только въ заключеніи выпущено 7 страницъ, совершенно не относящихся къ „Осадѣ П.-Артура“ и мало интересныхъ для русскаго читателя, о чемъ въ примѣчаніи на стр. 476 и сдѣлана оговорка.

Съ особеннымъ интересомъ книга будетъ прочтена защитниками Портъ-Артура, которые найдутъ въ ней отвѣты на многіе, интересующіе ихъ вопросы.

Полковникъ Хвостовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Задачей своей я поставилъ на страницахъ этой книги описать осаду Портъ-Артура.

Я присоединился къ 3-ей арміи въ началѣ августа 1904 года, какъ разъ передъ первымъ штурмомъ крѣпости и оставался прикомандированнымъ къ Главной квартирѣ генерала Ноги до 4 (17)-го января 1905 г., когда и вступилъ въ крѣпость вмѣстѣ съ побѣдоносными японцами.

Отчетъ, написанный очевидцемъ, не имѣвшимъ доступа къ официальнымъ документамъ, едва-ли можетъ считаться полнымъ или законченнымъ. Сомнѣваюсь даже, слѣдовало-ли такой отчетъ выпускать въ свѣтъ. Исторія осады Портъ-Артура—это, отъ начала до конца, трагедія японскаго оружія; только исторія осады, составленная по официальнымъ документамъ Главной квартиры, можетъ раскрыть всѣ тактическія ошибки японцевъ, но подобная исторія едва-ли появится въ свѣтъ, пока настоящее поколѣніе не сошло со сцены.

Пройдетъ не мало времени, пока можно будетъ написать правдивую исторію войны.

Принимая во вниманіе кампанію въ Манчжуріи, арена дѣйствій была столь обширна и событія столь сложны, что теперь ихъ очень трудно правильно освѣтить. Наконецъ, никогда посторонній зритель не будетъ въ состояніи дать

удовлетворительное описание больших сражений последней кампании.

Тактические предположения и вся последовательность хода боевого столкновения зависят от приказаний, исходящих из штаба главной квартиры к командирам армейских корпусов и от последних к начальникам дивизий и бригад. Все подобные приказанія и вызвавшие их мотивы остаются под секретом, в архивах военного министерства в Токио. Пока какой-нибудь японецъ безпристрастно не освѣтитъ факты и не напишетъ правдивую исторію кампаніи, міръ не легко узнаетъ, почему и для чего были приняты многія рѣшенія и почему произошли событія, которыя в настоящее время необъяснимы.

Все эти положенія, вполне примѣнимыя ко всякому, кто пытается написать исторію кампаніи в Манчжуріи, лишь отчасти сохраняютъ свое значеніе, если очевидецъ пытается написать исторію осады Портъ-Артура.

Работа артиллеріи и инженеровъ, игравшихъ такую большую роль в осадѣ, легко могла быть наблюдаема; а кромѣ этого, ни в области стратегіи, ни в области военного искусства, не было проявлено со стороны японцевъ ничего выдающагося или особенно замѣчательнаго. Все ограничивалось размѣщеніемъ тысячъ людей в возможно близкомъ къ непріятельскимъ позиціямъ разстояніи, и вызовомъ ихъ для атаки черезъ извѣстные промежутки.

Единственная тайна—это причины, заставившія Японцевъ принести столько жертвъ людьми, что являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ фронтальныхъ атакъ на неодолимыя позиціи. Также нельзя ознакомиться съ перепиской, которая велась между Токио, Манчжуріей и главной квартирой генерала Ноги.

Конфигурація мѣстности, на которой были возведены русскія укрѣпленія, представляла идеальную сцену для участниковъ драмы. Низкая долина Шуйшунъ, у подножія цѣпи фортовъ, позволяла зрителямъ наблюдать все, что происходило здѣсь. Однако, безъ закрытія отъ ружейнаго,

пулеметнаго и артиллерійскаго огня, невозможно было бы наблюдать за боемъ съ близкихъ дистанцій. Подобныя закрытія представляла вся сѣть траншей; онѣ позволяли находившемуся в нихъ наблюдателю выбрать любую дистанцію, съ которой онъ желалъ смотрѣть на сраженіе.

Такъ какъ мы, вѣроятно, в послѣдній разъ были свидѣтелями прежнихъ штурмовъ и сомкнутыхъ построеній, то одной изъ главныхъ моихъ задачъ было—указать устарѣвшіе методы боя, примѣнявшіеся во время осады.

Я пытался дать подробную картину: какъ люди, для разрѣшенія спора своихъ правительствъ, сталкиваются в массахъ, поражая другъ друга штыками, ружейнымъ огнемъ и ручными гранатами; какъ они ведутъ себя в бою и передъ боемъ; по какимъ путямъ они наступаютъ и какъ отступаютъ, когда охвачены внезапной паникой; что значитъ современная бомбардировка, когда в дѣлѣ участвуютъ 500 орудій; каковъ эффектъ взрыва 2000 фунтовъ динамита подъ фортомъ; какъ знаменитые генералы, имена которыхъ всѣмъ извѣстны, дѣйствовали и совершали подвиги.

Я намѣревался выпустить книгу значительно раньше, но изготовленіе картъ, на которыя обращено было особое вниманіе, задержало выходъ книги.

Е. А. Б.

ГЛАВА I.

Причины войны.

4 (17) апрѣля 1895 года Ляодунскій полуостровъ, составлявшій часть территоріи Китайской Имперіи, былъ уступленъ Японіи по Симоносекскому договору, заключенному послѣ Японо-Китайской войны, маркизомъ Ито и Ли-Хунъ-Чангомъ.

Изъ всѣхъ пунктовъ Симоносекскаго договора, этотъ былъ самый существенный для Японіи, такъ какъ давалъ ей возможность стать твердой ногой въ Азії, чего она такъ давно добивалась; это были тѣ ворота, черезъ которыя ея огромное и все возрастающее населеніе могло проникнуть въ Китай, на широкое поприще торговаго соревнованія.

Территорія Японіи очень ограничена, и, какъ говорятъ, только $\frac{1}{15}$ -я часть ея можетъ быть обработана, вслѣдствіе гористаго характера страны. Поэтому, задолго до начала войны съ Китаемъ, Японскіе государственные люди считали необходимою перекинуть избытокъ населенія Японіи на материкъ Азії, если Японія желаетъ занимать въ концертѣ народовъ подобающее ей мѣсто великой державы. Легко отсюда понять, какое важное значеніе придавала Японія пункту договора, уступавшему ей Ляодунскій полуостровъ, и дававшему ей выдвинутое впередъ положеніе на материкѣ Азії.

ГЕНЕРАЛЪ БАРОНЪ НОГИ.

Снято въ день капитуляціи крѣпости.

Ляодунскій полуостровъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ имѣетъ коммерческое и военное значеніе, хотя и не особенно большое, какъ это выяснилось, когда Китай былъ на краю раздѣла, и у Европы разыгрались аппетиты на внѣшнія части Китайской Имперіи.

Отъ перешейка Цзиньчжоу (Наньшань) до укрѣпленій Портъ-Артура полуостровъ представляетъ естественную крѣпость, которая умѣлой работой инженеровъ, можетъ быть сдѣлана неприступной.

Мѣстность эта очень гориста, но горы, за небольшими исключеніями, идутъ не образуя правильныхъ цѣпей; можно подуматъ, что природа забавлялась, набрасывая горы по своей капризной фантазіи. Почва мягкая, песчаная, изрыта безчисленными водостоками ручьевъ, текущихъ съ горъ во время періода дождей. Лѣтомъ, когда ручейки эти высыхаютъ, вся равнинная часть между высотами, превращается въ сѣть овраговъ и канавокъ, которые дѣлаютъ почти немислимымъ проѣздъ, если вамъ вздумается отклониться въ сторону отъ большой дороги. Дороги всѣ вообще отвратительны: въ дождливое время—это потоки ила, а въ сухое они изрѣзаны безчисленными глубокими колеями, образующимися въ то время, когда почва размягчена дождями. Вся страна очень густо заселена китайцами и усѣяна многочисленными поселками и деревнями. Каждый квадратный дюймъ почвы культивируется: земля обрабатывалась многими поколѣніями, но одинъ и тотъ же хлѣбный злакъ росъ много лѣтъ подъ рядъ на одномъ и томъ же участкѣ; повидимому китайцы, хотя ихъ и считаютъ отличными хозяевами, не имѣютъ понятія о сѣвооборотѣ; почва теперь страдаетъ отъ преждевременнаго истощенія, она бѣдна и малопродуктивна; ее можно сдѣлать плодородной лишь самымъ тщательнымъ уходомъ и обильнымъ удобреніемъ, въ чемъ китайцы большіе мастера. Тѣмъ не менѣе, годъ за годомъ, почва Ляодуна питаетъ многочисленное, мирное, трудолюбивое и хозяйственное населеніе.

Значеніе полуострова нельзя, однако, измѣрять только

его сельско-хозяйственной доходностью: главное значеніе основывается на географическомъ положеніи (вблизи отъ столицы Китайской имперіи), на его отличныхъ природныхъ гаваняхъ и сильной крѣпости; Портъ-Артуръ та наивысшая награда, которая достается вмѣстѣ съ полуостровомъ.

Портъ-Артуръ даетъ хорошую естественную гавань и крѣпость, которую пожелаетъ имѣть всякое государство, желающее обезпечить свое положеніе на континентѣ Азіи.

Правда, онъ палъ въ одинъ день, десять лѣтъ тому назадъ, послѣ штурма войскъ маршала Оямы, но этотъ ододневный бой безусловно не можетъ служить критеріемъ силы крѣпости; если-бы ее удерживали не слабые китайцы, а большое военное государство—результаты получились бы совершенно иные.

Задолго до войны съ Китаемъ, японцы поняли огромное значеніе Портъ-Артура и рѣшили овладѣть имъ во что-бы то ни стало. Симоносекскій договоръ далъ имъ вполне заслуженную награду, но радоваться этому имъ пришлось лишь весьма короткій срокъ.

Другое государство тоже сознавало значеніе Ляодунскаго полуострова и рѣшило предупредить занятіе его Японіей.

Съ 1891 года Сибирская желѣзная дорога медленно, но вѣрно ползла черезъ Азію; глаза государственныхъ людей Россіи уже съ вождѣленіемъ посматривали на карту побережья Тихаго океана, разыскивая удобную гавань, чтобы связать Сибирскую дорогу—это огромное предпріятіе—съ внѣшнимъ міромъ.

Сѣверная вѣтвь этой дороги оканчивалась у Владивостока, но рѣшено было провести южную вѣтвь отъ Харбина, направивъ ее по плодороднымъ равнинамъ Маньчжуріи, до какого-либо пункта на Печилійскомъ заливѣ.

Владивостокъ скованъ льдами въ теченіе зимы, что сильно понижаетъ его цѣнность; то, къ чему стремилась Россія—быть портъ, открытый круглый годъ для міровой торговли, что было безусловно необходимо, если желали, чтобы новая

железнодорожная линия стала предприятием, оплачивающим произведенные на него затраты.

Какъ выяснилось, Портъ-Артуръ былъ именно тѣмъ пунктомъ, который намѣтила Россія въ видѣ базы на Тихомъ океанѣ, для южно-китайской железной дороги. Онъ давалъ всѣ указанные преимущества и нельзя было подобрать болѣе подходящаго пункта.

Россія скрывала свои планы. Къ началу войны между Китаемъ и Японіей, она была въ положеніи, не позволявшемъ выступить открыто, такъ какъ дорога не была достроена и Россія не могла силой поддержать своихъ требованій передъ Китаемъ и открыто-враждебной Японіей.

Можно себѣ представить, что должны были чувствовать государственные люди Россіи, когда пунктъ Симоносекскаго договора, относящійся до Ляодунскаго полуострова, сталъ имъ извѣстенъ. Ихъ мечты о приобрѣтеніи полуострова съ его крѣпостью и двумя хорошими гаванями, должны были разсѣяться; необходимо было, во что-бы то ни стало, уничтожить этотъ договоръ. До окончанія постройки Сибирской дороги, Портъ-Артуръ долженъ былъ оставаться въ рукахъ народа, который въ японо-китайскую войну показалъ міру примѣръ военной и морской доблести, значительно больше того, что ожидала Европа отъ Восточнаго народа.

Россія поняла положеніе; сама она въ то время не имѣла возможности заставить японцевъ очистить Ляодунскій полуостровъ, но комбинація нѣсколькихъ державъ, несомнѣнно, могла сдѣлать это; во всякомъ случаѣ, попытка—стоила цѣны. Восемь дней спустя послѣ подписанія Симоносекскаго договора, Японіи представили союзную ноту, протестовавшую противъ занятія Японіей китайской территоріи. Напрасно Японія искала вокругъ поддержки. Было одно государство, поддержка котораго могла спасти ее въ критическій моментъ, вмѣшательство котораго могло измѣнить всю исторію Дальняго Востока на десять лѣтъ впередъ, но это государство содрагалось при одной мысли о вмѣшательствѣ въ мировую политику. При такихъ условіяхъ, долго ли усколь-

знуть драгоценному случаю?—Японія принуждена была очистить Ляодунскій полуостровъ, который вновь перешелъ, хотя всего на два года, подъ слабое управленіе Пекинскаго правительства.

День предъявленія Японіи союзной ноты, отъ имени Германіи, Франціи и Россіи, слѣдуетъ считать днемъ за рожденія послѣдней борьбы на Дальнемъ Востокѣ.

Двухъ мнѣній относительно протеста державъ быть не могло и Японія правильно поняла этотъ актъ. Россія добивалась для себя того, что Японія получила по праву войны; находясь въ положеніи, не позволявшемъ самой взять добычу, Россія, въ концѣ концовъ, при содѣйствіи своихъ друзей, помѣшала сдѣлать это Японіи. Державы слишкомъ рано раскрыли свои карты и съ этого момента положеніе стало совершенно ясно, по крайней мѣрѣ, насколько вопросъ касался Японіи. Поведеніе державъ показало, что они не признаютъ за Японіей никакого права играть роль на континентѣ Азіи; японцы должны оставаться замуравленными на своихъ многочисленныхъ островахъ; Японія можетъ оставаться источникомъ удовольствій для путешественниковъ европейцевъ или любителей художественности, но ни въ коемъ случаѣ не должна причинять безпокойства державамъ, желавшимъ грабить Небесную Имперію; державы готовились, отбросивъ Японію со сцены навсегда, спокойно заняться дѣлежемъ Китая.

Японія увидѣла передъ собою перспективу долгой и грозной борьбы на жизнь и на смерть; она разъ навсегда должна была рѣшить вопросъ о ея будущности въ Азіи. Не было исхода изъ этого положенія и Японія принялась за дѣло, начавъ соответственную подготовку.

Урокъ, полученный Японіей былъ тяжелый, но спасительный—не пытаться играть роль мировой державы, пока голосъ ея государственныхъ людей не можетъ быть поддержанъ могущественнымъ флотомъ и еще болѣе могущественной арміей. Японцы еще разъ отошли на свои острова, чтобы

тамъ, незамѣтно для всего міра, готовится къ неизбежной борьбѣ.

Десять лѣтъ они учились, учились и учились. Десять лѣтъ они каждый свободный іень удѣляли на военные суда. Результатъ этой десятилѣтней подготовки—теперь матеріаль для исторіи.

До наступленія кризиса, многія испытанія заковали въ броню сердце этого народа-островитянъ, подготавливая ихъ тѣмъ къ предстоящей борьбѣ.

Японія очистила Ляодунскій полуостровъ, уступая грозно выраженнымъ желаніямъ державъ, наставлявшихъ на важномъ значеніи неприкосновенности и цѣлости Китая.

Двумя годами позже, Россія окончательно сбросила маску и съ грубымъ цинизмомъ, не имѣющимъ себѣ равнаго въ современной исторіи, заняла ту самую территорію, которую два года тому назадъ заставила Японію предусмотрительно очистить. Занятіе Кіао-Чао Германіей дало Россіи желаемое оправданіе. 5 (18) декабря 1897 г. русскій флотъ, во главѣ съ „Рюрикомъ“ вошелъ въ гавань Портъ-Артура и формально овладѣлъ городомъ. Японія не могла тогда протестовать, она лишь начала торопиться со своими приготовлениями и терпѣливо ждала дня неизбежнаго возмездія. Англія удовлетворилась увѣреніемъ Россіи, что Портъ-Артуръ останется открытымъ портомъ,—увѣреніемъ, которое только что было дано, и сейчасъ-же было нарушено. Россія возвела на всѣхъ высотахъ, окружающихъ городъ, укрѣпленія и съ 5 (18) декабря 1897 г. по 19 декабря 1904 г. (1 января 1905 г.) оставалась хозяйномъ крѣпости.

„Рюрикъ“, вошедшій во главѣ русскаго флота въ гавань, лежитъ потопленный на днѣ океана. Восходящее Солнце вторично сіяетъ надъ разрушенными укрѣпленіями Портъ-Артура.

Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи описать гигантскую борьбу, приведшую къ этой замѣчательной метаморфозѣ.

ГЛАВА II.

Д а л ь н і й.

Оставляя въ сторонѣ всякія соображенія международной этики, безпристрастный наблюдатель не можетъ не восхищаться тѣмъ, что создала Россія въ такой небольшой періодъ времени. Гдѣ 8 лѣтъ тому назадъ Россія не нашла ничего, кромѣ жалкихъ китайскихъ деревушекъ и отдѣльных фанзъ, тамъ она оставила послѣ себя желѣзную дорогу, могущественную крѣпость, снабженную доками, арсеналами и фортами, а также коммерческій портъ и убѣжище для судовъ въ Дальнемъ.

Портъ-Артуръ никогда не могъ бы сдѣлаться мѣстомъ, пріятнымъ для пребыванія русскихъ, выселившихся силой обстоятельствъ на Дальній Востокъ. Онъ малъ, грязенъ и построенъ въ углубленіи, окруженномъ высотами; мѣстность вокругъ него—не веселая и не гостепріимная, а портъ недостаточно обширенъ, чтобы вмѣстить много судовъ. Поэтому, имѣя въ виду неизбежное увеличеніе торговыхъ оборотовъ, вслѣдъ за окончаніемъ Южно-Китайской желѣзной дороги и съ открытіемъ для торговли Китая, Манчжуріи и Сибири, Россіи необходимо было найти болѣе подходящій пунктъ, для созданія коммерческаго порта и для поселенія русскихъ жителей и офицеровъ арміи и флота.

Такой пунктъ былъ найденъ на берегу Талиенванской

бухты, и тамъ, гдѣ, менѣе 5 лѣтъ тому назадъ, не видно было ничего, кромѣ нѣсколькихъ несчастныхъ китайскихъ фанзъ, стоитъ теперь цвѣтущая гавань и городъ Дальній, какъ печальный памятникъ, указывающій предѣлъ распространія русской цивилизаціи и прогресса на Дальнемъ Востока. Вѣтъ желѣзной дороги шла отъ Дальняго къ Наньгуанлину (Нангалинъ), соединяя такимъ образомъ городъ съ главной линіей желѣзной дороги и съ Портъ-Артуромъ. Глядя на то, что сдѣлали русскіе піонеры, создавъ современный городъ на дикихъ мѣстахъ, можно себя представить величину той ставки, которую сдѣлала Россія и понять чувство отчаянія, которое должны испытывать государственные люди Россіи, переживая крушеніе ихъ давнишней заветной мечты о господствѣ на Дальнемъ Востока; мечта эта, призванная къ жизни императоромъ Александромъ III, ушла у нихъ изъ подъ пальцевъ.

Строитель, составившій проектъ Дальняго, можетъ гордиться своей работой. Красивый городъ, хорошо расположенный, гнѣздится на берегу моря, охваченный поднимающимися вокругъ высотами; отличная гавань можетъ вмѣщать суда большой величины. Милліоны рублей затратило здѣсь Русское Правительство и частные предприниматели, подѣ влияніемъ ошибочной политической комбинаціи; эти милліоны приходится теперь списать со счетовъ, какъ безвозвратно потерянные. Отличные молы и волноломы защищаютъ гавань отъ сильныхъ вѣтровъ, и образуютъ безопасныя якорныя стоянки для самыхъ огромныхъ судовъ міра. Безсчетное количество бетонныхъ глыбъ, заготовленныхъ въ Дальнемъ, показываютъ, что русскіе собирались широко развивать дѣло культуры, обращая пустынную китайскую территорію въ благоустроенный край. Красивыя зданія, въ которыхъ примѣнена вся роскошь современнаго комфорта, росли очень быстро, пока Дальній, со своими домами изъ краснаго кирпича и хорошо мощеными дорогами, не сталъ похожимъ на англійскій приморскій городъ. Отличныя гостиницы могли пріютить пріѣхавшаго съ запада путеше-

ственника; здѣсь онъ, послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ поѣздѣ, вновь могъ насладиться тѣми удобствами, которыхъ онъ былъ лишенъ со времени выѣзда изъ Россіи. Большой театръ строился близъ берега моря; были уже построены—соборъ, больница и городское управление. Въ городѣ былъ разбитъ паркъ, съ мѣстомъ для тенниса, кегельбаномъ, купальнями и другими развлечениями. За городомъ находился Зоологическій садъ, излюбленное убѣжище мѣстныхъ обывателей въ знойный лѣтній полдень, когда малѣйшая тѣнь листы уже даетъ облегченіе человѣку, находящемуся на раскаленной почвѣ Ляодуна. Съ этимъ быстрымъ потокомъ культуры нахлынули сюда и китайцы; они тысячами наводняли Дальній, устраивали свои лавченки, съ крикомъ торговались съ русскими солдатами и моряками, расквартированными въ городѣ. Главная улица Дальняго, въ длину около двухъ миль, поднимается отъ моря; здѣсь въ полдень можно было наблюдать оживленныя сцены: русскіе, французы, англичане, нѣмцы, китайцы, японцы толпились другъ около друга, разговаривая на разныхъ языкахъ.

Жизнь, которую русскіе вели въ Дальнемъ, была очень веселая. Русское названіе города значитъ — „Далекій“, но удаленіе отъ родины не могло искоренить въ русскихъ, живущихъ здѣсь, воспоминаніе о прежней веселой жизни въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Русскіе піонеры, отринувъ отъ себя далеко всякія раздумья, жили жизнью, которой вѣроятно никогда болѣе жить не будутъ, жили въ томъ своеобразномъ состояніи сильнаго напряженія, которое такъ часто бываетъ предвѣстникомъ большихъ несчастій. Быть можетъ нервы всѣхъ были напряжены отъ той быстроты, съ которой за послѣднее время шли событія; это возможно, но тѣмъ не менѣе, пока ихъ веселая жизнь текла, противъ нихъ оттачивали остріе меча.

И вотъ, сразу все измѣнилось: виллы сожжены и раззорены, театры закрыты, парки запущены. Дальній сталъ базой японскихъ армій. Общественныя зданія и дворцы—превращены въ госпитали и помѣщенія для штабныхъ офице-

ровъ. Всюду снуютъ взадъ и впередъ посыльные. На набережныхъ нагромождены огромныя количества запасовъ всякаго рода, которыхъ могло бы хватить всей японской арміи на мѣсяцы, если бы ихъ сообщенія моремъ были отрѣзаны; каждый день прибывали сюда транспорты изъ Японіи и выгружали множество разныхъ припасовъ, фуража и своей живой грузъ, состоящій изъ тысячъ улыбающихся, жизнерадостныхъ, маленькихъ, одѣтыхъ въ хаки, фигуръ, которыя кишѣли на улицахъ, боязливо торопясь къ своимъ полкамъ. Каждый день со станціи отходили многочисленныя поѣзда, нагруженные войсками и запасами для Маршала Оямы и его полумилліонной арміи. Поѣзда возвращались обратно, наполненные больными и ранеными, которые размѣщались въ госпиталяхъ Дальняго. Однако, задерживались они здѣсь не надолго — въ гавани всегда виднѣлось судно, выкрашенное въ красный, зеленый и бѣлый цвѣтъ, съ краснымъ крестомъ на трубѣ, въ ожиданіи больныхъ, для обратнаго ихъ отвоза къ берегамъ Японіи. Тысячи кричащихъ китайскихъ кули бродили, повидимому, безцѣльно по улицамъ. Однако замѣтна была руководящая рука, направлявшая все къ одной цѣли—успѣшному окончанію войны.

Въ 8 час. веч. 13 (26) мая 1904 г. г-нъ Сахаровъ, градоначальникъ гор. Дальняго, получилъ сообщеніе о неблагопріятномъ исходѣ сраженія, происходившаго всего въ 8 миляхъ отъ города; извѣстіе это повергло его и жителей города въ состояніе, близкое къ паникѣ. Это сообщеніе, всего изъ нѣсколькихъ словъ, дошло до него по телефону, соединяющему Дальній съ Цзиньчжоуской позиціей (Наньшань); вѣроятно это первый случай въ исторіи, когда мѣсто, гдѣ происходилъ полевой бой, было соединено телефономъ съ городомъ. Отъ восхода до заката солнца этого, богатаго событіями, дня 13 (26) мая градоначальникъ г. Дальняго слышалъ громъ сотни орудій и глухой трескъ тысячъ ружей. Въ началѣ онъ прислушивался безъ большого страха: раньше онъ посѣщалъ мѣста боя, видѣлъ укрѣпленія, введенныя на всѣхъ высотахъ, результатъ обдуманной и

серьезной работы нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и, естественно, онъ питалъ надежду, что его соотечественники сумѣютъ удержать эту сильную позицію, пожалуй, даже навсегда. Но день проходилъ, а гулъ орудій усиливался, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать; возможно, что небольшая тѣнь страха пробѣгала по его лицу и передавалась окружающимъ его. Затѣмъ, когда звонокъ около 8 час. вечера призвалъ его къ телефону, онъ ожидалъ услышать, что врагъ повсюду отбитъ, но вмѣсто этого онъ получилъ сообщеніе изъ пяти словъ: „Очистить Дальній къ 12 часамъ ночи“. Это было все; не было никакихъ добавленій и разъясненій, что именно произошло; это было категорическое приказаніе отъ командующаго генерала, которое должно было быть немедленно исполнено ¹⁾.

Новость, столь ошеломляющая по своимъ послѣдствіямъ, скоро разнеслась по городу. Первоначально жители съ трудомъ довѣряли тому, что услышали, и разгуливали безцѣльно по улицамъ, въ поискахъ за болѣе достовѣрными свѣдѣніями. Ихъ худшія предположенія были подтверждены распоряженіемъ градоначальника, чтобы всѣ жители собрались на Портъ-Артурской дорогѣ къ 4 часамъ утра. Сообщение гласило: „очистить къ 12 часамъ ночи“, но выполнить это распоряженіе точно было невозможно. Никто не былъ подготовленъ къ такому исходу; всѣ считали Цзиньчжоускую позицію (Наньшань) непреодолимой, хотя, въ дѣйствительности, послѣ 12 часовъ боя русскіе были опрокинуты и находились въ полномъ отступленіи. Жители нагромождали свой домашній скарбъ на первую попавшуюся

¹⁾ Вотъ что говорить по этому поводу самъ г-нъ Сахаровъ въ своемъ дневникѣ:

«Въ 11 часовъ вечера (13 мая) я получилъ телеграмму отъ Стесселя, въ которой онъ мнѣ предписываетъ немедленно и не позже 2 час. ночи вывести изъ Дальняго въ Артуръ всѣхъ русскихъ подданныхъ (числомъ болѣе 400). Паровозы приказано было немедленно отпавить въ Нангалинь, а людямъ отступать пѣшкомъ». Военный Сборникъ 1907 г. № 1, стр. 218.

Прим. перевод.

повозку или вагонъ поѣзда, отходящаго въ Портъ-Артуръ, а оставшееся имущество поручали попеченію непріятеля и искали спасенія въ бѣгствѣ. Паника еще болѣе увеличилась послѣ прибытія бѣглецовъ и раненыхъ съ поля сраженія. Какъ это обыкновенно бываетъ, каждый вновь прибывающій раненый солдатъ приносилъ все худшія и худшія вѣсти о томъ, что произошло: непріятель слѣдуетъ прямо по пятамъ, армія русская уничтожена, непріятельскую кавалерію можно ожидать съ минуты на минуту и т. под. Раненые солдаты всегда находятся подъ впечатлѣніемъ, что они принадлежатъ къ побитой сторонѣ, но на сей разъ ихъ разыгравшееся воображеніе почти не расходилось съ дѣйствительностью. Скоро черезъ городъ стали проходить, въ большемъ числѣ, здоровые солдаты, направлявшіеся къ большой дорогѣ, ведущей на югъ, и Дальній не сталъ больше ждать новыхъ подтвержденій ужаснаго несчастья. Разрушить городъ не было времени, но передъ своимъ выѣздомъ градоначальникъ отдалъ приказаніе — поджечь нѣкоторыя изъ главныхъ зданій; такъ было разрушено зданіе почты и нѣсколько частныхъ домовъ.

Что долженъ былъ чувствовать градоначальникъ Дальняго, когда онъ въ послѣдній разъ глядѣлъ на цвѣтущій городъ, во главѣ котораго онъ стоялъ 4 года, и который не суждено ему увидѣть вновь. Красивое зданіе городского управленія, съ числомъ „1900“, изображеннымъ большими цифрами на фронтонѣ, на много лѣтъ должно было служить мѣстомъ пребыванія властей г. Дальняго — и въ одинъ день оно перешло въ руки военныхъ властей пресираемаго врага.

Послѣ очищенія русскими и до вступленія въ городъ японской арміи и формальнаго овладѣнія имъ, Дальній нѣсколько дней находился въ рукахъ китайскихъ разбойниковъ (хунхузовъ), которые хорошо воспользовались такъ неожиданно попавшейся въ ихъ руки добычей. Они грабили лавки и частные дома, спали въ гостинницахъ и, нарочно ли или по своей небрежности, подожгли многія зданія. Позже,

когда японцы вошли въ городъ, эта орда грабителей превратилась въ мирныхъ торговцевъ и старалась продать свою добычу побѣдителямъ. Все, бывшее прежде русскимъ, добро продавалось въ китайскихъ лавочкахъ, и когда японцы только-что вошли въ городъ, китайцы продавали лучшее шампанское по 10 центовъ за бутылку, воображая, что это содовая вода.

ГЛАВА III.

Бой на Цзинчжоуской позиціи.

(Наньшань).

Бой на Цзинчжоуской позиціи (Наньшань), заставившій русских эвакуировать Дальній и отступить къ сторонѣ Портъ-Артура, произошел 13 (26) мая. Японская армія, побѣдившая здѣсь, повернула затѣмъ къ сѣверу; это была не та армія, которая впоследствии осаждала Портъ-Артуръ, за исключеніемъ одной только 1-й дивизіи, изъ Токио. Дивизія эта послѣ сраженія направилась къ югу, заняла Дальній и расположилась на позиціи, фронтомъ къ сторонѣ русскихъ, гдѣ и удерживалась, пока не прибыла на усиленіе 11-я дивизія изъ Японіи и не была сформирована 3-я японская армія, подъ начальствомъ генерала барона Ноги. При Цзинчжоу сражалась вторая армія, подъ начальствомъ генерала Оку, но такъ какъ бой разыгрался на Ляодунскомъ полуостровѣ и разбитыя русскія войска были тѣ же, что потомъ обороняли Портъ-Артуръ, то необходимо бой этотъ включить въ періодъ кампаніи, закончившійся паденіемъ крѣпости.

Генералъ Оку со своими тремя дивизіями, 1-й изъ Токио, 4-й изъ Осака, 2-й изъ Нагойа ¹⁾ высадился съ транс-

¹⁾ По другимъ источникамъ не 2-я, а 3-я дивизія, что намъ кажется правильнѣе.

Примѣч. перевод.

портовъ въ Бидзеве 19 апрѣля (6 мая) подъ прикрытіемъ японскаго флота. Эту операцію высадки цѣлой арміи въ разстояніи 40 верстъ отъ русскаго флота, находившагося въ Портъ-Артурѣ, можно было бы разсматривать какъ очень рискованное предпріятіе, но при тѣхъ предосторожностяхъ, которыя приняли японцы, а также при апатіи и отсутствіи предпримчивости, выказанныхъ русскими миноносцами, что уже успѣло выясниться съ достаточной опредѣленностью,—въ дѣйствительности, рискъ былъ не великъ. Отъ острововъ Эллиотъ, гдѣ японскій флотъ имѣлъ свою базу, къ берегу материка были протянуты деревянные боны; подъ защитой ихъ и орудій всего флота операція высадки совершилась вполне безопасно и съ удивительной быстротой.

Первая задача генерала Оку была—отрѣзать желѣзнодорожное сообщеніе на сѣверъ и изолировать такимъ образомъ Портъ-Артуръ отъ Ньючжуанга (Инкоу) и Ляояна; предпріятіе это было выполнено безъ всякихъ затрудненій. Затѣмъ онъ двинулъ свою армію къ югу, къ обнесенному стѣнами китайскому городу Цзинчжоу, съ цѣлью отбросить русскихъ съ позиціи, занятой ими на узкомъ перешейкѣ полуострова, у Наньшаня. Пока позиція эта удерживалась русскими, они наблюдали за всѣмъ заливомъ и могли пользоваться Дальнимъ, какъ базой.

Вечеромъ 12 (25) мая японская армія заняла позицію къ сѣверу отъ г. Цзинчжоу, занятого передовымъ русскимъ отрядомъ небольшой силы. Въ тотъ же вечеръ японцы произвели ночную атаку на городъ, но, благодаря сильному дождю и бурѣ съ грозой, дивизіи совершенно перепутались и атаку пришлось отложить.

Рано утромъ 13 (26) мая русскіе очистили г. Цзинчжоу, немедленно занятый японцами, которые въ 10 часовъ утра заняли позицію противъ позиціи русскихъ, расположивъ 4-ю дивизію на правомъ флангѣ, 1-ю дивизію—въ центрѣ и 2-ю дивизію—на лѣвомъ флангѣ. Занятая русскими позиція была расположена на высотахъ, на узкой полосѣ между Цзинчжоуской бухтой, на сѣверо-западѣ, и Талиенванской,

на югѣ. Последняя небольшимъ Талиенванскимъ полуостровомъ (Лишутунъ) дѣлится здѣсь на двѣ части, изъ которыхъ сѣверная называется бухтой Хунуэза (Hand), южная — бухтой Джонокъ (Junk). На востокъ проходитъ единственный путь отступления, открытый русскимъ въ случаѣ пораженія, идущій вдоль линіи желѣзной дороги, на Наньгалинъ и далѣе на Дальній и Портъ-Артуръ. Къ востоку отъ русской позиціи японская армія развернулась въ 10 часовъ утра 13 (26) мая.

Между высотами, занятыми русскими и Цзинчжоуской бухтой, на сѣверѣ, тянется полоса плоскаго берега, во время отлива шириной около полумили, выходящая въ тылъ русской позиціи. На югѣ, между высотами и бухтами Хунуэза и Джонокъ, — другая полоса открытаго плоскаго берега, по которой пролегаютъ грунтовая и желѣзная дороги изъ Талиенвана (Лишутунъ) въ Наньгалинъ. Легко видѣть, что главной цѣлью атаки было — обойти съ сѣвера русскую позицію и занять мѣстность въ тылу ея, совершенно отрезавъ такимъ образомъ единственный путь отступления, открытый защитникамъ позиціи, или иначе — пройти по плоскому берегу, вдоль южной узкой полосы, между высотами и Талиенванской бухтой, и, двигаясь вдоль полотна желѣзной дороги, достигнуть этимъ путемъ тыла русской позиціи. Японцы пытались произвести оба эти обходныя движенія: южное — совершенно не удалось, сѣверное — отчасти имѣло успѣхъ, вполнѣ впрочемъ достаточный, чтобы въ послѣдній моментъ превратить пораженіе въ побѣду, и заставить обороняющагося очистить позицію.

Во время боя при Цзинчжоу (Наньшань) наблюдалось оригинальное явленіе — участіе въ бою русскаго и японскихъ миноносцевъ. Русский миноносецъ ¹⁾, въ заливѣ Хунуэза (Hand), чуть не сдѣлался причиной пораженія японцевъ, тогда какъ три японскихъ миноносца, въ Цзинчжоуской

¹⁾ Мореходная канонерская лодка «Бобръ», подъ командой капитана 2 р. Шельтинга.

Прим. перевод.

бухтъ, дѣйствительно вызвали пораженіе русскихъ, въ то время, когда всѣ остальные дѣйствія японцевъ не имѣли успѣха.

Японцы у Цзинчжоу ввели въ дѣло 3 дивизіи, что составляло около 40—45 тысячъ человѣкъ. Вдобавокъ къ полевой артиллеріи, у нихъ участвовало въ бою нѣсколько тяжелыхъ орудій, а также орудія трехъ миноносцевъ. Согласно доклада взятаго въ плѣнъ русскаго унтеръ-офицера 5-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка, русскія силы, участвовавшія въ бою, состояли изъ четырехъ полковъ — 5-го 13-го, 14-го и 28-го, съ резервами, и болѣе 50 орудій, въ числѣ коихъ было много орудій крупнаго калибра, включая сюда и нѣсколько 6-дюймовыхъ Крупновскихъ пушекъ. Такъ какъ каждый русскій полкъ состоялъ изъ 3 баталіоновъ, то въ общемъ, принимая во вниманіе предварительныя потери отъ болѣзней и другихъ причинъ, силы русскихъ достигали 11 тысячъ человѣкъ ¹⁾.

Общая схема расположенія русскихъ укрѣпленій представлялась въ слѣдующемъ видѣ: на плоскомъ побережьи, нѣсколько впереди подножія высотъ, были возведены траншеи, въ видѣ передовыхъ оборонительныхъ пунктовъ. Всѣ эти выдвинутыя впередъ траншеи, японцы должны были предварительно взять, чтобы стать твердой ногой для атаки главной позиціи. Японцы надѣялись подкрасться вплотную къ главной позиціи и взять ее внезапнымъ натискомъ, но

¹⁾ Въ бою принимали участіе: 11 ротъ 5-го В. С. Стр. полка, 2 роты 13-го В. С. Стр. п. и 2 охотн. команды (13-го и 14-го полковъ), всего около 3000 чел., а не 11 тыс., какъ предполагаетъ авторъ.

Артиллерійское вооруженіе позиціи составляли:

6 дм. пушекъ, вѣсомъ 120 пуд.	4
6 дм. полевыхъ мортиръ	4
42 лин. пушекъ	4
Легкихъ пушекъ	20
87 м.м. китайскихъ пушекъ	28
75 м.м. китайскихъ	4

Всего. 64 ор.

Прим. перевод.

этому помѣшали передовыя сооруженія. У самаго подножія высотъ была расположена вторая линія траншей, глубиной около 8 фут., на брустверѣ которыхъ былъ уложенъ рядъ земляныхъ мѣшковъ. На половинѣ скатовъ высотъ находился третій рядъ траншей, не такихъ глубокихъ, какъ переднія, но тѣмъ не менѣе представлявшихъ солидное препятствіе для наступающаго и образующихъ послѣднюю оборонительную линію русской пѣхоты. На вершинахъ высотъ были устроены площадки, съ брустверами, высотой до 8 футъ, и съ блиндажами изъ брусевъ и земляныхъ мѣшковъ, гдѣ были расположены тяжелыя орудія. Траншеи соединялись ходами сообщеній и снабжены были блиндированными закрытіями; прожекторы, мины и разныя другія средства обороны, что только можно было изобрѣсти, все было использовано русскими при оборонѣ этой, сильной по природѣ, позиціи. Тѣмъ не менѣе, послѣ двѣнадцати часовъ отчаяннаго боя русскіе были выбиты со своей старательно укрѣпленной позиціи, еще болѣе старательно подготавливавшейся, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, атакой. Укрѣпленія на всѣхъ высотахъ были временнаго типа, но, кажется, русскіе считали возможнымъ удерживать позицію, каковы бы ни были силы атакующаго противника. Это видно изъ того, что лишь въ 8 часовъ вечера, въ ночь боя, градоначальникъ г. Дальняго получилъ приказаніе очистить городъ.

Было условлено, что три японскихъ миноносца, которые должны были поддержать атаку сухопутной арміи, будутъ находиться въ Цзиньчжоуской бухтѣ къ 4 часамъ утра 13 (26) мая, но по нѣкоторымъ причинамъ они не показывались до 9 часовъ утра. Это опозданіе миноносцевъ, а также выдвинутыя впередъ русскія траншеи, отсрочили японскую атаку на главную позицію до начала 11-го часа утра. Подъ прикрытіемъ страшнаго артиллерійскаго огня японскихъ орудій, расположенныхъ за закрытіями по линіи, идущей сѣвернѣе бухты Хунуэза (Hand) къ г. Цзиньчжоу въ разстояніи 4000—7000 ярдъ ($3\frac{1}{2}$ —6 вер.) отъ русской позиціи, 1-я дивизія повела фронтальную атаку на восточный

участокъ позиціи. Атака эта, встрѣченная сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ защитниковъ, совершенно не удалась и дивизія отошла на нѣкоторое разстояніе назадъ. Двѣ роты, бросившіяся на траншею, были совершенно сметены, ни одинъ человѣкъ не уцѣлѣлъ. Послѣ этого, 1-я дивизія оставалась всю остальную часть дня на той же позиціи, у подножія высотъ, къ востоку отъ русскихъ позицій. Невозможно было продвинуться впередъ, ввиду ужасающаго артиллерійскаго и ружейнаго огня. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ продвинуться впередъ небольшими кучками отчаянныхъ смѣльчаковъ, но всѣ эти попытки были обречены на неудачу и лишь служили доказательствомъ почти фанатической храбрости японцевъ.

Точная стрѣльба японской артиллеріи заставила замолчать русскую артиллерию, расположенную на высотахъ противъ бухты Хунуэза (Hand) и противъ 1-й японской дивизіи. Теперь наступила очередь второй японской дивизіи, которая должна была попытаться продвинуться къ югу, въ обходъ русской позиціи. Еслибъ только этой дивизіи удалось пересѣчь перешеекъ полуострова Ляодуна и повернуть затѣмъ направо, вдоль линіи желѣзной дороги, она оказалась бы въ тылу расположенія русскихъ и судьба боя была бы рѣшена.

2-я дивизія, хорошо руководимая, удачно наступала сѣвернѣе бухты Хунуэза, но затѣмъ она была остановлена ужаснымъ огнемъ русскаго миноносца (канонерской лодки „Бобръ“), стоявшаго въ бухтѣ. Это судно давало залпъ за залпомъ изъ своихъ многочисленныхъ скорострѣльныхъ орудій, число которыхъ для этого случая было значительно увеличено, по головнымъ частямъ наступавшей японской линіи, нарушая ее построеніе и сдерживая ее дальнѣйшее движеніе. Часть 2-й дивизіи, отдѣлившись отъ остальныхъ, нашла укрытіе отъ огня подъ склонами высотъ, гдѣ и задержалась. Въ это время въ бухтѣ Хунуэза (Hand) находились 3 русскихъ транспорта, съ войсками, готовыми въ каждый данный моментъ высадиться, если подвернется под-

ходящий случай ¹⁾). Начальник десанта, замѣтивъ, что 2-я дивизія отдѣлилась, началъ высаживать своихъ людей въ тылъ японцевъ, что должно было поставить ихъ между двухъ огней. Положеніе было критическое; еслибъ этотъ маневръ удался, японцы, отдѣлившись отъ своихъ, задержанныхъ при движеніи впередъ огнемъ русскаго миноносца, неизбѣжно были бы уничтожены.

Все дѣло спасла храбрость и находчивость начальника 1-й дивизіи, принца Фушими, люди котораго, послѣ неудачи ихъ первой фронтальной атаки, лежали теперь за первыми попавшимися закрытіями. Замѣтивъ крайнюю необходимость остановить высадку русскихъ ранѣе, чѣмъ они успѣютъ твердо стать на берегу, принцъ направилъ противъ нихъ часть своей дивизіи. Люди 1-й дивизіи двинулись впередъ и скоро отбросили русскихъ обратно на ихъ суда, устранивъ такимъ образомъ опасность. Вскорѣ послѣ этого японскія орудія, заставивъ замолчать русскую артиллерию, были передвинуты дальше на югъ и открыли огонь по миноносцу, который принужденъ былъ перемѣнить мѣсто стоянки и перейти на другую сторону бухты, откуда огонь его сталъ менѣе дѣйствителенъ.

Тѣмъ не менѣе на этомъ участкѣ поля сраженія ни одна изъ сторонъ не могла добиться дальнѣйшаго успѣха и занятое противниками положеніе осталось безъ измѣненія, въ теченіе всего остального дня.

Атака 1-й дивизіи на центръ потерпѣла полную неудачу; обходное движеніе 2-й дивизіи къ югу чуть не окончилось пораженьемъ, и всѣ надежды японскаго командующаго арміей, сосредоточились на обходномъ движеніи, съ сѣвера, 4-й дивизіи, еще рано утромъ направленной для этой цѣли. Почва здѣсь была болѣе благоприятна, чѣмъ тамъ, гдѣ наступала 2-я дивизія, и тутъ огонь своихъ миноносцевъ поддерживалъ

¹⁾ Ничего подобнаго не было. Все, что касается десанта, вѣроятно почерпнуто авторомъ изъ мало освѣдомленнаго источника.

японцевъ, тогда какъ на лѣвомъ флангѣ непріятельскій миноносецъ препятствовалъ движенію 2-й дивизіи.

На лѣвомъ флангѣ русской позиціи находилась крутая возвышенность на которой было установлено нѣсколько орудій крупнаго калибра, нѣкоторое время препятствовавшихъ наступленію 4-й дивизіи, но ихъ быстро заставили замолчать комбинированнымъ огнемъ японскихъ миноносцевъ и полевой артиллеріи. Разстояніе между высотой и моремъ здѣсь было шире, чѣмъ на югѣ, и 4-я дивизія, пройдя по этой полосѣ въ бродъ, во время отлива, стала на флангѣ и почти въ тылу русской позиціи, занявъ при этомъ нѣкоторые изъ нижнихъ окоповъ на самой высотѣ. Попавъ подъ выступъ высоты японцы были въ безопасности отъ артиллерійскаго огня съ позиціи, но не могли двинуться далѣе къ юго-западу, такъ какъ батарея русскихъ полевыхъ скорострѣльныхъ пушекъ, со стороны Наньгуанлина, сдерживала всякое дальнѣйшее движеніе впередъ.

Въ это время два японскихъ миноносца, вслѣдствіе отлива, принуждены были отойти отъ берега и русская артиллерія снова открыла огонь съ высоты, подъ которой укрылась 4-я дивизія. Не имѣя возможности наклонить дула орудій такъ, чтобы нанести вредъ японскимъ войскамъ, укрывшимся внизу, въ мертвомъ пространствѣ, русскія орудія обратили вниманіе на одиноко стоявшій миноносецъ, не успѣвшій уйти, и старались причинить ему какой-нибудь вредъ; на миноносцѣ былъ убитъ одинъ офицеръ. Японцы сосредоточили огонь всѣхъ орудій, которыя только могли быть направлены на высоту, и снова заставили замолкнуть упорныхъ русскихъ артиллеристовъ. 4-я дивизія еще разъ быстро ринулась на высоту и окончательно овладѣла ею: это произошло около 7 часовъ вечера. Затѣмъ артиллерія въ теченіе полчаса выпустила градъ снарядовъ по частямъ позиціи, еще занятымъ обороняющимися, и въ 7^{1/2} часовъ былъ отданъ приказъ—начать общую атаку со всѣхъ сторонъ.

Ко времени этой послѣдней атаки, половина позиціи русскихъ, именно сѣверная часть ея, почти была уже въ

рукахъ японцевъ; 4-я дивизія въ это время надвигалась къ югу, чтобы преградить отступление русскихъ къ Наньгуанлину. Храбрымъ защитникамъ не оставалось другого выбора, какъ отступать. Въ 7^{1/2} часовъ японцы повели общую атаку со всѣхъ сторонъ; 1-я дивизія покинула закрытія и бросилась впередъ; то же сдѣлала и 2-я дивизія; русскіе не стали ожидать этой атаки и отступили къ югу, вдоль желѣзной дороги, на Наньгуанлинъ, оставивъ всѣ свои орудія и много плѣнныхъ въ рукахъ японцевъ. Русскіе остановились нѣсколько южнѣе Наньгуанлина и сдѣлали видъ, что хотятъ оказать новое сопротивленіе. 1-я дивизія прошла черезъ поле сраженія и преслѣдовала непріятеля; произошла незначительная перестрѣлка между передовыми постами.

Впослѣдствіи при посѣщеніи поля сраженія можно было видѣть явные доказательства страшнаго дѣйствія японскаго артиллерійскаго огня. Высоты представляли изъ себя видъ кроличьяго загона: едва ли былъ квадратный ярдъ, на которомъ не виднѣлось бы ямы отъ разорвавшагося снаряда. Мѣстами траншеи были совершенно разрушены и мѣста орудійныхъ установокъ разворочены.

Этотъ однодневный бой стоилъ японцамъ болѣе 5000 человекъ. Попавшій въ плѣнъ унтеръ-офицеръ показалъ, что его рота—8-я рота 5-го Восточно Сибирскаго полка—была расположена въ наиболѣе выдвинутомъ впередъ окопѣ, на восточной сторонѣ, противъ 1-й дивизіи; къ началу дѣла въ ротѣ было 250 человекъ, а вечеромъ на перекличкѣ оказалось только 26 человекъ. Онъ же сказалъ, что 5-й полкъ потерялъ 700 человекъ убитыми и 300 человекъ ранеными ¹⁾. Эту обратную, противъ обыкновеннаго, пропорцію убитыхъ и раненыхъ можно объяснить тѣмъ, что раненые не могли своевременно быть отправляемы въ тылъ и добивались новыми попаданіями.

¹⁾ Это совершенно неправильно.

Прим. перевод.

Вѣроятно, общая потеря русскихъ значительно болѣе 3000 человекъ ¹⁾.

Такъ разыгрался бой при Цзинчжоу (Наньшань), безъ сомнѣнія, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ боевъ, выигранныхъ при новыхъ условіяхъ веденія войны; бой этотъ представляетъ особый интересъ, какъ подтвержденіе того, что уже утверждали многіе, а именно—что современное дальнобойное оружіе даетъ атакующему перевѣсъ надъ обороняющимся, при правильно веденной атакѣ, даже на удачно избранную позицію. Принимая во вниманіе, что русская позиція сама по себѣ была почти крѣпостью, трудно подыскать объясненіе неудачѣ русскихъ. Они имѣли мѣсяцы, въ теченіе которыхъ могли готовить позицію, и они закончились до самой шеи, но они прогляѣли одинъ существенный фактъ.

Японскіе солдаты, обученные пользоваться своими винтовками даже въ глубокой водѣ, не колебались окунуться въ море и, кто вплавь, кто въ бродъ, достигли тыла непріятельской позиціи.

¹⁾ Потери русскихъ въ этомъ бою не превышали 1200 чел., изъ коихъ 400 убиты и 800 ранены, что составляетъ около 40% наличнаго состава защитниковъ позиціи.

Прим. перевод.

ГЛАВА IV.

Наступленіе японцевъ.

Дальній былъ занятъ 1-ой дивизіей японской арміи 19 мая (1 іюня). Въ городѣ сейчасъ-же было введено военное управленіе, грабители были изгнаны или разстрѣляны, и съ этого дня Дальній сталъ базой 3-ей арміи, во время операцій ея противъ Портъ-Артура. Въ это же время прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій генераль Ноги, а одновременно прибыла и 11-ая дивизія, подъ начальствомъ генерала Тсучійя; такимъ образомъ, въ началѣ іюня силы 3-ей арміи состояли изъ двухъ дивизій.

1-я дивизія—принца Фушими; въ послѣдствіи ею командовалъ генераль-лейтенантъ Матсумура, когда принцъ былъ отозванъ, для отправленія съ посольствомъ въ Соединенные Штаты. Дивизія эта состояла изъ двухъ бригадъ: 1-ой, въ составѣ 1-го и 15-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Ямамото, и 2-ой, въ составѣ 2-го и 3-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Накамура.

11-ая дивизія, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Тсучійя, состояла тоже изъ двухъ бригадъ: 10-ой, въ составѣ 12-го и 43-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Камиво, и 22-ой, въ составѣ 22-го и 44-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Яманака.

Вмѣстѣ съ артиллеріей, полевыми гаубицами и транспор-

тами, численность арміи генерала Ноги достигала 30.000 человекъ.

Съ этими силами генераль Ноги долженъ былъ удерживать линію, протяженіемъ въ 20 километровъ (около 19 верстъ), пересекающую Ляодунскій полуостровъ отъ моря до моря; линія эта шла отъ горы Анзышань (Аншушань), на сѣверѣ, черезъ Мотошеги до горы Тайцзушань, на югѣ. Главная квартира генерала Ноги помѣщалась въ деревнѣ Питзево, близъ озера того же имени. Вся линія, занятая японцами, была усилена окопами и шла параллельно линіи русскихъ позицій, въ разстояніи отъ нихъ 3—5 километровъ. Не легко установить точное число русскихъ войскъ, бывшихъ подъ командой генерала Стесселя, въ началѣ кампаніи; ихъ силы состояли изъ 4-ой и 7-ой В. С. стрѣлковыхъ дивизій, что съ артиллеріей, транспортами и разными другими войсками могло дать около 40.000 человекъ. Точно можно установить, что общее число населенія Портъ-Артура, къ началу осады, достигало 55.000 человекъ; расчетъ этотъ основанъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: сдѣлалось 24.000 солдатъ и матросовъ и 1300 офицеровъ; около 10.000 человекъ были убиты въ дѣлахъ или умерли отъ ранъ и болѣзней; японцы приняли 14.000 больныхъ и раненыхъ; кромѣ того, въ городѣ находились гражданскія лица и 3000—4000 русскихъ рабочихъ, отправленныхъ въ послѣдствіи обратно въ Россію. Вычитая изъ общаго числа войскъ около 10.000 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ къ составу флота, расчетъ этотъ даетъ для Стесселя, въ началѣ кампаніи, около 40.000 человекъ способныхъ къ бою ¹⁾, изъ которыхъ можетъ быть надо вычесть еще около 3000 человекъ—потерь въ бою на Цзинчжоуской позиціи (Наньшань). Отсюда видно, что въ началѣ іюня русскія силы, дѣйствительно, численно превосходили силы, бывшія подъ начальствомъ генерала Ноги, а такъ какъ съ той и другой стороны можно было

¹⁾ Всѣ эти расчеты автора—очень близки къ дѣйствительности, за исключеніемъ потерь на Цзинчжоуской позиціи, о чемъ уже было сказано выше.

ждать наступательныхъ дѣйствій, то русскіе и японцы старательно окапывались на своихъ позиціяхъ.

Ляодунскій полуостровъ, какъ уже было сказано, весь усянъ горами и высотами, не имѣющими правильной формы; всѣ онѣ, при помощи инженерныхъ работъ, могли быть обращены въ неприступно-сильныя оборонительныя позиціи. Русская армія заняла рядъ такихъ высотъ, направляющихся отъ деревни Суанцайгоу (Шандтайко), на сѣверѣ, на перевалѣ Шининцзы (Антцулинъ), черезъ который проходитъ главная дорога изъ Дальняго въ Портъ-Артуръ, до дер. Лунвантанъ (Лаотсушанъ), на югѣ. Вдоль этой линіи высоты расположены значительно правильнѣе, чѣмъ въ остальной части полуострова, представляя почти непрерывную цѣпь, идущую съ сѣвера на югъ, какъ будто природа нарочно расположила ихъ такимъ образомъ, для обороны полуострова. На сѣверѣ, эти высоты не доходятъ вплотную до моря; здѣсь остается полоса, около полумили шириной, сравнительно ровной мѣстности; на этомъ участкѣ русской позиціи были вырыты глубокіе окопы, а впереди нихъ устроены были проволочныя загражденія, которыя тянулись на нѣкоторое разстояніе въ море, чтобы воспрепятствовать японцамъ обойти позицію, какъ они сдѣлали это въ бою при Цзинь-чжоу (Наньшанъ).

Такова была главная оборонительная линія русскихъ; передъ фронтомъ этой линіи они занимали еще двѣ сильныхъ и важныхъ позиціи: горы—Хуинсанъ (Кеншанъ), высотой 368 метровъ, и Уайцелазу (Витосанъ), высотой 372 метра. Стратегическое значеніе этихъ высотъ было не особенно велико; онѣ не входили въ составъ главной линіи обороны русскихъ, а стояли отдѣльно, на нѣкоторомъ разстояніи впереди ея фронта; тѣмъ не менѣе, высоты эти имѣли нѣкоторое значеніе сами по себѣ, въ виду того, что съ вершины Хуинсана (Кеншанъ) русскіе могли наблюдать за всѣмъ—происходящимъ въ Дальнемъ и за передвиженіями войскъ въ окрестностяхъ города, а при занятіи Хуинсана (Кеншанъ) японцами, послѣдніе имѣли бы возможность на-

блюдать за всѣмъ—происходящимъ въ окрестностяхъ Портъ-Артура.

Около двухъ мѣсяцевъ обѣ арміи стояли другъ противъ друга, не производя никакихъ значительныхъ передвиженій; почти каждый день происходили стычки между передовыми постами, расположенными среди высотъ и долинъ, на всемъ 20-километровомъ протяженіи фронта. Въ послѣднихъ числахъ іюня японцы начали очищать Талиенванскую бухту отъ минъ, поставленныхъ русскими. Для японцевъ становилось необходимымъ занять Хуинсанъ (Кеншанъ) и Уайцелазу (Витосанъ)—эти наблюдательные пункты, ибо, тотчасъ по достаточномъ очищеніи бухты отъ препятствій, нужно было подвозить свѣжіе войска и припасы изъ Японіи. Пока русскіе удерживали эти двѣ высоты, они узнавали бы своевременно о прибытіи подкрѣплений и о какой либо неожиданности для нихъ не могло быть рѣчи.

Съ двумя только дивизіями, генераль Ноги не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы попытаться выбить русскихъ изъ ихъ главной оборонительной линіи, но онъ рѣшилъ, если окажется возможнымъ, взять эти два впереди лежащихъ буфера. 13 (26) іюня онъ отдалъ приказъ атаковать Хуинсанъ (Кеншанъ) и Уайцелазу (Витосанъ).

11-ая дивизія, подъ начальствомъ генерала Тсучійя, выступивъ передъ разсвѣтомъ, опрокинула русскіе передовые посты и въ 9 час. утра заняла Уайцелазу (Витосанъ), но Хуинсанъ (Кеншанъ), съ очень крутыми скатами, не имѣющими тропинокъ, еще оставался въ рукахъ русскихъ. Около полудня генераль Тсучійя приказалъ баталіону 43-го полка, поддержанному горной баттареей, взять высоту штурмомъ. Какъ разъ передъ началомъ этой атаки русскіе миноносцы вышли изъ гавани Портъ-Артура ¹⁾ и обстрѣляли лѣвый флангъ 11-ой дивизіи, но при появленіи противъ нихъ нѣ-

¹⁾ Для обстрѣливанія лѣваго фланга неприятельскихъ позицій выходили: Канонерскія лодки—«Отважный» и «Гремящій», крейсеръ «Новикъ» и 11 миноносцевъ.

сколькихъ японскихъ военныхъ судовъ, должны были отойти. 43-й полкъ, которому была поручена трудная задача—взять Хуинсанъ (Кеншань), выполнилъ ее съ величайшей храбростью. Мѣстность, по которой наступалъ полкъ, очень обрывиста и трудно доступна, но это обстоятельство служило спасеніемъ для атакующаго, ибо мертвое пространство скрывало его приближеніе, почти вплоть до самой вершины горы. Штабъ, наблюдавшій съ только что взятой горы Уай-целазы (Витосанъ) за атакой, восторгался дѣйствіями пѣхоты, особенно когда двѣ мины, взорвавшіяся среди атакующихъ, ни на минуту не задержали ихъ наступленія. Въ 3 часа дня русскіе ввели въ дѣло 4 полевыхъ орудія, которыя должны были замолчать послѣ 4-хъ очередей японской шрапнели. Вершина горы, очень незначительная по размѣрамъ, оборонялась двумя баталіонами пѣхоты, но въ 5 час. дня развѣвующіеся значки и громкіе крики „банзай“ извѣстили, что высота взята. Потери, понесенныя 43-мъ полкомъ при атакѣ этой позиціи—150 раненыхъ и убитыхъ—не высокая цѣна для столь крупнаго результата. Потери русскихъ неизвѣстны.

Результатомъ взятія Хуинсана (Кеншань)—было движеніе впередъ лѣваго фланга японцевъ, такъ что, когда правый флангъ ихъ оставался еще на старой позиціи у Анзышаня (Аншушань), центръ занялъ Хуинсанъ (Кеншань), а крайній лѣвый флангъ выдвинулся впередъ, на высоту Сешошань. Такимъ образомъ, произошло весьма значительное передвиженіе японцевъ впередъ, въ направленіи къ Портъ-Артуру; теперь, если-бъ правый флангъ противника былъ сбить лѣвымъ флангомъ японцевъ, силы русскихъ, составлявшія ихъ лѣвый флангъ, подвергались бы серьезному риску—быть отрѣзанными. Русскіе миноносцы обыкновенно стояли на якорѣ въ небольшой бухтѣ Сяобиндао (Шаопинтао), но удерживать ее дольше не было возможности, и она была занята японцами.

Русскіе, видимо, придавали огромное значеніе Хуинсану (Кеншань), почему послѣ его потери, Стессель рѣшилъ взять его обратно, во что бы то ни стало. Недѣлю спустя, 20 іюня

(3 іюля) цѣлая дивизія ¹⁾ русской арміи атаковала лѣвый флангъ японцевъ. Все было сдѣлано, чтобы подбодрить людей: на линіи фронта были установлены пулеметы и русская пѣхота двинулась впередъ подъ возбуждающіе звуки нѣсколькихъ полковыхъ оркестровъ; эта атака была отбита послѣ сближенія обѣихъ линій приблизительно на разстояніе 800 метровъ (1125 шаг.). Въ ту же ночь русскіе опять повели атаку; они выполнили при этомъ почти невѣроятную задачу, за что получили отъ своихъ противниковъ похвалу, они взобрались по крутымъ склонамъ Хуинсана (Кеншань), никѣмъ не наблюдаемымъ, и достигли траншей, ранѣе чѣмъ ихъ замѣтили. Произошла отчаянная рукопашная схватка въ траншеяхъ; съ обѣихъ сторонъ были пущены въ дѣло холодное оружіе, штыки, приклады и даже камни. Нѣкоторое время исходъ этого кроваваго столкновенія оставался неопредѣленнымъ, но у японцевъ было преимущество—они сражались за хорошими окопами, почему они въ концѣ концовъ стремительно погнали противника съ высоты. 21 іюня (4 іюля) атака русскихъ была возобновлена, но и на этотъ разъ была отбита. Тогда генералъ Стессель, видя, что всякая дальнѣйшая попытка овладѣть Хуинсаномъ (Кеншань) была безцѣльна, отодвинулъ свои войска назадъ, на высоты, на которыхъ русскіе инженеры цѣлые мѣсяцы занимались возведеніемъ очень сильныхъ укрѣпленій. Потери русскихъ въ этомъ рядѣ боевъ опредѣляются приблизительно въ 500 человекъ; японцы же за первое время своего оборонительнаго положенія, потеряли лишь 300 человекъ.

Позиція, занятая теперь русскими, тянулась по цѣпи высотъ, которыя, какъ уже было сказано, пересѣкали поперекъ полуостровъ, казалось со специальной цѣлью—защиты Портъ-Артура. Горы возвышаются мѣстами до 1300 ф., растянувшись отъ д. Суанцайгоу (Шандтайко), на сѣверѣ, черезъ переваль Шининцзы (Анцулинъ), по которому извивается

¹⁾ Въ этой контръ-атакѣ участвовало не болѣе двухъ баталіоновъ.

Прим. перевод.

дорога на Портъ-Артуръ, до дер. Лунвантанъ (Лаотсушань), на югѣ. Съ 22 іюня (5 іюля) по 13 (26) іюля русскіе оставались на этой позиціи, никѣмъ не обезпеченные; происходили постоянно лишь небольшія стычки между передовыми постами противниковъ; все это время было предоставлено въ полное распоряженіе русскихъ, чтобы закончить ихъ фортификаціонныя сооруженія и такимъ образомъ создать изъ окружающихъ высотъ настоящую крѣпость.

Генераль Ноги не располагалъ достаточными силами, чтобы попытаться атаковать главную русскую позицію, до подхода подкрѣпленій изъ Японіи; поэтому генераль Ноги ограничился тѣмъ, что производилъ постоянныя наблюденія съ вершинъ Хуинсана (Кеншань) и Уайцелазы (Витосань), а войска его, въ то же время утомляли противника постоянными стычками съ его передовыми постами. Война въ этотъ періодъ почти имѣла видъ борьбы гверилльясовъ, если принять во вниманіе небольшое количество войскъ и громадное протяженіе обороняемаго пространства.

Работа по очисткѣ Талиенванской бухты отъ многочисленныхъ минъ, разставленныхъ здѣсь русскими, двигалась впередъ нѣсколько медленно и не безъ потерь у японцевъ. Но въ серединѣ іюля былъ открытъ достаточно широкій проходъ, позволявшій судамъ подходить къ Дальнему. Это сильно упростило для генерала Ноги вопросъ о снабженіяхъ арміи, такъ какъ онъ могъ теперь пользоваться Дальнимъ, какъ своей базой; здѣсь были сосредоточены большія количества припасовъ и въ половинѣ іюля начали прибывать сюда сильныя подкрѣпленія изъ Японіи. Подкрѣпленія эти состояли изъ 9-ой дивизіи, и двухъ отдѣльныхъ резервныхъ пѣхотныхъ бригадъ изъ г. Кобэ. 9-ая дивизія, которой командовалъ генераль-лейтенантъ баронъ Ошима, состояла изъ двухъ бригадъ: 6-ой, въ составѣ 7-го и 35-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Ичинохэ, и 18-ой, въ составѣ 19-го и 36-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Хираса. 1-ая бригада Кобэ (резервы—Токио), состояла изъ 1-го, 15-го и 16-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Та-

кинучи; 4-ая бригада Кобэ (резервы—Осака)—изъ 8-го, 9-го и 38-го полковъ, подъ командой генераль-маіора Томогасу. Такимъ образомъ, въ теченіе 3-ей недѣли іюля мѣсяца, силы арміи генерала Ноги были доведены до 4^{1/2} дивизій, что составляло около 60.000 человекъ; теперь онъ опять могъ перейти къ наступательному образу дѣйствій.

Позиція, которую войска Микадо атаковали 13 (26) іюля, была, вѣроятно, одна изъ наиболѣе сильныхъ, когда-либо штурмовавшихся пѣхотой. Взять такую позицію послѣ двухъ-дневнаго боя—во всякомъ случаѣ нужно считать прекраснымъ результатомъ; однако, при всемъ уваженіи къ отважной пѣхотѣ, отдавая должное ея храбрости, нельзя не признать, что этотъ бой былъ выигранъ—огнемъ артиллеріи. Безъ мощной поддержки артиллеріи русскіе никогда не были бы выбиты изъ своихъ горныхъ позицій, даже еслибъ низнія траншеи, на нѣкоторыхъ изъ высотъ, были захвачены Японской пѣхотой. Японская пѣхота наступала по всей линіи своего растянутого фронта: на правомъ флангѣ 1-ая дивизія, въ центрѣ—9-ая дивизія, лѣвый флангъ составляла 11-ая дивизія, остававшаяся на южномъ побережьѣ полуострова. Первая атака 13 (26) іюля была совершенно безуспѣшна; былъ сильный туманъ, когда японцы начали свое наступленіе, и, временами, дождь заставлялъ прекращать стрѣльбу. Между 9 и 10 час. утра артиллерія обѣихъ армій вступила въ бой. Въ теченіе дня японская пѣхота упорно, хотя и нѣсколько медленно, продвигалась впередъ, а къ вечеру подошла вплотную къ подножію высотъ, на которыхъ окопались русскіе. Въ эту же ночь японцы по всей линіи повели атаку, которая повсюду была отбита; ни одной пяди земли они больше не выиграли.

Утро 14 (27) іюля было хорошее, ясное. Артиллерія обѣихъ сторонъ, пользуясь хорошей погодой, начала сильную перестрѣлку. Японцы сосредоточили свой огонь на горѣ Юпилазѣ (Оджикишань), которая поднимается на высоту болѣе 1300 ф., сѣвернѣе перевала Шининцзы (Антулинь). Едва ли когда-нибудь, на какой либо вершинѣ, былъ сосре-

доточень болѣе сильный артиллерійскій огонь. Легко понять, какъ жестоко должна была страдать отъ этого огня русская пѣхота, несмотря на самыя усовершенствованныя земляныя закрытія. На вершинахъ холмовъ, по обѣ стороны перевала, шрапнельныя пули лежали такъ густо, какъ горохъ; на каждый квадратный футъ ихъ приходилось нѣсколько дюжинъ, а на пространствѣ, шириной и длинной не болѣе вытянутой руки, можно было наполнить пулями пустой снарядъ. При взглядѣ внизъ, на склоны возвышенностей, можно было замѣтить послѣдовательный рядъ воронокъ отъ снарядовъ, который указывалъ, какъ японскіе артиллеристы постепенно поднимали траекторію, пока не стали осыпать снарядами самую верхнюю линію окоповъ, разбивая ихъ и поражая укрывшихся за ними русскихъ стрѣлковъ.

Въ теченіе дня, японцы начали взбираться по нижнимъ склонамъ горы Юпилазы (Оджикишанъ), очень крутымъ и совершенно открытымъ. Русскіе не рѣшались выставять головы изъ за бруствера, ибо градъ шрапнелей ни на одну минуту не прекращался. По достиженіи японцами первыхъ окоповъ, произошла отчаянная рукопашная схватка за обладаніе ими. Русская пѣхота, несмотря на героическія старанія своихъ офицеровъ, была сбита вверхъ по высотѣ въ траншею, расположенную на вершинѣ, изъ которыхъ ихъ не могъ выбить даже сосредоточенный огонь всѣхъ орудій. Въ 3 часа утра, встающее солнце осыпало своими лучами первую линію окоповъ, на нижнихъ склонахъ Юпилазы (Оджикишанъ). Одно время солдаты обѣихъ сторонъ такъ перемѣшались, что невозможно было стрѣлять; тогда они должны были прибѣгнуть къ штыкамъ и прикладамъ; японскій лейтенантъ, вскочившій въ траншею наполненную русскими, былъ сильно раненъ камнемъ, брошеннымъ въ него однимъ изъ враговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скаты горы были совершенно отвѣсны; здѣсь японцы находили закрытіе, становились спиной къ скалѣ, и стрѣляли вверхъ черезъ голову; русскіе, замѣтивъ, что не могутъ достать врага, укрывающагося такимъ образомъ, начали спускать веревки и стара-

лись захватить петлей японскихъ солдатъ, чтобы расправиться съ ними, вытащивъ ихъ изъ-за закрытія. По всей линіи примѣнялась эта новая форма боя. Тысячи мелкихъ фактовъ частной инициативы и храбрости, которые никому, кромѣ участниковъ, извѣстны не будутъ, дѣлають этотъ день—однимъ изъ наиболѣе своеобразныхъ и замѣчательныхъ въ современной военной исторіи. Послѣ взятія нижнихъ склоновъ Юпилазы (Оджикишанъ), японцы не могли продвинуться дальше; стрѣльба продолжалась до наступленія ночи, но относительное положеніе обѣихъ сторонъ осталось безъ перемѣнъ.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ 11-ой дивизіи, наступавшей на лѣвомъ флангѣ, чтобы прослѣдить за ея судьбой въ этотъ, богатый происшествіями, день. Дивизія эта произвела двѣ отдѣльных атаки—одну послѣ полудня, другую передъ самымъ наступленіемъ ночи. Первая атака была неуспѣшна; хотя и заняли небольшой участокъ, но реальныхъ выгодъ не достигли. Не была удачна также вечерняя атака, но при этомъ войска удержали свои позиціи на нижнихъ выступахъ высотъ, какъ и товарищи ихъ на правомъ флангѣ. Ночью, одинъ изъ баталіонныхъ командировъ, взявъ двѣ роты, попытался прорвать линію русскихъ и захватить одинъ участокъ ихъ позиціи. Результатомъ этого явилась полная побѣда; хотя ночью японцы и не продвинулись далеко впередъ, но въ 9 час. утра 15 (28) іюля русскіе, увидѣвъ, что правый флангъ ихъ прорванъ и боясь, что лѣвый флангъ, при дальнѣйшемъ наступленіи японцевъ вдоль побережья, можетъ быть отрѣзанъ,—рѣшили бросить всю линію и отступить, пока это было еще возможно.

Очень медленно и угрюмо отступала упорная русская пѣхота, подбирая своихъ убитыхъ и раненыхъ; безъ малѣйшаго признака безпорядка или дезорганизациі она оставила траншеи на Юпилазѣ (Оджикишанъ) и перевалѣ Шининцзы (Антулинь) и отошла назадъ къ Портъ-Артуру, занявъ болѣе близкую къ нему позицію; правый флангъ остановился у Дагушаня, центръ—на Волчьихъ горахъ (Хошанъ) и лѣ-

вый флангъ—на предгорьяхъ Угловой горы (Нитонсу). Эта новая линия была расположена подъ прямымъ угломъ къ только что очищенной линіи и тянулась съ востока на западъ, тогда какъ прежнія позиціи русскихъ тянулись съ сѣвера на югъ. Отступление русскихъ съ позицій была задача трудная, и еслибъ не было произведено съ большимъ умѣніемъ, оно могло бы окончиться неудачей, ибо легко замѣтить, что лѣвому флангу и центру русской арміи приходилось пройти больше, нежели правому флангу, остававшемуся у моря; правый флангъ долженъ былъ непремѣнно удерживать свою позицію, пока лѣвый флангъ и центръ отходили назадъ, на новую позицію; слѣдовательно, правый флангъ, оставаясь у Лунвантана (Лаотсушань), долженъ былъ служить осью для захожденія всей линіи. Къ несчастью, именно правый флангъ расположенія русскихъ былъ прорванъ ночью 14 (27) іюля, почему ему очень трудно было удерживать за собой позицію; съ другой стороны, если бъ онъ этого выполнить не могъ—отступление всей линіи подвергалось бы опасности. Командовавшій русскими войсками, вышедъ изъ этого невыгоднаго положенія съ большимъ умѣніемъ. За высотами Лунвантана (Лаотсушань) есть узкая долина, по которой протекаетъ небольшой ручей, именуемый Тай; за нимъ подъ угломъ къ долинѣ снова возвышается гряда небольшихъ высотъ, носящихъ названіе высотъ Тай-хо. Командовавшій русскими войсками отвелъ свой правый флангъ черезъ долину и занялъ новую позицію на высотахъ Тай-хо. Здѣсь, ранѣе чѣмъ отойти къ Дагушаню, онъ приготовился отстаивать свою позицію, давая возможность лѣвому флангу и центру отходить назадъ и служа осью захожденія всей линіи.

Къ вечеру 15 (28) іюля главные силы русскихъ благополучно отошли на свою новую позицію. Однако, по причинамъ, которыя мнѣ не удалось узнать, отрядъ, занимавшій высоты Тай-хо, не отступилъ, послѣ того какъ ему уже можно было перейти на Дагушань, а съ упорствомъ удерживалъ свою позицію. Либо произошло это вслѣдствіе

ошибки, либо же исходило изъ намѣченнаго напередъ плана: дать остальнымъ войскамъ побольше времени на отступление и не подвергаться риску, при преждевременномъ отходѣ праваго фланга. Русский отрядъ у Тай-хо оказался такимъ образомъ изолированнымъ и начальникъ 11-ой дивизіи, замѣтивъ это двинулъ свои войска въ атаку, выдѣливъ одновременно отрядъ, чтобы отрѣзать русскимъ путь отступления. Но хитрый русскій начальникъ не хотѣлъ дать поймать себя въ эту ловушку; отрѣзали ему путь отступления на сушѣ, но оставалось еще открытымъ—море, по его требованію прислали изъ Портъ-Артура джонки и весь отрядъ отступилъ моремъ, а одураченные японцы могли лишь глазѣть съ высоты на ускользнувшую добычу ¹⁾.

Въ этомъ рядѣ боевъ, происходившихъ непрерывно въ теченіе трехъ дней, съ 13 (26) по 15 (28) іюля, японцы потеряли болѣе 6000 убитыхъ и раненыхъ. Потери русскихъ неизвѣстны, такъ какъ они увезли всѣхъ своихъ раненыхъ и большинство убитыхъ. Принимая во вниманіе силу русскихъ позицій и то, что они держались оборонительнаго образа дѣйствія, вполне возможно предположить, что потери ихъ достигали лишь одной четверти японскихъ.

¹⁾ Подобнаго факта не было. На джонки никто не садился, да едва ли и возможно было сдѣлать это; всѣ войска праваго фланга отступили сухимъ путемъ.

ГЛАВА V.

Описание оборонительныхъ сооружений.

1. Восточный фронтъ.

Мы подошли теперь къ тому моменту, когда русскіе должны были отойти на линію своихъ долговременныхъ укрѣпленій. Желательно поэтому бросить общій взглядъ на районъ военныхъ дѣйствій, гдѣ обѣ арміи сражались въ теченіе пяти мѣсяцевъ и разсмотрѣть болѣе детально оборонительныя сооруженія русскихъ.

Крѣпостныя оборонительныя сооруженія Портъ-Артура расположены по полукругу въ направленіи съ востока на западъ, на протяженіи около двадцати миль. Они естественнымъ путемъ раздѣляются на два фронта: восточный и западный. Долина р. Лунхэ, около мили шириной, по которой проходитъ желѣзная дорога и шоссе, отдѣляетъ восточный фронтъ отъ западнаго. Наиболѣе продолжительные и ожесточенные бои во время осады происходили на восточномъ фронтѣ крѣпости. Главные форты на западномъ фронтѣ, атакѣ не подвергались; они были хорошо прикрыты отъ японцевъ передовыми укрѣпленіями и остались нетронутыми.

Цѣпь высотъ, на которыхъ были возведены укрѣпленія русскихъ, достигаетъ мѣстами до 600 футъ. Впереди лежащій рядъ небольшихъ холмовъ образуетъ почти сплошную

вторую цѣпь, причемъ обѣ цѣпи холмовъ и главнаго гребня были сильно укрѣплены.

Детальное описаніе укрѣпленій я буду дѣлать по порядку, въ направленіи съ востока на западъ. Укрѣпленія, не подвергавшіяся непосредственной атакѣ, можно описать вкратцѣ, такъ какъ о нихъ упоминается только между прочимъ, а все излишнее въ описаніи, кромѣ безусловно не-обходимаго, лишь затемняетъ смыслъ.

Необходимо имѣть въ виду, что укрѣпленія русскихъ раздѣлялись на четыре категоріи: 1) долговременныя укрѣпленія, 2) временныя укрѣпленія, 3) батареи и 4) Китайскій валъ, соединявшій всѣ позиціи другъ съ другомъ. Изъ этихъ четырехъ категорій наиболѣе важны долговременныя укрѣпленія, построенныя на основаніи новѣйшихъ данныхъ.

На востокѣ, оборонительная линія начиналась на берегу моря батареей № 22 (Рорицзуши), извѣстной подъ названіемъ Приморскаго форта. Позиція эта сыграла двойную роль въ оборонѣ: на ней орудія стрѣляли какъ въ сторону моря, такъ и въ сторону суши. Слѣдующія три укрѣпленія образовали группу, извѣстную у японцевъ подъ названіемъ группы Хакугиншань, которая состояла изъ форта I (старая батарея), батареи Дракона (новая батарея) и батареи Лит. А (сѣверная батарея)—все временныя позиціи ¹⁾. Всѣ эти укрѣпленія обращены были фронтомъ на востокъ; такъ какъ ни одно изъ нихъ не было атаковано во время осады, то ихъ можно оставить безъ дальнѣйшаго описанія. Японцы хорошо окопались у подошвы высотъ, на которыхъ расположены были укрѣпленія, и ничего болѣе здѣсь не принимали.

¹⁾ Фортъ I—укрѣпленіе долговременное; оно было возведено цѣлый рядъ укрѣпленій временныхъ. Всѣ укрѣпленія праваго фланга нанесены на картѣ автора слишкомъ схематически, почему очень трудно опредѣлить—какія именно укрѣпленія подразумѣвалъ авторъ, подъ приведенными имъ названіями. Однако, это не имѣетъ существеннаго значенія, т. к. авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи совершенно не касается укрѣпленій этой группы.

Прим. перевод.

Слѣдующая группа, состоящая изъ трехъ укрѣпленій, носила у японцевъ названіе Кейкваншань; первое изъ нихъ—временное укрѣпленіе № 2 (Хигаши Кейкваншань Тонанъ) не подвергалось атакамъ послѣ августовскихъ штурмовъ. Среднее укрѣпленіе этой группы—батарея Лит. Б (Хигаши Кейкваншань) требуетъ подробнаго описанія, такъ какъ оно во время осады постоянно подвергалось атакамъ.

Русскія укрѣпленія, отъ батареи Лит. Б (Хигаши Кейкваншань) до укрѣпленія № 3 (Шоюшань), вынесли на себѣ всю силу удара японскихъ атакъ, за время осады. Разстояніе между этими двумя пунктами, если считать по дугѣ, по которой была расположена крѣпостная оборонительная линія, было около 3900 ярдовъ (около 3½ верстѣ). Слѣдовательно, это разстояніе есть протяженіе фронта, на которомъ осаждающей арміи приходилось двигаться сапами къ атакованнымъ позиціямъ.

Батарея Лит. Б (Хигаши Кейкваншань) принадлежитъ къ числу долговременныхъ укрѣпленій. Оно расположено на высотѣ съ крутыми скатами, имѣвшей около 400 футъ превышенія надъ долиною Шуйшунинъ; у подошвы высоты русскіе поставили свои обычныя проволочныя загражденія на кольяхъ, вышиной около 2 футъ надъ горизонтомъ; у подошвы не было ни траншей, ни передового укрѣпленія—безъ сомнѣнія, русскіе считали, что лучшей защитой укрѣпленія служить открытый скатъ, съ хорошимъ обстрѣломъ. На половинѣ ската была расположена первая траншея, служившая продолженіемъ старой Китайской стѣны; съ фронта она имѣла видъ небольшого земляного сооруженія съ уложенными сверху земляными мѣшками. Въ дѣйствительности же траншея была построена весьма солидно; глубина ея достигала 7 или 8 футъ, а для защиты отъ артиллерійскаго огня были устроены блиндированныя помѣщенія; гребень бруствера былъ прикрытъ обрубками дерева, на которыхъ были уложены земляные мѣшки ¹⁾; внутреннее

¹⁾ На гребнѣ бруствера траншей устроены были навѣсы изъ досокъ, или

пространство было раздѣлено траверсами на участки, чтобы локализовать дѣйствіе артиллерійскаго огня. Если бы это укрѣпленіе штурмовали съ фронта, его защитники не могли оказаться отрѣзанными и не должны были бы отступать вверхъ, на высоту; они могли отходить на западъ или на востокъ по ходамъ сообщеній, предусмотрительно устроеннымъ для этой цѣли. Гребень высоты былъ срѣзанъ и оставленъ лишь низкій, песчаного цвѣта, брустверъ, за которымъ были поставлены двѣ 5 дм. осадныя пушки ¹⁾, на бетонной установкѣ; здѣсь были подземные погреба для боевыхъ припасовъ и бетонные казематы. Это внушительное укрѣпленіе, за все время осады, стоило японцамъ больше жизни, чѣмъ какая либо другая позиція.

Возвышенность, на которой расположена батарея Лит. Б (Хигаши Кейкваншань), сзади батареи образуетъ площадку длиною около 100 ярдовъ (около 43 саж.), на задней сторонѣ которой было устроено второе укрѣпленіе, командовавшее первымъ и вооруженное двумя 6 дм. морскими пушками. Эта вторая позиція извѣстна подъ названіемъ—Залитерная батарея (укрѣпленіе R). Горжа батареи Лит. Б (Хигаши Кейкваншань) была оставлена открытой, чтобы штурмующій, въ случаѣ захвата имъ укрѣпленія, оказался бы подъ огнемъ зъ Залитерной батареи (укрѣпленіе R).

На небольшой высотѣ, западнѣе батареи Лит. Б (Хигаши Кейкваншань) въ разстояніи около 125 ярдовъ (54 саж.), находилось укрѣпленіе временного типа, называвшееся Кобуяма ²⁾.

Западнѣе укрѣпленія Кобуяма, въ разстояніи отъ него на 200 ярдовъ (86 саж.), расположена была другая позиція временного типа—Куропаткинскій люнетъ (укрѣпленіе Q);

такъ называемые козырьки, для прикрытія защитниковъ траншей отъ шрапнельнаго огня.

¹⁾ На батарѣ Лит. Б. стояли 4 крѣпостн. 6 дм. пушки, вѣсомъ 190 пуд., а на залитерной батарѣ двѣ 6 дм. пушки Круппа.

²⁾ Небольшое укрѣпленіе, не имѣвшее у насъ особаго названія.

здѣсь были вырыты глубокія траншеи, покрытыя бревнами, землей и земляными мѣшками, на небольшихъ промежуткахъ были устроены бойницы. Площадка, на которой стоитъ Куропаткинскій люнетъ (укрѣпленіе Q), тянется назадъ на протяженіи около 100 ярдовъ (43 саж.), а затѣмъ опять начинается подъемъ, переходящій въ главный гребень; на этомъ гребнѣ находилось укрѣпленіе—Малое Орлиное Гнѣздо (укрѣпленіе N). Куропаткинскій люнетъ (укрѣпленіе Q), какъ и батарея Лит. Б (Хигаши Кейкваншань), былъ открытъ съ горжи, такъ что японцы не могли удерживать эту позицію, не взявъ находившееся сзади Малое Орлиное Гнѣздо (укрѣпленіе N).

Западнѣе Куропаткинскаго люнета (укрѣпленіе Q), въ разстояніи 400 ярдовъ (172 саж.) находился фортъ II (Сѣверный Кейкваншань), тоже одно изъ укрѣпленій, расположенныхъ на невысокихъ холмахъ, впереди главнаго гребня.

Слѣдующая вершина по главному гребню—гора Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай), мѣстность между нею и Малымъ Орлинымъ Гнѣздомъ (укрѣпленіе N) переходитъ постепенно въ низкую сѣдловину.

Фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), расположенный на нижнихъ холмахъ, прикрывалъ эту сѣдловину. Это мѣсто считалось однимъ изъ наиболѣе слабыхъ во всей оборонительной линіи, почему здѣсь и сооруженъ очень сильный фортъ.

Фортъ предназначался исключительно для пѣхоты и на немъ не было установлено тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій; вся его артиллерія состояла только изъ полевыхъ орудій и пулеметовъ. Планъ этого форта приложенъ къ книгѣ, но нѣсколько замѣчаній, относящихся до его устройства, могутъ оказаться полезными для читателя.

Въ планѣ фортъ имѣлъ почти треугольную форму и былъ обращенъ фронтомъ къ сѣверу; длина сѣвернаго фаса 30 метровъ (42 арш.), боковыхъ по 60 метровъ (84 арш.). Отъ дна рва до гребня бруствера высота была приблизи-

тельно—50 футъ ¹⁾; ниже горизонта эскарпъ былъ сдѣланъ изъ бетона. Во рву сѣвернаго фаса находилась контръ-эскарповая галлерей, которая тянулась по всей длинѣ восточнаго фаса, на западномъ же фасѣ она тянулась лишь на небольшое разстояніе. Изъ контръ-эскарповой галлерей можно было обстрѣливать ровъ вдоль всѣхъ фасовъ форта.

Эскарпъ ²⁾, ниже горизонта шелъ почти отвѣсно, верхняя же часть была достаточно пологая, что давало возможность японскимъ солдатамъ взбираться по ней, во время періодическихъ штурмовъ. На гребнѣ бруствера были уложены ряды земляныхъ мѣшковъ, а вдоль гребня былъ сдѣланъ банкетъ для защитниковъ, стоя на которомъ они стрѣляли поверхъ мѣшковъ; подъ банкетомъ были устроены блиндированныя помѣщенія. Поперекъ внутренняго пространства форта шло загражденіе изъ проволоки, за которымъ находился второй брустверъ изъ земляныхъ мѣшковъ, такъ что защитники, если бы главный валъ былъ взятъ, могли отступить за эту вторую линію обороны. Позади второй линіи находились лѣстницы для сообщенія съ двухъ-этажной бетонной казармой, прикрытой сверху земляными мѣшками и землей. Въ казармѣ жилъ гарнизонъ форта, здѣсь же онъ находилъ полнѣйшую защиту, по крайней мѣрѣ въ продолженіе очень долгаго времени, отъ разрушительнаго дѣйствія японскихъ снарядовъ, совершенно исковеркавшихъ всю внутренность форта. Сводчатые окна казармы выходили въ неглубокій ровъ горжевого фаса. Ровъ этотъ могъ быть осыпанъ огнемъ пулеметовъ, еслибы осаждающій попытался приблизиться къ казармѣ. Вплотную къ казармѣ прилежала кухня, то же изъ бетона. Погребъ

¹⁾ Размѣры форта II указаны авторомъ не совсѣмъ точно, но очень близко къ дѣйствительнымъ. Вообще устройство форта описано довольно правильно.

²⁾ Авторъ подъ «эскарпомъ» очевидно подразумѣваетъ не только собственно эскарпомъ, но и, служащую его продолженіемъ, наружную отлогость бруствера.

для боевых припасов находились под землей и снаряды подавались наверх ручным подъемным механизмом. Сзади форта был резервуар, вырытый в землѣ и облицованный цементом, въ которомъ сохранялся запасъ воды для гарнизона.

Сообщеніе между фортомъ II (Сѣв. Кейкваншань) и лежащими за нимъ высотами было очень неудобно; безъ сомнѣнія, русскіе намѣревались устроить подземный ходъ сообщенія, но не успѣли этого сдѣлать; гарнизонъ, чтобы войти или выйти съ форта, долженъ былъ переходить черезъ горжевой ровъ по маленькому подъемному мосту, подверженному обстрѣлу артиллеріи осаждающаго; поэтому и подкрѣпленія и припасы могли быть доставляемы только ночью. Когда фортъ, въ концѣ концовъ, былъ взятъ, мостъ былъ разрушенъ артиллерійскимъ огнемъ и лишь 25 человекъ гарнизона могли выбраться изъ форта.

На описанной выше низкой сѣдловинѣ, между укрѣпленіями Малое Орлиное (укрѣпленіе N) и большое Орлиное (Бодай), которую долженъ былъ защищать фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), русскіе возвели еще одно укрѣпленіе, известное подъ названіемъ батареи „М“¹⁾, на которомъ были установлены двѣ 12 сант. морскихъ пушки.

На слѣдующемъ холмѣ, въ 150 ярдахъ (65 саж.) къ западу отъ форта II (Сѣв. Кейкваншань) и впереди большого Орлинаго Гнѣзда (Бодай) находилось еще одно временное укрѣпленіе—Капониръ № 2 (фортъ Р), впоследствии названное японцами—фортъ Ичинохэ, по имени генерала. Высота, на которой построенъ Капониръ № 2 (фортъ Ичинохэ) тянется въ тылъ на протяженіи около 100 ярдовъ (43 саж.) горизонтально, а затѣмъ начинается подъемъ къ вершинѣ горы Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай). У начала подъема были вырыты хорошо устроенныя траншеи, служившія продолженіемъ Китайской Стѣны. Передовое укрѣпленіе было

¹⁾ У насъ оно не имѣло особаго названія; здѣсь поставлено было двѣ 57 мм. пушки.

оставлено открытымъ съ горжи; если бы атаковавшій отрядъ овладѣлъ имъ, пришлось бы встрѣтиться съ затрудненіями удержать укрѣпленіе, о которыхъ уже было сказано выше.

Слѣдующее укрѣпленіе за капониромъ № 2 (фортъ Ичинохэ), отдѣленное отъ него лишь небольшой долиной въ 100 ярдовъ (43 саж.) шириной, былъ редутъ № 1 (Восточный Банрушань). Если бы русскіе обладали большей предусмотрительностью и могли бы предвидѣть, на что японскій солдатъ способенъ во время атаки, то они устроили бы долговременныя укрѣпленія, подобныя форту II (Сѣв. Кейкваншань) на всѣхъ холмахъ, что сдѣлало бы оборонительную линію совершенно неодолимой. Но русскіе были не вполне готовы, когда буря разразилась, почему и редутъ № 1 (Вост. Банрушань), принимая во вниманіе его значеніе, былъ укрѣпленъ несоотвѣтственно—вершина холма была увѣнчана укрѣпленіемъ лишь временнаго типа.

Западнѣе редута № 1 (Вост. Банрушань) въ разстояніи 175 ярдовъ (75 с.) находился редутъ № 2 (Западный Банрушань), построенный почти по тому же плану, какъ и редутъ № 1 (Вост. Банрушань); это было тоже укрѣпленіе временнаго типа.

Между редутами № 1 и № 2 (Вост. и Запад. Банрушань) лежитъ долина, ведущая наверхъ къ Бол. Орлиному Гнѣзду (Бодай), стоящему сзади редута № 1 (Вост. Банрушань) и капонира № 2 (фортъ Ичинохэ).

Гора Бол. Орлиное Гнѣздо, самая высокая и наиболѣе замѣтная вершина на восточномъ фронтѣ обороны, поднимается до 625 футъ надъ уровнемъ моря. Она имѣетъ видъ позиціи, прикрывающей два укрѣпленія, расположенныя у ея подошвы. На скалистую вершину горы русскіе поставили два 6 дм. морскихъ орудія, которыя, будучи совершенно открытыми, служили отличной цѣлью для японскихъ артиллеристовъ и были подбиты еще въ началѣ осады. Къ западу склоны Бол. Орлинаго Гнѣзда (Бодай) переходятъ въ сѣдловину, за которой поднимается новая вершина. Здѣсь русскіе поставили заредутную батарею (укрѣпленіе N) вре-

менного типа, служившую прикрытіемъ редута № 2 (Зап. Банрушань).

Такъ какъ Бол. Орлиное Гнѣздо (Бодай, что по-китайски значитъ—площадка наблюдателя) состояло изъ этихъ двухъ вершинъ, то японцы называли его „Двойной высотой“. Сѣдловина между двумя вершинами была хорошо защищена траншеями и часто разставленными пулеметами, обстрѣливавшими лощину между редутами № 1 и № 2 (Вост. и Запад. Банрушань). На половинѣ своей длины лощина пересѣкается Китайской Стѣной, которая служитъ первой линіей обороны для Бол. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), если бы редуты № 1 и № 2 (Банрушань) были взяты.

Бол. Орлиное Гнѣздо (Бодай) считалось наиболѣе важной позиціей на восточномъ фронтѣ; если бы осаждающій овладѣлъ имъ, оказалось бы невозможнымъ удерживать городъ и гавань, а командующее положеніе этой горы, сдѣлало бы до крайности затруднительнымъ усиленіе гарнизона и снабженіе припасами остальныхъ фортовъ, даже если бы они удерживались еще обороняющимся.

Западнѣе редута № 2 (Зап. Банрушань), на 125 ярдовъ (54 саж.) далѣе, находилось временное укрѣпленіе, построенное на одномъ изъ холмовъ—капониръ № 3; японцы называли его Хачимачаяма, что значитъ „высота съ повязкой вокругъ головы“, вслѣдствіе кольцевого укрѣпленія на гребнѣ холма. Укрѣпленіе это служило какъ бы убѣжищемъ по пути движенія къ форту III (Нирушань) и наиболѣе сильной позиціей вдоль всего восточнаго фронта обороны. На главномъ гребнѣ высотъ, за капониромъ № 3 (Хачимачаяма) находилось временное укрѣпленіе, называемое Скалистый Гребень (Новый Банрушань)¹⁾, поддерживавшее канониръ № 3.

¹⁾ По картѣ и описанію автора невозможно опредѣлить, какое именно наше укрѣпленіе носило названіе «Новый Банрушань». Это названіе можетъ быть отнесено — какъ къ «Скалистому Гребню», лежащему сзади Форта III, такъ и къ «Вольчей Мортирной батарее», расположенной нѣсколько восточнѣе, но очень близко отъ Скалистаго Гребня.

Прим. перевод.

У форта № III (Нирушань) такой позиціи нѣтъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ высоты главнаго кряжа идутъ въ одинъ рядъ. Вотъ почему русскіе инженерны, имѣя въ виду это слабое мѣсто оборонительной линіи, соорудили здѣсь фортъ огромной силы.

По своей конструкціи фортъ III (Нирушань) нѣсколько похожъ на фортъ II (Сѣв. Кейкваншань). На форту III не было контръ-эскарповыхъ галлерей, а было два небольшихъ капонира въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ углахъ рва. Капониры были соединены подземными ходами сообщеній (потернами) съ внутренностью форта. По устройству внутренняго пространства, фортъ III (Нирушань) рѣзко отличается отъ форта II (Сѣв. Кейкваншань), такъ какъ на первомъ изъ нихъ вторая линія обороны была сдѣлана изъ земли и бетона; на ней русскіе установили нѣсколько тяжелыхъ орудій, энергично дѣйствовавшихъ до самаго взятія форта¹⁾. Казарма на форту III (Нирушань) была тоже болѣе усовершенствованнаго типа, по сравненію съ казармой форта II (Сѣв. Кейкваншань); она была глубоко врыта въ землю, и несмотря на тысячи снарядовъ, выпущенныхъ на фортъ за время осады, осталась неповрежденной. Бетонная потеря, начинаясь сзади батареи, спускалась изъ внутренняго двора форта внизъ, къ казармѣ. Окна казармы выходили въ горжевой ровъ форта; изъ рва стальная лѣстница вела наружу, служа для снабженія форта продовольственными припасами и подкрѣпленіями.

Западнѣе форта III (Нирушань), въ 400 ярдахъ (172 саж.) отъ него, расположено было Укрѣпленіе № 3 (Шююшань),— послѣдній изъ фортовъ вдоль восточнаго фронта крѣпостной оборонительной линіи. Эти двѣ позиціи раздѣлялись лощиной, которая была заграждена колючей проволокой и фугасами, но форты были такъ сильны, что пока они держались, для атакующаго было совершенно невозможно пройти по этой лощинѣ.

¹⁾ Здѣсь стояли 4 крѣпостныхъ 6-дм. пушки, вѣсомъ 120 пд.

Прим. перевод.

Укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), долговременнаго типа, по плану было совершенно сходно съ фортомъ II (Сѣв. Кейкваншань). На высотѣ, непосредственно за укрѣпленіемъ № 3 (Шоюшань) возведено было временное укрѣпленіе, извѣстное подъ названіемъ Курганной батареи (прикрывающая батарея Шоюшань).

Огромныя затрудненія, съ которыми японцамъ пришлось столкнуться при атакахъ Портъ-Артура, станутъ вполне понятны даже при поверхностномъ изученіи карты, на которой изображены всѣ упомянутыя выше позиціи. Какъ было уже указано, участокъ восточнаго фронта отъ батареи Лит. Б (Хагаша Кейкваншань) до укрѣпленія № 3 (Шоюшань) занималъ протяженіе, по прямой линіи около 2600 ярдовъ (2¹/₄ вер.), а если считать по линіи японскихъ параллелей, протянутыхъ по дугѣ, то разстояніе будетъ 3900 ярдовъ (около 3¹/₂ вер.). На этомъ протяженіи было нагромождено: 4 долговременныхъ укрѣпленія — батарея Лит. Б (Хагаша Кейкваншань), фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), фортъ III (Нирушань) и Укрѣпленіе № 3 (Шоюшань); на нижнихъ холмахъ — 6 временныхъ укрѣпленій — Кобуяма ¹⁾, Куропаткинскій люнетъ (укрѣпленіе Q), капониръ № 2 (фортъ Ичинохэ) редутъ № 1 (Вост. Банрушань), редутъ № 2 (Зап. Банрушань) и капониръ № 3 (Хачимачаяма); на высотахъ, позади этихъ укрѣпленій, добавочныя батареи и укрѣпленія временнаго характера — Залитерная батарея (укрѣпленіе R), Малое Орлиное Гнѣздо (укрѣпленіе N), укреплѣніе М ¹⁾, Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай), Скалистый Гребень (Новый Банрушань) и Курганная батарея (прикрывающая батарея Шоюшань).

Ни одна изъ этихъ позицій не была изолирована; всѣ онѣ были соединены Китайской Стѣной, которая, мѣстами возвышаясь въ видѣ насыпи, мѣстами опускаясь по склонамъ высотъ, представляла непрерывный и удобный путь сообщеній; вдоль стѣны защитники могли переходить отъ одной позиціи къ другой совершенно укрыто.

¹⁾ Не имѣвшее у насъ особаго названія.

Восточный фронтъ обороны отдѣленъ отъ западнаго низкой долиной рѣки Лунхэ, шириной около мили, по которой большая дорога и Южно-Китайская желѣзная дорога ¹⁾ входятъ въ Портъ-Артуръ. Долина эта, плоская какъ бильярдъ, охранялась съ востока укрѣпленіями № 3 (Шоюшань) и съ запада — Зубчатой батареей (Шюанчишань); поперекъ долины были проведены три линіи траншей и проволочныя загражденія, а кромѣ того, долину пересѣкали частоколы изъ деревянныхъ, заостренныхъ бревенъ. Вслѣдствіе этого, японцы не могли пытаться пройти этимъ путемъ въ крѣпость.

2 Западный фронтъ.

Теперь я дамъ краткое описаніе укрѣпленій къ западу отъ долины р. Лунхэ, о которой только что было сказано; особенно вдаваться въ детали нѣтъ необходимости, такъ какъ эта часть оборонительной линіи была прикрыта передовыми пунктами и во время осады не подвергалась атакѣ японцевъ.

На западномъ фронтѣ было четыре главныхъ укрѣпленій: Зубчатая батарея (Шюанчишань), фортъ IV (Ицзушань), укрѣпленіе № 4 (Дайяншишань) и укрѣпленіе № 5 (Таянкоу).

Первая изъ этихъ позицій, Зубчатая батарея (Шюанчишань) поднимается на высоту 500 футовъ; повышеніе мѣстности къ гребню идетъ постепенно. Въ разныхъ мѣстахъ на нижнихъ склонахъ этой позиціи русскіе установили батареи, преимущественно изъ морскихъ орудій, снятыхъ съ судовъ, послѣ того, какъ рѣшено было, что суда уже не выйдутъ въ море. На одной изъ этихъ батарей находились три 4, 7 дм. морскихъ пушки. Нѣсколько выше, былъ расположенъ китайскій фортъ, старой постройки, съ глинобитными стѣнами (Кладбищенская Импань), въ которомъ стояли

¹⁾ Китайская Восточная жел. дорога.

два морскихъ 12 фунт. орудія, изготовленные въ Россіи въ 1879 году.

На вершинѣ высоты, имѣющей форму буквы L, не было ничего похожаго на современный фортъ; здѣсь сдѣлали только нѣсколько углубленій и покрыли ихъ бетономъ, для установки нѣсколькихъ орудій Круппа, стараго образца, которыя несомнѣнно были взяты у китайцевъ въ 1895 году. На одной вѣтви буквы L (Саперная батарея) стояли четыре 6-дм. орудія Круппа: два — 1887 г. и два 1877 г. На другой вѣтви (Зубчатая батарея) стояли еще два 6-дм. орудія Круппа, установленныя прочно, на бетонѣ, а рядомъ съ ними поставлено было одно 6-дм. морское орудіе, изготовленное въ Россіи въ 1889 году.

Впереди и нѣсколько западнѣе Зубчатой батареи (Шіоанчишань) находился знаменитый фортъ № IV (Ицзушань), наиболѣе извѣстная изъ всѣхъ позицій вокругъ Портъ-Артура, какъ вслѣдствіе ея своеобразнаго вида, такъ и вслѣдствіе того, что въ 1895 году эта позиція была взята у китайцевъ бригадой генерала Ноги.

Фортъ IV (Ицзушань) расположенъ ниже, чѣмъ Зубчатая батарея (Шіоанчишань), орудія которой командуютъ надъ фортомъ. Спереди фортъ очень напоминаетъ кресло съ ручками, покрытое грязнымъ желтымъ коленкоромъ. Подступы къ форту очень круты и взобраться на него съ фронта — невозможно. Близъ гребня высоты вырытъ неглубокій ровъ. Фортъ IV (Ицзушань) — долговременаго типа; въ немъ имѣлись бетонные казематы и бетонные пороховые погреба. На форту было установлено нѣсколько орудій малого калибра, а именно: два — 12 фунт. и двѣнадцать — 3 фунт. морскихъ пушекъ; закрытій для этихъ орудій не было, почему японцы огнемъ своей артиллеріи постоянно ихъ сбивали. Однако, у русскихъ былъ большой запасъ 3 фунт. пушекъ и подбитыя орудія тотчасъ же замѣнялись новыми.

Фортъ IV (Ицзушань) расположенъ въ сѣверо-западномъ углу линіи укрѣпленій Портъ-Артура и орудія его стрѣляли какъ на сѣверъ, такъ и на западъ. На форту былъ

установленъ сильный прожекторъ, сыгравшій весьма серьезную роль во время обороны.

Недалеко отъ форта IV (Ицзушань) расположено было фронтомъ на западъ укрѣпленіе № 4 (Дайяншишань), долговременнаго типа; въ этомъ укрѣпленіи была устроена батарея, съ гнѣздами на 8 орудій, но не всѣ изъ нихъ были заполнены. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, русскіе пополняли недостатокъ въ крѣпостныхъ орудіяхъ — морскими орудіями, снятыми съ ихъ бесполезныхъ военныхъ судовъ.

Къ юго-западу отъ укрѣпленія № 4 (Дайяншишань) расположено было укрѣпленіе № 5 (Таянкоу). Къ югу отъ этого укрѣпленія шелъ рядъ траншей и укрѣпленныхъ позицій, которыя служили продолженіемъ крѣпостной оборонительной линіи и тянулись вплоть до высотъ Ляотъшаня; ни одна изъ этихъ позицій, однако, не была атакована во время осады, почему и въ описаніи ихъ не встрѣчается надобности.

3. Передовые укрѣпленные пункты.

Закончивъ описаніе долговременныхъ укрѣпленій восточнаго и западнаго фронтовъ крѣпостной оборонительной линіи, необходимо сдѣлать обзоръ впереди лежащей мѣстности, гдѣ находились передовые укрѣпленные пункты, занятые русскими.

У подножія цѣпи высотъ, на которыхъ были возведены долговременныя укрѣпленія русскихъ, полукругомъ, отъ Зубчатой батареи (Шіоанчишань), на востокъ, до „гряды метровыхъ высотъ“, на западѣ, тянется долина Шуйшунинъ; ширина этой долины измѣняется въ предѣлахъ отъ одной до 2½ миль; она не имѣетъ вида совершенно плоской равнины — мѣстами встрѣчаются невысокіе холмы и гряды возвышенностей, а поверхность долины изрѣзана балками и оврагами, дающими укрытіе войскамъ, при приближеніи ихъ къ русскимъ позиціямъ.

Вдоль сѣверной окраины долины Шуйшунинъ тянется вто-

рой рядъ высотъ, въ направленіи съ востока на западъ, по болѣе длинной не концентрической дугѣ относительно высотъ, на которыхъ расположены были крѣпостныя сооруженія русскихъ. Какъ будто сама природа создала эту мѣстность со специальной цѣлью, чтобы здѣсь разыгралась осада крѣпости, давъ при этомъ обѣимъ сторонамъ—и осаждающей и осажденному—идеальныя позиціи.

Такъ, внутренняя цѣпь высотъ была весьма удобна для расположенія фортовъ и укрѣпленій, тогда какъ наружныя высоты давали отличное укрытіе для артиллеріи осаждающаго.

Если-бы русскіе хотѣли соответственнымъ образомъ укрѣпить Портъ-Артуръ, то они должны были-бы возвести укрѣпленія на наружной цѣпи высотъ и тогда имѣли-бы двѣ крѣпостныя оборонительныя линіи. Но недостатокъ времени, а главнымъ образомъ, финансовыя соображенія помѣшали выполнить эту разумную мѣру, почему русскіе и были сбиты съ этой позиціи японцами въ одинъ день. Эта цѣпь высотъ, направляющаяся отъ дер. Наньпангоу (Нитонсу) на западъ, черезъ Волчыя горы до высотъ Дагушаня, на востокъ, служила главной позиціей для японцевъ, въ теченіе всей осады. Подъ прикрытіемъ этихъ высотъ они размѣщали свои лагеря, коновязи и госпитали, которые здѣсь были въ полной безопасности отъ орудіи Портъ-Артура.

Южная вѣтвь Китайской-Восточной желѣзной дороги, идущая съ сѣвера по плоской равнинѣ, близъ с. Чораша, входитъ въ долину Шуйшунинъ, черезъ прорывъ въ грядѣ высотъ; затѣмъ, пройдя прямо на югъ, поворачиваетъ круто къ западу и идетъ у подошвы высотъ восточнаго фронта; далѣе, желѣзная дорога опять поворачиваетъ на югъ, проходитъ по долинѣ р. Лунхэ, раздѣляющей восточный и западный фронты, и входитъ въ городъ Портъ-Артуръ.

Когда русскіе 17 (30) іюля очистили внѣшнюю цѣпь высотъ и перешли на линію крѣпостной обороны, они тѣмъ не менѣе удерживали двѣ высоты—Дагушань и Сяогушань; позиціи эти оказались теперь наиболѣе выдвинутыми передовыми укрѣпленіями русскихъ на востокъ.

Отъ Дагушаня, на западъ, тянется низкая гряда холмовъ, отъ 100 до 150 футъ высоты, идущая параллельно восточной линіи фортовъ, почти до самой деревни Шуйшунинъ. Эту гряду я называю „Дивизионнымъ гребнемъ“, такъ какъ во время осады, подъ его прикрытіемъ, расположены были штабы и постоянные лагеря 9-ой и 11-ой дивизій. Отъ этой-же гряды японцы шли сапами къ восточной линіи фортовъ.

У подножія форта III (Нирушань), какъ видно по картѣ, русская линія обороны поворачивала къ сѣверу въ долину Шуйшунинъ, до небольшого укрѣпленія, называвшагося Скалистый редутъ (Лиугень). Отъ этого пункта шли траншеи далѣе къ сѣверу къ Водопроводному редуту (фортъ Куропаткинъ). Въ 800 ярдахъ (около 350 саж.) западнѣе Водопроводнаго редута, находилась деревня Шуйшунинъ, въ началѣ осады также занятая русскими. Водопроводный редутъ соединялся траншеями съ д. Шуйшунинъ.

Къ югу отъ д. Шуйшунинъ, на небольшой возвышенности, русскіе соорудили четыре небольшихъ люнета, извѣстные подъ обозначеніемъ А, В, С и D ¹⁾. Они прикрывали долину

¹⁾ Къ югу отъ дер. Шуйшунинъ, на небольшомъ холмѣ, расположенъ былъ Кумирскій редутъ, укрѣпленіе временнаго типа, но довольно сильной профили; на картѣ автора онъ обозначенъ литерой В.

На линіи траншей, соединяющихъ Кумирскій и Водопроводный (фортъ Куропаткинъ) редуты, устроено было два люнета болѣе слабой профили, изъ которыхъ одинъ обозначенъ на картѣ автора литерой D. Два такихъ-же люнета расположены были сзади Кумирскаго редута, на одной съ нимъ группѣ холмовъ; эти люнета на картѣ автора обозначены литерами А и С.

Такимъ образомъ, къ югу отъ д. Шуйшунинъ, расположены были—одинъ редутъ и 3 люнета, а нѣсколько восточнѣе этой группы, обозначенной у автора литерами А, В, С и D, находился еще одинъ люнетъ, о которомъ авторъ не упоминаетъ и который на его картѣ не обозначенъ. Всѣ эти укрѣпленія соединены были траншеями и, вмѣстѣ съ Водопроводнымъ и Скалистымъ редутами, образовали группу передовыхъ опорныхъ пунктовъ; группа эта имѣла форму неправильнаго четырехугольника, растянутого въ направленіи съ запада на востокъ; на сѣверномъ фасѣ четырехугольника находились—Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ), два люнета (одинъ—лит. D) и Кумирскій редутъ (лит. В); на южномъ фасѣ—Скалистый редутъ (Лиугень) и два люнета (лит. А и С).

Прим. перевод.

р. Лунхэ, раздѣлившей западный и восточный фронты крѣпости, а также обезпечивали Скалистый редуть (Ліугенъ) съ запада. Отъ этихъ лионетовъ, русская оборонительная линія, состоявшая изъ проволочныхъ загражденій и траншей шла вдоль низкой гряды, которая тянулась передъ западнымъ фронтомъ и соединялась въ концѣ концовъ съ Длинной горой (Намакояма) и Высокой горой (высота 203 метра).

Главнымъ назначеніемъ этихъ передовыхъ укрѣпленій, помимо того, что они должны были удерживать нѣкоторое время противника отъ приближенія къ линіи крѣпостной обороны, была защита водопровода, снабжавшаго городъ водой. Источникъ воды находился у деревни Палиджуанъ (Ліугенъ), гдѣ русскими было устроено нѣсколько резервуаровъ; отсюда вода по трубамъ шла въ крѣпость. Такимъ образомъ, главный источникъ водоснабженія, находился впереди линіи фортовъ, что сильно уменьшало обороноспособность крѣпости. Въ сентябрѣ, когда передовыя укрѣпленія, указанные выше, были взяты—водопроводъ былъ отрѣзанъ японцами, и съ этого момента гарнизонъ крѣпости принужденъ былъ пользоваться водой изъ китайскихъ колодезевъ и опресненной морской водой.

Кромѣ указанныхъ выше передовыхъ укрѣпленій, русскіе занимали еще нѣсколько позицій на группѣ высотъ, лежащей къ сѣверу и сѣверо-западу отъ западнаго фронта крѣпости. Гряда этихъ высотъ можетъ быть названа—„Метровой грядой“¹⁾, такъ какъ отдѣльныя вершины не имѣли названій, а различались только своимъ превышеніемъ, выражаемомъ въ метрахъ. Въ началѣ осады русскіе удерживали нѣкоторыя передовыя позиціи на этой грядѣ, но ихъ быстро заставили очистить всѣ высоты, за исключеніемъ Длинной горы (Намакайма) и Высокой горы (высота 203 метра). Высоты эти въ сущности мало увеличивали обороноспособность крѣпости и скорѣе даже стѣсняли оборону ея, но съ нихъ

¹⁾ Въ составъ этой группы входили: Панлуншань, Дивизионная гора, Угловая гора съ ея предгорьями, Длинная гора, Плоская гора, Высокая гора и др.

Прим. перевод.

открывался широкой кругозоръ на внутреннюю часть крѣпости и на гавань, гдѣ укрывался русскій флотъ, почему удержаніе этихъ позицій пріобрѣтало особое, весьма важное для защитниковъ крѣпости, значеніе.

Современныя дальнобойныя орудія и телефонъ, сокращаютъ пространство, почему обѣ эти высоты сыграли огромную роль во время осады.

Длинная гора (Намакояма) находится слишкомъ далеко къ сѣверу и съ вершины ея не открывается видъ на всю гавань, почему послѣ занятія ея японцами въ сентябрѣ, русскій флотъ могъ еще стоять на якорѣ въ западномъ бассейнѣ подъ защитой Перепелочной горы (Пайюйшань).

Положеніе-же Высокой горы (высота 203 метра) было совершенно иное: съ вершины ея открывался видъ на всю гавань и, помѣстивъ здѣсь наблюдателей, соединенныхъ телефономъ съ осадными батареями японцевъ, можно было очень точно корректировать стрѣльбу батарей по русскимъ судамъ. Русскіе сознавали значеніе Высокой горы, почему во время осады они отчаянно боролись за обладаніе этимъ важнымъ пунктомъ; ихъ выбили оттуда лишь въ началѣ декабря, послѣ цѣлаго ряда невѣроятно жестокихъ боевъ. Нѣсколько линій укрѣпленій и траншей соединяли Высокую гору (высота 203 метра) съ западнымъ фронтомъ крѣпости, у форта IV (Ипзушань).

Русскія укрѣпленія были снабжены сильной артиллеріей; 54—орудія большихъ калибровъ, включая 28 сант., 15 сант. и 12 сант., 149—орудій средняго калибра и 343—полевыхъ пушекъ и пулеметовъ приняли японцы послѣ капитуляціи крѣпости. Орудія эти были системъ Круппа и Канэ; многія изъ нихъ были устарѣвшихъ образцовъ.

Русскіе сдѣлали большой промахъ, устанавливая орудія на вершинахъ высотъ, гдѣ они легко подбивались противникомъ.

ГЛАВА VI.

Взятіе Дагушаня и Сяогушаня.

Къ утру 17 (30) іюля русскіе удерживали цѣпь высотъ, описанную въ предыдущей главѣ, отъ д. Наньпангоу (Нитонсу), на западѣ, черезъ Волчьи горы, до вершинъ Дагушанъ и Сяогушанъ, на востокѣ. Около одной мили къ востоку отъ д. Хошанъ, гдѣ цѣпь высотъ прерывается, желѣзная дорога переходитъ изъ открытой равнины въ долину Шуйшуинъ. Къ востоку отъ желѣзной дороги цѣпь высотъ продолжается, а затѣмъ упирается въ небольшой ручей и здѣсь снова прерывается. За долиной, по которой протекаетъ ручей, близъ того мѣста, гдѣ цѣпь высотъ поворачиваетъ къ Юго-Западу, находится гора Дагушанъ, весьма характерное названіе которой, въ переводѣ съ китайскаго языка, означаетъ — „Большой Драконъ“. Одиноко и торжественно возвышаются очертанія горы надъ окружающей мѣстностью, командуя восточнымъ фронтомъ крѣпости. Съ Дагушаня вся цѣпь высотъ, необходимая осаждающей арміи для расположенія ея артиллеріи, видна какъ на ладони. Если осаждающая армія владѣетъ полосой отъ Наньпангоу (Нитонсу) до Дагушаня, то всѣ орудія, установленныя на укрѣпленіяхъ Портъ-Артура подвергаются фланговому огню съ Дагушаня. Съ вершины этой горы открывается широкій кругозоръ на плоскую равнину, лежащую сѣвернѣе позицій

осаждающаго вплоть до бухты Луизы, на западѣ, а вѣдь по этой равнинѣ должны пройти къ мѣстамъ своего назначенія каждый вагонъ съ грузомъ, каждое орудіе, каждый солдатъ; по этой же равнинѣ пролегаетъ желѣзная дорога и поѣзда, подвозящіе припасы, могутъ подвергаться обстрѣливанію, какъ только будутъ замѣчены съ Дагушаня. Если-бы осаждающая армія начала сапами двигаться впередъ, къ укрѣпленіямъ крѣпостной оборонительной линіи, она подверглась бы анфиладному огню съ Дагушаня. Такимъ образомъ, Дагушанъ являлся для обороняющагося тактическимъ ключемъ, прикрывавшимъ подступы къ крѣпостной оборонительной линіи.

Для арміи осаждающаго, Дагушанъ—лишь наблюдательный пунктъ, но пока защитники крѣпости удерживали Дагушанъ и Сяогушанъ, находящійся нѣсколько южнѣе, ближе къ берегу моря, невозможно было произвести рѣшительную атаку на восточный фронтъ крѣпости.

Дагушанъ—высокая гора съ очень крутыми скатами; съ сѣвера—взобраться на нее можетъ только опытный горецъ; съ востока—доступъ не менѣе труденъ; съ запада—склоны горы также очень круты, но здѣсь они раздѣляются на нѣсколько отроговъ, дающихъ укрытіе атакующему, и только съ южной стороны возможно взобраться на гору. Здѣсь склоны болѣе доступны и мѣстность болѣе пологая, поросшая травой, но за то здѣсь совершенно нѣтъ мертвыхъ пространствъ, дающихъ укрытіе атакующему.

Однако, несмотря на трудность подступовъ, Дагушанъ не легко оборонять: вершина горы слишкомъ остра и тамъ нѣтъ мѣста для размѣщенія значительнаго отряда; гребень имѣетъ видъ бритвы, изогнутой въ видѣ буквы „L“; онъ очень каменистъ, дикъ и узокъ настолько, что негдѣ устроить траншеи; такъ, вѣроятно, полагали русскіе, которые понадѣялись на защиту однихъ скалъ и камней. Несмотря на все это, русскіе артиллеристы ухитрились поставить на гребнѣ 6 полевыхъ орудій.

Южнѣе Дагушаня, лежитъ Сяогушанъ, отдѣленный отъ

него долиной, шириной около полумили ¹⁾, по которой проходит южная дорога изъ Дальняго, выходящая здѣсь въ долину Шуйшуинъ. Сяогушанъ не такъ высокъ, какъ Дагушанъ, и подступы къ нему болѣе удобны; но зато вершина его болѣе пригодна для обороны, чѣмъ вершина Дагушаня: она широка, плоска, и вполнѣ удобна для устройства траншей; подступы къ вершинѣ совершенно лишены закрытій и мертвыхъ пространствъ, которыми могъ бы воспользоваться атакующій.

Генералъ Ноги, давъ своимъ войскамъ отдыхъ въ теченіе сутокъ, атаковалъ русскихъ съ восходомъ солнца 17 (30) іюля, наступая по открытой мѣстности, со стороны перевала Шининцзы (Анцулинъ). Онъ предусмотрительно рѣшилъ, что выгоднѣе атаковать передовыя позиціи русскихъ раньше, чѣмъ непріятель успѣетъ превратить ихъ во временныя укрѣпленія.

Атака была направлена противъ праваго фланга русскихъ, занимавшихъ рядъ высотъ отъ д. Наньпангоу (Нитонсу) до линіи желѣзной дороги. Атакуя правый флангъ этого участка, генералъ Ноги избавлялся отъ губительнаго огня съ Дагушаня и могъ надѣяться, что если онъ прорветъ оборонительную линію русскихъ, занявъ рядъ высотъ около линіи желѣзной дороги, то это заставитъ ихъ очистить всю линію и отойти подъ прикрытіе фортовъ Портъ-Артура.

Дѣйствительность превзошла его ожиданія: передовыя посты русскихъ, неожиданно атакованные на разсвѣтѣ, бѣжали въ безпорядкѣ, бросивъ ружья, ранцы и шинели. Эта внезапная паника, повидимому, передана была и войскамъ, расположеннымъ на высотахъ: безъ признака сопротивления они отступили черезъ долину Шуйшуинъ въ свои долговременныя укрѣпленія. Около 12 ч. дня 17 (30) іюля генералъ Ноги оказался хозяиномъ всей цѣпи высотъ отъ Наньпангоу (Нитонсу) до желѣзной дороги, и японскія войска, занимая

¹⁾ Авторъ вездѣ даетъ размѣры въ морскихъ миляхъ; морская миля = 1,74 версты, или приблизительно $1\frac{3}{4}$ вер.

покинутыя русскими позиціи, увидѣли передъ собой, послѣ истекшихъ трехъ мѣсяцевъ, цѣль своихъ стремленій—Портъ-Артуръ.

Несмотря на этотъ большой успѣхъ, позиція генерала Ноги была очень невыгодна, такъ какъ онъ теперь оказался именно въ томъ положеніи, о которомъ я говорилъ выше: онъ имѣлъ на своемъ лѣвомъ флангѣ Дагушанъ, съ котораго наблюдали за каждымъ передвиженіемъ японцевъ и направляли губительный огонь по предполагаемымъ мѣстамъ орудіиныхъ установокъ или по войскамъ, когда они выходили въ долину Шуйшуинъ. Теперь русскіе удерживали восточную, а японцы западную часть цѣпи высотъ, которую необходимо было занять для начала осады крѣпости; пока Русскіе занимали Дагушанъ и Сяогушанъ, положеніе осаждающей арміи могло оказаться очень тяжелымъ.

Быть можетъ японскій главнокомандующій питалъ надежду, что Русскіе добровольно очистятъ свои позиціи на Дагушанѣ и Сяогушанѣ, послѣ того какъ остальная линія передовыхъ позицій была уже занята японцами, ибо 8 дней прошло, прежде чѣмъ сдѣлана была какая-либо попытка овладѣть одной изъ этихъ высотъ.

Однако ожиданія генерала Ноги не сбылись; въ теченіе этихъ восьми дней японская и русская арміи продолжали занимать свои прежнія позиціи.

Тѣмъ временемъ генералъ Ноги не бездѣйствовалъ; онъ подвозилъ припасы, фуражъ и орудія, устранивалъ въ окрестныхъ деревняхъ помѣщенія для своихъ госпиталей; однако—неудобство имѣть непріятеля на высокой позиціи своего лѣваго фланга становилось все болѣе и болѣе ощутительнымъ. Генералъ Ноги пришелъ поэтому къ рѣшенію, что непріятеля необходимо выбить съ Дагушаня и Сяогушаня, ибо безъ этого фактически невозможно сдѣлать какую-либо попытку противъ долговременныхъ укрѣпленій.

24 іюля (6 августа) штабъ главнокомандующаго отдалъ приказъ генералу Тсучійя, начальнику 11-ой дивизіи, взять обѣ горы, Дагушанъ и Сяогушанъ. 25 іюля (7 августа) ге-

нераль Тсучийя отдать приказъ по дивизіи для атаки. Правая бригада 11-ой дивизіи должна была наступать противъ сѣверныхъ склоновъ Дагушаня, поддерживая связь съ лѣвой бригадой 9-й дивизіи, которая занимала позицію отъ Наньпангоу (Нитонсу) до желѣзной дороги. Лѣвая бригада 11-ой дивизіи должна была наступать съ юго-востока отъ морского берега и продвигаться по открытой мѣстности между Дагушанемъ и Сяогушанемъ. Такимъ образомъ, эти двѣ бригады, поддерживая взаимную связь, должны были сходиться къ горѣ, съ сѣверо-востока и съ юго-востока.

Начальникъ японскихъ осадныхъ батарей приказалъ полковнику Такагуи держать наготовѣ три батареи 12 сант. (4,7 дм.) пушекъ и четыре батареи 9 сант. гаубицъ, для поддержки 11-й дивизіи въ этомъ дѣлѣ.

На небольшихъ высотахъ, восточнѣе Дагушаня японцы установили горныя батареи, но онѣ сильно страдали отъ огня русскихъ орудій со стороны Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай) и батареи Лит. Б (Хигаши Кейкваншань), которые сосредоточили огонь на этихъ батареяхъ. Тяжелыя орудія, однако японцы скрыли такъ тщательно, что русскіе никакъ не могли ихъ сбить. Эти тяжелыя орудія между тѣмъ привели къ полному молчанію русскую артиллерию на Дагушанѣ, которая была поставлена открыто. Русскую пѣхоту то же согнали съ вершины Дагушаня ужаснымъ сосредоточеннымъ огнемъ, причемъ 12 сант. пушки стрѣляли шрапнелью, вмѣсто обыкновенныхъ снарядовъ.

Въ 7 час. вечера генераль Тсучийя приказалъ перейти въ общую атаку. Командиръ правой бригады развернулъ 44-й полкъ у дер. Кикукатоу; отъ этого пункта вверхъ, до сѣверныхъ склоновъ Дагушаня, линія была занята 22-мъ полкомъ.

Командиръ лѣвой бригады приказалъ 3-му баталіону 12-го полка наступать по открытой мѣстности, между двумя горами, къ Южному склону Дагушаня, гдѣ былъ наиболѣе доступный подъемъ.

43-й полкъ получилъ приказаніе: поддерживая связь съ

12-мъ полкомъ, наступать на восточные склоны Сяогушаня.

Около 8 ч. вечера дождь началъ лить ручьями, сильно мѣшая наступленію японской пѣхоты, а въ 8^{1/2} час. японская артиллерія тоже принуждена была прекратить огонь, вследствие дождя и темноты.

Русская пѣхота, отступившая съ вершины Дагушаня, появилась тамъ сейчасъ же, какъ только японская артиллерія прекратила стрѣльбу, и открыла огонь по наступающимъ баталіонамъ. Въ 8^{1/2} час. вечера японцы остановились на ночь у подножія Дагушаня, возведя рядъ окоповъ по неправильной линіи, съ сѣвера на востокъ. 3-й баталіонъ 12-го полка успѣшно занялъ выступающій восточный уголъ Дагушаня и на ночь окопался тамъ.

Положеніе сражающихся въ это время было странное. Одинъ баталіонъ (3-й) 12-го полка успѣлъ прочно засѣсть подъ напоминающей бритву вершиной Дагушаня; онъ заставилъ русскихъ очистить гребень и укрѣпиться нѣсколько ниже, на обратной сторонѣ горы. Такимъ образомъ ни одна изъ сторонъ не могла взобраться на гребень, а такъ какъ достать непріяеля ружейнымъ огнемъ невозможно было, то солдатамъ приходилось изыскивать какой либо иной способъ борьбы. Безчисленные камни, покрывающіе поверхность Дагушаня, дали нужныя средства. Вооруженные такимъ оригинальнымъ оружіемъ, отдѣльные солдаты взбирались къ гребню горы настолько близко, насколько было безопасно, и бросали эти снаряды сверху въ ряды своихъ враговъ.

Часть 43-го полка тоже дѣйствовала успѣшно, занявъ участокъ на восточныхъ склонахъ Сяогушаня; окопавшись здѣсь, они остались хозяевами положенія въ теченіе ночи.

Утро 26 іюля (8 августа) было пасмурно и шелъ дождь. Японская артиллерія молчала, русскіе же обстрѣливали японскія линіи и причиняли имъ значительный вредъ. Начальникъ 11-ой дивизіи, генераль-лейтенантъ Тсучийя, выѣхалъ на лѣвый флангъ, въ сопровожденіи своего штаба, выжидая удобный моментъ, чтобы приступить къ рѣшитель-

ной атакѣ. Въ это время неожиданное препятствіе затормозило дѣло и оттянуло рѣшительную атаку до наступленія ночи. Въ 11^{1/2} час. утра 7 военныхъ судовъ ¹⁾ вышли изъ Портъ-Артура и, занявъ удобную позицію, начали обстрѣливать 43-й полкъ на восточныхъ склонахъ Сяогушаня и 12-й полкъ, удерживавшійся на южномъ выступѣ Дагушаня.

Обстрѣливаніе нанесло огромный уронъ пѣхотѣ, выставленной открыто на склонахъ обѣихъ горъ, безъ малѣйшаго прикрытія. Послѣ обстрѣливанія, поверхность земли представляла краснорѣчивое доказательство страшной силы огня; большими снарядами съ военныхъ судовъ земля была такъ вспахана, что казалось почти невозможнымъ, чтобы кто-нибудь могъ уцѣлѣть подъ такимъ сильнымъ огнемъ. Въ частности, 12-ый полкъ пострадалъ такъ сильно, что былъ принужденъ, на время, очистить свои позиціи на южномъ склонѣ Дагушаня. Другому полку, однако, удалось удержать эти позиціи за собой. Въ 12 час. дня приказано было 9 сант. гаулицамъ сосредоточить свой огонь на русскихъ военныхъ судахъ; дѣйствуя вполне успешно, онѣ въ концѣ концовъ принудили суда отойти подъ защиту Золотой горы. Въ 1 часъ дня генераль Ноги самъ выѣхалъ къ штабу 11-й дивизіи, дабы лично удостовѣриться, въ какомъ положеніи дѣло. Послѣ краткаго совѣщанія, данъ былъ приказъ артиллеріи открыть вновь огонь въ 4^{1/2} час. дня. Въ то же время командиры обѣихъ бригадъ получили приказаніе выждать результатовъ этого бомбардированія, не дѣлая какихъ-либо попытокъ продолжать наступленіе. Вѣроятная причина такой отсрочки,—желаніе генерала Ноги дать своимъ войскамъ отдыхъ во время дневного зноя; полагая, что двухчасовая бомбардировка достаточно подготовить путь для пѣхоты, онъ рассчитывалъ взять позиціи до наступленія ночи. Когда артиллерія въ 4^{1/2} ч. дня опять открыла огонь, русскія орудія на Дагушанѣ не отвѣчали;

¹⁾ Выходили: Крейсеръ «Новикъ», Канонерская лодка «Бобръ» и 10 миноносцевъ.

Прим. перевод.

очевидно, они были подбиты наканунѣ; но орудія съ фортовъ поддерживали сильнѣйшій огонь.

Въ 7 час. вечера пѣхотѣ былъ данъ давно ожидаемый приказъ о наступленіи; 12-ый полкъ атаковалъ опять съ юго-востока, тогда какъ часть 22-го полка пыталась взобраться по крутымъ склонамъ и по изрѣзаннымъ оврагами отрогамъ, съ сѣверо-запада. Ловкость, проявленная 22-мъ полкомъ при влѣзаніи на гору, прямо таки необыкновенна. Подъемъ на гору въ любое время представить изъ себя нѣкое предпріятіе даже для привычнаго человѣка, а тутъ поднимавшихся на гору встрѣчала упорно оборонявшаяся пѣхота, вооруженная магазинными ружьями и пулеметами, почему казалось почти невѣроятнымъ, чтобы штурмовавшимъ удалось добраться до вершины. Около трехъ четвертей часа русскіе храбро обороняли Дагушанъ, но затѣмъ подъ дѣйствіемъ убійственного шрапнельнаго огня, отъ котораго на гребнѣ не было защиты, атакованные съ двухъ сторонъ, и опасаясь за свой путь отступленія, они начали колебаться. Въ 8^{1/2} час. вечера, русскіе въ большомъ безпорядкѣ отступили по юго-восточнымъ склонамъ горы и черезъ долину, отдѣлявшую обѣ горы отъ долговременныхъ фортовъ. Теперь Дагушанъ былъ вполне во власти японцевъ, которые захватили нѣсколько плѣнныхъ, 6 полевыхъ орудій и много боевыхъ припасовъ.

Одновременно съ атакой на Дагушанъ, части 12-го и 43-го полковъ атаковали Сяогушанъ съ сѣверо-востока и востока.

Какъ уже было сказано выше, Сяогушанъ, хотя онъ имѣетъ высоту лишь 400 ф., значительно легче оборонять, чѣмъ Дагушанъ, такъ какъ у Сяогушаня—плоская вершина, на которой были возведены прекрасныя траншеи.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ усилія японцевъ, ихъ задерживали на этомъ участкѣ въ теченіе всей ночи. Съ разсвѣтомъ 27 іюля (9 августа) японцы вновь атаковали Сяогушанъ и взяли его, за исключеніемъ небольшого участка на южномъ склонѣ горы.

Какъ только въ Портъ-Артуръ узнали, что эти двѣ позиціи пали, батареи, въ видѣ послѣдняго протеста, или, быть можетъ, въ видѣ погребальнаго салюта послѣдней изъ этихъ упорно-отстаиваемыхъ передовыхъ позицій, открыли бѣшеную стрѣльбу по взятымъ высотамъ, причинившую японцамъ значительныя потери.

ГЛАВА VII.

Стратегическое положеніе на сушѣ и на морѣ.

Чтобы понять причины, заставившія японцевъ, повидимому опрометчиво, пытаться взять Портъ-Артуръ открытой силой въ теченіе августа мѣсяца, сейчасъ же послѣ взятія Дагушаня и Сяогушаня, что не имѣло другихъ результатовъ кромѣ серьезныхъ потерь у осаждающихъ, — необходимо принять во вниманіе всю совокупность обстановки воюющихъ сторонъ, включая оба театра, Ляодунъ и Маньчжурію, а также и положеніе на морѣ въ это время.

На сѣверѣ, подъ Ляояномъ еще не разыгрался бой. Хотя японцы одинаково успѣшно дѣйствовали въ цѣломъ рядѣ столкновеній, но всегда съ отдѣльными русскими корпусами, имѣя превосходство въ силахъ; стратегическія же способности Куропаткина, качество и количество его вооруженныхъ силъ — оставались факторами неизвѣстными.

Если судить по донесеніямъ самихъ русскихъ, которые въ это время были черезчуръ самоувѣренны, то можно было ожидать отъ предстоящей борьбы только одного исхода — рѣшительной побѣды Куропаткина. Трудно, однако, допустить, чтобы японскій генеральный штабъ судилъ о Куропаткинѣ по его собственной оцѣнкѣ, и можно предположить, что японцы считали возможнымъ нанести ему пораженіе, въ случаѣ генеральнаго сраженія на сѣверѣ, но въ

то же время совершенно понятно, что они, рѣшаясь на предприятие столь большой важности, желали бы имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше войскъ. Поэтому, съ самаго начала, японцы были озабочены тѣмъ, чтобы развязать себѣ руки съ Портъ-Артуромъ и имѣть возможность перебросить всѣ 4 дивизіи генерала Ноги на сѣверъ. Такимъ образомъ, если судить на основаніи послѣдующихъ событій, при Ляоянѣ японцы одержали бы полнѣйшую побѣду, и по всей вѣроятности Куропаткинъ и вся его армія были бы взяты въ плѣнъ, или такъ разсѣяны, что ядро для новой арміи не могло бы быть собрано по сю сторону Байкала.

Если допустить, что въ сентябрѣ сильная армія Ноги, насчитывавшая въ это время отъ 60.000 до 70.000 человекъ, была бы въ состояніи двинуться на сѣверъ, японцы имѣли бы значительно большее численное превосходство, чѣмъ въ послѣдствіи, въ бою подъ Мукденомъ.

Поэтому, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что японскій генеральный штабъ рассчитывалъ въ іюнѣ, или же въ іюлѣ окончить войну при посредствѣ „*coup-de-main*“, настолько неожиданнаго и рѣшительнаго, что Россія не въ силахъ была бы оправиться отъ удара и принуждена была бы либо заключить миръ, либо формировать новую армію слишкомъ далеко на сѣверо-западѣ, причемъ Владивостокъ былъ бы отрѣзанъ, а Харбинъ взятъ. Ни разу во время войны судьба Россіи не находилась въ такомъ опасномъ положеніи, какъ въ августѣ 1904 г.; единственный могъ быть вопросъ: удастся ли Куропаткину спасти часть своей арміи, или ему предстоитъ полное уничтоженіе. Рѣшеніе этого вопроса зависѣло не отъ него, а отъ генерала Стесселя и гарнизона Портъ-Артура, который въ этотъ періодъ выказалъ превосходныя свои качества въ полевой войнѣ, задержавъ наступленіе генерала Ноги на Ляодунскомъ полуостровѣ. Если же японцы придавали такое выдающееся значеніе сосредоточенію всѣхъ своихъ силъ на сѣверѣ, чтобы раздавить Куропаткина, то вполне умѣстно задать вопросъ: почему послали они такія большія силы для осады Портъ-

Артура, а не заняли удобный для обороны перешеекъ на полуостровѣ одной-единственной дивизіей, помѣшавъ тѣмъ генералу Стесселю и его арміи произвести диверсію въ пользу Куропаткина.

Здѣсь необходимо рассмотреть другую сторону стратегическаго положенія; задача, передъ которой остановились японцы, была двойная, доказывающая предусмотрительность ихъ генеральнаго штаба. Вторымъ факторомъ въ этой задачѣ было положеніе русскаго флота.

Когда армія генерала Ноги подошла къ Портъ-Артуру въ первыхъ числахъ августа, русская эскадра, въ дѣйствительности мало поврежденная, состоявшая изъ 6 броненосцевъ, съ крейсерами и миноносцами, стояла на якорѣ въ гавани, гдѣ она оставалась все время, съ момента своей ничтожной вылазки 10 (23) іюня. Хотя нѣкоторые суда пострадали, состояніе эскадры было однако таково, что она могла въ любое время оставить гавань и выйти въ море. Послѣдній свой выходъ флотъ совершилъ 28 іюля (10 августа), намѣреваясь болѣе не возвращаться, но на слѣдующее утро суда опять показались у Портъ-Артура, сильно поврежденные, и заняли свои старыя якорныя стоянки. Весьма вѣроятно, что не вернись они, генералъ Ноги отложилъ бы свой штурмъ крѣпости, увидѣвъ тѣ огромныя трудности, которыя его арміи приходилось преодолевать; можетъ быть, Генеральный Штабъ, при такихъ условіяхъ, понялъ бы, что при штурмѣ крѣпости они ставили на карту слишкомъ много и что для движенія впередъ, съ занятыхъ уже позицій, необходимо собрать достаточныя силы.

Пока русскій флотъ оставался въ гавани Портъ-Артура, японцы не могли считать крѣпость незначительнымъ факторомъ войны, ибо въ это время было достаточно хорошо извѣстно, что Балтійскій флотъ долженъ придти на Дальній Востокъ. Они весьма разумно считали, что безусловно важно — предупредить соединеніе двухъ русскихъ эскадръ, разрушивъ суда въ Портъ-Артурѣ, ранѣе прихода Рождественскаго на театръ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ,

даже въ этотъ періодъ кампаніи у японцевъ замѣтно правильное пониманіе и согласованіе дѣйствій сухопутной арміи и флота, почему имъ пришлось отказаться отъ плана кампаніи, обѣщавшаго рѣшительные результаты на сушѣ, чтобы не взваливать непосильной задачи на флотъ и не расплачиваться впослѣдствіи за преждевременныя побѣды.

Не имѣя возможности игнорировать Портъ-Артуръ въ виду его важнаго значенія и не имѣя, равнымъ образомъ, ни малѣйшаго желанія отложить въ долгій ящикъ свой планъ кампаніи въ Манчжуріи, что могло быть вызвано медленностью дѣйствій, неизбежныхъ при правильной осадѣ, Генеральный Штабъ рѣшилъ осуществить свои намѣренія, попытавшись овладѣть крѣпостью открытой силой. Только такимъ образомъ можно объяснить планъ, сильно противорѣчащій всѣмъ общепризнаннымъ правиламъ веденія войны, неизбежно вызывающій огромныя потери человѣческихъ жизней и тѣмъ не менѣе выполненный съ такой беззавѣтной храбростью, что, въ будущемъ, критикъ долженъ будетъ колебаться—поклоняться или порицать.

Но есть мотивы, которые, если и не оправдываютъ, то до известной степени объясняютъ подобную попытку. Во-первыхъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что, по лѣтъ тому назадъ, именно генералъ Ноги взялъ Портъ-Артуръ у китайцевъ, съ одной только бригадой. Во-вторыхъ, японцы подошли къ Портъ-Артуру, ничего не зная о силѣ его гарнизона и о характерѣ его оборонительныхъ сооружений. Принимая во вниманіе, какъ прекрасную репутацію японскаго „Развѣдочнаго Бюро“, такъ и то обстоятельство, что они однажды уже владѣли Портъ-Артуромъ, нѣтъ ничего оригинальнѣе, какъ ихъ незнаніе, во время осады, топографическихъ свойствъ мѣстности. Въ-третьихъ, послѣ того, какъ японцы принуждены были очистить Портъ-Артуръ подъ давленіемъ державъ въ 1895 году, японскій народъ считалъ, что возвращеніе этой потери—вопросъ національной чести. Вотъ почему въ арміи подобное предпріятіе вызывало большой энтузіазмъ, который могъ служить оправданіемъ на-

чальнику, требовавшему отъ своихъ людей больше, нежели можно было ожидать отъ обыкновенныхъ войскъ. Въ-четвертыхъ, японскіе солдаты, бросая взглядъ назадъ, на рядъ блестящихъ подвиговъ во время войны, подвиговъ, до послѣдней минуты не знавшихъ неудачи, вполне логично могли рассчитывать на возможность осуществленія плана и воодушевляться надеждой на еще болѣе блестящій успѣхъ.

Такимъ образомъ, штурмъ на центръ восточнаго фронта крѣпости былъ рѣшенъ. Производили его съ крайнею рѣшительностью, съ 5 (18) по 11 (24) августа. Затѣмъ, когда всякая надежда на немедленный успѣхъ пропала, генералъ Ноги отозвалъ свои войска на прежнія позиціи; послѣдовалъ мѣсяцъ выжиданія, въ теченіе котораго подвозили къ арміи орудія и войска.

Какъ только о неудачномъ исходѣ попытки взять Портъ-Артуръ открытой силой было сообщено маршалу Ояма и Генеральному Штабу Манчжурскихъ армій, рѣшено было не откладывать дальше атаки на русскія позиціи вокругъ Ляояна. Японскій Главнокомандующій видѣлъ ясно, что въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, надо отказаться отъ содѣйствія четырехъ дивизій генерала Ноги, такъ какъ всякое дальнѣйшее промедленіе въ атакѣ Куропаткина могло оказать серьезное вліяніе на вѣроятность успѣха. Планъ кампаніи выполнялся медленно, но удивительно хорошо; для полной увѣренности въ его осуществленіи одного не доставало — присутствія на полѣ сраженія около 70.000 человекъ испытанныхъ войскъ. Генеральный Штабъ рассчитывалъ на эту поддержку, но судьба и генералъ Стессель располагали иначе. Природа дала генералу Стесселю прекрасныя позиціи, а судьба послала ему храбрѣйшихъ и наиболѣе опытныхъ русскихъ военачальниковъ; генералъ имѣлъ возможность восполнить нѣкоторые собственные недочеты знаніемъ и преданностью долгу своихъ подчиненныхъ. Ко всему этому, храбрый и неутомимый генералъ Кондратенко, съ момента первой атаки японцевъ (26 января), посвятилъ себя заботамъ о надлежащемъ укрѣпленіи забытой — къ

стыду сказать—линии высотъ, которую слѣдовало сдѣлать неуязвимой значительно раньше. Генераль Ноги сдѣлалъ отчаянную попытку—прорваться чрезъ всѣ преграды, но здѣсь, впервые за войну, вся храбрость и самопожертвованіе японцевъ оказались бесполезны. Атака не удалась, и Ноги получилъ приказаніе—выждать подвоза осадныхъ орудій и сильныхъ подкрѣплений.

Вѣроятно, для генерала Ояма и Генеральнаго Штаба въ Маньчжуріи былъ тяжкій ударъ,—убѣдиться, что всѣ ихъ планы, изловить русскаго главнокомандующаго, старательно осуществляемая въ теченіе 6 мѣсяцевъ, не удались. Всякая надежда покончить войну въ ореолѣ славы пропала; лучшее, на что они еще могли надѣяться, изгнать его съ укрѣпленныхъ позицій и принудить отойти дальше къ сѣверу. Былъ данъ приказъ—идти на Ляоянъ, и большой бой произошелъ, но безъ рѣшительнаго результата. Русская армія въ Маньчжуріи ускользнула изъ рукъ японцевъ, нужно считать, съ 1 ч. ночи 10 (23) августа 1904 г., т.-е. съ того момента, когда японская пѣхота подъ Портъ-Артуромъ была выбита, въ ужасающей рѣзкѣ, съ горы Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай). Исторію этой неудачи я теперь и расскажу.

ГЛАВА VIII.

Взятіе редутовъ № 1 и № 2 (укрѣплений Банрушань).

Послѣ успѣшнаго занятія Дагушаня и Сяогушаня 27 іюля (9-го августа) въ операціяхъ на нѣсколько дней наступило затишье, но 31 іюля (13 августа) наступательныя дѣйствія возобновились. На крайнемъ западѣ, 1-я дивизія была занята выбиваніемъ русскихъ съ нѣкоторыхъ передовыхъ высотъ, образующихъ крайній сѣверный выступъ гребня ¹⁾, носящаго названіе „Метровый гребень“, такъ какъ отдѣльныя высоты его были извѣстны по ихъ высотѣ, но не имѣли опредѣленныхъ названій. Между 31 іюля (13 августа) и 2 (15) августа было нѣсколько очень упорныхъ стычекъ, но въ концѣ концовъ къ вечеру послѣдняго числа японцы успѣшно выбили русскихъ и имъ удалось утвердиться въ сѣверной половинѣ „Метроваго гребня“. Русскіе отошли дальше къ югу, занявъ сильную позицію на горахъ—Длинной (Намакаяма), Высокой (высоты 203 метр.) и Угловой (высота 174 метр.), которыя оказались, на западѣ, ихъ наиболѣе выдвинутыми впередъ позиціями. Тѣмъ временемъ японцы подвезли осадныя орудія и установили ихъ на позиціи для бомбардированія.

¹⁾ Предгорья Угловой горы.

нія, которое, за пять мѣсяцевъ отчаянной борьбы, должно было превратиться въ развалины все вдоль это линіи. У японцевъ въ это время не было орудій крупнаго калибра, которыя могли бы наносить вредъ долговременнымъ фортамъ.

Насколько достовѣрно, я не знаю, но говорили, что тяжелыя орудія, предназначенныя для осады Портъ-Артура, погибли на пароходѣ „Хитачи-Мару“, потопленномъ Владивостокской эскадрой въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Это крупное несчастье задержало всю осаду и оттянуло до сентября прибытіе 28 см. гаубицъ, посланныхъ на замѣну погибшихъ. Артиллерійское вооруженіе, состоявшее въ распоряженіи генерала Ногі къ началу осады, состояло: изъ полевыхъ орудій и полевыхъ гаубицъ, нѣсколькихъ 5 дм. осадныхъ орудій, взятыхъ у русскихъ въ бою при Цзинь-чижоу (Наньшань) и нѣсколькихъ 6 дм. и 4,7 дм. морскихъ орудій; количество орудій было достаточное, но не самыхъ крупныхъ калибровъ, необходимыхъ чтобы причинить основательныя поврежденія современнымъ крѣпостнымъ сооруженіямъ, для бомбардировки которыхъ они предназначались.

Первая атака на русскія позиціи началась утромъ 6 (19) августа наступленіемъ 11-й и 9-й дивизій въ долину Шуйшунинъ. Слѣдить за этими предварительными операціями японской арміи противъ восточныхъ фортовъ было очень трудно, главнымъ образомъ потому, что многіе бои происходили ночью, и такъ какъ вся атака кончилась полной неудачей, то японскія начальствующія лица были слишкомъ молчаливы.

Послѣ полудня 6 (19) августа 1-я дивизія произвела на западѣ демонстрацію противъ Угловой горы (высота 174 метр.) и Длинной горы (Намакаяма), съ цѣлью привлечь вниманіе русскихъ на этотъ участокъ; въ то же время дѣйствительное наступленіе вели 9-я и 11-я дивизіи. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ это время не было еще гостепріимныхъ сапъ, пересекающихъ долину Шуйшунинъ и позволяющихъ пѣхотѣ приближаться вплотную къ фортамъ, относительно укрыто. Наступать приходилось по открытой равнинѣ, и пѣ-

хота должна была передвигаться съ величайшей осторожностью, пользуясь складками мѣстности, чтобы не быть уничтоженной артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Въ теченіе 6 (19) августа черезъ долину Шуйшунинъ прошелъ цѣлый потокъ людей; они пользовались каждымъ закрытіемъ, дававшимъ имъ возможность удерживаться возможно ближе къ атакованному фронту.

Въ теченіе дня японскія батареи сосредоточили очень сильный огонь по всѣмъ русскимъ позиціямъ, главнымъ же образомъ по редутамъ № 1 и № 2 (Банрушань); очень скоро выяснилось, что именно эти двѣ позиціи избраны японцами для первой атаки.

Въ теченіе утра 6 (19) августа русскіе артиллеристы едва отвѣчали на огонь японской артиллеріи, но послѣ полудня они усилили свою дѣятельность и отвѣчали выстрѣломъ на каждый выстрѣлъ японскихъ орудій. Я думаю, что обѣ стороны наносили мало вреда; въ этой перестрѣлкѣ имѣли перевѣсъ скорѣе русскіе, имѣвшіе болѣе тяжелыя орудія и стоявшіе на болѣе высокой позиціи. Многіе японскіе офицеры и нижніе чины описывали мнѣ въ послѣдствіи всѣ ужасы, сопровождавшіе это наступленіе по долиנѣ Шуйшунинъ, почти не имѣвшей закрытія, прямо на огонь врага. Потери въ это время были очень тяжелы. Наступленіе происходило какимъ то образомъ почти машинально, безъ особыхъ приказовъ или приказаній. Каждый солдатъ имѣлъ въ виду лишь одну цѣль, подобраться возможно ближе къ подошвѣ высотъ, на которыхъ расположены были редуты № 1 и № 2 (Банрушань) и выжидать здѣсь сигнала для штурма этихъ позицій. Многіе при этомъ были убиты, но большинство дошло до мѣста назначенія. 9-ю дивизію, подѣ прикрытіемъ темноты, еще 5 (18) августа подвели къ низкому гребню, тянувшемуся параллельно русскимъ позиціямъ; мѣсто это было очень удобно и имъ воспользовались въ послѣдствіи, для размѣщенія бивака 9-й дивизіи на все время осады.

Въ теченіе 6 (19) августа людей постепенно переводили въ долину Шуйшунинъ, подѣ защиту многочисленныхъ овра-

говъ и складокъ мѣстности. Разсказываютъ, изъ весьма достовернаго источника, что генераль Ошима, Начальникъ 9-й дивизіи, получивъ приказъ штурмовать редуты № 1 и № 2 (Банрушанъ) самъ пришелъ къ генералу Ноги и просилъ его не дѣлать этой попытки, такъ какъ это можетъ привести къ полному уничтоженію его войскъ. Генераль Ноги былъ непоколебимъ, и генераль Ошима ушелъ отъ него, чтобы привести въ исполненіе приказъ, заявивъ при этомъ, что онъ не ослушается распоряженій своего начальника даже въ томъ случаѣ, еслибъ былъ увѣренъ, что это приведетъ его дивизію къ гибели. За исключеніемъ нѣсколькихъ энергичныхъ стычекъ на западѣ, за обладаніе Угловой горой (высота 174 метр.), 6 (19) августа прошло безъ серьезныхъ столкновений.

7 (20) августа японцы возобновили бомбардировку русскихъ позицій съ большой силой, опять концентрируя огонь на двухъ редутахъ (укрѣпленія Банрушанъ). Русская артиллерія отвѣчала на этотъ огонь и, отыскавъ позиціи нѣкоторыхъ японскихъ батарей, дѣйствовала удачно; было убито и ранено много японскихъ артиллеристовъ; раненыхъ немедленно перевозили въ полевые госпитали, расположенные въ тылу.

Въ 3 часа дня, японцы открыли оглушительный огонь по Водопроводному реду (фортъ Куропаткинъ). Казалось, что надъ этой позиціей рвется дюжина снарядовъ одновременно—такъ сильна была бомбардировка. Нѣсколько позже, одѣтые въ хаки ¹⁾ фигурки начали выскакивать изъ складокъ мѣстности вблизи укрѣпленія и осторожно подходить къ нему. Это была японская пѣхота, двигавшаяся въ атаку. Такая игра повторялась нѣсколько разъ. Тѣмъ временемъ русскіе, въ этомъ укрѣпленіи, замѣтивъ наступленіе пѣхоты, открыли огонь по тѣмъ, кто показывался, заставляя одѣтыхъ въ хаки фигурки пропадать столь же таинственно, какъ онѣ появля-

¹⁾ Хаки—цвѣтъ лѣтней одежды японскихъ войскъ (грязно-желтый).

Прим. перевод.

лись. Скоро, однако, японцы достигли такого пункта, гдѣ скрываться было уже невозможно и солдатамъ пришлось по одиночкѣ, по два или по три перебѣгать открытое пространство и искать убѣжища на той сторонѣ. Когда собрано было достаточное количество для окончательнаго удара, артиллерія удвоила свои усилія и пѣхота ринулась на Водопроводный редутъ. Когда японцы достигли стѣнки изъ земляныхъ мѣшковъ (брустверъ), русскіе, упавъ духомъ, отошли на тыловую сторону редута; однако, недолго японцы владѣли позиціей; русскіе, получивъ подкрѣпленія бросились въ рѣшительную контръ-атаку и быстро отбросили японцевъ. Нѣсколько русскихъ солдатъ, не довольствуясь этимъ, продолжали преслѣдовать японцевъ. Четыре человека, подъ вліяніемъ возбужденія, пробѣжали довольно далеко, останавливаясь черезъ каждые 3—4 шага, чтобы опуститься на колѣно и выстрѣлить. Японцы, нѣсколько опомнившись послѣ бѣгства, обернулись назадъ и скоро пристрѣлили троихъ изъ этихъ храбрыхъ преслѣдователей.

Въ теченіе дня, японская осадная артиллерія причинила редутамъ № 1 и № 2 (Банрушанъ) большой вредъ, но въ концѣ концовъ должна была прекратить огонь, въ виду недостатка снарядовъ.

Ночью 7 (20) августа произошли горячія схватки въ трехъ пунктахъ. 1-я дивизія штурмовала и, около 5 часовъ утра, взяла д. Шуйшунинъ ¹⁾ послѣ рукопашнаго боя на улицахъ деревни, частью сожженной и разрушенной снарядами. Успѣхъ этотъ заставилъ русскихъ отойти къ четыремъ укрѣпленіямъ, расположеннымъ къ югу отъ деревни; они теперь стали передовыми позиціями русскихъ на этомъ участкѣ.

Въ ту же ночь, какъ разъ передъ разсвѣтомъ, 9-я дивизія сдѣлала неудачную попытку взять редуты № 1 и № 2 (Банрушанъ). Тогда же 11-я дивизія произвела нѣсколько ночныхъ атакъ на батарею лит. Б. и фортъ 11 (Кейкваншанъ), но

¹⁾ Дер. Шуйшунинъ — не была приспособлена къ оборонѣ; здѣсь находились лишь передовые посты и охотничьи команды.

Прим. перевод.

атаки эти потерпѣли полную неудачу, какъ это и надо было ожидать, если принять во вниманіе силу этихъ позицій.

Въ 8 часовъ утра 8 (21) августа нѣсколько человѣкъ изъ 11-й дивизіи заняли одно изъ этихъ укрѣпленій на короткое время, но въ 9^{1/2} часовъ утра были выбиты оттуда.

8-е (21) августа — было днемъ подготовки. Всѣ японскія батареи по очереди открывали огонь, направляя его на оба редута (Банрушань) такъ ожесточенно, что стало вполне ясно, что на этомъ именно участкѣ нужно ожидать рѣшительной атаки. Между двумя редутами есть лощина, или, выражаясь точнѣе, оврагъ или балка, въ разстояніи какихъ нибудь 200 ярдовъ (86 саж.) отъ атакованныхъ редутовъ; здѣсь часть атакующихъ могла найти нѣкоторое укрытіе. Въ теченіе дня непрерывный потокъ людей нашелъ укрытіе въ этомъ оврагѣ, хотя и сильно страдалъ при этомъ отъ огня съ русскихъ фортовъ; однако съ редутовъ (Восточный и Западный Банрушань) ихъ не беспокоили огнемъ, такъ какъ защитники этихъ укрѣпленій не могли ни на минуту высунуть головы изъ за закрытія, шрапнель и обыкновенные снаряды рвались надъ ними по 10 или 20 штукъ въ минуту.

8 (21) августа 4-я резервная бригада изъ Кобэ вошла въ составъ 9-й дивизіи; это слѣдуетъ помнить, ибо впоследствии эта бригада была главной виновницей неудачи японскихъ атакъ.

Огонь изъ тяжелыхъ орудій поддерживался съ обѣихъ сторонъ энергичнѣйшимъ образомъ.

Въ теченіе ночи 8 (21) и утра 9 (22) августа 9-я дивизія сдѣлала пять неудачныхъ попытокъ овладѣть редутомъ № 1-й (Восточный Банрушань), но въ результатѣ — только были перерѣзаны проволочныя загражденія у подошвы укрѣпленія. Около разсвѣта, обѣ стороны, обезсиленные продолжительнымъ бодрствованіемъ, прекратили взаимное истязаніе; это дало солдатамъ нѣсколько часовъ отдыха передъ тяжелымъ боемъ, который долженъ былъ рѣшить вопросъ: кому принадлежатъ редуты.

Утромъ 9 (22) августа генераль Ноги, увидѣвъ, какого ничтожнаго успѣха достигли и сильно опасаясь за исходъ атаки, послалъ за чинами штабовъ 9-й и 11-й дивизій, чтобы посоветоваться съ ними. Нельзя сказать къ какому рѣшенію первоначально пришло совѣщаніе, но рѣшеніе это, несомнѣнно, было затѣмъ измѣнено, вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ тремя часами позже и дошедшихъ до совѣщанія еще во время засѣданія: японцы штурмуютъ редутъ № 1 (Восточный Банрушань) и частью онъ взятъ уже чинами 7-го и 35-го полковъ; при этомъ сообщалось, что японцы удерживаютъ двѣ трети укрѣпленія, русскіе же держатся лишь на небольшомъ участкѣ, въ тылу; идетъ ожесточенная перестрѣлка камнями и ручными гранатами, черезъ стѣнку ихъ земляныхъ мѣшковъ.

Эта удачная атака на редутъ № 1 (Восточный Банрушань) выполнена исключительно хорошо и заслуживаетъ величайшей похвалы 6-й бригадѣ и ея доблестному командиру, генераль-маіору Ичинохэ. Несмотря на произведенныя, ночью 8-го (21) и утромъ 9-го (22), пять неудачныхъ атакъ, 7-й и 35-й полки опять поднялись изъ скрывавшаго ихъ оврага и двинулись въ атаку въ 10 часовъ утра 9 (22) августа.

Говорили, что какой то шумъ, похожій на отступленіе русскихъ изъ редута, вызвалъ эту атаку. Но что это была за позиція для атаки! Безусловно, никакой другой народъ, кромѣ японцевъ, не сталъ бы никогда пытаться штурмовать редутъ, построенный на вершинѣ горы, склоны которой совершенно не удобны для атаки, и надъ которой командуетъ со всѣхъ сторонъ цѣлый рядъ высотъ и укрѣпленій. Съ того момента, какъ японцы вышли изъ прикрывавшаго ихъ оврага, предъ ними не было рѣшительно никакого закрытія, а наоборотъ — открытый гласисъ, сильно обстрѣливаемый защитниками. Дервиши, или какая-нибудь другая орда религіозныхъ фанатиковъ, можетъ быть могли бы ринуться вверхъ волной, въ тщетномъ успѣхѣ достигнуть вершины, но, навѣрно можно сказать, никакія другія, даже самыя дисциплинированныя войска, „не будучи воодушевлены въ дикомъ

натискѣ безшабашной храбростью“, не рѣшились бы на такое предприятие—предприятие, противорѣчащее всѣмъ современнымъ принципамъ войны, почти равное съ самоубійствомъ.

Редуты № 1 и № 2, укрѣпленія временнаго характера, сильно потерпѣли отъ бомбардировки, предшествовавшей штурму, хотя въ августѣ японцы и не могли выставить орудій крупнѣе 6 дм. калибра, такъ какъ тяжелыя гаубицы еще не прибыли на поле брани. На обѣихъ высотахъ не только не было долговременныхъ укрѣпленій, въ современномъ значеніи этого слова, но и временныя укрѣпленія, устроенныя здѣсь, были очень плохи.

Утро 9 (22) августа было хорошее и ясное; идеальный день для атаки и вполне удобный для точной артиллерійской стрѣльбы. Затишье предшествовало надвигающейся бурѣ. Съ восхода солнца до 10 часовъ утра обѣ стороны дали едва ли по одному выстрѣлу. Казалось уже, что день пройдетъ безъ особыхъ происшествій, какъ вдругъ японская артиллерія открыла шрапнельный огонь по редутамъ № 1 и № 2 (Банрушань). Огонь этотъ былъ настолько сильный и сосредоточенный, что редуты, совершенно окутанные клубами бѣлаго дыма шрапнелей, скоро стали не видны, а ниже стояла черная туча отъ земли и песку, взлетающихъ вверхъ послѣ каждого разрыва снаряда.

Въ 10¹/₄ часовъ утра бомбардировка сразу прекратилась и пѣхота пошла въ атаку. Внизу холмовъ, на которыхъ стояли редуты, было устроено загражденіе изъ проволоки, но не просто натянутой, а прикрѣпленной къ кольямъ. Это препятствіе приходилось разрѣзать, раньше чѣмъ наступленіе по склону становилось возможнымъ. Шедшіе впереди солдаты несли съ собой ножницы, которыми они пытались разрѣзать проволоку, пока ихъ не убивали; многіе при этомъ были убиты, но проволоку все-таки въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрѣзали, что дало возможность остальнымъ проходить и подниматься по склонамъ высотъ. Кромѣ того, стремительность пѣхоты сдерживалась огнемъ русскихъ стрѣлковъ и пулеметовъ, установленныхъ за ходомъ сообщеній, соединяв-

шимъ позиціи русскихъ ¹⁾. Такимъ образомъ, атакующій оказался подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и огнемъ пулеметовъ, направленныхъ съ трехъ разныхъ сторонъ: съ редута № 1 (Восточный Банрушань), который былъ атакованъ, съ редута № 2 (Западный Банрушань), оказавшагося въ тылу у атакующаго и продольному огню изъ хода сообщеній. По этой, насыщенной огнемъ полосѣ, 7-й и 35-й полки наступали, не обращая вниманія на свои потери.

Полковникъ Учи, ихъ командиръ, палъ пронзенный двадцатью пулями; найденную на его тѣлѣ, пропитанную кровью, карту послали Императору — какъ воспоминаніе о его доблести. Послѣ того, какъ уже нѣсколько попытокъ овладѣть редутомъ № 2 не имѣли успѣха, одному офицеру и нѣсколькимъ солдатамъ удалось занять часть укрѣпленія; они сигналами указали своимъ товарищамъ, подходившимъ на поддержку, мѣсто, куда нужно было идти. Постепенно здѣсь собиралось все больше и больше людей, и наконецъ собралось столько, что они могли вновь атаковать русскихъ, все еще удерживавшихъ тыловую траншею. Обѣ стороны пустили въ дѣло штыки и камни, но, около 2 часовъ дня, русскіе были окончательно выбиты изъ укрѣпленія, оставшагося въ рукахъ японцевъ. Въ то время, какъ происходила атака на редутъ № 1 (Восточный Банрушань), атаковавшіе со стороны оврага сильно страдали отъ огня русскихъ съ редута № 2 (Западный Банрушань).

Въ 3 часа дня, 2 роты 7-го полка, страдая чрезмерно отъ этого огня, вдругъ свернули со своего пути и ринулись въ атаку на редутъ № 2 (Западный Банрушань). Это вышло очень удачно, такъ какъ русскіе, очевидно потрясенные потерей редута № 1 (Восточный Банрушань), оказали лишь слабое сопротивленіе и отошли на лежащія сзади высоты.

Лейтенантъ Хори, адъютантъ генерала Ошима, начальника 9-й дивизіи, далъ мнѣ живое описаніе той растерян-

¹⁾ Здѣсь, очевидно, авторъ говоритъ о «китайской стѣнкѣ».

ности и неуверенности, которые царили в этот день у японцев. Из штаба 9-й дивизии было ясно видно, как пострадала 6-я бригада во время своей атаки на редуты, но ничего не знали о судьбе ее доблестного командира, генерала Ичинохэ, лично поведшего свои войска на штурм. Генералъ Ошима послалъ лейтенанта Хори черезъ долину Шуйшунинъ къ редутамъ (Банрушань), чтобы выяснить, какъ обстоятъ дѣла, а также узнать о судьбѣ генерала Ичинохэ. Совершивъ опасный путь подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій и сильнымъ ружейнымъ огнемъ, лейтен. Хори добрался, наконецъ, до мѣста боя и увидѣлъ здѣсь однихъ убитыхъ, да раненыхъ солдатъ. Онъ разспрашивалъ раненыхъ, не видѣли ли кто-нибудь генерала, но ни одинъ изъ нихъ не зналъ, гдѣ приблизительно онъ находится, причемъ нѣсколько солдатъ утверждали, что онъ убитъ. Лейт. Хори собирался возвратиться къ генералу Ошима съ докладомъ объ этомъ, какъ вдругъ онъ наткнулся на генерала Ичинохэ, сидящаго въ небольшой ямкѣ, чтобы найти хоть какое-нибудь закрытіе отъ непрерывнаго огня ружей и пулеметовъ. Генералъ былъ одинъ, покинутый всѣми. Его два адъютанта были убиты раньше, въ этотъ же день, снарядомъ, снесшимъ крышу съ китайской фанзы, въ которой они остановились; всѣ его подчиненные разсѣялись во время этого отчаяннаго штурма. 7-й полкъ послѣдней атакой былъ доведенъ до состава въ 208 человекъ, 35-й полкъ—до состава въ 240 человекъ, такъ что вся 6-я бригада потеряла во время штурма 2.100 человекъ. Оба эти полка сильно пострадали еще раньше, за время боевъ съ 13-го (26) по 15-е (28) іюля, а послѣ взятія редутовъ они въ дѣйствительности не существовали, пока не прибыли изъ Японіи подкрѣпленія, пополнившія ихъ ряды.

Въ штабѣ 9-й дивизіи сильно обрадовались, когда узнали, что Ичинохэ еще живъ, такъ какъ всѣ уже считали его погибшимъ, полагая, что невозможно уцѣлѣть въ такой кровопролитной рѣзні. Доблестный Ичинохэ отказался вернуться въ свой штабъ, закончивъ это боевое предпріятіе, и настаивалъ на оставленіи его во взятомъ редутѣ, на тотъ

случай, если русскіе сдѣлаютъ попытку вновь овладѣть имъ. Предположеніе генерала Ичинохэ оправдалось; генералъ Стессель, видимо, имѣлъ намѣреніе вновь овладѣть позиціей, во что бы то ни стало, и съ ночи 9-го (22) до ночи 14-го (27) августа русскіе сдѣлали цѣлый рядъ отчаянныхъ попытокъ отобрать оба укрѣпленія. Обѣ стороны бились съ величайшимъ мужествомъ; нѣсколько разъ русскіе были на волосокъ отъ осуществленія своихъ намѣреній; только ободряющее присутствіе доблестнаго Ичинохэ предупредило изгнаніе изъ занятыхъ редутовъ истрепанныхъ, почти умиравшихъ отъ голода, японцевъ. Съ момента захвата и до утра 15-го (28) августа Ичинохэ не покидалъ редутъ № 1 (Восточный Банрушань).

За эти дни вся пища, занимавшихъ редутъ людей и ихъ генерала, состояла изъ небольшого количества галетъ и воды, доставляемыхъ по ночамъ черезъ долину Шуйшунинъ.

И только, когда саперамъ удалось провести траншею черезъ долину и вверхъ къ занятому редуту, оказалось возможнымъ подвести подкрѣпленія сильно тѣснимою гарнизону; только тогда генералъ согласился оставить свой постъ и отдохнуть.

Такова была борьба за редуты; навѣрное въ военной исторіи нѣтъ примѣра, чтобы позиціи такой огромной силы, подступы къ которымъ находились подъ обстрѣломъ многочисленныхъ командующихъ укрѣпленій, были взяты въ нѣсколько часовъ солдатами, не получившими категорическаго приказа атаковать и упредившими такое приказаніе своего генерала.

ГЛАВА IX.

Большая ночная атака.

Вечеромъ 9 (22) августа въ лагеряхъ японцевъ вокругъ Портъ-Артура было большое ликование: пѣніе національныхъ пѣсенъ и радостные крики „банзай“ оглашали воздухъ, возвѣщая о большомъ успѣхѣ, выпавшемъ въ этотъ день на долю доблестной 6-ой бригады и обѣщавшемъ въ будущемъ привести къ полной побѣдѣ японскаго оружія. Всюду начали поговаривать о возможности быстрого движенія на сѣверъ, для поддержки товарищей, бывшихъ подъ командою стараго ветерана Оямы, сосредоточившаго свои силы у Ляояна и о большомъ призвѣ войны — Куропаткинѣ. Для посторонняго наблюдателя казалось, что дѣло близится къ развязкѣ. Взятіе редутовъ № 1 и № 2 (Восточный и Западный Банрушань), двухъ сильныхъ позицій, у подножія которыхъ лежала, какъ казалось тогда, наиболѣе уязвимая часть русской оборонительной линіи, очевидно открывало путь для общаго штурма на гору Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай), лежавшую непосредственно сзади. Описать болѣе или менѣе точно эту большую атаку на Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай), которая должна была рѣшить судьбу Портъ-Артура и повлечь за собою паденіе всего восточнаго фронта крѣпости, крайне трудно. Во-первыхъ — она происходила ночью; во-вторыхъ — она окончилась большой неудачей, почему японскія

власти при разговорахъ на эту тему были очень сдержанны; въ третьихъ — замѣшательство было такъ велико, и войска такъ тѣсно перемѣшались въ темнотѣ, что даже оставшіеся въ живыхъ не могли передать подробно исторію атаки. Планъ генерала Ноги былъ простъ до чрезвычайности — онъ все возлагалъ на отвагу своихъ войскъ и на нѣкоторую долю счастья, которое, если бы онъ дѣйствовалъ болѣе спокойно, могло бы привести къ рѣшительному успѣху.

Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: 6-ая бригада, подъ командой генераль-маіора Ичинохэ, усиленная для этого 4-ой резервной бригадой изъ Кобэ, состоявшей изъ 8-го, 9-го и 38-го полковъ, должна была перейти узкую лощину, отдѣляющую редутъ № 1 (Вост. Банрушань) отъ редута № 2 (Зап. Банрушань), взять Китайскую Стѣну, первое встрѣчаемое на пути препятствіе, и затѣмъ штурмовать съ фронта, направляя ударъ на Заредутную батарею (укрѣпленіе Н). Одновременно съ этой атакой 10-ая бригада 11-ой дивизіи, генераль-маіора Камиво, должна была наступать вверхъ по той же лощинѣ и атаковать Бол. Орлиное Гнѣздо (Бодай)¹⁾. Другими словами, послѣ успѣшнаго овладѣнія Китайской Стѣной, 6-ая бригада должна была двигаться впередъ прямо на Заредутную батарею (Укрѣпленіе Н), а 10-ая бригада, уклоняясь болѣе влѣво, должна была атаковать Бол. Орлиное Гнѣздо (Бодай) съ сѣверо-востока. Таковъ былъ планъ; онъ имѣлъ за собою красоту простоты и понятъ его было легко. Предполагалось бросить какіе-нибудь 8000 или 10.000 человекъ въ мертвую петлю, среди ночи, рассчитывая, что, благодаря своей личной храбрости, они успѣшно доведутъ дѣло до конца, ибо разъ атака началась, невозможно было бы въ темнотѣ давать какія-нибудь дальнѣйшія указанія.

¹⁾ Это наименованіе авторъ относитъ къ группѣ двухъ вершинъ: Заредутной батареи (у автора укрѣпленіе «Н») и Бол. Орличаго Гнѣзда, причемъ говоритъ, что у японцевъ иногда эта группа называлась «Горой Близнецовъ», какъ состоящая изъ двухъ вершинъ. Для устраненія путаницы въ переводѣ названіе «Бодай» вездѣ отнесено къ Большому Орлиному Гнѣзду, а названіе «Укрѣпленіе Н» — къ Заредутной батарее.

Бросимъ бѣглый взглядъ на конфигурацію мѣстности и на положеніе укрѣпленій и батарей, избранныхъ для атаки. При этомъ, нужно имѣть въ виду 4 главныхъ позиціи: редутъ № 1 (Вост. Банрушанъ), редутъ № 2 (Зап. Банрушанъ), Бол. Орлиное Гнѣздо (Бодай) и Заредутную батарею (Укрѣпленіе „Н“). Разстоянія: между первыми двумя пунктами—около 175 ярдъ (75 саж.), между слѣдующими двумя—около 250 ярдъ (107 саж.), между редутомъ № 1 и Б. Орлинымъ Гнѣздомъ—450 ярдъ (193 саж.), между редутомъ № 2 и Заредутной батареей—400 ярдъ (172 саж.); всѣ эти разстоянія взяты по прямой линіи, въ дѣйствительности же, принимая во вниманіе крутые подъемы, всѣ разстоянія были нѣсколько больше.

Внутри этого четырехугольника, со сторонами — на югѣ въ 250 ярдъ (107 саж.), на сѣверѣ въ 175 яр. (75 саж.), на востокѣ въ 450 яр. (193 с.), ночью 10 (23) августа дрались двѣ бригады японцевъ.

Сапы, идущіе черезъ долину Шуйшуинъ, въ это время еще не были начаты. Войска, участвующіе въ штурмѣ, были подведены по открытой мѣстности, подъ прикрытіемъ темноты, и собирались—либо во взятыхъ редутахъ № 1 и № 2 (Вост. и Зап. Банрушанъ), либо непосредственно за ними.

Участвовали въ штурмѣ—12-ый и 22-ой полки, образующіе 10-ую бригаду 11-ой дивизіи, остатки 7-го и 35-го полковъ, образующіе 6-ую бригаду 11-ой дивизіи, 8-ой, 9-ый и 38-ой полки, образующіе 4-ую резервную бригаду изъ Кобэ. Изъ этихъ послѣднихъ—8-ой полкъ составлялъ гарнизонъ редута № 2. На 8-ой полкъ возложена была атака Скалистаго Гребня (Новый Банрушанъ), одновременно съ наступленіемъ остальныхъ войскъ на Б. Орлиное Гнѣздо и Заредутную батарею, съ тою цѣлью, чтобы 6-ая бригада, въ случаѣ успѣшнаго овладѣнія Заредутной батареей, не была бы выбита оттуда огнемъ русскихъ со Скалистаго Гребня (Нов. Банрушанъ).

Обойдя эти позиціи, трудно подыскать какое-либо оправданіе подобной безшабашной атаки, или понять—при какихъ

иныхъ обстоятельствахъ атака могла бы оказаться удачной. Невѣроятная сила позицій обыкновеннаго генерала испугала бы и вызвала бы въ немъ сомнѣнія, слѣдуетъ ли даже пытаться штурмовать эти позиціи. Однако, справедливость требуетъ сказать, что въ то время, какъ это происходило, японцы не изучили еще на горькомъ опытѣ всей силы позицій, которыя собирались атаковать, и не знали, что огонь многихъ русскихъ батарей всегда можетъ быть сосредоточенъ на любомъ укрѣпленіи, избранномъ для атаки. Вдобавокъ къ этому, войска, штурмующа Б. Орлиное Гнѣздо съ сѣверо-востока, оставляли нетронутыми непосредственно у себя въ тылу—канонирь № 2 (укрѣпленіе Р) и фортъ II (Сѣв. Кейкваншанъ); такимъ образомъ, атакуя гору, они открывали свой тылъ огню съ канонира № 2 и форта II. Допускается даже, что японцы успѣшно овладѣли бы Б. Орлинымъ Гнѣздомъ и Заредутной батареей, трудно уяснить себѣ, какъ они могли бы удержать эти позиціи при дневномъ свѣтѣ! Ни на одной изъ этихъ высотъ не было долговременныхъ укрѣпленій, которыя могли бы дать защиту гарнизону отъ огня отдѣльныхъ хорошихъ стрѣлковъ съ окружающихъ высотъ, или отъ сосредоточеннаго артиллерійскаго огня, который немедленно направили бы на нихъ. Что же, въ такомъ случаѣ, имѣлъ въ виду японскій главнокомандующій, отдавая приказъ для атаки и какого результата онъ надѣялся достигнуть, взявъ эти двѣ позиціи?

Безъ сомнѣнія, генералъ Ноги надѣялся, взявъ Б. Орлиное Гнѣздо, заставить русскихъ очистить всю восточную линію оборонительныхъ сооружений. Если бы ему удалось удержать эту гору, расположенную въ самомъ центрѣ восточнаго фронта и командующую надъ подступами къ укрѣпленію № 3 (Шоюшанъ), форту III (Нирушанъ), форту II (Сѣв. Кейкваншанъ) и батареей лит. Б. (Хигаши Кейкваншанъ), онъ сдѣлалъ бы для русскихъ снабженіе припасами и усиленіе гарнизоновъ этихъ укрѣпленій почти невозможнымъ. Гарнизоны ихъ, отрѣзанные отъ запасовъ продовольствія и воды, были бы принуждены сдаться черезъ нѣсколько дней. Согла-

сентъ, что надѣялись именно на такой оборотъ дѣла, однако, больше вѣроятія было, что осажденный заставитъ очистить взятые позиціи огнемъ съ тѣхъ именно укрѣпленій, которыя предполагалось отрѣзать и голодомъ принудить къ сдачѣ.

Такимъ образомъ, атака, въ сущности, была основана на заблужденіи, не только относительно силы русскихъ позицій и количества войскъ въ Портъ-Артурѣ, но также и относительно духа гарнизона, который въ это время, да еще и много мѣсяцевъ позже, не выказывалъ никакихъ признаковъ деморализаціи.

Поспѣшность, съ которой русскіе очистили свои позиціи утромъ 18 (31) іюля, со всѣми признаками паники и смятенія, сопровождавшими ихъ бѣгство на линію фортовъ, кажется, поддержала въ японскомъ генеральномъ штабѣ убѣжденіе, что рѣшительная атака на любой пунктъ русской оборонительной линіи, должна увѣнчаться успѣхомъ.

Съ другой стороны, сопротивление, оказанное русскими при штурмахъ на Дагушань и Сяогушань, совершенно не было похоже на сопротивление деморализованныхъ войскъ. Это должно было предостеречь японцевъ отъ противника, если онъ окажется прижатъ къ стѣнѣ и не будетъ имѣть другого выхода, какъ отступить въ море.

Энтузіазмъ японскихъ солдатъ, въ это время, достигъ своего апогея: въ теченіе прошедшихъ трехъ недѣль они достигли ряда выдающихся успѣховъ и теперь были готовы на громадное напряженіе силъ, чтобы достигнуть главной, имѣющейся въ виду, цѣли—взятіе крѣпости. Однако, взвѣсивая всѣ эти обстоятельства, я все-таки не допускаю, чтобы эту безшабашную атаку на Б. Орлиное Гнѣздо и Заредутную батарею можно было оправдать при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Въ ночь 10 (23) августа почти невозможно было слѣдить за боемъ. Я постараюсь точно описать, что я самъ видѣлъ, и дополню это фактами собранными позднѣе.

Это былъ какъ разъ періодъ, когда корреспонденты подъ Портъ-Артуромъ не получили еще той свободы дѣйствій,

которая въ послѣдствіи сдѣлала ихъ отношенія съ генераломъ Ноги столь пріятными; намъ была указана высокая гора, называвшаяся Хошань, въ разстояніи 2½ миль отъ центра русской оборонительной линіи. Съ этого наблюдательнаго пункта намъ приходилось слѣдить за операціями обѣихъ армій; вслѣдствіе дальности разстоянія, свѣдѣнія наши были достаточно скудны и пополнялись указаниями японскаго офицера генеральнаго штаба, приставленнаго къ намъ для этой цѣли.

Намъ никогда не сообщали о предполагавшейся атакѣ и мы постоянно должны были быть на чеку, чтобы не прозѣвать что-нибудь. Такимъ образомъ, весьма понятно, что ночью 10 (23) августа ни одинъ человѣкъ въ лагерѣ корреспондентовъ не зналъ о томъ, что приближается штурмъ Бол. Орлинаго Гнѣзда и заредутной батареи; почти всѣ уже лежали въ постели и спали, когда японцы начали двигаться въ атаку.

Въ эту замѣчательную ночь мистеръ Д. І. Джемсъ, корреспондентъ газеты „Daily Telegraph“, и я припили къ заключенію, что жить дальше при такихъ условіяхъ, когда свобода передвиженій ограничена одной вершиной отдаленной горы, невозможно. Мы рѣшили, подъ прикрытіемъ темноты, пройти впередъ черезъ японскія линіи и попытаться подойти ближе къ боевой линіи. Около 10½ час. мы покинули лагерь и пошли по дорогѣ, ведущей черезъ высоты въ долину Шуйшуинъ, откуда только-что начали доноситься звуки перестрѣлки. На наше горе, первое лицо, встрѣтившееся намъ, былъ японскій офицеръ верхомъ, спросившій насъ—кто мы такіе и куда мы идемъ? Къ счастью, онъ очень торопился и удовлетворился объясненіемъ, даннымъ ему на чистѣйшемъ японскомъ языкѣ моимъ товарищемъ, что мы разыскиваемъ свой лагерь. Наша цѣль была—пробраться черезъ линію японскихъ передовыхъ постовъ и взобраться на какую-нибудь высоту, впереди, съ которой открывался бы хорошій кругозоръ на районъ дѣйствій, т.-е. на гору Б. Орлинаго Гнѣзда и на редуты № 1 и № 2. Мы боялись наткнуться

на японскіе передовые посты, которые въ темнотѣ могли, по ошибкѣ, принять насъ за русскихъ, такъ какъ въ это время японскіе солдаты вообще не знали, что при ихъ арміи находятся европейцы.

Въ то время, какъ мы вошли въ долину Шуйшуинъ, стало ясно, что развивается сильный бой; стрѣльба перешла въ гулъ, прерывавшійся только трескомъ множества пулеметовъ.

Небольшая высота, нѣсколько впереди, казалось, обѣщала дать наиболѣе выгодный пунктъ для наблюденія за боемъ. Мы направились къ ней и вскарабкались до половины ея, но тутъ дальнѣйшее движеніе было остановлено чѣмъ-то, въ родѣ траншеи, расположенной на вершинѣ горы. Мой товарищъ первымъ замѣтилъ ее въ темнотѣ и утверждалъ, что онъ видѣлъ людей, сидѣвшихъ въ этой траншеѣ; мнѣ же казалось, что это были кучки камней. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ былъ совершенно увѣренъ въ своемъ предположеніи, мы остановились на полъ-пути и колебались, не зная, что намъ дѣлать: вернуться ли намъ обратно и потерять случай увидѣть бой, отыскать ли намъ какую-нибудь другую высоту, или же идти впередъ къ посту, который могъ быть только японскимъ и объяснить, кто мы и что мы хотимъ дѣлать. Мы хорошо понимали всю опасность наткнуться среди ночи на спящій постъ, въ особенности, когда бой начался, но мы рѣшили, что лучше всего—храбро идти впередъ, стараясь какимъ-нибудь невиннымъ образомъ привлечь на себя вниманіе людей на посту.

До этого времени насъ еще не замѣчали, такъ какъ мы подходили съ тылу, часовые же, очевидно, находились впереди. Наша неудачная экспедиція очень быстро пришла къ развязкѣ: намъ предстояло пройти лишь какихъ-нибудь двадцать шаговъ, но не успѣли мы пройти и половины этого разстоянія, какъ весь постъ былъ на ногахъ. Люди только-что проснувшіеся, слыша звуки сильной перестрѣлки и видя, что къ нимъ приближается кто-то чужой, не ждали никакихъ дальнѣйшихъ объясненій: фельдфебель первый схва-

тилъ винтовку и крича своимъ товарищамъ—„русскіе“, бросился на насъ. Я видѣлъ, какъ рука его потянулась назадъ за винтовкой, и рѣшилъ подбѣжать къ посту раньше, чѣмъ они успѣютъ начать стрѣльбу; я кинулся впередъ, крича „банзай“—единственное знакомое мнѣ слово, и стараясь въ то же время схватить за руку первого попавшагося солдата. Къ несчастью, мои побужденія были превратно поняты—солдаты, не очухавшись отъ сна и воображая, что какой-то врагъ готовится проткнуть его въ темнотѣ штыкомъ, потерявъ равновѣсіе и упавъ въ траншею; я тоже потерялъ равновѣсіе и повалился за нимъ, очутившись какъ разъ посреди людей поста; здѣсь мы образовали спутанную, боровшуюся массу. Оказалось, что это былъ самый лучший исходъ—фельдфебель и часовые, видя, что ихъ цѣль вдругъ пропала, воздержались и не стрѣляли. Тѣмъ временемъ, мой товарищъ, все еще находившійся внѣ траншеи, бросился на землю и началъ кричать по-японски, что мы англичане и друзья. Какъ только японскіе солдаты узнали, какой мы національности, они не знали какъ извиниться за свой промахъ. Однако, этимъ инцидентъ еще не былъ исчерпанъ: какой-то молодой солдатъ, проснувшись минутъ черезъ пять послѣ того, какъ все было кончено, и устыдившись, что онъ, какъ ему казалось, не участвовалъ въ дѣлѣ, кинулся впередъ, чтобы заколотъ оставшихся враговъ, и его товарищамъ съ трудомъ удалось удержать его.

Картина, открывшаяся передъ нами, была дѣйствительно великолѣпная и единственная въ лѣтописяхъ войны; тотъ, кому удалось ее видѣть, никогда не забудетъ ее.

Было бы бесполезно пытаться описать передвиженія войскъ, или дѣйствія отдѣльных лицъ во время этого большого ночного боя. Даже японскіе штабы, впоследствии, не могли точно указать, что происходило... Въ теченіе всего дѣла, продолжавшагося съ 10 час. вечера до 6 час. утра, я не могъ различать ни единого отдѣльнаго солдата ни съ одной стороны, если не считать нѣсколькихъ японскихъ артиллеристовъ; тѣмъ не менѣе, можно было слѣдить за хо-

домъ боя, какъ по звукамъ выстрѣловъ, такъ и собственными глазами. Мы могли бы рассказать всѣ передвиженія войскъ и всѣ колебанія между побѣдой и поражениемъ, но не потому, что мы видѣли самыя войска, а по непрерывно мѣнявшимся направлениемъ лучамъ не менѣе семи сильныхъ прожекторовъ и по разрыву безчисленныхъ свѣтящихся ракетъ, безпорядочно мелькавшихъ среди огоньковъ ружейныхъ выстрѣловъ и разрывовъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Весь ужасъ, царившій впереди линіи фортовъ, былъ ясно виденъ, когда лучи прожектора, перебѣгая съ одной стороны на другую, останавливались на атакованныхъ высотахъ. У русскихъ прожектора были поставлены: на Золотой горѣ, у входа въ гавань, на батарее лит. Б. (Хигаши Кейкваншань), на форту III (Нирушань), укрѣпленіи № 3 (Шоюшань), Зубчатой батарее (Шіоанчишань) и форту IV (Ицзушань).

Ночью 10 (23) августа ни одну изъ этихъ позицій не штурмовали, и лучи прожекторовъ освѣщали мѣстность передъ Б. Орлинымъ Гнѣздомъ.

Но русскіе не удовлетворялись такимъ освѣщеніемъ долины Шуйшуинъ, они непрерывно выпускали свѣтящія ракеты надъ каждымъ пунктомъ, казавшимся имъ подозрительнымъ, гдѣ можно было ожидать наступленія японцевъ.

Прожекторы и свѣтящія ракеты, разрывы шрапнелей, трескъ ружейнаго огня и ужасающій рокотъ русскихъ пулеметовъ превращали ночь 10 (23) августа въ настоящій адъ, изъ котораго, казалось, никто не можетъ уйти живымъ. По звуку перестрѣлки было замѣтно, что наиболѣе рѣшительный бой происходитъ на склонахъ Б. Орлинаго Гнѣзда, слѣдовательно японцы штурмовали со стороны редутовъ № 1 и № 2 (Банрушань).

Въ продолженіи около получаса перестрѣлка, казалось, сосредоточилась на одномъ мѣстѣ, звуки ни приближались, ни удалялись. Около Б. Орлинаго Гнѣзда прожекторы оказывали меньше пользы, такъ какъ склонъ высоты защищали штурмующихъ японцевъ отъ лучей прожектора. Лучи свѣта, которые не могли освѣщать пѣхоту, направлены были на

позиціи японской артиллеріи. Временами потоки свѣта задерживались и отдыхали на высотѣ, съ которой мы наблюдали за сраженіемъ. Тогда фельдфебель отдавалъ по-японски какой-то приказъ, всѣ бросались на землю и не двигались, пока лучи не переходили на какую-нибудь другую высоту. Какъ-то лучъ прожектора освѣтилъ насъ и оставался на этомъ мѣстѣ въ продолженіи получаса; все это время намъ пришлось пролежать смирно на острыхъ камняхъ, изъ боязни привлечь на себя вниманіе русской артиллеріи.

Постъ, на который мы волею судьбы наткнулись, принадлежалъ къ составу 1-го полка, штабъ котораго былъ расположенъ на крайнемъ западѣ, но въ виду большихъ потерь, понесенныхъ 9-ой дивизіей, ихъ послали на усиленіе генерала Ошима, и въ эту ночь они занимали линію передовыхъ постовъ.

Интересно было наблюдать за поведеніемъ японцевъ, когда разгорался бой. Солдаты совсѣмъ позабыли о снѣ; собравшись вокругъ своего фельдфебеля, они возбужденнымъ тономъ обсуждали положеніе дѣлъ; замѣтно было, что они были озабочены исходомъ боя, а еще болѣе—вопросомъ, нельзя ли пойти впередъ, на помощь своимъ товарищамъ.

Нѣсколько впереди насъ видна была другая высота, съ которой открывался лучшій видъ, хотя она и была немного ниже; я выразилъ желаніе пройти къ этому наблюдательному пункту, но фельдфебель уперся и отказался дать намъ разрѣшеніе на это. Тогда мы начали уговаривать его продвинуть впередъ свой постъ; совѣты наши, повидимому, очень нравились ему, но онъ отвѣтилъ, что это невозможно. Солдаты тоже просили его продвинуться впередъ, такъ какъ и они очень интересовались боемъ, но фельдфебель отказалъ въ ихъ просьбѣ.

Никогда я не видѣлъ такой красивой картины, какъ русскіе прожекторы въ ночь 10 (23) августа; лучи этихъ чудовищъ рыскали по всей долинѣ Шуйшуинъ, сосредоточиваясь на томъ или другомъ пунктѣ, гдѣ японцы собирались въ большомъ числѣ. Несчастные солдаты, глядя въ это море

свѣта, не могли стрѣлять, а въ то же время сами оставались на виду у противника; это былъ первый случай примѣненія прожекторовъ, какъ средства обороны, и результаты превзошли всякія ожиданія.

Оставшіеся въ живыхъ рассказывали мнѣ, что лучи не позволяютъ смотрѣть впередъ и заставляютъ людей метаться въ поискахъ за какимъ-нибудь закрытіемъ отъ этого ужаснаго врага; но всѣ ихъ старанія напрасны, лучи все время слѣдуютъ за ними, а за лучемъ идетъ пулеметъ.

Посреди этой борьбы, которая должна была рѣшить судьбу Портъ-Артура, а можетъ быть даже Куропаткина и сѣверныхъ армій, произошелъ незначительный фактъ, рѣзко подчеркнувшій отличную организацію японской арміи, которую не могло нарушить даже самое горячее сраженіе.

Мы сидѣли въ траншеѣ, устремивъ взоры на освѣщенную передъ нами мѣстность, какъ вдругъ часовой окрикнулъ кого-то, подходившаго съ востока; отвѣтъ былъ удовлетворительный и подошедшему разрѣшили приблизиться; появились два солдата, таща мѣшокъ, который они и передали фельдфебелю; онъ сейчасъ же открылъ его и тамъ оказалось множество шариковъ варенаго рису. Рису вынули и дали по одному шарiku каждому солдату поста; кромѣ того, фельдфебель взялъ два добавочныхъ шарика, для моего товарища и меня. Затѣмъ, закрывъ мѣшокъ, онъ передалъ его обратно двумъ солдатамъ, которые и пошли съ нимъ на слѣдующій постъ. Ужинъ былъ принесенъ во время и всѣ охотно принялись за него; въ каждомъ шарикѣ былъ комочекъ соли для возбужденія аппетита; японцы чрезвычайно любятъ это кушанье.

Было около часу ночи и мы только-что кончили нашу скромную трапезу; перестрѣлка нѣсколько ослабѣла.

Вдругъ, совершенно неожиданно, она возобновилась съ такимъ ожесточеніемъ, что японцы собрались въ кружокъ, оперлись на свои винтовки и съ испугомъ уставились другъ на друга. И это было понятно. Навѣрно, никогда никто, до сего времени, не слыхалъ на полѣ сраженія такого оглуши-

тельнаго, выдержаннаго, сосредоточеннаго огня. Казалось, что звукъ исходитъ изъ одного орудія-чудовища, а не изъ тысячъ ружей; то былъ какой-то непрерывный гулъ, среди котораго нельзя было отличить даже треска пулеметовъ. Артиллерія съ обѣихъ сторонъ заразилась этимъ оглушительнымъ шумомъ и, не смотря на темноту, открыла бѣшеную стрѣльбу безъ опредѣленнаго направленія, которая только усиливала блескъ картины. Несмотря на то, что все это происходило очень быстро, наблюдателю казалось, что или обѣ стороны будутъ уничтожены, или же изсякнутъ боевые припасы и исходъ боя будетъ рѣшенъ штыками. Солдаты поста подтверждали это; ихъ темныя лица стали еще мрачнѣе, и они умоляли своего фельдфебеля разрѣшить имъ перейти на высоту впереди, гдѣ они надѣялись имѣть лучшій кругозоръ, но фельдфебель опять отказалъ имъ въ просьбѣ.

Сколько длилась эта ружейная перестрѣлка, сказать трудно; можетъ быть минутъ десять или четверть часа, а можетъ быть и меньше. Прожекторы, по всей линіи, не обращали никакого вниманія на мѣстность прямо передъ собой и сосредоточивали свои лучи на томъ пунктѣ, гдѣ происходилъ бой, какъ будто ихъ назначеніе было—давать свѣтъ сражающимся.

Такъ же неожиданно, какъ началась ружейная перестрѣлка, вдругъ прекратилась, а вмѣсто нея понесся другой, болѣе воодушевляющій звукъ. Изъ темноты, охватившей вершину Б. Орлинаго Гнѣзда свинцовымъ покровомъ и пересѣкаемой лишь огнями ружейныхъ выстрѣловъ, пронеслись вдругъ громкіе крики „банзай“, вырвавшіеся изъ тысячъ японскихъ устъ; звуки эти перекатились по всей линіи атакующихъ, а эхо ихъ повторило между высотами, лежащими сзади; здѣсь ихъ подхватили и передали на передовые посты. Для наблюдателя эта минута была полна драматизма. Три часа мы пялили свои глаза на боевые огни передъ нами, три часа мы прислушивались къ треску ружей, три часа мы провели въ сомнѣніи и тревогѣ и ничто не указывало намъ—побѣда или пораженіе; только безпрестанно перебѣгали лучи прожекторовъ и мѣнялось направленіе звуковъ.

Теперь, какъ награда за эту ночь, великолѣпія или ужаса—трудно сказать, понеслись эти дивные звуки „банзай“.

Радостные крики рѣдко приходится слышать на поляхъ сраженій; они скорѣе составляютъ принадлежность мирнаго времени.

Теперь, впервые, я былъ способенъ понять всю ту огромную нравственную силу, которую вызываютъ крики побѣды. Описаніе великихъ боевъ прошлаго невольно воскресло въ памяти; я только теперь понялъ, чего стоили крики англичанъ послѣ удара въ штыки во время войны въ Испаніи, или какъ должны были звучать для союзниковъ на „Mont St. jean“, хриплые крики „Vive l'Empereur“, съ которыми пошла въ послѣднюю атаку старая гвардія подъ Ватерлоо.

Удерживать дольше солдатъ на томъ пунктѣ, гдѣ я находился, было невозможно, да фельдфебель теперь и не дѣлалъ попытки удержать ихъ. Всѣ, схвативъ винтовки, бросились вдоль по склонамъ, ведущимъ къ лежащей впереди высотѣ; они спотыкались о камни, падали въ канавы и кричали какъ безумные „банзай“. Они поняли эти крики, какъ побѣду и уже не допускали неудачи.

Когда мы добрались до нашей новой позиціи, стрѣльба на Б. Орлиномъ Гнѣздѣ возобновилась, но нѣсколько позже она начала постепенно спускаться въ вершины горы: это имѣло видъ, какъ будто японцы не удержались на занятой позиціи и отступали назадъ къ редутамъ № 1 и № 2 (Банрушанъ). Другой зловѣщій признакъ, что дѣла идутъ нехорошо, былъ тотъ, что вдругъ японская артиллерія открыла огонь по Б. Орлиному Гнѣзду; это могло лишь означать, что японская пѣхота выбита съ горы. Эти крики „банзай“ обозначили поворотный пунктъ въ сраженіи; хотя и было естественно понять ихъ какъ побѣду, но въ дѣйствительности въ нихъ прозвучалъ погребальный звонъ надъ преждевременной попыткой взять Портъ-Артуръ открытой силой.

Бой тянулся всю ночь съ почти не ослабѣвающимъ ожесточеніемъ. Звуки выстрѣловъ постепенно удалялись отъ Б. Орлинаго Гнѣзда и гора стояла погруженная во мракъ.

Противники бились теперь, шагъ за шагомъ, за обладаніе редутами № 1 и № 2 (Банрушанъ) и долиной Шуйшунинъ. Около 4 час. утра стрѣльба перешла почти къ подошвѣ желѣзнодорожной насыпи. Здѣсь, передъ самымъ разсвѣтомъ, произошла послѣдняя отчаянная схватка, которая обозначала переворотъ въ судьбѣ сражающихся. Русскіе преслѣдовали японцевъ, беспорядочно бѣгущихъ внизъ, по склонамъ Б. Орлинаго Гнѣзда, въ долину Шуйшунинъ. Въ концѣ концовъ, японцевъ встрѣтили сильныя подкрѣпленія, состоявшія изъ 18-ой бригады. Люди этой бригады залегли за насыпью и остановили дальнѣйшее наступленіе противника. Русскіе, разстроенные большими потерями, лишній разъ принуждены были отступить, удовлетворившись тѣмъ, что отбили своихъ враговъ съ огромными жертвами. Они отступили подъ прикрытіе своихъ фортовъ, предоставивъ японцамъ вновь занять редуты № 1 и № 2 (Вост. и Зап. Банрушанъ).

Штурмъ на Б. Орлиное Гнѣздо былъ не единственнымъ предпріятіемъ за эту полную событий ночь. Въ двухъ другихъ пунктахъ японцы атаковали, или производили демонстраціи: около 2 час. ночи слышалась частая стрѣльба на западѣ, въ направленіи къ форту IV (Ицзушанъ); 11-я дивизія атаковала какое-то укрѣпленіе на востокѣ.

Въ то же время русскіе изъ укрѣпленій, расположенныхъ къ югу отъ д. Шуйшунинъ, произвели рѣшительную вылазку.

Но послѣ неудачи штурма на Б. Орлиное Гнѣздо и послѣдовавшей за этимъ рѣшительной контръ-атаки русскихъ, стало вполне очевидно, что остальные атаки были лишь демонстраціи, которыми старались нѣсколько ослабить силу удара и отвлечь прожекторы отъ полуослѣпшихъ людей, державшихся еще у подножія редутовъ № 1 и № 2 (Банрушанъ).

Около 3-хъ час. ночи доносившійся съ востока крикъ „банзай“ нѣсколько поднялъ упавшій духъ японцевъ и на минуту мы подумали, что тамъ былъ достигнутъ нѣкоторый успѣхъ, но звукъ какъ-то постепенно заглохъ и болѣе мы его не слышали въ эту ночь.

Въ 5 час. утра пѣхота обѣихъ сторонъ возобновила

перестрѣлку, но къ этому времени, какъ я узналъ въ послѣдствіи, у японцевъ начали изсякать боевые припасы, что и положило рѣшительный конецъ бою. Возобновить бой на открытой долині Шуйшуинъ, при дневномъ свѣтѣ, оказалось бы совершенно невозможно, такъ какъ обѣ стороны, и русскіе и японцы, стояли бы здѣсь совершенно открыто подъ огнемъ сотенъ артиллерійскихъ орудій. Поэтому съ разсвѣтомъ бой прекратился къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Истомленные русскіе солдаты были довольны, что они могутъ отойти подъ защиту своихъ долговременныхъ укрѣпленій. Японцы, равнымъ образомъ измученные, были отведены подъ прикрытіе высотъ, на сѣверной сторонѣ долины Шуйшуинъ, чтобы выждать окончанія постройки осадныхъ параллелей. Склоны Б. Орлинаго Гнѣздо и Заредутной батареи, а также мѣстность около редутовъ (Банрушанъ) были оставлены во владѣніи тысячъ убитыхъ и раненыхъ—единственного результата этой кровавой схватки.

Я тщательно старался описать атаку на Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай) ночью 10 (23) августа въ томъ видѣ, какъ она представлялась мнѣ лично, но такое описаніе слѣдуетъ, конечно, дополнить свѣдѣніями, въ послѣдствіи собранными въ штабахъ и полученными при опросѣ оставшихся въ живыхъ участниковъ боя.

Теперь же я попытаюсь въ краткихъ словахъ, сжато, передать эти свѣдѣнія, чтобы дать отчетливую картину того, что произошло.

Вскорѣ послѣ 10 час. вечера, 6-ая бригада руководимая оставшимися въ живыхъ людьми 7-го полка, перешла черезъ лощину, между редутами № 1 и № 2 (Банрушанъ), и двинулась для атаки высоты, на которой была расположена Заредутная батарея (укрѣпленіе Н).

Русскіе, повидимому, не оказали большого сопротивленія на линіи Китайской Стѣны и позволили бригадѣ пройти за нее, гдѣ она моментально была сметена огнемъ русскихъ стрѣлковъ и пулеметовъ. Позже одинъ солдатъ рассказывалъ мнѣ, что онъ думалъ, что у каждаго русскаго солдата

былъ пулеметъ. Въ то же время 10-ая бригада 11-ой дивизіи наступала на лѣвомъ флангѣ и атаковала Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай) съ сѣверо-востока. Ихъ тоже встрѣтили страшнымъ огнемъ не только съ вершины горы, но также съ форта II (Сѣв. Кейкваншанъ), находившагося какъ разъ въ тылу у атакующаго. Несмотря на тяжелыя потери, японцамъ удалось кое-гдѣ занять вершину Б. Орлинаго Гнѣзда между 1 час. и 2 час. ночи, когда ободренные этимъ успѣхомъ войска и закричали „банзай“. 6-ая бригада, тѣмъ не менѣе, потерпѣла неудачу при атакѣ на Заредутную батарею (укрѣпленіе Н).

Къ несчастью, японцамъ не удалось удержаться на Бол. Орлиномъ Гнѣздѣ, такъ какъ русскіе сосредоточили на этой вершинѣ губительный огонь съ форта II (Сѣв. Кейкваншанъ) и со Скалистаго Гребня (Нов. Банрушанъ). Въ особенности японцы страдали отъ огня послѣдняго, скоро заставившаго 6-ую бригаду отойти.

8-ой резервный полкъ, изъ г. Осака, составлялъ гарнизонъ редута № 2 (Зап. Банрушанъ); его поддерживалъ 9-ый резервный полкъ. Наступленіе этого полка, если бы оказалось нужнымъ двинуться для поддержки 6-ой бригады, входило въ первоначальный планъ; онъ долженъ былъ идти на штурмъ Скалистаго Гребня (Нов. Банрушанъ), огонь котораго причинилъ столько вреда войскамъ, атаковавшимъ Б. Орлиное Гнѣздо. Войска изъ г. Осака пользовались плохой репутаціей въ японской арміи, еще съ китайской войны; были, какъ оказалось, недочеты въ поведеніи этихъ резервистовъ и въ эту памятную ночь, въ той важной роли, которая выпала на ихъ долю. Нѣсколько наиболѣе храбрыхъ ветерановъ 7-го и 35-го полковъ были посланы въ 8-ой полкъ, чтобы указывать путь и вести ихъ въ атаку. Въ самый критическій моментъ, когда 6-ая бригада была сбита, 8-ой полкъ долженъ былъ двинуться впередъ ей на помощь, для атаки Скалистаго Гребня (Нов. Банрушанъ). Приказали наступать, но ничто не могло заставить 8-ой полкъ покинуть закрытіе въ траншеяхъ редута № 2 (Зап. Банрушанъ)

и въ мертвомъ пространствѣ за этимъ укрѣпленіемъ. Напрасно ветераны 7-го и 35-го полковъ жертвовали своей жизнью, чтобы своимъ примѣромъ подбѣйствовать на 8-ой полкъ. Приѣзжали штабные офицеры и упрашивали колеблющийся полкъ—двинуться впередъ, но все было напрасно: ничто не могло заставить солдатъ, скорчившихся за своими траншеями, стать лицомъ къ лицу съ свинцовымъ дождемъ и раздѣлить участь своихъ товарищей. Тогда нѣкоторые офицеры, видя, что дальнѣйшія убѣжденія бесполезны, начали рубить своихъ собственныхъ людей шашками, но гдѣ не принесло пользы убѣжденіе, тамъ и сила не помогла.

Послѣдствія этого отказа, со стороны войскъ изъ г. Осака, были крайне тяжелы для 6-ой и 10-ой бригадъ, на Б. Орлиномъ Гнѣздѣ; они дальше не могли удерживать занятія ими позиціи подъ огнемъ русскихъ и не устояли противъ рѣшительной контръ-атаки, поведенной Стесселемъ. 6-ая бригада была сбита первой, а затѣмъ 10-ая, и, когда они дошли до Китайской Стѣны, оказалось, что русскіе сомкнулись сзади нихъ, отрѣзавъ имъ путь отступленія. Такимъ образомъ, этимъ несчастнымъ войскамъ пришлось пробивать себѣ путь, чтобы вернуться подъ защиту редута № 1 (Вост. Банрушань).

Въ это время русскіе, сильно ободренные успѣхомъ, не удовлетворились тѣмъ, что выбили своего врага, а преслѣдуя его, двинулись въ атаку на редуты № 1 и № 2 (Вост. и Зап. Банрушань). Что здѣсь въ дѣйствительности произошло — трудно сказать. Остатки 6-ой и 10-ой бригадъ были отброшены за редуты, въ долину Шуйшуня, и дошли до желѣзнодорожной насыпи, гдѣ 18-ая бригада сдержала дальнѣйшее наступленіе русскихъ; при этомъ отступленіи они увлекли за собою и 4-ую резервную бригаду (8-ой, 9-ый и 38-ой полки).

Русскіе продолжали наступать, пока не дошли до насыпи, гдѣ они наткнулись на рѣшительное сопротивление не только тѣхъ войскъ, которыя они только что сбили, но и 18-ой бригады 9-ой дивизіи, не участвовавшей въ ночномъ бою. Скоро

преслѣдующіе были принуждены вернуться въ редуты № 1 и № 2 (Банрушань).

Не ясно, дѣйствительно-ли японцы потеряли эти два укрѣпленія, или же нѣкоторые солдаты пробыли въ нихъ всю ночь, скрываясь среди обломковъ. Генералъ Ичинохэ лично говорилъ мнѣ, что его не выбивали изъ редутовъ (Банру-

Укрѣпленіе, захваченное Японцами и обратно взятое Русскими.

шань); въ такомъ случаѣ русскіе, во время преслѣдованія, должны были пройти между укрѣпленіями, а не черезъ нихъ.

Хотя русскіе и потерпѣли неудачу въ томъ смыслѣ, что не взяли обратно потерянныхъ ими редутовъ № 1 и № 2, все-же, честь успѣха въ этомъ ужасномъ бою, несомнѣнно, на ихъ сторонѣ.

Они съ успѣхомъ отразили атаку, которую японцы намѣревались обратить въ рѣшительную атаку на крѣпость.

Своему упорному врагу они нанесли потери въ 15.000 человекъ убитыхъ и раненыхъ, и очень удачно затянули осадныя операціи японцевъ, такъ что болѣе мѣсяца японцы не дѣлали никакихъ попытокъ противъ какой-либо изъ русскихъ позицій.

Сверхъ всего, Ояма былъ принужденъ перейти въ наступленіе противъ Куропаткина, окопавшагося у Ляояна, безъ поддержки 3-й арміи генерала Ноги.

ГЛАВА X.

Лагерная жизнь японцевъ.

Съ отбитіемъ атаки японцевъ на Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай), ночью 10 (23) августа, первый періодъ осады кончился. Онъ окончился, какъ и нужно было ожидать, полной неудачей осаждающаго, пренебрегшаго всѣми общепризнанными правилами современной военной науки. Японцы, совершенно не обращая вниманія на опытъ другихъ армій при атакѣ крѣпостей и не имѣя въ исторіи своей страны примѣровъ, которыми можно было бы руководствоваться, безумно бросились въ атаку противъ позицій, одинъ видъ которыхъ смутилъ бы солдатъ другихъ національностей. Они полагались на храбрость и самопожертвованіе своей пѣхоты, вполне испытанной во многихъ случаяхъ, и думали, что это замѣнитъ научную подготовку и тяжелыя осадныя орудія.

Обѣ арміи были такъ истомлены напряженіемъ послѣднихъ пяти дней, что утромъ 11 (24) августа по всей линіи царил тишина. Сдѣлано было нѣсколько отдѣльных выстрѣловъ, но у японцевъ было такъ мало боевыхъ припасовъ, что не могло быть и рѣчи относительно какой-либо бомбардировки. Въ бою, наканунѣ ночью, у 9-ой дивизіи не хватило патроновъ, такъ что солдаты продолжали бой, собирая патроны со своихъ убитыхъ товарищей. 9-ая дивизія, вполне заслуживающая названіе „Десятаго Легіона“

арміи генерала Ноги, послѣ цѣлаго ряда этихъ боевъ, почти перестала существовать, какъ боевая единица; пока не прибыли изъ Японіи подкрѣпленія на пополненіе рядовъ дивизіи, ею можно было пользоваться лишь для небольшихъ предприятий, или для легкихъ стычекъ.

Въ слѣдующіе, за этой ужасной борьбой, дни всѣхъ безпокоилъ вопросъ о судьбѣ тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ несчастныхъ, которые лежали раненые у Китайской стѣны, за редутами № 1 и № 2 (Банрушань) и на склонахъ Б. Орлинаго Гигъзда (Бодай). Совершенно невозможно было подбирать ихъ; ожесточенное настроеніе сражавшихся, близость неприятельскихъ линій и, наконецъ, необходимость держать, насколько возможно, въ секретѣ характеръ мѣстности и оборонительныхъ сооружений, не позволяли возбудить вопросъ о временномъ перемиріи для подбора раненыхъ и похоронъ убитыхъ. Такимъ образомъ 7.000 убитыхъ и раненыхъ японцевъ, не считая русскихъ, оставались лежать на небольшомъ участкѣ мѣстности между линіями противниковъ, тогда какъ, въ разстояніи человѣческаго голоса, находились тысячи ихъ друзей, готовыхъ все отдать за возможность помочь имъ. Но, такова война!

Разсказы нѣкоторыхъ раненыхъ, перестрадавшихъ все это, слишкомъ ужасны, чтобы повторять ихъ.

Многіе изъ тѣхъ, кто былъ еще въ состояніи двигаться, въ теченіе дня лежали тихо, но затѣмъ, подъ покровомъ ночи, съ трудомъ подползали къ своимъ линіямъ; здѣсь ихъ поднимали товарищи и отправляли назадъ въ госпитали. Многіе раненые лежали по нѣсколько дней, вблизи своихъ друзей, пока, наконецъ, смерть не прекращала ихъ страданій. Находившіеся въ траншеяхъ японскіе солдаты выбрасывали галеты и небольшіе пакеты риса, въ расчетѣ, что какой-нибудь раненый, который не можетъ двигаться и умираетъ съ голоду, найдетъ ихъ. Многіе были спасены такой помощью, а въ особенности драгоценными флягами съ водой, которыя солдаты выбрасывали раненымъ изъ траншей. Подъ покровомъ ночи, партіи санитаровъ пробирались впередъ и обы-

скивали нижніе склоны горы, въ поискахъ за ранеными. Многихъ спасли, но сотни лежавшихъ выше на горѣ, ближе къ русскимъ линіямъ, погибли ужаснѣйшимъ образомъ. Офицеры, включая даже штабныхъ, сопровождали солдатъ во время этихъ ночныхъ экскурсій. Часто партіи санитаровъ встрѣчали русскихъ, вышедшихъ съ той же цѣлью, и въ полуночное время происходили стычки между партіями, которыя одинаково исполняли дѣло милосердія, но не догадывались о намѣреніяхъ встрѣченнаго ими противника.

Сильная жара, стоявшая въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ на Ляодунскомъ полуостровѣ, вызвала очень быстрое разложеніе тѣлъ убитыхъ; такимъ образомъ, ко всѣмъ прочимъ ужасамъ въ передовыхъ траншеяхъ, прибавилась еще вонь отъ разлагающихся труповъ своихъ же товарищей, оставшихся безъ погребенія. Санитарныя условія въ передовыхъ траншеяхъ были отвратительны: чтобы часовые могли стоять на посту, фельдшера должны были давать имъ платки, пропитанные нашатыремъ; несмотря на это, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ часовые не могли оставаться на своемъ посту болѣе получаса.

Замѣчательно, что подобныя антисанитарныя условія не вызвали развитія эпидемій; въ теченіе всей осады было очень мало случаевъ эпидемическихъ болѣзней, которыя навѣрно опустошали бы каждую европейскую армію. Только таинственная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ „бери-бери“, погубила за время войны тысячи японскихъ солдатъ. Въ одной арміи генерала Ноги было 15.000 случаевъ болѣзни за іюль, августъ и сентябрь мѣсяцы. Причины, вызывающія „бери-бери“, до сихъ поръ еще составляютъ предметъ большихъ разногласій. Въ мирное время, въ Японіи производились опыты съ цѣлыми полками; опыты эти ясно показали, что болѣзнь главнымъ образомъ преобладаетъ среди тѣхъ, кто питается исключительно рисомъ. Это, конечно, далеко не удовлетворительное объясненіе; вѣдь и среди китайцевъ, населяющихъ Ляодунскій полуостровъ, болѣзнь производила значительныя опустошенія, а они почти никогда не упо-

требляютъ риса и питаются главнымъ образомъ чумизой ¹⁾ и ячменемъ ²⁾. Начальникъ госпиталей арміи говорилъ мнѣ, что развитіе „бери-бери“ можно остановить, примѣшивая къ рису, выдаваемому войскамъ, хлѣбныя зерна и добавляя къ нему зеленыхъ овощей. Это было отлично извѣстно еще до войны; Медицинское управленіе, въ предупрежденіе развитія болѣзни, старалось войти въ соглашеніе съ Интендантствомъ, чтобы полевые войска снабжались въ равной мѣрѣ рисомъ и зерновымъ хлѣбомъ, специально для борьбы съ „бери-бери“. Интендантство никакъ нельзя было убѣдить согласиться на это предложеніе, такъ какъ рисъ гораздо удобнѣе для перевозки. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ того какъ тысячи японскихъ солдатъ были выведены изъ строя этой болѣзью, Интендантство удалось, наконецъ, убѣдить, а быть можетъ ему просто приказали, примѣшивать къ рису зерновой хлѣбъ. Число заболѣваній послѣ такой перемѣны въ пищѣ быстро уменьшилось. вмѣстѣ съ тѣмъ, „бери-бери“ болѣзнь теплаго времени года; наступленіе холодовъ, въ концѣ сентября, быстро прекратило болѣзнь.

Изъ пищевыхъ продуктовъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ ничего лучше для снабженія солдата въ военное время, чѣмъ рисъ: онъ очень удобенъ для перевозки, очень питателенъ; войска на походѣ, какъ показалъ опытъ послѣдней войны, могутъ нѣсколько дней питаться самымъ ограниченнымъ количествомъ риса, которое солдаты берутъ съ собой въ карманъ; кромѣ того, онъ меньше вызываетъ жажду, чѣмъ обычная пища, въ родѣ мяса и галетъ, что весьма важно въ жаркомъ климатѣ. Къ тому же рисъ легко варить и, хотя на европейскій вкусъ онъ не особенно пріятенъ, но его легко сдѣлать вкуснымъ, прибавивъ небольшое количество обыкновенныхъ приправъ, какъ масло, печеные фрукты, пикули, или

¹⁾ Особый сортъ проса.

²⁾ Подъ этимъ словомъ авторъ вѣроятно подразумѣваетъ мѣстное растеніе—гаолянъ.

маринованныя сливы; послѣднія особенно были въ ходу у японцевъ. Для поджариванія вмѣстѣ съ рисомъ, войскамъ можно выдавать мясо въ самомъ ограниченномъ количествѣ, что гораздо лучше, чѣмъ выдавать мясо большими порціями, вмѣстѣ съ твердыми галетами, вызывающими жажду и портящими зубы. Странно будетъ, если другія арміи, послѣ опыта, вынесеннаго изъ недавней борьбы на Дальнемъ Востокѣ, не примутъ риса, въ качествѣ главнаго питательнаго продукта для войскъ, въ военное время. Если въ мирное время, отъ времени до времени, главнымъ образомъ во время маневровъ, кормить войска рисомъ, они быстро привыкнутъ къ нему во время войны. Замѣчательно также явленіе, что войска, питающіяся рисомъ, даже при самыхъ невыгодныхъ санитарныхъ условіяхъ, менѣе подвержены эпидемическимъ заболѣваніямъ, чѣмъ войска, питающіяся мясомъ. Такъ было подъ Портъ-Артуромъ, гдѣ, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, около 100.000 человѣкъ жили въ постоянныхъ лагеряхъ, содержавшихся возмутительно грязно.

12 (25) августа русскіе, видимо успокоенные, что со стороны японцевъ нѣкоторое время не будетъ попытокъ, ни ночью, ни днемъ, атаковать ихъ позиціи, начали, какъ бы въ видѣ вызова, болѣе сильную бомбардировку. Русскіе обстрѣливали, главнымъ образомъ, предполагаемыя позиціи японскихъ батарей, но иногда ихъ артиллеристы, желая отличиться, разбрасывали снаряды по разнымъ направленіямъ, отыскивая болѣе подходящую цѣль.

Нѣкоторые изъ европейцевъ, состоявшихъ при арміи, жили въ лагерѣ, разбитомъ подъ горой Хошанъ; близъ этого лагеря находилась очаровательная маленькая долина, по которой протекалъ ручей, снабжавшій лагерь водой и служившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было купаться съ нѣкоторымъ удобствомъ. Однажды, днемъ, солдатъ велъ внизъ по долину двухъ лошадей на водопой къ ручью, какъ вдругъ снарядъ, выпущенный наугадъ (изъ Портъ-Артура было безусловно невозможно видѣть эту долину), разорвался какъ разъ надъ этой группой,

убилъ одну лошадь, которая упала въ ручей (она испортила своимъ гнѣющимъ трупомъ воду ручья) и ранилъ другую, которая затѣмъ околѣла на берегу; солдатъ остался невредимъ.

Днемъ 12 (25) августа произошло столкновение на морѣ, по ту сторону Портъ-Артура, и ходилъ слухъ, что потопленъ „Новикъ“ ¹⁾.

Къ вечеру 13 (26) августа сапы, шедшія черезъ долину Шуйшунинъ къ взятымъ редутамъ № 1 и № 2 (Восточн. и Западн. Банрушань), были окончены. Съ этого времени было уже не трудно удерживать эти укрѣпленія, хотя русскіе и сдѣлали ночью, 14 (27) августа, отчаянную попытку вновь овладѣть ими; попытка кончилась неудачей.

Вечеръ 15 (28) августа принесъ новое развлеченіе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться по его волшебству и величію. Разразилась сильнѣйшая гроза; когда гроза была въ самомъ разгарѣ, въ 4 часа утра, вся японская артиллерія начала стрѣльбу залпами по городу и по фортамъ, а въ то же время пѣхота въ нѣсколькихъ мѣстахъ произвела ложныя атаки. Трудно понять, какая была цѣль этихъ демонстрацій, развѣ что генералъ Ноги считалъ возможнымъ, подъ покровомъ бури, взять кой-какія изъ передовыхъ позицій; дождь лилъ такими потоками, что далѣе нѣсколькихъ ярдовъ передъ собой ничего нельзя было различить. Съ вершины Хошаня картина была поразительно великолѣпна: полосы молній разсѣкали небеса, восемь большихъ прожекторовъ освѣщали мѣстность у подошвы фортовъ, а безчисленные свѣтящіе ракеты добавляли къ этой странной картинѣ свой преходящій блескъ. Въ 6 час. утра, ровно ничего не достигнувъ, израсходовавъ лишь драгоцѣнные снаряды, стрѣльба прекратилась и обѣ стороны успокоились ²⁾.

Съ момента окончанія боя на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ

¹⁾ Ничего подобнаго не было.

²⁾ Съ обѣихъ сторонъ это была ложная тревога, вызванная главнымъ образомъ взрывами нѣсколькихъ фугасовъ; отъ дѣйствія молній воспламенились электрическіе запалы фугасовъ и произошло нѣсколько случайныхъ взрывовъ.

Прим. перевод.

(Бодай), т.-е. съ утра 11 (24) августа, и до 6 (19) сентября въ операціяхъ японской арміи противъ Портъ-Артура наступило затишье. Ни одной позиціи не пытались болѣе штурмовать, но вмѣсто этого по ночамъ старательно выполняли одну изъ наиболѣе тягостныхъ работъ, выпадающихъ на долю арміи во время осады; то былъ періодъ, когда саперы были заняты постройкой осадныхъ параллелей противъ тѣхъ фортовъ, которые были избраны для атаки въ ближайшемъ будущемъ. День за днемъ, внѣшній видъ долины Шуйшунинъ мѣнялся, и тотъ, кто видѣлъ эту долину раньше, до начала этихъ огромныхъ инженерныхъ работъ, съ трудомъ разобрался бы въ новыхъ очертаніяхъ мѣстности. Миля за милей, рыли зигзагами траншеи, начавъ ихъ отъ прикрывающаго „дивизионнаго гребня“, черезъ открытую долину, пока переднія линіи не достигли подножія фортовъ. Саперамъ помогали рабочіе отряды, взятые изъ баталіоновъ боевой линіи: всѣ работали охотно для скорѣйшаго окончанія траншей. Въ теченіе дня, въ особенности когда сапы подошли къ подножію русскихъ позицій, работать было невозможно, вслѣдствіе огня артиллеріи и точной стрѣльбы отборныхъ стрѣлковъ, попадавшихъ въ каждого, кто хоть на дюймъ показывалъ свою голову изъ-за земляныхъ мѣшковъ.

Русская артиллерія дѣйствовала въ этотъ періодъ очень энергично и очень удачно, обстрѣливая японскія артиллерійскія позиціи. Главная японская батарея морскихъ орудій заслужила болѣе чѣмъ лестное вниманіе русской артиллеріи, причемъ потеряла много людей убитыми и ранеными, включая и своего командира, голова котораго была сорвана осколкомъ снаряда. 15 (28) августа одно японское орудіе было подбито снарядомъ, причемъ одинъ этотъ снарядъ убилъ и ранилъ 20 человекъ.

Раненые при этихъ бомбардировкахъ матросы и солдаты, а также тѣ, которыхъ доставляли изъ передовыхъ траншей, задавали полевымъ госпиталямъ не мало работы, въ теченіе этого, сравнительно спокойнаго мѣсяца; я имѣлъ здѣсь много удобныхъ случаевъ видѣть, какъ ведутъ себя японскіе сол-

даты, когда они ранены или лежатъ подъ ножомъ хирурга. Результатъ этихъ наблюденій заставилъ меня еще болѣе восхищаться этимъ своеобразнымъ народомъ, въ которомъ сочеталась храбрость почти доисторическихъ вѣковъ съ опытностью и развитіемъ грядущихъ вѣковъ. Японцы переносятъ страданія съ еще большимъ стоицизмомъ, чѣмъ турки. Медицинскія правила указывали, чтобы хлороформомъ пользоваться при ампутаціяхъ, но за всю осаду я не могу припомнить ни одного случая, когда я видѣлъ бы японскаго солдата хлороформированнымъ. Точно также я не могу припомнить, чтобы у кого нибудь изъ солдатъ вырвался стонъ во время перевязки, за исключеніемъ единственнаго случая въ редутѣ № 1 (Вост. Банрушань), гдѣ солдатъ былъ ужасно обожженъ снарядомъ и стоналъ, въ безсознательномъ состояніи. Мой другъ, капитанъ Фортеस्कю, военный агентъ Соединенныхъ Штатовъ, говорилъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ наблюденіе надъ ранеными японскими солдатами: они мало страдаютъ въ тотъ день, когда ранены, но очень сильно страдаютъ впослѣдствіи.

Однажды я разговаривалъ съ врачомъ въ одномъ изъ полевыхъ госпиталей, какъ принесли туда двухъ матросовъ, уцѣлѣвшихъ съ злосчастнаго броненосца „Хатцузе“, потопленнаго у Портъ-Артура въ маѣ мѣсяцѣ; оба они были опасно ранены русскимъ снарядомъ, разорвавшимся на ихъ батареѣ. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ въ голову, въ лѣвую ляжку и въ ноги, но наиболѣе тяжело онъ былъ раненъ въ правое бедро, гдѣ большой осколокъ длиной около $2\frac{1}{2}$ дюймовъ прошелъ насквозь между мясомъ и костью. Когда его положили на операціонный столъ, я предложилъ ему сигару; онъ ее жадно схватилъ, но врачъ сказалъ, что лучше во время операціи не курить; сперва ему перевязали болѣе легкія раны, а затѣмъ врачъ занялся тяжелой раной въ правомъ бедрѣ; чтобы извлечь кусокъ стали, все еще остававшійся въ ранѣ, врачъ принужденъ былъ вложить свою руку въ рану, которая была такъ глубока, что въ ней скрывалась вся кисть руки. Во время этой тягостной опера-

ціи матросъ не проронилъ ни звука, и лишь все время старался дотянуться до грудного кармана своего мундира, пока, наконецъ, врачъ, раздосадованный его движеніями, не спросилъ его, что онъ дѣлаетъ и почему онъ не лежитъ спокойно; матросъ отвѣтилъ по-японски и отвѣтъ его мнѣ перевели: онъ желаетъ дать вамъ папиросу, въ обмѣнъ за сигару, которую вы ему такъ любезно предложили; съ операціей пришлось обождать, пока матросъ не кончилъ этого важнаго дѣла.

Вѣжливость японскаго солдата дѣйствительно поразительна. Какъ-то разъ, при посѣщеніи 1-ой дивизіи, въ разстояніи какихъ-нибудь 15 миль отъ штабъ-квартиры генерала Ноги, я встрѣтилъ партію японскихъ солдатъ и, поговоривъ съ ними немного, далъ имъ нѣсколько папиросъ. Они знаками поблагодарили меня и я, конечно, вскорѣ позабылъ объ этомъ, но, черезъ нѣсколько дней, прибылъ изъ штаба ординарецъ, съ письмомъ отъ одного изъ этихъ солдатъ; они воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы получить разрѣшеніе добратъся до меня, за 15 миль, и официально поблагодарить меня за себя и своихъ друзей.

Въ концѣ августа главная квартира генерала Ноги находилась въ деревнѣ Содтайконъ ¹⁾, верстахъ въ 7 отъ линіи обложенья; къ концу мѣсяца штабъ продвинулся впередъ, въ деревню Суанцайгоу (Шандтайко), близко отъ цѣпи высотъ, образующихъ японскія пѣхотныя позиціи и удобно расположенную около желѣзной дороги. Деревня эта находилась въ сферѣ досягаемости непріятельскихъ орудій, хотя видѣть ее было невозможно, изъ-за промежуточныхъ высотъ; однако, русскіе, узнавъ отъ китайскихъ шпіоновъ, что здѣсь находится главная квартира арміи, неоднократно дѣ-

¹⁾ Пункта этого на картѣ автора нѣтъ, почему трудно опредѣлить — какой именно пунктъ имѣлъ авторъ въ виду. Китайскія названія весьма различно передаются не только на разныхъ языкахъ, но даже на одномъ и томъ же языкѣ разными лицами; разобраться въ этихъ отгѣнкахъ произношеній иногда бываетъ прямо невозможно.

ляли попытки добросить сюда снаряды, но такая бомбардировка никогда не бывала сильной и выдержанной. Я часто удивлялся, почему не дѣлали серьезныхъ попытокъ пробить крышу надъ головой Ноги ¹⁾).

Послѣ капитуляціи, настоящую причину этого раскрылъ самъ генераль Стессель, онъ объяснилъ, что былъ всегда точно освѣдомленъ относительно расположенія штабовъ, но что онъ не вѣрилъ, чтобы показанія китайскихъ шпионовъ были достовѣрны. Русскимъ, съ ихъ стремленіями къ комфорту и роскоши, казалось невѣроятнымъ, чтобы генералиссимусъ осаждающей арміи сталъ жить въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ къ боевой линіи ²⁾, прямо подъ орудіями крѣпости. Стессель былъ того мнѣнія, что Ноги имѣлъ свою главную квартиру въ Дальнемъ, или въ какой-нибудь удобной деревнѣ на линіи сообщеній, направляя изъ этого наблюдательнаго пункта всѣ операціи по телефону и иногда наѣзжая въ боевую линію.

Жилище генерала Ноги и его штаба было самого неприятельскаго характера; ничего не могло быть проще ихъ образа жизни, который служилъ примѣромъ для чиновъ всѣхъ ранговъ. Квартира Ноги состояла изъ небольшой китайской фанзы, стѣны которой были выкрашены бѣлой крас-

¹⁾ Если бы авторъ измѣрилъ разстоянія по точной картѣ, то онъ увидѣлъ бы, что разстояніе отъ д. Суанцайгоу до линіи фортвъ, на которыхъ стояли орудія крупныхъ калибровъ (укрѣпленіе № 3—6 дм. пушки Канэ, фортъ III—6 дм. крѣпостныя пушки)—не менѣе 15 вер., а до мѣста стоянки нашихъ броненосцевъ, въ гавани,—не менѣе 20 вер., т.-е. 116½ кабельтовыхъ. При такихъ разстояніяхъ, а главное, при полной невозможности корректировать стрѣльбу, конечно, не могло быть и рѣчи о дѣйствительной стрѣльбѣ артиллеріи и о серьезныхъ попыткахъ «пробить крышу надъ головой Ноги»; туда могли долетать лишь случайные снаряды.

²⁾ Едва ли 15 вер. можно считать слишкомъ близкимъ разстояніемъ отъ боевой линіи. Ни одинъ русскій генераль не жилъ въ Портъ-Артурѣ, во время осады, дальше 6—7 вер. отъ японскихъ осадныхъ батарей: слѣдовательно, всѣ они жили въ сферѣ самаго дѣйствительнаго артиллерійскаго огня. Здѣсь авторъ, очевидно, просто увлекается своими симпатіями къ японцамъ и антипатіей къ русскимъ.

Прим. перевод.

кой; фанза раздѣлялась на двѣ комнаты; въ одной генераль спалъ на походной кровати, а въ другой онъ работалъ. Позади фанзы былъ небольшой садикъ, съ однимъ-единственнымъ большимъ деревомъ, считавшимся роскошью на Ляодунскомъ полуостровѣ, гдѣ древесной растительности очень мало; подъ этимъ деревомъ, въ теченіе жаркаго времени, часто можно было видѣть генерала Ноги за работой, или совѣщавшимся съ офицерами своего штаба. Его начальникъ штаба, генераль Иджичи жилъ въ другой, подобной же китайской фанзѣ, изъ которой обитатели ея принуждены были выѣхать, но несомнѣнно получали за это вознагражденіе. Младшіе офицеры штаба размѣстились въ сосѣднихъ фанзахъ. Обитателей-китайцевъ, хотя они и принуждены были отдать свои лучшія помѣщенія японцамъ, не принуждали однако выселяться изъ района штабъ-квартиры; они временно помѣщались въ сараяхъ и другихъ, на видъ невзрачныхъ, строеніяхъ этой небольшой деревушки, или фермы, какъ ее можно было назвать.

Штабъ-квартира генерала Ноги казалась каждому европейцу, привыкшему къ блеску и обстановкѣ подобныхъ помѣщеній въ европейскихъ арміяхъ, слишкомъ скромной. У воротъ ходилъ взадъ и впередъ одинъ-единственный обтрепанный часовой; тутъ же, недалеко, за деревьями и кустарниками, расположена была конюшня для лошадей офицеровъ и ординарцевъ; нѣсколько курицъ, коза и поросенокъ бѣгали кругомъ, ожидая своей очереди — напитать генерала и его штабъ. Войдя въ ворота, вы находились прямо противъ дома генерала Ноги, и очень часто могли видѣть у входа генерала, разговаривающаго съ кѣмъ-нибудь изъ офицеровъ. Въ углу двора стоялъ телефонный домикъ, соединенный со всѣми штабами, вдоль линіи японскихъ войскъ; здѣсь же, по близости, группа китайскихъ женщинъ со своими ребятами гоняла осликовъ около жернововъ, размалывая муку семьѣ для завтрака. Тутъ перемѣшались въ полнѣйшемъ безпорядкѣ цыплята, поросята, козы, ординарцы, генералы, женщины и дѣти.

Крайняя простота во всемъ — была до настоящаго времени основной чертой японскаго характера; объясняется это многими причинами, но, главнымъ образомъ, съ европейской точки зрѣнія, бѣдностью массъ народонаселенія Японіи. Тамъ, гдѣ лучшіе люди страны бѣдны, нѣтъ соревнованія въ благосостояніи и въ показной сторонѣ жизни, а какъ результатъ этого, — не стыдятся показывать свою бѣдность самой скромной жизнью, простотой и непритязательностью. На транспортныхъ судахъ, совершающихъ рейсы между Японіей и Дальнимъ и принадлежащихъ, большей частью, компаніи Ниппонъ-Юзень-Кейша, правительство отпускало на обѣдъ для офицеровъ по десяти центовъ (около 10 коп.) въ день на человѣка. Воображаю, если бы послали англійскую армію въ Южную Африку и отпустили бы капитану парохода на довольствіе офицеровъ по 2½ пенса въ день на человѣка.

Всякій могъ бродить гдѣ угодно, вокругъ штабъ-квартиры, и во всякое время можно было видѣться съ офицерами штаба. Въ первый разъ я встрѣтилъ генерала Ноги, въ началѣ августа, въ деревнѣ Суанцайгоу (Шандтайко), сейчасъ же послѣ моего прибытія въ армію. Онъ вышелъ во дворъ своего дома, для представленія ему всѣхъ корреспондентовъ, и по тѣмъ немногимъ замѣчаніямъ, которыя онъ сдѣлалъ при этомъ, видно было, что это человѣкъ — недюжинный. Вспоминая сотни отказовъ и оскорбленій, которые европейцы должны были терпѣть на Дальнемъ Востокѣ отъ многихъ незначительныхъ, официальныхъ и неофициальныхъ, лицъ, вся важность которыхъ существовала лишь въ ихъ собственномъ воображеніи, обращеніе генерала Ноги являлось рѣзкимъ контрастомъ. Единственной радостью и цѣлью жизни первыхъ, казалось, было — отдѣлаться отъ чужестранца, хотя бы возбудивъ въ немъ чувство отвращенія и даже презрѣнія къ себѣ и своимъ землякамъ. Во второмъ же случаѣ, отрадно оглянуться назадъ, на мѣсяцы, проведенные съ человѣкомъ, который, казалось, находилъ особенное удовольствіе — создавать удобную и пріятную жизнь тѣмъ,

кто силой обстоятельствъ былъ поставленъ подъ его начальство.

На видъ, генералъ Ноги худощавъ и ростомъ нѣсколько выше, чѣмъ обыкновенно бываютъ японцы. Его небольшая голова покрыта сѣдыми волосами, обстриженными коротко, ежикомъ; онъ носитъ также короткую бороду. Форма его головы, острые глаза и подстриженная четырехугольная борода, дѣлають генерала Ноги очень похожимъ — на генерала Уллиса-Гранта ¹⁾, и, если судить по Портъ-Артуру, его понятія о способахъ веденія войны и боя не слишкомъ рѣзко отличаются отъ понятій знаменитаго сѣвернаго полководца. Хотя я никогда не слыхалъ, чтобы Ноги сказалъ какъ генералъ Грантъ: „я предполагаю вести бой на этой линіи все лѣто“, генералъ Ноги не только велъ бой на той же линіи все лѣто, но даже и большую часть зимы. Можно быть разныхъ взглядовъ относительно цѣлесообразности этихъ постоянныхъ фронтальныхъ атакъ, но не можетъ быть двухъ мнѣній относительно неизмѣнной настойчивости, выказанной генералиссимусомъ осаждавшей арміи. Ноги всегда былъ одѣтъ въ короткую черную куртку, украшенную спереди шнурами, въ бѣлые кожаные брюки и высокіе французскіе сапоги; онъ носилъ обычное японское кепи, какъ и всѣ чины арміи; на груди у него была одна только звѣзда.

Генералъ Ноги далеко не такъ флегматиченъ, какъ многіе изъ его земляковъ, и по временамъ онъ становится очень оживленнымъ; въ это время его жесты и манера разговора

¹⁾ Уллисъ-Грантъ — уроженецъ Штата Огіо Сѣверной Америки; родился 27 апрѣля 1822 г. Въ 1861 г., когда началась война за нераздѣльность союза, между Сѣверными и Южными штатами Сѣверной Америки, Грантъ вступилъ въ ряды арміи сѣверянъ и былъ назначенъ командиромъ 20-го полка. Недюжинныя способности выдвинули Гранта и 17 марта 1864 г. онъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ сѣверянъ, въ каковомъ званіи онъ блестяще закончилъ войну и заставилъ южанъ покориться; за это онъ двѣ раза подрядъ былъ избираемъ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки — въ 1868 и 1872 г.

указываютъ на характеръ, полный жизни и энергіи. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который такъ хорошо помнилъ бы всякія годовщины, будь то день рожденія его императора, или короля Эдуарда, или годовщина большой битвы; намъ всегда напоминало объ этихъ годовщинахъ письмо, получаемое изъ штаба и сопровождаемое бутылкой шампанскаго, чтобы мы могли, какъ говорятъ японцы, — „согрѣть наши руки“.

Начальникъ штаба 3-ей арміи, Иджичи, былъ человѣкъ совсѣмъ другого склада, чѣмъ его генералъ; въ то время какъ у Ноги во всемъ проглядывалъ вояка, Иджичи, со своими очками, скорѣе напоминалъ профессора, облачившагося въ нарядъ воина противъ своей воли. Иджичи могъ говорить и понималъ по-англійски, но не любилъ разговаривать на этомъ языкѣ.

Въ періодъ затишья я часто посѣщалъ начальниковъ дивизій; встрѣчался также съ большинствомъ командировъ бригадъ. Я никогда не забуду постоянной любезности и вниманія, которыя эти офицеры оказывали всѣмъ посѣщавшимъ ихъ части, несмотря на множество тяжелыхъ заботъ, обременявшихъ ихъ. Они всегда умѣли найти время, чтобы поговорить, или лично показать что либо интересное на своихъ позиціяхъ.

Эта черта—не показывать никогда признаковъ особой озабоченности или суетливости, которой обладаютъ всѣ азіатскія народности, особенно рѣзко замѣтна у японцевъ. Нѣтъ ничего важнаго, какова бы ни была обстановка. Среди ночи, или въ разгаръ боя японскій генералъ, да и вообще каждый японецъ, всегда будетъ сидѣть съ вами и разговаривать съ величайшей любезностью съ такимъ видомъ, будто вы единственное лицо, которое существуетъ для него, и будто вашъ разговоръ—единственная вещь, имѣющая для него въ данное время величайшій интересъ. Въ этомъ отношеніи они смѣло могутъ тягаться съ наиболее гостепріимными людьми въ мірѣ.

Послѣ неудачной попытки взять Портъ-Артуръ въ августѣ, японскія власти были въ нѣкоторомъ смущеніи, что дѣлать

съ иностранцами, находившимися при арміи. Первоначально, имѣлось въ виду разрѣшить имъ прибыть къ боевой линіи лишь для того, чтобы они были свидѣтелями окончательной атаки на крѣпость; но разъ эта атака потерпѣла неудачу, вся программа была разстроена. Еслибъ японскія власти распорядились отослать насъ обратно въ Японію, то секретъ ихъ несчастной попытки и тяжелыхъ потерь сталъ бы извѣстенъ всему міру, а именно этого они желали избѣжать. Они могли настоятельно попросить насъ оставаться въ Дальнемъ, или другомъ какомъ-либо пунктѣ на линіи сообщеній, и выжидать тамъ новаго оборота событій, но подобное путешествіе вызвало бы слишкомъ много обидъ и неудовольствій. Помимо того, многіе изъ насъ настаивали бы на скорѣйшемъ возвращеніи домой, чтобы не тратить напрасно времени, ничего не видя. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда колебаній, японцы пришли къ рѣшенію, которое, съ точки зрѣнія журналиста, было не особенно привлекательно, но для интересовавшихся войной и желавшихъ изучить ее въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, нельзя было придумать ничего лучше. Они остановились на томъ, что позволили, или даже заставили всѣхъ насъ, остаться при арміи, давъ при этомъ разрѣшеніе всюду ходить и все видѣть. Они не препятствовали даже намъ участвовать въ сраженіяхъ, если бы мы пожелали этого. Взамѣнъ, они настаивали лишь на томъ, чтобы мы не пытались поддерживать связь съ внѣшнимъ міромъ и не посылали никакихъ извѣстій о томъ, что происходило.

Если мы желали посѣтить какой-либо пунктъ въ расположеніи японскихъ войскъ, мы обязаны были пройти въ главную квартиру и заявить объ этомъ особому офицеру, специально назначенному для сношеній съ иностранцами. Каждый пунктъ широко раскинутого района операций японской арміи былъ соединенъ телефономъ съ главной квартирой генерала Ноги. Офицеръ этотъ телефонируетъ въ тотъ пунктъ, который вы желали посѣтить, чтобы предупредить соответственнаго начальника о вашемъ прибытіи и дать ему возможность приготовиться къ вашему посѣщенію. Чтобы до-

браться до мѣста расположенія дивизій, укрытыхъ за гребнемъ, тянувшимся параллельно восточному фронту крѣпости, надо было проходить по дорогамъ, идущимъ по открытому участку долины Шуйшуинъ. Тутъ совершенно не было закрытій отъ русскихъ снарядовъ, такъ какъ сапы начинались лишь у „Дивизионнаго гребня“. Особенное вниманіе обратили русскіе артиллеристы на дорогу, ведущую къ штабу 9-ой дивизіи; она была совершенно разворочена тяжелыми снарядами, при обстрѣливаніи русскими проходящихъ здѣсь войскъ и транспортовъ. Казалось, что это кладбище, на которомъ начали рыть могилы и бросили затѣмъ ихъ, не окончивъ. Это было всѣмъ извѣстно, и въ рядахъ всей арміи дорога эта носила названіе—„Дороги, усѣянной снарядами“. Къ концу осады можно было основать акціонерную компанію и она дала бы хорошій дивидендъ, если бы собрать всѣ куски стали и желѣза, лежавшіе около этого опаснаго пути, въ районъ 9-ой дивизіи. Транспорты и боевые запасы можно было передвигать по этой дорогѣ только подъ покровомъ темноты, когда русскіе артиллеристы не могли видѣть цѣли.

Нѣсколько дней прошли въ полной тишинѣ безъ единого выстрѣла; однако, временами вы слышали, каждыя двѣ или три минуты, быстро надвигающійся на васъ шумъ, какъ бы отъ воздушнаго мотора. Вызывающій содроганіе звукъ, издаваемый крупными снарядами, когда они пролетаютъ надъ головой, никогда не будетъ забытъ тѣми, кто испытывалъ его впечатлѣніе, въ теченіе болѣе 6 мѣсяцевъ; хотя вы постепенно привыкали къ этому звуку, но уваженіе и священный трепетъ, внушаемый имъ, никогда не уменьшались. Когда идетъ большой бой, вы подъ вліяніемъ возбужденія въ состояніи забыть обо всемъ, даже о летающихъ снарядахъ, но совсѣмъ иное дѣло, когда кругомъ все тихо, мирно и вдругъ вы слышите, какъ изъ яснаго неба быстро движется на васъ одинъ изъ этихъ ужасныхъ воздушныхъ моторовъ, остановить движеніе котораго нѣтъ никакихъ средствъ. Тогда никакое размышленіе невозможно, ярко проявляется только чувство самосохраненія. Никогда животное—человѣкъ не

является такимъ ничтожнымъ, презрѣннымъ, хрупкимъ существомъ, какъ въ то время, когда масса—860 фунтовъ стали, наполненная какимъ-нибудь сильно взрывчатымъ веществомъ, движется въ направленіи къ нему. Когда эти чудовища современной артиллеріи разрываются, почти невозможно описать тѣ сотрясенія земли и воздуха, которыя они производятъ. Если снарядъ разрывается въ нѣкоторомъ разстояніи отъ васъ, вы не видите, однако, дыма и песку раньше, чѣмъ услышите звукъ. Если снарядъ рвется близко отъ васъ, звукъ и зрительное впечатлѣніе доходятъ одновременно. Изъ темнаго облака дыма, перемѣшавшись съ обломками земли и камня, разлетаются кругомъ осколки снаряда; полетъ осколковъ не слѣдуетъ какому-либо закону, причемъ они издають гудящій шумъ, вслѣдствіе котораго японцы дали имъ названіе „жужжащія птицы“.

Совершенно бесполезно пытаться укрыться отъ осколковъ; для избѣжанія волненій, лучше всего сидѣть спокойно и уповать на свою судьбу. Они засядутъ въ самомъ красиво-отдѣланномъ углу траншеи, они будутъ прыгать вокругъ угла, въ которомъ вы воображали себя въ полной безопасности; они полетятъ въ сторону, противоположную направленію движенія снаряда; они, какъ ласточки, скользнутъ въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ земли. Раны, которыя причиняютъ эти осколки—ужасны. Обыкновенно, они милосердны и убиваютъ наповалъ, но могутъ иногда вывернуть человѣку ногу, оторвать ему руку или причинить какое-нибудь другое поврежденіе. Тогда то, именно потому, что современная хирургія гордится сохраненіемъ человѣку жизни, страдалецъ долженъ существовать цѣлые годы въ параличномъ состояніи, составляя обузу для другихъ и на горе себѣ...

Въ Портъ-Артурѣ русскіе пользовались всѣми средствами для пораженія врага; здѣсь имѣлись орудія почти всѣхъ извѣстныхъ типовъ: 12-дм., 10-дм., 9-дм., 6-дм., 12-фунт., 3-фунт. пушки и мортиры; кромѣ того, пользовались морскими минами, фугасами и ручными гранатами.

Если на дорогѣ, о которой выше говорили, появлялась

повозка или даже отдельный человек, они всегда, особенно в первый период осады, когда русские имели еще полный запас боевых припасов, привлекали на себя огонь русской артиллерии. Каждый дюйм этого опасного пути был хорошо известен тем, кто принужден был ходить здесь. Каждое ничтожное закрытие, в роду валика, небольшого ровика, остатков разрушенного дома, неровностей местности, а потом — высокого гаюляна, все тщательно разыскивалось теми, кто двигался вперед в боевую линию; они перебегали быстро от одного закрытия к другому, в промежутки между разрывами снарядов. Европейцы, и даже японцы, проходили по „усыпанной снарядами дорог“, придерживаясь закрытий, как форель — берега. Одни только китайцы относились, казалось, вполне безразлично; мужчины, женщины и дети проходили прямо посреди дороги, не отклоняясь ни на шаг вправо или влево, чтобы избежать снаряда.

Впервые, я посетил передовые траншеи осаждающей армии в сентябрь, когда, в сопровождении моего друга мистера Джеральда Моргана, я навистил 9-ую дивизию. Мы посетили 15-й полк из Кобэ, расположенный лагерем близ железнодорожного моста. Это был первый случай, что видели европейцев вблизи боевой линии; наше появление вызвало некоторое возбуждение среди собравшихся солдат, принявших нас за русских; волнение продолжалось, пока мы не объявили своей национальности. Офицеры полка вышли и настояли, чтобы мы зашли к ним; они нас угостили, по японскому обычаю, чайным печеньем, сладостями и папиросами. Поговорив с ними некоторое время на ломаном английском и еще больше ломаном французском языке, с примесью нескольких японских слов, мы пошли дальше. Пройдя под железнодорожным мостом, мы увидели 3-й батальон 12-го полка. Я пытался взобраться на вершину небольшого гребня, у подножия которого они стояли лагерем, но был остановлен часовым; меня отвели к командиру батальона, по фамилии Шики, впоследствии бывшего моим большим другом;

это был один из самых симпатичных японцев, которых я когда либо встречал.

Маиор Шики предложил мне провести ночь в его помещении. Он вероятно обыскал всю округу в поисках за пищей, так как угостил меня приличным обедом из нескольких блюд. После обеда он послал за офицерами своего батальона, которые рассказывали мне о своих личных приключениях, пережитых ими во время разнообразных боевых столкновений, в которых участвовали их полк. Японцы не уклоняются от описания своих боевых подвигов и делятся они это так чисто-сердечно и просто, что отпадает всякое подозрение в хвастовстве. Их товарищи-офицеры, присутствующие при этом, подтверждают сказанное, или выражают свое одобрение рассказчику; я много провел интересных вечеров, слушая рассказы этих храбрецов. Маиор Шики показал мне свой меч Самурая, которому было 300 лет; меч этот был пробит пулей при атаке на Дагушань; он показал мне и свой новый бинокль, через который прошла пуля, когда Шики держал его в руке, управляя атакой. Мы просидели до позднего часа, рассуждая о войне; затем вошел слуга Шики, положил на пол одеяла, в которых мы завернулись, ложась спать.

На следующее утро, я спросил Маиора Шики, разрешит ли он мне обойти его траншеи; он заявил, что поведет меня сам. Мы собрались уже уходить, как прибыла партия новобранцев, из большой партии подкрепленной в 7000 человек, которую я встретил накануне. Новобранцев всю ночь продержали сзади боевой линии, а теперь их нужно было распределить по разным батальонам, для пополнения которых они предназначались. Шики принужден был остаться в лагерь для наблюдения за ними и чтобы сказать им несколько слов о возлагаемых на них обязанностях. Он сказал, что пошлет со мною для обхода траншей толкового нижнего чина, в качестве проводника.

Въ это время линіи осаждающаго подошли еще не совсемъ близко къ позиціямъ русскихъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ они соприкасались съ редутами № 1 и № 2 (Вост. и Зап. Банрушанъ), но саперы, пользуясь большими рабочими отрядами, постепенно выдвигали эти линіи впередъ, работая подъ защитой темноты. Почва Ляодуна мягкая, песчаная, изборожденная многочисленными овражками и руслами рѣчекъ, удивительно удобна для осадныхъ работъ, и искусство саперъ извлекло изъ этого всѣ выгоды.

Когда я двинулся впередъ и проходилъ по сапамъ на открытой долині, я встрѣчалъ много слѣдовъ ужасной борьбы послѣднихъ недѣль.

Поломанныя ружья, осколки снарядовъ, шинели, подсумки и тысячи патронныхъ гильзъ были разбросаны кругомъ, во всѣхъ направленіяхъ; то здѣсь, то тамъ наскоро вырытая могила указывала мѣсто послѣдняго упокоенія русскаго или японскаго бойца.

Группы солдатъ, имѣвшихъ угрюмый и утомленный видъ, отдыхавшихъ отъ трудовъ предыдущей ночи, были разсыпаны по этимъ траншеямъ. По мѣрѣ приближенія къ передовымъ линіямъ, траншеи становились уже и было замѣтно, что онѣ спѣшно возводятся. Въ это время траншеи не были еще такъ усовершенствованы, какъ впоследствии, когда глубина ихъ была доведена до 7—8 футъ и когда они такъ хорошо были укрыты отъ русскаго огня, что по нимъ можно было пройти, съ одного конца осадной линіи до другого, въ разстояніи 30—100 ярдовъ (17—43 саж.) отъ противника, почти безопасно.

Въ этотъ періодъ осады передовыя траншеи имѣли около 2—3 фут. глубины и приходилось ползти на четверенькахъ, чтобы укрыться отъ огня отдѣльныхъ непріятельскихъ стрѣлковъ, постоянно выискивавшихъ подходящую цѣль. Мѣстами сапы не были соединены, и чтобы пробраться изъ одной въ другую, надо было быстро проскочить черезъ открытое пространство или проползти черезъ высокій гаолянъ, все еще стоявшій въ долині.

Здѣсь я имѣлъ удобный случай наблюдать, какъ спокойно японскіе солдаты смотрятъ на всякую опасность и какъ они даже радуются, рискуя своею жизнью. Сопровождавшій меня, въ качествѣ проводника, солдатъ, каждый разъ, какъ доходилъ до мѣста, гдѣ нужно было перебѣгать черезъ открытое пространство или выбирать болѣе кружный путь и ползти черезъ гаолянъ, неизмѣнно выбиралъ первый способъ и перебѣгалъ черезъ открытое мѣсто, полагаясь на свою, просто изумительную, подвижность, чтобы избѣжать направленныхъ въ него пуль. Когда онъ подбѣгалъ къ слѣдующей сапѣ, онъ перескакивалъ черезъ гребень, попадалъ въ кучку солдатъ, находившихся тамъ, и заражалъ ихъ своимъ весельемъ; онъ и его товарищи кивали мнѣ, предлагая слѣдовать за нимъ, или жестами руки указывали другой кружный путь, и при этомъ смѣялись какъ дѣти.

Наконецъ, мы дошли до послѣдней изъ передовыхъ траншей, передъ фортомъ 11 (Сѣв. Кейкваншанъ); здѣсь было много солдатъ и съ ними офицеръ, встрѣченный мною наканунѣ поздно ночью. Сапа эта имѣла около 2½ ф. глубины, и японскіе солдаты, чтобы избѣжать непріятельскаго огня, принуждены были лежать. Такъ какъ подобная сапа не давала защиты отъ шрапнелей, солдаты, когда непріятель открывалъ огонь, устраивали небольшіе навѣсы, подрывая гребень траншеи.

Вызавъ нѣкоторое замѣшательство своимъ появленіемъ въ этой траншеѣ, я привлекъ сюда вниманіе русскихъ артиллеристовъ, которые открыли огонь. Тогда каждый, бывшій въ траншеѣ, старался заползти подъ навѣсъ, и, сколько могло помѣститься, сидѣли тамъ, прижавшись другъ къ другу, а тѣ, кто запаздывалъ и не находилъ мѣста, оставались снаружи, подъ насмѣшки и хохотъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей. Японскіе солдаты предлагали мнѣ свои скромныя порціи галетъ, консервированнаго мяса и воды; послѣднее было особенно цѣнное предложеніе такъ, какъ запасъ воды ограничивался тѣмъ количествомъ, которое каждый приносилъ съ собой во флягѣ. Великодушіе

японцевъ замѣчательно, они всегда готовы подѣлиться съ товарищами всѣмъ, что имѣютъ.

Какъ только русская артиллерія замолчала, всѣ покинули свои закрытія и я могъ осмотрѣться: около 400 ярдовъ (172 саж.) впереди, находился песочнаго цвѣта фортъ II (Сѣв. Кейкваншанъ) съ рядами земляныхъ мѣшковъ на гребнѣ и съ бойницами для стрѣлковъ. Если вы на нѣсколько секундъ поднимете свою голову надъ гребнемъ траншеи, то навѣрно одинъ изъ этихъ стрѣлковъ сдѣлаетъ выстрѣлъ по вашей головѣ. Японскіе солдаты тоже забавлялись стрѣльбой по бойницамъ и, такимъ образомъ, поддерживалась непрерывная ружейная перестрѣлка. Русскіе всѣхъ чиновъ—отлично стрѣляли; почти каждая пуля попадала въ гребень траншеи, засыпая пылью людей въ траншеѣ. Иногда, кто-нибудь изъ солдатъ клалъ свою фуражку на земляные мѣшки сапы, чтобы привлечь огонь русскихъ стрѣлковъ, а въ то же время другіе стрѣляли по русскимъ бойницамъ.

Огромное количество холщевыхъ мѣшковъ было прислано изъ Японіи; всѣ они доставлялись въ передовыя траншеи, гдѣ наполнялись землей, взятой изъ траншей; затѣмъ, мѣшки эти укладывались рядами на гребнѣ траншеи, при чемъ оставались промежутки для бойницъ. По мѣрѣ вырыванія земли, укладывали ряды мѣшковъ, пока траншея не достигала глубины 7—8 футъ, ширины 4—5 футъ.

Въ это время 9-ая дивизія, вслѣдствіе постоянныхъ перестрѣлокъ между передовыми линіями, несла потери—около тридцати человѣкъ убитыми и ранеными ежедневно.

Каждый полкъ оставался въ нарядѣ 24 часа подъ рядъ, а затѣмъ смѣнялся другимъ. Обыкновенно въ сумерки смѣняющій полкъ вступалъ въ траншею, а бывший въ нарядѣ—уходилъ и занималъ свой пустующій лагерь.

Особый интересъ, присущій Портъ-Артуру, зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ большого разнообразія позицій. Одна изъ наиболѣе интересныхъ, совершенныхъ мною, экскурсій состояла въ посѣщеніи, вмѣстѣ съ мистеромъ Джеральдомъ Морганомъ, деревни Шуйшунъ, взятой у русскихъ

въ ночь 7 (20) августа. Подойти къ деревнѣ было очень трудно, такъ какъ у русскихъ, къ югу отъ нея, были расположены 4 люнета и водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ), причемъ всѣ эти укрѣпленія командовали надъ дорогой, ведущей къ деревнѣ. Избѣгая главной дороги, пользуясь всѣми возвышенностями и высокимъ гаолянномъ, можно добраться до окраины деревни. Отсюда путь идетъ по улицамъ до траншей, сооруженныхъ японцами на южной окраинѣ, очень близко отъ русскихъ люнетовъ; траншеи эти постепенно выдвигались впередъ и подготавливали, въ ближайшемъ будущемъ, штурмъ.

Мы старались добраться до окраины деревни, не привлекая на себя вниманія русскихъ стрѣлковъ. Здѣсь мы встрѣтили нѣсколько солдатъ 3-го полка, которые были заняты разборкой домовъ и увозомъ лѣсного матеріала для своихъ костровъ и закрытій. Они указали намъ болѣе безопасный путь черезъ деревню, шедшій черезъ рядъ полуразрушенныхъ домовъ и садиловъ; открытыя мѣста были тщательно защищены навѣсами и земляными насыпями.

Со всѣхъ сторонъ видны были ужасныя сцены разрушенія; эта, когда-то красивая деревня, нѣчто въ родѣ лѣтней резиденціи для Портъ-Артурскаго гарнизона, представляла теперь лишь рядъ разрушенныхъ домовъ, изъ которыхъ одни уничтожены огнемъ, у другихъ—стѣны пробиты снарядами, у третьихъ—осталось лишь полъ-крыши или же крыша почернѣла и обгорѣла отъ огня, бушевавшего въ деревнѣ во время атакъ и контръ-атакъ. Сады изрыты или потоптаны ногами сражавшихся; во многихъ мѣстахъ зарыты убитые. Кругомъ разбросаны предметы домашняго обихода, въ родѣ побитой посуды, изломанной мебели и кухонныхъ принадлежностей. Тѣмъ не менѣе, мѣсто это было выбрано для расположенія лагеремъ полка; люди могли найти здѣсь среди развалинъ, отличное закрытіе и навѣрно чувствовали себя гораздо лучше, чѣмъ въ тѣсныхъ траншеяхъ, подъ палящими лучами солнца; у окраины деревни устроено было блиндированное помѣщеніе для командира полка и его штаба.

Въ походѣ командиръ полка всегда живетъ въ одномъ помѣщеніи съ адъютантомъ и полковымъ знаменщикомъ, который, когда не несетъ знамени, служитъ чѣмъ-то въ родѣ ординарца. Кромѣ того, при каждомъ штабѣ полка есть нѣсколько унтеръ-офицеровъ, занятыхъ перепиской и копировальными работами. Всѣ остальные офицеры полка живутъ отдѣльно, обыкновенно со своими ротами.

Командиръ полка первоначально принялъ моего друга и меня довольно холодно; онъ не имѣлъ представленія о томъ, кто мы, и я склоненъ думать, что онъ видѣлъ въ насъ русскихъ шпионовъ. Тѣмъ не менѣе, съ обычной японской вѣжливостью и гостепріимствомъ, онъ пригласилъ насъ въ свой блиндажъ, гдѣ угостилъ чаемъ и папиросами; къ несчастью не было налицо никого, кто бы говорилъ по-англійски или по-французски, такъ что вести разговоръ было довольно затруднительно. Затѣмъ, не предупредивъ насъ, командиръ полка протелефонировалъ въ главную квартиру, чтобы узнать, дѣйствительно ли мы тѣ, за кого выдаемъ себя; когда онъ получилъ успокоительный отвѣтъ, все пошло хорошо.

Нѣсколько позже, подошелъ лейтенантъ, довольно пожилой для своего чина, отлично говорившій по-англійски, съ ясно выраженнымъ американскимъ акцентомъ. Теперь, онъ служилъ намъ переводчикомъ. Лейтенантъ рассказалъ мнѣ, что онъ состоялъ раньше на военной службѣ, ушелъ со службы, не задолго до начала войны, и велъ дѣла съ одной американской фирмой въ Юкагамѣ, а теперь опять призванъ подѣ знамена. Полковникъ пригласилъ насъ позавтракать съ нимъ, предупреждая въ то же время, что онъ не можетъ ничего предложить намъ кромѣ галетъ и сахару: „такъ какъ“, прибавилъ онъ, „мой полкъ послѣднія три недѣли живетъ галетами и лишь изрѣдка получаетъ мясные консервы; вслѣдствіе непріятельскаго огня, почти невозможно довести до деревни ни одного транспорта, а то, что мы имѣемъ, доставляется на спинахъ людей, посылаемыхъ для этого ежедневно, командами, въ тылъ. За завтракомъ мы

ѣдимъ галеты и сахаръ, на ночь—консервированное мясо и галеты, но такъ какъ въ здѣсь наши гости, то мы будемъ сейчасъ ѣсть консервированное мясо“. Конечно, эта трапеза сопровождалась чаемъ, при чемъ любезный полковникъ вытащилъ изъ угла своего блиндажа обычную коробку съ японскими сладостями и коробку съ печеньемъ, присланнымъ ему какой-то заботливой душой изъ Японіи. У меня нашлось нѣсколько хорошихъ сигаръ, и мы, такимъ образомъ, очень пріятно провели время. Когда мы завтракали, русскіе начали обстрѣливать деревню; одинъ снарядъ угодилъ въ земляную насыпь блиндажа полковника, но ничего не повредилъ.

Послѣ завтрака, мы попросили разрѣшенія, которое и было дано,—посѣтить передовыя траншеи, южнѣе деревни; полковникъ послалъ насъ, подѣ руководствомъ лейтенанта, говорившаго по-англійски. Мы прошли черезъ нѣсколько домовъ, избитыхъ пулями русскихъ стрѣлковъ, ежедневно возобновлявшихъ эту стрѣльбу, рассчитывая во что-нибудь попасть.

Прежде чѣмъ дойти до передовыхъ траншей, мы переходили мѣсто, едва прикрытое на протяженіи 40 ярдовъ (17 саж.) тонкимъ щитомъ, который легко пробивался пулей. Мой проводникъ объяснилъ мнѣ, что щитъ поставленъ, чтобы облегчить затрудненія при сообщеніи съ траншеями; для русскихъ щитъ казался солидной насыпью, высотой около 8 футовъ, которую они никогда не пытались обстрѣливать.

Передовыя параллели, южнѣе деревни, были построены очень прочно и изобиловали бойницами, такъ какъ русскіе очень часто, особенно по ночамъ, дѣлали вылазки противъ японскихъ рабочихъ отрядовъ.

Японскіе саперы вели новую сапу, которую постепенно продвигали впередъ, несмотря на близкое сосѣдство русскихъ, поддерживавшихъ непрерывный огонь по этимъ храбрецамъ и направившихъ сюда тяжелое орудіе. Саперы, несмотря на это, продолжали работать также спокойно и хладнокровно, какъ будто они были на маневрахъ въ Японіи; когда

слышалось приближеніе тяжелаго снаряда, они ложились и выжидали пока онъ не разорвется.

Русская артиллерія почти непрерывно обстрѣливала деревню, разрушая крыши надъ головами японскихъ солдатъ, мирно спавшихъ въ домахъ; люди, если только никто изъ нихъ не былъ раненъ, мѣняли мѣсто и снова ложились спать, настолько они привыкли къ этому, почти не прекращавшемуся, огню. Нѣтъ ничего интереснѣе на войнѣ, какъ посѣтить деревню, бывшую ареной затяжнаго боя.

На обратномъ пути изъ Шуйшуина, мы сдѣлались предметомъ непріятнаго для насъ вниманія русскихъ стрѣлковъ; ободренные свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, они обрадовались, что имъ представился удобный случай попрактиковаться въ стрѣльбѣ, на нашъ счетъ.

Когда мы вышли изъ обстрѣливаемой полосы и почти достигли батареи морскихъ орудій, русскіе открыли по ней артиллерійскій огонь; огонь былъ настолько силенъ, что одинъ любезный матросъ выбѣжалъ къ намъ навстрѣчу и пригласилъ насъ укрыться на батарее, что мы и сдѣлали.

Генераль Тсучійя, начальник 11-ой дивизіи, и генераль Ошима, начальник 9-ой дивизіи, были особенно внимательны къ иностранцамъ, почему всегда было пріятно посѣщать ихъ дивизіи.

Чтобы добраться до штабъ-квартиры 9-ой дивизіи, надо было пройти по „усѣянной снарядами дорогѣ“, о которой говорилось выше, подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ и затѣмъ уже вы попадали подъ защиту небольшихъ высотъ, укрывавшихъ лагерь пѣхотныхъ частей, а также генерала и его штабъ.

Японскій лагерь можетъ служить нагляднымъ примѣромъ, какимъ образомъ можно помѣстить много людей на небольшомъ пространствѣ, и такъ, чтобы все-таки имъ было удобно. Вызывалось подобное расположеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что необходимо было держаться, насколько возможно, ближе къ грядѣ небольшихъ высотъ, иначе снаряды русскихъ орудій, стрѣлявшихъ перекиднымъ огнемъ, легко могли пере-

летать черезъ гребень и разрываться внизу, среди лагеря. Поэтому, отлогости высотъ были выдѣланы террасами, въ нѣсколько рядовъ; на этихъ террасахъ солдаты устанавливали свои походныя палатки (tentes abris), защищавшія только отъ дождя и солнца, почти такого же вида, какъ употреблявшіяся въ южной Африкѣ.

Ближе къ гребню высоты была вырыта болѣе широкая терраса, чѣмъ нижнія, и на ней построены были помѣщенія для начальниковъ и ихъ штабовъ. Помѣщенія эти были сдѣланы изъ дерева, большихъ сучьевъ и матъ, и покрыты непромокаемыми полотнищами; они возвышались надъ уровнемъ земли около 4 футъ.

Гдѣ бы вы ни встрѣтили японца — вы всегда найдете у него матъ; откуда они все берутъ ихъ — невозможно понять; запасъ матъ у нихъ, кажется, неизсякаемъ и, безразлично, каковы бы ни были условія обстановки, васъ всегда пригласятъ присѣсть на эту неизбѣжную принадлежность японскаго домашняго обихода.

Въ жилищахъ японцевъ подъ Портъ-Артуромъ крыша, стѣны и полъ были сдѣланы изъ матъ, что дѣлало эти жилища восхитительно свѣжими и опрятными. На полу, въ полнѣйшемъ беспорядкѣ, лежатъ ковры и подушки; по стонамъ аккуратно сложены личныя вещи хозяина дома, размѣщенные въ небольшихъ деревянныхъ сундучкахъ съ именемъ владѣльца на наружной сторонѣ; четыре такихъ сундучка укладываются на спинѣ одной лошади или мула. Никто не смѣлъ входить въ такой дворецъ скромной чистоты, не снявъ предварительно сапогъ, причемъ посѣтителя снабжали туфлями, или просили сидѣть въ однихъ носкахъ. Когда вы сидѣли въ такомъ японскомъ домикѣ, обмахиваясь вѣеромъ, любезно предложеннымъ вамъ хозяиномъ, и когда одинъ денщикъ предлагалъ вамъ сладости, печенье и японскій чай, въ изящныхъ маленькихъ чашечкахъ, а другой — подносилъ папиросы, вы не могли себѣ представить, что вы находитесь всего въ 1000 ярдъ (429 саж.) отъ орудій большой крѣпости; скорѣе вы могли чувствовать себя перене-

сеннымъ въ общество маленькихъ школьницъ, собравшихся за чаемъ. Но эта пріятная иллюзія рѣзко обрывалась, когда прямо надъ вашей головой разрывался снарядъ; у хрупкаго строеньца, въ которомъ вы возлежали, можетъ быть снесло крышу, или гдѣ-нибудь внизу, подъ высотой, группа солдатъ уноситъ своего раненаго товарища на носилкахъ.

Генералы, офицеры и нижніе чины почти всѣ жили такимъ образомъ, хотя нижніе чины, конечно, не всегда имѣли возможность запастись матами, чашечками и другими мелкими предметами роскоши. У начальника дивизіи помѣщеніе было нѣсколько больше, чѣмъ у полковыхъ офицеровъ; такимъ образомъ, размѣры жилищъ уменьшались въ извѣстной постепенности, совершенно подобно тому, какъ размѣры визитной карточки уменьшаются въ Японіи, сообразно съ чиномъ и положеніемъ человѣка. Однако, ни въ одномъ изъ этихъ маленькихъ домиковъ нельзя было стать во весь ростъ; если вы желали размять свои члены, надо было выходить на воздухъ.

По нѣскольку большихъ палатокъ было выдано въ каждую дивизію для склада припасовъ, для размѣщенія штабовъ, для столовыхъ и для другихъ подобныхъ надобностей.

Палатки, которыми пользовались японцы, были сдѣланы изъ очень легкаго холста; поддерживались онѣ стальной поперечиной, состоящей изъ двухъ частей, соединенныхъ какъ колѣнья подзорной трубы; по размѣрамъ палатки больше принятыхъ въ британской арміи, но, несмотря на это, значительно легче ихъ. Однако, на этомъ преимущество японскихъ палатокъ и кончается; ихъ нельзя туго натянуть, онѣ мало защищаютъ отъ солнца, такъ какъ матеріалъ ихъ слишкомъ тонокъ, вѣтеръ и пыль легко проникаютъ внутрь палатки подъ свободно колышущіяся полотнища, а тонкая стальная палка — неизбежно складывалась при малѣйшемъ вѣтрѣ и ее приходилось замѣнять простой жердью.

При каждой дивизіи состоялъ маркитантъ, у котораго можно было получать разные предметы: мыло, папиросы,

сласти, разнаго рода печенье, саки ¹⁾, пиво, бараньи тулупы, перчатки, рукавицы, носки, рубашки, сапоги, туфли, маты, фуражки, носовые платки и т. п. Предпримчивые китайцы тоже устраивали вблизи расположенія дивизіи свои лавки и успѣшно торговали. Китайцы продавали: папиросы, пиво, спички, китайское вино, очень сладкое и, видимо, очень нравившееся японскимъ солдатамъ, а кромѣ того они продавали невѣроятное количество небольшихъ коричневыхъ печеній, съ сильнымъ запахомъ, сдѣланныхъ изъ сахара и муки. Соль, перецъ, маргаринъ и разные консервы можно было, по сходнымъ цѣнамъ, получать изъ Дальняго.

Японцы, какъ вѣроятно всѣмъ извѣстно, очень опрятны въ своемъ личномъ обиходѣ. Въ какой другой арміи найдете вы, чтобы каждый солдатъ носилъ съ собою въ походѣ зубную щетку. Но, повидимому, ихъ личная опрятность не распространяется на ихъ лагерный обиходъ; я былъ чрезмѣрно удивленъ, увидавъ въ какомъ ужасно грязномъ видѣ содержалась мѣстность вокругъ ихъ лагерей. Они обращали очень мало вниманія на сохраненіе въ чистотѣ питьевой воды, и я неоднократно видѣлъ, какъ солдаты мылись сами и мыли свою посуду тамъ-же, гдѣ брали воду для питья. Когда я жилъ, въ жаркое время, около горы Хошанъ, японскіе полки стояли лагеремъ по другую сторону небольшого ручья, снабжавшаго насъ питьевой водой, причемъ не принималось никакихъ мѣръ для предохраненія этого источника отъ загрязненія. Въ руслѣ ручья мы нашли небольшой источникъ, который старательно запрудили и отвели его воду, чтобы пользоваться ею исключительно для питья. Очень непріятно было видѣть, какъ солдаты подходили къ нашей питьевой водѣ и мыли въ ней свою посуду; въ концѣ концовъ, мы принуждены были ставить часового для охраны питьевой воды. Я привожу здѣсь этотъ частный случай, но такихъ случаевъ было очень много, за время моего пребыванія въ арміи.

¹⁾ Рисовая водка, которую пьютъ японцы.

Куски пищи и рисъ были разбросаны повсюду, особыхъ мѣстъ для мытья не было устроено; вообще, я никогда не видывалъ такой грязи, какая была разведена японцами вокругъ ихъ лагерей.

Всякая другая армія жестоко поплатилась бы за это сильнымъ развитіемъ заразныхъ болѣзней, но среди японцевъ они мало были развиты; однако, антисанитарныя условія жизни несомнѣнно способствовали распространенію дезинтерии и „бери-бери“.

Когда я впервые посѣтилъ штабъ-квартиру 11-ой дивизіи, меня ввели къ генералу Тсучійя, который сидѣлъ въ своей хижинѣ изъ матъ и разговаривалъ со своимъ начальникомъ штаба. Тсучійя пригласилъ меня войти и принялъ меня очень любезно.

Это былъ толстый, коренастый мужчина, съ большой головой. Онъ предложилъ мнѣ позавтракать съ нимъ и съ его штабомъ.

Японскіе штабные офицеры живутъ очень скромно; они питаются почти той-же пищей, что и нижніе чины, лишь съ нѣкоторыми прибавками.

Въ штабѣ каждой дивизіи былъ свой завѣдующій хозяйствомъ (chef), взятый въ одномъ изъ полковъ, который, въ случаѣ надобности, всегда могъ выставить отличное угощеніе.

Генералъ Ошима, начальникъ 9-ой дивизіи, былъ близкій другъ всѣхъ иностранцевъ; ему всегда доставляло удовольствіе показывать имъ трофеи, добытые солдатами его дивизіи у русскихъ, какъ напримѣръ—полевые орудія, пулеметы, мины, ручныя гранаты, свѣтящія ракеты, ружья и даже музыкальные инструменты, которыя часто находили на взятыхъ позиціяхъ. Генералъ Ошима—маленькаго роста, жилистый, съ черными какъ смоль волосами и большими усами, поднятыми какъ у Императора Вильгельма; взглядъ его удивительно ясный, пронизывающій, а внѣшній видъ его—самый аристократическій. Генералъ Ошима, безусловно, одинъ изъ выдающихся боевыхъ генераловъ Японіи, и дивизія его, во время осады, почти всегда дѣйствовала успѣшно.

Ошима командовалъ дивизіей еще за 7 лѣтъ до войны; онъ рассказывалъ мнѣ, что имъ приложено было много старанія, чтобы довести свои войска до возможной степени совершенства, почему потеря почти всѣхъ старыхъ солдатъ, убитыхъ или раненыхъ въ августовскіе штурмы, была для него особенно ощутительна. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ результатъ семи-лѣтней упорной работы погибъ въ нѣсколько часовъ; мѣста ушедшихъ заняли новобранцы и резервисты, которые, какъ-бы хорошо они ни сражались, не могли замѣнить его старыхъ ветерановъ.

Говоря о 9-ой дивизіи, я не могу забыть о лейтенантѣ Хори, ординарцѣ ген. Ошима, который въ мирное время состоялъ агентомъ „Standard Oil Company“, въ Японіи. Онъ отлично говорилъ по англійски. Съ началомъ войны, онъ поступилъ добровольцемъ и былъ зачисленъ въ 7-ой полкъ, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ штабъ ген. Ошима.

Мой другъ и я провели въ обществѣ Хори много пріятныхъ часовъ; онъ всегда охотно дѣлалъ все, что было въ его власти, чтобы помочь намъ.

Неудача 8-го полка Осака, приданнаго къ 9-ой дивизіи, при наступленіи ночью 10 (23) августа, была одной изъ главныхъ причинъ пораженія нанесеннаго японцамъ, и штабъ 9-й дивизіи очень рѣзко ихъ осуждалъ. Генералъ Ноги отвелъ 8-ой полкъ назадъ и поставилъ его лагеремъ у подношья горы Хошанъ, гдѣ полкъ и оставался нѣсколько недѣль; въ теченіе этого времени, каждый день, съ шести часовъ утра до восьми часовъ вечера, полкъ держали на солнцепекѣ, занимаясь обученіемъ рекрутовъ, или практикуя людей въ атакѣ. Затѣмъ, полкъ послали на линію сообщеній и разбили на небольшіе отряды для охраны желѣзной дороги. Часть полка отправили въ Дальній, гдѣ они занимались разгрузкой транспортовъ. Служба провинившихся въ японской арміи дѣйствительно тяжела, и я думаю, что эти несчастные, въ послѣдствіи, сильно раскисались; у нихъ осталось одно утѣшеніе, что они остались живы и могутъ вновь увидѣть свою родину.

ГЛАВА XI.

Возобновление активных действий.

Около середины сентября приготовления Генерала Ноги настолько подвинулись вперед, что он мог возобновить активные операции против крепости. Новую атаку предложено было направить не на главную оборонительную линию крепости, а на передовые позиции, все попытки атаковать которые раньше окончились неудачей; позиции эти не позволяли японцам приблизить их осадные параллели к линии фортов.

Новый план Ноги состоял в производстве трех одновременных атак на пункты, далеко отстоящие друг от друга.

1) На западе, 1-я дивизия должна была выбить русских с двух еще удерживаемых ими укрепленных вершин „Метрового гребня“, Длинной горы (Намакаяма) и Высокой горы (высота 203 метр.). Укрепления этих позиций, насколько известно было японцам, состояли из обычных земляных сооружений, блиндированных поместий и стрелковых окопов, а у подножия позиций были неизменные проволочные заграждения.

На Длинной горе (Намакаяма) угрожающе торчали над насыпью дула двух больших орудий, указывая на то, что русские придавали очень большое значение удержанию за со-

бой этой высоты. Что же касается Высокой горы (высота 203 метр.), то об этой позиции знали мало, или даже ничего. 1-й дивизии приказано было овладеть этими двумя позициями и отбросить русских за линию фортов западного фронта крепости.

2) 3-й полк 9-й дивизии расположен был в д. Шуйшунь, с момента овладения этой деревней в ночь 7 (20) августа. Как я уже сказал в предыдущей главе, полк этот энергично вел сапные работы против укреплений, к югу от деревни, которые еще удерживали русские и которые теперь полк должен был атаковать.

3) Третья операция должна была вестись против Водопроводного редута (форт Куропаткин) 18-й бригадой 9-й дивизии; в случае удачи, атаку предполагалось продолжать против Скалистого редута (укрепление Лиугень).

Операции против 4-х редут¹⁾ Шуйшунь, против Водопроводного редута (форт Куропаткин) и против Скалистого редута (Лиугень) сильно затруднялись тем, что все укрепления расположены были на ровной местности, прямо под дулами орудий долговременных фортов.

Если бы японцам удалось взять эти шесть укреплений, внешний четырехугольник удерживаемый русскими в долине Шуйшунь пал бы, как карточный домик; русские оказались бы отрезанными от водоснабжения, так как

¹⁾ К югу от дер. Шуйшунь, на небольшом холме, расположен был Кумирский редут—укрепление временного типа, но довольно сильной профили; на линии траншей, соединяющих Кумирский и Водопроводный (форт Куропаткина) редуты, устроено было два люнета, довольно слабой профили; два таких же люнета расположены были сзади Кумирского редута, на одной с ним группой холмов.

Таким образом, к югу от Шуйшуина расположено было не 4 редута, как полагает автор, а 1 редут и 4 люнета, слабой профили.

Более подробно сказано о расположении этих укреплений в примечании, на стр. 55.

Прим. перевод.

японскимъ саперамъ ничего не стоило перерѣзать трубы, идущіе въ городъ.

Всѣ три атаки были назначены на 6 (19) сентября; чтобы поддержать 1-ю и 9-ю дивизіи, 11-я дивизія должна была произвести демонстрацію на востокъ, и отвлечь сюда возможно большее количество защитниковъ.

Такъ какъ атака на Длинную гору (Намакаяма) и Высокую гору (203 метр. высота) являлась наиболѣе важной изъ всѣхъ трехъ, или, вѣрнѣе сказать, такъ какъ ее труднѣе всего было удачно довести до конца, то справедливо будетъ прослѣдить судьбу японцевъ на этомъ участкѣ, раньше чѣмъ описывать ихъ штурмы на редуты.

До этого времени японцы не сознавали огромнаго значенія при оборонѣ Портъ Артура Высокой горы (203 метр. высоты). Я думаю, что они не знали какой обширный кругозоръ на гавань открывается съ этой горы и не подозревали, что это единственная позиція, съ которой можно увидѣть русскій флотъ.

Насколько я могъ собрать свѣдѣнія, главная причина, заставившая атаковать Высокую гору (высота 203 метр.) въ сентябрѣ, было командующее положеніе ея надъ желѣзной дорогой, построенной русскими изъ Портъ Артура на Ляотъшань; по этой дорогѣ, какъ доносили, русскіе перевозили ежедневно съѣстные и боевые припасы. Вообще японцы думали, что Стессель, сказавшій будто, что онъ „умретъ только въ послѣднемъ рву“, выроетъ этотъ послѣдній ровъ гдѣ нибудь на склонахъ мощнаго Ляотъшаня. Японцы были очень озабочены, чтобы предупредить исполненіе этого плана, причемъ они понимали, что, послѣ взятія Высокой горы, огонь ихъ артиллеріи можетъ не допустить сосредоточенія къ Ляотъшаню.

Подступы къ обѣимъ высотамъ, къ Высокой (Высота 203 метр.) и Длинной горѣ (Намакаяма), круты. Поросшій травой сѣверный склонъ Длинной горы на половинѣ его, становится каменистымъ и даетъ нѣкоторое укрытіе атакующему.

Къ западу ¹⁾ отъ Длинной горы, въ разстояніи около 1000 метровъ (469 саж.), отдѣленная отъ нея лощиной, стоитъ Угловая гора (Высота 174 метр.), взятая японцами въ августѣ.

Послѣ взятія этой горы японцы устроили на вершинѣ ея траншеи, а на обратномъ склонѣ расположили баталіонъ. Прямо къ сѣверу отъ Длинной горы находилась небольшая высота ²⁾, тоже занятая японцами, хотя она обстрѣливалась съ фортовъ и съ укрѣпленій Длинной горы. На вершинѣ этой горы была вырыта глубокая траншея, а по заднему склону горы, на невѣроятнo маломъ пространствѣ, размѣщенъ былъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, баталіонъ 1-го полка. Командиръ полка, Теруда, старый ветеранъ, за время своей службы участвовавшій въ 57 бояхъ, настоятельно желалъ занять этотъ опасный пунктъ и самъ находился при баталіонѣ. У него не было другого желанія, какъ сложить голову у знамени своего полка; всѣ три недѣли онъ жилъ на склонѣ высоты, не имѣя возможности двинуться ни на шагъ, безъ риска быть пристрѣленнымъ и питался, отказываясь отъ всякой добавочной роскоши, простой пищей своихъ солдатъ. 1-й полкъ, при такомъ командирѣ, былъ вполне готовъ къ бою.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, для атаки непріятеля японской пѣхотѣ не приходилось далеко идти; ей, просто, надо было выйти изъ своего жилища и атаковать непріятеля въ его жилищѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ.

Генералъ Матсумура, начальникъ 1-й дивизіи, управлялъ боемъ изъ блиндажа, устроеннаго на Угловой горѣ (высота 174 метра). Силы, которыя онъ могъ послать въ бой, состояли: изъ двухъ полковъ, 1-го и 15-го, трехъ баталіоннаго состава, образующихъ 1-ю бригаду, подъ начальствомъ генераль-маіора Ямамото, и одной резервной бригады изъ Кобэ, въ составѣ 1-го, 15-го и 16-го резервныхъ полковъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Такеноучи; бригада эта была

¹⁾ Вѣрнѣе—къ сѣверо-западу.

²⁾ У насъ эта гора носила названіе—«Мертвая Голова».

присоединена къ 1-й дивизіи съ самага начала осады; а всего—15 баталіоновъ пѣхоты. 2-я бригада этой дивизіи состоявшая изъ 2-го и 3-го полковъ, была занята операціями противъ редутовъ, въ Шуйшунѣ.

6 (19) сентября былъ день очень холодный; дулъ сѣверный вѣтеръ, который проникалъ черезъ самую толстую одежду, пронизывая всѣ части тѣла. Это было первое предостереженіе природы, что удобный для операций сезонъ быстро приходитъ къ концу. Въ 2^{1/2} часа дня, японская артиллерія дала первый выстрѣлъ, а затѣмъ одна за другой батареи подхватили огонь и болѣе шестидесяти орудій сосредоточили огонь на Длинной горѣ (Намакаяма) и Высокой горѣ (203 метра). Японцы установили свои орудія такъ, чтобы укрыть ихъ отъ огня съ крѣпостныхъ батарей, часто подбивавшаго орудія. Правѣе высоты, съ которой Генераль Матсумура управлялъ всей операціей, стояли три полевыхъ батареи; всѣ орудія этихъ батарей были отлично установлены, совершенно укрыты отъ непріятеля, на заднемъ склонѣ высоты. Сзади нихъ, стояло нѣсколько батарей морскихъ 12 фн. длинныхъ орудій, тоже укрытыхъ за высотой, а еще дальше назадъ, стояло нѣсколько орудій большаго калибра, вѣроятно морскія 4, 7 дм. Слева стояли полевые гаубицы, стрѣлявшія снарядами въ 45 фунтовъ, а также—нѣсколько полевыхъ батарей.

Японскіе артиллеристы сперва сосредоточили свой огонь на нижнемъ ярусѣ траншей обѣихъ высотъ, Длинной и Высокой горы, разрушая ихъ гранатой и пытаясь выбить изъ нихъ пѣхоту шрапнелью. но лишь только русская артиллерія сдѣлала попытку отвѣчать, они сосредоточили свой огонь на вершинѣ и быстро заставили русскія орудія замолчать. Одно орудіе большаго калибра, на Длинной горѣ, дѣйствовало съ величайшей храбростью. Оно стояло совсѣмъ открыто; выбрасывая впередъ при каждомъ выстрѣлѣ большіе клубы бѣлаго дыма, оно дѣйствовало еще долго послѣ того, какъ остальные орудія прекратили огонь.

На огонь японцевъ русскіе отвѣчали весьма дѣйствитель-

нымъ огнемъ съ фортовъ крѣпости; особенно вызывающе дѣйствовала батарея Перепелочной горы (фортъ Пайюйшань), открывшая по японскимъ батареямъ огонь изъ орудія крупнаго калибра, вѣроятно 10 дм. ¹⁾

Съ разныхъ позицій, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, множество орудій всякихъ калибровъ открыли огонь по японцамъ, такъ что воздухъ наполнился снарядами и огнемъ. Высота, на которой стоялъ генераль Матсумура, была расположена очень своеобразно: съ обѣихъ сторонъ и въ тылу стояли свои батареи, а впереди орудія непріятеля, такъ что японскіе снаряды перелетали черезъ высоту, а русскіе рвались вокругъ нея. Большое орудіе, на Хакугюкушань, ²⁾ стрѣляло обыкновеннымъ чернымъ порохомъ; сейчасъ же послѣ выстрѣла все впереди него окутывалось дымомъ, заволакивавшимъ и самое орудіе. Что касается Длинной горы, то ея вершина представляла изъ себя подобіе дѣйствующаго вулкана; послѣ каждаго разрыва японскаго снаряда дымъ и выброшенная вверхъ земля окутывали траншеи и совершенно скрывали ихъ отъ взоровъ; затѣмъ огонь по Длинной горѣ прекратили, такъ какъ на ней не видно было ни одного человѣка, а большое орудіе замолчало.

Русскіе артиллеристы отлично дѣйствовали по батареѣ 15 фунт. морскихъ орудій, и за короткій промежутокъ времени десять снарядовъ упали какъ разъ около лѣвофланговаго орудія батареи. Прислуга при орудіяхъ японцевъ была отлично дисциплинирована; несмотря на губительный огонь, матросы заряжали орудія и стрѣляли съ величайшимъ хладнокровіемъ; они выходили изъ своихъ блиндажей во время интерваловъ между непріятельскими выстрѣлами и скрывались обратно, какъ только слышался звукъ приближающа-

¹⁾ На Перепелочной горѣ были поставлены: двѣ—6 дм. пушки Канэ и одна 120^{м.м.} морская пушка. Командовалъ батареей Лейтенантъ Сухомлинь.

²⁾ Выше, нигдѣ не встрѣчалось подобное названіе и на картѣ автора его нѣтъ, почему совершенно невозможно опредѣлить, о какой русской батарее говорить авторъ.

гося снаряда. Не всегда, однако, они дѣлали это своевременно и одинъ снарядъ, разорвавшись, повидимому, прямо надъ орудіемъ, убилъ и ранилъ 3 человѣкъ; оставшіеся въ живыхъ, отнесли товарищей въ тылъ и вернулись опять на батарею, продолжать стрѣльбу, пока не получено было приказаніе—на время прекратить огонь, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ отъ этой батареи.

Тогда русскіе перенесли огонь на полевую батарею, впереди морскихъ орудій, поставленную замѣчательно удачно на заднемъ склонѣ небольшой высоты; снаряды, казалось никакъ не могли попасть въ цѣль, разрываясь то впереди, то сейчасъ же сзади батареи, такъ удачно выбрали позицію. Производившій стрѣльбу офицеръ ходилъ взадъ и впередъ, сзади своихъ орудій, совершенно игнорируя рвущіеся повсюду вокругъ него снаряды; онъ послѣ каждаго выстрѣла, корректировалъ прицѣлъ, или мѣнялъ цѣль. Наконецъ, одинъ снарядъ попалъ на батарею, въ одно изъ орудій, которое выброшено было изъ установки назадъ.

До этого времени, одна лишь артиллерія принимала участіе въ бою. Русскія орудія на Длинной горѣ совершенно замолчали; ни въ одной изъ траншей, ни въ редутахъ не замѣтно было никакихъ признаковъ жизни.

Въ 6^{1/2} часовъ, послѣ того какъ бомбардировка длилась почти непрерывно цѣлыхъ четыре часа, изъ-за небольшой горки, сѣвернѣе Длинной горы, показалось нѣсколько японскихъ солдатъ, которые бросились со всѣхъ ногъ черезъ открытое пространство и добрались до каменистаго участка на склонѣ Длинной горы, пробираясь къ русскимъ позиціямъ; это началъ наступленіе 1-й полкъ.

Шедшіе впереди, перешли открытое пространство безпрепятственно, такъ какъ отъ дѣйствія японскихъ шрапнелей русская пѣхота укрылась въ траншеяхъ, но какъ только наступленіе 1-го полка было замѣчено, русскіе открыли сильный ружейный огонь по пытавшимся двинуться впередъ. Однако начало темнѣть, и многимъ удалось пройти вверхъ по скату высоты, до каменистаго участка; здѣсь всѣ броса-

лись на землю и, такимъ образомъ, укрывались. Между 7 и 8 часами, когда мракъ окончательно все окуталъ, въ мертвомъ пространствѣ, ниже первой траншеи, собрался значительный пѣхотный отрядъ, выжидавшій только сигнала для атаки. Шрапнели продолжали рваться надъ высотой, несмотря на темноту, и огоньки снарядовъ временами освѣщали гребень.

На Длинной горѣ не было прожекторовъ, но сильный лучъ съ форта IV (Ицзушань) освѣщаль подступы къ атакованной позиціи, стараясь раскрыть движеніе японцевъ; однако, склонъ горы для атаки былъ такъ удачно выбранъ, что японская пѣхота оставалась тамъ совершенно незамѣченной. Болѣе дѣйствителенъ былъ свѣтъ ракетъ, выпускаемыхъ съ Высокой горы; на тысячи звѣздочекъ разрывались онѣ надъ прижавшейся среди камней пѣхотой, нетерпѣливо ожидавшей сигнала къ атакѣ. Эти томительные часы ожиданія солдаты 1-го полка провели въ страшномъ напряженіи. Сѣверный вѣтеръ дулъ съ моря ледяными порывами; даже въ мѣхахъ и теплой одеждѣ не было возможности выдержать холодное дыханіе вѣтра; что же должны были выстрадать солдаты, вышедшіе безъ теплой одежды, взявъ только свои винтовки и патроны.

Перестрѣлка, въ послѣдніе два часа постепенно перешедшая въ отдѣльные безпорядочные выстрѣлы, возобновилась съ удвоенной силой около 11 часовъ вечера. Несмотря на прожектора и свѣтящіяся ракеты, невозможно было разглядѣть, что происходило; по слуху же можно было лишь спредѣлить, что бой подвигается вверхъ по горѣ. Это оказалось вѣрно: въ 11^{1/2} часовъ вечера адъютантъ генерала Матсумура объявилъ, что первая траншея Длинной горы взята. При свѣтѣ ранней зари, 7 (20) сентября, возможно стало разобратъ, что произошло за ночь. Положеніе было таково: 1-й полкъ овладѣлъ передовой траншеей; въ теченіе ночи онъ устроилъ три закрытыхъ траншей, нѣсколько ниже только что взятой имъ; много ротъ скучилось здѣсь, пользуясь всякимъ клочкомъ мертваго пространства; но такъ

какъ предѣлы этого пространства были ограничены и, ни въ коемъ случаѣ, его не могло хватить на 2000 человѣкъ, скопившихся на склонѣ высоты, то нѣкоторыя роты были отведены внизъ, къ каменистому участку ската горы, откуда они начали наступленіе въ предыдущую ночь.

Что касается русскихъ, то они все еще удерживали гребень Длинной горы, стрѣляя по каждому солдату, пытавшемуся переимѣнить свое мѣсто, или размять свои окоченѣвшіе члены. Сражающихся раздѣляла дистанція въ 80 ярдовъ (35 саж).

Ранѣе чѣмъ стало совершенно свѣтло, японскія полевые батареи открыли вновь стрѣльбу шрапнелью по гребню высоты. Огонь этотъ, казалось, вызывалъ значительное замѣшательство и даже потери среди своихъ же японцевъ; нѣкоторые изъ снарядовъ видимо рвались прямо надъ ними. Должно быть, дѣйствительно такъ и было, ибо одинъ офицеръ, быстро вбѣжавъ на небольшой пригорокъ и, рискуя своей жизнью, развернулъ большой бѣлый флагъ съ краснымъ восходящимъ солнцемъ и энергично имъ началъ махать. Нѣкоторое время это не дѣйствовало; по всей вѣроятности артиллеристамъ трудно было разглядеть, каково положеніе дѣлъ, и лишь послѣ того, какъ появилось нѣсколько другихъ флаговъ, артиллерія измѣнила направленіе своего огня.

Въ теченіе утра, положеніе на Длинной горѣ оставалось безъ перемѣнъ; дальнѣйшее наступленіе японцевъ въ этой части поля сраженія было пріостановлено, чтобы дать время для подготовки атаки на Высокую гору (высота 203 метра). 15-й полкъ удерживалъ гребень невысокихъ холмовъ, къ западу отъ Высокой горы, въ теченіе всей ночи 6 (19) сентября и, въ 10 часовъ утра 7-го (20), онъ попытался выслать впередъ полуроту, которая должна была пройти подъ защиту мертвого пространства, у подножія русскихъ позицій. Люди, подъ руководствомъ своихъ храбрыхъ офицеровъ, бросились бѣгомъ внизъ по скату, но приняли слишкомъ сомкнутый строй и почти всѣ были сметены шрапнелью. Затѣмъ, вновь около 40 или 50 человѣкъ послѣдовали за своими товарищами, въ болѣе разомкнутомъ строю, но и

этихъ постигла та-же участь, такъ какъ русскіе стрѣлки укладывали всѣхъ, кто избѣжалъ шрапнели. Изъ всѣхъ вышедшихъ только двое или трое достигли мѣста назначенія. Что касается остальныхъ, то ихъ тѣла остались лежать на склонѣ высоты, какъ жестокий памятникъ ихъ бесполезной храбрости.

Не смущаясь участію своихъ товарищей, два офицера, на свой страхъ, бросились впередъ, чтобы совершить этотъ опасный и казавшійся невыполнимымъ переходъ. Глаза обоихъ противниковъ были устремлены на нихъ и всѣ громко восхваляли ихъ храбрость. Они бѣжали какъ зайцы, пули поднимали вокругъ нихъ маленькія тучки пыли, но они уходили отъ нихъ невредимыми и достигли намѣченной цѣли, у подошвы высоты.

Въ 3^{1/2} часа дня бомбардировка опять усилилась; носился слухъ, что 1-й полкъ будетъ вызванъ для штурма Длинной горы, какъ только огонь успѣетъ оказать свое дѣйствіе. Открыла огонь и русская артиллерія.

Около 5 часовъ дня, среди солдатъ 1-го полка начался шумъ, они начали расправлять свои застывшіе члены и стронуться поротно, по два въ рядъ, подъ прикрытіемъ складокъ мѣстности. Фельдфебеля устанавливали своихъ людей и пересчитывали ихъ, какъ будто на парадѣ, а въ то же время офицеры собрались небольшими группами, обсуждая приближающійся штурмъ и пожимая другъ другу руки передъ выступленіемъ. Командиръ полка стоялъ отдѣльно, представляя хорошо видимую цѣль въ своемъ черномъ пальто; его руки были сложены за спиной, и онъ напряженно смотрѣлъ впередъ на гребень Длинной горы. Нѣсколько офицеровъ, вѣроятно ротные командиры, подошли къ нему, отдали честь, сказали нѣсколько словъ и затѣмъ вернулись на мѣста впереди своихъ ротъ, уже построившихся и теперь стоявшихъ вольно. Полковое знамя большой бѣлый флагъ, съ вышитымъ на немъ краснымъ восходящимъ солнцемъ, развернули. Это былъ сигналъ всѣмъ ротамъ—развернуть меньшіе флаги съ такимъ же рисункомъ, которые носили

ротные знаменщики. Картина въ эту минуту была величественная: солнце обливало лучами свѣта цѣлый лѣсъ штыковъ и солдатъ, которые стояли, въ двѣ шеренги, съ ружьями у ноги, скрестивъ руки и склонивъ головы, въ ожиданіи команды для движенія впередъ; многочисленные флаги развѣвались на рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ; полковое знамя стояло отдѣльно, впереди всѣхъ, сердито теребя древко, удерживавшее его. Въ послѣднія минуты японская артиллерія открыла бѣшеный шрапнельный огонь по гребю Длинной горы; этотъ огонь могъ служить предупрежденіемъ защитникамъ, что нѣчто должно сейчасъ произойти.

Около получаса, длиннаго получаса для тѣхъ, кто наблюдалъ за этой сценой, солдаты стояли неподвижно, устремивъ свой взглядъ наверхъ, на крутые склоны горы, по которымъ они скоро должны будутъ карабкаться. Затѣмъ артиллерія сразу смолкла и, безъ всякаго дальнѣйшаго предупрежденія, офицеръ, несшій флагъ головной роты, перескочилъ черезъ взятую траншею и повелъ свою роту вверхъ, на высоту. Остальныя роты послѣдовали за ними, но не длинными линіями разсыпавшихся бойцовъ, а сохраняя свой сомкнутый строй, въ двѣ шеренги, съ ружьями на руку, съ ротными командирами во главѣ.

Это была пѣхотная атака по образцу войскъ, веденныхъ сто лѣтъ тому назадъ, нѣчто, что считали навсегда исчезнувшимъ съ современныхъ полей сраженій. Двѣ тысячи чело-вѣкъ шли впередъ съ примкнутыми штыками, въ сомкнутомъ строю, чтобы доказать теоретикамъ, какъ легковѣсны всѣ ихъ соображенія, пока не проверены жизнью ¹⁾. Полкъ, двигаясь вверхъ по склону, имѣлъ по фронту двѣ роты, изъ коихъ правофланговая двигалась прямо на большое орудіе, а другая вытянулась лѣвѣе. Остальныя роты шли сзади,

¹⁾ Все это вышло такъ красиво и атака, не имѣвшая шансовъ на успѣхъ, удалась вполнѣ—только потому, что Русскіе, утомленные боемъ, прозѣвали наступленіе Японцевъ.

на взводной дистанціи. Каждую минуту ожидали, что залпъ съ вершины смететъ голову шедшей впереди роты; однако, по тѣмъ или другимъ причинамъ, русскіе не замѣтили наступленія, пока японская пѣхота не оказалась около русскихъ траншей; когда передовая рота уже подходила къ вершинѣ, одинъ изъ русскихъ артиллеристовъ выглянулъ изъ-за закрытія и послѣдній разъ выстрѣлить изъ большого орудія, стараго образца, а вслѣдъ за этимъ японцы вскочили на брустверъ и перебили артиллеристовъ. Пѣхотѣ, шедшей въ атаку въ строю, примѣнявшемся сто лѣтъ тому назадъ, суждено было биться оружіемъ, бывшимъ въ ходу значительно раньше XVIII столѣтія. Когда рота достигла гребня высоты, люди передали свои винтовки изъ правой руки въ лѣвую и вмѣсто того, чтобы пользоваться штыкомъ или пулей, они бросали на голову своему изумленному противнику нѣчто похожее на камень. Камни эти давали скорѣ желтый, удушливый дымъ; хорошо скрываемому секрету пришелъ конецъ: японцы тоже пользовались ручными гранатами, снаряженными динамитомъ; до сего времени это первобытное оружіе примѣнялось только русскими. Каждый японскій солдатъ несъ съ собою три ручныхъ гранаты, такъ какъ опытъ показалъ, что русскіе оставались въ траншеяхъ до послѣдняго момента, когда люди свои и противника перемѣшивались и невозможно было дѣйствовать ни ружьемъ, ни штыкомъ. Вотъ почему рѣшено было испытать старомодную разрывную гранату. Русскіе на Длинной горѣ были такъ деморализованы этимъ неожиданнымъ способомъ атаки, что не оказали упорнаго сопротивленія, но японцы сильно пострадали отъ фланговаго огня съ Высокой горы (высота 203 метра).

Когда бросаніе ручныхъ гранатъ было въ самомъ разгарѣ, вся сцена очень похожа была на обыкновенное изображеніе—ада. Длинная гора имѣла видъ огромнаго котла, изъ середины котораго медленно поднимались клубы желтаго дыма, отъ взрыва безчисленныхъ ручныхъ бомбъ. Среди клубовъ дыма рвались снаряды японскихъ и русскихъ орудій, а на краю этого котла прыгали японскіе солдаты, фигуры которыхъ

на фонѣ желтаго дыма казались черными; одни изъ нихъ работали штыками, другіе стрѣляли по русскимъ, убѣгавшимъ внизъ по скату горы, большинство же, израсходовавъ свои ручныя бомбочки, бросали внизъ камни и большіе обломки скалы. Эта странная сцена длилась не болѣе десяти минутъ; къ концу ея всѣ русскіе были частью—перебиты, частью—захвачены въ плѣнъ, частью—благополучно пробирались по большой дорогѣ въ Портъ Артуръ. Заднія роты 1-го полка начали распространяться вправо по фронту Длинной горы, пока не попали подъ сильный огонь съ Высокой горы. Здѣсь ихъ дальнѣйшее наступленіе было остановлено и они начали торопливо окапываться.

Съ 9 до 11 часовъ вечера, штурмъ на Высокую гору вели 15-й и 16-й полки. Понятно, что слѣдить за тѣмъ, что происходило, невозможно было изъ-за темноты и промежуточныхъ высотъ, но около полуночи генералу Матсумура донесли, что обѣ вершины Высокой горы заняты японцами.

Утромъ 8 (21) сентября, около 6 часовъ, снова донесли, что обѣ вершины въ рукахъ японцевъ, а часомъ позже распространился слухъ, что произошло недоразумѣніе и наканунѣ ночью взята лишь одна юго-западная вершина. Произошло это слѣдующимъ образомъ: японская пѣхота штурмовала здѣсь почти тѣмъ же способомъ, какъ и на Длинной горѣ; когда японцы вошли въ укрѣпленіе, русскіе скрылись въ блиндажахъ, оставивъ ихъ на открытомъ мѣстѣ; тѣмъ не менѣе, около полуночи, юго-западное укрѣпленіе очистили отъ русскихъ, о чемъ и было донесено генералу Матсумура; изъ юго-восточнаго укрѣпленія русскихъ не удалось выбить и, такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ осталась одна вершина Высокой горы, тогда какъ другую заняли японцы. Въ теченіе дня 8 (21) сентября русскіе сосредоточили огонь всѣхъ, какихъ только возможно было, орудій на занятой японцами вершинѣ, буквально перерывая все внутреннее пространство своими 10 дм. снарядами и нанося страшныя потери японской пѣхотѣ, не находившей защиты отъ этого дождя чугуна.

Какъ доказательство страшной силы этого огня, можно привести, что не менѣе 50 процентовъ потерь было нанесено русскими снарядами, а потери эти достигали, по крайней мѣрѣ, 3.000 человѣкъ убитыми и ранеными.

9-го (22) сентября генералъ Матсумура рѣшилъ, что онъ не можетъ долѣе удерживать этой позиціи. Такимъ образомъ, вся Высокая гора была очищена японцами и они удержали только Длинную гору. Это былъ тяжелый ударъ для генерала Ноги, который надѣялся со взятой высоты бомбардировать фортъ IV (Ицзушань) и командовать надъ дорогой къ Ляотъшаню. Это серьезно разстроило планы генерала Ноги и онъ рѣшилъ, пока что, на нѣкоторое время, оставить дальнѣйшія попытки противъ Высокой горы, и сосредоточить всѣ силы для атаки гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Въ общемъ, атака на западѣ совсѣмъ не удалась: хотя Длинная гора и была взята, но обладаніе ею было бесполезно, пока Высокая гора оставалась въ рукахъ непріятеля.

Теперь нужно вернуться назадъ и прослѣдить судьбу отрядовъ, атакующихъ Водопроводный (фортъ Куропаткинъ) и Кумирнскій (укрѣпленія Шуйшуинъ) редуты; штурмъ на эти укрѣпленія шелъ одновременно со штурмомъ на горы—Длинную (Намакаяма) и Высокую (высота 203 метр.).

Въ 7 часовъ утра 6 (19) сентября, японцы начали медленно обстрѣливать гранатами Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ) изъ 15-ти и 12-ти сант. морскихъ пушекъ, поставленныхъ въ тылу, на главной батарее; батарея эта была расположена за однимъ изъ нижнихъ выступовъ горы Хошань; полевая гаубица, а также часть полевой артиллеріи поддерживали огонь морскихъ орудій. Съ 12¹/₂ часовъ дня скорость стрѣльбы была увеличена, а въ 4 часа дня генералъ, командующій осадной артиллеріей, приказалъ перейти на частый огонь.

Съ момента своей послѣдней атаки на Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ), 18-я бригада была занята выдвиганіемъ впередъ, насколько возможно ближе къ цѣли, сво-

ихъ сапъ, чтобы такимъ образомъ избѣжать повторенія первой неудачной попытки, когда нужно было пройти около полумили по открытому пространству, подъ сильнымъ огнемъ. На небольшомъ пригоркѣ, въ разстояніи около 500 ярдовъ (215 саж.) отъ Водопроводнаго редута (фортъ Куропаткинъ), саперы построили небольшое укрѣпленіе, откуда они продвигались впередъ параллелями, пока не подошли къ противнику на разстояніе около 100 ярдъ (43 саж.). Проволочныя загражденія были перерѣзаны ночью добровольцами.

Нѣсколько ночей передъ штурмомъ отдѣльные люди выходили впередъ, разыскивая фугасы, о существованіи которыхъ было извѣстно, чтобы перерѣзать соединяющіе ихъ провода. Одному японскому солдату, пробиравшемуся ночью между непріятельскими позиціями, показалось, что въ одномъ мѣстѣ земля подъ ударами топора звучала какъ то особенно; онъ подозвалъ фельдфебеля и они вдвоемъ начали разрывать руками землю, пока не дошли до электрической контактной коробки, соединявшей провода нѣсколькихъ фугасовъ. Они вытащили коробку и затѣмъ сравнивали землю такъ старательно, что русскіе не узнали объ этомъ.

Три баталіона 36-го полка и одинъ баталіонъ 19-го полка были собраны въ передовыхъ параллеляхъ, около 3 часовъ дня 6 (19) сентября. Русскіе шрапнели наносили чувствительный вредъ войскамъ, во время нѣсколькихъ часовъ ожиданія. Отъ времени до времени, высылались впередъ развѣдчики, чтобы узнать, какъ подѣйствовало на пѣхоту, защищающую Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ), огонь артиллеріи; хотя люди эти шли, прикрываясь стальными щитами, ихъ всегда убивали раньше, чѣмъ они успѣвали добраться до мѣста назначенія.

Когда въ 4 часа дня японцы открыли бѣглый огонь, русскіе принуждены были очистить Водопроводный редутъ, въ которомъ дальше нельзя было оставаться; они укрылись отъ огня въблизи укрѣпленія, въ канавахъ и промоннахъ.

Въ 5 часовъ дня, японцы полуротою атаковали русскихъ и завязался горячій пѣхотный бой, причемъ обѣ стороны

широко пользовались ручными гранатами. Японцы одержали верхъ и овладѣли окопомъ въ промоннѣ; затѣмъ они были усилены до 500 человекъ, которые всѣ здѣсь сосредоточились. Однако, они продержались на этой позиціи лишь полчаса и были выбиты контръ-атакой русской пѣхоты, потерявъ, какъ говорили, всѣ свои флаги и понесъ большія потери.

Затѣмъ обѣ стороны удерживали свои позиціи, пока ночь не положила конецъ бою.

Въ 4 часа утра 7 (20) сентября, японцы еще разъ возобновили атаку и имъ удалось выбить русскую пѣхоту, послѣ слабого сопротивленія; кажется у русскихъ запасъ ручныхъ гранатъ началъ изсякать, а безъ нихъ они сражались далеко не съ тѣмъ мужествомъ, какъ наканунѣ. Какъ только русская пѣхота отступила, японцы заняли Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ). Когда разсвѣло и уже видно было, что редутъ занятъ японцами, русская артиллерія немедленно открыла бѣшеный огонь по редуту, превращая все, что тамъ еще уцѣлѣло въ кучу развалинъ. Японская пѣхота пыталась удержать позицію, но, въ виду большихъ потерь, рѣшили очистить редутъ и занять всѣ промонны и траншеи, въблизи него, предупредивъ такимъ образомъ обратный захватъ его русскими. Нѣсколько позже, 19-й полкъ развилъ этотъ успѣхъ, взявъ укрѣпленіе около самаго водопровода, называвшееся Скалистымъ редутикомъ (укрѣпленіе Ліугень); водопроводныя трубы сейчасъ же перерѣзали и послѣ 7 (20) сентября русскимъ приходилось пользоваться опрѣсненной водой, или колодцами.

Послѣ взятія Водопроводнаго редута (фортъ Куропаткинъ), японцы не пытались держать тамъ людей; находясь прямо подъ выстрѣлами съ фортовъ, редутъ постоянно привлекалъ на себя ихъ огонь, а внутренность его была такъ разрушена, что, не затративъ нѣсколько недѣль на работы, не было никакой возможности пользоваться имъ для цѣлей обороны.

Во время этихъ операцій 3-й полкъ, подъ командой

полковника Усиджима, былъ занятъ подобной же попыткой взять четыре укрѣпленія Шуйшунинъ, лежавшія къ югу отъ деревни. Весь день 6 (19) сентября продолжалась бомбардировка и лишь утромъ 7 (20-го) японская пѣхота перешла въ наступленіе и, послѣ горячаго боя, взяла укрѣпленіе Д¹⁾, самое восточное, но минутъ черезъ 20, японцы были выбиты оттуда. Эта задержка была временная; въ 10 часовъ утра, японцы атаковали снова ту же позицію и удержали ее за собой; затѣмъ, усиленные подошедшей къ нимъ поддержкой, они бросились впередъ и взяли редутъ въ небольшомъ разстояніи къ западу, укрѣпленіе В²⁾. Когда эти два укрѣпленія были взяты, русскіе пали духомъ и отошли по главной дорогѣ къ Портъ Артуру, оставивъ укрѣпленія А и С своему побѣдоносному врагу; занявшіе эти укрѣпленія японцы сейчасъ же подверглись жестокому огню съ фортонъ крѣпости.

Всѣ эти укрѣпленія были построены по одному типу: брустверъ съ внутренней стороны укрѣпленія бревнами, а сверху обложенъ земляными мѣшками; укрѣпленія имѣли толстый брустверъ и мало выдѣлялись надъ окружающей мѣстностью; внутри укрѣпленій устроено было много блиндажей, врытыхъ въ землю и поддерживаемыхъ толстыми брусками; на брускахъ лежали доски, а сверху досокъ былъ насыпанъ слой земли въ 2—3 фута; надъ слоемъ земли уложены были земляные мѣшки; мѣстами блиндажи устроены были въ два этажа, причемъ нижній—обыкновенно служилъ для склада боевыхъ припасовъ. Въ такихъ подземныхъ жилищахъ русскіе прожили два мѣсяца. Внутренность помѣщеній была до крайности грязна: въ полномъ безпорядкѣ валялись тутъ—шинели, нижнее бѣлье, старые сапоги, фуражки, принадлежности для чистки винтовокъ, маслянки, изломанные винтовки, пачки картъ и большіе караванъ чернаго хлѣба, какъ будто владѣльцы этихъ вещей только что

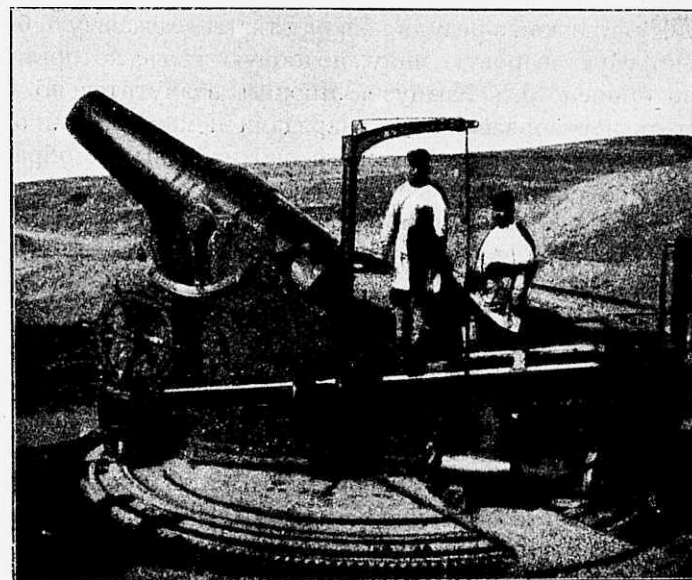
¹⁾ Одинъ изъ люнетовъ, слабой профили.

²⁾ Кузирскій редутъ.

Прим. перевод.

оставили ихъ, вызванные утромъ 7 (20-го) сентября для поддержки своей пѣхоты. Во время бомбардировокъ русскіе сидѣли смирно подъ защитой этихъ помѣщеній, оставляя лишь нѣсколько человекъ для наблюденія черезъ бойницы и своевременнаго предупрежденія о каждой попыткѣ къ штурму.

Неоднократно, снаряды, въ особенности стрѣлявшихъ навѣснымъ огнемъ гаубицъ, пробивали эти блиндажи; од-

28 сант. (11 дюйм.) гаубица.

нажды 30 человекъ русскихъ были убиты однимъ снарядомъ, засыпавшимъ ихъ грудой обломковъ. Русскіе дрались вообще храбро, но разрушительнаго дѣйствія артиллеріи они не переносили, и въ такихъ случаяхъ очищали позицію.

Внутри взятыхъ редутонъ японцы нашли разныя своеобразныя приспособленія для противодѣйствія атакѣ, въ числѣ которыхъ было много морскихъ самодвижущихся минъ,

взятыхъ въ помощь сухопутнымъ войскамъ съ судовъ флота, гдѣ они были бесполезны. Какимъ образомъ ими хотѣли воспользоваться остается секретомъ, такъ какъ, въ дѣйствительности, они не примѣнялись ¹⁾ ни въ одномъ бою, и попали въ руки японцевъ, не исполнивъ своего назначенія.

Въ настоящее время мины эти пошли на пополненіе японскихъ дивизионныхъ музеевъ, въ которыхъ собраны разные военные трофеи, предназначенные для возбужденія воинственнаго духа молодыхъ солдатъ.

Въ Кумирнскомъ редутѣ нашли, открыто лежавшую, большую морскую шаровую мину, подобную тѣмъ, которыя потопили броненосецъ Хатцузе. Японцы возмутительно безпечны съ неразорвавшимися снарядами и минами; они оставляютъ ихъ лежать тамъ же, гдѣ они найдены, не обращая вниманія, что они могутъ взорваться среди своихъ же людей.

Взятіе Водопроводнаго редута (фортъ Куропаткинъ) стоило сильно тѣснимою 6-й дивизіи 1000 человекъ. Съ начала компаніи потери этой дивизіи были огромны, и къ данному времени достигли огромной цифры, почти 10.000 человекъ убитыхъ, раненыхъ и больныхъ; это только послѣ двухъ мѣсяцевъ борьбы, такъ какъ дивизія высадилась въ Дальнемъ лишь въ концѣ іюля.

Въ общемъ планъ дѣйствій, принятый генераломъ Ногги при его второй попыткѣ атаковать крѣпость, оказался удачнымъ. Не удалась атака на Высокую гору (203 метр. высоты), и ее бросили для болѣе сосредоточенной атаки на восточный фронтъ крѣпости; за то, русскихъ совершенно вытѣснили изъ долины Шуйшуинъ; здѣсь всѣ ихъ редуты были взяты и водопроводъ отрѣзанъ; наконецъ, что существенно всего, японскіе саперы могли теперь двигать впередъ свои сапы, противъ главной оборонительной линіи крѣпости, и готовить пѣхотѣ путь для штурма фортовъ.

¹⁾ Бросаніе на сушѣ морскихъ минъ широко практиковалось русскими во время осады и давало хорошіе результаты.

ГЛАВА XII.

Артиллерія и телефоны.

Отсутствіе тяжелыхъ осадныхъ орудій служило предметомъ многихъ разговоровъ въ первый періодъ осады.

Вполнѣ естественно было предполагать, что японцы, при свойственной имъ детальной разработкѣ своихъ плановъ, заранее уже опредѣлили день, когда потребуются для бомбардировки укрѣпленій Портъ-Артура тяжелыя орудія, если бы даже Генеральный Штабъ и имѣлъ намѣреніе взять крѣпость открытой силой.

Въ періодъ августовскихъ штурмовъ, японскую пѣхоту поддерживали пушки и гаубицы весьма недостаточнаго калибра; наиболѣе тяжелыя были—6 дюйм. морскія пушки. Орудія эти наносили существенныя поврежденія передовымъ русскимъ укрѣпленіямъ и временнымъ укрѣпленіямъ въ родѣ редутовъ № 1 и № 2 (Вост. и Зап. Банрушань). Послѣднія два дѣйствительно были серьезно повреждены огнемъ этихъ орудій, что дало возможность пѣхотѣ взять ихъ штурмомъ. Однако, совсѣмъ иначе обстояло дѣло, когда настало время бомбардировать долговременныя укрѣпленія—Фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), Фортъ III (Нирушань) и Укрѣпленіе № 3 (Шоюшань). Стрѣляющія прицѣльнымъ огнемъ пушки не могли нанести вреда внутреннимъ помѣщеніямъ этихъ укрѣпленій и единственнымъ средствомъ для этого были гаубицы

большаго калибра. Говорили, что гаубицы, предназначенныя для службы подъ Портъ-Артуромъ, погибли на пароходѣ „Хитачи-Мару“, потопленномъ въ юнѣ Владивостокской эскадрой. Кажется тутъ есть доля правды, такъ какъ только такимъ образомъ можно удовлетворительно объяснить установку этихъ гаубицъ на осадныхъ позиціяхъ у Портъ-Артура лишь въ концѣ сентября.

Въ первыхъ числахъ сентября начали ходить слухи о скоромъ возобновленіи активныхъ дѣйствій; говорили, что генералъ Ноги ждетъ лишь прибытія своей осадной артиллеріи, чтобы начать новую атаку.

27-го августа (9 сентября) первая 28 сант. (11 дюйм.) гаубица достигла линіи обложенія. Перевозили гаубицы изъ Дальняго по желѣзной дорогѣ до головной станціи; здѣсь, при помощи подъемнаго крана орудіе ставили на 4 небольшихъ тѣлѣжки, изъ которыхъ каждая стояла на четырехъ колесахъ, діаметромъ около 18 дюймовъ; ободья колесъ были шириной въ 6 дюйм., чтобы предупредить врѣзаніе ихъ въ мягкую почву при перевозкѣ груза въ 15 тоннъ (930 пуд.). Замки съ орудій были сняты, оба конца его были тщательно упакованы въ деревянные ящики, во избѣжаніе поврежденій во время перевозки; замки и лафеты подвозили отдѣльно. Для гаубицъ были выбраны соответственныя позиціи еще до ихъ прибытія. Взводъ солдатъ встрѣчалъ каждое орудіе у головной станціи, снималъ съ желѣзнодорожной платформы и опускалъ его на тѣлѣжки при помощи крана; затѣмъ, начиналась тяжелая задача—перевезти этотъ грузъ на разстояніе 2—3 верстѣ, до избранной позиціи.

Не менѣе 500 солдатъ требовалось, чтобы передвинуть такую гаубицу въ часть на разстояніе 50 ярдовъ (65 шаговъ). Къ орудіямъ прикрѣплялись длинныя канаты, а къ послѣднимъ штропы, которые японцы перекидывали себѣ черезъ плечо и, по командѣ, начинали тянуть всѣ одновременно. Часто, когда дорога была мягкая, орудіе застревало и приходилось подводить новыя команды людей, чтобы сдвинуть

его съ мѣста. Японскіе солдаты шли на эту тяжелую работу съ величайшей готовностью, вполне сознавая, что прибытіе этихъ чудовищъ облегчитъ ихъ работу и ускоритъ паденіе крѣпости. Лафеты 28 сант. гаубицъ устанавливались на прочномъ основаніи изъ порландскаго цемента, для чего были подвезены сотни бочекъ цемента; требовалось двѣ недѣли, чтобы цементъ затвердѣлъ и съ него могло стрѣлять орудіе. Легко представить себѣ, какую огромную работу

Японскіе солдаты тянутъ 28 сант. (11 дюйм.) гаубицу.

взяли на себя японцы, устанавливая 18 такихъ гаубицъ на позиціяхъ вокругъ крѣпости.

Четыре гаубицы, назначенныя на западный участокъ линіи обложенія, пришлось отъ головной станціи тащить болѣе 10 миль на рукахъ, описаннымъ выше способомъ.

28 сант. (11 дм.) гаубицы стрѣляли подъ угломъ въ сорокъ градусовъ, съ прицѣломъ на 10000 ярдъ (4285 саж.); діаметръ

казенной части орудія—28 дм., у дула—14 дюйм. Изготовлены были эти гаубицы самими японцами въ г. Осака. Каждый снарядъ для 11 дюйм. гаубицъ вѣсилъ 550 ф. и стоилъ около 1000 руб. Въ теченіе осады выпущено было по Портъ-Артуру 36000 такихъ снарядовъ; да къ нимъ еще надо прибавить полтора милліона другихъ снарядовъ.

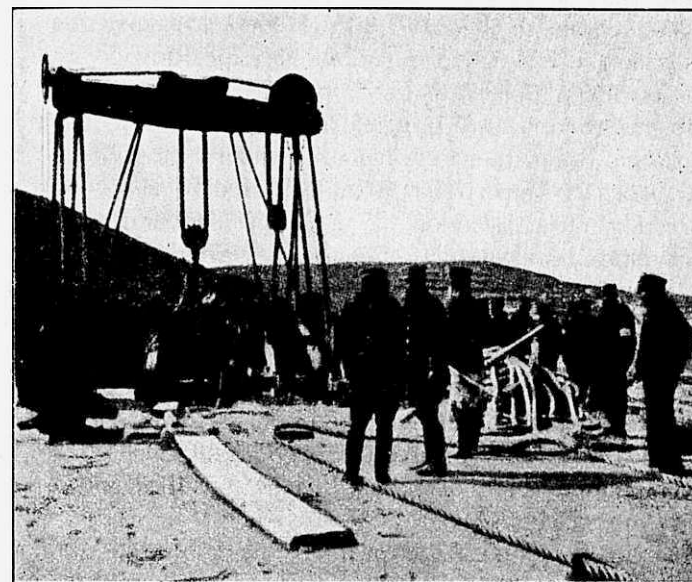
Позиціи, избранныя для этихъ гаубицъ, находились позади крутыхъ высотъ, въ близкомъ сосѣдствѣ къ русскимъ фортамъ. Вслѣдствіе того, что онѣ стрѣляли подь большимъ угломъ возвышенія, оказалось возможнымъ ставить ихъ вплотную къ подошвѣ высотъ и потому онѣ были укрыты отъ сосредоточеннаго огня съ непріятельскихъ фортовъ.

Способъ управленія огнемъ состоялъ въ слѣдующемъ: на вершинѣ высоты, по сосѣдству съ каждой гаубичной батареей, былъ устроенъ блиндажъ, гдѣ непрерывно, днемъ и ночью, находился офицеръ. Онъ въ подзорную трубу слѣдилъ за полетомъ снарядовъ, и результатъ каждого выстрѣла записывался на бумагѣ унтеръ-офицеромъ; затѣмъ по телефону наблюдатель точно указывалъ, какъ надо исправить прицѣлъ для слѣдующаго выстрѣла. Такимъ образомъ, когда орудія бомбардировали отдѣльные форты, прицѣлъ былъ правильный, такъ какъ времени было достаточно, чтобы прослѣдить полетъ снаряда и дать указанія для исправленія прицѣла; во время же общаго штурма, часто приходилось замѣчать неточность прицѣла. Безъ сомнѣнія это происходило вслѣдствіе дыма, вившаго надъ русскими позиціями, вслѣдствіе общаго возбужденія, неизбежнаго во время производства каждой пѣхотной атаки, а также вслѣдствіе изнашиванія каналовъ орудій при усиленной стрѣльбѣ.

Тяжелыя гаубицы и другія орудія японцевъ, нерѣдко, во время атакъ, попадали въ свою-же пѣхоту, когда она подходила вплотную къ русскимъ траншеямъ; японская армія потеряла такимъ образомъ за время осады сотни жизней.

Во время боя противники такъ близко сходятся, что не-

возможно было-бы избѣжать подобныхъ недоразумѣній; вообще японцы если рѣшили взять какую-либо позицію, то совершенно не заботились о сохраненіи человѣческой жизни и широко ее расточали. Всегда очень тяжело было видѣть, какъ огромные 11 дюйм. снаряды падали въ самую середину японскихъ ротъ, когда тѣ сидѣли на только что взятой позиціи или близко около нея.

Генераль Ноги присутствуетъ при установкѣ 28 (11 дюйм.) гаубицъ, около штаба 9-й дивизіи.

Во время штурма 17 (30) октября, сотни раненыхъ лежали около русскихъ укрѣпленій, обстрѣливаемые огнемъ не только русскихъ, но и своихъ собственныхъ орудій.

Позиціи, выбранныя для 28 сант. гаубицъ показаны на картѣ. По ней видно, что 4 орудія были поставлены вмѣстѣ, за „Дивизионнымъ гребнемъ“, около штаба 9-ой дивизіи; батарея эта была расположена въ разстояніи всего около

1000 ярдовъ (429 саж.) отъ ближайшаго пункта русской оборонительной линіи. Два другихъ орудія (это слѣдуетъ отмѣтить) стояли подъ прикрытіемъ горы Данжанши ¹⁾, вправо отъ „усѣянной снарядами дороги“. Батарея у штаба 9-ой дивизіи и батарея за Данжанши стояли на одной линіи, одна сзади другой. Для японцевъ было весьма важно скрыть расположеніе этихъ четырехъ орудій, близъ 9-ой дивизіи, такъ какъ они были установлены слишкомъ близко къ боевой линіи и русскіе могли сосредоточить по нимъ очень дѣйствительный огонь. Эти четыре орудія стрѣляли во время осады бездымнымъ порохомъ, который разрушительно дѣйствуетъ на орудіе, другіе-же два орудія, поставленные за Данжанши, стрѣляли чернымъ порохомъ, давая послѣ каждаго выстрѣла облако бѣлаго дыма, который поднимался надъ высотой и указывалъ позицію батареи. Долгое время эта хитрость удавалась отлично и русскіе думали, что всѣ снаряды, выпускаемые, въ дѣйствительности, съ батареи у 9-ой дивизіи, выпускались орудіями за Данжанши.

Слѣдующая батарея, изъ двухъ 28 сант. орудій, была расположена близъ штаба 11-ой дивизіи; затѣмъ еще четыре такихъ-же орудія стояли вплотную за высотой, гдѣ желѣзная дорога входитъ въ долину Шуйшунинъ; здѣсь-же, недалеко, расположена была еще одна батарея, изъ двухъ 28 сант. орудій.

Я насчиталъ, такимъ образомъ, 14 гаубицъ; остальные четыре были отправлены на западъ и установлены близъ штаба 1-ой дивизіи.

Послѣ паденія Портъ-Артура обнаружился заслуживающій вниманіе фактъ: около русскихъ укрѣпленій лежало довольно много неразорвавшихся 28 сант. снарядовъ. ²⁾

¹⁾ У насъ эта гора носила названіе «Сахарная Голова».

²⁾ Русскіе собирали эти снаряды и стрѣляли ими по японцамъ изъ 11 дм. мортирѣ, что оказывалось возможнымъ, такъ какъ нарѣзы японскихъ гаубицъ шли справа—налѣво, а русскихъ мортирѣ—наоборотъ. Такихъ снарядовъ было выпущено болѣе сотни.

чѣмъ и объясняется большое количество неразорвавшихся снарядовъ; дистанціонной трубкой не пользовались.

Перечисленіе орудій, гаубицъ и мортирѣ, которыми японцы пользовались подъ Портъ-Артуромъ, даетъ полное представленіе о громадныхъ размѣрахъ осадныхъ операцій. Въ серединѣ октября, болѣе 400 орудій стояли на позиціяхъ передъ русскими фортами. Въ это число входили слѣдующія орудія: четыре 6-дюйм. морскихъ пушки, обслуживаемыя матросами, спасенными съ несчастнаго броненосца „Хатцузэ“, позицію этихъ орудій можно найти на картѣ близъ мѣста, гдѣ большая дорога входитъ въ долину Шуйшунинъ; 10 морскихъ 4, 7 дюйм. орудій—были разставлены вдоль фронта, среди высотъ, образующихъ главную артиллерійскую позицію японцевъ; тутъ-же стояли—20 морскихъ 12 фунт. орудій; 4 Крупновскихъ 10,5 сант. (около 4 дюйм.) пушки стояли между высотами, сѣвернѣе долины Шуйшунинъ; къ этому слѣдуетъ прибавить 30 бронзовыхъ орудій и 6 Крупновскихъ 8, 7 сант. (3, 42 дюйм.), взятыхъ у русскихъ при Циньчжоу (Наншань), хотя пользовались ими лишь короткое время. Количество полевой артиллеріи доходило до 108 орудій; они были распредѣлены въ разныхъ мѣстахъ по долину Шуйшунинъ, и тщательно замаскированы отъ огня фортовъ. Кромѣ того, у японцевъ было 72 горныхъ пушки, которыя были скрыты въ разныхъ мѣстахъ, иногда очень близко отъ русскихъ укрѣпленій; ихъ ставили въ траншеяхъ и во взятыхъ люнетахъ, почему, временами, они сильно страдали отъ дѣйствія русскаго шрапнѣльнаго огня съ близкихъ дистанцій; все это вмѣстѣ составляетъ 254 орудія.

Гаубицъ, установленныхъ осаждающимъ, насчитывали всего 62: восемнадцать—28 сант. (11 дюйм.), позиціи которыхъ я уже описывалъ; шестнадцать—15 сант. (6 дюйм.) и двадцать восемь—12 сант. (4, 7 дюйм.). Всѣ эти гаубицы были установлены на старательно выбранныхъ позиціяхъ, за что снаряды эти должны были имѣть ударную трубку въ головной части, но они всѣ были снабжены донными трубками

сотами, насколько возможно ближе къ фортамъ. Также распределены были вдоль фронта 160 мортирь, по сосѣдству съ „Дивизионнымъ гребнемъ“. Итого, въ общей сложности, 476 пушекъ, гаубицъ и мортирь установлено было передъ крѣпостью въ октябрѣ; но къ этому числу надо еще прибавить полевую артиллерию 7-ой дивизіи, подошедшей лишь въ ноябрѣ; съ нею общее число орудій было болѣе 500 штукъ.

Величайшій въ мірѣ организаторъ-телефонъ; этотъ прибой въ рукахъ японцевъ совершенно измѣнилъ современную войну. Всѣ 500 орудій вокругъ Портъ-Артура были непосредственно связаны со штабомъ начальника осадной артиллеріи. Проникнуть на священную территорию наблюдательной станціи начальника артиллеріи — составляло трудную задачу и чужеземецъ тамъ неохотно принимался. Чтобы добраться до помѣщенія начальника артиллеріи, надо было взойти на крутую высоту, около вершины которой вы попадали въ окрашенный бѣлой краской проходъ; повернувъ за уголъ, вы сейчасъ-же входили въ просторное помѣщеніе, 18 фут. въ квадратѣ, высѣченное въ склонѣ горы; стѣны облицованы были цементомъ и содержались замѣчательно чисто. По серединѣ комнаты стоялъ столъ изъ шифернаго камня, выкрашенный въ бѣлый цвѣтъ и отпалированный. Надъ столомъ находился узкій колодезь, проходившій черезъ крышу въ наружную камеру-обскуру. На этомъ столѣ отражался опредѣленный участокъ укрѣпленій, а по мѣрѣ движенія камеры-обскуры вдоль горизонта, въ поле зрѣнія попадали все новыя мѣста.

Нѣчто подходящее можно найти въ исторіи Шерлока Холмса, гдѣ профессоръ Моріарти сидитъ у телефоновъ въ подземномъ погребѣ, окруженный своими крестами и организуетъ убійства и грабежи по всему Лондону, не двигаясь при этомъ со своего мѣста.

Подъ Портъ-Артуромъ вмѣсто профессора Моріарти сидѣлъ начальникъ артиллеріи осадной арміи и его власть, въ совершеніи добра и зла, была много больше, чѣмъ у безсмертнаго профессора.

Съ одной стороны, у стѣны, были установлены телефонные аппараты и около каждаго изъ нихъ сидѣлъ ординарецъ, передавая приказанія и принимая донесенія со всѣхъ участковъ поля сраженія.

Всѣ орудія, бывшія подъ Портъ-Артуромъ, распределены были между дивизіями; орудія, разбросанныя въ районѣ охраняемомъ той или другой дивизіей, непосредственно были подчинены начальнику артиллеріи этой дивизіи.

Когда, въ ноябрѣ, появилась 7-ая дивизія, орудія распредѣлили на 4 участка, соответственно придавъ ихъ 1-ой, 7-ой, 9-ой и 11-ой дивизіямъ. начальникъ артиллеріи каждаго участка на главной наблюдательной станціи имѣлъ отдѣльнаго ординарца, сидѣвшаго передъ однимъ изъ телефоновъ. Такимъ образомъ, начальники артиллеріи участковъ получали приказанія непосредственно отъ начальника артиллеріи арміи, а на ихъ обязанности лежало передавать эти приказанія по отдѣльнымъ батареямъ своего участка. Батарейнымъ командирамъ предоставлена была широкая инициатива; если появлялась какая нибудь удобная цѣль, они не тратили времени на запросъ по телефону о разрѣшеніи открыть огонь по этой цѣли; они сначала открывали огонь, а затѣмъ уже доносили, чѣмъ это было вызвано.

Во время общихъ штурмовъ, когда являлась необходимость сосредоточить огонь многихъ орудій на одномъ какомъ нибудь пунктѣ, вся выгода этой разработанной системы сношеній между начальникомъ артиллеріи и командирами батарей проявлялась очень ярко.

Наблюдательная станція начальника артиллеріи соединена была телефонами съ разными пунктами передовой линіи, почему онъ могъ непосредственно получать свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ и могъ соответственно направлять огонь своихъ батарей.

Когда шелъ штурмъ на какую нибудь позицію, для начальника артиллеріи было существенно важно получать своевременно свѣдѣнія о поступательномъ движеніи атаки и о точности огня его орудій; для достиженія этого, японцами

былъ принятъ слѣдующій способъ: въ каждомъ полку имѣлось нѣсколько опытныхъ телефонистовъ; вѣдь японскій пѣхотный солдатъ—отчасти пѣхотинецъ, отчасти саперъ, такъ какъ хорошо знакомъ со многими отраслями сапернаго дѣла; полковые телефонисты слѣдовали непосредственно за боевой линіей и укладывали телефонный проводъ по наименѣе опаснымъ и наиболѣе удобнымъ мѣстамъ. Дойдя до пункта, откуда нельзя было идти впередъ съ главнымъ проводомъ, втыкали въ землю жердь и на ней закрѣпляли главный проводъ; затѣмъ, 20 или 30 человекъ, которые несли проводъ, брали каждый по телефонному аппарату и по 200 (86 саж.) или 300 (129 саж.) ярдъ проволоки, одинъ конецъ которой прикрѣпляли къ главному проводнику, около жерди. Затѣмъ, люди разсыпались въ боевую линію, причемъ каждый долженъ былъ, оберегая по возможности свою жизнь, слѣдить все, чтобы увидѣть какъ можно больше изъ происходящаго вокругъ. Каждый изъ нихъ, въ боевой линіи, находился на общемъ проводѣ со своими товарищами и, такимъ образомъ, каждый могъ слышать, что говорятъ другіе. Такимъ путемъ являлась возможность передавать приказанія по всему фронту боевой линіи, но главной задачей телефонистовъ, во время операций подъ Портъ-Артуромъ, было—сообщеніе начальнику артиллеріи свѣдѣній о дѣйствіи огня орудій и о положеніи дѣлъ въ боевой линіи. При этомъ, какъ ни кажется странно, начальникъ артиллеріи, сидѣвшій на высотѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ сзади боевой линіи, могъ разговаривать съ нижними чинами, часто падавшими убитыми на самой серединѣ своего доклада. Если ктонибудь изъ телефонистовъ слышалъ, что товарищъ его переставалъ говорить во время передачи донесенія, онъ зналъ, что товарища убили и сейчасъ-же долженъ былъ докончить начатое донесеніе, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ.

Во многихъ атакахъ большинство телефонистовъ бывало убито, но два или три почти всегда оставались въ живыхъ.

Разбросанный такимъ образомъ, какъ щупальцы, между людьми боевой линіи, телефонъ собиралъ отрывочныя свѣ-

дѣнія со всѣхъ пунктовъ поля сраженія и сообщалъ все это начальнику артиллеріи, сидѣвшему на своей наблюдательной станціи, въ нѣсколькихъ миляхъ въ тылу.

Во время общихъ штурмовъ на Портъ-Артуръ генераль Ноги часто находился у начальника артиллеріи, а если генераль избиралъ какое нибудь другое мѣсто, то всегда и у начальника артиллеріи и у генерала Ноги на затылкѣ висѣла сѣтка съ пріемникомъ, какъ у телефонистовъ. Такимъ образомъ, они были непосредственно соединены другъ съ другомъ.

Телефоннымъ-же проводомъ соединялся и воздушный шаръ съ начальникомъ артиллеріи. Каждый подъемъ шара обходился около 1000 руб., но пользы онъ приносилъ мало; состоявшій при воздушномъ шарѣ офицеръ, прошелъ курсъ въ Ольдершотѣ.

Сверхъ всего, начальникъ осадной артиллеріи находился въ непосредственномъ сообщеніи съ главной квартирой маршала Ояма, у Ляояна, или гдѣ-бы она ни находилась. Если маршалъ желалъ знать результатъ какого-нибудь выстрѣла, онъ могъ получить желаемое свѣдѣніе минуты черезъ три или четыре послѣ выстрѣла.

Для генеральнаго штаба, на сѣверѣ, должно быть были минуты самага напряженнаго вниманія, когда они прислушивались къ приходящему ежеминутно по проводу донесенію объ одномъ изъ большихъ штурмовъ на Портъ-Артуръ, какъ японскіе солдаты устанавливали къ эскарпу свои штурмовыя лѣстницы и пытались силой проложить себѣ путь на фортъ.

Одна изъ наиболѣе трудныхъ задачъ, съ которой японцамъ во время осады пришлось столкнуться,—это снабженіе боевыми припасами всѣхъ 500 пушекъ, гаубицъ и мортиръ. Боевые припасы подвозились изъ Дальняго по желѣзной дорогѣ до головной станціи. Всѣ запасы выгружались на станціи Чораши ¹⁾; впоследствии японцы возстановили же-

¹⁾ Около селенія Чанлиндза.

лѣзнодорожную линію еще на четыре мили (7 вер.) и устроили головную станцію ближе къ фронту арміи. На головной станціи устроена была деревянная платформа, около которой находился запасный складъ боевыхъ припасовъ.

Здѣсь выгружались снаряды и ихъ размѣщали въ сараяхъ, пока они не распредѣлялись по отдѣльнымъ батареямъ. Чтобы облегчить доставку боевыхъ припасовъ на батарею, японцы уложили переносную желѣзную дорогу, съ ручной тягой. Дорога эта шла, сзади линіи расположенія войскъ, отъ головной станціи желѣзной дороги, прямо на западъ.

Отъ главной линіи отходили боковыя вѣтки ко всѣмъ батареямъ 28 сант. гаубицъ и тяжелыхъ морскихъ орудій, которыя, такимъ образомъ, постоянно снабжались боевыми припасами. Головная станція и запасный складъ боевыхъ припасовъ находились въ разстояніи около двухъ миль ($3\frac{1}{2}$ вер.) отъ русскихъ фортовъ ¹⁾ и въ районѣ досягаемости ихъ орудій.

Высоты скрывали головную станцію, но тѣмъ не менѣе русскіе артиллеристы часто разбрасывали снаряды вблизи отъ нея. Выстрѣлы эти, впрочемъ, направлялись по главной квартирѣ генерала Ноги, а не по запасному складу артиллерійскихъ припасовъ, такъ какъ въ послѣдствіи стало извѣстно, что русскіе не знали мѣста расположенія головной станціи, но имѣли неясныя свѣдѣнія, по донесеніямъ китайскихъ шпионовъ, о расположеніи главной квартиры генерала Ноги.

Задача снабженія боевыми припасами большихъ гаубицъ, расположенныхъ въ районѣ 9-ой и 11-ой дивизій, была не особенно затруднительна, ибо разстоянія, на которыя надо было перевозить снаряды отъ головной станціи, нигдѣ не превосходили $2\frac{1}{2}$ —3 мили. Но совсѣмъ иначе обстояло дѣло, при снабженіи снарядами четырехъ 28 сант. гаубицъ, расположенныхъ въ районѣ 1-ой дивизіи. Каждый снарядъ надо

¹⁾ По картѣ автора разстояніе это больше трехъ миль (около 6 верстѣ), что ближе сходится съ дѣйствительностью.

было протащить по переносной желѣзной дорогѣ ручной тягой на разстояніе около 15 миль (26 вер.). Небольшая телѣжка, подгоняемая полудужиной солдатъ, могла поднимать три снаряда, т.-е. вѣсъ въ 1500 фунтовъ, кромѣ вѣса самой телѣжки.

На мѣстности ровной работа эта была не тяжела, но тащить телѣжку по гористой мѣстности было очень трудно.

Японскіе солдаты умѣли найти для себя развлеченіе, даже въ такомъ прозаическомъ занятіи, какъ перекачиваніе 500 фунтовыхъ снарядовъ по переносной желѣзной дорогѣ. Какъ только подходили къ спуску, солдаты садились на снаряды и позволяли телѣжкѣ катиться внизъ съ полной скоростью, чтобы выскочить затѣмъ на подъемъ. Иногда, вѣсъ оказывался слишкомъ великъ и телѣжка не могла взойти на подъемъ, а начинала катиться назадъ; тогда солдатамъ приходилось слѣзть и тянуть ее на веревкахъ. Солдаты выказывали свою обычную беззаботность, при обращеніи съ этими большими снарядами и можно удивляться, что мало жизней погибло во время этихъ путешествій со снарядами. Я вспоминаю случай, когда солдаты, сидя на телѣжкѣ, пустили ее внизъ по склону и затѣмъ вверхъ на подъемъ; къ несчастью, за недостаткомъ инерціи, телѣжка начала катиться назадъ; въ это время другая телѣжка шла по скату на встрѣчу первой; не было никакой возможности предупредить несчастье, и обѣ телѣжки столкнулись внизу съ ужаснымъ трескомъ; снаряды скатились и одна изъ телѣжекъ перевернулась; солдаты и снаряды лежали на землѣ въ общей кучѣ, но по счастливой случайности не произошло взрыва. Затѣмъ солдаты быстро поставили телѣжку на рельсы, выбрали снаряды и возобновили свое путешествіе, смѣясь какъ дѣти, точно все происшедшее была шутка, а не что либо опасное, что могло привести къ большому несчастью.

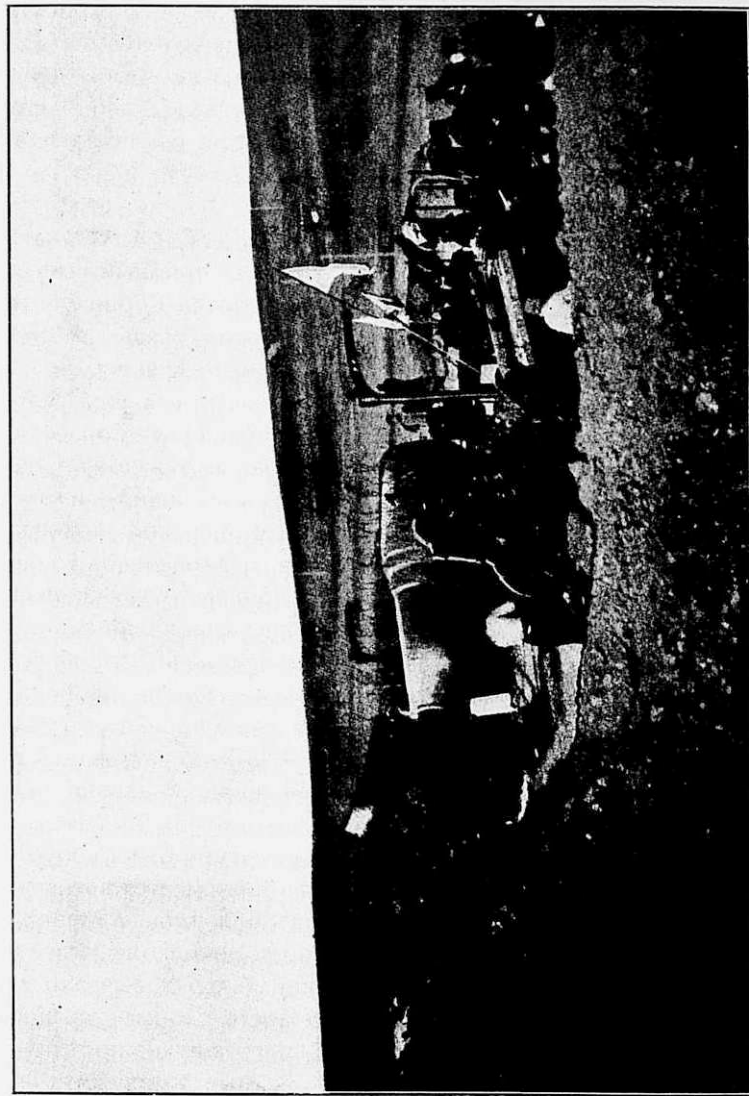
Однако, несмотря на правильную организацію доставки и распредѣленія боевыхъ припасовъ, японскимъ батареямъ часто, послѣ сильной бомбардировки, не хватало снарядовъ. Подобный случай имѣлъ мѣсто и во время атаки 17 (30) октября.

ГЛАВА XIII.

Люди и нравы.

Послѣ успѣшнаго овладѣнія Длинной горой (Намакояма), Водопроводнымъ редутомъ (фортъ Куропаткинъ) и четырьмя укрѣпленіями южнѣ деревни Шуйшуинъ, наступилъ новый перерывъ дѣйствій, продолжавшійся около мѣсяца, безъ какихъ либо новыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, боевъ. Причинъ для этого было много. Прежде всего надо было подождать прибытія гаубицъ, которыя не всѣ еще были доставлены къ арміи.

Генераль Ноги рѣшилъ готовиться на 17 (30) октября къ большому штурму на участокъ восточнаго фронта крѣпости, отъ укрѣпленія № 3 (Шоюшанъ) до батареи Лит. Б (Хигаши Кейкваншанъ), если къ этому числу удастся закончить всѣ подготовительныя работы. Это дало бы его арміи возможность—взять крѣпость ко дню рожденія Японскаго Императора, 21 октября (3-го ноября). Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что для атаки форта III (Нирушанъ) и укрѣпленія № 3 (Шоюшанъ), прежде всего надо было къ этимъ позиціямъ подойти сапами, а это требовало отъ саперъ большихъ новыхъ работъ. Въ то время, когда русскіе удерживали еще Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ), Скалистый редутикъ (укрѣпленіе Ліугенъ) и четыре укрѣпленія къ югу отъ дер. Шуйшуинъ, не было возможности подойти

Двѣ 28 сант. (11 дюйм.) гаубицы, вблизи штаба 9-й дивизіи.

къ подошвѣ высотѣ, на которыхъ расположены были фортъ III и укрѣпленіе № 3, а когда всѣ укрѣпленія въ долинѣ Шуйшунинъ были взяты, требовалось время, чтобы японскіе саперы успѣли пройти сапами отъ взятыхъ позицій вверхъ къ гласисамъ фортовъ. Конецъ сентября и начало октября прошли почти такъ же, какъ конецъ августа и начало сентября.

Первый выстрѣлъ изъ 28 сант. (11 дюйм.) гаубицы былъ сдѣланъ 15 (28) сентября; это былъ лишь пробный выстрѣлъ; его направили на батарею № 22 (фортъ Рорицзуши), на крайнемъ востокѣ, которая за все время осады не подвергалась атакѣ. Капитанъ Саксъ, начальникъ подводной минной обороны Портъ-Артура, рассказывалъ мнѣ послѣ капитуляціи, какое впечатлѣніе на духъ гарнизона произвело это первое чудовище, съ сильнымъ разрывнымъ зарядомъ. Сначала подумали, что снарядъ былъ выпущенъ съ одного изъ большихъ военныхъ судовъ, или съ канонерской лодки, изъ Голубиной бухты, но затѣмъ осмотръ осколковъ снаряда ясно показалъ, что онъ вышелъ изъ орудія, стрѣляющаго подъ большимъ угломъ возвышенія, каковыхъ на военныхъ судахъ нѣтъ. Тогда только для гарнизона стало ясно, что японцамъ удалось подвезти къ крѣпости нѣсколько орудій исключительно большого калибра, и что съ этого времени съ новымъ факторомъ приходится считаться. Это было большимъ разочарованіемъ для русскихъ, до сего времени наивно мечтавшихъ, что японцы не могутъ подвезти орудій больше 6 дюймового калибра. Укрѣпленія Портъ-Артура были сооружены съ тѣмъ расчетомъ, что никогда имъ не придется встрѣтиться съ чѣмъ либо болѣе сильнымъ, чѣмъ 6 дюймовая пушка, или гаубица. 6-дюймовая пушка стрѣляетъ снарядами, вѣсящими 100 ф., и прибытіе снарядовъ, вѣсящихъ 500 ф., вызвало у гарнизона серьезныя опасенія за прочность своихъ укрѣпленій.

15 (28) сентября мнѣ представился случай посѣтить редуты, къ югу отъ дер. Шуйшунинъ, взятые у русскихъ 7 (20) и 8 (21) сентября. Атака этой позиціи стоила 3-му полку 500 человекъ, а русскихъ оставшихся убитыми въ ходахъ

сообщеній и въ траншеяхъ японцы похоронили 100 чел. Подходить къ этимъ укрѣпленіямъ теперь было почти безопасно, такъ какъ японскіе саперы уже устроили траншеи, ведущія прямо къ нимъ, но въ виду того, что укрѣпленія стояли подъ дулами орудій форта III (Нирушань), укрѣпленія № 3 (Шоюшань), Зубчатой батареи (Шюанчишань) и форта IV (Ицзушань), долго оставаться въ нихъ было не особенно пріятно: снаряды все время пробивали, отчасти уже разрушенные, блиндажи.

Послѣ отраженія атаки японцевъ 9 (22) и 10 (23) сентября, на Высокую гору (высота 203 метр.), генералъ Ноги на нѣкоторое время оставилъ всякую попытку взять эту позицію, и сосредоточилъ свое вниманіе на восточномъ фронтѣ крѣпости. 1-ую бригаду 1-ой дивизіи онъ оставилъ на западѣ, а 2-ую бригаду этой дивизіи назначилъ для веденія сапныхъ работъ противъ укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Каждую ночь гдѣ-нибудь завязывалась перестрѣлка, когда японскіе саперы подошли поближе къ подошвѣ атакуемыхъ фортовъ. Имъ приходилось преодолѣть одно серьезное препятствіе—желѣзнодорожную насыпь, которая проходила у подошвы высотъ форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Въ теченіе дня 26 сентября (9 октября), японцы успѣшно вытѣснили русскихъ изъ-за насыпи, подъ фортомъ III, и съ этого момента насыпь стала ихъ передовой позиціей, дававшей отличное закрытіе, отъ котораго они могли успѣшно двигаться впередъ къ гласису форта. Атаки этой я не видѣлъ, такъ какъ въ этотъ день генералъ Ноги пригласилъ всѣхъ находившихся при арміи корреспондентовъ къ себѣ на завтракъ.

Генералъ предвидѣлъ очень интересные разговоры и былъ крайне любезенъ и внимателенъ. Никто не могъ быть болѣе интересенъ, чѣмъ Ноги, а въ этотъ разъ онъ превзошелъ самого себя. Всѣ офицеры его штаба были налицо; игралъ оркестръ; послѣ завтрака забавлялись фокусами и танцами. Во время завтрака артиллерія начала бомбардировку русскихъ фортовъ, чтобы сдержать ихъ огонь во время атаки пѣхоты на желѣзнодорожную насыпь. Очень энергичный

ружейный огонь начался почти вслѣдъ за бомбардировкой; для посторонняго наблюдателя, не слѣдившаго за ходомъ осады съ самаго начала, могло показаться что начинается большой бой. Я долженъ сознаться, что стрѣльба заставила меня думать, что происходитъ нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Генераль Ноги сидѣлъ съ величайшимъ спокойствіемъ, передавая вокругъ сладкую наливку, присланную наканунѣ его женой. Когда я задавалъ вопросы по поводу стрѣльбы, разгоравшейся съ каждой минутой, я каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „это небольшое дѣло, не стоящее того, чтобы на него смотрѣть“.

Оглядываясь теперь назадъ, вся эта сцена представляется очень странной. Въ полумилѣ отъ насъ, всѣ орудія принимали участіе въ ожесточенной бомбардировкѣ; слышались гулы русскихъ орудій, отвѣчавшихъ выстрѣломъ на каждый японскій выстрѣлъ; время отъ времени шальной снарядъ рвался недалеко отъ главной квартиры. Огонь ружей и пулеметовъ все разгорался, когда 18-ая бригада старалась выбить русскихъ изъ-за желѣзнодорожной насыпи. Въ небольшой садикъ китайской усадьбы былъ вынесенъ столъ для завтрака, установленный бутылками, частью пустыми, частью полными. Кругомъ сидѣло очень много офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился весь штабъ главной квартиры, непосредственный руководитель „величайшей осады въ исторіи“—какъ не безъ основанія говорили, а также корреспонденты, состоящіе при арміи. Въ одномъ углу садика лежало нѣсколько русскихъ снарядовъ, подобранныхъ и принесенныхъ въ главную квартиру для осмотра главнокомандующему; здѣсь же лежала русская кирка, почти совсѣмъ стертая отъ того количества земляной работы, которое ей пришлось исполнить; въ другомъ углу оркестръ игралъ отрывки изъ „Гейши“, „Тореадора“ и другія музыкальныя произведенія, годами развлекавшія весь міръ. Въ креслѣ сидѣлъ самъ Ноги; на лицѣ генерала было выраженіе удивленія, когда М-ръ Реджинальдъ Глоссопъ показывалъ разные фокусы: онъ проглатывалъ часы и цѣпочку генерала, извлекалъ монеты изъ

разныхъ, самыхъ сокровенныхъ, частей генеральскаго костюма и изъ его бороды, а затѣмъ, приступилъ къ глотанію самурайскаго меча генерала. Но это было уже слишкомъ—для одного изъ адъютантовъ, который спасъ мечъ въ тотъ самый моментъ, когда рукоятка его должна была скрыться въ горлѣ неподражаемаго М-ра Глоссопъ. Послѣдній, разстроенный тѣмъ, что ему не разрѣшили проглотить мечъ, попросилъ себѣ еще другой и, при всеобщихъ аплодисментахъ, протанцовалъ съ ними танецъ. Въ это время орудія гремѣли, пѣхота дралась, рвались снаряды, не мало людей падало на землю, и всего въ полутора миляхъ отъ насъ.

Даже историческій балъ въ Ватерлоо блѣднѣетъ по сравненію съ этой странной сценой; правда, тогда пошли многіе офицеры въ бой въ своихъ бальныхъ ботинкахъ, но герцогиня и ея гости не занимались извлеченіемъ монетъ изъ разныхъ частей костюма Веллингтона, и Ея Свѣтлость не глотала его часовъ, цѣпочки и шпаги; да, наконецъ, Ватерлоо находилось въ разстояніи около двадцати миль отъ поля сраженія, а здѣсь мы были на самомъ полѣ сраженія, на которомъ въ это же время происходили сцены дикой рѣзни. Генераль Ноги взялъ на плечо русскую кирку, почти изношенную отъ непрерывнаго употребленія, говоря, что онъ ею дорожитъ, такъ какъ она будетъ служить для его солдатъ примѣромъ, какъ нужно копать; затѣмъ онъ продолжалъ: „я не думаю, чтобы наши люди такъ хорошо сдѣлали траншеи, какъ русскіе; наши часто лѣнятся и небрежно относятся къ землянымъ работамъ. Каждое утро, когда я просыпаюсь, я думаю о генералѣ Стесселѣ: какое тяжелое время онъ переживаетъ въ крѣпости. Я очень сочувствую ему и его храбрымъ солдатамъ“. Это было сказано такъ просто и правдиво, что нельзя было сомнѣваться въ искренности. Это странное собраніе окончилось поздно и многіе отправились затѣмъ посмотреть на бой.

За періодъ перерыва въ дѣйствіяхъ я посѣтилъ нѣсколько разъ взятые японцами позиціи, въ томъ числѣ и редутъ № 1 (Вост. Банрушань). Послѣднее время русскіе мало об-

рашали вниманія на этотъ пунктъ, лишь артиллерія время отъ времени бомбардировала его, дѣлая пребываніе въ немъ значительнаго гарнизона крайне опаснымъ. Внутренность форта имѣла очень своеобразный видъ; она такъ была разворочена при многократныхъ бомбардировкахъ, атакахъ и контръ-атакахъ, что уже нельзя было опредѣлить первоначальныхъ очертаній укрѣпленія; японцы вырыли новыя траншеи среди этихъ развалинъ, а сверху покрыли ихъ досками, чтобы имѣть какое-нибудь прикрытіе отъ шрапнельнаго огня. Жизнь въ редутѣ № 1 (Вост. Банрушанъ) была собачья, и не удивительно, что солдаты имѣли видъ утомленный и безпокойный. Со всѣхъ сторонъ были ясны слѣды ужасныхъ боевъ, происходившихъ внутри и вокругъ укрѣпленія,—изломанные ружья и погнутые русскіе штыки, которые сгибались вдвое, проходя черезъ японскихъ солдатъ. Русскіе пользуются длиннымъ трехграннымъ штыкомъ; онъ похожъ на тотъ, который вызвалъ столько нареканий въ Британской арміи послѣ сраженія подъ Абу Клеа. Японцы имѣютъ новый штыкъ, почти всюду принятый теперь, въ видѣ тесака, который совершенно не гнется. Возбравшись съ предосторожностями по траншеямъ наверхъ, вы попадали въ самую передовую траншею, передъ Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ (Бодай). Здѣсь необходимо было быть особенно осторожнымъ. Выглядывая черезъ бойницы, вы могли видѣть тѣла многихъ убитыхъ во время августовскихъ штурмовъ; теперь это были только кости и одежда, такъ какъ солнце быстро дѣлало свое дѣло въ жаркое время. Два или три японскихъ солдата стояли часовыми, осматривая небольшое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ Китайской стѣны, гдѣ стояли русскіе, готовые оказать сопротивленіе каждой новой атакѣ. Я не долго оставался на этой позиціи: вонь стояла невыносимая отъ мертвыхъ тѣлъ, лежавшихъ не только впереди, но и по всему укрѣпленію; нѣкоторыя тѣла были зарыты среди груды обломковъ. Когда русскій снарядъ разрывался здѣсь, онъ почти всегда убивалъ кого-нибудь, такъ какъ русскимъ очень удобно было стрѣлять сюда.

Возвращаясь, я видѣлъ страшную картину: только что разорвался снарядъ и сжегъ всю одежду одного несчастнаго солдата. Насколько я могъ разглядѣть, онъ такъ ужасно былъ искалѣченъ, что на верхней части тѣла не оставалось ни кусочка кожи и оно имѣло безобразный видъ. Три фельдшера всего его забинтовали, и пока они дѣлали это, несчастный человѣкъ стоналъ ужаснѣйшимъ образомъ. Мало было шансовъ спасти его, такъ какъ не было масляной ванны, въ которую его слѣдовало посадить; вмѣсто этого, послѣ первой перевязки, его надо было везти въ тылъ, около пяти миль, чтобы помѣстить въ поѣздъ для отправленія въ Дальній. Ежечасно въ теченіе дня происходили сцены подобныя выше описанной.

Черезъ нѣсколько дней, во время посѣщенія редута № 1 (Вост. Банрушанъ), былъ раненъ въ бедро испанскій военный агентъ: разорвавшійся снарядъ сбилъ небольшой камень, который и перебилъ ему кость. Въ этой тяжелой атмосферѣ разлагающихся тѣлъ, посреди всѣхъ этихъ ужасовъ, подобныхъ вышеописаннымъ, гарнизонъ редута № 1 (Вост. Банрушанъ) проводилъ дни и ночи.

Въ началѣ октября сапы, ведущія вверхъ, къ подножію форта Ш (Нирушанъ) и укрѣпленія № 3 (Шююшанъ), были настолько закончены, что явилась возможность пройти вдоль всего участка восточнаго фронта крѣпости, избраннаго для атаки, отъ батареи Лит. Б. (Хигаши Кейкваншанъ) до укрѣпленія № 3 (Шююшанъ). Цѣлыя мили траншей, проходившихъ по долинѣ Шуйшуинъ, были закончены и соединены другъ съ другомъ, образуя настоящую сѣть проходовъ; вышина траншей была 7—8 футъ, ширина—2—4 фута. Въ этихъ полуподземныхъ каналахъ жили укрыто тысячи солдатъ; только войдя сюда и пройдя по траншеямъ, можно было составить себѣ понятіе о гигантскихъ размѣрахъ предпріятія и объ оригинальномъ образѣ жизни, который вели тысячи людей, ежедневно набивавшихся въ этотъ скрытый лабиринтъ. Обѣ враждебныя арміи жили вдоль восточнаго фронта крѣпости, отдѣленные другъ отъ друга разстояніемъ, измѣняв-

шимся отъ 100 ярдовъ (43 саж.) до 30 ярдовъ (13 саж.); замѣтно было какое-то особое ощущеніе, когда ходишь по передовымъ японскимъ траншеямъ и сознаешь, что лишь въ 30 ярдахъ отъ тебя находится непріятель.

Обыденная жизнь въ передовыхъ траншеяхъ была полна движенія, оживленія и интересныхъ событій, и никогда не бывала однообразна. Въ траншеяхъ ночь превращали въ день, а день въ ночь; днемъ вѣроятность атаки или вылазки была такъ мала, что обѣ стороны имѣли возможность нѣсколько ослабить свою бдительность, и истощенные солдаты охотно пользовались этимъ для отдыха. Ночью другое дѣло; производились вылазки, чтобы разрушить недодѣланную сапу, или саперы вылѣзали изъ-за своихъ закрытій, чтобы приблизиться къ непріятелю. Событія подобнаго рода, происходившія по всему фронту обѣихъ армій, почти каждую ночь, держали людей на чеку, хотя послѣ опыта ночной атаки 10 (23) августа было очень мало шансовъ, что японцы рѣшатся на серьезную попытку атаковать ночью какую-нибудь позицію, не опасаясь путаницы, которая при этомъ неизбежно должна произойти. Какъ только гдѣ-нибудь вдоль линіи открывали огонь, люди повсюду вскакивали и стояли въ полной готовности отразить атаку. Эта, разстраивающая нервы, служба привела, наконецъ, къ тому, что часто, послѣ перваго же выстрѣла, нарушившаго тишину и спокойствіе ночи, солдаты по всей линіи траншей открывали беспорядочную стрѣльбу къ сторонѣ противника; тогда на нѣсколько минутъ разражалась ожесточенная ружейная перестрѣлка, будившая всѣхъ на нѣсколько миль въ окружности и заставлявшая предполагать, что это—серьезная попытка овладѣть крѣпостью. Черезъ нѣсколько минутъ стрѣльба прекращалась, и наступалъ періодъ относительнаго затишья, пока опять тревога не вызывала новой стрѣльбы, еще болѣе ожесточенной.

Очень часто, ружейный огонь дѣйствовалъ на нервы артиллеристовъ, и они начинали обстрѣливать участокъ, гдѣ завязалась перестрѣлка, какъ бы намекая состязующимся,

что лучше прекратить огонь и вновь предаться сну, а не вызывать озлобленіе орудій. Нѣсколько пущенныхъ наугадъ выстрѣловъ крупнаго орудія обыкновенно оказывали благотворное вліяніе на русскихъ стрѣлковъ, вовсе не желавшихъ ни днемъ, ни ночью привлекать на себя огонь орудій. Странно было смотрѣть ночью на рвущіеся снаряды, такъ какъ совершенно невозможно было угадать, какая батарея

Японская сапа, подходящая вплотную къ русской линіи.

выпустила снарядъ. Вглядываясь внимательно въ одинъ изъ фортвъ, во время такой ночной бомбардировки, вдругъ замѣтишь, какъ вспыхиваетъ красное пламя, за которымъ виденъ бѣлый дымъ, а звукъ слышишь лишь нѣсколько секундъ спустя. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, едва ли хоть одна минута ночи и дня прошла безъ выстрѣловъ. Не могу припомнить случая, чтобы я проснулся ночью и не услышалъ бы

треска ружейнаго огня, со стороны передовыхъ траншей, или выстрѣла одного изъ орудій обороняющагося. Когда осада кончилась, мертвая тишина казалась очень странной, и положительно скучали безъ орудійныхъ выстрѣловъ; особенно это было замѣтно среди солдатъ въ передовыхъ линіяхъ, которые въ началѣ находили это молчаніе невыносимымъ. Лейтенантъ Хори, адъютантъ генерала Ошима, рассказывалъ мнѣ, что такое же впечатлѣніе вынесъ весь штабъ 9-ой дивизіи; имъ казалось, будто они потеряли что-то и жаждутъ опять найти.

Днемъ, сцены въ передовыхъ траншеяхъ были совсѣмъ иныя—веселыя, оживленныя; жизнь кипѣла. Солнце творитъ чудеса надъ духомъ людей, занятыхъ опаснымъ дѣломъ; въ октябрѣ ночные холода уже указывали на приближеніе зимы.

Прогулка по траншеямъ въ сопровожденіи штабнаго офицера, знавшаго дорогу, была всегда пріятнымъ развлеченіемъ; на этой прогулкѣ никогда не устаешь; но было очень важно, брать съ собою проводника, иначе можно было сбиться съ дороги и выйти изъ траншей прямо въ долину Шуйшунъ, гдѣ сейчасъ же васъ пристрѣлятъ какой-нибудь бдительный стрѣлокъ. Траншеи были вырыты въ землѣ на глубину около 4 футъ; ширина ихъ около 2—3 футъ; вынутая изъ нихъ земля насыпалась въ мѣшки, которые укладывались впереди, рядами, образуя брустверъ высотой около 4 футъ. Мѣшки укладывались не вплотную у отлогости рва, а нѣсколько впереди, оставляя такимъ образомъ берму, или ступень, шириной около фута, на которой люди могли опереться, или сидѣть, не преграждая дороги офицерамъ и нижнимъ чинамъ, непрерывно проходившимъ по траншеямъ. Солдаты могли, присѣвъ на берму, стрѣлять черезъ бойницы, сдѣланныя на высотѣ трехъ футъ, у верхняго гребня бруствера. Бойницы эти были сдѣланы во второмъ сверху ряду земляныхъ мѣшковъ, причемъ оставлялось пространство между двумя мѣшками въ 4—5 дюймовъ. Замѣтить бойницы очень трудно, даже на близкомъ разстояніи; чтобы найти ихъ,

нужно отыскивать отверстіе въ траншеѣ противника, черезъ которое проходитъ свѣтъ.

Направьте свой глазъ упорно на этотъ небольшой квадратикъ свѣта и старательно наведите винтовку на эту точку; подождите, пока свѣтъ померкнетъ, тогда вы можете быть увѣрены, что кто-то закрылъ бойницу, помѣстивъ свою голову или другую часть тѣла передъ отверстіемъ, съ цѣлью наблюденія за противникомъ; затѣмъ, не колеблясь, надавите на спускъ и, если вашъ прицѣлъ былъ взятъ правильно, свѣтъ опять появится передъ вами, а противникъ упадетъ мертвымъ. Вотъ почему опасно было смотрѣть черезъ бойницы, отдѣленные отъ русскихъ небольшимъ разстояніемъ; только часовые, или особенно хорошіе стрѣлки рѣшались на это. Японцы обыкновенно закрывали бойницы камнями, а когда хотѣли взглянуть черезъ бойницу, то снимали камень и подставляли свою голову, не позволяя при этомъ свѣту появиться въ бойницѣ долѣе, чѣмъ на секунду; при такомъ способѣ, русскіе не могли точно знать, гдѣ находятся бойницы и имъ приходилось стрѣлять наугадъ.

Каждый разъ, какъ я обходилъ траншеи, я натывался на трупы солдатъ и почти всегда прострѣлена была голова: очень ужъ они безпечно показывались у бойницъ, даже когда это не вызывалось необходимостью.

Передовыя траншеи, заполненные людьми, не отвѣчали условіямъ комфорта и удобства жизни; проходя по нимъ, приходилось прыгать чрезъ распростертыя тѣла: одни спали на бермѣ, другіе-же лежали внизу траншей, въ самомъ проходѣ. Иногда, если вы не успѣвали удержать ногу въ время, то наступали на одно изъ этихъ спящихъ тѣлъ, вызывая проклятія или стоны; пострадавшій, во снѣ, неохотно поворачивался, не понимая—снарядъ или штыкъ нарушили его сонъ. Иные сидѣли группами и обсуждали разныя событія съ сосредоточенными лицами, какія только японскій солдатъ умѣетъ строить, издавая при этомъ странные гортанные звуки. Когда касались какого-нибудь вопроса, котораго они не могли понять или когда приходилъ кто-нибудь чужой,

не встрѣчаемый ими раньше, они поднимали плечи такъ, что полъ-головы уходило у нихъ въ плечи, и придавали, въ то же время, лицу забавное выраженіе. У каждаго солдата была своя кожаная сумочка для папиросъ, изъ которой онъ курилъ одну папиросу за другой, закуривая новую отъ окурка только что выкуренной.

Эти японскія папиросы сдѣланы изъ особаго табаку, который содержитъ какое-то вещество, усиливающее горѣніе; когда выкуришь одну или двѣ папиросы, послѣ нихъ остается какой-то странный вкусъ во рту; папиросы эти—толстыя, съ бумажнымъ мундштукомъ, въ родѣ русскихъ папиросъ; онѣ горятъ легко и выкуриваются очень скоро. Солдаты покупали ихъ пачками по тремъ разнымъ цѣнамъ; каждый сортъ отличался цвѣтомъ бумажной упаковки. Если память мнѣ не измѣняетъ, въ каждой пачкѣ было 25 папиросъ, причемъ пачка болѣе дешевыхъ—стоила 6 центовъ (около 6 коп.), лучшія же стоили 7 и 8 центовъ. Другія группы солдатъ угощались наливкой и японскими печеньями, смѣясь и тараторя, какъ дѣти. Въ какой другой арміи міра солдатъ сталъ бы сидѣть и потягивать наливку въ 30 ярдахъ (около 40 шаговъ) отъ непріятеля.

Они употребляли наливки всякихъ сортовъ и наименованій; если только въ наливку положено было сахару въ изобиліи, остальные составныя части не играли никакой роли. Японцы также очень любятъ шоколадъ, но онъ не является продуктомъ національнаго производства и потому въ полковыхъ лавочкахъ не продавался. Японскія печенья европейцу вообще не очень придется по вкусу; излюбленный сортъ печенья, по вкусу, напоминаетъ опилки съ клеемъ, къ которымъ прибавлено немного сахару.

Длинные толстыя палочки этой странной смѣси можно было приобрести за 10 центовъ, и японскія войска поглощали ихъ съ увлеченіемъ.

Изрѣдка можно было встрѣтить въ траншеѣ солдата, занятаго писаніемъ письма родителямъ, женѣ или любимой гейшѣ; они не очень любили писать письма, такъ какъ

прощались навсегда со своими друзьями и родственниками передъ отправленіемъ на войну.

Въ одномъ только отношеніи японскіе офицеры и солдаты мало отличаются отъ своихъ собратьевъ по оружію—европейцевъ: они любятъ возить съ собою фотографіи любимыхъ, женщинъ и показываютъ ихъ вамъ съ нескрываемой гордостью и самодовольствіемъ. Одинъ полковникъ показалъ мнѣ 32 фотографіи гейшъ, всѣ съ надписями, которыя онъ привезъ съ собой на войну, и при этомъ просилъ, чтобы я высказалъ свое мнѣніе, которая изъ нихъ красивѣе всѣхъ. Какъ только я сдѣлалъ выборъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы я взялъ себѣ на память ея фотографію.

Открытыя письма въ большомъ ходу среди японцевъ; на этихъ открыткахъ напечатаны фотографіи мѣстныхъ красавицъ и онѣ присылаются друзьями и родственниками изъ Японіи, чтобы уладить сердце солдата на войнѣ.

Черезъ извѣстные промежутки въ траншеяхъ установлены были пулеметы; ихъ старательно размѣщали во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ русскимъ удобно было произвести вылазку. Въ траншеяхъ можно было встрѣтить также странное орудіе—продуктъ изобрѣтательности одного сапернаго офицера, невиданное въ современной войнѣ сотни лѣтъ; это была деревянная мортира, скрѣпленная желѣзными кольцами; для воспламененія заряда служилъ запаль, помѣщенный въ казенной части орудія; калибръ мортиры былъ около 6—8 дюймовъ, а въ длину она имѣла 2 фута, и поставлена была на деревянную тележку. Мортирой этой пользовались для бросанія въ непріятельскія траншеи ручныхъ гранатъ. Во время сентябрьскихъ штурмовъ, въ видѣ опыта, снабдили каждаго солдата нѣсколькими ручными гранатами, чтобы бросать ихъ въ русскихъ, когда тѣ подойдутъ къ нимъ на близкое разстояніе, такъ какъ выбивать русскихъ изъ траншей черезъ брустверъ, одной винтовкой или штыкомъ, было очень трудно, особенно когда русскіе начали пользоваться ручными гранатами.

Я уже описывалъ, какъ японцы пользовались своими

ручными гранатами при атакахъ на Длинную гору (Намакояма) и на редуты въ долину Шуйшунинъ. Однако, оказалось, что ручныя гранаты приносятъ пользы не особенно много, такъ какъ атакующій никогда не можетъ точно опредѣлить тотъ моментъ, когда онъ подошелъ на разстояніе, удобное для бросанія гранаты, и потому гранаты, воспламявшіяся при помощи фитиля, либо разрывались въ рукахъ несшихъ людей, либо ихъ приходилось отбрасывать въ сторону, не используя. Вотъ почему японцы перестали носить съ собою въ атаку гранаты; вмѣсто этого, одинъ саперъ предложилъ деревянную мортиру. Два солдата должны были, во время атаки, нести ее впередъ и стрѣлять, когда она находилась на соотвѣтствующей дистанціи. Въ мортиру помѣщали зарядъ пороху, а на него свободно укладывали нѣсколько ручныхъ гранатъ; къ запалу прикрѣплялся фитиль, и такимъ образомъ гранаты выбрасывались въ сторону непріятеля. Стрѣляли онѣ очень не точно, и я не думаю, чтобы онѣ могли причинить много вреда; однако, картина была очень красивая, когда гранаты рвались въ разныхъ направленіяхъ, какъ дождь свѣтящихся ракетъ. Такихъ деревянныхъ мортиръ построили много и установили въ траншеяхъ, но едва-ли онѣ, дѣйствительно, когда-нибудь вывозились впередъ во время штурма.

За время осады Портъ-Артура японцы имѣли столько разнообразныхъ случаевъ смотрѣть прямо въ глаза смерти, что каждый изъ нихъ могъ выбрать родъ смерти, какой онъ считалъ для себя наиболѣе почетнымъ и соотвѣтственно съ этимъ рѣшеніемъ могъ умереть. Для этой цѣли могли служить: пули, къ которымъ относились съ презрѣніемъ, обыкновенныя гранаты, шрапнели и разрывные снаряды, подземныя мины, ручныя гранаты, морскія мины, ямы, заполненныя фугасами или заостренными колями, много камней и, наконецъ, отравленные газы ¹⁾. Ко всѣмъ этимъ извѣстнымъ приемамъ разрушенія прибавился еще одинъ, который

¹⁾ Последнее средство употреблялось исключительно Японцами.

Прим. перевод.

распространялъ ужасъ въ рядахъ солдатъ и заставлялъ колебаться даже самыхъ храбрыхъ. Это была какая-то невѣдомая смерть, которая была причиной суевѣрнаго страха, долго державшагося въ арміи. Ходить слухъ, что во время атакъ въ началѣ августа, цѣлая шеренга пѣхоты, атакующую одну изъ позицій, пала мертвой и всѣ лежали рядышкомъ, хотя никакихъ поврежденій на ихъ тѣлахъ нельзя было найти.

Штабъ объяснилъ это непонятное явленіе предположеніемъ, что смерть наносилась электрическимъ токомъ проводника, протянутаго русскими передъ фронтомъ ихъ позицій; токъ вызывалъ внезапную смерть всякаго, кто касался провода. Долгое время многіе сомнѣвались въ существованіи этого проводника, полагая, что онъ существуетъ лишь въ воображеніи солдатъ.

Во время своего путешествія домой, въ Англію, я ѣхалъ на одномъ пароходѣ съ лейтенантомъ русскаго флота, бывшимъ офицеромъ штаба Князя Ухтомскаго. Мы часто бесѣдовали про осаду и какъ-то онъ спросилъ меня: убить ли кто-нибудь изъ японцевъ электрическимъ проводомъ. Я передалъ ему разговоры, вызванные примѣненіемъ электрическаго тока; тогда онъ разсказалъ мнѣ детально всѣ данныя, относившіяся къ этому. Онъ самъ былъ главнымъ электротехникомъ крѣпости и получилъ разрѣшеніе произвести этотъ опытъ. Проволока помѣщалась среди обыкновенной проволоки на искусственныхъ загражденіяхъ, такъ что нельзя было ее найти; токъ былъ настолько силенъ, что могъ убить каждаго, прикоснувшись къ нему. Лейтенантъ совершенно не былъ увѣренъ, оказалъ-ли проводъ дѣйствіе, хотя очевидцы и разсказывали ему, что видѣли, какъ погибла цѣлая шеренга японцевъ во время одной изъ первыхъ атакъ, прикоснувшись къ проводнику. Однако, польза извлекалась изъ этого провода не долго, такъ какъ онъ легко разрушался огнемъ артиллеріи и перерѣзался вмѣстѣ съ проволокой загражденія.

Другой, очень трудной задачей, съ которой японцамъ

пришлось встрѣтиться въ первый періодъ войны, являлось перерѣзываніе проволочныхъ загражденій, устраиваемыхъ русскими у подошвы всѣхъ своихъ позицій. Проволока была стальная, діаметромъ около $\frac{1}{8}$ дюйма; она была не колючая и никогда не располагалась одиночными рядами; она всегда укрѣплялась на вертикально поставленныхъ кольяхъ, прочно забитыхъ въ землю. Легко понять, какъ важно было устранить это препятствіе передъ началомъ штурма позицій. Успѣхъ въ атакѣ зависѣлъ отъ сообразительности и отваги пѣхоты, но если на половинѣ склона пѣхоту задерживали проволочныя загражденія, то можно было быть увѣреннымъ, что атака потерпитъ неудачу. Обыкновенные щипцы, которыми была снабжена пѣхота, оказались непригодными, какъ было и со щипцами, бывшими въ снаряженіи солдатъ во время Южно-Африканской войны. Щипцы рѣзали проволоку, но нельзя было ими обрѣзать сразу цѣлый пучекъ проволоки, что было существенно важно подъ тѣмъ сильнымъ огнемъ, который обыкновенно направлялся на охотниковъ, шедшихъ впереди.

Войскамъ прислали въслѣдствіи длинныя ножницы, къ которымъ можно было придѣлать палки, и такимъ образомъ достигали лучшихъ результатовъ; почти вся проволока была разрѣзана охотниками, выползавшими для этой цѣли. Другой дѣйствительный способъ устранять проволочныя загражденія состоялъ въ томъ, что поджигали колья, которые, падая, придавливали проволоку къ землѣ. Одно время саперы прибѣгали къ отчаянному приему—ложились внизъ между проволоками и представлялись убитыми; когда русскіе переставали обращать на нихъ вниманіе, саперы приступали къ перерѣзыванію проволоки. Почти всегда способъ этотъ приводилъ исполнителей къ вѣрной гибели, и все-таки находились люди, готовые идти на это дѣло. Когда этотъ приемъ былъ замѣченъ русскими, они начали добивать безъ разбора всѣхъ людей, лежащихъ недалеко отъ проволоки. Я неоднократно видѣлъ, особенно 17 (30) октября, какъ русскіе поднимались изъ своихъ траншей и медленно при-

стрѣливали каждаго, кто еще двигался. Жестокость эта, однако, была вполне законна, такъ какъ русскіе не могли подпускать близко къ проволокамъ людей, представлявшихъ мертвыми, а въ дѣйствительности перерѣзавшихъ проволоку; при этомъ, конечно, часто невинные страдали за виновныхъ.

Японскіе солдаты оставались въ передовыхъ траншеяхъ непрерывно въ теченіе 24 часовъ и затѣмъ отходили назадъ за боевую линію въ одинъ изъ свободныхъ лагерей, а другой полкъ занималъ ихъ мѣсто въ траншеяхъ. Такимъ образомъ, люди получали возможность воспользоваться отдыхомъ, сварить себѣ пищу, вымыться и починить свою одежду.

1 (14) октября лейтенантъ Хори провелъ меня и мистера Джеральда Моргана кругомъ, по всѣмъ траншеямъ, занятымъ войсками 9-ой дивизіи; онъ сообщилъ намъ интересныя свѣдѣнія, что на слѣдующій день, утромъ, будетъ произведенъ штурмъ на Капонирь № 3 (Укрѣпленіе Хачимачаяма) и на русскую траншею, расположенную у подошвы Форта III (Нирушань).

Необходимо было раньше, чѣмъ наступать вверхъ по склонамъ Форта III (Нирушань), взять Капонирь № 3 (Хачимачаяма); пока это укрѣпленіе находилось въ рукахъ русскихъ, японцы при атакѣ Форта III подвергались бы фланговому огню.

Все это придавало особый интересъ моимъ наблюденіямъ надъ людьми въ траншеяхъ, лежавшихъ непосредственно передъ Капониромъ № 3 (Хачимачаяма) и у подножія Форта III (Нирушань), ибо утромъ на слѣдующій день онѣ должны были быть вызваны для атаки этихъ двухъ позицій.

При каждой атакѣ одного изъ фортовъ Портъ-Артура, передовой отрядъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, посылался обыкновенно на вѣрную гибель и назначеніе въ этотъ отрядъ было равносильно смертному приговору.

Интересно наблюдать, какъ проводятъ люди послѣдніе часы своей жизни, а въ первой половинѣ октября, передъ

самымъ началомъ цѣлаго ряда общихъ штурмовъ, которые такъ неудачно закончились для японцевъ, не мало случается было для подобныхъ наблюдений.

Какъ ведетъ себя японскій солдатъ въ такихъ случаяхъ? Удрученъ ли онъ, озабоченъ, или нервничаетъ?

Насколько я могъ замѣтить, хотя многіе и сознавали, что имъ оставалось прожить на землѣ не болѣе 2-хъ часовъ, и предвидѣли, что они никогда вновь не увидятъ своей любимой родины, но это нисколько не угнетало ихъ духа и не вызывало никакого отступленія отъ ихъ обычнаго образа жизни. Часть людей сидѣла съ ружьями въ рукахъ и, какъ всегда, они разговаривали между собой, смѣялись и, несомнѣнно, обсуждали вѣроятность успѣха слѣдующаго дня; иные чистили свои винтовки, оттачивали тесаки, а нѣкоторые писали прощальныя письма; большинство людей спало или курило свои папиросы и потягивало наливки, какъ будто не предстояло ничего въ ближайшемъ будущемъ. Какъ только они кончали свои папиросы, или свою наливку, они ложились и засыпали. Ихъ долженъ былъ разбудить звонокъ телефона, который для многихъ долженъ былъ сигналомъ къ смерти. Когда раздастся звонокъ, они выйдутъ изъ траншей и бросятся впередъ, въ атаку; черезъ нѣсколько ярдовъ ихъ остановитъ пуля, а новые люди займутъ ихъ мѣста въ строю.

Развѣ можно удивляться послѣ этого, что японскій солдатъ былъ такъ непобѣдимъ въ послѣдней борьбѣ?

Полки, которые должны были участвовать въ штурмѣ, наканунѣ вечеромъ всегда извѣщались объ этомъ, съ указаніемъ времени начала штурма. Это давало возможность офицерамъ полка своевременно сдѣлать всѣ приготовления, а люди не находились, безъ нужды, подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ неизвѣстности ближайшаго будущаго.

Атака на Капониръ № 3 (Хачимачаяма) была назначена днемъ 2 (15) октября. 18-ая бригада 9-ой дивизіи должна была начать штурмъ, а ее должны были поддержать большинство орудій японской артиллеріи. Это былъ первый

опытъ новаго тактическаго приѣма; до сихъ поръ все дѣло дѣлалась пѣхота; каждый разъ все тѣ же люди посылались противъ траншей, высотъ и фортовъ, и каждый разъ они шли съ той же храбростью и рѣшимостью, но при этомъ поддерживались совершенно несоотвѣтственнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Японскіе солдаты видѣли тѣла своихъ товарищей оставленные на высотахъ, которыхъ нельзя было удержать, послѣ овладѣнія ими. Они видѣли, какъ ихъ раненые друзья оставались безъ медицинской помощи, выставленные на лѣтній солнцекъ, между своей и непріятельской линіями. Каждый солдатъ, попадая въ дѣло, зналъ, что если онъ упадетъ около непріятельской линіи, даже легко раненый, ему, навѣрно, суждено умереть медленной и тяжелой смертью отъ жажды и голода, или отъ своихъ неперевязанныхъ ранъ.

Красный Крестъ не уважался и никогда не дѣлалось попытокъ добиться перемирія, чтобы подобрать раненыхъ и похоронить убитыхъ — столько озлобленія накопилось въ чувствахъ осажденныхъ и осаждающихъ. Причины такого положенія дѣлъ слѣдуетъ искать въ затяжномъ и рѣшительномъ характерѣ боя, въ неизбѣжныхъ недоразумѣніяхъ и въ боязни, что какая-либо уступка въ пользу страждущихъ, можетъ привести къ тому, что станетъ извѣстна, или можетъ быть взята, какая-нибудь важная позиція въ линіи оборонительныхъ сооружений. Не осуждайте никого, такъ какъ никого нельзя осуждать: самая борьба, а не солдаты виноваты въ этомъ. Люди эти, если бы въ нихъ не было инстинкта мщенія другъ къ другу, не обладали бы также и другими, героическими, инстинктами, сдѣлавшими осаду, въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ, такой героической. Возьмите, на примѣръ, японцевъ. Три мѣсяца они потеряли на атаку долговременныхъ укрѣпленій, безъ всякой дѣйствительной поддержки отъ огня артиллеріи; его замѣнила ихъ храбрость и самопожертвованіе; тысячи ихъ товарищей лежали зарытые внутри и около русскихъ позицій, а другіе тысячи — лежали въ госпиталяхъ, въ Дальнемъ и въ Японіи.

И все-таки они достигли малаго, если принять во вниманіе всѣ эти жертвы: форты все еще не были взяты, а въ 50 или 100 ярдахъ (21—43 саж.) отъ траншей, занятыхъ этими солдатами, находились тѣ люди, которые свели ихъ товарищей въ преждевременную могилу, а сами все еще упорствуютъ и остаются не побѣжденными. Во всякой большой борьбѣ въ родѣ той, что происходила подъ Портъ Артуромъ, всегда наступаетъ моментъ, когда Женевская конвенція разлетается по вѣтру, а дѣйствительныя чувства, воодушевляющія храбрыхъ людей, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ реализмомъ войны, начинаютъ проявляться въ полной мѣрѣ, передъ глазами возмущеннаго человѣчества.

ГЛАВА XIV.

Взятіе Капонира № 3 (Хачимачаяма).

Днемъ 2 (15) октября, пѣхотѣ, вызванной для штурма Капонира № 3 (Хачимачаяма) и траншеи у подошвы форта III (Нирушанъ) не пришлось жаловаться на недостатокъ артиллерійской поддержки; впервые мы видимъ большія гаубицы въ дѣйствіи противъ укрѣпленій, состоящихъ изъ земляныхъ насыпей, мѣшковъ и блиндажей.

Бомбардировка началась въ 2 часа дня и продолжалась, безъ перерыва, до 4^{1/2} часовъ; дѣйствовали не только гаубицы, но также морскія орудія и полевая артиллерія; полевая артиллерія посыпала позиціи шрапнелью въ теченіе послѣдняго получаса бомбардировки. Это былъ первый случай, что на сушѣ примѣнялись такіе крупные калибры тяжелой артиллеріи, какъ 28 сант. (11 дм.), и дѣйствіе ихъ немедленно сказалося на траншеяхъ. Гдѣ бы снарядъ этихъ орудій ни попадалъ, онъ выбрасывалъ огромный столбъ чернаго дыма, изъ котораго во всѣ стороны летѣли осколки и куски снаряда, большіе камни, куски разбитыхъ балокъ, земляные мѣшки и всевозможные обломки, а когда дымъ разсѣивался, куча обломковъ указывала то мѣсто, гдѣ передъ этимъ находилась траншея. Казалось невозможнымъ, чтобы какая-нибудь пѣхота могла удержаться на позиціи при такой канонадѣ.

Послѣ бомбардировки, длившейся около двухъ часовъ, полковникъ Номизо послалъ вверхъ, на высоту, съ примкнутыми штыками, одинъ баталіонъ вновь пополненного 7-го полка. Баталіонъ этотъ къ 10 (23) августа, послѣ одного только мѣсяца войны, изъ общаго состава въ 2700 человекъ, насчитывалъ всего 208 человекъ. Баталіонъ взобрался на высоту, не потерявъ почти ни одного чековѣка; русскіе оказались не въ состояніи устоять противъ огня орудій и покинули позицію. Въ тотъ моментъ, когда японцы подбирались къ насыпи, одно изъ 28 сант. орудій послало послѣдній снарядъ, который, разорвавшись, сбилъ нѣсколько своихъ же пѣхотинцевъ. Такимъ образомъ, былъ достигнутъ блестящій успѣхъ съ потерей всего полудюжины людей. Передъ началомъ атаки было рѣшено, что оставаться въ русскомъ укрѣпленіи, на вершинѣ высоты, послѣ овладѣнія имъ, будетъ невозможно, вслѣдствіе огня съ командующихъ позиций, расположенныхъ непосредственно за укрѣпленіемъ. Штурмующій отрядъ долженъ былъ поэтому разрушить, насколько возможно, внутренность укрѣпленія, а затѣмъ очистить его, оставаясь въ мертвомъ пространствѣ близъ гребня высоты, пока саперы не устроятъ подъ покровомъ темноты, закрытія для нихъ. Все предпріятіе было отлично выполнено и имѣло полный успѣхъ. На высоту притащили керосинъ и полили имъ деревянные части укрѣпленія, а затѣмъ подожгли ихъ.

Какъ только увидѣли, что взятіе Капонира № 3 (Хачимачаяма) выполнено успѣшно, японцы, бывшіе въ параллели у подошвы форта Ш (Нирушанъ), перескочили черезъ земляные мѣшки и ринулись на русскую позицію, отстоявшую отъ нихъ не дальше 40 метровъ (около 60 шаговъ). Шесть или семь человекъ изъ нихъ сейчасъ же были убиты, но оставшіеся въ живыхъ достигли траншеи ранѣе, чѣмъ защитники успѣли разобрать, что японцы передъ ними.

Русскіе поднялись изъ траншеи, сдѣлавъ видъ, что они отбиваются штыками, и убили, стрѣляя изъ винтовокъ, нѣсколько шедшихъ впереди японцевъ; затѣмъ, ранѣе чѣмъ

можно было понять что происходитъ, японцы вскочили въ траншею, а русскіе выскочили оттуда назадъ, отыскивая поблизости какое-нибудь закрытіе, но закрытія, которое могло бы имъ пригодиться, не было.

Прямо передъ ними—былъ крутой склонъ высоты, на которой расположенъ фортъ Ш (Нирушанъ), гдѣ уже рвались безчисленные японскіе снаряды; справа—былъ Капониръ № 3 (Хачимачаяма), занятый японцами; сзади—были тоже японцы. Единственный путь отступления, оставшійся открытымъ этимъ несчастнымъ людямъ, шелъ на западъ, гдѣ, пробѣжавъ около 400 ярдовъ (172 саж.), они могли найти нѣкоторое прикрытіе въ складкѣ мѣстности.

Въ тотъ моментъ, когда японцы взбирались уже на брустверь траншеи, какіе-то 40 или 50 человекъ русскихъ, сила совершенно недостаточная для удержанія траншеи, выскочили изъ траншеи въ тылъ. Воображаю положеніе этихъ несчастныхъ защитниковъ траншеи въ день атаки; два часа они подвергались бомбардировкѣ, охарактеризовать которую можно лишь словомъ „ужасная“, изъ большихъ гаубицъ и сотенъ другихъ орудій; если они и нашли даже нѣкоторое закрытіе отъ этого града стали, все же ихъ потери отъ огня были тяжелы. Они знали отлично, что усиленная бомбардировка можетъ быть предвѣстникомъ только штурма изъ непріятельской траншеи, не удаленной отъ нихъ даже и на 40 ярдъ (17 саж.), а число ихъ было слишкомъ незначительно для сопротивленія рѣшительной атакѣ со стороны 19-го полка, даже если бы они и были своевременно предупреждены о наступленіи японской пѣхоты. Знали они также, что единственный, доступный для нихъ путь отступления шелъ по открытой сторонѣ высоты, гдѣ не было ни малѣйшаго закрытія; такимъ образомъ, эти несчастные люди 2 часа поджидали вѣрной смерти. Было бы лучше для нихъ остаться на своемъ посту, сражаясь до конца, и пасть отъ выстрѣла, или штыка. Но желаніе жить—сильно и, безъ сомнѣнія, эти простые сибирскіе крестьяне, въ нарядѣ воиновъ, въ своемъ всепоглощающемъ стремленіи уйти отъ

призрака смерти, забыли о томъ ужасномъ положеніи, въ которое они должны были попасть.

Послѣдовавшую за этимъ сцену нельзя назвать иначе, какъ облавой; навѣрно никто никогда не былъ свидѣтелемъ болѣе печальной картины. Представьте себѣ кролика, бѣгущаго вдоль линіи ружей; пораженный паническимъ страхомъ, онъ пытается спастись, перебѣгаетъ отъ закрытія къ закрытію, скачетъ и мечется изъ стороны въ сторону, но все напрасно. Совершенно то же самое происходило у подошвы форта III (Нирушань). Для усиленія интереса, нужно только прибавить, что передъ нами были кролики—люди; они бѣжали вдоль линіи магазинныхъ винтовокъ, они прыгали изъ стороны въ сторону, описывая странныя фигуры, въ своемъ безумномъ стремленіи уйти отъ стрѣлковъ, занявшихъ уже, только что ими очищенную, траншею.

Какъ только русскіе покинули траншею, большинство ихъ кинулось прямо вверхъ, на крутые склоны форта III (Нирушань), но пробѣжавъ лишь небольшое разстояніе, они поняли, что добраться до Форта III совершенно невозможно; нѣкоторые изъ нихъ измѣнили направленіе и кинулись бѣжать на западъ; большая же часть была такъ охвачена паникой, что начала бѣгать кругомъ, преслѣдуя лишь одну цѣль—избѣжать, по возможности дольше, роковой пули. Прямо таки невѣроятно, сколько потребовалось пуль, чтобы убить одного человѣка; каждый стрѣлявшій желалъ возможно скорѣе положить предѣлъ ихъ страданіямъ, но пока это случилось, казалось, прошли цѣлые вѣка.

Одинъ изъ русскихъ бросился сперва бѣжать вверхъ, затѣмъ—на востокъ, повернулъ въ сторону японцевъ и опять бросился назадъ; пули поднимали вокругъ него небольшія тучки пыли, а онъ все еще продолжалъ бѣгать; вдругъ, онъ сразу падаетъ, какъ подкошенный; чуть только онъ опять зашевелился, вторая пуля быстро прикончила его, и тѣло его осталось чернымъ пятномъ на склонѣ горы.

Одинъ солдатъ бѣгалъ, бѣгалъ по кругу, пока не усталъ, затѣмъ, очевидно, рѣшивъ, что игра не стоитъ свѣчъ, и что

такъ же хорошо можно умереть не двигаясь, какъ и двигаясь, онъ сѣлъ и сталъ ожидать своего конца, который не замедлилъ придти. Тѣ, которые бросились прямо на западъ, имѣли больше всего шансовъ на спасеніе, но лишь очень немногіе достигли этого; отдѣльная пуля могла не попасть въ цѣль, но артиллерія легко уложила почти всѣхъ своей шрапнелью.

Какой-то русскій солдатъ старался бѣжать впередъ возможно скорѣе, но онъ, какъ и всѣ остальные, былъ сильно стѣсненъ своими большими сапогами и шинелью. Въ данной обстановкѣ, движеніе его казалось очень медленнымъ. Вдругъ надъ головой бѣгущаго появилась небольшая тучка бѣлаго дыма и сейчасъ же поднялись сотни маленькихъ комочковъ земли; что касается бѣгущаго, то по инерціи онъ прошелъ еще нѣкоторое разстояніе, затѣмъ его ноги перестали работать и онъ упалъ навзничъ, вытянувшись; его руки раскинулись, винтовка отъ него отлетѣла и онъ пересталъ быть солдатомъ Царя.

Послѣдній, оставившій закрытіе траншеи, человѣкъ былъ офицеръ; хотя онъ былъ раненъ въ правую ногу и могъ идти только прихрамывая, онъ все-таки приложилъ всѣ усилія, чтобы спастись.

Я склоненъ думать, что японскіе солдаты, питающіе всегда величайшее уваженіе къ храбрости врага, умышленно поддерживались и не пристрѣлили его.

Все происходившее было ясно видно русскимъ съ ихъ фортовъ; легко можно себѣ представить, какъ разгоралась ихъ злоба при видѣ своихъ товарищей, пристрѣливаемыхъ, точно кролики; съ какимъ злобнымъ чувствомъ они должны были смотрѣть на участниковъ этой облавы.

Русскіе были такъ возмущены японскими артиллеристами, когда тѣ открыли огонь по ихъ отступавшимъ товарищамъ, что они сейчасъ же сами начали отвѣчать имъ и открыли по японской артиллеріи огонь шрапнелью, хотя у нихъ къ этому времени оставалось уже мало шрапнелей.

При видѣ подобныхъ фактовъ, легко понять всю ненависть,

которую должна возбуждать такая озлобленная и упорная борьба. Мы стояли лицомъ къ лицу передъ войной, лишенной всякихъ гуманныхъ прикрасъ, а безъ нихъ что же остается?—Ничего, кромѣ реального результата—какая сторона скорѣе побѣдетъ и меньше израсходуется.

Оставаясь вѣрными своему постоянному приему, русскіе произвели въ эту ночь рѣшительную вылазку противъ Капонира № 3 (Хачимачаяма), со стороны Скалистого Гребня (Нов. Банрушанъ), но, какъ и всегда, вылазку успѣшно отбили. Во время штурма потери японцевъ, собственно говоря, ничтожны, но эта вылазка стоила имъ около 200 человекъ.

При возвращеніи обратно въ лагерь изъ передовыхъ траншей, гдѣ Мистеръ Морганъ и я смотрѣли на взятіе капонира № 3 (Хачимачаяма), произошла интересная встрѣча. Въ одной изъ траншей избралъ себѣ наблюдательный пунктъ генераль Ошима, мимо котораго намъ нужно было проходить. Есть золотое правило—не подходить никогда къ генераламъ, пока продолжается бой: они обыкновенно легко обижаются на вмѣшательство постороннихъ, особенно, если дѣла идутъ не важно. Мы совершенно не ожидали, что генераль Ошима выберетъ себѣ для наблюдений такой выдвинутый впередъ пунктъ, почему подходили къ нему съ нѣкоторымъ трепетомъ. На наше счастье день былъ исключительно удачный: были взяты двѣ позиціи, съ ничтожными потерями. Въ то время, когда мы приближались, полковникъ Номизо, 7-го полка, докладывалъ генералу Ошима, какъ его баталіонъ взялъ высоту; когда мы проходили мимо, онъ только это кончилъ докладъ. Мы старались пройти незамѣченными, но генераль самъ замѣтилъ и остановилъ насъ; онъ знакомъ указалъ намъ мѣсто около себя, и затѣмъ, подозревая своего адъютанта, лейтенанта Хори, отлично говорившаго по-английски, онъ черезъ него подробно рассказалъ намъ о боѣ все, что ему было извѣстно. Особенное удовольствіе ему доставлялъ рассказъ о томъ, какъ выбили русскихъ изъ траншеи у подошвы Форта III (Нирушанъ).

Затѣмъ, Номизо, человекъ вообще очень пріятный, самъ началъ рассказывать о томъ, какъ его полкъ взялъ капониръ № 3 (Хачимачаяма).

Когда разговоръ окончился, мы хотѣли уходить, но Ошима попросилъ насъ подождать; мы не догадывались, для чего онъ это сдѣлалъ, но скоро все выяснилось. Со стороны главной квартиры Ошима бѣжалъ по траншеямъ ординарецъ, неся съ собой бутылку виски и немного печеній. Генераль налилъ стаканы намъ, Номизо, себѣ и остальнымъ офицерамъ, и мы выпили за процвѣтаніе японской арміи и за скорое паденіе крѣпости. Еслибъ спросить любого изъ офицеровъ, они навѣрно отвѣтили бы всѣ, что теперь паденіе форта III (Нирушанъ) и укрѣпленія № 3 (Шоюшанъ)—вопросъ нѣсколькихъ дней, такъ всѣ они увѣрены были въ успѣхѣ. Они не могли себѣ представить, какая ужасающая рѣзня предстоитъ еще и сколько мѣсяцевъ тяжелой работы, пока они въ состояніи будутъ ступить на одинъ изъ долговременныхъ фортовъ.

Взятіе капонира № 3 (Хачимачаяма) и нижней линіи траншей у подножія форта III (Нирушанъ) дало возможность японцамъ идти сапами вверхъ, на высоту, противъ верхней линіи траншей. Въ видѣ передовой линіи обороны, прикрывающей ровъ и капониры, русскіе устроили траншею на скатѣ гласиса; необходимо было выбить ихъ оттуда, раньше чѣмъ попытаются что-либо предпринять противъ капонировъ и эскарпа форта. Въ дѣйствительности, японцы имѣли очень слабыя представленія о русскихъ укрѣпленіяхъ.

Объявляя о своемъ намѣреніи—произвести общій штурмъ 17 (30-го) октября, они не имѣли представленія о существованіи капонировъ, могущихъ преградить имъ доступъ въ ровъ форта III (Нирушанъ).

Они надѣялись заполнить ровъ обломками и соломой, какъ только они возьмутъ прикрывающую ровъ траншею. Они настолько заблуждались, что считали вполне возможнымъ заполнить ровъ въ періодъ времени между 13-мъ (26-мъ) октября, днемъ овладѣнія верхней линіей тран-

шей, и 17 (30) октября, днем назначенным для общего штурма.

Съ такимъ же невѣдѣніемъ и совершенно неумѣстнымъ оптимизмомъ, японцы предполагали штурмовать 17-го (30-го) октября и укрѣпленіе № 3 (Шоюшань).

Непрерывно, съ 8-го (21-го) сентября, дня взятія укрѣпленій къ югу отъ деревни Шуйшунинъ, 3-ій полкъ былъ усиленно занятъ сапными работами противъ укрѣпленія № 3 (Шоюшань), и къ 12 (25-му) октября ихъ сапы были на полупути, на нижнихъ склонахъ высоты.

И здѣсь опять не приняли въ расчетъ возможность существованія капонировъ и воображали, что они получаютъ доступъ въ ровъ, какъ только возьмутъ линію верхнихъ траншей у наружной отлогости рва.

Ниже я разскажу, какъ ни одна изъ этихъ надеждъ не оправдалась.

12 (25) октября изъ главной квартиры сообщили, что на другой день въ 9 ч. утра начнется бомбардировка по всей линіи, которая будетъ продолжаться до утра 17 (30) октября, а затѣмъ начнется штурмъ на всѣ укрѣпленія, къ которымъ подошли сапами за послѣдніе два мѣсяца. Въ видѣ подготовительной мѣры, чтобы имѣть возможность штурмовать эскарпы форта Ш (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань) 17 (30) октября, японцы должны были днемъ 13 (26) октября атаковать верхнюю линію русскихъ траншей, защищавшую рвы этихъ двухъ фортовъ.

Утромъ 13 (26) октября бомбардировка началась медленно и продолжалась до сумерокъ, а затѣмъ японцы сосредоточили сильный огонь по линіямъ верхнихъ траншей на форту Ш и на укрѣпленіи № 3, чтобы приготовить пѣхотную атаку. Время для наступленія, какъ это вошло въ обыкновеніе, было назначено въ пять часовъ, за часъ до захода солнца. Это давало возможность пѣхотѣ взять позицію съ наступленіемъ темноты и удержаться на ней, а не быть выбитой оттуда огнемъ артиллеріи, какъ при дневномъ свѣтѣ.

Штурмъ на фортъ Ш былъ почти точнымъ повтореніемъ

атаки на капониръ № 3 (Хачимачаяма), бывшей десять дней тому назадъ: опять русскіе принуждены были очистить позицію подъ сосредоточеннымъ огнемъ японской артиллеріи. Японская пѣхота наступала тонкимъ строемъ; жертвы были не велики, и тѣ потери, которыя они понесли, нанесены были сосредоточеннымъ огнемъ по склонамъ высоты русской артиллеріи западныхъ фортовъ.

Такъ-же было успѣшно и наступленіе на укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), но жертвъ было больше, такъ какъ при наступленіи японцы попали подъ губительный огонь съ западныхъ фортовъ, отъ котораго не было возможности укрыться. Какъ только японцы выбили русскихъ изъ верхнихъ траншей, они немедленно приступили къ соединенію своихъ передовыхъ траншей со взятой траншеей. Работа эта производилась людьми рабочихъ отрядовъ очень энергично; многіе изъ рабочихъ были убиты или ранены сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, направленнымъ по нимъ.

Видимо, потеря этой завѣсы передъ фортомъ Ш (Нирушань) сильно обезпокоила генерала Стесселя; въ теченіе ночи 13 (26) октября русскіе произвели, наиболѣе рѣшительную за всю осаду, вылазку, чтобы взять обратно эту позицію. Нѣсколько часовъ длился ожесточенный бой на краю рва, кончившійся тѣмъ, что русскіе принуждены были отступить въ свои капониры, оставивъ 80 человекъ убитыхъ; потери японцевъ были—болѣе 300 убитыхъ и раненыхъ.

Во время штурма форта Ш (Нирушань), М-ръ Морганъ и я наткнулись на новую интересную встрѣчу. Мы очень хотѣли сдѣлать какой-нибудь снимокъ японской пѣхоты, во время наступленія ея вверхъ, по склону форта Ш. При штабѣ арміи состоялъ отрядъ фотографовъ, подъ начальствомъ пѣхотнаго капитана и его помощника, изъ строевыхъ офицеровъ, обученныхъ этому дѣлу. Капитанъ любезно далъ намъ разрѣшеніе сопровождать его въ траншею у подножія форта Ш, гдѣ онъ хотѣлъ поставить свой фотографическій аппаратъ. Аппаратъ, которымъ пользовались въ японской арміи, былъ очень большихъ размѣровъ, 16 X 12

дуюмовъ, и его приходилось ставить на штативѣ; для фотографирования употребляли исключительно пластинки. Капитана обыкновенно сопровождали фотографъ, имѣвшій свою мастерскую въ Йокогамѣ, и нѣсколько гражданскихъ лицъ, носившихъ его принадлежности. Мы прошли внизъ, къ передовымъ траншеямъ, за нѣсколько времени до начала боя и, въ концѣ концовъ, остановились въ пустой сапѣ у подножія форта III, въ разстояніи около 200 ярдовъ (86 саж.) отъ непріятельской позиціи. Когда началась бомбардировка и клубы дыма закрыли все, приступили къ дѣлу; прислуга вынула одинъ изъ мѣшковъ близъ гребня траншеи, оставивъ пространство для помѣщенія аппарата. Аппаратъ былъ окрашенъ подъ цвѣтъ земляныхъ мѣшковъ, чтобы не быть замѣченнымъ; да, наконецъ, въ дыму и при общемъ смятеніи можно было быть почти увѣреннымъ, что непріятель не можетъ его замѣтить. Единственная опасность, угрожавшая аппарату, — шальные пули, которыя могли повредить стекла. Я попробовалъ сдѣлать то-же самое со своей фотографической камерой, но меня сейчасъ же остановилъ капитанъ, такъ какъ камера моя была выкрашена въ черный цвѣтъ и была бы замѣтна между мѣшками. Когда пѣхота начала наступать вверхъ, на высоту, были сдѣланы нѣсколько снимковъ, отлично удавшихся.

Однако, возня съ фотографическимъ аппаратомъ привлекла вниманіе русскихъ стрѣлковъ и они сосредоточили ожесточенный огонь по этому мѣсту, заставившій быстро передвинуть куда-нибудь аппаратъ; завѣдывающій фотографіей офицеръ объяснялъ это нашимъ присутствіемъ, почему мы оставили ихъ и направились на поиски подходящей позиціи, откуда можно было бы наблюдать за атакой.

Наиболѣе подходящее разстояніе для наблюденій за боемъ — около 500 или 600 ярдовъ (около $\frac{1}{2}$ вер), подъ прикрытіемъ солидной траншеи. При сильныхъ стеклахъ бинокля на этомъ разстояніи всѣ фигуры видны въ натуральную величину. Я наблюдалъ атаки съ болѣе близкихъ разстояній, но результатъ получался неудовлетворительный:

на слишкомъ близкомъ разстояніи почти невозможно поднять голову надъ закрытіемъ, даже если все тѣло хорошо защищено.

Оставивъ отрядъ фотографовъ, мой компаньонъ и я нашли мѣсто, которое намъ казалось идеальнымъ; оно находилось въ разстояніи около 200 ярдовъ (86 саж.) отъ русскихъ позицій. Въ гребнѣ траншеи имѣлись небольшія бойницы, обѣщавшія отличный кругозоръ. Позиція была очень удобная, пока шла бомбардировка, но какъ только вмѣшалась въ дѣло пѣхота, оставаться на ней стало невозможно. Русскіе стрѣлки съ сосѣднихъ высотъ открыли огонь по траншеямъ, такъ какъ не могли хорошо видѣть пѣхоты, наступавшей по склонамъ форта III.

Мы находились въ обществѣ дюжины японскихъ кавалеристовъ-ординарцевъ, которые, пользуясь свободнымъ временемъ, выбрали этотъ же пунктъ для наблюденія за боемъ. Когда стрѣльба достигла наибольшаго напряженія, мы не могли поднять головы надъ траншеей и принуждены были лежать, укрывшись внизу и ничего не видя. Пока мы лежали на землѣ, ружейный огонь намъ не былъ опасенъ; не то было, когда русскіе вдругъ открыли огонь шрапнелью по горной батарее, стоявшей между деревьями, въ небольшомъ разстояніи позади насъ. Для японскихъ ординарцевъ это было больше того, что они могли выдержать; одинъ изъ нихъ, взявшій на себя обязанности вожака, кивнулъ своимъ товарищамъ, приказывая имъ слѣдовать за собой и дергая въ то же время моего друга и меня за рукавъ. Онъ согнулся почти пополамъ и побѣждалъ внизъ по траншеѣ; пробѣжавъ около 100 ярдовъ (43 саж.), онъ спустился внизъ, въ какое-то отверстіе. Всѣ мы послѣдовали за нимъ; послѣдніе шесть человѣкъ находились въ состояніи, граничащемъ съ паникой, такъ какъ разорвавшійся прямо надъ ншаей головой снарядъ заставилъ значительно ускорить наше движеніе. Опустившись въ отверстіе, мы очутились въ просторномъ помѣщеніи, вырытомъ въ землѣ; стѣнки его были покрыты матами и войлокомъ. Здѣсь мы оставались по крайней мѣрѣ часть, совершенно не видя боя и даже, въ концѣ

концовъ, не желая его видѣть. Когда огонь на минуту прекращался, одинъ изъ партій отваживался выглянуть и два или три другихъ слѣдовали за нимъ, но они неизбежно возвращались обратно черезъ отверстіе, натываясь одинъ на другого, въ своемъ безумномъ стремленіи убѣжать отъ прапнели. Большой снарядъ угодили прямо въ уголъ нашего жилища, сбиль его, оставивъ окошко, сквозь которое проникалъ дневной свѣтъ. Смѣшно было видѣть, какъ эти люди падали одинъ черезъ другого, лишь бы первымъ попасть въ безопасное мѣсто; а еслибъ они были въ дѣлѣ, они наступали бы подъ огнемъ, въ десять разъ болѣе сильнымъ, и не моргнули бы глазомъ. Таковъ удивительный результатъ дисциплины. Нѣсколько позже, японцы заварили чай. Когда затихла стрѣльба, мы рѣшили выбраться и пошли по параллелямъ обратно къ штабу 9-ой дивизіи.

Въ пути произошелъ оригинальный случай, показывающій, насколько иногда нервы, даже японскихъ солдатъ, ослабѣваютъ отъ того страшнаго напряженія, которое имъ приходится выдерживать. Мы только что покинули нашихъ друзей кавалеристовъ, какъ, завернувъ за уголъ одной изъ сапъ, мы оказались лицомъ къ лицу съ партіей носильщиковъ, направлявшихся къ подножію форта III (Нирушанъ), чтобы подобрать раненыхъ. Въ головѣ партіи шелъ фельдшеръ; завидѣвъ насъ, онъ повернулся и бросился бѣжать; паника передалась переднимъ людямъ, которые побросали свои носилки и послѣдовали за фельдшеромъ. Наконецъ, одинъ молодой солдатикъ остановился и, бросивши внимательный взглядъ на насъ, увидѣлъ, что мы одни и безъ оружія. Тогда онъ крикнулъ своему фельдшеру, который подошелъ съ остальными людьми; видъ у нихъ былъ нѣсколько сконфуженный. Эти несчастные солдатики, принимавшіе участіе во многихъ отчаянныхъ дѣлахъ, были готовы поднять тревогу по каждому ничтожному поводу. Направляясь въ боевую линію, они внезапно наткнулись на двухъ чужестранцевъ, похожихъ съ виду на непріятеля, и сразу рѣшили, что мы ведемъ вылазочную партію.

Другой инцидентъ подобнаго-же рода произошелъ со мной позднѣе, въ ноябрѣ, послѣ прибытія 7-ой дивизіи. Я бѣжалъ верхомъ въ штабъ 11-ой дивизіи; повернувъ за уголъ, я увидѣлъ барабанщиковъ 7-ой дивизіи, сидѣвшихъ на краю дороги. Люди эти раньше не встрѣчали европейцевъ, состоявшихъ при арміи, и не имѣли понятія о ихъ пребываніи въ арміи. Я былъ одѣтъ въ мѣховое пальто и шапку, такъ какъ былъ большой холодъ; когда эти люди увидѣли меня подѣлжаващаго къ нимъ, помахиная стѣкомъ, они сразу рѣшили, что я иду въ головѣ сотни, нагонявшихъ страхъ, казаковъ. Ихъ единственное оружіе, какъ музыкантовъ, былъ короткій бронзовый тесакъ; они поэтому не стали выжидать моего нападенія, а бросились бѣжать по склону горы, побросавъ свои инструменты у дороги, и я ихъ больше уже не видѣлъ.

Изъ всѣхъ опасностей, неизбежныхъ во время осады, была одна, которой я боялся больше всего, — что меня случайно пристрѣлятъ японскій солдатъ, по ошибкѣ принявъ меня за русскаго, и я испытывалъ очень непріятныя минуты, когда проходилъ мимо часовыхъ, въ особенности ночью. Я не зналъ ни слова по-японски, и было вполне вѣроятно предположить, что меня задержать или пристрѣлятъ. Начальствующія лица вполне это понимали, что и служило одной изъ главныхъ причинъ ихъ возраженій противъ присутствія въ арміи корреспондентовъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, большинство солдатъ знали насъ въ лицо, но когда прибывала новая дивизія или бригада, всегда требовалось нѣкоторое время, пока люди узнавали насъ и мирились съ нашимъ появленіемъ среди нихъ. Изъ этого я заключаю, что японцы — армія, которую легко взять врасплохъ; часовые никогда не стрѣляютъ, пока окончательно не удостоверятся, что передъ ними непріятель. Развѣзжая одинъ, по ночамъ, я десятки разъ выѣзжалъ прямо на часовыхъ, окликавшихъ меня. Я отвѣчалъ насколько умѣлъ, и всегда они позволяли мнѣ подѣлжаться къ нимъ вплотную, не показывая признаковъ ни малѣйшей тревоги. Я считаю японцевъ, во многихъ отношеніяхъ, наиболѣе гуманной изъ су-

ществующихъ расъ. Мнѣ думается, что сдержанность часовыхъ, главнымъ образомъ, происходила изъ-за ихъ личнаго добродушія, заставлявшаго ихъ принимать всѣ мѣры предосторожности противъ возможной ошибки, ранѣе чѣмъ рѣшиться на что-нибудь для самозащиты.

Утромъ 14 (27) октября всѣ подготовительныя позиціи были въ рукахъ японцевъ, и вся армія съ увѣренностью смотрѣла впередъ, на 17 (30) число; со времени прибытія гаубицъ были взяты двѣ важныя позиціи безъ большихъ затрудненій и потерь, почему начали думать, что можно будетъ выбить русскихъ изъ фортовъ огнемъ артиллеріи, если непосредственно за нимъ произвести рѣшительный штурмъ.

Въ числѣ трофеевъ, на форту III (Нирушань) находились два пулемета и одинъ изъ самыхъ сильныхъ прожекторовъ, причинившихъ японцамъ столько непріятностей въ первый періодъ осады, когда ихъ лучи освѣщали каждое передвиженіе въ долинѣ Шуйшуинъ.

Впослѣдствіи прожекторы потеряли свое устрашающее значеніе; хотя ими и пользовались каждую ночь, но нельзя было ихъ такъ направить, чтобы освѣтить рабочія партіи въ передовыхъ параллеляхъ; японцы говорили, что они скорѣе помогаютъ, чѣмъ препятствуютъ работѣ.

ГЛАВА XV.

Штурмъ 17 (30) октября.

Вся японская армія бодро глядѣла впередъ, на приближающійся штурмъ; всѣмъ войскамъ надобли монотонныя дни и ночи, проводимыя въ траншеяхъ, съ ихъ непрерывными стычками и артиллерійскимъ огнемъ. Солдаты хотѣли показать, на что они способны, когда тяжелыя орудія подготовили уже имъ путь. Успѣшное занятіе капонира № 3 (Хачимачаяма) и русскихъ траншей на форту III (Нирушань) и на укрѣпленіи № 3 (Шоюшань), съ сравнительно небольшими потерями, казалось, подготовило путь для дальнѣйшей успѣшной атаки на главную линію фортвъ.

Послѣдняя изъ передовыхъ позицій восточнаго фронта находилась теперь въ рукахъ японцевъ, которые стояли лицомъ къ лицу передъ фортами; при содѣйствіи тяжелыхъ орудій, японская армія считала успѣхъ, во всякомъ случаѣ, обеспеченнымъ.

Планъ операціи, который сообщенъ былъ предварительно, отличался большой самоувѣренностью. Согласно этого плана, артиллерія должна была три дня обстрѣливать форты, а затѣмъ 17 (30) октября долженъ былъ начаться общій штурмъ; кромѣ того, рѣшено было три дня передъ началомъ штурма употребить для заполнения рвовъ на форту III (Нирушань) и на укрѣпленіи № 3 (Шоюшань). Полагали, что этого вре-

мени достаточно будет для устройства переходовъ черезъ рвы, по которымъ пѣхота могла бы идти въ атаку 17 (30) октября. Однако эти расчеты, основанные на донесеніяхъ шпиона, оказались ошибочны; когда саперы начали измѣрять глубину и ширину рововъ, то размѣры эти получились значительно больше предполагаемыхъ.

Это недоразумѣніе въ началѣ не заставило измѣнить предрѣшенный планъ операции; на форту III (Нирушань) продолжали работу по засыпкѣ рва, хотя получался результатъ совершенно несоразмѣрный съ бросаемымъ въ ровъ количествомъ земли и соломы. Нѣкоторое время результатъ работы сбивалъ съ толку японскихъ саперовъ, но затѣмъ они сдѣлали открытіе, что бросаема въ ровъ солома вытаскивается изъ рва внутрь форта, поподземнымъ ходамъ ¹⁾, существованія которыхъ японцы и не подозревали. Теперь только японцы узнали о существованіи капонировъ, обороняющихъ ровъ, которые соединены были съ внутреннимъ пространствомъ форта III подземнымъ ходомъ. Вслѣдствіе этого, рѣшено было отказаться отъ попытки заполнить ровъ, имѣвшій въ глубину 45 фут., а въ ширину 30 фут. ²⁾, и вести впередъ минныя галлерей подъ дномъ рва; кромѣ того, рѣшено было попытаться обрушить капониры, чтобы обломки ихъ завалили ровъ и дали возможность пѣхотѣ перейти его. Такія-же препятствія были встрѣчены и на укрѣпленіи № 3 (Шоюшань). Предполагая, что эти два укрѣпленія соединены другъ съ другомъ, японцы рѣшили отказаться отъ попытки штурмовать ихъ 17 (30) октября. Трудно понять, однако, почему не отказались вообще отъ атаки, или почему не отложили ее, разъ убѣдились, что до поры до времени ни

¹⁾ Бетонная потерна, которая ведетъ изъ форта въ капониръ, помѣщенный въ контръ-эскарпѣ.

²⁾ Верхняя ширина рва—около 6 саж. (42 ф.), нижняя—около 3 саж. (21 ф.), глубина рва (отъ дна рва до горизонта)—около 4 саж. (28 ф.), превышеніе гребня бруствера надъ дномъ рва—около 6 саж. (40—45 ф.) Последний размѣръ авторъ очевидно и принялъ за глубину рва.

Прим. перевод.

укрѣпленіемъ № 3 (Шоюшань), ни фортомъ III (Нирушань) овладѣть нельзя.

Эти два форта—наиболѣе сильные на восточномъ фронтѣ. Еслибы и удалось взять одно изъ укрѣпленій группы Кейкваншань ¹⁾, все-таки было сомнительно, принимая во вниманіе артиллерійскій огонь съ тыла, удастся-ли его удержать; въ то же время было совершенно ясно, что даже подобный успѣхъ не привелъ бы къ паденію укрѣпленія № 3 (Шоюшань) и форта III (Нирушань). Можно было пожалуй разсчитывать, что если удастся овладѣть нѣкоторыми изъ укрѣпленій группы Кейкваншань, то русскіе будутъ отрѣзаны и не въ состояніи будутъ посылать подкрѣпленія и продовольствіе на фортъ III (Нирушань) и укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), почему этимъ двумъ фортамъ пришлось-бы скоро сдаться.

Тѣмъ не менѣе, штурмъ укрѣпленій группы Кейкваншань былъ прыжкомъ въ неизвѣстность, или, въ лучшемъ случаѣ, опытомъ для опредѣленія эффекта дѣйствія тяжелыхъ орудій на укрѣпленія. Не было никакихъ шансовъ, чтобы штурмъ привелъ къ рѣшительному результату. Но разъ было принято рѣшеніе, штабъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ него, хотя ясно было, что первоначальный планъ не можетъ быть исполненъ даже на половину.

Когда 12 (25) октября объявили о предстоящемъ штурмѣ, легко было догадаться, что имѣлось въ виду при выборѣ дня для возобновленія активныхъ дѣйствій. Надѣялись, что пятидневная бомбардировка русскихъ позицій достаточно подготовитъ путь для успѣшной атаки пѣхоты 17 (30) октября, что въ этотъ день возьмутъ передовую линію укрѣпленій, а затѣмъ останется еще четверо сутокъ, до дня рожденія Императора, 21 октября (3 ноября), необходимыхъ для штурмовъ позицій, расположенныхъ сзади главной оборонительной линіи, о существованіи которыхъ было извѣстно японцамъ.

¹⁾ Фортъ II, батарея лит. Б, укрѣпленіе № 2 и всѣ промежуточные укрѣпленія.

Прим. перевод.

Объ укрѣпленіяхъ Портъ-Артура японцы знали очень мало; это отсутствіе дѣйствительныхъ свѣдѣній относительно укрѣпленій обороняющагося, одна изъ наиболѣе удивительныхъ особенностей осады. Я не могу съ увѣренностью сказать, рассчитывалъ ли штабъ на то, что вторая линия обороны будетъ взята къ 21 октября (3 ноября); на это можно было рассчитывать только предполагая, что русскіе будутъ совершенно деморализированы, или понесутъ такіе потери во время штурма 17 (30) октября, при которыхъ всякое дальнѣйшее сопротивление станетъ невозможнымъ. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что японцы рассчитывали взять къ 21 октября (3 ноября) внѣшнюю линію фортовъ; это должно было служить подаркомъ арміи ко дню рожденія Императора, даже еслибы главное подношеніе пришлось отложить на нѣкоторый срокъ.

Давно уже армія съ нетерпѣніемъ ожидала приказа относительно общей атаки; слухи о ней носились; большинство довольно вѣрно указывало день атаки, относя его къ концу октября. Значеніе приближающейся годовщины для солдатъ было ясно: они желали показать міру, чего они могутъ достигнуть своей храбростью и рѣшимостью, несмотря на цѣлый рядъ тяжкихъ разочарованій, съ которыми приходилось имъ сталкиваться. Нельзя было найти болѣе подходящаго случая для самого сильного возбужденія въ войскахъ энтузіазма, столь необходимаго въ каждомъ отчаянномъ предпріятіи, какъ день именинъ Императора, который такъ долго ожидаетъ паденія Портъ-Артура и съ такимъ интересомъ слѣдитъ за успѣхами японскаго оружія. Это были весьма важныя соображенія для главнокомандующаго; если считали дѣйствительно возможнымъ взять форты штурмомъ, то нельзя было подыскать болѣе подходящей обстановки для такой попытки.

Дни, предшествовавшіе штурму, войска провели въ разнообразныхъ приготовленіяхъ.

Одинъ полкъ, подъ защитой гребня высотъ, устроилъ храмъ, или молельню, изъ палаточныхъ стоекъ, красныхъ

войлочныхъ одѣялъ и безчисленныхъ флаговъ; священники служили въ праздничныхъ одеждахъ, а солдаты молились о побѣдѣ и о душахъ тѣхъ, кто падетъ въ бою; на алтарь были возложены разныя лакомства, пріобрѣтенныя въ лавочкахъ.

Вечеромъ, когда я проходилъ здѣсь, солдаты собирали свои одѣяла для болѣе прозаичнаго примѣненія; другіе доѣдали лакомства и пили „саки“¹⁾, которая въ этотъ день была имъ отпущена. Всѣ были сильно воодушевлены, многіе пѣли и, повидимому, всѣ радовались предстоящей борьбѣ.

До вечера 13 (26) октября все благопріятствовало атакѣ. Взятіе капонира № 3 (Хачимачаяма) и траншеи у форта III (Нирушань), казалось, предвѣщало дальнѣйшіе успѣхи, такъ разрушительнъ былъ сосредоточенный на траншеяхъ огонь 28 сант. орудій. Однако, послѣ открытія, что къ 17 (30) октября невозможно заполнить рвы форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань) и что, по необходимости, для взятія этихъ фортовъ, придется прибѣгнуть къ минной войнѣ,—благопріятный оборотъ дѣлъ измѣнился къ худшему; половина соображеній рушилась, какъ карточный домикъ. Тогда возникъ сложный вопросъ, какъ быть со штурмомъ укрѣпленій группы Кейкваншань. Вопросъ этотъ сильно волновалъ умы отвѣтственныхъ руководителей, но тѣмъ не менѣе, первоначальный проектъ не былъ отмѣненъ.

На долю 11-ой дивизіи генерала Тсучіиія выпало—вести атаку на эти форты; возможно, что генераль Тсучіиія высказалъ генералу Ноги увѣренность, что онъ овладѣетъ позиціями. При этомъ онъ рассчитывалъ, конечно, на то, что его войска уже давно ожидаютъ атаки, что они доведены до высшей степени экзальтаціи и что ихъ легко примирить съ прошлыми неудачами, если дать случай достигнуть рѣшительнаго успѣха въ день рожденія Императора. Дѣйствіе же новой проволоочки могло быть только невыгодно; рвеніе войскъ будетъ ослаблено новымъ періодомъ

¹⁾ Рисовая водка, которую пьютъ японцы.

выжиданія въ параллеляхъ; форты, бывшіе передъ ихъ глазами, изо дня въ день становятся все болѣе страшными.

Глядя на форты, каждый невольно поражался ихъ огромной природной и искусственной силой; едва-ли какимъ-либо войскамъ приходилось встрѣчаться съ такой силой. Планъ атаки, который могъ-бы привести къ вѣрному успѣху, долженъ былъ быть основанъ исключительно на соотношеніи количества штурмующихъ войскъ къ способности защитниковъ уничтожить эти войска.

Всякій другой планъ зависѣлъ отъ благопріятнаго случая, который могъ быть, а могъ и не быть, и основывался на преувеличенномъ понятіи о дѣйствіи современныхъ осадныхъ орудій, при стрѣльбѣ по долговременнымъ укрѣпленіямъ.

Ранѣе, чѣмъ перейти къ описанію штурмовъ на восточный фронтъ крѣпости, необходимо точно выяснитъ, въ какомъ положеніи находились инженерныя работы на избранныхъ позиціяхъ.

Японцы подошли своими передовыми траншеями вплотную къ подошвѣ батареи лит. Б. (Хигаши Кейкваншань), но они не пытались подняться сапами вверхъ, на высоту, къ русской траншеѣ, лежащей на полускатѣ.

Параллели 11-ой дивизіи тоже значительно продвинулись впередъ, къ подошвѣ Куропаткинскаго люнета (укрѣпленіе Q). Весь сентябрь и начало октября мѣсяца саперы были заняты веденіемъ сапъ противъ форта II (Сѣв. Кейкваншань); они прошли сапами, насколько возможно было, по поверхности земли, а затѣмъ принуждены были спуститься минными галлереями подъ землю, противъ капонировъ, прикрывавшихъ ровъ этого форта. Русскіе немедленно начали вести контръ-минныя работы противъ японцевъ; 10 (23) октября они взорвали обыкновенную морскую мину, взятую съ одного изъ военныхъ судовъ ¹⁾, подъ галлереей осаждающаго, которая проходила футами въ 12—отъ сѣверо-запад-

¹⁾ Здѣсь взорвана была не морская мина, а обыкновенный камуфлетъ согласно правиламъ миннаго искусства. Принимая во вниманіе отсутствіе заранѣе подготовленной контръ-минной системы, своевременная выводка мин-

наго капонира. Около 28 японскихъ солдатъ были убиты и ранены, а ихъ работамъ причиненъ былъ большой вредъ; съ другой стороны взрывъ этотъ упростилъ задачу саперъ, пробивъ небольшое отверстіе въ сводѣ капонира.

На фортъ II было два большихъ капонира—въ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ рва, соединенныхъ между собой контръ-эскарповой галлереей; галлерей эта была раздѣлена на небольшіе участки, чтобы дать возможность оборонять отдѣльно каждый участокъ. Вдоль восточнаго фаса рва тоже шла длинная контръ-эскарповая галлерей съ бойницами для обстрѣливанія рва. Такимъ образомъ, всѣ три напольныхъ участка рва обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ изъ капонировъ и галлерей. Какъ только японцы дошли до отверстія въ сводѣ капонира, расположеннаго въ сѣверо-западномъ углу рва, передъ ними предстала задача—выбить оттуда русскихъ. Этого они достигли легко, самымъ простымъ пріемомъ: они начали стрѣлять изъ пулемета и бросать внутрь ручныя гранаты, пока русскіе не были принуждены очистить капониръ; затѣмъ, чтобы проникнуть въ капониръ, призваны были саперы; эта задача оказалась много труднѣе первой, такъ какъ русскіе, отступивъ въ галлерей, стрѣляли по каждому человѣку, пытавшемуся пробраться въ капониръ черезъ отверстіе въ сводѣ. Японцы начали бросать внизъ, внутрь капонира, земляные мѣшки, пока имъ не удалось такимъ способомъ заградить входъ въ галлерей, затѣмъ саперы прыгнули со свода внизъ и овладѣли казематомъ.

Таково было положеніе дѣлъ 17 (30) октября, въ день назначенный для большаго штурма. Мы увидимъ ниже, какъ мало было шансовъ на удачный штурмъ, 17 (30) октября, эскарпа форта II, пока русскіе удерживали еще капониръ въ сѣверо-восточномъ углу рва и контръ-эскарповую

галлерей, правильное ея направленіе, своевременная забивка и удачный взрывъ—являлось дѣломъ не легкимъ и дѣлаетъ честь нашимъ минерамъ. Взрывъ камуфлета произведенъ былъ лично комендантомъ крѣпости, генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ.

Прим. перевод.

галлереею, соединяющую его съ казематомъ, занятымъ японцами.

Въ теченіе 14 (27), 15 (28), и 16 (29) октября японцы поддерживали непрерывную, хотя рѣдкую, бомбардировку. Они боялись, что запасъ снарядовъ для тяжелыхъ гаубицъ можетъ изсякнуть до утра 17 (30) октября, если позволить болѣе частую стрѣльбу; такимъ образомъ, бомбардировка, хотя и продолжительная, не могла быть сильна. Вопросъ о снабженіи боевыми припасами, особенно 11 дм. орудій, былъ очень серьезный и, хотя за предыдущій мѣсяцъ подвезли по желѣзной дорогѣ изъ Дальняго цѣлыя тысячи снарядовъ, все-же артиллеристамъ приходилось экономить свои запасы для трехъ часовъ сосредоточенной бомбардировки, которая была назначена непосредственно передъ штурмомъ.

14 (27), 15 (28) и 16 (29) октября русскіе орудія отвѣчали выстрѣломъ на выстрѣлъ каждого японскаго орудія, но причиняли мало вреда; съ другой стороны, японцы видимо не могли развить болѣе интенсивный огонь и привести къ молчанію русскую артиллерию, почему можно предположить, что и русская артиллерія несла, сравнительно, небольшія потери.

Трудно было опредѣлить, какое дѣйствіе окажутъ тяжелые снаряды на долговременныя укрѣпленія, хотя траншеи и другія земляныя сооруженія, во многихъ мѣстахъ, были разрушены, а на Китайской стѣнѣ—показалось нѣсколько отверстій, и замѣчалась меньшая правильность очертаній стѣны.

Всѣ такъ привыкли видѣть, какъ послѣ выстрѣловъ взлетали большія количества земли, камней и деревянные части укрѣпленій, безъ достиженія при этомъ какихъ-либо дѣйствительныхъ результатовъ, что ко всякому успѣху, предсказываемому артиллеристами, относились съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ.

Если вы желаете точно опредѣлить результатъ огня артиллеріи по непріятельскимъ позиціямъ, которыя намѣрены штурмовать,—никогда не обращайтесь къ артиллеристу; онъ, неизбѣжно, расскажетъ вамъ свою обычную исторію, что форты совершенно разрушены, а защитники ихъ, либо пере-

биты, либо находятся въ полномъ отступленіи. Въ такихъ случаяхъ всегда слѣдуетъ обращаться къ пѣхотинцу, сидящему въ передовой траншеѣ, которому предстоитъ провѣрить оптимизмъ артиллериста собственнымъ тяжелымъ опытомъ, когда наступитъ моментъ покинуть прикрытіе и броситься впередъ на непріятельскую позицію; никогда я не встрѣчалъ въ передовыхъ траншеяхъ того довѣрія къ огню современной артиллеріи, какое существуетъ на высотахъ, расположенныхъ сзади.

Очевидно было, что огонь тяжелыхъ гаубицъ, тщательно установленныхъ за крутыми высотами и совершенно укрытыхъ отъ прицѣльнаго огня, раздражалъ русскихъ. Считая совершенно невозможнымъ добраться до этихъ орудій, русскіе прибѣгали къ исключительному средству—они открыли по нимъ огонь шрапнелью, хотя скоро имъ пришлось отказаться отъ этого приѣма, какъ болѣе цѣлесообразнаго во время штурма; при данныхъ условіяхъ, шрапнельный огонь не заставилъ замолчать японскую артиллерию и даже не особенно беспокоилъ ее.

16 (29) октября, наканунѣ штурма, я не могъ точно узнать часъ, который назначенъ для производства штурма; когда на разсвѣтѣ 17 (30) октября артиллерія начала стрѣлять болѣе энергично, чѣмъ ночью, казалось, что сейчасъ долженъ начаться штурмъ. Однако, сражаться на разсвѣтѣ—не въ характерѣ японцевъ; они предпочитаютъ дневной свѣтъ и любятъ пользоваться нѣкоторыми удобствами; несмотря на свою огромную выносливость, японцы болѣе о себѣ заботятся и болѣе думаютъ о своемъ comfortѣ, чѣмъ всякій другой солдатъ.

Стрѣльба въ ночь на 17 (30) октября заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: тяжелыя гаубицы стрѣляли залпами, по четыре гаубицы одновременно; сила выстрѣловъ была такъ велика, что потрясала дома и разбивала окна въ китайскихъ фанзахъ.

Забрезжило утро 17 (30) октября, а штурмъ все еще не было.

Нѣсколько позже объявили, что окончательная бомбардировка начнется въ 9 час. утра и продолжится около часу, а затѣмъ, если все пойдетъ хорошо, начнетъ наступленіе пѣхоты. Ночная стрѣльба была лишь предупрежденіемъ о предстоящихъ болѣе важныхъ событіяхъ.

Бомбардировка, начавшаяся въ 9 час. утра 17 (30) октября, была вѣроятно наиболѣе сильной, когда либо виданной на сушѣ, не по числу участвовавшихъ въ дѣлѣ орудій, которое несомнѣнно бывало гораздо значительнѣе во многихъ бояхъ на сѣверѣ, а по примѣненному здѣсь впервые крупнымъ калибромъ.

Первое мѣсто занимали, конечно, 11 дюйм. гаубицы, но и всѣ другія орудія, какъ морскія, такъ и осадныя, принимали участіе въ бомбардировкѣ, а въ послѣдніе полъ-часа и полевая артиллерія открыла огонь шрапнелью по траншеямъ. Никто изъ слышавшихъ этотъ гулъ орудій и свистъ сотенъ снарядовъ, разсѣкавшихъ воздухъ, никогда не забудетъ этого сильнаго впечатлѣнія.

Бомбардировали фортъ III (Нирушанъ) и укрѣпленіе № 3 (Шоюшанъ), а кромѣ нихъ огонь орудій былъ сосредоточенъ на группѣ Кейкваншанъ. Особенно интересна была для зрителя—возможность слѣдить за полетомъ каждаго 11 дюйм. снаряда, видимаго съ момента вылета его изъ дула орудія до точки, когда онъ находился на разстояніи около одного ярда отъ цѣли. Вылетая изъ дула гаубицы, снарядъ напоминалъ большой мячъ; затѣмъ, это изображеніе постепенно расплывалось въ пространствѣ, и представлялось глазу наблюдателя лишь слабымъ пятномъ; наконецъ, когда пятно достигало цѣли, оно тоже скрывалось изъ виду, а его мѣсто занимала огромная туча чернаго дыму, изъ середины которой летѣли по всѣмъ направленіямъ осколки снаряда, камни, балки и разнаго рода обломки. Когда дымъ разсѣивался, часть траншеи, за которой вы только-что наблюдали, переставала существовать, или вмѣсто нея виднѣлась лишь куча мусора, безъ всякихъ правильныхъ очертаній.

Въ половинѣ перваго, бомбардировка значительно усили-

лась и такъ она продолжалась до самаго момента атаки. Фортъ II и батарея лит. Б. (Кайкваншанъ) были совершенно не видны и окутаны дымомъ снарядовъ и шрапнели, рвавшейся надъ ними; казалось, что тамъ разгорался огромный пожаръ.

Вскорѣ послѣ двѣнадцати часовъ дня, во всѣхъ японскихъ параллеляхъ, расположенныхъ у подошвы русскихъ позицій, стало замѣчаться движеніе. Все утро передовыя траншеи были сравнительно малолюдны; теперь же изъ второй, третьей и четвертой линій, расположенныхъ въ долинѣ Шуйшуинъ, по извилистому пути къ передовымъ параллелямъ, откуда должны были выходить атакующіе отряды, извивался цѣлый потокъ людей. Передовыя параллели скоро были совсѣмъ запружены людьми, размѣстившимися въ 3 и 4 ряда; они стояли на колѣняхъ другъ за другомъ, опираясь на винтовки; ихъ взоры были устремлены впередъ на вершину горы, подобную вулкану и едва видимую даже для нихъ изъ-за дыма и пыли, висѣвшихъ какъ мантия надъ траншеями и прочими укрѣпленіями.

Офицеры старательно расправляли ротные значки, изготовившись нести ихъ впередъ, въ головѣ колонны.

Когда точно извѣстенъ часъ, назначенный для штурма, напряженіе становится сильнѣе; вамъ хочется знать: будетъ ли точно соблюдено время, или артиллеріи дадутъ лишніе четверть часа для разрушенія укрѣпленій? Японцы, впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ, всегда пунктуальны, у нихъ нѣтъ колебаній; офицеръ въ траншеѣ, приложивъ ухо къ телефону, ожидаетъ приказанія отъ начальника дивизіи, который наблюдаетъ за результатомъ дѣйствія артиллерійскаго огня, со специально выбранной для этого позиціи, нѣсколько назади. Все теперь дѣлается по телефону. Времена ординарцевъ и скачущихъ вѣстовыхъ прошли навсегда. Пули летятъ слишкомъ далеко, а порученія слишкомъ важны, чтобы довѣрить ихъ людямъ, скачущимъ передъ линіей непріятельскихъ батарей и окоповъ. Главный руководитель боя заранѣе рѣшаетъ, изъ какой точки онъ будетъ управлять дѣйствіями войскъ;

здѣсь устраивается блиндажъ и телефонная будка, которая соединяется со всѣми траншеями и батареями. Онъ можетъ приказать артиллеріи стрѣлять или прекратить стрѣльбу въ любой моментъ; онъ посылаетъ впередъ пѣхоту такимъ же способомъ. Если начальникъ, руководящій всей операціей и находящійся въ тылу на артиллерійскихъ позиціяхъ, захочетъ знать, на сколько въ томъ или другомъ пунктѣ атака двинулась впередъ, его желаніе, при помощи телефона, можетъ быть удовлетворено черезъ двѣ минуты.

Телефонная будка въ блиндажѣ—это „капитанская рубка“ для начальника дивизіи; безъ нея было бы невозможно управлять дѣйствіями войскъ во время осады, когда приходится выбирать пунктъ для наблюденій прямо подъ дулами современныхъ орудій и передъ рядами непріятельскихъ стрѣлковъ.

Очень неудобно цѣлому баталіону одновременно выходить изъ передовыхъ траншей, такъ какъ, обыкновенно, выходы дѣлаются только въ концѣ траншеи и по нимъ люди должны выходить по одиночкѣ. Японцы, однако, всегда выбираются изъ траншей всѣ одновременно, широкимъ фронтомъ; если вы внимательно будете вглядываться въ параллели, то вы замѣтите, что наступленіе уже началось только тогда, когда люди будутъ уже на половинѣ высоты, которую они атакуютъ. Чтобы устроить удобный проходъ нѣсколько земляныхъ мѣшковъ, передъ самымъ началомъ наступленія, сбрасываются. Общее правило: какъ только офицеръ, несущій ротный значекъ, выскочитъ изъ траншеи, люди тотчасъ перескакиваютъ черезъ брустверъ и слѣдуютъ за нимъ по пятамъ, держась плотно другъ къ другу. При этомъ, одни—двигаются медленно, другіе—быстро выскакиваютъ впередъ и идутъ впереди своихъ товарищей, какъ-бы стараясь поскорѣй одолѣть тяжелое испытаніе и сойтись вплотную съ непріателемъ.

Въ 1 ч. съ дня я увидѣлъ, что солдаты бывшіе въ траншеѣ у подножія капонира № 2 (укрѣпленіе Р.)—небольшой высоты между редутомъ № I (Вост. Банрушанъ) и фортомъ II (Сѣв. Кейкваншанъ)—покинули свои закрытія и медленно

начали подвигаться впередъ. Тогда я посморѣлъ на сосѣднія высоты и увидѣлъ массу людей за траншеей у подошвы батареи лит. Б. (Хигаши Кейкваншанъ) и далѣе, наступавшихъ на Куропаткинскій люнетъ (укрѣпленіе Q). Всѣ двигались впередъ, повидимому, не встрѣчая никакого сопротивленія.

Вверхъ по склону капонира № 2 (укрѣпленіе Р) бѣжалъ одинъ какой-то японецъ, опередивъ всѣхъ остальныхъ; добѣжавъ до траншеи, онъ вскочилъ въ нее и скрылся изъ виду; многіе послѣдовали за нимъ и, минутъ черезъ пять послѣ начала наступленія, капониръ № 2 (укрѣпленіе Р) былъ въ рукахъ японцевъ.

Что-же въ это время происходило на батареѣ лит. Б. (Хигаши Кейкваншанъ)?

Взглянувъ на эту высоту, я увидѣлъ, что японская колонна прошла сквозь проволочныя загражденія и какъ разъ входила въ траншею, расположенную на половинѣ ската; траншея эта была покинута защитниками, такъ какъ артиллерійскій огонь выгналъ оттуда русскихъ. По пути слѣдованія колонны много людей упало и лежало кругомъ во всѣхъ направленіяхъ; одни—среди проволокъ, другіе—на склонѣ высоты, огромное-же большинство—вплотную около самой траншеи, гдѣ они полегли цѣлыми рядами. Ясно было видно, что они несли ужасныя потери отъ анфиладнаго огня съ высотъ, лежащихъ восточнѣе, а также отъ пулеметовъ и стрѣлковъ, укрытыхъ въ ходахъ сообщеній. Наступленіе, однако, не остановилось у этой траншеи; голова колонны, подъ предводительствомъ трехъ офицеровъ, несшихъ бѣлый флагъ съ вышитымъ на немъ Восходящимъ Солнцемъ, двигалась впередъ, вверхъ по склону, не смотря на губительный огонь, заставлявшій безостановочно рѣдѣть ихъ ряды. Колонна у подошвы высоты, имѣвшая такой плотный и внушительный видъ, теперь представляла изъ себя лишь рѣдкую цѣпь людей, безъ всякаго порядка и строя; они не слушались ни чьей команды и слѣдовали лишь собственному героическому инстинкту, побуждавшему ихъ взобраться на высоту, вслѣдъ

за значкомъ, который все еще развѣвался. Склонъ высоты, вслѣдствіе пыли, поднятой пулями и шрапнелью, имѣлъ видъ, будто надъ нимъ разразилась буря съ градомъ. Подъ самымъ эскарпомъ ¹⁾ собралась небольшая кучка въ 30—40 человекъ; это было все, что осталось въ живыхъ изъ числа вышедшихъ въ атаку; большая часть этихъ храбрецовъ была убита тамъ-же, гдѣ они собрались; всѣ три флага одновременно поникли и лежали на скатѣ, въ видѣ треугольника. Оставшіеся въ живыхъ не колебались и начали взбираться на эскарпъ, очень крутой и трудно доступный. Однако, очень немногимъ удалось добраться до гребня, гдѣ они затѣмъ скрылись изъ виду передъ самыми дулами двухъ большихъ пушекъ, стоявшихъ на батарее лит. Б.. Ихъ тѣла сейчасъ-же были выброшены обратно на эскарпъ, гдѣ и остались лежать распластанныя, какъ мертвыя мухи на стѣнѣ послѣ первого мороза.

Такъ окончился штурмъ на батарею лит. Б. (Хигаши Кейкваншань). Во время штурма, вверхъ на высоту посланы были подкрѣпленія, но они дошли только до первой траншеи, не могли удержаться въ ней и стремительно были выбиты оттуда, потерявъ при этомъ много людей.

Повидимому, люди, которымъ удалось взобраться на батарею, были сметены огнемъ пулемета хорошо установленнаго въ горжѣ укрѣпленія.

Послѣ боя склонъ высоты представлялъ отвратительное зрѣлище. Люди лежали кучами; прямо подъ эскарпомъ, гдѣ огонь былъ болѣе силенъ, осталась лежать цѣлая груда убитыхъ, между которыми несомнѣнно были и раненые; темное пятно отгнѣнялось тремя бѣлыми съ краснымъ флагами, выдѣлявшимися на зеленомъ и цвѣта „хаки“ фонѣ.

Теперь мы прослѣдимъ за штурмомъ на Куропаткинскій люнетъ (укрѣпленіе О).

¹⁾ На батарее Лит. Б. (Хигаши Кейкваншань). штурмъ которой описываетъ авторъ,—не было рва, а потому не могло быть и эскарпа. Подъ этимъ терминомъ авторъ подразумѣваетъ, вѣроятно, наружную отлогость бруствера.

Прим. перевод.

Солдаты покинули траншею у подошвы высоты, всѣ одновременно, какъ и товарищи ихъ атакующіе другія двѣ позиціи; однако, такъ какъ на склонѣ этой высоты было больше неровностей, атакующіе не такъ сильно страдали здѣсь отъ ружейнаго огня и пулеметовъ, какъ подъ батареей лит. Б. (Хигаши Кейкваншань). Я видѣлъ, какъ они медленно поднимались по скату; на полъ-пути они разомкнулись и пошли въ атаку широкимъ фронтомъ. Этотъ маневръ поставилъ людей, шедшихъ на флангахъ, подъ сильный огонь съ Китайской стѣны, такъ какъ большинство изъ нихъ подвигалось прямо къ ней. На лѣвомъ флангѣ цѣлая шеренга въ 20 или 30 человекъ упала одновременно, сохранивъ даже строй, такъ что казалось будто они нашли участокъ мертваго пространства и только на время прилегли, чтобы выждать развертыванія. Однако, это было не такъ: они пролежали тамъ весь день, и, въ концѣ концовъ, стало ясно, что это лежитъ цѣлая шеренга убитыхъ во время наступленія.

На правомъ флангѣ, отдѣльные люди дѣлали попытки броситься впередъ, но падали въ двухъ-трехъ ярдахъ отъ Китайской стѣны, которая въ этотъ день оказалась роковой для очень многихъ.

Главная масса, придерживаясь укрытаго пространства, двигалась впередъ въ относительной безопасности и достигла траншеи, расположенной на вершинѣ, въ тотъ моментъ, когда японская артиллерія, продолжавшая бомбардировку до послѣдней минуты, выпускала свой послѣдній снарядъ. Шедшіе впереди офицеры и солдаты сейчасъ-же забрались въ траншею и скрылись тамъ. Укрѣпленіе, повидимому, было оставлено русскими, вслѣдствіе сильнаго огня. Многіе изъ атакующихъ успѣлись съ наружной стороны траншеи, выжидая, пока вошедшіе туда товарищи обольютъ керосиномъ деревянные части укрѣпленія и подожгутъ ихъ. Казалось, что это укрѣпленіе, какъ и капониръ № 2 (Ичинохэ) останется въ рукахъ японцевъ, но этому не суждено было исполниться; было еще одно средство обороны, которое до сего

времени русскіе не направляли на большую группу пѣхоты, столпившуюся въ укрытомъ пространствѣ подъ вершиной. Это была шрапнель; маленькія бѣлыя тучки дыма сначала рѣдко, а затѣмъ все чаще и чаще, начали рваться надъ головами этой группы людей. Результатъ получился немедленно: большинство людей было перебито на томъ-же мѣстѣ, гдѣ они сидѣли, причемъ они не успѣли даже пошевелиться. Нѣкоторые, изъ оставшихся въ живыхъ, переползли внутрь русской траншеи, надѣясь тамъ найти закрытіе; другіе бросились внизъ съ высоты, къ своей собственной параллели. Немногіе достигли закрытія, остальные были пристрѣлены по пути.

Отъ атаки на эту высоту, однако, не отказались послѣ первой неудачи; по параллелямъ подошелъ второй отрядъ, вышелъ изъ-за прикрытія и бросился вверхъ по склону высоты, слѣдуя по пути, намѣченному его предшественниками. Но и для нихъ огонь шрапнели оказался столь же губительнымъ, какъ и для первой партіи; тѣ, кто не былъ убитъ, также старались убраться въ свои закрытія. Этотъ приѣмъ—поддержки мертвыхъ—послѣ второй неудачи продолжали опять; вышелъ третій отрядъ; японцы не рѣшались признать поражение, пока оставалась хоть-какая нибудь надежда на побѣду.

Артиллерія японцевъ снова открыла огонь по всѣмъ позиціямъ, въ особенности по ходу сообщенія и по мѣстности сзади него, пытаясь заставить замолчать русскую полевую артиллерію, главную виновницу столь тяжкихъ потерь въ рядахъ японской пѣхоты. Но и это было безуспѣшно: третій отрядъ постигла та-же участь, онъ только увеличилъ количество убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на склонѣ горы. Тогда увидѣли, что Куропаткинскій люнетъ (укрѣпленіе Q) удерживать нельзя и прекратили всякія дальнѣйшія попытки овладѣть имъ: мѣсто это предоставлено было убитымъ и раненымъ; только артиллерія продолжала бѣшеную бомбардировку, какъ и утромъ.

Повліяло-ли на артиллеристовъ отраженіе атаки, или же

непрерывная стрѣльба начала отзываться на каналахъ тяжелыхъ гаубицъ, но стрѣльба японской артиллеріи стала очень плоха. Снарядъ за снарядомъ падалъ прямо подъ траншею, въ самой серединѣ убитыхъ и раненыхъ японцевъ, добывая тѣхъ изъ нихъ, которые еще были живы. Картина эта была одна изъ самыхъ непріятныхъ; какъ оказалось, среди убитыхъ и раненыхъ лежало много такихъ, которые не были вовсе ранены, а спокойно лежали въ ожиданіи успѣшнаго оборота дѣла или наступленія ночи, чтобы уйти обратно къ своимъ траншеямъ подъ прикрытіемъ темноты. Когда японская артиллерія открыла огонь по траншеямъ и нѣсколько снарядовъ легли прямо среди своихъ же убитыхъ и раненыхъ, люди эти не могли оставаться долѣе на мѣстѣ и принуждены были бѣжать къ своимъ траншеямъ, что было гораздо хуже, чѣмъ оставаться на мѣстѣ подъ огнемъ собственныхъ снарядовъ. Небольшими группами, по два или три человѣка, они поднимались и бросались бѣжать стремглавъ, внизъ по склону; иногда они останавливались и скрывались въ безчисленныхъ выбоинахъ отъ снарядовъ, которыми былъ усѣянъ весь склонъ; затѣмъ они поднимались и продолжали свой опасный путь. Много было убито, но нѣкоторые достигли закрытія своихъ траншей. Тяжело было видѣть этихъ людей, пытавшихся добраться живыми до дому, особенно, когда ихъ пристрѣливали всего въ нѣсколько ярдахъ отъ цѣли. Цѣлый день продолжались эти попытки добраться до закрытія. Къ вечеру, когда японская артиллерія опять прекратила огонь, русскіе стрѣлки вернулись въ свою траншею и начали хладнокровно стрѣлять черезъ гребень, добывая раненыхъ и вообще каждаго, кто еще шевелился среди этой груды убитыхъ. Это заставило многихъ вновь дѣлать попытки уйти, хотя имъ было бы гораздо лучше выждать ночи, которая уже надвигалась.

Никто не могъ предполагать, что японцы 17 (30) октября будутъ дѣлать попытки штурмовать эскарпъ форта II (Сѣв. Кейквашанъ), такъ какъ они владѣли только капониромъ въ сѣверо-западномъ углу рва.

Наканунѣ штурма, ночью, саперы пробили стѣнку занятого ими капонира и, такимъ образомъ, открыли доступъ въ ровъ. У японцевъ противъ форта II были двѣ линіи сапъ: одна вела къ сѣверо-западному, другая—къ сѣверо-восточному углу рва. Последняя сапа заканчивалась подземной минной галлереей, которая вела внизъ, къ капониру, который все еще находился во власти русскихъ, несмотря на сдѣланное въ сводѣ его отверстіе. Сапы соединены были параллелями. 17 (30) октября параллели эти были переполнены японскими стрѣлками, задача которыхъ состояла въ томъ, чтобы задавить огонь русскихъ съ бруствера форта. Раздѣляющее противниковъ пространство было такъ мало, что солдаты совершенно не могли выглянуть изъ-за насыпи и принуждены были поднимать винтовки надъ головой и стрѣлять наугадъ, въ надеждѣ, что близость разстоянія замѣнитъ правильную установку прицѣла.

На форту II (Сѣв. Кейквашанъ) не замѣтно было никакого движенія, почти до окончанія атакъ на остальные позиціи. Затѣмъ, вдругъ, появился отрядъ японцевъ, который началъ карабкаться вверхъ по эскарпу ¹⁾ сѣвернаго фаса.

Если и бываютъ отчаянныя предпріятія, то это, конечно, было одно изъ наиболѣе отчаянныхъ.

Эскарпъ имѣлъ около 50 футъ высоты; атакующій, если даже ему и удалось добраться до гребня, сейчасъ же былъ бы уничтоженъ русскими, стоявшими вдоль бруствера, которымъ для этого нужно было только вложить свои винтовки въ бойницы, даже не заботясь о наводкѣ. Кучкѣ смѣльчаковъ, рѣшившихся на это отчаянное дѣло, не суждено было достигнуть даже до гребня эскарпа, такъ какъ русскіе, находившіеся въ сѣверо-восточномъ капонирѣ и въ контръ-эскарповыхъ галлерейхъ, сняли ихъ одного за другимъ. Тѣла этихъ не-

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, авторъ подъ словомъ «эскарпъ» понимаетъ—внутреннюю отлогость рва (эскарпъ) и наружную отлогость бруствера, взятая вмѣстѣ.

счастливыхъ, послѣ того какъ они были убиты, не скатились обратно въ ровъ, такъ какъ поверхность эскарпа была слишкомъ изрыта снарядами; они остались на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ упали, на виду у всей японской арміи, и при томъ нѣкоторые лежали въ такой естественной позѣ, что трудно было считать ихъ мертвыми. Тѣ нѣсколько человѣкъ, которые добрались до эскарпа лишь для того, чтобы быть задѣсь убитыми, одни только и штурмовали въ этотъ день фортъ II; остальные, по участи постигшей ихъ товарищей, убѣдились, что наступать бесполезно. Однимъ словомъ, отъ атаки отказались, и русскіе остались побѣдителями на форту; только одна артиллерія продолжала сыпать на него снаряды.

Между тѣмъ, около 3 час. дня, на капонирѣ № 2 (укрѣпленіе Р), такъ успѣшно захваченномъ въ самомъ началѣ боя, разыгралась небольшая, но интересная сценка.

Безъ всякой видимой причины солдаты, занимавшіе взятое укрѣпленіе, покинули вдругъ свою позицію и бросились внизъ по склону. Правда, не совсѣмъ точно будетъ сказать, что они бросились всѣ: нѣсколько человѣкъ со значкомъ остались на мѣстѣ и укрѣпленіе не было занято русскими. Большинство, однако, бѣшено неслось внизъ съ горы, какъ-бы охваченное внезапной паникой. Когда замѣтили происшедшее, новый отрядъ японцевъ, съ офицеромъ во главѣ, выскочилъ изъ траншеи, у подножія высоты, на встрѣчу тѣмъ, которые неслись внизъ, чтобы оказать имъ поддержку. Бѣгущихъ нѣсколько задержала проволока, которая была перерѣзана въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли проскочить черезъ проходы, другіе же, не желая ожидать здѣсь очереди, пытались пролѣзть подъ проволокой; при этомъ многіе сильно запутались въ проволоку и счастье, что мѣстность до нѣкоторой степени скрывала ихъ отъ стрѣлковъ, расположенныхъ на Бол. Орлиномъ Гнѣздѣ (Бодай) и вдоль Китайской Стѣны, которые могли бы иначе истребить ихъ всѣхъ, когда они лежали пытаясь освободиться отъ проволоки. Большая часть бѣглецовъ, пройдя проволочное заграж-

деніе, встрѣтила подкрѣпленіе, бѣжавшее вверхъ на гору, прямо къ нимъ.

Каждый, кто не слѣдилъ за боемъ съ самаго начала, непременно подумалъ бы, что оба отряда сейчасъ бросятся другъ на друга въ штыки.

Однако, вмѣсто этого, ряды разомкнулись и одинъ отрядъ прошелъ черезъ ряды другого; бѣглецы укрылись въ нижней траншеѣ, только-что оставленной подкрѣпленіемъ, а послѣдніе заняли вновь капониръ № 2 (укрѣпленіе Р).

Какъ только бѣглецы успѣли отдышаться и спокойно оглядѣться, ихъ первое желаніе было—искупить эту внезапную панику и вернуться къ своимъ товарищамъ на высотѣ. Вслѣдствіе этого, многіе опять покинули траншею и, двигаясь по одиночкѣ, пробрались къ мертвому пространству, гдѣ собрался резервъ. Русскіе старались при этомъ кой кого подстрѣлить, но большинство ушло невредимо. Оказалось, что за капониромъ № 2 (укрѣпленіе Р) расположено было еще другое укрѣпленіе, изъ котораго русскіе повели энергичную атаку противъ японской пѣхоты. Послѣдняя, подъ вліяніемъ сильного шрапнельнаго огня и подъ впечатлѣніемъ ужасной участи, постигшей войска на другихъ атакованныхъ пунктахъ, бросила позицію на капонирѣ № 2; это могло бы привести къ самымъ плачевнымъ результатамъ, еслибы не поддержка, такъ блестяще остановившая панику въ самый критическій моментъ.

Пѣхотный бой окончился, послѣ этого небольшого происшествія съ благополучной развязкой; тяжелыя гаубицы перестали стрѣлять; только орудія меньшихъ калибровъ продолжали бомбардировку до наступленія темноты. Въ часъ заката солнца Портъ-Артуръ представлялъ оригинальную картину: форты были окутаны красноватымъ блескомъ, вызваннымъ огромнымъ количествомъ порохового дыма, все еще висѣвшаго надъ ними и не разсѣяннаго вѣтромъ; въ этомъ туманѣ слабо блестѣли прожектора, усиливая сказочный тонъ картины и странное освѣщеніе. Русскіе, празднуя свой успѣхъ, начали сыпать надъ линіями японцевъ свои прелест-

ныя звѣздныя ракеты, которыя еще такъ недавно почти не были видны. Въ японскихъ лагеряхъ, черезъ которые я проходилъ, возвращаясь изъ передовыхъ линій, не было замѣтно и слѣда того оживленія, которое царило тамъ въ дни, предшествовашіе штурму. Офицеры и нижніе чины были подавлены исходомъ боя и замѣчалось какое-то малодушіе, нависшее надъ арміей.

Результатъ былъ дѣйствительно угнетающій: изъ шести позицій, избранныхъ первоначально для штурма, двухъ—укрѣпленія № 3 (Шоюшань) и форта Ш (Нирушань)—не атаквали, вслѣдствіе выясненія неправильности предварительныхъ расчетовъ о силѣ этихъ позицій. Изъ четырехъ остальныхъ позицій, которыя были атакваны, только одна, наименѣе важная, была взята; атаки на остальные три позиціи были отбиты съ потерей нѣсколькихъ тысячъ жизней. Такой незначительный результатъ былъ достигнутъ послѣ четырехдневнаго непрерывнаго бомбардированія изъ орудій самыхъ крупныхъ калибровъ, когда либо примѣнявшихся на войнѣ, при чемъ израсходовано было около милліона долларовъ на одни боевые припасы. Бомбардированіе сосредоточеннымъ огнемъ достигло громадной силы; такой силы огонь едва-ли когда-нибудь былъ направляемъ на форты и траншеи. И при всемъ томъ, русскіхъ не удалось выбить изъ ихъ укрѣпленій; они стрѣляли по японской пѣхотѣ, какъ по зайцамъ, когда эта пѣхота пыталась утвердиться на полуразрушенныхъ укрѣпленіяхъ.

Какой-же будетъ дальнѣйшій ходъ въ этой игрѣ?—невольно каждый задавалъ себѣ вопросъ въ ночь 17 (30) октября. Прикажутъ ли начать новую бомбардировку, или новый штурмъ? Или, быть можетъ, руководители японской арміи примирятся съ тѣмъ фактомъ, что японскіе пѣхотинцы, несмотря на ихъ превосходныя качества, все же состоятъ изъ тѣла и крови и раздѣляютъ общую участь войскъ всѣхъ народовъ, когда ихъ посылаютъ атаковать неодолимыя позиціи?

Я замѣтилъ, что огромныя кучи снарядовъ, лежавшіе раньше по сторонамъ орудій, сильно уменьшились и преврати-

лись въ нѣсколько жидкихъ рядовъ; это не предвѣщало новой атаки, передъ разсвѣтомъ.

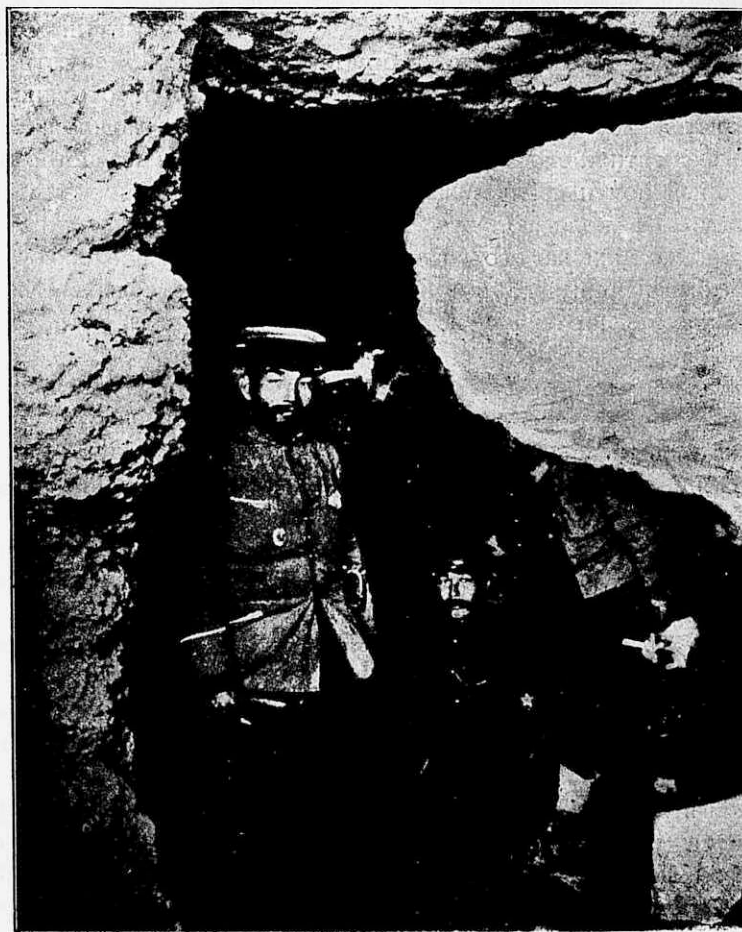
Когда забрезжило утро 18 (31) октября—все еще царила полная неизвѣстность.

Скаты высотъ, атакованныхъ наканунѣ, представляли дѣйствительно ужасающее зрѣлище: мертвые лежали тамъ, гдѣ они упали; тутъ же лежали и раненые, которые оказались не въ силахъ доползти до своихъ линій въ теченіе ночи. Перемирія не разрѣшали. Озлобленіе солдатъ слишкомъ было велико, чтобы позволить Красному Кресту дѣлать свое дѣло безъ помѣхи. Добровольцы вылѣзали ночью и пытались помочь раненымъ, какъ это дѣлалось и въ августѣ, но стрѣльба не прекращалась все время, почему задача оказанія помощи раненымъ становилась очень тяжелой и опасной.

Несомнѣнно, русскіе желали вылезти и подобрать тѣ три флага, что лежали среди груды мертвыхъ тѣлъ, у подошвы эскарпа форта II (Хигаши Кейкваншань), но они не могли сдѣлать этого, такъ какъ японцы направили свои винтовки вдоль по скату и стрѣляли вверхъ, на высоту, не позволяя никому выйти изъ форта.

Артиллерія начала бомбардировку фортовъ въ 9 час. утра, но тяжелыя гаубицы стрѣляли очень рѣдко, какъ бы сознавая, что не хватитъ припасовъ. Выстрѣлы направлялись, главнымъ образомъ, на фортъ II (Сѣв. Кейкваншань). Передовыя траншеи были почти совершенно разрушены и было мало надежды, что будетъ опять бой; однако, нѣсколько позже, отрядъ пѣхоты былъ двинутъ впередъ по сапамъ, ведущимъ къ форту II (Сѣв. Кейкваншань); здѣсь они остановились на нѣкоторое время, пока артиллерія продолжала бомбардировку. Вдругъ, въ сторонѣ форта, показалась широкая полоса пламени, за нею появилась большая туча бѣлаго дыма и затѣмъ послышался глухой звукъ, въ направленіи сѣверо-восточнаго угла рва. Я сразу не могъ понять, что это за взрывъ, такъ какъ внѣшній видъ форта нѣсколько не измѣнился, когда онъ вновь обрисовался среди густыхъ облаковъ дыма. Позже, я понялъ, что произошло. Японскіе

саперы изъ сѣверо-восточнаго капонира проползли вдоль рва и пытались пробить отверстіе въ сѣверо-восточномъ

Половина разрушеннаго капонира на форту II (Сѣв. Кейкваншань).

капонирѣ, чтобы заставить, такимъ образомъ, русскихъ очистить капониръ; удалось имъ это только отчасти.

При этомъ произошелъ очень странный случай: на гребнѣ эскарпа появился какой-то толстый русскій и началъ разгуливать, видимо, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, что происходитъ и куда ему слѣдуетъ идти. Онъ направился прямо по скату бруствера форта, но замѣтилъ свой промахъ и пошелъ затѣмъ вдоль эскарпа, отыскивая закрытіе; однако, было уже поздно; японскіе стрѣлки сквозь дымъ замѣтили его и открыли стрѣльбу по этому несчастному, который почти сейчасъ же упалъ, пронзенный нѣсколькими пулями. Я полагаю, что этотъ солдатъ былъ оглушенъ взрывомъ, или же его казематъ пострадалъ настолько, что онъ былъ принужденъ покинуть его, а затѣмъ, когда вылезъ и показался на виду у всѣхъ, онъ уже не зналъ, что ему дѣлать.

Ранѣе, чѣмъ дымъ разсѣялся, нѣсколько японскихъ солдатъ появились на верхнемъ скатѣ эскарпа ¹⁾ форта; они оказались въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и ихъ товарищи, которые пытались наканунѣ взобраться на фортъ. Къ нимъ русскіе примѣнили тотъ же простой приемъ: положили винтовки въ бойницы, нажали спусковой крючекъ и тѣ, кто не скатился своевременно внизъ, остались со своими товарищами на скатѣ бруствера мертвыми. Картина была очень эффектная, когда эти люди вышли на вѣрную смерть, но грустно было видѣть повтореніе того, что одинъ разъ уже было безусловно обречено на неудачу. Въ то время, какъ производилось это второе покушеніе на фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), японцы двинули нѣсколько сотъ человѣкъ впередъ, въ параллель у подножія Куропаткинскаго люнета (укрѣпленіе Q); казалось, что собираются еще разъ штурмовать эту позицію, но ничего изъ этого не вышло; этой второй неудачей закончилась общая атака.

¹⁾ Наружная отлогость бруствера.

ГЛАВА XVI.

Сапныя и минныя работы.

Промежутокъ времени, между драмой 17 (30) октября и еще большей драмой 13 (26) ноября, можно назвать періодомъ подземнымъ. Въ этотъ періодъ, длившійся около мѣсяца, японскіе саперы были заняты подготовкой мѣстности для слѣдующей атаки пѣхоты. Саперы спускались внизъ минными галлереями, направляясь къ контръ-эскарповымъ сооруженіямъ и затѣмъ ихъ взрывали, или шагъ за шагомъ изгоняли оттуда русскихъ, бросаясь въ рукопашную схватку. Эти инженерныя работы, наиболѣе трудныя изъ всѣхъ осадныхъ работъ, производились противъ форта II (Сѣв. Кейкваншань), форта III (Нирушань) и укрѣпленіе № 3 (Шоюшань).

Контръ-эскарповыя оборонительныя сооруженія форта II (Сѣв. Кейкваншань) показаны на приложенномъ къ книгѣ планѣ этого форта. Три капонира форта II расположены были: въ юго-восточномъ, сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ рва. Одна стѣна оборонительныхъ казематовъ, въ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ капонирахъ, выходила въ ровъ для обстрѣливанія его ружейнымъ огнемъ по всѣмъ направленіямъ. Казематы капонировъ были построены изъ хорошаго бетона, толщиною около 6 футовъ, и имѣли бойницы для стрѣлковъ и пулеметовъ. Оба капонира соединялись бетонной галлереей, шириною 9 футъ. Галлерей

раздѣлялась на 6 небольшихъ казематовъ промежуточными стѣнками, поставленными подѣ прямымъ угломъ къ контръ-эскарпу; казематы эти соединялись проходомъ, шириной 3 фута, что значительно увеличивало ихъ обороноспособность; если осаждающій захватывалъ одинъ изъ казематовъ, гарнизонъ могъ закрыть узкій проходъ между этимъ и слѣдующимъ казематомъ, и оборонять, такимъ образомъ, казематы послѣдовательно, одинъ за другимъ; всѣ казематы имѣли бойницы и расположены были выше дна рва. Длинная контръ-эскарповая галлерей, шедшая вдоль восточнаго фаса рва, соединяла юго-восточный капониръ съ сѣверо-восточнымъ; она не раздѣлялась на отдѣльные казематы, почему оборонять ее было гораздо труднѣе.

Разсказы о подземной войнѣ, веденной въ капонирныхъ галлерейхъ форта II (Сѣв. Кейкваншань), кажутся почти сказочными; они иллюстрируютъ организацію и изобрѣтательность японцевъ лучше, чѣмъ всѣ остальные событія, имѣвшія мѣсто во время осады. Когда развивается атака и идетъ наступленіе, люди двигаются впередъ большой массой, дѣйствіе происходитъ на глазахъ всей арміи, что поднимаетъ духъ солдата и побуждаетъ его сдѣлать все возможное. При подземной войнѣ—дѣло совсѣмъ иное: здѣсь зрителей нѣтъ и солдаты дѣлаютъ дѣло сами по себѣ, при чемъ отсутствуетъ нравственный подъемъ, вызываемый, обыкновенно, сообществомъ большого числа людей.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, въ плохомъ воздухѣ узкихъ бетонныхъ казематовъ, подѣ постояннымъ страхомъ быть взорванными противникомъ, среди рвущихся ручныхъ гранатъ, подѣ угрозой смерти отъ пуль и штыковъ, японцы, вдали отъ міра, боролись, чтобы выбить своего упорнаго врага изъ его подземныхъ сооружений. Не было здѣсь свидѣтелей многихъ геройскихъ подвиговъ этой борьбы, и почти невозможно дать точный отчетъ о томъ, что происходило.

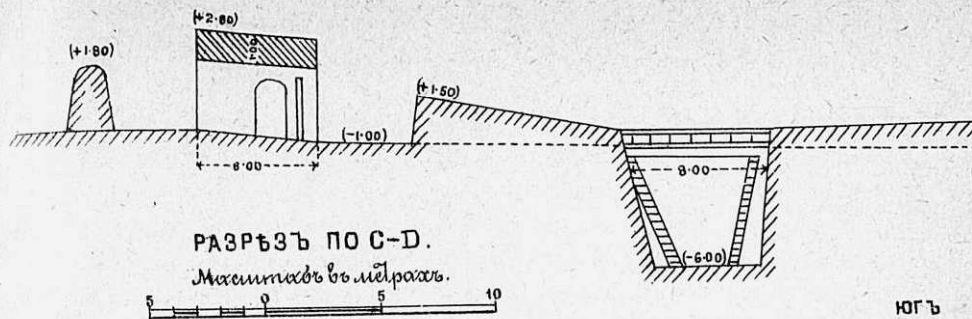
Я вкратцѣ уже указалъ положеніе противниковъ въ контръ-эскарповыхъ сооруженияхъ форта II (Сѣв. Кейкваншань) при описаніи атаки 17 (30) октября.

ОБОЗНАЧЕНІЯ НА ПЛАНѢ ФОРТА:

- А Контръэскарпная оборонительная постройка севернаго рва, съ уканіемъ (а) сѣверо-западнаго и (б) сѣверо-восточнаго капонировъ, а также соединяющей ихъ галлерей, раздѣленной на 6 казематовъ.
- В Продольная (контръэскарповая) галлерей восточнаго рва, не раздѣленная на казематы; показана (с.) юго-восточный капониръ.
- С Восточный ровъ.
- Д Северный ровъ.
- Е Западный ровъ.
- Ф Эскарпъ.
- Г Стрѣлковый банкетъ.
- Н Продольныя загражденія.
- І Пряхверъ, прикрывающій линію расположенія пулеметовъ.
- Ж Артиллерія, ведущая внизу, къ входамъ въ казармы.
- К Двухъэтажная бетонная казарма.
- Л Кухня.
- М Рукава подземныхъ минъ изъ подземныхъ складовъ.
- О Ровъ сади казармы, въ который выходили окна казармы.
- Р Деревянный мостъ черезъ ровъ, для выхода изъ форта.
- С Японская парашель.
- Т Японская минная галлерей къ сѣв.-запад. капониру.
- У Японская минная галлерей къ сѣв.-вост. капониру.
- В Японскія минны, 5/18 Декабря 1904г.

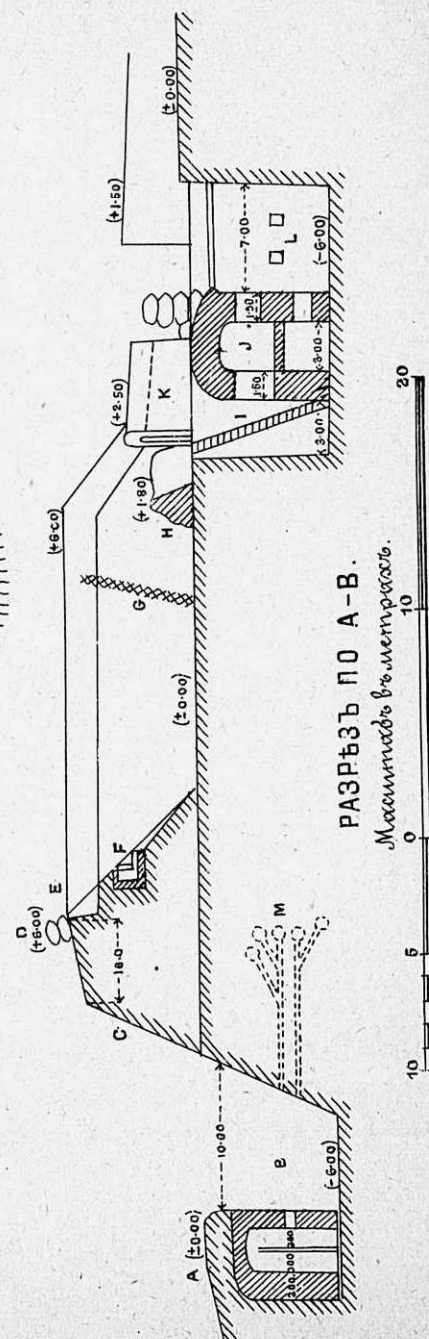
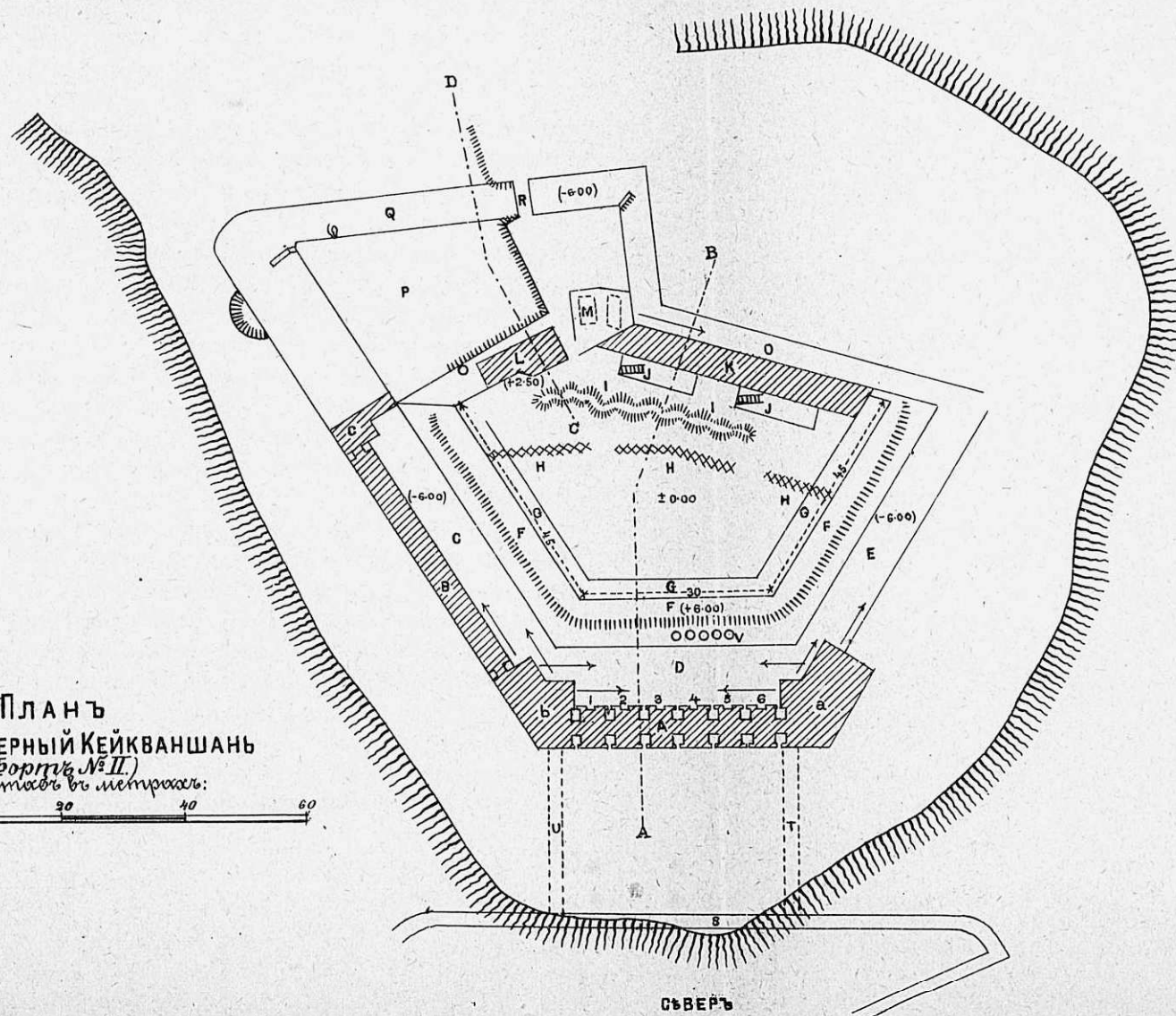
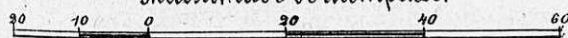
ОБОЗНАЧЕНІЯ НА РАЗРѢЗѢ ПО ЛИНИИ А-В.

- А Контръэскарповая галлерей севернаго рва.
- В Северный ровъ.
- С Эскарпъ.
- Д Артиллерія.
- Е Банкетъ.
- Ф Близость отъ артиллер. огня пашенъ.
- Г Продольныя загражденія.
- Н Мѣсто установки пулеметовъ.
- І Артиллерія ведущая въ казармы.
- Ж Двухъэтажная бетонная казарма.
- К Земляная масса надъ казармой.
- Л Ровъ сади казармы (типовой)
- М Два Японскія минныхъ рукава и 5 минъ, 5/18 Декабря 1904г.

ЮГЪ

ПЛАНЪ
ФОРТА СЪВЕРНЫЙ КЕЙКВАНШАНЬ
(Фортъ № II)
Масштабъ въ метрахъ:

Въ теченіе октября японцы, шагъ за шагомъ, подошли сапами къ форту II; когда дальше они уже не могли двигаться по поверхности земли, они начали опускаться ко рву минными галлереями. Русскіе старались задержать это наступленіе непрерывными контръ-минными работами, хотя, за исключеніемъ одного случая, контръ-минныя работы ихъ были не совсѣмъ удачны; многія изъ нихъ были открыты раньше, чѣмъ русскіе успѣвали произвести взрывъ, а иногда японцамъ удавалось портить электрическіе провода отъ заложенныхъ минъ.

10 (23) октября русскіе взорвали подъ японской галлереей обыкновенную морскую шаровую мину ¹⁾, при чемъ разрушили большую часть галлерей, убили и ранили 28 человекъ. Этотъ взрывъ имѣлъ, однако, неожиданныя послѣдствія: въ бетонномъ сводѣ сѣверо-западнаго капонира образовалось небольшое отверстіе. Японцы сейчасъ же приступили къ уширенію отверстія и скоро заставили русскихъ, осыпая ихъ огнемъ пулемета и бросая ручныя гранаты черезъ отверстіе, очистить капониръ. Слѣдующей задачей было—проникнуть въ нейтральный казематъ, который обстрѣливался русскими, расположившимся въ казематѣ № 6.

Черезъ отверстіе начали бросать земляные мѣшки; когда набросали ихъ достаточное количество, чтобы прикрыться отъ огня русскихъ стрѣлковъ, саперы начали прыгать черезъ отверстіе, и хотя нѣсколько человекъ были при этомъ убиты, другимъ все же удалось продвинуть мѣшки къ узкому проходу между капониромъ и казематомъ № 6, совершенно прервавъ сообщеніе между ними. Затѣмъ, японцамъ необходимо было получить доступъ въ ровъ, ибо выхода туда изъ сѣверо-западнаго капонира не было.

13 (26) октября японцы взорвали мину въ контръ-эскарповой стѣнѣ капонира, гдѣ пробито было такимъ образомъ отверстіе, давшее саперамъ возможность пробраться въ ровъ.

¹⁾ Относительно этого случая сдѣлана оговорка въ примѣчаніи на стр. 206.

17 (30) октября японцамъ удалось сдѣлать небольшое отверстіе въ сводѣ сѣверо-восточнаго капонира и выгнать оттуда русскихъ огнемъ пулемета. Сами они не могли войти въ казематъ, такъ какъ онъ обстрѣливался русскими, все еще удерживавшими сѣверную и восточную галереи. Такимъ образомъ, казематъ нѣкоторое время оставался нейтральнымъ. Японцамъ теперь предстояла задача—продвинуться впередъ отъ занятаго ими сѣверо-западнаго капонира и прогнать русскихъ изъ шести казематовъ, находившихся между этимъ и нейтральнымъ сѣверо-восточнымъ капониромъ. Невозможно было взять казематы по очереди, одинъ за другимъ, такъ какъ русскіе бросали ручныя гранаты, которыя, разрываясь въ тѣсномъ помѣщеніи казематовъ, производили ужасное дѣйствіе: они отравляли своимъ дымомъ тѣхъ, кто не былъ разорванъ на части взрывомъ. Японцы послѣ нѣсколькихъ попытокъ убѣдились, какъ губительно дѣйствуютъ эти гранаты и поняли, что если они попытаются выбивать русскихъ постепенно изъ каждаго каземата, то это будетъ длиться цѣлыя недѣли и можетъ привести почти къ полному истребленію отряда саперъ. Поэтому они старались придумать какой-нибудь менѣе дорогой способъ для достиженія желаннаго результата. Планъ, который приняла японцы, состоялъ въ томъ, чтобы отрѣзать сообщеніе между галлереей сѣвернаго рва и галлереей восточнаго рва, между которыми сообщеніе поддерживалось черезъ нейтральный сѣверо-восточный капониръ. Еслибы это удалось, русскіе въ сѣверной галлерей были бы совершенно отрѣзаны и принуждены были бы сдаться, или умереть отъ голода.

Выше я рассказывалъ, какъ 17 (30) октября небольшая группа японцевъ съ отчаянной отвагой пыталась взобраться на эскарпъ и штурмовать фортъ II.

Когда поняли, что невозможно взять фортъ штурмомъ, не очистивъ сперва отъ русскихъ контръ-эскарповыя оборонительныя постройки, саперы сообразно этому измѣнили свой планъ.

Въ теченіе ночи 18 (31) октября, они спустились въ ровъ черезъ отверстіе въ сѣверо-западномъ капонирѣ и осторожно двинулись впередъ, вдоль сѣвернаго фаса контръ-эскарпа, пригибаясь ниже линіи бойницъ.

Можно задать вопросъ: почему эти люди не были пристрѣлены русскими изъ восточной галлерей? Это объясняется, однако, тѣмъ, что капониръ сѣверо-восточнаго угла былъ нейтраленъ; онъ былъ нѣсколько выдвинутъ впередъ, почему прикрывалъ отъ огня русскихъ изъ восточной галлерей, японскихъ саперъ, которые могли работать безъ помѣхи. Саперы продѣлали незамѣтно маленькое отверстіе въ бетонной стѣнѣ каземата № 1 и заставили русскихъ быстро отступить въ казематъ № 2, гдѣ послѣдніе засѣли за стѣнкой изъ земляныхъ мѣшковъ. Затѣмъ, отверстіе увеличили настолько, чтобы въ него могъ пролѣзть человекъ. Тѣмъ не менѣе, предстоявшая саперамъ задача была очень серьезна: нужно было пробраться черезъ сдѣланное отверстіе и войти въ казематъ № 1, который обстрѣливался русскими стрѣлками, сидѣвшими въ казематѣ № 2 за стѣнкой изъ земляныхъ мѣшковъ.

Наблюдая японскихъ солдатъ въ бою, я пришелъ къ убѣжденію, что по своей храбрости, которая необходима при всѣхъ предпріятіяхъ, сильно дѣйствующихъ на нервы, они стоятъ далеко впереди всѣхъ остальныхъ солдатъ міра. Однако, я считаю, что „порывъ“ не можетъ считаться характерной чертой японскаго солдата; въ нѣкоторыхъ случаяхъ большее развитіе этого качества, составляющаго отличительную черту характера ирландцевъ, могло оказать японцамъ огромную услугу. Но японецъ всѣхъ превосходитъ въ отвагѣ, когда къ ней онъ заранѣе подготовленъ. Ему, по видимому, доставляетъ особое удовольствіе готовиться къ какому-нибудь отчаянному предпріятію и приводить его въ исполненіе, хотя бы избранный имъ приѣмъ обѣщалъ неминуемую гибель ему самому.

Какой-то капитанъ, увидѣвъ, что при атакѣ на русскую траншею люди его были отбиты, рѣшился пожертвовать со-

бой, чтобы добыть побѣду. Онъ обвязалъ вокругъ себя столько ручныхъ гранатъ, сколько могъ нести, а одинъ изъ его людей зажегъ всѣ фитили одновременно; затѣмъ онъ бросился на врага. Гранаты всѣ одновременно разорвались въ русской траншеѣ и оказали ужасное дѣйствіе; позиція была взята, а капитанъ за свое мужество заплатилъ, конечно, жизнью. Чтобы выполнить нѣчто подобное, необходимо очень много героизма.

Саперы, во время подземной борьбы за капонирныя галлерей форта II (Сѣв. Кейкваншань), проявляли такіе же образцы героизма, какъ и капитанъ, исторію котораго я только-что рассказалъ.

Чтобы проникнуть въ казематъ № 1 и закрыть входъ въ казематъ № 2, занятый русскими, черезъ отверстіе, при помощи товарищей бывшихъ во рву, проползъ одинъ саперъ; у головы онъ держалъ земляной мѣшокъ, постепенно продвигаемый въ направленіи къ стѣнкѣ изъ мѣшковъ, за которой засѣли русскіе стрѣлки.

Когда первый саперъ проползъ впередъ и ему уже нельзя было помогать, проталкивали другого, слѣдовавшаго за ногами перваго; эти двое продвигались дальше, внутрь каземата, пока не оказались въ нѣсколькихъ футахъ отъ непріятеля. Затѣмъ, продвигались туда же еще люди и мѣшки съ землей, пока не была постепенно устроена стѣнка; русскіе, однако, успѣли замѣтить хитрость и всѣми силами старались противодѣйствовать ей градомъ ручныхъ бомбъ. Много жизней было принесено въ жертву, но стѣнку все-таки довели до конца. Тогда русскіе ушли изъ каземата № 2 и заняли казематъ № 3.

Представьте себѣ положеніе перваго сапера, проползшаго въ казематъ черезъ отверстіе; въ темнотѣ онъ вошелъ въ подземный погребъ, обстрѣливаемый огнемъ стрѣлковъ и ручными гранатами; его отдѣлялъ отъ немедленной гибели только одинъ несчастный земляной мѣшокъ, который могъ защитить его отъ пули, но былъ совершенно бесполезенъ противъ ручныхъ гранатъ.

Когда сообщеніе между сѣверной галлереей и сѣверо-восточнымъ капониромъ было прервано, японцамъ легко было расширить отверстіе въ сводѣ капонира и, набросавъ внутрь земляныхъ мѣшковъ, пробраться въ казематъ и отбросить русскихъ въ восточную галерею, гдѣ они опять засѣли за стѣнкой изъ земляныхъ мѣшковъ. Несчастные русскіе, запертые въ казематахъ, между двумя капонирами сѣвернаго рва, скоро были перебиты или, быть можетъ, погибли отъ голода, такъ какъ у нихъ не было пути отступленія; они, видимо, отказались сдаться, или, можетъ быть, японцы не обратили вниманія на ихъ призывъ.

Взявъ сѣверную галерею, японскіе саперы пришли къ заключенію, что на нѣкоторое время для нихъ достаточно этой подземной войны. Они рѣшили оставить въ покоѣ русскихъ въ восточной галлерей и прежде всего преградить сообщеніе между сѣвернымъ и восточнымъ рвами, устроивъ поперекъ рва высокую стѣнку изъ земляныхъ мѣшковъ, отъ сѣверо-восточнаго капонира къ эскарпу. Стальная дверь открывала доступъ въ ровъ изъ сѣверо-восточнаго капонира.

Русскіе скоро замѣтили работу непріятеля и старались противодѣйствовать ей сооруженіемъ поперекъ рва стѣнки изъ земляныхъ мѣшковъ, отъ юго-восточнаго капонира къ эскарпу. Каждая сторона стремилась раньше закончить свою стѣнку, чтобы установить пушку и разбить стѣнку своего противника. Работали усердно, на-перегонки, но такъ какъ японцы начали работу раньше, то они достигли скорѣй желанной цѣли. Въ сѣверный ровъ японцы принесли горное орудіе, разобранное по частямъ, быстро установили его и, раньше чѣмъ русскіе успѣли сдѣлать то же, ихъ стѣнка рассыпалась на части подъ точными выстрѣлами японскихъ артиллеристовъ. Этотъ фактъ, въ сущности, положилъ конецъ борьбѣ за обладаніе контръ-эскарповыми сооружениями форта II (Сѣв. Кейкваншань), такъ какъ русскіе удержали за собой только юго-восточный капониръ, и никакъ не могли помѣшать работамъ, которыя предприняли теперь японцы противъ эскарпа форта.

Японцы провели минную галерею поперекъ рва, и затѣмъ ихъ саперы занялись проведеніемъ минныхъ рукавовъ подь брустверомъ форта.

Фортъ II (Сѣв. Кейкваншань) былъ во многихъ отношеніяхъ наиболѣе сильной позиціей, изъ всѣхъ атакованныхъ за время осады, такъ какъ онъ ко времени появленія японцевъ передъ крѣпостью былъ въ наиболѣе законченномъ видѣ. Фортъ III (Нирушань) и укрѣпленіе № 3 (Шоюшань) были обширнѣе форта II (Сѣв. Кейкваншань), но ихъ контръ-эскарповыя сооруженія не были такъ сильны.

Когда 13 (26) октября японцы овладѣли верхними линіями траншей, защищавшими рвы этихъ фортовъ, они не подозрѣвали о существованіи капонировъ за контръ-эскарпомъ. Они собирались въ четыре дня засыпать рвы мусоромъ, землей, соломой и земляными мѣшками, а затѣмъ атаковать эскарпъ по созданной такимъ образомъ дамбѣ. Какъ только они начали сыпать въ ровъ мусоръ, русскіе начали убирать его въ капониры и переносить затѣмъ внутрь форта по подземнымъ галлереямъ, служившимъ для сообщенія съ контръ-эскарповыми сооруженіями. Помимо этого, весьма сомнительно было, чтобы японцамъ удалось заполнить огромный ровъ форта III (Нирушань), размѣры котораго доходили до 30 футовъ ширины и 40 футовъ глубины; ровъ укрѣпленія № 3 (Шоюшань) былъ не меньшихъ размѣровъ въ ширину, но глубина его была всего около 20 футовъ.

Когда японцы узнали о контръ-эскарповыхъ сооруженіяхъ форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань), инженеры ихъ рѣшили, что форты невозможно взять, не прибѣгнувъ къ миннымъ работамъ. Они, однако, научились многому при работахъ на фортѣ II (Сѣв. Кейкваншань) и хорошо использовали этотъ опытъ во время дѣйствій противъ форта III и укрѣпленія № 3.

Японскіе инженеры рѣшили бѣречь, замѣтно уменьшившійся, отрядъ саперъ въ дальнѣйшей подземной борьбѣ, и не подвергать ихъ тѣмъ опасностямъ, которымъ они подвергались въ галлереяхъ форта II (Сѣв. Кейкваншань) и кото-

рыя привели къ такимъ значительнымъ потерямъ. Они хотѣли избѣжать подобной борьбы, для чего рѣшили устроить въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вдоль контръ-эскарпа, булевые колодцы, а затѣмъ обрушить стѣну контръ-эскарпа и капониры въ ровъ, заполнивъ его такимъ образомъ и создавъ путь для пѣхоты.

18-ая бригада, въ районъ дѣйствій которой входилъ фортъ III (Нирушань), встрѣтила значительныя затрудненія при удержаніи занятыхъ ею позицій на склонахъ форта, вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня, сосредоточеннаго на ней съ западной группы фортовъ.

Высота, на которой расположенъ фортъ III (Нирушань), состоитъ изъ твердой скалы, покрытой лишь тонкимъ слоемъ земли, толщиной въ 2—3 фута. Поэтому сапы приходилось возводить надъ землей, вмѣсто того, чтобы углублять въ землю. Русскіе воспользовались этимъ; они прилагали всѣ усилія, чтобы разрушить японскія сапы, когда онѣ поднимались вверхъ по склону, что часто имъ удавалось. Однако, какъ только русскіе сравниваютъ сапы съ горизонтомъ, японцы ихъ опять возобновятъ, хотя и цѣною большихъ ежедневныхъ потерь среди рабочихъ командъ. Двѣ линіи сапъ выведены были, такимъ образомъ, отъ желѣзнодорожной насыпи по склону высоты; одна подходила вплотную къ сѣверо-восточному, другая—къ сѣверо-западному углу рва. Саперы при этомъ воспользовались, взятыми у русскихъ, траншеями вдоль рва, какъ параллелями, соединяющими обѣ сапы. Изъ этой траншеи они начали опускаться минными колодцами къ стѣнѣ контръ-эскарпа. Работа была очень тяжелая и напряженная, такъ какъ саперамъ приходилось для устройства колодцевъ долбить сплошную скалу. Вдоль контръ-эскарпа форта III (Нирушань) опустили 7 колодцевъ, и такое же количество—передъ укрѣпленіемъ № 3 (Шоюшань).

По приложенному къ книгѣ плану форта III (Нирушань) видно, что тамъ устроены были капониры въ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ рва, при чемъ каждый изъ капонировъ соединялся отдѣльной галлереей съ внутрен-

ностью форта ¹⁾. Капониры, однако, не были связаны другъ съ другомъ длинной галлереей, какъ на форту II (С'фв. Кейкваншань). Безъ сомнѣнія, русскіе имѣли въ виду построить подобную галлерей, но война началась раньше, чѣмъ они успѣли это сдѣлать.

Отсутствіе этой галлерей сильно упрощало задачу японскихъ саперъ, такъ какъ оно лишало русскихъ возможности вести контръ-мины противъ выведенныхъ японцами минныхъ рукавовъ, какъ было на форту II (С'фв. Кейкваншань).

Весь періодъ опусканія минными колодцами къ капонирамъ, пока японцы не подошли достаточно близко къ нимъ, чтобы быть увѣренными въ возможности своевременнаго ихъ разрушенія, они были въ полной безопасности отъ контръ-минъ.

При желаніи вести контръ-мины противъ японскихъ минныхъ колодцевъ, русскіе должны были выйти въ ровъ и затѣмъ долбить сплошную скалу контръ-эскарпа. Японцы, изъ занятыхъ вдоль рва траншей, при помощи ручныхъ гранатъ и ружейнаго огня, легко лишили бы русскихъ возможности держаться во рву.

Изъ всего этого легко понять, что у форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань) японскіе саперы не встрѣтили тѣхъ затрудненій, съ которыми пришлось имъ бороться на форту II (С'фв. Кейкваншань).

Я не имѣю плана укрѣпленія № 3; контръ-эскарпныя оборонительныя сооруженія были здѣсь такіе же, какъ и на форту III (Нирушань) ²⁾, почему японцы примѣнили тотъ же самый пріемъ, который только-что описанъ.

Русскіе скоро догадались, что происходитъ по ту сторону

¹⁾ Бетонная потерна соединяла только сѣверо-восточный капониръ съ внутренностью форта; сѣверо-западный капониръ не былъ соединенъ съ фортомъ, въ него входили непосредственно изъ рва.

²⁾ На Укрѣпленіи № 3 было два контръ-эскарповыхъ капонира, соединенныхъ узкой галлереей, изъ которой бетонная потерна вела внутрь форта. Капониры съ соединительной галлереей занимали весь контръ-эскарпъ сѣвернаго фаса, протяженіемъ около 15 саж. Потерна, ведущая въ капониры, соединялась съ потерной ведущей въ горжевую казарму, и изъ обѣихъ потернъ былъ одинъ только общій выходъ внутрь форта. *Прим. перевод.*

ОБОЗНАЧЕНІЯ НА ПЛАНѢ ФОРТА :

Ровъ.

Эскарпъ.

Входъ въ потерну, ведущую въ сѣверо-восточ. капониръ.

Крепостныя орудія на бетонной установкѣ.

Входъ въ потерну, ведущую въ казарму.

Бетонная казарма, прикрытая землей.

Входъ въ казарму изъ рва форта.

Сѣверо-восточный капониръ.

Сѣверо-западный капониръ.

Русская траншея, защищавшая оборонительныя сооруженія рва, названная японцами заслономъ; взята ¹⁵26 Октября 1904 г.

Апонскія мины, идущія вверхъ къ заслону, послѣ его взятія.

Потерна, соединяющая сѣверо-восточ. капониръ со внутренними пространствами форта.

Траншеи для пѣхотныхъ резервовъ.

Два рукава и 5 Апонскихъ минъ, ¹⁵28 Декабря 1904 г.

Самъ Апонскихъ минъ, разрушившихъ контръ-эскарпъ.

ОБОЗНАЧЕНІЯ НА РАЗРѢЗѢ ПО ЛИНІИ А-В.

Русская траншея, защищавшая оборонительныя сооруженія рва; взята ¹⁵26 Октября 1904 г.

Ровъ.

Эскарпъ.

Вспрысковый банкетъ.

Безопасная отъ арт. огня позиция.

Орудія крепостн. артиллеріи на бетонной установкѣ.

Потерна, ведущая въ казарму.

Земляная насыпь на казармѣ.

Одноэтажная бетонная казарма.

Тыловой ровъ зади казармы.

Мельничная лестница для выхода изъ тыловаго рва.

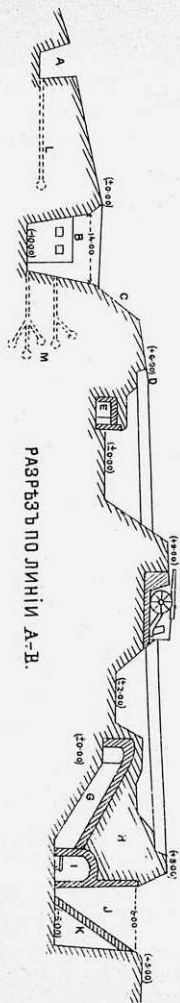
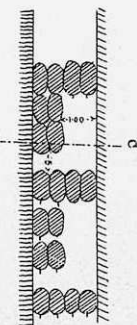
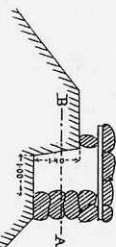
Апонскіе минные рукава, ¹⁵20 Ноября 1904 г.

Два апонскихъ минныхъ рукава и 5 минъ, ¹⁵28 Декабря 1904 г.

Масштабъ въ метрахъ
10 5 0 10 20 30

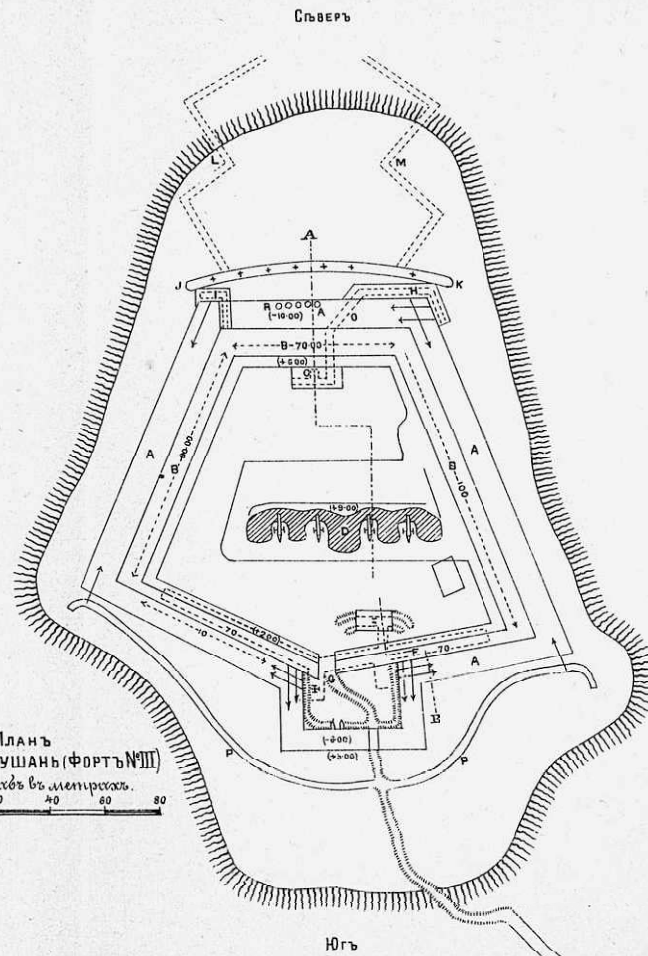
Сдѣлано по плану (А) въ масштабѣ, со-
отвѣствующемъ изображенію для стрѣ-
лы отъ штыкового огня.

Сдѣлано по плану В-А, показывающему
устройство вѣнчика.

ПЛАНЪ
ФОРТА НИРУШАНЫ (ФОРТЪ № III)
Масштабъ въ метрахъ.

20 10 0 20 40 60 80

ОБОЗНАЧЕНІЯ НА ПЛАНѢ ФОРТА :

- A Ровъ.
- B Эскарпъ.
- C Входъ въ потерю, ведущую въ сѣверо-восточный канониръ.
- D Крѣпостная орудійная бетонная установка.
- E Входъ въ потерю, ведущую въ казарму.
- F Бетонная казарма, прикрытая землей.
- G Входъ въ казарму изъ рва форты.
- H Сѣверо-восточный канониръ.
- I Сѣверо-западный канониръ.
- J-K Русская траншея, защищенная оборонительными сооружениями рва, названная японцами канониръ, взята 26 Октября 1904 г.
- L-M Японскія сапидирующія въ рвѣ къ залому, по сѣверо-восточному пространству форты.
- O Потеря, соединяющая сѣверо-восточный канониръ со внутреннимъ пространствомъ форты.
- P Траншея для пехотныхъ резервовъ.
- R Два рукава и 5 Японскихъ минъ, 128 Декабря 1904 г.
- + Сѣверо-западный канониръ, разрушенный контръ-эскарпъ.

ОБОЗНАЧЕНІЯ НА РАЗРѢЗѢ ПО ЛИНІИ А-В.

- A Русская траншея, защищенная оборонительными сооружениями рва, взята 26 Октября 1904 г.
- B Ровъ.
- C Эскарпъ.
- D Вспрысковой банкетъ.
- E Безопасная отъ артил. огня позиция.
- F Орудійная установка, артиллерійная бетонная установка.
- G Потеря, ведущая въ казарму.
- H Земляная масса на казарму.
- I Одноэтажная бетонная казарма.
- J Пыльный ровъ за казармой.
- K Местонахожденіе для выхода на тыльный ровъ.
- L Японскіе минные рукава, 20 Ноября 1904 г.
- M Два японскихъ минныхъ рукава и 5 минъ, 128 Декабря 1904 г.

рва; они не могли дѣйствовать контръ-минами, но приложили все стараніе, чтобы препятствовать работѣ, сосредоточивъ для этого огонь своихъ тяжелыхъ орудій и поддерживая непрерывный градъ ручныхъ гранатъ, бросаемыхъ съ эскарпа форта черезъ 30-ти фут. ровъ, по партіямъ японцевъ, работающихъ въ параллели у контръ-эскарпа.

Трудная задача была—избавить работающія партіи отъ большихъ потерь, наносимыхъ имъ ручными гранатами; съ этой цѣлью не мало было предложено болѣе или менѣе удачныхъ и остроумныхъ изобрѣтеній.

Наиболѣе удачнымъ оказался способъ, придуманный однимъ инженеромъ: для защиты рабочихъ, ставили проволочныя ширмы, отъ которыхъ гранаты отскакивали обратно въ ровъ, или устанавливали стальные щиты, которыхъ взрывомъ ручной гранаты нельзя было разбить. Однако, не мало гранатъ попадало въ траншеи, несмотря на щиты; поэтому ставили въ траншеѣ солдатъ съ длинными шестами, на концахъ которыхъ укрѣплялись ведра съ водой; гранату, ранѣе чѣмъ она успѣетъ взорваться, заливали водой и такимъ образомъ тушили фитиль.

Отъ взрывовъ ручныхъ гранатъ, разрыва снарядовъ и непрерывной ружейной трескотни рабочія партіи, за періодъ сапныхъ и минныхъ работъ противъ долговременныхъ фортвъ, понесли тяжелыя потери.

Въ началѣ осады у японцевъ было болѣе 2000 человекъ саперъ, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы число ихъ уменьшилось до нѣсколькихъ сотъ человекъ, изъ которыхъ многіе съ трудомъ оставались въ строю. Для пополненія рядовъ много саперъ было прислано изъ сѣверной арміи, съ переводомъ ихъ въ третью армію.

Взятіе капонира № 3 (Хачимачаяма) крайне затруднило для русскихъ производство удачныхъ вылазокъ противъ рабочихъ партій у форта III (Нирушанъ), такъ какъ для этой цѣли имъ приходилось выходить около Скалистаго Гребня (Новый Банрушанъ) и проходить какъ разъ передъ капониромъ № 3 (Хачимачаяма).

Около укрѣпленія № 3 (Шоюшань) положеніе было иное: здѣсь русскіе могли выйти отъ Курганной батареи (прикрывающей батареи Шоюшань), спуститься по склонамъ высоты, повернуть на востокъ и атаковать японцевъ во флангъ. Такъ русскіе постоянно и поступали, сражаясь при этомъ очень храбро и рѣшительно; разрушая траншеи, они въ нѣсколько часовъ уничтожали работу цѣлаго дня.

Несмотря на всѣ эти препятствія, мины опущенныя у контръ-эскарпа укрѣпленія № 3 (Шоюшань), 4 (17) ноября были готовы ко взрыву; взрывъ былъ произведенъ въ 4 ч. 30 м. пополудни и представлялъ очень эффектную картину. Взрывъ былъ удаченъ только отчасти, ибо принятые заряды были слишкомъ малы; только часть контръ-эскарпа была обрушена въ ровъ, заполнивъ его на нѣсколько футовъ.

Саперы сейчасъ же начали устраивать траншею, черезъ груды обломковъ, къ эскарпу.

7 (20) ноября мины, опущенныя у форта III (Нирушань), тоже были готовы ко взрыву, но здѣсь были примѣнены болѣе крупныя заряды. Результатъ былъ болѣе рѣшительный: вся контръ-эскарповая стѣна обрушилась въ ровъ, заполнивъ его почти до верхней части эскарпа. Оказалось, однако, что заряды были заложены недостаточно близко къ сѣверо-западному капониру, который и уцѣлѣлъ. Пока русскіе удерживали этотъ капониръ, японцы постоянно подвергались продолжному обстрѣливанію.

Затѣмъ, японцы сдѣлали попытку перейти черезъ кучи обломковъ, чтобы минировать эскарпъ. Дѣло это было трудное, но черезъ нѣсколько дней они уже приспособились къ этой работѣ.

Нѣсколько саперъ пролѣзли къ сѣверо-западному капониру, когда русскіе спали, и вытащили оттуда черезъ отверстіе въ стѣнкѣ пулеметъ. Черезъ нѣсколько дней, японцы пробуровали небольшое отверстіе въ бетонѣ, вложили зарядъ пироксилина и обрушили капониръ.

7 (20) ноября японцы начали движеніе впередъ минными галереями, подъ эскарпами форта II (Сѣв. Кейкваншань),

форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Черезъ нѣсколько недѣль эти мины могли быть готовы ко взрыву.

Работы продолжались только въ теченіе 6 дней, а затѣмъ прежнее отчаянное рѣшеніе вновь восторжествовало и вновь были принесены въ жертву тысячи жизней, во имя безплодной попытки захватить эскарпы этихъ фортовъ открытой силой, вмѣсто того, чтобы спокойно просидѣть на мѣстѣ нѣсколько лишнихъ дней, выжидая окончанія минныхъ работъ.

ГЛАВА XVII.

Госпиталя и транспорты.

Японское госпитальное начальство преслѣдовало одну главную цѣль, которой подчинялись всякія другія соображенія,—убрать изъ арміи всѣхъ больныхъ и раненыхъ возможно скорѣе. Они полагали, что какъ бы серьезно не былъ раненъ человѣкъ, или какъ бы онъ не былъ боленъ, лучше рискнуть перевезти его, даже въ такомъ опасномъ положеніи, въ тыловую госпиталь, гдѣ все приспособлено для надлежащаго ухода, чѣмъ держать его въ полевомъ госпиталѣ при арміи.

Ближайшій тыловой госпиталь находился въ Дальнемъ; здѣсь почти всѣ употребимыя зданія, церкви, лавки были использованы военными властями для этой цѣли. Тыловыми госпиталями въ Дальнемъ пользовались не такъ, какъ можно предположить по точному смыслу названія этихъ лечебныхъ заведеній; они скорѣе служили временными этапами, на пути въ Японію; въ нихъ пациенты задерживались лишь на короткій срокъ, и затѣмъ передавались на госпитальныя суда, для эвакуаціи въ Японію. Только легко-раненые, которыхъ можно было поставить на ноги черезъ нѣсколько недѣль, задерживались въ Дальнемъ.

Всякій солдатъ, прибывающій по желѣзной дорогѣ изъ Портъ-Артура, или изъ Манчжурскихъ армій, ожидалъ въ

Дальнемъ очереди, для отправленія въ Японію на одномъ изъ госпитальныхъ судовъ, которыя совершали постоянные рейсы между Дальнимъ и портами Японіи.

Японцы имѣли 18 госпитальныхъ судовъ, которыя были снабжены всевозможными приспособленіями, необходимыми для удобства больныхъ и раненыхъ. На каждомъ суднѣ находился главный врачъ, съ медицинскимъ персоналомъ и съ 20 или 30 сестрами милосердія, обученными обществомъ Краснаго Креста въ Японіи. Нѣкоторыя изъ этихъ судовъ, на которыхъ перевозили тяжело-раненыхъ, были снабжены операционными помѣщеніями, такъ что, въ случаѣ необходимости, операцію можно было произвести въ открытомъ морѣ.

Съ раненымъ солдатомъ подъ Портъ-Артуромъ поступали слѣдующимъ образомъ: если его ранили въ траншеяхъ, то носильщики, умѣвшіе дѣлать перевязки, сейчасъ же относили его на передовой перевязочный пунктъ, въ траншеяхъ; здѣсь его пораненія осматривалъ фельдшеръ, и какъ только раны были перевязаны, его несли на носилкахъ, по траншеямъ, въ тылъ къ штабъ-квартирѣ его дивизіи. При штабъ-квартирѣ дивизіи находился дивизионный полевой госпиталь; раненаго сейчасъ же принимали въ госпиталь, гдѣ раны его вновь перевязывали. Если было безусловно необходимо, то немедленно приступали къ операціи, но если раненый не находился между жизнью и смертью, его помѣщали на два или три часа, а иногда на цѣлую ночь, въ палатку для отдыха. Каждое утро раненыхъ относили китайцы-носильщики, собиравшіеся въ большомъ числѣ у полевыхъ госпиталей, въ одну изъ деревень за боевой линіей. Днемъ ихъ сопровождали два или три фельдшерскихъ ученика, снабженные флягами съ водой и перевязочными средствами, на случай, если потребуется оказать помощь въ пути; они же наблюдали за китайцами и за порядкомъ движенія. Я видѣлъ не менѣе 200 раненыхъ, переносимыхъ такимъ образомъ, въ длинной процессіи. Проходя по „усѣянной снарядами“ дорогѣ и по другимъ открытымъ мѣстамъ,

носильщики должны были идти, поддерживая дистанцію между носилками около 50 ярдовъ (около 65 шаг.), чтобы не представлять удобной для непріятеля цѣли; пройдя опасные пункты, линія опять смыкалась.

Раненые, не требовавшіе дальнѣйшихъ перевязокъ до ихъ прибытія на станцію желѣзной дороги, доставлялись изъ полевыхъ госпиталей прямо на желѣзнодорожный поѣздъ. Въ дни штурмовъ сцены за линіей дивизіонныхъ штабовъ, гдѣ были расположены полевые госпитали, были очень печальны и напоминали лавку мясника. Фельдшера держали все наготовѣ для приѣма раненыхъ; они надѣвали бѣлые передники, засучивали рукава, оттачивали свои ножи, и на открытомъ воздухѣ поджидали своихъ жертвъ. Еще не смолкалъ гулъ боя, а носильщики уже начинали подходить изъ долины Шуйшунинъ и складывать свою ношу около госпитальныхъ палатокъ. Раненыхъ здѣсь, возможно скорѣе, осматривали фельдшера. Палатки, носилки, одежда фельдшеровъ и госпитальной прислуги покрывались кровью, и цѣлыя лужи ея стояли кругомъ. Изъ всѣхъ картинъ войны эти перевязочные пункты, близъ боевой линіи, производили наиболѣе отталкивающее впечатлѣніе; здѣсь нѣтъ ни того порядка, ни той безукоризненной чистоты, которую встрѣчаешь въ тыловомъ госпиталѣ. Здѣсь, какъ бы скоро ни шла работа, когда непрерывно другъ за другомъ прибываютъ раненые, никогда не можетъ хватить фельдшеровъ, чтобы освидѣтельствовать всѣхъ сразу.

Въ деревняхъ, за линіей расположенія артиллеріи, были устроены особые госпитали, главнымъ образомъ, для приѣма людей, раненыхъ на батареяхъ. Эти госпитали были снабжены операціонными помѣщеніями и всевозможными приспособленіями для тяжело-раненыхъ; эти же госпитали служили для пользованія раненыхъ, съ самыми тяжелыми формами пораненій. Раненые, требовавшіе операцій, ожидая своей очереди, стояли здѣсь, около операціоннаго помѣщенія, цѣлыми шеренгами. Въ каждой операціонной палаткѣ стояли два стола, такъ что одновременно можно было оперировать

двухъ человѣкъ. Прислуга госпиталя поддерживала во всемъ безукоризненную чистоту и порядокъ.

Въ смыслѣ гигиены госпиталя японской арміи были доведены до высшей степени совершенства, возможного во время войны; число случаевъ смерти раненыхъ отъ септического отравленія грязными инструментами или отъ другихъ подобныхъ, легко устранимыхъ, причинъ, можно по пальцамъ перечесть. Вдоль каждого операціоннаго стола проведенъ былъ деревянный жолобъ, по которому изъ бочки, поставленной въ концѣ палатки, протекала непрерывная струя воды, смѣшанной съ дезинфицирующими средствами. Всѣ перевязки, снятыя съ раненыхъ, куски мяса, осколки костей, пули или осколки снарядовъ, извлекаемые у пациентовъ, немедленно бросались въ этотъ жолобъ съ водой, который шелъ къ другой бочкѣ, имѣвшей на днѣ сито, задерживающее всѣ твердыя части и пропускающее жидкость; жолобъ постоянно обмывался свѣжей струей, идущей къ операціонному столу. Съ другой стороны стола находился приборъ съ антисептической жидкостью, постоянно перемѣнявшейся, въ которую опускались хирургическіе инструменты. Всѣ перевязочныя средства хранились въ запечатанныхъ стеклянныхъ или жестяныхъ банкахъ; какъ только ихъ вынимали, они, ранѣ употребленія въ дѣло, подвергались обработкѣ горячимъ паромъ.

Сейчасъ же послѣ операціи люди помѣщались на нѣсколько часовъ, иногда на всю ночь, въ палатку, а затѣмъ ихъ опять осматривалъ фельдшеръ. Если раненый могъ выдержать перевозку, его отправляли на станцію желѣзной дороги, гдѣ и помѣщали въ поѣздъ, для отправки въ Дальній. Тѣ раненые, для которыхъ перевозка была равносильна смерти, оставались въ палаткѣ, или въ китайской фанзѣ близъ госпиталя; это, обыкновенно, означало что, раненый безнадеженъ.

Вслѣдствіе такой эвакуаціи въ тылъ всѣхъ раненыхъ, кромѣ безнадежныхъ, госпитали при арміи были всегда свободны и готовы къ приѣму вновь прибывающихъ; даже послѣ общихъ атакъ, мѣстъ въ госпиталяхъ хватало для тысячъ раненыхъ.

Врачи никогда не теряли времени, когда случай былъ безнадежный: они устраивали только страдальца возможно удобнѣе, предоставляя ожидать конца. Когда раненаго вносили и клали на операционный столъ, врачъ сейчасъ-же снималъ съ него одежду и осматривалъ рану. Если онъ видѣлъ, что случай почти безнадеженъ, онъ какъ-то втягивалъ воздухъ сквозь зубы; этотъ приемъ, свойственный исключительно Японцамъ, употребляется ими, когда они не желаютъ дать положительный отвѣтъ; этотъ звукъ очень похожъ на тотъ, которой издаетъ плохо воспитанный человѣкъ, когда ѣстъ горячій супъ. Если раненый слышитъ такое шипѣніе врача, онъ уже знаетъ, что дни его сочтены, и съ замѣчательнымъ стоицизмомъ покоряется своей судьбѣ. Затѣмъ, врачъ укладываетъ его возможно удобнѣе и приказываетъ носильщикамъ вынести. Однако, раньше чѣмъ вынесутъ такого раненаго изъ палатки, ему даютъ выпить изъ ведра, стоящаго въ сторонѣ; въ ведро наливается „саки“ ¹⁾ съ морфіемъ, или съ какимъ-либо другимъ средствомъ, уменьшающимъ страданія. Почти всѣ безнадежно-раненные получали этотъ послѣдній глотокъ, если они могли еще проглотить его. Раненые, когда они покидали палатку, обыкновенно говорили врачу „Сіонора“ (прощайте), врачъ отвѣчалъ на этотъ привѣтъ, и съ этимъ послѣднимъ „прости“ міру, ихъ выносили. Толпа раненыхъ, ожидавшая около операционнаго помѣщенія своей очереди, всегда могла предсказать судьбу товарища, выносиваго изъ операционной, по той палаткѣ, куда его затѣмъ водворяли. Была тамъ одна палатка, на которой можно было сдѣлать надпись: „оставь всякую надежду тотъ, кто входитъ сюда“; она была предназначена исключительно для умирающихъ, которыхъ клали здѣсь рядами. Ужасная картина представлялась, если заглянуть, особенно лѣтомъ, въ эти палатки для безнадежныхъ и посмотреть, какъ мухи покрываютъ страдальцевъ; впрочемъ, несмотря на тѣлодвиженія и судороги.

¹⁾ Рисовая водка.

раненыхъ, они страдали мало, такъ какъ большинство—было безъ сознанія.

Японская госпитальная прислуга отлично обучена и, что особенно замѣчательно, относится съ очень большимъ интересомъ къ своему дѣлу. Когда работы было мало, врачи часто собирали вокругъ себя фельдшеровъ и объясняли, по имѣющимся у нихъ подъ рукой случаямъ, разныя особенности той или другой формы болѣзни. Когда совсѣмъ не было раненыхъ, я часто видѣлъ врачей за обученіемъ фельдшеровъ—свертывать бинты, обращаться съ инструментами, дѣлать перевязки. Японецъ всегда охотно учится; среди боя и среди ночи, онъ всегда готовъ изучать тѣ вопросы, которые онъ недостаточно усвоилъ.

Если китайское населеніе Ляодунскаго полуострова и страдало отъ происходившей на ихъ территоріи борьбы, оно, во всякомъ случаѣ, должно сохранить самыя лучшія воспоминанія о японскихъ госпиталяхъ. Впервые, вѣроятно, они имѣли въ своемъ распоряженіи и всегда подъ рукой медицинскую помощь. Японскіе врачи всегда были готовы оказать имъ помощь, особенно если больной или пострадавшій былъ ребенокъ. Однажды я видѣлъ, какъ растерянные родители принесли маленькую дѣвочку; она упала какимъ-то образомъ въ кипятокъ, и только немедленный умѣлый уходъ могъ спасти ей жизнь. Японскій врачъ сейчасъ же бросилъ свою работу, которой передъ этимъ былъ занятъ, чтобы оказать помощь пострадавшей. Обмываніе ожоговъ и бинтованіе ребенка маслянымъ бинтомъ длились, должно быть, болѣе часа; врачъ, несмотря на многочисленныя свои обязанности, былъ такъ заботливъ и внимателенъ, какъ будто онъ получалъ за визитъ гонораръ въ 100 гиней.

Санитарныхъ поѣздовъ на желѣзной дорогѣ въ Дальній не было, и раненыхъ перевозили на открытыхъ платформахъ. Когда погода стала очень холодной, привезли изъ Японіи нѣсколько крытыхъ вагоновъ и въ нихъ перевозили тяжело-раненыхъ. Тѣмъ не менѣе, при перевозкѣ страданія больныхъ отъ холода и отъ тряски вагоновъ были очень велики.

Несомненно, госпитальная организация японской армии была отлично поставлена, но не слѣдуетъ забывать, что задача освобождать госпитали и эвакуировать больныхъ и раненыхъ по желѣзной дорогѣ сильно упрощается, когда можно позволить себѣ ту свободу обращенія съ больными и ранеными, которая примѣнялась японцами. Безъ сомнѣнія, не мало европейскихъ солдатъ, если бы съ ними обращались такъ, какъ это дѣлали японцы, погибло бы, и причиной ихъ гибели были бы не только раны, но и примитивный способъ перевозки на госпитальные суда.

Городъ Дальній сильно измѣнился къ лучшему съ тѣхъ поръ какъ японцы заняли его. Улицы съ утра до вечера очень оживлены. Интендантскимъ учрежденіемъ выпала огромная задача—снабжать продовольствіемъ не только армию генерала Ноги, но и армию маршала Ойяма. Тысячи китайскихъ повозокъ заграждали улицы, доставляя предметы интендантскаго довольствія съ набережной на станцію желѣзной дороги; сотни кричащихъ кули нагружали пустые поѣзда, возвратившіеся изъ Портъ-Артура или съ сѣвера, и доставившіе раненыхъ и больныхъ. У набережныхъ всегда можно было видѣть два или три транспорта и нѣсколько небольшихъ пароходовъ. Они разгружались съ поразительной быстротой командами японскихъ солдатъ.

Ни одна черта японскаго характера не выдѣляется такъ рѣзко, какъ ихъ постоянная готовность—работать и сражаться. Если на ихъ долю выпадала неприятная обязанность разгружать транспорты, таская на головѣ мѣшки риса и ящики мясныхъ консервовъ, они брались за это дѣло, будто оно доставляло имъ удовольствіе. На набережныхъ особенное вниманіе обращали на себя нижніе чины, принадлежащіе къ составу несчастнаго 8-го полка изъ Осака, который не пошелъ въ атаку на Скалистый гребень (Нов. Банрушань), въ ночь 10 (23) августа. Теперь ихъ отправили на работу по выгрузкѣ съѣстныхъ припасовъ для тѣхъ, кто наступаетъ, когда это покажутъ.

Около набережной были собраны огромныя пирамиды

разныхъ припасовъ, прикрытыя брезентомъ для защиты отъ дождя и снѣга. Были построены цѣлыя мили временныхъ навѣсовъ, подъ которыми складывались легко портящіеся припасы и снаряды.

Когда я былъ въ Дальнемъ, по пути въ Японію, послѣ окончанія осады, мнѣ рассказывали, что у японцевъ въ городѣ было собрано количество запасовъ, вполне достаточное для довольствія всѣхъ трехъ армій, дѣйствовавшихъ въ Манчжуріи, въ теченіе шести мѣсяцевъ, даже еслибы прибытіе Балтійскаго флота прекратило дальнѣйшій подвозъ моремъ. По возвращеніи въ Японію я узналъ, что, въ періодъ времени между окончаніемъ осады Портъ-Артура и приходомъ эскадры адмирала Рождественскаго, было отправлено въ Манчжурію запасовъ еще на 3 мѣсяца. Такимъ образомъ, еслибы русскіе даже остались побѣдителями въ морскомъ бою, Ояма все-таки могъ продолжать войну около девяти мѣсяцевъ.

Два товарныхъ поѣзда отходили ежедневно изъ Дальняго въ Портъ-Артуръ—одинъ утромъ, другой ночью; на пробѣгъ всего разстоянія требовалось около трехъ часовъ. Какъ только поѣздъ подходилъ къ станціи Чораши, орда „кули“¹⁾ буквально набрасывалась на поѣздъ и приступала къ разгрузкѣ вагоновъ. Когда грузъ состоялъ изъ мѣшковъ съ рисомъ, поднимался полнѣйшій хаосъ: рабочіе, желая позабавиться, бросали съ поѣзда мѣшки внизъ, чтобы ихъ ловили, часто сбивая при этомъ своихъ товарищей; нѣсколько китайцевъ, такимъ образомъ, серьезно пострадали. Черезъ десять минутъ послѣ прихода поѣзда, въ вагонахъ не оставалось ни мѣшка рису, ни ящика консервовъ или галетъ.

Разгруженный поѣздъ подавали къ станціи, борты платформъ опускались и начиналась работа по размѣщенію раненыхъ. Многіе изъ нихъ пролежали передъ этимъ нѣсколько часовъ на станціи, куда они прибыли слишкомъ рано. Тя-

¹⁾ Кули—чернорабочій.

жело-больныхъ помѣщали въ вагоны съ носилками и покрывали ихъ одеялами; легко-больныхъ—укладывали по тридцати или сорока человекъ въ одинъ вагонъ.

Подъ Портъ-Артуромъ не только не было ни одного благоустроеннаго санитарнаго поѣзда, но даже не было ни одного вагона 3 класса. Генералы, частныя лица, иностранцы, раненые и больные—все подвергались одной участи. Совершая переѣздъ отъ станціи Чораши въ Дальній, вы должны были довольствоваться уголкомъ вагона, наполненнаго японскими солдатами или китайцами, ведущими дѣла съ арміей. Обратный путь былъ пріятнѣе, такъ какъ можно было возвратиться на кучу мѣшковъ съ рисомъ и, устроивъ между ними углубленіе, укрыться отъ холода.

Близъ станціи Чораши находилась открытая площадь, гдѣ сосредоточивались все грузы, прибывающіе изъ Дальняго. Разстояніе, отъ станціи Чораши до ближайшаго пункта на линіи осаждающаго, было около 5 миль, но когда приходилось доставлять припасы въ 1-ю дивизію, расположенную на западѣ, разстояніе это увеличивалось почти до 20 миль. Каждое утро сотни повозокъ, изъ состава дивизіоннаго обоза, отправлялись со станціи Чораши, подвозя запасы.

Каждая дивизія имѣла свой Интендантскій складъ, расположенный въ какомъ-нибудь пунктѣ, укрытомъ отъ непріятельскаго огня. Въ этихъ складахъ всегда имѣлись запасы въ количествѣ, достаточномъ по крайней мѣрѣ на три дня; ниже этой нормы количество запасовъ никогда не спускалось; расходъ ежедневно пополнялся дивизіонными транспортами, подвозившими припасы со станціи Чораши.

Наиболѣе трудной задачей являлась доставка продуктовъ людямъ, сидѣвшимъ въ траншеяхъ у подножія русскихъ позицій; отъ дивизіонныхъ складовъ до боевой линіи каждая лошадь и каждая повозка должны были пройти по открытой мѣстности, подъ огнемъ русскихъ орудій. Особенно затруднительна была такая доставка въ 9-й дивизіи, путь сообщенія съ которой проходилъ по „усѣянной снарядами дорогѣ“. Запасы посылались въ боевую линію по ночамъ. Повозки

полковаго обоза и выючныя лошади нагружались припасами въ дивизіонныхъ складахъ вечеромъ; подъ прикрытіемъ темноты, они направлялись длинными колоннами къ штабъ-квартирамъ дивизій и къ утру возвращались обратно. Изъ штабъ-квартиръ дивизій консервы и рисъ приходилось доставлять людямъ, сидѣвшимъ въ передовыхъ траншеяхъ, на рукахъ.

Нельзя сказать, чтобы довольствіе арміи въ постоянныхъ лагеряхъ, какъ на примѣръ, арміи Ноги подъ Портъ-Артуромъ, была задача очень трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, что организація этого дѣла у японцевъ была превосходна.

Интересно прослѣдить судьбу мѣшка съ рисомъ съ момента, какъ онъ покидалъ Японію, и до момента, когда онъ попадалъ въ котелокъ японскаго солдата. Японскіе „кули“ нагружали мѣшокъ на транспортъ въ Нагасаки, Сасебо или другомъ японскомъ порту. Въ 48 часовъ онъ достигалъ Дальняго. Затѣмъ, въ теченіе 12 часовъ, его выгружали съ парохода японскіе солдаты и перевозили въ китайскихъ повозкахъ на станцію, гдѣ помѣщали въ вагонъ. Черезъ три часа онъ прибывалъ на станцію Чораши и здѣсь китайскіе „кули“ выгружали его въ 10 минутъ. Въ запасномъ Интендантскомъ складѣ, близъ станціи, нашъ мѣшокъ, вѣроятно, получалъ отдыхъ на два или на три дня, пока не доходила до него очередь отправиться въ дивизіонный складъ. Какъ-нибудь утромъ его брали и, вмѣстѣ съ полудюжиной другихъ мѣшковъ, бросали на небольшую повозку, которую на протяженіи 4—5 миль, по ухабистой дорогѣ, тянула одна лошадь, управляемая солдатомъ дивизіоннаго обоза. Въ дивизіонномъ складѣ мѣшокъ вторично отдыхалъ два дня; на третій день его опять брали, вмѣстѣ съ другимъ мѣшкомъ, и помѣщали на спину мула или лошади; оба мѣшка уравнишивали другъ друга, такъ какъ каждый изъ нихъ вѣсилъ 50 фунтовъ. Подъ прикрытіемъ темноты, мѣшокъ везли по „усѣянной снарядами дорогѣ“ къ штабъ-квартирамъ дивизій, гдѣ его сейчасъ же вскрывали и выдавали войскамъ. Меха-

низмъ, производившій все это, отлично дѣйствовалъ и никогда не портился.

Командами китайскихъ „кули“ управляли очень ловко японскіе надсмотрщики; „кули“ быстро знакомились со своими обязанностями и прежде всего обучались послушанію; они очень скоро становились такъ-же опытны въ работѣ, какъ солдаты регулярной арміи. Японцы понимаютъ китайцевъ гораздо лучше, чѣмъ европейцы; китайцы это цѣнятъ и боятся, а можетъ быть и уважаютъ, японцевъ.

ГЛАВА XVIII.

Жизнь въ арміи.

Жизнь иностранцевъ, состоявшихъ при арміи ген. Ноги, представляла много интереснаго, хотя временами она становилась нѣсколько монотонной, въ особенности по вечерамъ, если не происходило ничего особеннаго.

Въ началѣ осады, до начала октября, я жилъ въ палаткѣ, у подошвы горы Хошань. Въ концѣ сентября нѣсколько сильныхъ бурь пронеслось надъ райономъ расположенія арміи; температура пала необыкновенно низко, а поднимаемая вѣтромъ пыль дѣлала жизнь въ палаткѣ почти невыносимой. Тогда я обратился въ штабъ, чтобы получить разрѣшеніе перебраться въ какую-нибудь китайскую деревню, недалеко отъ крѣпости. Квартиру отвели для меня и моихъ двухъ товарищей—М-ръ Джеральдъ Морганъ и М-ръ Реджинальдъ Глоссопъ—въ деревнѣ Табошинъ, недалеко отъ штабъ-квартиры генерала Ноги. Намъ дали большое помѣщеніе въ домѣ старосты, и мы размѣстились, устроивъ нашу квартиру насколько возможно удобнѣе. Такъ мы жили до начала ноября, а затѣмъ два моихъ товарища уѣхали въ Соединенные Штаты, и я одинъ остался обладателемъ квартиры. Китайскій крестьянскій домъ состоитъ изъ двухъ жилыхъ комнатъ, раздѣленныхъ особымъ помѣщеніемъ, въ которомъ устраиваются, обыкновенно, два очага для варки пищи. Вдоль

стѣны каждой жилой комнаты тянется особое сидѣніе, или „канъ“, вышиною около двухъ футъ ¹⁾; дѣлается канъ изъ сырцового кирпича и сверху, обыкновенно, покрывается соломеннымъ матомъ. Подъ каномъ проведены дымоходы отъ очаговъ, находящихся въ среднемъ помѣщеніи. Если въ очагѣ развести огонь, то теплота и дымъ проходятъ вдоль всей комнаты, подъ каномъ, обогрѣвая его, и затѣмъ выходятъ наружу черезъ отверстіе въ стѣнѣ ²⁾. На этихъ канахъ китайцы спятъ. Въ каждомъ канѣ, независимо отъ очаговъ, имѣется особая топка, такъ что въ случаѣ сильнаго холода можно подъ каномъ развести огонь.

Въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ въ окрестностяхъ Портъ-Артура стояли сильные холода; прежде чѣмъ ложиться спать, необходимо было развести огонь подъ каномъ.

Китайцы спятъ на канахъ въ повалку, укрываясь синими стегаными одѣялами. Я видѣлъ однажды, зимой, что шестнадцать китайцевъ спали въ одной комнатѣ, чтобы было теплѣе. Наши хозяинъ и хозяйка нисколько не были стѣснены тѣмъ, что имъ пришлось уступить намъ одну комнату; зимой они часто устраивали вечеринки, къ нимъ пріѣзжали и останавливались у нихъ ихъ друзья и родственники изъ сосѣднихъ деревень, еще увеличивая число людей, въ переполненныхъ и безъ того, комнатахъ. Въ холодное время мой слуга разводилъ, обыкновенно, подъ каномъ огонь передъ тѣмъ, какъ я ложился спать; я спалъ на канѣ, укрываясь нѣсколькими одѣялами. Канъ топился соломой, которая медленно тлѣла, постепенно нагрѣвая его; въ началѣ—это бывало очень пріятно, но около 1 ч. ночи канъ сильно накалялся, и часто жаръ заставлялъ просыпаться. Тогда

¹⁾ Китайскій канъ то же самое, что наша «лежанка», только значительно ниже и шире. Канъ дѣлается изъ глины и кирпича и топится сухимъ гаолянкомъ (родъ кукурузы).

²⁾ Снаружи, около боковой стѣны дома, дѣлается обыкновенно невысокая труба, въ которую и проходитъ дымъ, черезъ отверстіе въ стѣнѣ. Трубу на крышахъ китайцы не устраиваютъ.

Прим. перевод.

приходилось вставать, тушить огонь, открывать окна и идти гулять по деревнѣ, безпокоя собакъ, пока канъ достаточно не охлаждался, чтобы снова можно было лечь спать. Собаки въ китайскихъ деревняхъ ужасно надоѣдали. Всю ночь онѣ сидѣли и выли на луну, такъ что временами доводили насъ до отчаянія.

Передъ каждымъ китайскимъ домомъ имѣется дворъ, по которому бродятъ ослы, свиньи, козы, цыплята и другія домашнія животныя; часто они забѣгаютъ и въ самый домъ. Во дворѣ сложены большіе стоги соломы, которую китайцы употребляютъ для топки печей. Въ другомъ углу лежатъ снопы чумизы ¹⁾, главнаго продукта питания жителей Ляодуна. Китайцы существуютъ чумизой: чумизная похлебка къ завтраку, чумизный хлѣбъ къ обѣду и къ ужину ²⁾. Зерно перемалывается между жерновами за часъ до ѣды; верхній жерновъ приводится въ движеніе ослонъ съ завязанными глазами. Умное животное ходитъ кругомъ и никто его не погоняетъ; оно такъ часто занимается этимъ дѣломъ, что прекрасно знаетъ, сколько времени потребуется, чтобы смолоть необходимое для семьи количество зерна; окончивъ свое дѣло, оселъ по собственному побужденію останавливается.

Въ очень торжественныхъ случаяхъ приносили тушу какого-то страннаго животнаго, которую женщины варили въ котлахъ.

Всѣ блюда у китайцевъ готовятся однообразно; мясо сначала рубятъ, а затѣмъ помѣщаютъ въ горячую печь; жарить или запекать—невозможно, приходится все тушить. Нѣкоторыя блюда, во время приготовления ихъ, распространяли самый ужасный запахъ. Отличительной кулинарной особенностью той семьи, съ которой я жилъ, были тушеные угри. Три раза въ недѣлю они ѣли за завтракомъ угрей. Запахъ при этомъ былъ такъ отвратителенъ, что

¹⁾ Особая порода проса.

²⁾ Китайцы чаще всего ѣдятъ чумизу въ видѣ крутой каши.

Прим. перевод.

выгонялъ меня изъ дому, и, въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось запретить имъ приготовленіе угрей, пока я не съѣхалъ съ квартиры. Другой продуктъ, который китайцы очень любятъ,—собачье мясо; собачьи туши висѣли во дворѣ, сохраняясь на морозѣ.

Китайцы питаются, вообще, самой разнообразной пищей. Въ сосѣднемъ домѣ жила семья, которая чумизы не ѣла, а питалась исключительно горохомъ. На зиму они закупали въ Чифу большіе запасы гороха, чтобы хватило до весны. Я спрашивалъ моего повара-китайца, почему одна семья живетъ горохомъ, а другая чумизой; онъ объяснилъ мнѣ, что живущая горохомъ семья родомъ изъ Шанхая, семья же, въ которой я жилъ, принадлежитъ къ маньчжурскому племени.

Женщины у китайцевъ мало чѣмъ отличаются отъ рабовъ. Онѣ состоятъ въ полномъ распоряженіи у своихъ господъ и повелителей и дѣлаютъ всю работу, не только домашнюю, состоящую главнымъ образомъ въ варкѣ пищи, но и полевую. Глава семьи сидитъ цѣлый день на канѣ, покуривая длинную трубку и поругивая высокимъ фальцетнымъ голосомъ всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Сыновья дѣлаютъ часть работы; они состояли, какъ и вообще большинство китайцевъ, на разныхъ работахъ при японской арміи. Въ каждой китайской семьѣ была повозка, запряженная муломъ, которая во время осады приносила владельцамъ хорошій доходъ: японцы платили въ день по 7 іенъ ¹⁾ за повозку.

Ни одинъ европеецъ, въ сущности, не понимаетъ китайца, съ которымъ нельзя обращаться, какъ со всякой другой народностью. Если вашъ слуга-китаецъ забылъ разбудить васъ въ назначенный часъ, или далъ потухнуть огню, или плохо сварилъ вамъ обѣдъ, то ругать его за это—все равно, что пробивать головой каменную стѣну. Если вы строго гово-

¹⁾ Около 7 рублей.

рите съ нимъ, въ присутствіи другихъ, онъ считаетъ это оскорбленіемъ и ненавидитъ васъ; если же вы выругаете китайца передъ другими китайцами, онъ теряетъ уваженіе своихъ согражданъ, а это считается наиболѣе тяжкимъ несчастіемъ, которое можетъ постигнуть человѣка изъ среды этого страннаго народа. Онъ презираетъ васъ за это такъ же, какъ сталъ бы презирать самого себя, еслибъ онъ сказалъ что-либо, лишившее его уваженія своихъ земляковъ. Основная черта китайскаго характера—сильно развитое чувство собственного достоинства, совершенно непонятное для европейца. Если вы хотите сдѣлать своему слугѣ-китайцу выговоръ за его ошибки и промахи, отведите его въ сторону и поговорите съ нимъ спокойно и толково; укажите на неудобства, сопряженные съ его ошибками, и на важныя послѣдствія, которыя отъ этого произошли. Если вы сдѣлаете это какъ слѣдуетъ, вашъ китаецъ увидитъ, что онъ свалилъ дурака и постарается исправить свое поведение.

Китайцы обладаютъ многими прекрасными качествами, но, во всякомъ случаѣ, опрятность не ихъ добродѣтель. Грязь, въ которой они содержатъ свои жилища и усадьбы, неопишима. При топкѣ соломой получается огромное количество дыма; дымъ выходитъ изъ комнаты по дымоходамъ, проведеннымъ подъ канами, при чемъ очень много его проникаетъ черезъ щели въ канахъ и наполняетъ комнату. Стѣны и потолокъ никогда не очищаются отъ копоти, которая накапливается годами на всѣхъ предметахъ, образуя мѣстами слой въ нѣсколько дюймовъ толщины.

Всѣ члены семьи, въ которой я жилъ, были очень добродушны, и только ихъ привычка къ грязи портитъ пріятное воспоминаніе о совместной жизни. Они всегда были готовы помочь чѣмъ-нибудь моимъ слугамъ, посмотреть за моими лошадьми, притащить воды съ дальняго разстоянія. Въ благодарность за эти мелкія услуги, я дарилъ иногда младшимъ членамъ семьи консервированное молоко и варенье, которыя они очень любили. Вся семья, собравшись въ кружокъ вокругъ такой коробки съ вареньемъ, запускала туда

свои пальцы и затѣмъ обсасывала ихъ, пока не очищала всей коробки.

Китайцы—народъ, любящій порядокъ; однако, нельзя сказать, что они строго соблюдаютъ законы; они просто живутъ внѣ всякихъ законовъ. Въ какой другой странѣ міра найдете вы подобный фактъ: населеніе въ три милліона—такое количество китайцевъ было разсѣяно на Ляодунскомъ полуостровѣ—мирно живетъ въ своихъ деревняхъ и предается своимъ обычнымъ занятіямъ въ самомъ очагѣ войны.

Механизмъ ихъ мѣстнаго административнаго управленія пересталъ функционировать со времени вступленія японцевъ на Ляодунскій полуостровъ, и, такимъ образомъ, китайцы остались вовсе безъ администраціи. Хотя японцы и объявили на военномъ положеніи всю страну, но у нихъ было слишкомъ много дѣла, чтобы утруждать себя еще наблюденіемъ за китайцами; однако, во всѣхъ китайскихъ деревняхъ царилъ полнѣйшій общественный порядокъ. Дѣла шли, какъ всегда, и обычная жизнь текла своимъ чередомъ.

Каково было бы положеніе въ одномъ изъ округовъ Соединенныхъ Штатовъ, или Англіи, или на континентѣ Европы, еслибъ страна находилась въ рукахъ врага, гражданская полиція отсутствовала, установлено было военное положеніе, безъ исполнительной власти, и весь механизмъ административнаго управленія былъ разрушенъ?

Иностранные корреспонденты въ арміи генерала Ноги должны были сами заботиться о своемъ пропитаніи, что составляло далеко не легкую задачу.

Наиболѣе удобный способъ добыванія продуктовъ состоялъ въ слѣдующемъ: своему слугѣ-китайцу вы давали нѣкоторую сумму денегъ и посылали его по сосѣднимъ деревнямъ на поиски за козымъ мясомъ или рыбой. Штабъ арміи снабжалъ насъ рисомъ, который былъ нашимъ главнымъ продуктомъ питанія.

Ежедневно, со станціи Чораши отходили два поѣзда въ Дальній, отвозя больныхъ и раненыхъ въ тыловые госпитали. Если вы желали посѣтить Дальній, вы обязаны были

получить въ штабѣ арміи пропускъ, въ которомъ указывалось, на сколько дней вамъ разрѣшено уѣхать. По прибытіи въ Дальній, вы должны были явиться въ штабъ, и въ одномъ изъ домовъ вамъ отводили помѣщеніе. Въ городѣ было открыто много лавокъ, въ которыхъ вы могли купить сколько угодно консервированныхъ продуктовъ. Необходимо было запастись здѣсь всѣми продуктами недѣли на три, на четыре, такъ какъ нельзя было опредѣлить, когда опять представится удобный случай для посѣщенія Дальняго. Около середины періода осады, въ Дальнемъ былъ большой недостатокъ припасовъ, такъ какъ японскій флотъ захватывалъ всѣ катайскія джонки, высылаемые изъ Чифу ¹⁾ съ грузомъ продовольственныхъ припасовъ, а китайцы не желали подвергаться риску и снаряжать судно, которое могло подвергнуться конфискаціи. Предосторожность эта, конечно, была необходима, ибо русскіе пользовались джонками, чтобы понасть изъ Чифу въ Портъ-Артуръ, прорвавъ блокаду; Дальній и Портъ-Артуръ находились всего въ 25-ти миляхъ другъ отъ друга, почему трудно было разобрать, занимается ли джонка законной торговлей, или желаетъ прорвать блокаду.

Эти посѣщенія Дальняго были пріятнымъ отдыхомъ послѣ недѣль, проведенныхъ около крѣпости. Въ городѣ былъ китайскій ресторанъ съ отличнымъ поваромъ, бывшимъ раньше главнымъ поваромъ на большомъ почтовомъ пароходѣ; онъ отлично зналъ, какъ угодить европейцамъ.

Ниппонъ-Юзень-Кейша—японское пароходное общество, пароходы котораго въ мирное время ходили въ Лондонъ, принуждено было прекратить свои рейсы съ началомъ войны. Пароходы были взяты японскимъ правительствомъ для транспортной службы и держали постоянные рейсы между Дальнимъ и Японіей. Всегда можно было видѣть одинъ изъ этихъ пароходовъ у набережной въ Дальнемъ, и у насъ

¹⁾ Ближайшій китайскій портъ.

вошло въ привычку посѣщать капитановъ этихъ пароходовъ. Это были преимущественно англичане, всегда готовые сдѣлать все возможное для своихъ земляковъ, бывшихъ при арміи генерала Ноги. Они приглашали насъ переночевать въ одной изъ безупречно чистыхъ пароходныхъ каютъ; удовольствіе принять теплую ванну и затѣмъ лечь въ чистую постель было слишкомъ велико и казалось чѣмъ-то не правдоподобнымъ. Японскія власти давали намъ разрѣшеніе, останавливаться, при нашихъ посѣщеніяхъ Дальняго, на этихъ судахъ, и такимъ образомъ мы избѣгали неудобствъ китайской гостиницы. Кто когда-нибудь испыталъ всю прелесть гостепріимства на пароходахъ, тотъ никогда не забудетъ любезности ихъ капитановъ.

Иностранные военные агенты 3-й арміи постоянно подвергались серьезной опасности, такъ какъ они принуждены были разъѣзжать большой кавалькадой, въ сопровожденіи японскихъ офицеровъ; при посѣщеніи передовыхъ линій они подвергались риску привлечь на себя вниманіе русскихъ артиллеристовъ, которымъ рѣдко представлялась такая удобная цѣль.

Въ октябрѣ, при посѣщеніи редута № 1 (Восточн. Банрушань), былъ раненъ испанскій военный агентъ. Русскіе выпустили снарядъ, разорвавшійся на гребнѣ траншеи; онъ сбилъ большой обломокъ скалы, который упалъ на ногу полковнику Хейрара и сломалъ ему какую-то кость.

6 (19) ноября, чудомъ избѣгли смерти—капитанъ сэръ Александръ Баннерманъ, капитанъ Уэть и лейтенантъ Вольфскиль, германскій военный агентъ. Они пріѣхали осмотрѣть фортъ III (Нирушань); сопровождалъ ихъ лейтенантъ Хори, адъютантъ генерала Ошима, и лейтенантъ Шибешима, молодой японскій офицеръ, прикомандированный къ штабу. Цѣлое утро они производили осмотръ инженерныхъ работъ, противъ форта; затѣмъ они ушли въ траншею, на гласисѣ форта III (Нирушань), чтобы отдохнуть, и въ это время русскіе открыли огонь по японскимъ работамъ. Вся компанія сидѣла въ траншеѣ, въ кружокъ, близко прижав-

шись другъ къ другу, какъ вдругъ русскій снарядъ, выпущенный наугадъ изъ 4, 7 дм. пушки, влетѣлъ къ нимъ и разорвался ранѣе, чѣмъ они успѣли пошевелинуться; всѣхъ ихъ выбросило силой взрыва впередъ въ одну кучу. Они поднялись со дна рва траншеи и начали уходить, радуясь, что остались живы, но затѣмъ замѣтили, что одного изъ ихъ компаніи не хватаетъ. Вернувшись назадъ, они нашли лейтенанта Шибешима мертвымъ. Снарядъ разорвался на множество осколковъ, а дно его прошло черезъ тѣло несчастнаго молодого человѣка. Одинъ осколокъ попалъ лейтенанту Хори въ ухо, нанеся легкую рану. Другой осколокъ задѣлъ Сэра Баннермана подъ самымъ глазомъ, но не причинилъ серьезнаго вреда. Какое-то странное совпаденіе: въ числѣ пяти человѣкъ были три европейца и два японца; сидѣли всѣ вмѣстѣ; убить одинъ японецъ и раненъ другой, а три европейца остались невредимы.

6 (19) ноября я поѣхалъ на западъ и посѣтилъ штабъ-квартиру 1-й дивизіи, чтобы взобраться на Длинную гору (Намакаяма), взятую въ сентябрѣ. 1-й полкъ полковника Теруда стоялъ бивакомъ на этой высотѣ. Полковникъ Теруда былъ старый ветеранъ, участвовавшій за время своей службы не менѣе чѣмъ въ 57 бояхъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что онъ когда-то сражался въ кольчугѣ и дѣйствовалъ сѣкирой.

Это замѣчательный образецъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ Японіи за послѣднія тридцать лѣтъ. Въ исторіи большинства странъ десятки вѣковъ отдѣляютъ дни боевыхъ кольчугъ и сѣкиръ отъ дней современнаго оружія и снаряженія. Въ этомъ отношеніи Японія представляетъ исключеніе изъ общаго правила. Ей потребовалось всего тридцать лѣтъ, чтобы совершить подобный переходъ. Полковникъ Теруда былъ очаровательный старый джентльменъ; онъ самъ лично водилъ меня по высотѣ, на которой былъ расположенъ его полкъ. Съ вершины Длинной горы (Намакаяма) открывался хорошій кругозоръ на внутреннее пространство Портъ-Артура. Тылъ восточнаго фронта крѣпости былъ отлично

виденъ; хорошо видны были Старый городъ и часть Новаго, а также входъ въ гавань; возвышенность, находящаяся у самого берега, закрывала военныя суда, стоявшія на якорѣ, отъ наблюдений и спасала ихъ отъ разрушенія, пока не была взята Высокая гора (203 метр. высота).

На гребнѣ Длинной горы (Намакаяма) оставалось много слѣдовъ происходившаго здѣсь боя. Два 6 дюй. орудія, поставленныя русскими на бетонныхъ установкахъ, были опрокинуты снарядами. Траншеи, въ которыхъ русская пѣхота оказала послѣднее сопротивленіе, шли вдоль гребня; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были поставлены 37 миллиметров. орудія, а около нихъ были сложены большіе запасы снарядовъ. Орудія остались на горѣ послѣ отступленія русскихъ, а теперь дула орудій были повернуты въ обратную сторону и направлены противъ русскихъ позицій—на Высокой горѣ (203 метр. высота) и на Плоской горѣ (Акасакаяма). Эти 37 миллиметр. орудія производятъ деморализующее впечатлѣніе, когда дѣйствуютъ по идущей въ атаку пѣхотѣ.

Къ юго-востоку отъ Длинной горы (Намакаяма), отдѣляясь отъ нея ложиной, лежитъ Плоская гора (Акасакаяма), составляющая продолженіе Высокой горы (203 метр. высоты); обѣ эти позиціи находились еще въ рукахъ русскихъ. Съ Плоской горы русскіе постоянно обстрѣливали Длинную гору, почему продолжительное пребываніе на гребнѣ этой горы было очень опасно.

Послѣ осмотра горы, полковникъ Теруда сказалъ мнѣ, что поведетъ меня въ штабъ-квартиру командира 1-й бригады и представитъ меня генераль-маіору Баба, вступившему въ командованіе послѣ генераль-маіора Ямамото, когда послѣдній былъ убитъ. Осматривая Длинную гору (Намакаяма), мы проходили по траншеямъ, сильно обстрѣливаемымъ русскими съ Плоской горы; въ одномъ пунктѣ полковникъ Теруда остановился и указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ генераль Ямамото былъ убитъ. Я раньше думалъ, что генераль былъ убитъ во время атаки на Длинную гору (Намакаяма), но это было не такъ; онъ шелъ по траншеѣ,

черезъ три дня послѣ боя; русскіе дали залпъ по немъ и по его штабу; пуля пронзила Ямамото, и онъ упалъ мертвымъ.

При всѣхъ назначеніяхъ на должности въ арміи, японцы всегда строго придерживались правила, чтобы чинъ назначаемого соответствовалъ должности; такимъ образомъ, дивизіей всегда командуетъ генераль-лейтенантъ, но не генераль-маіоръ, бригадой командуетъ генераль-маіоръ, но не полковникъ. Послѣ смерти Ямамото былъ вызванъ изъ Маньчжуріи, для командованія 1-й бригадой, генераль-маіоръ Баба, ближайшій кандидатъ по списку старшинства. Этотъ офицеръ отличился въ бою подъ Ляояномъ; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, очень немногихъ, которые участвовали въ Ляоянскомъ бою и присутствовали при паденіи Портъ-Артура.

Это хорошій примѣръ системы назначеній; можно, конечно, было бы назначить на должность командира бригады одного изъ полковниковъ, состоящихъ въ 3-й арміи, который уже участвовалъ въ бояхъ во время осады и зналъ мѣстность, но японцы строго придерживались старшинства и введеннаго порядка.

Полковникъ Теруда показалъ мнѣ траншеи, которыя японцы старательно устраивали у подножія Высокой горы (203 метр. высота), при чемъ сказалъ, что, по его мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ будетъ произведена атака этой высоты. Доблестный полковникъ едва-ли предполагалъ, что менѣе чѣмъ черезъ десять дней его адъютантъ и большинство его офицеровъ будутъ убиты на этой роковой горѣ, а онъ, самъ будетъ тяжело раненъ.

ГЛАВА XIX.

Наканунъ крупныхъ событій

Теперь слѣдуетъ разсказать событія, предшествовавшія третьему штурму на восточный фронтъ крѣпости Портъ-Артуръ.

Послѣ урока, полученнаго 17 (30) октября, казалась мало вѣроятной новая попытка взять форты штурмомъ, пока эскарпъ не будетъ минированъ и обрушенъ. Изъ ходившихъ въ арміи въ это время разговоръ и, главнымъ образомъ, изъ словъ, приписываемыхъ адъютанту генерала Ноги, можно было заключить, что генераль твердо держится взгляда: не штурмовать форты, пока инженерныя работы не будутъ доведены до такого состоянія, что успѣшная атака будетъ обезпечена. Я полагаю, что это было именно такъ, ибо кажется совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы стоящіе во главѣ арміи генералы снова подняли бы своихъ людей для атаки фортовъ, которыхъ столько разъ они не могли взять.

Каковы бы ни были взгляды генерала Ноги и его начальниковъ дивизій, ихъ осилили—военное министерство въ Токио и генеральный штабъ маньчжурскихъ армій. Пугало, въ видѣ Балтійскаго флота, и только оно одно, привело къ безполезной гибели человѣческихъ жизней 13 (26) ноября. Военныя и морскія власти въ Японіи нервничали. Онѣ не могли забыть, что русскій адмиралъ ведетъ на Дальній Востокъ

эскадру изъ семи броненосцевъ и многихъ другихъ судовъ. Какого бы взгляда ни держаться на силу этой „армады“, было ясно, что положеніе Японіи можетъ быть очень серьезно, если эскадра адмирала Рождественскаго лишь на нѣскольکو часовъ соединится съ пятью бронированными судами, находящимися въ Портъ-Артуръ. Могъ ли адмиралъ Того надѣяться на успѣхъ, при столкновеніи съ соединеннымъ русскимъ флотомъ, имѣя четыре броненосца и нѣсколько бронированныхъ крейсеровъ? Рискъ казался слишкомъ великъ, и генераль Ноги получилъ приказаніе сдѣлать новую попытку взять крѣпость и разрушить русскія военныя суда, не выжидая, пока инженерныя работы будутъ закончены.

Два наиболѣе выдающихся офицера генеральнаго штаба маньчжурскихъ армій, генералы Кодама и Фукашима, пріѣхали съ сѣвера и совѣщались съ генераломъ Ноги по вопросу, что слѣдуетъ предпринять, чтобы достигнуть указанной выше цѣли. Результатомъ встрѣчи трехъ генераловъ явилось рѣшеніе: вести новую атаку на четыре главныхъ фортовъ восточнаго фронта—укрѣпленіе № 3 (Шоюшань) фортъ III (Нирушань), фортъ II (Сѣв. Кейкваншань) и батарею лит. Б (Хигаши Кейкваншань).

Новый планъ дѣйствій долженъ былъ разыграться въ болѣе широкомъ чѣмъ прежде масштабѣ, такъ какъ планъ этотъ не ограничивался однимъ восточнымъ фронтомъ крѣпости. Второй разъ за время осады, въ общій планъ атаки была включена Высокая гора (203 метр. высота). Послѣ 8 (21) сентября, когда 1-я дивизія была выбита съ Высокой горы, понесла большія потери, японцы не вели активныхъ дѣйствій противъ нея; они старательно занимались сапными работами на склонахъ горы, на случай, если придется еще разъ ее атаковать. Грядущія событія бросали впередъ свои тѣни, и японцы, казалось, предчувствовали какое-то несчастье или небывалую бойню, при новой попыткѣ взять Высокую гору штурмомъ.

Атака на укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), фортъ III (Нирушань), фортъ II (Сѣв. Кейкваншань) и батарею лит. Б (Хи-

гаши Кейкваншань), въ случаѣ успѣха, могла привести къ паденію крѣпости или къ ея капитуляціи; въ случаѣ капитуляціи крѣпости, русской эскадрѣ предстояло выйти въ море, или быть потопленной на мѣстѣ якорной стоянки, или, наконецъ, сдаться, при чемъ послѣдній исходъ былъ мало вѣроятенъ.

Атака Высокой горы (203 мет. высота) должна была начаться, когда выяснится результатъ боя на восточномъ фронтѣ, ибо успѣхъ на западѣ не могъ дать такихъ рѣшительныхъ результатовъ, какъ паденіе восточной линіи фортовъ. Еслибы Высокая гора (203 метр. высота) перешла въ руки японцевъ, то это не привело бы къ паденію крѣпости, такъ какъ „Метровый гребень“, въ которомъ она составляетъ самую южную оконечность, лежитъ внѣ линіи главныхъ оборонительныхъ сооружений крѣпости. Но взятіе ея давало возможность осуществить главную, имѣвшуюся въ это время въ виду у японцевъ, цѣль—разрушеніе русской эскадры.

Сомнѣваюсь, чтобы Японцы оцѣнили въ началѣ осады долго скрываеваемый секретъ относительно Высокой горы—прекрасный кругозоръ съ ея вершины. Это особенно поражало, такъ какъ японцы довольно долго владѣли Портъ-Артуромъ и могли бы лучше изучить орографію страны. Истинное значеніе Высокой горы (203 метр. высоты), видимо, было понято только послѣ взятія Длинной горы (Намакаяма). Кругозоръ съ Длинной горы (Намакаяма) былъ отличный, но все-таки недостаточный; тылъ восточнаго фронта крѣпости былъ открытъ, Старый городъ и часть гавани ясно были видны, но нѣкоторыя высоты на берегу образовали заслонъ для стоявшихъ на якорѣ судовъ, что и спасало русскій флотъ; послѣ взятія Длинной горы (Намакаяма) было совершенно очевидно, что Высокая гора, лежащая дальше къ югу-востоку, должна давать отличный кругозоръ на всю гавань и на всѣ стоящія въ ней суда.

Еслибъ штурмъ на восточный фронтъ не удался, взятіе Портъ-Артура отодвигалось на неопредѣленное время; въ такомъ случаѣ надо было пытаться овладѣть Высокой горой

(203 метр.высота). Еслибъ высоту взяли, то на ея вершинѣ можно было бы устроить наблюдательный пунктъ и соединить его телефономъ съ батареями 28 сантиметр. гаубицъ, установленныхъ вокругъ крѣпости. Огнемъ гаубицъ могли управлять офицеры, которые дежурили бы на этомъ наблюдательномъ пунктѣ, и положеніе русскаго флота скоро оказалось бы невозможнымъ.

Японцы не жалѣли трудовъ, чтобы обезпечить предстоящей атакѣ успѣхъ; приготовленія были самыя обширныя, и ничто не предоставлялось на долю случая. Большой количества снарядовъ и зарядовъ для 28 сант. орудій были подвезены къ арміи, такъ что бомбардировка русскихъ позицій могла длиться нѣсколько дней, и нечего было бояться, что снарядовъ не хватитъ, какъ это случилось послѣ трехдневной бомбардировки, предшествовавшей штурму 17 (30) октября. Сочли необходимымъ подвести свѣжую дивизію, на успленіе обстрѣливаемыхъ ветерановъ, прислѣдвшихъ подъ крѣпостью почти четыре мѣсяца. Хотя атака 17 (30) Октября велась съ тѣмъ же воодушевленіемъ, что и безшабашные штурмы въ августѣ, все же начали проявляться признаки нѣкотораго утомленія. Удивляться этому нельзя было, такъ какъ солдаты были глубоко разочарованы ничтожными результатами своей работы, своего самопожертвованія и героизма.

Потери въ рядахъ войскъ заполнялись запасными или новобранцами; многіе офицеры были убиты или ранены; вновь прибывающіе люди приходили подъ командой мальчиковъ, едва успѣвшихъ окончить курсъ въ военной школѣ. Тотъ же энтузіазмъ къ своему императору и къ родинѣ воодушевлялъ всѣхъ прибывающихъ, но старые солдаты, покинувшіе берега Японіи въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, неизбѣжно проводили параллель между вполнѣ обученными и хорошо извѣстными имъ руководителями, которые пали въ бояхъ, и чуть ли не молокососами, силою обстоятельствъ поставленными теперь во главѣ ихъ; сравненіе это было, конечно, не въ пользу послѣднихъ.

Никогда войска, даже самыя храбрыя, не подчиняются

такъ легко вліянію нервовъ, какъ послѣ продолжительнаго пребыванія въ параллеляхъ, лицомъ къ лицу съ неприятелемъ, на разстояніи отъ него всего нѣсколькихъ ярдовъ. Высоты, форты, траншеи—день ото дня становятся все страшнѣе въ воображеніи людей, постоянно подавляемомъ сознаніемъ, что рано или поздно ихъ вызовутъ для атаки этихъ позицій. Солдаты арміи генерала Ноги уже два или три раза штурмовали безуспѣшно многія позиціи, но тѣмъ не менѣе генералы могли вполнѣ на нихъ положиться при новыхъ штурмахъ, что служить доказательствомъ превосходныхъ качествъ японскихъ войскъ.

Одинъ изъ секретовъ успѣха нѣмцевъ въ войну 1870 г. заключался въ удачномъ приѣмѣ, своевременной высылкѣ свѣжихъ войскъ въ боевую линію, хорошо усвоенномъ нѣмецкими генералами. Если какая-нибудь дивизія, бригада, или полкъ получали хорошую встряску отъ французовъ, ихъ убирали назадъ возможно дальше, а ихъ мѣста занимали свѣжія войска, не испытавшія еще, что такое „*furia francesca*“.

Выгода имѣть свѣжихъ людей, чтобы бросить ихъ въ дѣло въ критическій моментъ, не ускользнула отъ вниманія японцевъ, почему армію генерала Ноги усилили въ началѣ ноября, выславъ изъ Японіи 7-ю дивизію и одну бригаду 8-й дивизіи.

Седьмая дивизія, блестящая войсковая часть, имѣла отличную репутацію за свои боевыя качества; она комплектовалась въ округѣ Хоккаидо, въ Японіи. Дивизія состояла изъ 25-го, 26-го, 27-го и 28-го полковъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Осака; командирами бригадъ были генералы Саито и Юида. Три полка были посланы въ помощь 1-й дивизіи, при ея операціяхъ противъ Высокой горы (203 метр. высоты), а 25-й полкъ былъ отдѣленъ отъ остальныхъ и посланъ на поддержку 2-го полка во время атакъ на укрѣпленіе № 3 (Шоюшань). Бригаду 8-й дивизіи послали въ помощь 9-й дивизіи, генерала Ошима.

Возвращаясь какъ-то ночью, въ началѣ ноября, изъ 9-й

дивизіи къ себѣ домой, я вдругъ наткнулся на эти новыя войска; они шли по „усѣянной снарядами дорогѣ“ въ передовую линію. Я обратилъ вниманіе на большую живость и воинственный видъ людей, въ то время когда одинъ за другимъ баталіоны, руководимые офицерами, бывшими верхомъ, сворачивали въ темноту и скрывались, охватываемые чернымъ покровомъ ночи. Всѣ они стремились въ боевую линію. Эти тысячи людей не представляли себѣ готовившейся имъ участи, и не могли вообразить, что большинство изъ нихъ идетъ по этому роковому пути въ первый и послѣдній разъ. Спустя меньше недѣли, болѣе половины этихъ людей лежали мертвыми на эскарпахъ фортовъ, противъ которыхъ ихъ послали. Товарищамъ ихъ 26, 27 и 28-го полковъ, посланнымъ на западный фронтъ, съ которыми они такъ недавно разстались на станціи Чораши, суждено было встрѣтить такую же участь на обагренныхъ кровью склонахъ Высокой горы (203 метр. высота). Многимъ изъ тѣхъ, кто входилъ въ составъ 7-й дивизіи, когда она покидала Японію, суждено было никогда туда не возвратиться. Кости ихъ лежать разбросанныя на форту III (Нирушань), укрѣпленіи № 3 (Шоюшань), форту II (Сѣв. Кейкваншань) и на Высокой горѣ (203 метр. высота).

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ событій осады нѣтъ болѣе трагичнаго, какъ почти полная гибель 7-й дивизіи менѣе чѣмъ въ недѣлю, со времени прибытія ея къ арміи. Начальнику дивизіи, генералу Осака, выпало на долю быть очевидцемъ, какъ въ первомъ же бою легло 6,000 человѣкъ убитыми и ранеными.

Что касается настроенія остальныхъ войскъ арміи въ этотъ періодъ, то я не думаю, чтобы среди людей, бывшихъ здѣсь съ самаго начала осады, было много увѣренности въ успѣхѣ, но такъ какъ штурмъ должны были производить, главнымъ образомъ, свѣжія войска, то настроеніе остальныхъ войскъ не имѣло особенно большого значенія.

„Всю свою жизнь“, говорилъ Веллингтонъ, „я старался увидѣть, что находится на другой сторонѣ высоты“.

Въ послѣдніе четыре мѣсяца подъ Портъ-Артуромъ, японская армія пыталась разрѣшить тотъ же вопросъ. Много блестящихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ доходили до „той стороны“ и ни разу не вернулись. Послѣ каждого штурма возвращались обратно, „съ той стороны высоты“, нѣсколько человекъ съ разными свѣдѣніями; это вело къ новому штурму, чтобы провѣрить полученныя свѣдѣнія, а если возможно, то и воспользоваться ими. Такіе поиски за тѣмъ, что лежитъ на „той сторонѣ высоты“, были опасны и дорого стоили, не оправдывая произведенныхъ затратъ. Почему не сидѣть и не ждать, пока люди „съ той стороны высоты“ не выйдутъ, чтобы посмотрѣть, что вы можете дать имъ поѣсть на своей сторонѣ?

Такой образъ дѣйствій большинству солдатъ казался наиболѣе цѣлесообразнымъ; оставалось еще много высотъ въ Манчжуріи, которыя должны были открыть свои секреты, прежде чѣмъ окончится война, а люди могутъ устать, если вы просите ихъ взбираться на одну и ту же высоту слишкомъ часто.

Къ 10 (23) ноября всѣ подготовительныя операціи для предстоящаго штурма на батарею лит. Б (Хигаши Кейкваншань) были окончены.

Вспомнимъ, что одной изъ причинъ неуспѣха атаки на эту позицію 17 (30) октября была траншея, на половинѣ ската высоты, которую японцамъ нужно было взять, раньше чѣмъ пытаться продолжать наступленіе. Я уже указалъ, какъ японскіе саперы подошли сапами вплотную къ этой преградѣ. Начальникъ 11-й дивизіи, генераль Тсучійя, рѣшилъ атаковать траншею и вырвать ее изъ рукъ противника ранѣе начала общаго штурма. Еслибы японцы имѣли здѣсь успѣхъ, они могли бы своими сапами продвинуться вверхъ по склону, къ самой подошвѣ укрѣпленія, какъ это было сдѣлано въ другихъ мѣстахъ.

Штурмъ былъ назначенъ въ 5^{1/2} часовъ дня; ему не должна была предшествовать сильная бомбардировка, которая заставила бы русскихъ быть на чеку.

Зимнія ночи наступаютъ рано; въ 5^{1/2} часовъ было темно; 12-му полку представлялся удобный случай—застать врасплохъ своего упорного противника.

Чтобы наблюдать за этой операціей, я проѣхалъ внизъ, къ подножію горы Дагушань, къ штабъ-квартирѣ 11-й дивизіи; здѣсь я встрѣтилъ небольшую группу иностранныхъ агентовъ, прибывшихъ сюда съ той же цѣлью. Такъ какъ атака была назначена не ранѣе 5^{1/2} часовъ и ничего интереснаго пока не было, мы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ японскихъ офицеровъ, взобрались на Дагушань, чтобы взглянуть оттуда на русскія укрѣпленія.

Для генерала Тсучійя на одномъ изъ склоновъ Дагушаня былъ устроенъ блиндажъ, обращенный прямо къ батарее лит. Б. (Хигаши Кейкваншань).

Когда я спускался съ горы въ 5 часовъ, генераль и его штабъ шли на гору къ устроенному тамъ наблюдательному пункту. Генераль Тсучійя очень любезно пригласилъ меня войти въ блиндажъ наблюдательнаго пункта — погрѣться; внутренность этого образцоваго блиндажа была красива и очень удобна. Такъ какъ кругомъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ, то зайти обогрѣться было очень пріятно.

При желаніи можно достигъ, чтобы помѣщеніе удовлетворяло боевымъ условіямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было лишено извѣстнаго комфорта. Для наблюдательнаго пункта на скатѣ горы вырыли траншею и перекрыли ее деревянными балками, поверхъ которыхъ уложили земляные мѣшки, сдѣлавъ такимъ образомъ помѣщеніе почти безопаснымъ отъ снарядовъ. Внутри былъ отрытъ уступъ, на которомъ могли сидѣть наблюдающіе; когда садились на этотъ уступъ, глазъ приходился прямо противъ бойницъ, оставленныхъ для наблюденій. На уступѣ были положены красный войлокъ и водонепроницаемая полотноща, почему здѣсь мягко было сидѣть. Въ углу блиндажа горѣлъ огонь, распространявшій внутри пріятное тепло. На этихъ мягкихъ сидѣніяхъ, приставивъ глаза къ бойницамъ, сидѣли генераль Тсучійя, офицеры его штаба, два военныхъ агента и я. Здѣсь мы

ждали довольно долго, пока проходило время и стрѣлки часовъ начальника штаба медленно приближались къ 5^{1/2} часамъ.

Прямо передъ нами, въ разстояніи какихъ-нибудь 1,000 ярдовъ (428 саж.), была батарея лит. Б. (Хигаши Кейкваншань), частью покрытая снѣгомъ. Выдающееся возвышеніе на половинѣ ската высоты указывало мѣсто русской траншеи, которую должны были атаковать; ниже, въ тридцати ярдахъ (13 саж.), выдѣлялось другое возвышеніе, указывавшее мѣсто, гдѣ японская пѣхота ждетъ сигнала къ наступленію. Незамѣтно было какихъ-либо признаковъ жизни ни на одномъ изъ фортвъ, ни въ японскихъ линіяхъ.

Въ теченіе дня совершенно не было стрѣльбы и царила повсюду тишина смерти, какую только можно наблюдать, когда все покрыто снѣгомъ.

Я невольно сравнилъ удобства, которыми пользовался въ данный моментъ, съ судьбой тысячъ солдатъ въ траншеяхъ, у подошвы русскихъ позицій, дрожавшихъ отъ холода, готовыхъ жертвовать своею жизнью по первому призыву. Я испытывалъ какое-то чувство неловкости и даже виновности, когда смотрѣлъ на атаку Портъ-Артура. Жестоко-сердный римскій императоръ долженъ былъ испытывать такое же чувство, глядя съ своего трона на бой гладіаторовъ.

Почему нѣкоторые пользуются преимуществомъ смотрѣть на бой, не подвергаясь при этомъ никакой опасности? Послѣ боя, я всегда могъ вернуться домой, пользоваться относительнымъ комфортомъ, найти дома своего повара и готовый уже обѣдъ, а эти люди, сдѣлавшіе все дѣло и заслужившіе награду, должны были оставаться въ траншеяхъ, окруженные своими убитыми и ранеными товарищами, дрожа и сильно страдая отъ холода. Это казалось несправедливо, однако подобное явленіе вполне естественно.

Свѣтъ такъ быстро угасалъ, что въ 5^{1/2} часовъ дня невозможно было разглядѣть, что происходило. Батарея лит. Б. (Хигаши Кейкваншань) представлялась темной массой, на которой нельзя было ничего разобрать. Атака, тѣмъ не ме-

нѣе, началась. Ровно въ 5^{1/2} часовъ орудія, расположенныя по сосѣдству съ 11-й дивизіей, включая 28 сант. гаубицы, полевая гаубица, полевая пушка, начали одновременно бомбардировку. Всѣ орудія выстрѣлили одновременно, будто ими управляла одна рука. Первые снаряды были направлены на траншею, которую надо было штурмовать, но послѣ первой очереди артиллеристы перенесли стрѣльбу на другія цѣли, такъ какъ японская пѣхота должна была сейчасъ идти въ атаку, и невозможно было бы, въ надвигавшемся мракѣ, отличить своихъ отъ русскихъ.

На высотахъ, по сосѣдству съ батареей лит. Б. (Хигаши Кейкваншань) сразу показались языки пламени, указывавшіе мѣста, куда упали японскіе снаряды.

Русскіе артиллеристы, только теперь проснувшись послѣ цѣлаго дня спячки, начали отвѣчать на огонь, и снаряды ихъ скоро начали рваться вблизи расположенія 11-й дивизіи.

Траншея на батарее лит. Б. (Хигаши Кейкваншань) превратилась теперь въ костеръ изъ разноцвѣтныхъ огней—пѣхота занялась своимъ ужаснымъ дѣломъ ¹⁾, но встрѣтила со стороны русскихъ рѣшительный отпоръ. Русскіе осыпали японцевъ шрапнелью, и снаряды, разрывавшіеся въ темнотѣ, представляли очень красивую картину.

При дневномъ свѣтѣ, если наблюдать за шрапнелью, вы видите лишь небольшое бѣлое облачко дыма, появляющееся вдругъ на синевѣ неба, затѣмъ слѣдуетъ своеобразный звукъ отъ разрыва снаряда, послѣ котораго пули разлетаются снопомъ во всѣ стороны. Ночью облачка бѣлаго дыма не видно, а вмѣсто него появляется широкій огненный языкъ.

Русскіе, желая убѣдиться, нѣтъ ли у японцевъ намѣренія атаковать еще въ какомъ-либо другомъ пунктѣ, начали сыпать красивыя свѣтяція ракеты по всей долинѣ Шуйшунь. Все это содѣйствовало великолѣпнѣй картины, созданной разрывными снарядами.

Вдоль линіи атакующей траншеи, на батарее лит. Б, сотни

¹⁾ Очевидно, авторъ подразумѣваетъ подъ этимъ бросаніе ручныхъ гранатъ.

винтовок сверкали во мракѣ, какъ молніи; временами появлялись большіе и широкіе языки пламени, краснаго или снѣжнаго цвѣта, обозначая мѣста, гдѣ бросали ручныя гранаты. Картина была сказочная и поражающая; казалось, никто не можетъ уцѣлѣть въ этомъ аду. Вслѣдствіе темноты было трудно разобратъся, что происходитъ, но по телефону ежеминутно сообщались свѣдѣнія о ходѣ боя генералу Тсучіи, который спокойно сидѣлъ и принималъ извѣстія; содержаніе извѣстій постороннимъ не сообщалось.

Въ 6 часовъ, черезъ 1½ часа послѣ начала бомбардировки, по телефону передали, что 12-й полкъ благополучно овладѣлъ передовой траншеей, и тѣ изъ русскихъ, которые не были убиты, отступили на востокъ. Это извѣстіе сообщило всѣмъ присутствующимъ; всѣ очень обрадовались успѣшному окончанію атаки. Генералъ Тсучія былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и имѣлъ для этого полное основаніе; эта ужасная траншея была виновницей громаднхъ потерь людьми, и взятіе ея казалось предвѣстникомъ будущихъ успѣховъ. Генералъ послалъ въ свою штабъ-квартиру за нѣсколькими бутылками шампанскаго, которыя сейчасъ же открыли, и всѣ присутствующіе выпили за здоровье войскъ, производившихъ атаку и за успѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій.

Послѣ этого мы покинули наблюдательный пунктъ и начали съ большимъ трудомъ спускаться внизъ, по крутымъ склонамъ Дагушаня, къ штабъ-квартирѣ 11-й дивизіи, причемъ мы часто падали и все время скользили, такъ какъ гора была покрыта льдомъ и снѣгомъ.

Гостепріимные офицеры 11-й дивизіи отказались отпустить двухъ военныхъ агентовъ и меня домой раньше, чѣмъ мы не пообедали съ ними. Когда мы возвращались домой, въ темнотѣ началась подозрительная ружейная трескотня около батареи лит. Б (Хигаши Кейкваншань); всѣ были такъ довольны достигнутымъ успѣхомъ, что никто не обратилъ вниманія на ружейную стрѣльбу, и всѣ мы разошлись въ отличномъ расположеніи духа.

Ночью 10 (23) ноября по всему фронту 11-й дивизіи шла сильная стрѣльба, а утромъ 11 (24) я узналъ, что японцы опять были выбиты изъ занятаго ими укрѣпленія. Ночью, русскіе, подойдя къ траншеѣ съ запада и съ востока, произвели рѣшительную контръ-атаку и, въ концѣ концовъ, такъ сдавили съ двухъ сторонъ японскую пѣхоту, что принудили ее отойти назадъ и очистить занятую траншею. Такимъ образомъ, наканунѣ ночью мы отпраздновали успѣхъ японскаго оружія нѣсколько преждевременно. Эта неудача не увеличила шансовъ предстоящаго большого штурма на восточные форты и не подняла духъ арміи.

Вся артиллерія, начиная съ большихъ гаубицъ, была установлена на позиціяхъ вокругъ крѣпости; русскія позиціи бомбардировались систематически и почти ежедневно.

Передъ штурмомъ 13 (26) ноября японцы сочли лишнимъ посвятить нѣсколько дней непрерывной бомбардировкѣ, какъ передъ штурмомъ 17 (30) октября. Вѣроятно, они рѣшили: если за предшествовавшія три недѣли не могли нанести серьезнаго ущерба русскимъ оборонительнымъ сооруженіямъ, то за три лишніе дня и подавно ничего нельзя сдѣлать.

12 (25) ноября всѣ осадныя орудія японцевъ начали самую рѣшительную бомбардировку укрѣпленія № 3 (Шоюшань), форта III (Нирушань) и батареи лит. Б (Хигаши Кейкваншань). Даже ночью 12 (25) не было объявлено, что 13 (26) будетъ штурмъ; только подъ утро меня уведомили, что въ 1 ч. дня, если генералъ Ноги останется доволенъ общимъ положеніемъ дѣлъ, будетъ данъ сигналъ для наступленія пѣхоты.

ГЛАВА XX.

Штурмъ 26-го ноября.

Утромъ 13 (26) ноября я поѣхалъ къ штабъ-квартирѣ 9-й дивизіи, вблизи расположенія которой я наблюдалъ изъ блиндажа за всѣми большими атаками на восточный фронтъ крѣпости.

Когда я былъ уже въ пути и находился въ разстояніи около двухъ миль отъ деревни Тобошинъ, началась одна изъ тѣхъ усиленныхъ бомбардировокъ, которая всегда предшествовали штурмамъ на форты. По бѣшенству и силѣ эта бомбардировка превосходила всѣ предшествовавшія; въ ней участвовало большее количество 28 сант. гаубицъ, чѣмъ въ октябрѣ; бомбардировали фортъ III (Нирушанъ), укрѣпленіе № 3 (Шоюшанъ), а также фортъ II и батарею лит. Б. (группу Кейкваншанъ).

Въ 10 час. утра японская артиллерія открыла, въ послѣдній разъ, огонь по безформеннымъ кучамъ песку, камней, обугленныхъ бревенъ и обломковъ, въ которыя, по внѣшнему виду, превратились форты послѣ непрерывной бомбардировки.

Артиллеристы были такъ же самоувѣренны, какъ и утромъ 17 (30) октября. Они заявляли: укрѣпленія противника превращены въ груды развалинъ; когда пѣхота пойдетъ въ атаку, она не найдетъ въ траншеяхъ ни одного человѣка,

оставшагося въ живыхъ. Между тѣмъ, даже артиллерійскіе офицеры въ это время осады должны были относиться болѣе скептически къ ущербу, наносимому огнемъ артиллеріи. До сихъ поръ фортуна не благоприятствовала артиллеристамъ, и многіе изъ насъ считали, что только одна пѣхота пользуется ея расположеніемъ.

Русскіе, видимо, поняли, по огромной силѣ артиллерійскаго огня, что наступаетъ рѣшительный моментъ. Они рѣшили воспользоваться случаемъ, который могъ быть для нихъ послѣднимъ, и открыли, съ своей стороны, бѣшеный огонь по японской артиллеріи. Невозможно было приблизиться къ японскимъ батареямъ; русскіе снаряды разныхъ калибровъ рвались сотнями, вспахивая поверхность, разбрасывая по всѣмъ направленіямъ землю, песокъ, камни, обломки скалы, осколки, временами подбивая то или другое орудіе. Къ черному дыму русскихъ снарядовъ присоединялся бѣлый дымъ 28 сант. японскихъ орудій, выбрасывавшихъ послѣ каждого выстрѣла огромные шарообразные клубы дыма. Впечатлѣніе получалось очень оригинальное: у самой земли все было окутано чернымъ покровомъ, изъ середины котораго, послѣ каждого выстрѣла гаубицы, поднимался бѣлый шаръ, и вслѣдъ затѣмъ раздавался глухой гулъ. Часто невозможно было разглядѣть ни прислуги, ни орудія, настолько сильна была бомбардировка. Если временами вѣтерокъ разгонялъ завѣсу и открывалъ батарею, то можно было видѣть, какъ тяжела была работа артиллеристовъ; многіе работали безъ мундировъ, засучивъ рукава, хотя на землѣ лежалъ снѣгъ, совершенно не обращая вниманія на стальной ураганъ, который, казалось, каждую минуту долженъ былъ смести ихъ.

Я временно укрылся подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ на „усѣянной снарядами дорогѣ“, въ обычномъ мѣстѣ останковъ, на опасномъ переходѣ въ районъ 9-й дивизіи. Здѣсь желѣзнодорожная линія пересѣкаетъ грунтовую дорогу, а въ 100 ярдахъ (43 саж.) къ сѣверу отъ моста лежитъ высота, называемая японцами Данжанши ¹⁾, за которой стояли двѣ

¹⁾ Эта высота у насъ называлась «Сахарной головой». *Прим. перевод.*

28 сант. гаубицы. Русские сосредоточили свой огонь на этих орудиях; они выпускали столько снарядов по ближайшему к мосту участку дороги, что идти дальше—значило напрашиваться на гибель. Подъ сводами моста я застал несколько человек японских офицеров, солдат и ординарцев, тоже выжидавших затишья в стрельбе, чтобы попытаться пройти вперед. Здесь мы оставались больше трех четвертей часа и наблюдали, как в 100 ярдах от нас разстреливалась батарея; мы благодарили PROVIDENCE за крепкие своды железнодорожного моста, давшие нам защиту. За это время число лиц, укрывшихся под мостом, увеличилось, так как подошло сюда еще несколько нижних чинов и офицеров.

Здесь же оказалось несколько артиллеристов; так как их ожидали на батарее, то они должны были двинуться в путь по обстреливаемой дороге. Люди эти везли три ручных телѣжки, на которых находилась провизия для их товарищей по батарее. Им нужно было пройти всего 100 ярдов (43 саж.); только перейдя через дорогу, они оказывались под защитой высоты, за которой была установлена их батарея.

Подъ шутки и добродушные насмѣшки товарищей, первая телѣжка двинулась в опасный путь. Люди тащили ее несколько ярдов съ достоинством, но затѣм, услышав шипѣние снаряда, бросились во всю, стараясь поскорѣе достигнуть желанной цѣли. Одинъ снарядъ разорвался сзади них, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они были за секунду до этого, но они, тѣмъ не менѣе, благополучно добрались до закрытія. Остальные телѣжки слѣдовали за первой по очереди, и всѣ прошли благополучно; люди внимательно слѣдили за разрывами русских снарядов, пока не опредѣлили, какъ великъ интервалъ между выстрѣлами, которымъ затѣмъ и воспользовались.

На землѣ лежало довольно много снѣгу; каждый разъ, когда разрывался снарядъ, снѣгъ разбрасывался во всѣ стороны, и оставалось большое черное пятно на бѣлой поверхности.

Я уже началъ отчаяваться, доберусь ли я до 9-й дивизіи, многіе изъ японцевъ начали глазами измѣрять разстояніе, что указывало на ихъ желаніе попытаться двинуться вперед; въ это время огонь русской артиллеріи началъ ослабѣвать.

На нѣкоторое время японскіе артиллеристы сосредоточили свой огонь, главнымъ образомъ, на русскихъ батареяхъ; этотъ сосредоточенный огонь постепенно началъ оказывать вліяніе на артиллерію противника, заставивъ замолчать нѣкоторыя изъ его орудій. Это дало намъ возможность выйти изъ нашего закрытія и перейти подъ защиту гребня, гдѣ была расположена штабъ-квартира 9-й дивизіи.

Гребень этотъ не представляетъ ряда высотъ, а скорѣе—отдѣльную плоскую возвышенность въ долину Шуйшуннѣ, идущую, почти безъ повышенія, до подножія высотъ, на которыхъ построены русскіе форты. Во время наступленія, въ началѣ августа, японцы вырыли нѣсколько траншей на самомъ краю гребня, но затѣмъ эти траншеи были оставлены. Мой другъ, м-ръ Джеральдъ Морганъ, и я присвоили себѣ одну изъ нихъ, находившуюся въ разстояніи около 600 ярдовъ (257 саж.) отъ форта II (Сѣв. Кейкваншанъ), и оттуда наблюдали за всѣми большими атаками на восточные форты. Нельзя было найти болѣе удобнаго мѣста; съ такого короткаго разстоянія каждое орудіе, каждый человекъ, каждый штыкъ были хорошо видны, даже простымъ глазомъ, а въ сильный бинокль все видно было въ натуральную величину. Небольшія промонны вели отъ лагеря 9-й дивизіи къ высшей точкѣ плоской возвышенности, и въ концѣ одной изъ этихъ промоннъ находилось наше убѣжище. Безусловно необходимо было укрыться на этой позиціи до начала штурма, иначе вы могли попасть подъ пули русскихъ стрѣлковъ, обстрѣливающихъ японскую пѣхоту, когда она переходитъ черезъ гребень возвышенности по промоннамъ. Послѣ каждого боя можно было собрать здѣсь тысячи пуль.

Потерявъ много времени на „успѣнной снарядами дорогѣ“, я не могъ добраться до этого убѣжища ранѣе 12^{1/2} час. дня, т. е. за полчаса до штурма. М-ръ Дж. Морганъ, къ

сожалѣнію, уѣхалъ въ Соединенные Штаты, почему въ этотъ разъ я наблюдалъ одинъ. Мой блиндажъ имѣлъ около 5 футъ высоты; крыша его состояла изъ бревенъ, покрытыхъ земляными мѣшками. Къ моему крайнему огорченію, придя туда 13 (26) ноября, я увидѣлъ, что русскій снарядъ снесъ крышу и уменьшилъ глубину траншеи на 2 фута.

Мнѣ не суждено было остаться одному; войдя въ траншею, я засталъ тамъ буддистскаго священника и японскаго унтеръ-офицера, которые избрали это же мѣсто для наблюденія за атакой. Мы скоро стали друзьями и пытались завязать разговоръ при помощи нѣсколькихъ японскихъ, англійскихъ и французскихъ словъ, разныхъ знаковъ, нѣсколькихъ бутербродовъ съ ветчиной, бутылки краснаго вина и нѣсколькихъ папиросъ. Священникъ былъ отличный малый; онъ ходилъ по госпиталямъ, чтобы напутствовать умирающихъ, когда ихъ приносили изъ передовыхъ траншей; но это занятіе наскучило ему и, подъ вліяніемъ воинственныхъ инстинктовъ своей расы, онъ освободился на одинъ день и пришелъ посмотреть на большую атаку. Когда бой былъ въ самомъ разгарѣ, онъ такъ воодушевился, что сталъ надъ траншеей, весь на виду, и начать махать краснымъ шарфомъ. Послѣ конца боя онъ настоялъ, чтобы я зашелъ въ его помѣщеніе, гдѣ онъ угостилъ меня отличнымъ обѣдомъ. Я боюсь, что за день 13 (26) ноября нѣсколько сотъ японскихъ душъ ушли въ вѣчность безъ напутствія, такъ какъ священникъ былъ занятъ. Въ 8 час. вечера мой духовный другъ вернулся къ своимъ обязанностямъ и, одѣвъ праздничный нарядъ, отправился въ ближайшій госпиталь.

Я думаю, ничто не можетъ такъ возбуждать нервы, какъ ожиданіе сигнала, который долженъ быть данъ войскамъ для движенія въ атаку. Въ особенности это чувствовалось днемъ 13 (26) ноября. Такъ много ставилось на карту и столько тысячъ жизней клали на вѣсы, что минуты превращались въ цѣлые дни въ озабоченной фантазіи тѣхъ, кто былъ только наблюдателемъ этой картины. Съ своей позиціи я могъ видѣть сотни солдатъ, сосредоточенныхъ въ

передовыхъ траншеяхъ, у подножія батареи лит. Б. (Хигаши Кейкваншанъ). Японцы твердо рѣшили еще разъ попытаться взять роковую позицію, изъ которой они были выбиты 17 (30) октября и затѣмъ вновь 10 (23) ноября.

Въ подземномъ ходѣ, ведущемъ въ ровъ и къ контръ-эскарповымъ галлереймъ форта II (Сѣв. Кейкваншанъ) солдаты были набиты, буквально какъ сардинки въ коробкѣ. Траншеи близъ этого форта были усыяны стрѣлками, которые должны были своимъ огнемъ сдерживать огонь русскихъ, когда японская пѣхота будетъ пытаться эскаладировать брустверъ форта. Въ траншеѣ, ведущей къ подземному ходу, нѣсколько солдатъ были снабжены бамбуковыми штурмовыми лѣстницами, которыя были необходимы, чтобы взять фортъ.

Въ траншеяхъ подъ фортомъ III (Нирушанъ) происходило то же самое; укрѣпленіе № 3 (Шоюшанъ) было скрыто отъ моихъ наблюденій, но и тамъ была, вѣроятно, та же картина.

Вдоль линіи русскихъ фортовъ, отъ батареи лит. Б. (Хигаши-Кейкваншанъ), на востокъ, до укрѣпленія № 3 (Шоюшанъ), на западъ, все жило и двигалось. Цѣлые батальоны храбрецовъ доживали свой послѣдній часъ, передъ тѣмъ какъ погибнуть, служа родинѣ. Японскіе снаряды рвались надъ русскими фортами въ безчисленномъ количествѣ, какъ брызги волнъ океана; временами ничего не было видно, кромѣ сплошной пелены чернаго и бѣлаго дыма. Нельзя было не вспомнить о русскихъ, этихъ храбрецахъ, прижавшихся за разрушенными валами, укрывающихся отъ урагана желѣза въ углубленіяхъ, вырытыхъ глубоко въ землѣ, напряженно считавшихъ секунды, пока непріятельская пѣхота не бросится на нихъ.

Въ четверть перваго часа дня, 500 орудій бомбардировали русскіе форты и 50.000 человекъ ждали сигнала, чтобы броситься на врага. Ни одинъ солдатъ не двинулся, пока не былъ данъ сигналъ. Когда наступитъ моментъ, всѣ 500 орудій сразу прекратятъ огонь и каждый изъ этихъ 50.000

человѣкъ, если прикажутъ, бросится вмѣстѣ съ другими впередъ, въ атаку.

Теперь бросимъ взглядъ на тотъ механизмъ, который контролировалъ и руководилъ каждымъ движеніемъ этихъ 500 орудій и 50.000 человѣкъ. Источникъ власти находился на высотѣ, расположенной въ разстояніи около 2 $\frac{1}{2}$ миль отъ линіи русскихъ фортовъ. Нѣсколько ниже вершины, на скатѣ, видна была небольшая группа офицеровъ; они оставили своихъ лошадей внизу, подъ горой, и взошли по скату высоты на 600 футъ. Одного изъ нихъ можно было узнать по его одеждѣ; на немъ было пальто цвѣта хаки, отороченное мѣхомъ; когда онъ его открывалъ, видны были—короткая черная куртка, съ отворотами, бѣлые кожаные рейтузы и высокіе французскіе сапоги; на головѣ у него было кэпи съ краснымъ околышемъ. Лицо этого человека—серьезное, но доброе; голова его и волосы уже подернулись слегка сѣдиной, результатомъ трехмѣсячныхъ тяжелыхъ работъ и заботъ. Это былъ генералъ Ноги. Онъ смотрѣлъ на лежащую впереди линію высотъ и открытую долину, на дымящіеся форты и переполненные людьми траншеи. Около генерала Ноги стоялъ генералъ Иджичи; онъ носитъ очки и выглядит скорѣе профессоромъ, чѣмъ солдатомъ; поднявшись изъ траншеи, онъ смотрѣлъ въ подзорную трубу, установленную на станкѣ, и, когда что-нибудь обращало его вниманіе, онъ, отъ времени до времени, говорилъ нѣсколько словъ генералу Ноги. Вблизи стояла группа плохо одѣтыхъ офицеровъ; одни смотрѣли въ бинокли, другіе разсматривали карты, а нѣкоторые разговаривали между собой. На разстояніи человѣческаго голоса стояло нѣсколько ординарцевъ; у одного изъ нихъ около уха была одѣта приемная трубка телефона; разговорную трубку онъ держалъ въ рукѣ и, отъ времени до времени, говорилъ въ нее, когда офицеръ передавалъ ему какое-нибудь распоряженіе.

Эта небольшая группа офицеровъ—та машина, которая приводила въ движеніе весь сложный и удивительный бое-

вой механизмъ. Въ своихъ рукахъ и въ полномъ своемъ распоряженіи генералъ Ноги держалъ жизнь и судьбу 50.000 человѣческихъ существъ. Отчасти отъ него же зависѣла и судьба тѣхъ тысячъ людей, которые прижались среди развалинъ фортовъ, ожидая атаки. Одно слово могло выпустить этотъ мощный потокъ на скалы, за которыми собралось столько русскихъ; одно слово могло заставитьъ стрѣлять или прекратить огонь 500 орудій; каждое слово этого любезнаго, среднихъ лѣтъ, человека отзовется на исторіи всего міра.

Какой громадной властью владѣеть одинъ человѣкъ, и какая отвѣтственность! Какъ всякая другая власть блѣднѣетъ и кажется ничтожной передъ этою властью, которой въ данный моментъ обладалъ одинъ человѣкъ! Ораторы, которые руководятъ большими собраніями, государственные люди, которые создаютъ законы, министры, которые издаютъ законы, президенты, которые посылаютъ дипломатическія ноты, даже императоры, которые шлютъ телеграммы,—все они кажутся безсильными въ сравненіи съ этимъ человекомъ, стоящимъ на горѣ и ожидающимъ момента, чтобы по телефону сказать рѣшающее слово. Какъ ничтожны старанія большихъ капиталистовъ и знаменитыхъ финансистовъ, жаждущихъ получить власть надъ всемъ міромъ при помощи своихъ милліоновъ, когда одно слово этого человека, не умѣющаго объяснить разницы между „bull“ и „bear“ ¹⁾, можетъ повергнуть все биржи міра въ панику или оживленіе.

Посторонній человѣкъ, неожиданно подошедшій къ группѣ на горѣ, никакъ не могъ бы предположить, какой огромной властью облечена эта группа. По полному отсутствію какого-либо возбужденія можно было предположить, что они любятъся какимъ-нибудь видомъ или осматриваютъ новую

¹⁾ bull—спекуляція на повышеніе фондовъ; bear—спекуляція на пониженіе фондовъ; биржевые термины.

мѣстность. Какъ все это бѣдно, въ смыслѣ картинности, при сравненіи съ „финишемъ“ большой скачки; эти тысячи чело-
вѣкъ въ верхнихъ ложахъ, цѣлые десятки тысячъ внизу, истерическое возбужденіе, когда фаворитъ огибаетъ кривую и выходитъ на прямую, хриплые крики бѣдной и волну-
ющейся массы, рискнувшей нѣсколькими шиллингами на ре-
зультатъ скачки.

Здѣсь все тихо, спокойно и дѣловито. вмѣсто зрителей, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, 100000 бойцовъ, тоже одѣтыхъ современно, но въ одежду цвѣта „хаки“, каждый съ ружьемъ, ожидаютъ исхода. Тутъ нѣтъ „букмекеровъ“, устраняющихъ пари, и нѣтъ никого, чтобы отвести побѣдителя домой; ри-
сталище занято вооруженными людьми. Верхній ярусъ за-
нять полудюжиной плохо одѣтыхъ людей, среднихъ лѣтъ, которые, при помощи телефона, руководятъ ходомъ состя-
занія и служатъ судьями его результатовъ. Тутъ нѣтъ за-
кусокъ, выставленныхъ въ палаткѣ, и не слышится веселое
хлопанье пробокъ; эту роскошь замѣняетъ небольшая со-
ломенная корзина, наполненная скудной закуской и бутыл-
ками, содержимое которыхъ напоминаетъ, по виду и на
вкусъ, плохой хересъ. Все это слѣдовало бы измѣнить. Слѣ-
довало бы соорудить большія трибуны, на самомъ театрѣ
военныхъ дѣйствій, и заполнить ихъ королями, министрами,
элегантной публикой и массой волнующихся людей, всѣми
тѣми, кто дѣйствительно можетъ выиграть или потерять отъ
исхода войны. Здѣсь вѣдь кладутъ на вѣсы судьбу наро-
довъ; дѣло идетъ о долговыхъ обязательствахъ націи, и рѣ-
шается судьба государствъ.

Стрѣлки часовъ показываютъ почти часъ дня, почему
пора вернуться къ тѣмъ тысячамъ солдатъ, которые напол-
няютъ траншеи у подошвы фортовъ. Небольшая группа лю-
дей, на горѣ, еще разъ посмотрѣла въ бинокли на дымящіяся
высоты, находящіяся въ разстояніи 2½ миль отъ нихъ. На-
чальникъ штаба сказалъ нѣсколько словъ генералу Ноги,
который отвѣтилъ ему тихимъ голосомъ, послѣ чего гене-
ралъ Иджичи обернулся къ ординарцу у телефона и сказалъ

ему нѣсколько словъ. Ординарецъ слушалъ внимательно,
кивая головой, и отъ времени до времени вставлялъ свое
„Sodeska, sodeska!“ (слушаю), когда начальникъ штаба что-
нибудь особенно подчеркивалъ; затѣмъ ординарецъ прило-
жилъ ротъ къ телефонной трубкѣ и нѣсколько секундъ го-
ворилъ въ нее. Роковое распоряженіе пошло по своему пути.
Группа на высотѣ, сдѣлавъ свое дѣло, расположилась вдоль
траншеи и начала внимательно наблюдать за фортами.

Нѣсколько минутъ ничего не было замѣтно. Затѣмъ,
вдругъ пересталъ рваться градъ снарядовъ; черезъ нѣ-
сколько секундъ изъ траншеи у подошвы батареи лит. Б.
(Хигаши Кейкваншанъ) сотни японскихъ солдатъ вылезли
и начали двигаться на русскую позицію.

У подошвы форта II (Сѣверный Кейкваншанъ) люди на
нѣсколько секундъ скрылись изъ виду въ галлерей, ве-
дущей въ ровъ; затѣмъ, у верхняго края эскарпа появились
штурмовыя лѣстницы, а вслѣдъ за ними и головы людей.

На форту III (Нирушанъ) кучка солдатъ бросилась впе-
редъ по насыпи, образовавшейся отъ набросанныхъ въ ровъ
обломковъ; насыпь, однако, далеко не доходила до гребня
эскарпа, и они тоже должны были пользоваться штурмо-
выми лѣстницами. То же происходило и на укрѣпленіи № 3
(Шоюшанъ).

Бой начался; необходимо прослѣдить за ходомъ его воз-
можно подробнѣе, начиная съ батареи лит. Б. (Хигаши Кей-
кваншанъ).

Японская артиллерія не теряла времени; орудія ея сосре-
доточили огонь по мѣстности, въ тылу атакованныхъ фор-
товъ, и по позиціямъ, съ которыхъ можно было направить
огонь по штурмующимъ отрядамъ.

Атака на батарею лит. Б (Хигаши Кейкваншанъ), произ-
веденная 12 полкомъ, была почти точнымъ повтореніемъ
штурма 17 (30) октября; въ первый разъ, японская пѣхота
вышла прямо изъ своей траншеи и двинулась вверхъ, по
скату укрѣпленія, гдѣ и потерпѣла полную неудачу; во вто-
рой же разъ, пѣхота вышла изъ траншеи черезъ три голов-

ных сапы и бросилась впередъ, черезъ промежутокъ въ 20—30 ярдовъ (30—40 шаг.), отдѣлявшій ее отъ русской траншеи. Русскіе изъ этой траншеи и съ высотъ, лежащихъ сзади, открыли губительный ружейный огонь по головнымъ сапамъ, которыя быстро наполнились убитыми и ранеными. Оставшіеся въ живыхъ дрались съ величайшей храбростью и, блестяще руководимые своими офицерами, продолжали двигаться впередъ; черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала атаки, центральная и восточная части русской траншеи были въ рукахъ японцевъ. Русская пѣхота отступила въ западный участокъ траншеи и, собравшись здѣсь, держалась среди блиндажей, земляныхъ мѣшковъ, кучъ земли и обломковъ. Японцы принуждены были выбить русскихъ отсюда, раньше чѣмъ продолжать движеніе вверхъ, иначе фланговый огонь привелъ бы атаку къ неудачѣ. Несмотря на крайнее напряженіе японской пѣхоты, выполнить это ей не удалось, такъ какъ русскіе стрѣлки, съ окружающихъ высотъ, выбивали несчастныхъ солдатъ одного за другимъ, когда они бросались налѣво и атаквали русскихъ, засѣвшихъ въ этой траншеѣ, большая часть которой была уже занята японцами. Траншея такъ переполнена была обломками и земляными мѣшками, что многіе изъ японскихъ солдатъ, убѣдившись въ невозможности добраться до противника, пробивъ себѣ путь черезъ всѣ эти преграды, рѣшили обойти ихъ снаружи и такимъ образомъ попали подъ огонь русскихъ стрѣлковъ, уничтожавшихъ каждую группу людей, при первомъ ея появленіи.

Изъ японскихъ головныхъ сапъ храбро двинулись впередъ подкрѣпленія. Полковое знамя вынесли впередъ, по открытой и обстрѣливаемой полосѣ шириной въ 30 ярдъ (около 40 шаговъ), но не прошло оно и полпути, какъ знаменщикъ былъ убитъ; другой занялъ его мѣсто и схватилъ знамя, раньше чѣмъ оно успѣло упасть. Около минуты знамя высоко развѣвалось между линіями противниковъ и потомъ сразу упало на землю, когда второй, несшій его,

человѣкъ былъ убитъ; затѣмъ, въ теченіе дня знамя еще три раза переходило отъ одного къ другому.

Трудно понять, какая польза, подъ непріятельскимъ огнемъ, выносить впередъ такую замѣтную цѣль; число жертвъ среди младшихъ офицеровъ, на долю которыхъ выпала честь нести эту славную, но и опасную эмблему, было очень велико. Въ теченіе всего остального дня бой поддерживался отдѣльными людьми, хотя всякая надежда на успѣхъ уже была потеряна. Позже, кой-кто, изъ оставшихся въ живыхъ, пытался обратиться назадъ, подъ защиту своихъ собственныхъ траншей, но всѣ они были перебиты во время отступления. Всѣ офицеры производившаго атаку баталіона были либо убиты, либо ранены, при чемъ одни пулями, другіе ручными гранатами, которыми русскіе опять пользовались весьма успѣшно.

Въ то время, какъ разыгрывалась эта борьба на батарее лит. Б (Хигаши Кейкваншань), еще болѣе ожесточенная борьба происходила у форта II (Сѣвер. Кейкваншань).

Какъ я уже указывалъ, японцы сдѣлались хозяевами контръ-эскарповыхъ галлерей, а вслѣдствіе этого держали въ своихъ рукахъ ровъ сѣвернаго фаса форта. Чтобы достигнуть верхняго гребня наружной отлогости бруствера, они должны были установить штурмовыя лѣстницы у эскарпа; затѣмъ они рассчитывали, что, добравшись до бруствера, они будутъ въ состояніи пробиться внутрь форта и выбить оттуда русскихъ. Это предпріятіе зависѣло, въ значительной степени, отъ размѣровъ поврежденій, нанесенныхъ 28 сант. снарядами, тысячи которыхъ были брошены на фортъ за послѣдній мѣсяцъ. Однако, размѣръ поврежденій, нанесенныхъ внутренности форта, былъ неизвѣстенъ; знали только, что русскіе всегда тщательно исправляли всякое поврежденіе, какъ только оно появлялось. Японцы, при обстрѣливаніи форта, направляли артиллерійскій огонь по гребню бруствера, надѣясь разрушить расположенные здѣсь блиндажи, за которыми укрывалась русская пѣхота. Несомнѣнно, гребню бруствера было нанесено много поврежденій, но по ночамъ русскіе возстановляли свою передовую

линію обороны, укладывая на пострадавшие участки ряды земляных мѣшковъ. Гребень бруствера и банкетъ, траверсами изъ земляныхъ мѣшковъ, были раздѣлены на небольшіе участки, чтобы ограничить такимъ образомъ дѣйствіе каждаго разорвавшагося снаряда, подобно тому, какъ дѣлается это въ казематахъ броненосца.

Во время штурма русская пѣхота, укрытая среди обломковъ и земляныхъ мѣшковъ, ожидала появленія японцевъ, и было совершенно ясно, что въ переднихъ рядахъ атакующихъ должны быть перебиты всѣ до послѣдняго человѣка, если артиллеріи не удалось предварительно изгнать русскихъ изъ ихъ закрытій на брустверѣ.

Штурмовыя лѣстницы нужно было приставлять къ нижней части эскарпа ¹⁾, т. е. къ той его части, которая была совершенно отвѣсна. Такимъ путемъ пѣхота могла добраться до верхней части эскарпа, болѣе пологой и позволявшей большому числу людей получить точку опоры, хотя и не особенно вѣрной, и ползти вверхъ, цѣпляясь другъ за друга.

Фортъ II (Сѣв. Кейкваншанъ) 13 (26) ноября представлялъ картину, рѣдкую въ войнахъ всѣхъ временъ, которую едва-ли кто наблюдалъ при современныхъ условіяхъ. Я видѣлъ картины, изображавшія бои и штурмы фортвовъ сто лѣтъ тому назадъ, которые очень напоминаютъ то, что я стараюсь описать. Штурмы крѣпостей Бадахось и Цудадъ-Родриго ²⁾ особенно похожи на это; изъ позднѣйшаго времени можно указать штурмы Малахова Кургана, во время осады Севастополя.

Когда, въ часъ дня, дали сигналъ къ наступленію, вер-

¹⁾ Подъ названіемъ «эскарпъ» авторъ, очевидно, подразумѣваетъ не только эскарпъ, но и наружную отлогость бруствера.

²⁾ Бадахось и Цудадъ-Родриго—крѣпости въ Испаніи. Во время наполеоновскихъ войнъ онѣ были заняты французами. Въ 1812 году англійскія войска, подъ начальствомъ Веллингтона, осаждали эти крѣпости; французы оказали упорное сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе обѣ крѣпости были взяты англичанами.

Прим. перевод.

хушки бамбуковыхъ штурмовыхъ лѣстницъ поднялись со дна рва, и затѣмъ люди начали медленно и осторожно взбираться на нихъ. Бывшій впереди человѣкъ утвердился на верхней, болѣе пологой, части ската и помогъ нѣсколькимъ своимъ товарищамъ взобраться къ нему; вскорѣ, такимъ образомъ, собралось значительное количество атакующихъ, 20—30 человѣкъ по фронту и нѣсколько шеренгъ въ глубину; эта группа заняла всю наружную отлогость бруствера; задніе ряды стояли на лѣстницахъ, ожидая пока не освободится для нихъ мѣсто на скатѣ. Эта масса людей, цѣплявшихся другъ за друга, была такъ густа, что можно было ходить по ихъ головамъ. Въ такомъ строю, имѣя офицеровъ съ обнаженнымъ оружіемъ на обоихъ флангахъ, колонна двинулась впередъ; передняя шеренга сейчасъ же добралась до ската бруствера и затѣмъ оказалась совершенно открытой. Ужасный залпъ со стороны русскихъ, укрытыхъ среди земляныхъ мѣшковъ, смелъ голову колонны и усѣялъ скатъ убитыми и ранеными. Колонна заколебалась въ своемъ движеніи впередъ и, въ концѣ концовъ, остановилась. Вторая и третья шеренги, не желая раздѣлить участь своихъ товарищей, бывшихъ впереди, пытались уйти назадъ.

Къ несчастью, люди въ заднихъ рядахъ и на лѣстницахъ, не имѣя возможности видѣть, каково положеніе дѣлъ впереди, старались продвигаться впередъ и, давленіемъ своей компактной массы, продвинули впередъ слѣдующую шеренгу, показавшуюся на скатѣ бруствера. Эти люди сейчасъ же раздѣлили участь первой шеренги; стоявшіе сзади кричали — „впередъ!“ тогда какъ бывшіе впереди кричали — „назадъ!“.

Офицеры, бывшіе на флангахъ, замѣтивъ, что колонна колеблется, бросились впередъ и начали подгонять своихъ людей. Давленіе сзади сдѣлало то, что многіе сразу оказались у гребня бруствера, среди земляныхъ мѣшковъ, и должны были вступить въ рукопашный бой съ русскими, при чемъ много русскихъ было заколото штыками.

Когда русскіе увидѣли, что японцамъ удалось занять скатъ бруствера, они вышли изъ-за своихъ закрытій и под-

нялись, чтобы встрѣтить своихъ враговъ штыкомъ. Это было блестящее, достойное лучшихъ традицій русскихъ, зрѣлище; эти великаны бородачи вдругъ поднялись изъ-за бруствера и встрѣтили лицомъ къ лицу солдатъ Микадо, выглядѣвшихъ передъ ними карликами.

Затѣмъ бой разбился на рядъ отдѣльныхъ схватокъ между людьми, отдѣленными другъ отъ друга земляными мѣшками; маленькая фигурка, избравъ себѣ какого-нибудь русскаго борца, бросается на него со штыкомъ, но обыкновенно исходъ столкновенія несчастенъ для этой фигурки; мнѣ казалось, что русскіе отлично умѣли владѣть своимъ штыкомъ на такомъ близкомъ разстояніи. Видимо, японцы не жалѣли себя, и каждый солдатъ бился съ ожесточеніемъ, пока его не убивали. Отъ времени до времени офицеръ махалъ шашкой въ воздухъ и бросался на нѣсколько ярдовъ впередъ, съ ожесточеніемъ рубя какого-нибудь русскаго, защищавшагося до послѣдней возможности своимъ штыкомъ. Многіе японцы, чтобы поддержать своихъ товарищей, храбро поднимались и не пытались найти себѣ закрытіе, старались уложить возможно больше русскихъ, пока ихъ не пристрѣливали.

Наблюдая очень внимательно, я, кажется, не видѣлъ, чтобы хотя одинъ изъ этихъ людей простоялъ болѣе 30 секундъ, не будучи пристрѣленъ; однако, въ этотъ короткій промежутокъ времени, каждый изъ нихъ имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, и, быть можетъ, убить кого-нибудь, а это было все, чего онъ желалъ.

Въ этой ожесточенной схваткѣ за обладаніе брустверомъ у русскихъ было одно большое преимущество; они пользовались ручными гранатами, тогда какъ японцамъ приходилось довольствоваться винтовками и штыками. Когда люди отдѣлены другъ отъ друга только нѣсколькими рядами земляныхъ мѣшковъ, то винтовка почти не находитъ примѣненія, а ручная граната—это все, такъ какъ послѣднюю можно бросить въ самую середину группы противника. Русскіе непрерывно поднимались и бросали небольшія жестяныя

коробочки, блестящія на солнцѣ, въ середину своихъ враговъ, державшихся по ту сторону стѣнки изъ мѣшковъ. Затѣмъ коробочка разрывалась, разбрасывая несчастныхъ японцевъ во всѣ стороны.

Русскіе употребляли ручныя гранаты разныхъ образцовъ: однѣ—были сдѣланы въ видѣ круглыхъ желѣзныхъ шаровъ съ привязаннымъ шнуромъ, который надо было зажигать,—это очень старый образецъ, вѣроятно найденный въ Портъ-Артурѣ, когда приняли его отъ китайцевъ; другія—состояли изъ небольшой продолговатой коробочки, наполненной порохомъ; наконецъ, третьи, наиболѣе разрушительныя,—были сдѣланы изъ пироксилина, уложеннаго въ небольшой мѣшочекъ изъ бумажной ткани, имѣли видъ сосиски и снабжены были детонаторомъ.

Хотя многіе изъ храбрыхъ японскихъ солдатъ доблестно вели борьбу на брустверѣ форта II (Сѣв. Кейкваньшань), однако скоро стало замѣтно, что атака ослабѣваетъ; большая часть людей только удерживалась на своей позиціи, на наружной отлогости бруствера, не продвигаясь впередъ и не отступая.

Я видѣлъ, какъ одинъ японскій солдатъ взялъ брошенную въ него гранату, пока она не успѣла еще разорваться, и бросилъ ее назадъ въ русскихъ.

Нѣкоторые офицеры выдвигались впередъ, махая своими саблями, и напрасно старались заставить своихъ людей броситься на фортъ. Одного офицера я особенно хорошо замѣтилъ; онъ долго расхаживалъ, махая по воздуху своимъ самурайскимъ мечемъ, дѣлая ужасно большіе шаги, что придавало ему видъ пьянаго. Онъ казался заколдованнымъ и долгое время оставался невредимъ, но, въ концѣ концовъ, его уложила пуля и онъ скатился на нѣкоторое разстояніе внизъ, по скату. Здѣсь онъ пришелъ въ себя и опять поднялся вверхъ; онъ сѣлъ подъ самымъ скатомъ бруствера и къ нему присоединились еще два другихъ офицера. Всѣ трое, очевидно, обсуждали положеніе; въ эту группу откуда-то упалъ снарядъ и разорвался; я надѣюсь, что снарядъ былъ

русский, хотя возможно, что это был 28 сант. японский снаряд. Когда дымъ разсѣялся, отъ этихъ трехъ человѣкъ не осталось слѣда; либо они были совершенно разорваны, либо были сброшены въ ровъ.

Трудно себѣ представить что-либо ужаснѣе того ада, который царилъ на форту II (Сѣв. Кейкваньшань), днемъ 13 (26) ноября, и ничто не могло съ нимъ сравниться. Русскіе и японскіе снаряды рвались надъ фортомъ. Японская артиллерія, установленная за высотами, не имѣла возможности видѣть свою цѣль и постоянно пускала снаряды въ середину своихъ-же людей, такъ какъ сражавшіеся находились слишкомъ близко другъ отъ друга. Это случалось довольно часто, такъ какъ японцы не обращали вниманія на подобное обстоятельство и были расточительны въ расходованіи человѣческихъ жизней, когда они рѣшили—взять позицію.

Русскіе ручныя гранаты наносили огромныя потери японской пѣхотѣ; многихъ охватывала паника, они убѣгали внизъ и, въ концѣ концовъ, скатывались на дно рва. Убитые и раненые тоже падали съ края отлогости внизъ, на дно рва, съ высоты около 40 футъ, сбивая при этомъ людей, еще державшихся на мало надежной опорѣ, и сбрасывая при паденіи даже штурмовыя лѣстницы.

Въ рвы форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань) русскіе выливали керосинъ; это еще болѣе увеличивало ужасы борьбы на этихъ укрѣпленіяхъ, такъ какъ во рвахъ было много соломы, набросанной туда для образованія переходовъ черезъ ровъ, по которымъ пѣхота должна была атаковать. Когда защитники замѣтили, что много людей возится на днѣ рвовъ, они бросили ручныя гранаты на пропитанную керосиномъ солому и подожгли ее. Сотни японскихъ солдатъ погибли, такимъ образомъ, во рвахъ этихъ укрѣпленій.

До заката солнца, на форту II (Сѣв. Кейкваньшань) японская пѣхота удерживала свою позицію, на наружной отлогости бруствера, но было очевидно, какъ только первый натискъ былъ отбитъ, что мало надежды—взять фортъ. От-

дѣльные люди продолжали поддерживать борьбу, но рѣшительнаго натиска впередъ, всѣмъ отрядомъ, уже не было. Около 3½ часовъ дня, на правомъ флангѣ штурмовой колонны появился офицеръ крупнаго чина, въ черной одеждѣ. Его присутствіе, казалось, сразу подбодрило солдатъ и заставило ихъ сдѣлать новыя усилія. Колонна продвинулась впередъ на нѣсколько ярдовъ, но затѣмъ она остановилась и этимъ дѣло окончилось. Пѣхота держалась на мѣстѣ до наступленія ночи, а затѣмъ отступила въ контръ-эскарповыя галереи.

Штурмы форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань), днемъ 13 (26) ноября, въ сущности, были повтореніемъ того, что происходило на форту II (Сѣв. Кейкваньшань). Тотъ же рѣшительный натискъ пѣхоты, и такая же отчаянная оборона русскими брустеровъ. Такъ какъ эти всѣ атаки велись одновременно, то я не могъ слѣдить за деталями штурмовъ форта III и укрѣпленія № 3; я сосредоточилъ все свое вниманіе на форту II (Сѣв. Кейкваньшань) и все происходившее здѣсь видѣлъ отлично. Тѣмъ не менѣе, я часто поглядывалъ на фортъ III (Нирушань), чтобы замѣтить, что происходило на мрачныхъ отлогостяхъ этого форта. Вынесенное мною изъ этихъ наблюдений впечатлѣніе ужасно. Я видѣлъ здѣсь большія группы солдатъ, появившихся на одинъ моментъ надъ горизонтомъ; они смѣшивались съ развѣвающимися знаменами, блескомъ штыковъ и шашекъ. Затѣмъ эти фигуры, по двадцати и тридцати человѣкъ одновременно, скатывались съ наружной отлогости бруствера на дно рва. Ихъ мѣста сейчасъ же занимали новые герои, которые черезъ нѣсколько мунуть подвергались той же участи. Отъ времени до времени, изъ рва появлялся большой языкъ пламени, съ клубами чернаго дыма; это горѣлъ керосинъ и солома. Когда день началъ меркнуть, вершина форта III (Нирушань) покрылась черными фигурами, лежавшими безъ движенія. То были тѣла убитыхъ на гребнѣ бруствера. Храбрый натискъ японской пѣхоты не привелъ къ успѣху. Каждая новая атака только увеличила число убитыхъ и ране-

ныхъ; въ концѣ концовъ, атаки прекратили; это произошло почти одновременно съ отраженіемъ атаки японцевъ на фортъ II (Сѣв. Кейкваншань).

25-й полкъ, штурмовавший укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), наткнулся на тѣ же препятствія и такъ же потерпѣлъ неудачу, какъ и его товарищи на фортѣ III (Нирушань).

Бой, очевидно, котораго я былъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ теченіе ночи и длилось безъ перерыва до самаго утра 14 (27)-го ноября. Если когда либо армія и ея генералы теряли голову, то именно это случилось съ японской арміей въ данномъ случаѣ. Они вели себя какъ игроки, которые, потерявъ болѣе чѣмъ имѣли право потерять, рѣшаются поправить свои дѣла отчаяннымъ ударомъ, который можетъ принести либо удачу, либо еще большую потерю.

Подъ прикрытіемъ темноты, произведенъ былъ рядъ новыхъ атакъ по всей линіи, отъ батареи лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань), до укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Программа была частью утверждена, частью импровизирована. Кажется, солдаты скоро совсѣмъ вышли изъ рукъ начальниковъ: они по личной инициативѣ бросались на врага, съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти, въ безумномъ стремленіи утвердиться на брустверахъ фортовъ.

Вслѣдствіе темноты не было и не могло быть послѣдовательности и взаимной поддержки между отдѣльными атаками.

12-й полкъ опять штурмовалъ батарею лит. Б (Хигаши-Кейкваншань), и одинъ баталіонъ полка былъ уничтоженъ при этомъ.

22-й полкъ возобновилъ свои атаки на фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), чтобы опять быть отброшеннымъ обратно въ ровъ, и опять съ огромными потерями.

Войска изъ редутовъ № 1 и № 2 (Банрушань) произвели демонстративную атаку противъ Китайской стѣны и Б. Орлинаго гнѣзда (Бодай).

36-й полкъ наступалъ со стороны капонира № 3 (Хачи-

мачаяма) и взялъ нѣсколько русскихъ траншей передъ Китайской стѣной, но дальше продвинуться не могъ.

Атака 18-й бригады на фортъ III (Нирушань) носила особенно бѣшенный характеръ; нѣкоторымъ штурмовымъ колоннамъ удалось пройти черезъ разрушенный капониръ и дойти до ската бруствера, но ихъ скосилъ огонь пулеметовъ и стрѣлковъ.

Попытки 25-го и 3-го полковъ, атаковавшихъ укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), были такъ же неудачны. Ни на одномъ изъ укрѣпленій не утвердились японцы, несмотря на доблесть, которую рѣдко можно видѣть на войнѣ.

Единственная, дававшая нѣкоторую надежду на успѣхъ, атака была поведена генераломъ Накамура на Курганную батарею (Прикрывающій фортъ Шоюшань).

Когда 36-й полкъ, наступая со стороны капонира № 3 (Хачимачаяма), взялъ нѣсколько русскихъ траншей передъ Китайской стѣной, у генерала Накамура явился планъ, который, какъ онъ думалъ, могъ привести къ побѣдѣ. Онъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе генерала Ноги, произвести ночную атаку на Курганную батарею (Прикрывающій фортъ Шоюшань).

Отроги высоты, на которой была построена батарея, выходятъ въ долину Шуйшуинъ; если бы это укрѣпленіе было взято и въ то-же время 36-му полку удалось бы пройти черезъ Китайскую стѣну, около капонира № 3 (Хачимачаяма), то фортъ III (Нирушань) и укрѣпленіе № 3 (Шоюшань) могли бы быть взяты.

Слишкомъ много риска было въ этомъ проектѣ, чтобы можно было оправдать его; развѣ только одно могло служить оправданіемъ, что люди дошли до крайней степени отчаянія отъ постоянныхъ неудачъ.

Колонна генерала Накамура, силой въ 2000 человекъ, вышла изъ деревни Шуйшуинъ въ полночь; ихъ немедленно открыли русскіе прожекторы, послѣ чего попытка эта уже была обречена на неудачу. Единственная вѣроятность достичь успѣха заключалась въ полнѣйшей неожиданности, и какъ

только лучи свѣта обратили вниманіе гарнизона на движеніе японцевъ, попытку надо было оставить. Но, къ сожалѣнію, не въ характерѣ японцевъ отказываться отъ отчаяннаго предпріятія, разъ оно рѣшено, даже если условія вдругъ измѣнились къ худшему.

Русскіе не пытались остановить эту колонну отчаянныхъ людей, пока они не поднялись на половину склона высоты; затѣмъ они навели свои прожекторы на это мѣсто, и полился свинецъ на голову колонны. Генераль Накамура упалъ съ прострѣленными обѣими ногами. Полковникъ, старшій за нимъ въ чинѣ, упалъ мертвымъ, на нѣсколько ярдовъ выше. Другіе офицеры бросились къ головѣ колонны и убѣждали людей идти впередъ. У самого гребня высоты было устроено проволочное загражденіе; ни одному японцу не удалось пройти черезъ это препятствіе; всѣ были пристрѣлены, когда приближались къ нему.

По окончаніи осады, шесть недѣль спустя, тѣла этихъ людей лежали тамъ же, гдѣ они пали; холодъ ихъ отлично сохранилъ. Грустная представлялась картина, если подняться на эту высоту и посмотреть на печальный путь, по которому съ безцѣльной доблестью прошелъ Накамура. Къ счастью самъ генераль былъ раненъ не смертельно; его отвезли въ тылъ, отправили въ Японію, и онъ въ послѣдствіи поправился.

Невозможно описать болѣе детально всѣ штурмы, отбитыя атаки и всѣ неудачи этой ночи 13 (26) ноября. Приблизительное понятіе о томъ, что происходило, можно составить, если представить зимнюю морозную ночь, и рядъ вершинъ разной высоты, которыя вдругъ загораются огнями. Среди пламени рвутся мины, снаряды и ручныя гранаты; цѣлую ночь бьются—народъ, исповѣдывающій буддійскую религію, съ христіанскимъ народомъ—за обладаніе этой линіей пламенѣющихъ высотъ; они бросаются другъ на друга со штыками, пристрѣливаютъ другъ друга, разрываютъ другъ друга въ куски динамитными гранатами, сбрасываютъ штурмовыя лѣстницы въ глубокіе рвы, наполненные обломками,

пропитанными керосиномъ, и освѣщенные гранатами; крики „Банзай!“, проклятія, стоны—все это смѣшивается съ грохотомъ артиллеріи, трескомъ пулеметовъ и непрерывной ружейной стрѣльбой. Артиллерія поддерживаетъ этотъ адъ, посылая разрушительный огонь, безъ разбора, друзьямъ и врагамъ.

Медленно шла эта ужасная ночь, въ теченіе которой тысячи человѣкъ погибли. При этомъ, вражда между людьми была не ихъ личная и не ими созданная. Люди дрались по приказу своихъ повелителей, находившихся за тысячи миль отсюда.

Нарушался ли сонъ повелителей въ эту ночь, когда 12,000 человѣкъ были убиты и ранены?

Разсматривая событія черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, они кажутся странными и неестественными, но въ то время, когда трагедія разыгрывалась, и руководители, и актеры и даже аккомпаниментъ музыки—все соотвѣтствовало другъ другу.

Инстинктъ разрушенія врожденъ человѣку; этотъ инстинктъ находитъ удовлетвореніе, когда человѣкъ видитъ, что все въ огнѣ, и люди бьются за обладаніе тѣмъ, что они же пытаются разрушить. Человѣкъ, не испытывшій этого, не можетъ понять подобное настроеніе.

Трагедія скоро становится общимъ мѣстомъ. „Какое прекрасное зрѣлище!“, „Я надѣюсь, что съ нихъ довольно“, „Хорошо ихъ нагрѣли“, „Я думаю, мы насмотрѣлись, идемъ домой обѣдать“—вотъ фразы, которыя въ это время можно было слышать повсюду.

Подъ Портъ-Артуромъ зритель могъ устать отъ этой бойни. Часто приходилось слышать, когда прибывалъ ординарецъ изъ штаба-квартиры, съ извѣстіемъ о предстоящемъ штурмѣ: „Мы пойдемъ смотрѣть?“—„Мнѣ надоѣло смотрѣть на эти бои, я думаю, остаться“. Въмѣсто—„Сегодня вечеромъ я не воспользуюсь своей ложей въ оперѣ, мнѣ надоѣло слушать Мельба“—говорили: „Сегодня днемъ я не воспользуюсь своимъ блиндажемъ, во время штурма, мнѣ надоѣло

наблюдать за Инчинохе". Мотивы этих двух решений одинаковы, только обстановка различная.

Потери японцев на этих четырех укреплениях трудно оценить. По мнению одного генерала, они достигали 12.000 человек убитых и раненых. Потери японцев во всех операциях, с 13 (26) ноября по 22 ноября (5 декабря) больше 22.000 человек убитых и раненых, почему цифру потерь в 12.000 человек, на всем восточном фронте 13 (26) ноября, нельзя считать преувеличенной.

Руководя действиями своей дивизии во время штурма 13 (26) ноября, был серьезно ранен генерал-лейтенант Тсучия.

В этот день он находился не в своем блиндаже, у подножия Дагушаня, а вышел вперед, во вторую линию траншей, чтобы быть поближе к русской позиции. Он наблюдал через бойницу; в это время ружейная пуля попала ему в лоб и прошла насквозь через голову. Генерал свалился в траншею и был поднят мертвым. Он, однако, был ранен не смертельно; проводя несколько дней между жизнью и смертью, в полусознательном состоянии, он, в конце концов, настолько оправился, что мог быть отправлен в Японию, где впоследствии совершенно выздоровел. Впрочем, мало вероятно, чтобы Тсучия когда-нибудь оказался в состоянии выйти на поле брани.

11-я дивизия, таким образом, осталась без начальника, но скоро на вакантную должность был назначен другой.

В начале ноября в газетах, по японскому обычаю, появилось известие, что выдающийся инженерный офицер, генерал-лейтенант Самеджима, покинул Токио, получив новое назначение; он командирован был, как оказалось, в Порт-Артур.

Ген. Самеджима был специально послан из Японии, руководить предполагавшимися инженерными работами против долговременных фортов. Он получил командование 11-й дивизией, когда Тсучия был ранен, и оставался на этой должности в течение остального времени осады.

Я покинул свое убежище, когда наступила ночь, и направился вниз, чтобы в полумраке посмотреть на последствия неудачи. Сотни раненых солдат лежали около госпиталей; новые сотни ежеминутно прибывали из боевой линии. Одних приносили на носилках, другие сами с трудом тащились. Снаружи палаток врачи, наклонясь над ранеными, отделяли более тяжелые случаи для оказания помощи; внутри—другие врачи производили операции, насколько возможно быстрее. Заметна была сильная угнетенность; все огромные жертвы, понесенные войсками в этот день, были напрасны. Тысячи легли, ничего не достигнув своей смертью. На „усыпанной снарядами дороге“ я наткнулся на нескончаемый ряд носилок, на которых китайцы относили раненых в тыл. С ними тащились легко-раненые солдаты, которым отказано было в носилках. Иногда, они поддерживали друг друга: раненый в ногу опирался на плечо другого, раненого в руку, чтобы использовать таким образом все, оставшиеся у обоих здоровыми, члены.

Несмотря на их страдания, не слышно было слов жалобы; каждый переносил свое несчастье с стоицизмом, и если выражались сожаление или упреки, то они относились к неудаче, за которую каждый из них считал себя отчасти ответственным.

Так кончилась третья общая атака на восточный фронт крепости. События 10 (23) Августа, 17 (30) октября и 13 (26) ноября составят неизгладимые страницы в японской военной истории. Оставляя в стороне вопрос насколько можно оправдать эти атаки, все, что человеческое упорство и храбрость могут дать, было использовано для обеспечения успеха атаки. Однако, есть препятствия, которые даже лучшие войска в мире не могут одолеть; свинец и сталь всегда будут сильнее мускулов, как-бы ни был могуществен дух, влекущий людей вперед, во время атаки.

ГЛАВА XXI.

Штурмъ и взятіе Высокой Горы.

(Высота 203 метра).

Начальникъ штаба маршала Ояма, генераль баронъ Ко-
дама и генераль Фукашима прѣехали изъ Маньчжуріи пе-
редъ штурмомъ 13 (26) ноября, чтобы лично убѣдиться въ
положеніи дѣлъ подъ крѣпостью. Утромъ 14 (27) ноября
генераль Ноги и эти два вновь прибывшихъ генерала убѣ-
дились, что штурмъ на восточный фронтъ крѣпости при-
велъ къ полной неудачѣ. Такимъ образомъ, первая часть
программы провалилась. Теперь не было никакой надежды,
немедленно взять крѣпость и этимъ путемъ достигнуть
уничтоженія русской эскадры.

Послѣ тяжелыхъ потерь 13 (26) ноября только люди же-
лѣзной воли могли не обращать вниманія на картину бойни,
на востокъ, и на слѣдующій же день отдать приказъ, кото-
рый долженъ былъ привести къ еще большому избіенію, на
западъ.

То обстоятельство, что японцы, послѣ неудачнаго штурма
на востокъ, немедленно обратили свое вниманіе на другой
участокъ поля сраженія, чтобы возстановить свое счастье,
всегда будетъ вызывать восхищеніе критиковъ. Это пока-
зываетъ, какъ они были упорны, и какое значеніе они при-

Высокая гора (высота 203 метра) послѣ взятія ея японцами. Видны японскія сапы на западномъ
склонѣ горы и солдаты, подбирающие трупы

давали разрушенію русской эскадры. Рѣдко на войнѣ бываетъ, чтобы генералъ готовъ былъ жертвовать жизнью тысячъ своихъ солдатъ, съ цѣлью взять одну только высоту, которая по гребню не имѣла и 200 ярдовъ (86 саж.) длины, но къ такому рѣшенію пришли японскіе генералы 14 (27) ноября.

Когда генералы, утромъ 14 (27) ноября, обратили свои взоры на западъ, они поняли, что дѣйствія противъ Высокой горы (203 метр. высоты) приведутъ къ наиболѣе существеннымъ послѣдствіямъ. Если ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ и Высокая гора (203 метр. высота) будетъ взята, русскій флотъ немедленно будетъ выбитъ изъ гавани, или будетъ потопленъ, стоя на якорѣ. Если атака поведетъ къ неудачѣ, то осада дойдетъ до мертвой точки и не будетъ другого выхода, какъ сидѣть и морить голодомъ гарнизонъ крѣпости; этотъ пріемъ могъ длиться мѣсяцы, что дало бы Балтійской эскадрѣ достаточно времени, чтобы прибыть на театръ военныхъ дѣйствій.

Генералъ Ноги рѣшилъ—всѣхъ, сколько было въ его распоряженіи, людей бросить въ атаку и, какой бы ни было цѣной, взять Высокую гору (203 метр. высоты). Борьба, кипѣвшая на склонахъ этой высоты въ теченіе слѣдующихъ десяти дней, всегда будетъ считаться однимъ изъ наиболѣе выдающихся военныхъ событій. Борьба носила такой эпическій характеръ, что еслибы произошла она на 2000 лѣтъ раньше, традиціи и легенды, связанныя съ мѣстностью и участниками ея, навѣрное дошли бы до насъ въ стихахъ и пѣсняхъ.

Весьма вѣроятно, что когда протекутъ столѣтія и осада Портъ-Артура будетъ въ числѣ забытыхъ событій исторіи, люди, посѣщая мѣсто этой борьбы, останутся на Высокой горѣ (203 метр. высоты) и постараются припомнить, почему имъ это названіе такъ знакомо.

Одинъ офицеръ, посѣтившій Портъ-Артуръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ конца осады, читалъ въ Чэтхэмѣ лекцію о своихъ впечатлѣніяхъ. Онъ увѣрялъ, что, стоя на Высокой горѣ (203 метр. высотѣ), онъ былъ охваченъ ка-

кимъ-то особымъ чувствомъ. Хотя мертвецы давно уже были погребены, но на землѣ, по которой японцы шли въ атаку, трава отказывалась расти вновь, и оголенная поверхность склона, вѣчный свидѣтель ужасной борьбы, была пустынна.

Японцы и русскіе дрались съ такой храбростью и отчаяніемъ, которыя превосходили все, что можно было наблюдать до сихъ поръ во время осады. Борцы буквально бросались другъ на друга, оставаясь совершенно равнодушными къ смерти; каждый стремился достигъ гребня высоты, или же умереть на ея склонахъ.

Обыкновенно, во всѣхъ арміяхъ, отдѣльные солдаты не особенно понимаютъ дѣйствительное значеніе позиціи, которую они призваны атаковать или защищать, но бой за Высокую гору (203 метр. высоты) составлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Какъ бы ни былъ мало развитъ сибирскій мужикъ, лежавшій въ траншеяхъ на вершинѣ горы, какъ бы мало ни былъ ознакомленъ со стратегическими задачами японскій солдатъ, сидѣвшій въ траншеяхъ у подошвы горы, но и они могли понять, какъ много ставится на карту, и какія послѣдствія могутъ получиться отъ успѣха или неудачи. Обѣ арміи сознавали, что конечный результатъ затѣянной игры для выигравшаго значилъ больше, чѣмъ всѣ предыдущіе бои въ районѣ крѣпости.

Неудача для русскихъ была равносильна разрушенію Тихоокеанской эскадры, за сохраненіе которой они такъ доблестно бились; тутъ былъ конецъ надеждамъ на соединеніе съ Балтійской эскадрой. При этихъ условіяхъ Балтійская эскадра не могла бы выполнить свое назначеніе, слѣдствіемъ чего явилось бы паденіе престижа Россіи на Дальнемъ Востока.

Еслибы японцы достигли успѣха на Высокой горѣ, сейчасть же съ плечъ нации свалилась бы огромная тяжесть сомнѣній и неизвѣстности. Послѣ уничтоженія Портъ-Артурской эскадры адмиралъ Того имѣлъ полную возможность бороться съ Балтійскимъ флотомъ; кромѣ того, взятіе высоты могло

ускорить паденіе крѣпости. Таковы были цѣли, для достиженія которыхъ солдаты сражались.

Однако, благодаря той роковой небрежности, которая преслѣдовала Россію на Дальнемъ Востокѣ, Высокая гора (203 метр. высота) не была, въ строгомъ смыслѣ слова, укрѣплена. Артиллерійскіе офицеры выяснили генералу Стесселю всю важность этой позиціи еще до начала осады, но, повидимому, онъ не послушалъ ихъ совѣтовъ сейчасъ же, какъ онъ могъ сдѣлать.

Несправедливо, тѣмъ не менѣе, осуждать Стесселя; всемогущій Намѣстникъ Алексѣевъ долженъ былъ слѣдить за соотвѣтственнымъ укрѣпленіемъ города и гавани, порученныхъ его заботамъ за нѣсколько лѣтъ до объявленія войны. Теперь Алексѣевъ долженъ сильно раскаиваться въ своемъ недосмотрѣ, когда онъ видитъ всѣ печальные результаты его.

Если бы на Высокой горѣ было построено долговременное укрѣпленіе, съ эскарпомъ, рвомъ и капонирными галереями, стоящее всего нѣсколько тысячъ рублей, оно предохранило бы отъ разрушенія остатки русской эскадры въ Портъ-Артурѣ; это привело бы къ соединенію Портъ-Артурской эскадры съ Балтійскимъ флотомъ и измѣнило бы всю обстановку на Дальнемъ Востокѣ. Россія дорогою цѣною заплатила за свою излишнюю самоувѣренность и недостатокъ подготовки къ войнѣ; быть можетъ, за пренебреженіе этой изолированной высотой, къ западу отъ крѣпости, Россія заплатила возможностью вернуть свое положеніе, такъ какъ здѣсь погибла послѣдняя надежда на соединеніе двухъ эскадръ.

Подъ названіемъ „Высота 203 метра“ эта знаменитая гора всегда будетъ пользоваться почетной извѣстностью, хотя въ дѣйствительности названіе это дано по недоразумѣнію. Возвышенность эта имѣетъ двѣ вершины—юго-западную, высотой въ 210 метр., и сѣверо-восточную, высотой въ 203 метра ¹⁾, которыя соединялись сѣдловиной. Русскіе называли

¹⁾ У насъ вершины Высокой Горы носили названія: «правая» (сѣверо-восточная) и «лѣвая» (юго-западная).

Прим. перевод.

эту позицію „Высокой Горой“, а японцы окрестили ее названіемъ „Роюшань“.

Въ дальнѣйшемъ описаніи штурма и взятія высоты я буду употреблять названіе „Роюшань“, когда буду говорить относительно обѣихъ вершинъ. Было бы неправильно, говоря о всей позиціи, называть ее „203 метр. высотой“, такъ какъ это названіе должно относиться лишь къ сѣверо-восточной вершинѣ, въ отличіе ея отъ юго-западной. Поэтому, говоря о всей высотѣ, я буду называть ее „Роюшань“.

Высокая гора (Роюшань)—одна изъ высотъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ къ сѣверо-востоку отъ Голубиной бухты; она входитъ въ составъ „Метроваго гребня“, хотя и стоитъ особнякомъ. Къ западу отъ Высокой горы лежитъ нѣсколько небольшихъ высотъ, занятыхъ японцами съ сентября; къ сѣверо-западу ¹⁾ лежитъ Длинная гора (Намакаяма), взятая японцами тоже въ сентябрѣ. Сѣверный склонъ Высокой горы (Роюшань) спускается въ невысокую сѣдловину, связывающую эту высоту съ другой, болѣе низкой высотой, называемой Плоской горой (Акасакаяма), которую русскіе упорно удерживали. Длинная гора (Намакаяма) лежитъ прямо на западъ ²⁾ отъ Плоской горы (Акасакаяма) и обѣ эти позиціи раздѣляются только узкой ложиной. Высокая гора (Роюшань) и Плоская гора (Акасакаяма) поддерживаютъ другъ друга; послѣдняя обстрѣливаетъ западный ³⁾ склонъ своей, болѣе высокой, сосѣдки, а Высокая гора (Роюшань), въ свою очередь, командуетъ Плоской горой (Акасакаяма) и обстрѣливаетъ всѣ подступы къ ней.

Укрѣпленія на вершинѣ Высокой горы (Роюшань) были отлично устроены и ихъ можно было сдѣлать болѣе сильными, только устроивъ вмѣсто нихъ долговременный фортъ, подобно форту II (Сѣв. Кейкваншань), или форту III (Ни-

¹⁾ Длинная гора—лежитъ къ сѣверу отъ Высокой горы, но ни въ коемъ случаѣ не къ сѣверо-западу.

²⁾ На сѣверо-западъ.

³⁾ Сѣверо-западный склонъ.

рушань). Гребни обѣихъ вершинъ (210 и 203 метр.) были окружены глубокой траншеей, [покрытой рельсами и толстыми балками, на которые было навалено очень много земли и земляныхъ мѣшковъ. Блиндажи эти защищали отъ всякихъ снарядовъ, кромѣ снарядовъ 28 сант. гаубицъ. Какъ я уже указалъ, русскіе никакъ не предполагали, что имъ придется имѣть дѣло съ тяжелыми орудіями столь большихъ калибровъ.

Отъ главной линіи фортовъ западнаго фронта Высокая гора (Роюшань) не была изолирована; вдоль цѣпи невысокихъ холмовъ, отъ форта IV (Ицзушань) шла линія хорошо расположенныхъ траншей, соединявшая этотъ фортъ съ восточнымъ склономъ Высокой горы (Роюшань).

Русскіе на восточномъ ¹⁾ склонѣ горы устроили закрытый ходъ, по которому могли двигаться на вершину горы подкрѣпленія; ходъ этотъ подходилъ къ самой сѣдловинѣ, соединявшей обѣ вершины, откуда особые ходы вели къ укрѣпленіямъ на гребнѣ. Западный ²⁾ склонъ горы, по которому должны были идти въ атаку японцы, на протяженіи около 40 ярдовъ (17 саж.) отъ вершины, идетъ почти отвѣсно, образуя крутой эскарпъ; отъ подошвы этого эскарпа до подошвы горы—склонъ болѣе пологій. Подъ эскарпомъ русскіе устроили верхнюю линію траншей, а близъ подошвы горы находилась линія передовыхъ траншей и проволочныя загражденія.

На Плоской горѣ (Акасакаяма) укрѣпленія были того же типа, что и укрѣпленія Высокой горы (Роюшань); на обѣихъ этихъ позиціяхъ не было другихъ орудій, кромѣ пулеметовъ.

Японцы не забыли урока, когда они были отбиты съ Высокой горы (Роюшань) въ сентябрѣ. Съ этого времени они непрерывно вели сапныя работы противъ этой позиціи. Задача была трудная, такъ какъ приходилось идти сапой внизъ

¹⁾ На юго-восточномъ.

²⁾ Сѣверо-западный.

по склону, къ лоцингъ у подошвы Высокой горы (Роюшань). Каждый ярдъ сапныхъ работъ обстрѣливался русскими стрѣлками, съ высоко расположенной позиціи, почему приходилось дѣлать сапы болѣе глубокими, чѣмъ обыкновенно принято, а это требовало много времени. Тѣмъ не менѣе, на третьей недѣлѣ ноября была закончена первая параллель, у самой подошвы горы.

Наиболѣе удобно было вести атаку съ юго-западной стороны, противъ лѣвой вершины горы (210 метр.); наступающія въ этомъ направленіи войска не подвергались фланговому огню съ Плоской горы (Акасакаяма). Но раньше, чѣмъ атаковать лѣвую вершину (210 метр.), необходимо было выбить русскихъ изъ ихъ траншей у подошвы горы. Японцы провели свои сапы черезъ проволочныя загражденія еще до начала штурмовъ.

Въ теченіе предыдущихъ мѣсяцевъ Высокая гора (Роюшань) подвергалась систематической бомбардировкѣ японской артиллеріи, при участіи двухъ 28 сант. гаубицъ, установленныхъ на позиціи близъ штабъ-квартиры 1-й дивизіи. Надѣялись, что эта бомбардировка нанесетъ русскимъ укрѣпленіямъ значительныя поврежденія.

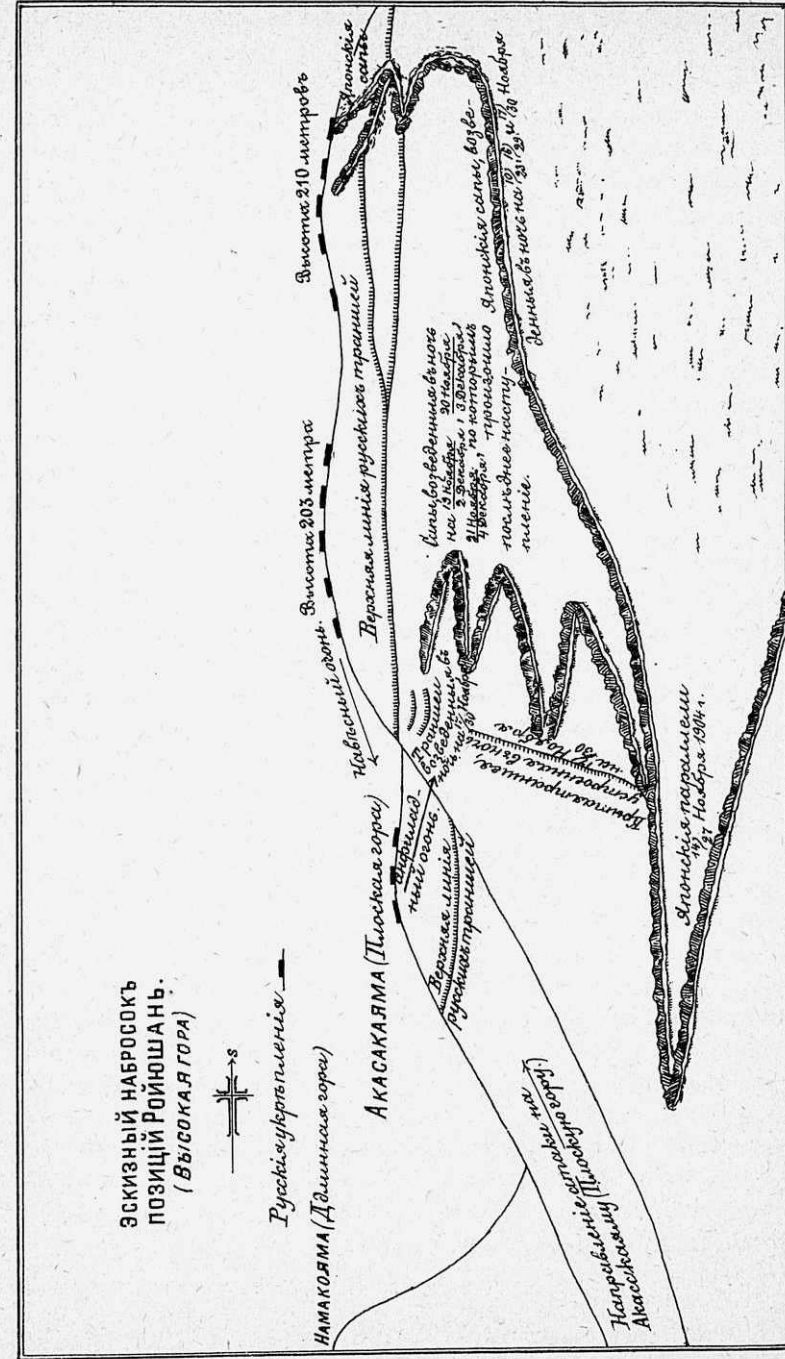
Положеніе воюющихъ утромъ 14 (27) ноября, когда начался бой, было слѣдующее: японцы занимали параллель у подошвы западнаго склона высоты и отъ передовой линіи русскихъ траншей были отдѣлены очень небольшимъ разстояніемъ. Въ теченіе цѣлаго дня 14 (27) ноября Высокая гора (Роюшань) подвергалась бѣшеной бомбардировкѣ японской артиллеріи, а съ наступленіемъ сумерокъ два баталіона 15-го полка бросились на нижнюю линію русскихъ траншей. Въ полумракѣ произошелъ отчаянный штыковый бой; русская пѣхота оказывала упорное сопротивленіе; японцевъ, однако, не удалось отбить, и тѣ изъ русскихъ, кто не палъ въ штыковомъ бою, принуждены были отойти въ верхнюю линію траншей.

Выбивъ русскихъ изъ ихъ передовой позиціи, японцы, подъ прикрытіемъ темноты, начали вести сапы вверхъ, по

склону лѣвой вершины (210 метр.). Русскіе, изъ верхней линіи траншей, дѣлали все возможное, чтобы задержать это движеніе отчаянной ружейной стрѣльбой, почему потери у японцевъ были очень велики. Рыть траншею не было времени, почему вмѣсто нея устроили высокую стѣнку изъ земляныхъ мѣшковъ, подаваемыхъ отъ подошвы высоты. Въ данное время это было вполне целесообразно и дало возможность 15-му полку овладѣть на лѣвой вершинѣ (210 метр.) участкомъ, около верхней линіи русскихъ траншей.

Въ 8 часовъ утра 15 (28) ноября 15-й полкъ произвелъ атаку на гребень лѣвой вершины (210 метр.). Въ этомъ штурмѣ участвовали 11 ротъ, 8 въ боевой линіи и 3 въ резервѣ за Угловой горой (174 метр. высотой). Бой за обладаніе лѣвой вершиной (210 метр.) былъ горячій, и потери японцевъ были очень велики. Нѣкоторое время японская пѣхота медленно подвигалась впередъ, прямо противъ русскихъ стрѣлковъ, уткнувшихся между земляными мѣшками на вершинѣ горы. Русскіе держались на своей позиціи съ удивительнымъ упорствомъ, несмотря на градъ снарядовъ изъ гаубицъ и морскихъ орудій и на шрапнель полевыхъ пушекъ, которая проникала въ каждый уголокъ траншей, расположенной на гребнѣ. Этотъ огонь нанесъ русскимъ очень большія потери. Въ 2 1/2 часа дня около 150 японскихъ солдатъ достигли гребня лѣвой вершины (210 метр.) и устроились тамъ.

Пока продолжалась эта атака, два баталіона 1-го полка были направлены противъ Плоской горы (Акасакаяма), но были отброшены съ громадными потерями. Они подвергались не только огню русскихъ стрѣлковъ изъ траншей на Плоской горѣ, но также и огню съ правой вершины (203 метр.) Высокой горы. Бороться съ такими препятствіями было безнадежно, и 1-й полкъ вернулся въ свои параллели. Ихъ доблестный командиръ, полковникъ Теруда, упалъ прострѣленный въ животъ; рядомъ съ нимъ убитъ его адъютантъ.

Успѣшное занятіе гребня лѣвой вершины (210 метр.) было сигналомъ для общаго наступленія 1-й резервной бригады изъ Кобэ, по западному склону Высокой горы (Роюшань), противъ правой вершины (203 метр.). Надѣялись, что люди, овладѣвшіе лѣвой вершиной (210 метр.), будутъ въ состояніи сдержать огонь русскихъ, занимавшихъ правую вершину (203 метр.), что дастъ возможность овладѣть и этой послѣдней. При наступленіи на правую вершину, атакующій отрядъ могъ быть сбитъ русскими съ Плоской горы (Акасакаяма); тутъ, однако, понадѣялись, что защитники Плоской горы будутъ слишкомъ заняты отбитіемъ атаки двухъ баталіоновъ 1-го полка, посланныхъ противъ нихъ, и не вмѣшаются въ бой на Высокой горѣ. Этимъ розовымъ надеждамъ не суждено было осуществиться.

Японская пѣхота, занявшая лѣвую вершину (210 метр.), оказалась не въ силахъ удержаться тамъ; русскіе сосредоточили на этой вершинѣ губительный артиллерійскій огонь, кромѣ того, они выдвинули полевую батарею къ югу отъ Высокой горы (Роюшань) и открыли огонь шрапнелью по флангу японцевъ, занимавшихъ лѣвую вершину (210 метр.). Такой же артиллерійскій огонь принесъ несчастье японцамъ, когда они брали лѣвую вершину Высокой горы въ сентябрѣ; теперь, послѣ кратковременнаго обладанія этой вершиной, они снова были выбиты оттуда.

Японскіе сапы продвинулись впередъ, до верхней траншеи; сюда и отошли люди, выбитые съ вершины; отсюда-же велись всѣ дальнѣйшія операціи. Отступленіе японцевъ, занимавшихъ лѣвую вершину (210 метр.), оказалось роковымъ для атакующихъ западный склонъ правой вершины (203 метр.). Японцы наступали вверхъ по склону подъ губительнымъ огнемъ, и взяли траншеи верхней линіи, но когда пытались штурмовать вершину, ихъ встрѣтили страшнымъ ружейнымъ огнемъ, а кромѣ того, русскіе, пользуясь небольшимъ разстояніемъ, съ успѣхомъ пустили въ дѣло свои ручныя гранаты.

Такъ какъ атака 1-го полка на Плоскую гору (Акасака-

яма) привела къ дорого стоившей неудачѣ, то русскіе на этой высотѣ получили возможность всецѣло обратить свое вниманіе на баталіоны, штурмовавшіе правую вершину (203 метр.). Соединеннаго дѣйствія шрапнели, ручныхъ гранатъ и фланговаго огня съ Плоской горы (Акасакаяма) было слишкомъ много даже для японской пѣхоты; подѣ самымъ гребнемъ правой вершины (203 метр.) люди остановились и затѣмъ побѣжали внизъ, въ свою параллель у подошвы горы. Такимъ образомъ, единственный успѣхъ, достигнутый операціями этого дня, было занятіе и удержаніе небольшого участка верхней траншеи на скатѣ лѣвой вершины (210 метр.).

16 (29-го) ноября японцы сдѣлали новую попытку взять нѣкоторыя изъ позицій. Дѣла начали принимать серьезный оборотъ: двѣ общія атаки на Высокую гору (Роюшанъ) и одна атака на Плоскую гору (Акасакаяма) потерпѣли неудачу. Хотя потери русскихъ были велики, они все еще съ прежней рѣшимостью крѣпко держались на гребнѣ и не хотѣли уходить отъ ужаснаго артиллерійскаго огня, продолжавшаго осыпать гребень.

Въ 10 часовъ утра 17 (30-го) ноября рота японской пѣхоты, удерживавшая занятый ею участокъ ниже гребня лѣвой вершины (210 метр.), подѣ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, къ этому времени уже, повидимому, заставившей русскихъ очистить лѣвую вершину, двинулась впередъ и овладѣла участкомъ почти на самомъ гребнѣ. Японцы тотчасъ устроили здѣсь высокую стѣнку изъ земляныхъ мѣшковъ и удерживали западную часть лѣвой вершины, а русскіе, вернувшись на гребень, заняли восточную часть. Пѣхота обоихъ противниковъ вела непрерывный бой черезъ стѣнку штыками, винтовками и ручными гранатами; это заставило японцевъ отказаться отъ дальнѣйшаго обстрѣливанія лѣвой вершины, изъ боязни поражать своихъ людей, такъ какъ сражавшіеся находились слишкомъ близко другъ къ другу. Японская артиллерія направила свой огонь на правую вершину (203 метр.) и на тылъ лѣвой (210 метр.),

надѣясь этимъ задержать подходъ подкрѣпленій, для поддержки защитниковъ лѣвой вершины.

Днемъ 17 (30-го) ноября опять произошелъ отчаянный бой. Въ 2 часа дня 1-й полкъ снова двинулся противъ Плоской горы (Акасакаяма). Несмотря на храбрость и доблестное поведеніе офицеровъ, японцы продвинулись впередъ очень мало; атака эта была опять отбита; только на одномъ участкѣ японцамъ удалось задержаться. Подѣ самой серединой первой русской траншеи находилось мертвое пространство, въ которомъ старалась удержаться небольшая группа японцевъ, подѣ начальствомъ двухъ младшихъ офицеровъ. Нѣкоторое время эта группа не двигалась дальше, но затѣмъ офицеры, выражаясь словами официального донесенія, „разозлились“ и, поднявъ своихъ людей, бросились на русскую траншею. Русскихъ частью выбили, частью перекололи штыками, и небольшой японскій отрядъ занялъ траншею.

Затѣмъ произошло что-то странное; группа русскихъ, человекъ въ 40 или 50, либо въ полномъ умоизступленіи, либо въ предположеніи, что японцы очистили середину траншеи или перебиты, вышли изъ своей траншеи на гребнѣ Плоской горы (Акасакаяма) и бросились въ контръ-атаку. Они бросились внизъ по склону; ихъ подпустили почти вплотную къ японской траншеѣ, и нѣкоторые изъ нихъ проникли въ траншею раньше, чѣмъ японцы опомнились; затѣмъ дѣло кончилось рѣзней грудь съ грудью. Русскіе, сознавая что отходить назадъ невозможно, предпочли вскочить въ траншею, въ самую середину своихъ враговъ, и умереть сражаясь. Тамъ они и погибли; ни одинъ не появился обратно, и можно предположить, что всѣ они были перебиты.

Вскорѣ послѣ этого, наступилъ чередъ японцевъ; ихъ полевая артиллерія, не зная дѣйствительнаго положенія дѣлъ и не имѣя возможности видѣть происходившее, открыла свирѣпый огонь шрапнелью по всей Плоской горѣ (Акасакаяма), обстрѣливая гребень и траншею, въ которой скрыва-

лась японская пѣхота. Эти несчастные люди были такъ сильно обстрѣливаемы, что, выбравъ изъ двухъ золъ меньшее, дредпочли очистить позицію и броситься внизъ по склону, подъ огнемъ русскихъ стрѣлковъ, чѣмъ быть перебитыми своей артиллеріей.

Во время этой атаки на Плоскую гору (Акасакаяма), соединенный отрядъ, въ составѣ 26-го, 27-го и 28-го полковъ 7-й дивизіи, еще не принимавшей участія въ бояхъ, получилъ приказаніе атаковать правую вершину (203 метр.) Высокой горы.

Штурмъ этотъ былъ почти точнымъ повтореніемъ неудачной попытки, произведенной днемъ 15 (28) ноября. Люди, наступая въ сомкнутомъ строю, достигли верхней линіи русскихъ траншей, гдѣ подъ крутымъ обрывомъ высоты атакующій былъ укрытъ отъ огня стрѣлковъ, занимавшихъ гребень; но какъ только баталіонъ пытался взобраться на послѣдніе сорокъ ярдовъ, его отбрасывали назадъ пулями, штыками и ручными гранатами. Опять японцы не выдержали и побѣжали отъ этой казни; опять передъ нами представило ужасное зрѣлище охваченныхъ паникой людей, пристрѣливаемыхъ во время бѣгства. Такъ 17 (30) ноября окончилось для осаждающаго новой неудачей.

Несмотря на тяжелыя потери, японскіе генералы, болѣе чѣмъ когда-либо, настаивали на взятіи горы. Хотя я рассказывалъ до сихъ поръ только о неудачахъ японцевъ и отбитыхъ атакахъ, не слѣдуетъ забывать, что съ каждымъ часомъ оборона ослаблялась этими повторными штурмами и дѣйствіемъ сосредоточеннаго огня японской артиллеріи. Никакое земляное сооруженіе не можетъ устоять продолжительное время противъ 28 сант. снарядовъ. Эти чудища разбивали все; они пробивали крыши блиндажей и убивали искавшую въ нихъ укрытія пѣхоту. Теперь, во время бомбардировки, большая часть русскихъ уходила съ вершины высоты внизъ, на обратный склонъ, и возвращалась только тогда, когда часовой на вершинѣ давалъ знать о приближеніи японцевъ. Японскіе солдаты, удержавшіе западную

Внутренность верхней русской траншеи на Высокой горѣ (высота 203 метра). Видны японскіе и русскіе трупы, послѣ взятія горы.

половину гребня лѣвой вершины (210 метр.), могли наблюдать за восточнымъ склономъ Высокой горы (Роюшань). По обыкновенію, на высоту, къ этой передовой японской позиціи, былъ проложенъ телефонъ; такимъ образомъ, отсюда можно было сообщать на батарею о расположеніи русскихъ резервовъ на восточномъ склонѣ. На этомъ склонѣ японцы сосредоточили сильный артиллерійскій огонь, что крайне затрудняло своевременную поддержку русскихъ войскъ, занимавшихъ вершины Высокой горы.

Однимъ только японскіе генералы были довольны: они поняли, что совершенно бесполезно пытаться взять Плоскую гору (Акасакаяма), пока не взята Высокая гора (Роюшань), и потому не дѣлали дальнѣйшихъ попытокъ противъ этой высоты.

Въ теченіе ночи 17 (30) ноября, саперы, при содѣйствіи пѣхоты, начали двигаться вверхъ, къ правой вершинѣ (203 метр.) неглубокой траншеей, направляемой подъ прямымъ угломъ къ передовой японской параллели; это дѣлалось, съ цѣлью создать для пѣхоты нѣкоторое закрытіе отъ фланговаго огня, направляемаго съ Плоской горы (Акасакаяма), при каждомъ движеніи въ атаку противъ правой вершины (203) метр.).

Русскіе, услышавъ шумъ рабочихъ партій, начали стрѣлять внизъ по склону, наугадъ; даже этотъ беспорядочный огонь причинилъ японцамъ много потерь, если судить по количеству убитыхъ, которые на слѣдующее утро лежали около мѣста работъ.

Траншею провели на двѣ трети разстоянія по ближайшему, болѣе пологому, склону Высокой горы; затѣмъ, либо потому, что начало разсвѣтать, либо потому, что дошли до перегиба склона, дающаго нѣкоторое закрытіе, работа прекратилась; часть рабочихъ была двинута впередъ, въ верхнюю линію русскихъ траншей, расположенную подъ крутымъ обрывомъ правой вершины (203 метр.). Они наскоро устроили здѣсь нѣсколько параллельныхъ неглубокихъ траншей, и съ разсвѣтомъ расположились въ нихъ.

Утромъ 18 ноября (1 декабря) японцы были уже хозяевами половины гребня лѣвой вершины (210 метр.); они держались за высокой стѣнкой изъ земляныхъ мѣшковъ, съ другой стороны которой держались русскіе; кромѣ того, японцы имѣли небольшой отрядъ, о которомъ я уже упоминалъ, въ неглубокой траншеѣ, подъ обрывомъ правой вершины (203 метр.). Такимъ образомъ, японцы впервые достигли возможности расположиться вплотную у гребней обѣихъ вершинъ. Это былъ уже рѣшительный шагъ впередъ. Однако, позиція подъ правой вершиной (203 метр.) была, въ дѣйствительности, очень неудобна; днемъ люди эти не могли отступить и имъ нельзя было послать подкрѣпленія; траншея, ведущая къ этой позиціи, была устроена плохо и направлена прямо вверхъ, на высоту, почему не давала закрытія отъ огня съ вершины и только отчасти прикрывала отъ фланговаго огня съ Плоской горы (Акасакаяма).

Тѣмъ не менѣе, японцы рѣшили повести новую атаку на обѣ вершины въ тотъ же день, 18 ноября (1 декабря) въ 3 часа дня.

Утромъ 18 ноября (1 декабря) Высокая гора (Роюшань) представляла любопытную картину, если смотрѣть съ Угловой горы (174 м. выс.), откуда я наблюдалъ. Надъ Высокой горой разорвалось столько снарядовъ, что на склонахъ ея почти не осталось травы; обнаженная поверхность горы была покрыта мертвыми тѣлами японскихъ солдатъ. Я пытался въ бинокль сосчитать число убитыхъ, лежавшихъ на западной сторонѣ высоты, но скоро бросилъ это занятіе, такъ какъ ихъ были сотни, въ особенности около верхней линіи русскихъ траншей, гдѣ произошло нѣсколько самыхъ горячихъ боевъ.

Все утро 18 ноября (1 декабря) японская артиллерія бѣшено бомбардировала Высокую гору (Роюшань); каждый выстрѣлъ, конечно, понемногу ослаблялъ силу сопротивленія русскихъ. Между 2 и 3 час. дня двинули впередъ, изъ долины за Длинной горой (Намакаяма), нѣсколько баталіоновъ японской пѣхоты, которая размѣстилась въ параллеляхъ у подошвы

Высокой горы. Легко было разглядѣть, что люди эти принадлежатъ къ составу вновь прибывшей 7-й дивизіи, такъ какъ снаряженіе ихъ было новое.

Солдаты шли въ дѣло въ пальто цвѣта хаки; хотя погода была хорошая и ясная, но не слѣдуетъ забывать, что во время всѣхъ этихъ операций сильно подмораживало. Пальто эти были очень широкія, съ длинными рукавами, и предназначались для того, чтобы надѣвать ихъ поверхъ форменнаго чернаго пальто.

Линіи людей извивались по параллелямъ у подошвы высоты, а затѣмъ шли вверхъ по сапамъ, ведущимъ къ участку, занятому японцами подъ гребнемъ правой вершины (203 метр.); каждый солдатъ пробирался впередъ, сильно наклонивъ голову, предохраняя себя такимъ образомъ отъ потока пуль, перелетавшихъ черезъ брустверъ изъ земляныхъ мѣшковъ, который былъ недостаточно высокъ.

На гребнѣ лѣвой вершины (210 метр.) японцы были отдѣлены отъ русскихъ только высокой стѣнкой изъ земляныхъ мѣшковъ, которую я уже описывалъ; во время всѣхъ этихъ передвиженій, здѣсь кипѣла дикая борьба черезъ стѣнку; единственное оружіе, которое противники могли примѣнять при этомъ, были ручныя гранаты, и обѣ стороны ими пользовались.

Когда линія людей, наступавшихъ изъ параллелей у подошвы Высокой горы (Роюшань), подошла къ стѣнкѣ изъ земляныхъ мѣшковъ, гдѣ держался передовой отрядъ, японцы разбились здѣсь на двѣ группы, которыя произвели двѣ отдѣльныя атаки. Офицеръ, руководившій одной партіей, перескочилъ черезъ стѣнку изъ земляныхъ мѣшковъ; за нимъ послѣдовало около 100 человѣкъ; они повернули вдоль верхней линіи русскихъ траншей и побѣжали къ тому мѣсту, гдѣ японская пѣхота все еще удерживала участокъ, подъ гребнемъ лѣвой вершины (203 метр.). Офицеръ велъ своихъ людей почти на вѣрную гибель съ величайшимъ героизмомъ; онъ рѣзко выдѣлялся изъ всего отряда, такъ какъ сбросилъ свое пальто. Въ началѣ этой атаки Высокая гора (Роюшань)

имѣла видъ совершенно пустынный, но когда японцы начали приближаться къ гребню, онъ быстро оживился и покрылся русскими солдатами. Атакующій отрядъ, о которомъ только что говорили, былъ быстро перебитъ русскими, укрытыми за земляными мѣшками и грудami обломковъ, образовавшимися послѣ бомбардировки.

Второй отрядъ японцевъ, пытавшійся пройти за стѣнку изъ земляныхъ мѣшковъ, на гребнѣ лѣвой вершины (210 метр.), чтобы такимъ образомъ всю вершину горы очистить отъ непріятеля, наткнулся на упорное сопротивление. Русскіе забросали ихъ ручными гранатами, дѣйствовавшими очень успѣшно, и скоро можно было замѣтить, что атака на этомъ участкѣ не будетъ имѣть успѣха; многіе изъ атакующаго отряда побѣжали внизъ по склону горы, стараясь найти закрытіе отъ ручныхъ гранатъ, но такъ какъ закрытія здѣсь не было, то большая часть ихъ была перебита.

Въ то время, какъ шелъ этотъ бой, въ параллеляхъ подъ правой вершиной (203 метр.) были собраны сотни японскихъ солдатъ, что имѣло видъ подготовки къ общему штурму, но раньше, чѣмъ это могло состояться, новое непредвидѣнное обстоятельство заставило совсѣмъ отказаться отъ предполагаемой атаки.

Я уже упомянулъ о той группѣ японцевъ, которая держалась ниже гребня правой вершины (203 метр.); они удерживали съ предыдущей ночи свою позицію въ тарншеяхъ, которыя они наскоро набросали. Безъ всякаго предупрежденія и, насколько я могъ замѣтить, безъ видимой причины этотъ отрядъ покинулъ свое закрытіе и быстро бросился внизъ по склону, къ параллелямъ, наполненнымъ пѣхотой, ожидавшей приказанія наступать. Русскіе съ Высокой горы (Роюшань) и съ Плоской горы (Акасакаяма) открыли частый и сильный огонь по этимъ бѣглецамъ, отчего большая часть ихъ была убита по пути; остальные добѣжали до своихъ траншей. Такимъ образомъ, передъ началомъ главной атаки, передовой пунктъ, который долженъ былъ служить точкой опоры для атаки, былъ потерянъ. При подобныхъ условіяхъ,

дальнѣйшая атака въ этотъ день была бы бесполезна, и отъ нея отказались; день закончился на томъ, что русскіе оказались полными хозяевами Плоской горы (Акасакаяма), правой вершины (203 метр.) Высокой горы и половины лѣвой вершины (210 метр.), въ другой половинѣ которой держалась еще японская пѣхота.

19-го, 20-го и 21-го ноября (2-го 3-го и 4-го декабря) японцы не атаквали ни одной позиціи. По ночамъ саперы вели сапы вверхъ, по склону правой вершины (203 метр.), до того пункта, гдѣ была небольшая складка мѣстности, дававшая нѣкоторое закрытіе отъ флангового огня съ Плоской горы (Акасакаяма). Сапы эти начинались ниже первой русской траншеи, отъ того мѣста, гдѣ остановилась мелкая траншея, устроенная ночью 17 (30) ноября. Работа этихъ сапъ была очень тщательная и отлично была выполнена. Насыпи траншей были достаточно высоки и давали полное закрытіе отъ огня русскихъ съ гребня Высокой горы (Роюшань) и съ Плоской горы (Акасакаяма).

Въ теченіе этихъ трехъ дней, артиллерія не прекращала бомбардировки, осыпая снарядами гребень Высокой горы и все на ней разбивая въ щепы. Какъ русскіе могли держаться—необъяснимо; храбрость ихъ, какъ оборонительной пѣхоты, никогда не подвергалась болѣе суровому испытанію, и никогда они не отвѣчали на вызовъ врага болѣе доблестно и самоотверженно. Когда не угрожала атака, большая часть войскъ отводилась внизъ, на восточный склонъ, гдѣ они выжидали новаго нападенія своего грознаго врага, но и здѣсь ихъ находили японскіе снаряды; нѣсколько орудій, съ этой цѣлью, обстрѣливали задній склонъ горы, чтобы препятствовать подходу подкрѣпленій на гребень горы.

Дѣйствительно, борьба за Высокую гору (Роюшань) была битвой гигантовъ; ни одна страна въ самую славную эпоху своей исторіи никогда не выставляла въ поле солдатъ, которые дрались бы съ такимъ упорствомъ, храбростью и безусловнымъ презрѣніемъ къ жизни, какъ русская и японская пѣхота въ теченіе этихъ дней.

Высокая гора (высота 203 метра) послѣ взятія японцами. Видны трупы японскихъ солдатъ, вблизи вершины, и люди, посланные отъ полковъ для опознанія своихъ товарищей.

Къ утру 22 ноября (5 декабря) сапы на склонахъ Высокой горы (Роюшанъ) продвинулись впередъ, на сколько было возможно, а затѣмъ саперы передали задачу—выбить русскихъ—въ руки пѣхоты.

Окончательная атака на Высокую гору (Роюшанъ), со всѣхъ сторонъ, назначена была на этотъ день. Поставленная на карту ставка была такъ велика и отбитая еще разъ атака была бы такимъ несчастіемъ, что были приняты всѣ предосторожности, возможные при данныхъ условіяхъ, чтобы обезпечить успѣхъ. Каждый солдатъ ясно сознавалъ, что наступилъ критическій моментъ, и если этотъ штурмъ будетъ неудаченъ, то отъ атаки придется отказаться.

Съ раннего утра всѣ орудія, которыя могли быть направлены противъ Высокой горы (Роюшанъ), сосредоточили на ней свой огонь; это была одна изъ тѣхъ бомбардировокъ, которыя можно охарактеризовать только словомъ „ужасная“; стрѣляли—изъ гаубицъ, бросавшихъ 500 фунт. снаряды, изъ морскихъ орудій большого калибра, изъ полевыхъ гаубицъ и изъ полевыхъ пушекъ. Если вы не видѣли одной изъ подобныхъ большихъ артиллерійскихъ дуэлей, вы не можете даже представить себѣ, на что это похоже. Въ это время у васъ является особое ощущение; современная тяжелая артиллерія совершенно подавляетъ „человѣка“ и вытѣсняетъ представление о немъ, несмотря на то, что „человѣкъ“ управляетъ огнемъ и готовится идти на штурмъ; вы живете въ какомъ-то особомъ міру. Въмѣсто того, чтобы бояться этихъ безчисленныхъ, пролетающихъ надъ головой, огромныхъ снарядовъ и сотрясеній земли и воздуха, вызываемыхъ ихъ взрывами, солдаты гордятся, что они участвуютъ въ торжествѣ этихъ великановъ; какъ скромные статисты на одной сценѣ съ великимъ актеромъ, они раздѣляютъ его величіе, и каждый старается дѣлать все возможное, чтобы получить хоть отблескъ славы.

Высокая гора (Роюшанъ) стояла какъ будто въ огнѣ; исключая небольшой участокъ на лѣвой вершинѣ (210 метр.), гдѣ держались японцы, готовые броситься впередъ, ни одинъ

доймъ на гребнѣ и въ тылу горы не былъ укрытъ отъ этой канонады.

Одинъ изъ командировъ бригады 7-й дивизіи, генераль-маіоръ Саито, былъ назначенъ начальникомъ отряда, вызваннаго для послѣдней атаки. Въ его распоряженіе назначили 8 бат. изъ состава 7-й дивизіи; утромъ, пока шла бомбардировка, людей держали укрыто за Длинной горой (Намакаяма) и за Угловой горой (174 метр. высота).

Вскорѣ послѣ полудня баталіонамъ приказано было построиться и перейти въ параллели у подошвы Высокой горы (Роюшанъ). Полковыя знамена были собраны въ лощинѣ, по которой войска должны были проходить при движеніи въ боевую линію; каждый баталіонъ, гордо проходя мимо, долженъ былъ остановиться и салютовать своимъ знаменамъ, а люди при этомъ клялись, что они либо возьмутъ высоты, либо не вернутся живыми. Рѣшено было поднять энтузіазмъ людей до высшей степени; нельзя было найти лучшаго средства для этого, какъ напомнить имъ, въ видѣ послѣдняго напутствія, что честь, а быть можетъ и безопасность, отечества зависитъ отъ ихъ усилій.

Когда головной баталіонъ дошелъ до параллели у подошвы высоты, людей направили вверхъ по сапамъ, построеннымъ за предшествовавшія ночи. Когда сапы наполнились людьми и не могли больше вмѣстить, всѣхъ остальныхъ людей поставили въ резервѣ, въ параллеляхъ у подошвы высоты, чтобы выслать поддержку, когда обстоятельства потребуютъ этого. Сильныя подкрѣпленія были двинуты также на гребень лѣвой вершины (210 метр.), гдѣ японцы все еще держались, отдѣленные отъ русскихъ только высокой стѣнкой изъ мѣшковъ.

Около 3 час. дня бомбардировка лѣвой вершины (210 метр.) сразу прекратилась и японцы, удерживавшіе половину гребня, бросились перелѣзать черезъ стѣнку; они встрѣтили при этомъ очень слабое сопротивленіе и скоро овладѣли всей вершиной. Среди разрушенныхъ блиндированныхъ построекъ нашли только трехъ русскихъ, оставшихся

въ живыхъ, изъ коихъ одинъ былъ начальникомъ отряда, оборонявшаго Высокую гору.

Какъ только японцы увидѣли, что дѣйствія войскъ на лѣвой вершинѣ (210 метр.) увѣнчались успѣхомъ, люди, бывшіе въ передовой сапѣ на правой вершинѣ (203 метр.), получили приказаніе—овладѣть верхней линіей русскихъ траншей, отстоявшей всего на 40 ярдовъ (около 50 шаг.) отъ гребня.

Около 500 человекъ бросились впередъ, а въ это время другіе заняли ихъ мѣсто въ очищенной траншеѣ и сдерживали огонь русскихъ, пытавшихся противодѣйствовать атакѣ. Японская пѣхота ворвалась въ верхнюю линію русскихъ траншей, при чемъ не было сдѣлано почти ни одного выстрѣла; затѣмъ наступилъ короткій перерывъ, пока артиллерія производила послѣднюю бомбардировку гребня. Черезъ нѣсколько минутъ японцы, овладѣвшіе верхней линіей траншей, начали взбираться по крутому склону правой вершины (203 метр.). За ними слѣдили съ большимъ страхомъ, ибо именно эта часть подъема, во время предыдущихъ атакъ, всегда оказывалась роковой.

Одновременно съ этимъ, овладѣвшіе лѣвой вершиной (210 метр.) японцы тоже двинулись впередъ по сѣдловинѣ, отдѣлявшей ихъ отъ правой вершины (203 метр.); они встрѣтили очень слабое сопротивленіе, такъ какъ русскіе покинули гребень Высокой горы (Роюшань); ранѣе, чѣмъ наблюдатель могъ уяснить себѣ, что произошло, солдаты Микадо овладѣли обѣими вершинами и вырисовались на фонѣ небосклона.

Нельзя выражать удивленія по поводу отступленія русскихъ, ибо на вершинѣ Высокой горы (Роюшань), вслѣдствіе непрерывной бомбардировки, было совершенно невозможно держаться; даже мысль не могла бы найтись здѣсь безопаснаго укрытія.

Чувства японскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, вступившихъ первыми на гребень правой вершины (203 метр.) Высокой горы, были, вѣроятно, схожи съ чувствами, испы-

танными французской арміей, когда она впервые увидѣла передъ собой Москву. Тутъ только японцы могли оцѣнить грандіозность и огромное значеніе своего успѣха; впервые они увидѣли передъ собой, на самомъ близкомъ разстояніи, ту цѣль, изъ-за которой они боролись такъ долго и такъ храбро. Передъ ними открылась гавань и русскія военныя суда, стоящія на якорѣ. Они сознавали, что бѣлая половина работы сдѣлана: крѣпость можетъ еще держаться, но суда обречены на гибель. Гавань не давала защиты судамъ; чтобы не быть потопленными на мѣстѣ якорной стоянки, русскія суда должны были сейчасъ же выйти въ море и встрѣтиться съ эскадрой адмирала Того, когда Балтійская эскадра находилась еще на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль.

Плоская гора (Акасакаяма) оставалась въ рукахъ русскихъ и послѣ взятія Высокой горы (Роюшань); однако, японская пѣхота не вызывалась для штурма этой высоты. Русскіе скоро поняли, что Плоскую гору (Акасакаяма) дальше удерживать нельзя; вечеромъ 23 ноября (6-го декабря), подъ прикрытіемъ темноты, они очистили эту позицію, которую японцы немедленно заняли.

Всегда трудно было точно оцѣнить потери японцевъ въ каждомъ отдѣльномъ бою, и число павшихъ у Высокой горы (203 метр. высоты) точно установить нельзя. Я полагаю, что число—отъ 9000 до 10000 человекъ раненыхъ и убитыхъ—будетъ близко къ истинѣ; другіе считаютъ, что потери доходили до 12000 человекъ. Во всякомъ случаѣ потери были не менѣе 9000, и весьма вѣроятно, что онѣ были значительно больше. Одна 7-я дивизія насчитывала болѣе 6000 человекъ убитыхъ и раненыхъ, въ этомъ первомъ своемъ дѣлѣ.

Высокая гора, послѣ ея взятія, была бы идеальнымъ мѣстомъ для „Конференціи мира“. Вѣроятно, никогда съ тѣхъ поръ, какъ французы атаковали большой редутъ у Бородино, не бывало сосредоточено на такомъ ограниченномъ пространствѣ столько убитыхъ.

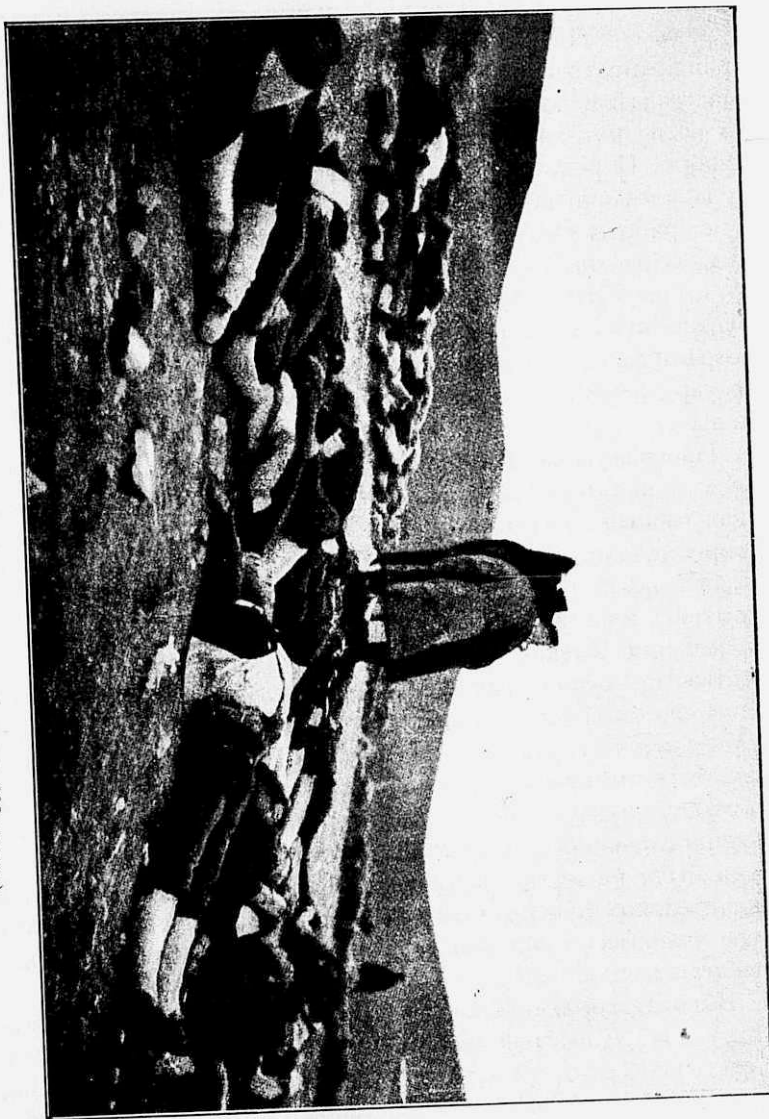
У подошвы Высокой горы была устроена первая линия русских траншей; вечером 14 (27) ноября, здѣсь разыгралось нѣсколько жаркихъ штыковыхъ боевъ; русскіе и японскіе солдаты лежали бокъ-о-бокъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они пали. Тутъ былъ случай, что русскій и японскій солдатъ проткнули другъ друга штыками одновременно.

Вверхъ по склонамъ горы тѣла убитыхъ лежали все гуще и гуще, такъ какъ здѣсь штурмовавшіе отряды поражались фланговымъ огнемъ съ Плоской горы (Акасакаяма). Въ теченіе всѣхъ дней атаки стоялъ морозъ, и тѣла павшихъ отлично сохранились. Интересно было наблюдать разныя позы и выраженія на окаменѣвшихъ лицахъ труповъ. По позѣ и довольно, иногда счастливому, выраженію лица нѣкоторыхъ труповъ можно было предположить, что люди эти умерли естественною и безболѣзненной смертью; у другихъ въ каждой чертѣ лица проглядывалъ презрѣнный страхъ. Это были, вѣроятно, тѣ, которые не были убиты сразу, къ которымъ ужасы смерти подбирались медленно. У многихъ труповъ, особенно среди японцевъ, которыхъ уложили во время атаки по склону высоты, зубы были стиснуты и на лицѣ была написана дикая рѣшимость.

На мертвыхъ японцевъ страшно смотрѣть, такъ какъ цвѣтъ ихъ лица дѣлается совершенно зеленымъ, что придаетъ имъ неестественный видъ. Я былъ удивленъ, замѣтивъ среди убитыхъ японцевъ довольно много совсѣмъ мальчиковъ; это были люди изъ состава 7-й дивизіи; я не знаю почему, но вся эта дивизія состояла изъ молодыхъ рекрутовъ.

Любопытный фактъ: чѣмъ моложе солдатъ, тѣмъ большее возбужденіе написано у него на лицѣ послѣ смерти. На лицахъ юношей, попавшихъ въ бой въ первый и послѣдній разъ при штурмѣ Высокой горы (203 метр. высоты), были запечатлѣны всѣ разнообразныя душевныя движенія, которыя могутъ волновать молодыхъ солдатъ въ подобныхъ случаяхъ; на нихъ выражены были—и рѣшимость, и страхъ, и большое удивленіе. Несомнѣнно, именно эти чувства они переживали, когда надъ ними разразился ураганъ металла.

Уборка японцами труповъ у Высокой горы (высота 203 метра).

Отъ верхней линіи траншеи до гребня высоты—картина не поддается описанію; на этихъ послѣднихъ сорока ярдахъ штурмовыя колонны встрѣчались не только ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, но и сотнями ручныхъ гранатъ. Много убитыхъ и раненыхъ, павшихъ близъ гребня горы, были, просто-на-просто, разорваны на части сосредоточеннымъ огнемъ японской и русской артиллеріи. Здѣсь не было ни одного цѣлаго трупа; склонъ высоты былъ усеянъ отдѣльными частями человѣческаго тѣла, черепами, кусками мяса и безформенными остатками тѣхъ, кто былъ еще недавно человѣческимъ существомъ; все это перемѣшалось съ осколками снарядовъ, сломанными винтовками, изогнутыми штыками, гранатами и кучами камня, оторванного взрывами.

Сооруженія на гребнѣ обѣихъ вершинъ были буквально разбиты въ куски; невозможно было представить ихъ первоначальныя очертанія. Среди этого полного хаоса камней, земляныхъ мѣшковъ, снарядовъ, обугленныхъ балокъ, поломанныхъ винтовокъ, кусковъ обмундированія и снаряженія всякаго рода сотнями лежали трупы русскихъ и японскихъ солдатъ. На восточномъ склонѣ горы лежали преимущественно русскіе трупы, на западной—японскіе; на вершинѣ лежали вперемѣшку и тѣ, и другіе.

Въ одномъ изъ блиндажей, куда я заглянулъ, я увидѣлъ дюжину русскихъ солдатъ; всѣ они сидѣли спиной къ стѣнкѣ, при чемъ большинство скрестили руки на груди; винтовки были прислонены къ стѣнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ вида убитаго; они выглядѣли заснувшими, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ я не могъ найти ни одного пораненія. Видимо, они были убиты силой взрыва одного изъ тяжелыхъ снарядовъ, не будучи задѣты имъ.

Другой замѣчательный фактъ, что много убитыхъ было совершенно лишены одежды, сожженной взрывомъ снарядовъ или разрывомъ ручныхъ гранатъ.

Очищеніе горы отъ тысячъ труповъ составляло тяжелую работу и требовало для ея выполненія нѣсколько дней; такъ

какъ стояли морозы, дурныхъ послѣдствій отъ такой проволочки не получилось.

Ежедневно чины разныхъ баталіоновъ поднимались на гору и пытались разыскать между убитыми своихъ товарищей, чтобы можно было послать въ Японію точное донесеніе о потеряхъ. Каждый японскій солдатъ, идя въ бой, имѣетъ при себѣ карточку, указывающую его имя и часть войскъ, но большинство тѣлъ, близъ гребня, было такъ изуродовано, что не могло быть рѣчи объ установленіи ихъ личности. Какъ только удавалось установить чью-либо личность, трупъ опознаннаго уносили съ горы внизъ, гдѣ они лежали въ ожиданіи сожженія; врачи вырѣзывали у cadaго трупа „Адамово яблоко“, для отправленія его въ Японію роднымъ убитаго.

Русскія земляныя сооруженія на гребнѣ Высокой горы (Роюшанъ) исправлялись во время перерывовъ между атаками, при чемъ часто тѣлами мертвыхъ пользовались для замѣны земляныхъ мѣшковъ; черезъ эти ужасные импровизированные бруствера обѣ стороны вели бой штыками и ручными гранатами.

Вѣроятно, русскіе были сильно деморализованы взятіемъ Высокой горы; хотя вершина эта находилась въ полосѣ обстрѣла съ западныхъ фортвъ крѣпости, русскіе не пытались даже обстрѣливать сотни японскихъ солдатъ, которые расхаживали по горѣ, безпрестанно вырисовываясь на фонѣ неба.

Подробное описаніе внѣшняго вида Высокой горы (203 метр. высоты) потребовало бы цѣлыхъ главъ, почему не стоитъ долѣе останавливаться на этихъ ужасахъ.

Рѣдко на войнѣ солдату представляется такой удобный случай проявить высокія качества непоколебимой храбрости и преданности своему долгу, которыя вполне выказали солдаты Японіи и Россіи въ борьбѣ за эту высоту. Слава принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ какъ японцамъ, такъ и русскимъ; если же конечный успѣхъ увѣнчалъ усилія японцевъ, то лишь потому, что ихъ артиллерія дѣлала изъ русскихъ

укрѣплений кашу, и что у нихъ всегда имѣлись наготовѣ свѣжія войска, чтобы бросить ихъ въ атаку черезъ обломки укрѣплений.

Тѣмъ, кто палъ здѣсь, какъ русскимъ, такъ и японцамъ, вѣчнымъ памятникомъ будетъ—гора, за обладаніе которой они состязались. Памятники, созданные руками людей, не прочны, и ихъ не стоитъ здѣсь сооружать.

Съ именемъ Высокой горы (203 метр. высоты) навѣки будутъ связаны рассказы и преданія о мрачныхъ дняхъ, съ 14 (27) ноября по 22 ноября (5 декабря).

ГЛАВА XXII.

Разрушеніе русскихъ военныхъ судовъ.

Японцы не откладывали ни на одинъ день своей задачи разрушенія русскихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ въ гавани. Они считали болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что русскіе опять выйдутъ въ море и попытаются уйти, пока еще есть возможность.

Для такой пылкой націи, какъ японцы, казалось прямо невѣроятнымъ, чтобы цѣлая эскадра примирилась съ участью быть разстрѣлянной, стоя на якорѣ. Однако этотъ исходъ избрали русскіе. Сейчасъ послѣ взятія Высокой горы (203 метр. высоты), на гребнѣ ея очистили небольшое пространство и устроили здѣсь блиндажъ для наблюдательной станціи, въ которомъ установили подзорную трубу. Для наблюдений на эту станцію посылались морскіе офицеры; они телефономъ соединены были съ батареей 28 сант. гаубицъ и могли, такимъ образомъ, корректировать стрѣльбу каждаго орудія: они же могли судить о томъ, когда броненосецъ приведенъ въ полную негодность.

23 ноября (6 декабря) началась бомбардировка; въ этотъ день, какъ доносили, было нѣсколько попаданій въ „Полтаву“, и вечеромъ она была уже въ плохомъ состояніи. На невысокой сѣдловинѣ, отдѣляющей Высокую гору (203 м. высоту) отъ Плоской горы (Акасакаяма), японцы устано-

вили нѣсколько 4,7 дм. морскихъ орудій; благодаря этому они могли производить прицѣльную стрѣльбу по судамъ бронейными снарядами. Способъ установки этихъ орудій былъ очень поучителенъ: ихъ установили на самомъ гребнѣ, и они хорошо были видны русскимъ артиллеристамъ, на западныхъ фортахъ; около нихъ моряки устроили блиндажи изъ дерева и земляныхъ мѣшковъ, крышу которыхъ сдѣлали такой же прочной, какъ 6 дм. стальная броня.

Интересно было наблюдать за стрѣльбой артиллеріи по русскимъ военнымъ судамъ, но, пока вы не стояли на гребнѣ Высокой горы (Роюшанъ), вы совершенно не могли видѣть, куда упалъ снарядъ. Повидимому, артиллеристы бросали иногда свои снаряды въ море, и большинство снарядовъ, конечно, не попало въ цѣль; однако, въ первые же два дня бомбардировки достаточное число ихъ дошло по назначенію и могло убѣдить русскихъ, что они принуждены будутъ либо очистить гавань, либо быть свидѣтелями гибели своихъ судовъ.

Донесли, что одно за другимъ потоплены: первымъ „Полтава“, затѣмъ „Ретвизанъ“ и, наконецъ, быстро другъ за другомъ, „Паллада“, „Баянъ“, „Побѣда“ и „Пересвѣтъ“. Одинъ только капитанъ фонъ-Эссенъ сдѣлалъ попытку спасти свой корабль—броненосецъ „Севастополь“.

26 ноября (9 декабря) „Севастополь“ вышелъ изъ гавани и сталъ на якорь у Тигроваго полуострова. Вокругъ него устроили загражденіе, и три дня онъ выдерживалъ атаки японскихъ миноносцевъ. Въ концѣ концовъ, загражденіе было разрушено и мина повредила корпусъ и рулевой механизмъ броненосца. Увидѣвъ, что нѣтъ надежды спасти судно, капитанъ фонъ-Эссенъ отвелъ его на глубокую воду и здѣсь потопилъ. По крайней мѣрѣ „Севастополь“ никогда не пойдетъ подъ японскимъ флагомъ.

Японцы въ это время полагали, что они потопили русскія суда своими снарядами, но, какъ выяснилось впоследствии, этого не случилось. Японскіе морскіе офицеры съ наблюдательнаго пункта видѣли, что ни одно изъ судовъ

не можетъ уже выйти въ море. Однако, какъ теперь извѣстно, русскіе сами затопили суда, чтобы защитить ихъ отъ навѣснаго огня 28 сант. снарядовъ; они надѣялись, что поднимутъ ихъ, если крѣпость будетъ освобождена.

Адмиралъ Того пріѣхалъ съ броненосца „Миказа“ и взобрался на Высокую гору (203 метр. высоту), чтобы произвести окончательную повѣрку всѣхъ судовъ въ гавани.

За исключеніемъ крейсера „Баяна“, который лежалъ потопленный у набережной восточнаго бассейна, всѣ остальные суда лежали близъ берега, ища защиты подъ Перепелочной горой (Пайюшанъ). Высота эта укрывала флотъ отъ японцевъ, когда они взяли Длинную гору (Намакаяма), и поставила ихъ въ необходимость взять Высокую гору (203 метр. высоту).

Огромное значеніе того, что совершили 1-я и 7-я дивизіи, должно было произвести сильное впечатлѣніе на доблестнаго адмирала, когда онъ стоялъ на Высокой горѣ (Роюшанъ), окруженный тысячами тѣлъ людей, которые погибли, чтобы помочь ему и его флоту.

Японскій флотъ, подъ начальствомъ знаменитаго адмирала, достигъ высшей славы, но на морскихъ торжествахъ, бывшихъ въ Токио, представители дивизій, взявшихъ Высокую гору (Роюшанъ), должны были занимать почетное мѣсто, такъ какъ они, и только они одни, виновники разрушенія русской эскадры. Безъ ихъ содѣйствія могло бы не быть морского смотра, или могъ быть смотръ однихъ остатковъ японскаго флота, вмѣсто великолѣпнаго строя болѣе двухъ сотъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ въ заливѣ Токио. Ни адмиралъ Того, ни служившіе подъ его начальствомъ офицеры никогда не пожелали бы лишиться доблестныхъ солдатъ 1-й и 7-й дивизій исполнѣ заслуженнаго ими почета и значенія.

Когда адмиралъ Того увидѣлъ, что ни одно русское военное судно не выйдетъ больше въ море, онъ объ этомъ телеграфировалъ морскому министерству. Изъ всѣхъ извѣстій во время войны, которыя доходили до Токио и почти безъ

исключенія были всегда пріятныя, ни одно не вызвало такой большой радости и не дало такого чувства облегченія, какъ извѣстіе объ окончательномъ разрушеніи русской эскадры въ Портъ-Артурѣ. Чтобы добиться этой цѣли, японцы вели постоянныя атаки на крѣпость. Они затратили миллионы денегъ и пожертвовали тысячами жизней; число убитыхъ и раненыхъ къ этому времени превышало 64.000 человекъ. Послѣ шести мѣсяцевъ отчаянныхъ боевъ, какіе рѣдко бывали въ другихъ войнахъ, надежды японцевъ, наконецъ, осуществились днемъ 22 ноября (5 декабря), когда передніе ряды японцевъ стали на гребнѣ Высокой горы (Роюшань). Хотя нельзя не жалѣть о страшныхъ потеряхъ человѣческихъ жизней на этой высотѣ, однако, не можетъ быть вопроса, стоило ли это всѣхъ жертвъ; еслибъ пришлось вынести въ два раза больше страданій, японскіе генералы никогда не колебались бы при подобныхъ условіяхъ.

Въ числѣ павшихъ при атакахъ Высокой горы (203 метр. высоты) былъ второй сынъ генерала Ноги, офицеръ штаба 7-й дивизіи; ему прострѣлили голову, когда онъ везъ приказаніе въ боевую линію. Первый сынъ генерала погибъ во время атаки Цзинчжоуской позиціи (Наншань), доблестно ведя свою роту въ атаку на русскія траншеи.

Взятіе Высокой горы (203 метр. высоты) заставило русскихъ очистить линію траншей, идущихъ отъ этой высоты къ форту IV (Ицзушань).

Съ 22 ноября (5 декабря) японцы сдѣлались хозяевами всей открытой полосы мѣстности около Голубиной бухты и Ляотышаня; хотя предстояла еще нѣкоторая борьба, чтобы отбросить русскихъ назадъ на линію ихъ долговременныхъ фортовъ, на западѣ, но она была не тяжела.

Послѣ взятія Высокой горы (203 метр. высота) русская линія обороны сократилась до крайняго предѣла, и роковой недостатокъ Портъ-Артура, какъ крѣпости, сталъ очевиденъ. Оборонительныя сооруженія расположены слишкомъ близко къ городу и гавани; они могутъ быть разрушены

орудіями осаждающей арміи, если взята Высокая гора (203 метр. высота).

Пока обѣ арміи ожидали результатовъ борьбы за обладаніе Высокой горой (203 метр. высотой), военныя дѣйствія на восточномъ фронтѣ совсѣмъ прекратились, и въ теченіе десяти дней, съ 13 (26) ноября до 22 ноября (5 декабря), ни одно изъ русскихъ и японскихъ орудій не сдѣлало ни одного выстрѣла, исключая тѣ орудія, которыя были заняты бомбардированіемъ Высокой горы (203 метр. высоты).

19 ноября (2 декабря) русскіе подняли у батарен лит. Б. (Хигаши Кейкваншань) бѣлый флагъ; изъ укрѣпленія вышелъ офицеръ и выразилъ желаніе видѣть японскаго штабнаго офицера. Просьба русскаго офицера была передана по телефону въ штабъ, и оттуда получено было разрѣшеніе генерала Ноги, находившагося въ это время на западѣ, японскому офицеру встрѣтиться съ русскимъ и узнать, чего онъ желаетъ. Тогда вышелъ впередъ офицеръ штаба 11-й дивизіи и русскій объяснилъ, что желаетъ японцамъ дать возможность убрать своихъ раненыхъ, которые пали во время атаки 13 (26) ноября, такъ какъ русскіе не могли оказать имъ помощь. Онъ желалъ также условиться относительно погребенія мертвыхъ, лежавшихъ около батарен лит. Б. (Хигаши Кейкваншань) ¹⁾.

Русскіе желали получить отвѣтъ въ 10 часовъ утра въ тотъ же день, но такъ какъ это было невозможно, то рѣшеніе этого вопроса отложили до 10 часовъ утра слѣдующаго дня.

Генералъ Ноги изъявилъ свое полное согласіе на это предложеніе, но съ однимъ условіемъ, чтобы военныя дѣйствія на западѣ не прекращались; это означало, что японцы предполагаютъ продолжать атаки на Высокую гору (203 метр. высота).

20 ноября (3 декабря) опять поднять былъ бѣлый флагъ

¹⁾ Переговоры относительно уборки убитыхъ и раненыхъ начали сами японцы, а не русскіе.

и въ теченіе трехъ часовъ, съ 12 до 3 часовъ дня, производилась уборка раненыхъ и погребеніе убитыхъ.

Это былъ первый случай за все время осады, что офицеры враждующихъ армій имѣли возможность мирно встрѣтиться другъ съ другомъ; конечно, это перемиріе вызвало большой интересъ. Сцена, происходившая на батарее лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань), между русской и японской линіями, была дѣйствительно очень интересна. Нѣсколько русскихъ офицеровъ вышли изъ своихъ траншей; ихъ встрѣтили японскіе офицеры 11-й дивизіи. Офицеры обѣихъ сторонъ принесли съ собою угощеніе. Японцы принесли для угощенія русскихъ—бутылки ликера, саки, пива и другіе запасы; я думаю, они ожидали, что русскіе будутъ благодарны за такую роскошь послѣ лишеній осады. Однако, русскіе рѣшили никоимъ образомъ не показывать, что они плохо питаются; офицеры принесли съ собою для угощенія японцевъ—бутылки краснаго вина, шампанскаго, ликера и разныя печенья.

Снаряженные такимъ образомъ враги встрѣтились въ товарищескомъ кружкѣ, а въ это время носильщики подбегали раненыхъ и хоронили убитыхъ.

Въ восьми миляхъ къ западу находилась Высокая гора (203 метр. высота), съ которой доносился непрерывный гулъ орудій и трескотня ружей, когда японцы повторяли свои атаки, чтобы опять быть отбитыми упорной русской пѣхотой, расположенной вдоль гребня.

Русскіе и японцы на участкѣ, гдѣ заключено было перемиріе, находились подъ впечатлѣніемъ такого своеобразнаго положенія и не могли удержаться, чтобы не дѣлать намековъ на борьбу, кипѣвшую на западѣ. „Вы никогда не возьмете Высокой горы“—сказалъ одинъ изъ русскихъ офицеровъ японскому капитану. „Мы купимъ ее кровью“—былъ его отвѣтъ. Этотъ удачный отвѣтъ вызвалъ у русскихъ аплодисменты.

Одинъ изъ японцевъ, профессоръ Шибя, состоящій при штабѣ генерала Ноги, былъ такъ охваченъ своими чувствами, что счелъ умѣстнымъ произнести рѣчь. Онъ распу-

стилъ свое краснорѣчіе по-японски, а затѣмъ его слова переводили на русскій языкъ.

„Такая встрѣча, какъ сегодня“,—сказалъ онъ—„могла произойти только между храбрыми врагами. Зачѣмъ японцы и русскіе враги? Необходимо, безъ сомнѣнія, довести эту войну до конца, но какъ только она окончится, Россія и Японія должны соединиться, и тогда онѣ будутъ такъ сильны, что раздѣлять между собою весь міръ“.

Перспектива, нарисованная доблестнымъ профессоромъ, была принята русскими громкими криками: „да! да!“ Затѣмъ наполнили стаканы, и обѣ стороны выпили за здоровье другъ друга.

Русскіе говорили, что они не въ состояніи будутъ выдержать еще два такихъ штурма, какъ 13 (26) ноября. Они сообщили также, что люди ихъ питаются однимъ хлѣбомъ, а ослиное и лошадиное мясо получаютъ только одинъ разъ въ недѣлю.

Ровно въ 3 часа, офицеры пожали другъ другу руки и разошлись, при чемъ японцы выразили надежду, что вскорѣ они опять встрѣтятся со своими доблестными противниками; русскіе же возразили, что до этой встрѣчи пройдетъ, вѣроятно, еще не мало времени. Затѣмъ опустили бѣлые флаги и пѣхота начала щелкать другъ друга изъ своихъ траншей.

Рѣчь профессора Шибя, въ которой онъ предлагалъ, чтобы Россія и Японія раздѣлили между собою весь міръ, вызвала сильное негодованіе иностранцевъ, бывшихъ при японской арміи. Конечно, не любезно было со стороны профессора, при раздѣлѣ всего міра, забыть о союзникѣ своего отечества, который оказалъ не мало услугъ.

Въ штабѣ генерала Ноги поступали жалобы на тонъ рѣчи профессора. Штабные офицеры, однако, не принимали этого въ серьезъ; такъ же поступили и мы. Они посмѣивались надъ профессоромъ, говоря, что онъ находится здѣсь не официально, и что во всякомъ случаѣ они отложатъ раздѣленіе міра до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ Высокой

горы (203 м. высоты), не разрушать флота и не овладѣють крѣпостью.

Къ концу осады на нѣкоторыхъ участкахъ солдаты враждующихъ сторонъ находились такъ близко другъ отъ друга, что входили въ сношенія съ противникомъ, чтобы скоротать какъ-нибудь томительные зимніе дни, когда не было боя; иногда они обмѣнивались при этомъ подарками, въ видѣ пачекъ папиросъ или сигаръ.

Какъ-то ночью японскій солдатъ сидѣлъ въ своей траншеѣ около форта III (Нирушань), какъ вдругъ упалъ камень и ударилъ его въ голову. Онъ поднялъ камень, къ которому привязано было письмо; открывъ письмо, онъ нашелъ въ немъ телеграмму, адресованную въ Россію какой-то дамѣ. Письмо содержало просьбу русскаго офицера, отправить эту телеграмму его матери въ Россію; въ телеграммѣ сообщалось, что онъ здоровъ и надѣется выйти изъ осады невредимымъ. Въ конвертъ были вложены десять рублей, на покрытие расходовъ за передачу телеграммы. Десяти рублей, однако не хватило и надо было добавить еще 15 іенъ¹⁾, чтобы составила нужная сумма. Японскіе офицеры и солдаты, бывшіе въ траншеѣ у форта III (Нирушань), устроили подписку для сбора недостающей суммы, а затѣмъ послали телеграмму въ штабъ, откуда ее отправили въ Россію. На слѣдующую ночь они бросили на фортъ III (Нирушань) письмо, въ которомъ сообщали, что они исполнили просьбу, упомянувъ при этомъ, что они должны были приплатить 15 іенъ. Послѣ этого русскіе перебросили новое письмо, въ которомъ благодарили за исполненіе просьбы, извинялись, что на отправку телеграммы было вложено мало денегъ, и возвращали добавленные японцами 15 іенъ. Такимъ образомъ, все дѣло велось на чисто коммерческой почвѣ. Но какъ все это кажется странно: сегодня вы имѣете дѣло съ людьми, которые посылають телеграмму, чтобы сдѣлать одолженіе своему

¹⁾ Около 15 рублей.

противнику, а нѣсколькими днями позже японцы берутъ позицію штурмомъ и прикалываютъ почти всѣхъ защитниковъ ея, не исключая, можетъ быть, и того офицера, для котораго они посылали телеграмму.

Женщины и дѣти, бывшія въ Портъ-Артурѣ во время осады, почти всѣ остались невредимы. Только одна женщина была убита, но и то по собственной винѣ; ея самопожертвованіе и храбрость долго будутъ вспоминать въ повѣствованіяхъ о разныхъ подвигахъ. Возлюбленный этой женщины прибылъ изъ Сибири со своимъ полкомъ въ Портъ-Артуръ; чтобы не разставаться, она послѣдовала за нимъ, одѣла солдатскій мундиръ, была поставлена въ строй и сражалась рядомъ съ нимъ во время осады. Эта героиня побывала во многихъ самыхъ жаркихъ дѣлахъ, стрѣляла ежедневно по врагамъ своего отечества и, наконецъ, была убита снарядомъ на форту II (Сѣверн. Кейкваншань).

Когда японцы взяли эту позицію и хоронили убитыхъ, они были очень поражены, найдя женскую руку. Они дѣлали разныя предположенія относительно найденной руки и пришли къ заключенію, что была убита жена коменданта форта, которая иногда навѣщала своего супруга, какъ сообщали имъ плѣнные. Однако, это было не такъ; какъ выяснилось послѣ капитуляціи, найденная рука, очевидно, принадлежала той храброй женщинѣ, о которой я только-что говорилъ.

Послѣ окончанія осады я читалъ письмо одного русскаго, въ которомъ онъ описывалъ подвиги этой женщины, и видѣлъ фотографію, снятую съ нея, когда она сражалась въ траншеяхъ.

Погода, за исключеніемъ нѣсколькихъ очень холодныхъ дней, стояла хорошая до конца октября; затѣмъ наступила настоящая зима. Японская армія начинала подготавливаться къ холодному времени. Я долго недоумѣвалъ, что они будутъ дѣлать и какъ размѣстятъ свои войска и тысячи лошадей, когда на землѣ будетъ лежать снѣгъ. Этотъ вопросъ, однако, разъяснился, когда они начали сооружать свои зимнія помѣщенія.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ войска были расположены лагеремъ на отлогостяхъ высотъ, въ которыхъ были вырѣзаны террасы, благодаря чему большое количество людей могло быть сосредоточено на очень небольшомъ пространствѣ. На этихъ террасахъ солдаты устраивали себѣ шалаши изъ полотнищъ палатокъ, одѣяль, древесныхъ сучьевъ и старыхъ рисовыхъ мѣшковъ, которые оказались очень полезны. Они устроились такимъ образомъ совсѣмъ удобно, пока была теплая погода, однако, совершенно невозможно было спать на холодной землѣ, когда начнется снѣгъ и подуетъ съ сѣвера холодный вѣтеръ.

Съ наступленіемъ зимы, японцы перешли въ землянки, устроенныя ими у подошвы высоты. Стѣны землянокъ были обмазаны глиной, которая дѣлала эти постройки непроницаемыми для воды и вѣтра. Въ каждой землянкѣ была одна дверь, опущенная ниже горизонта. Крыша дѣлалась изъ сучьевъ и мѣшковъ, а затѣмъ обмазывалась глиной, которая сильно затвердѣвала въ холодную погоду; однако, надо было тщательно слѣдить за глиняной обмазкой и часто ее возобновлять. Въ одномъ углу землянки горѣлъ древесный уголь, а дымъ выходилъ черезъ отверстіе въ крышѣ, куда было вставлено колѣно трубы; когда вѣтеръ задувалъ въ трубу, дымъ наполнялъ землянку и люди, бывшіе въ ней, прямо задыхались отъ дыма.

Дерева на Ляодунскомъ полуостровѣ было очень мало; древесный уголь доставлялся въ большомъ количествѣ изъ Японіи, и затѣмъ раздавался войскамъ. Часто въ землянкахъ было очень тепло отъ большого числа набитыхъ тамъ людей, и не было необходимости разводить огонь, но тѣмъ не менѣе огонь въ землянкѣ поддерживался непрерывно. На небольшой печкѣ стоялъ, обыкновенно, старый чайникъ, или котелокъ, постоянно доливаемый водой, такъ что во всякое время обитатели землянки могли заварить чай.

Стѣны этого зимняго „дворца“ были одѣты матами, или грубымъ холстомъ, и содержались безукоризненно чисто. На земляномъ полу, часто подметаемомъ, лежали одѣ-

яла, на которыхъ обитатели лежали днемъ и спали ночью.

Всѣ японскіе лагеря вокругъ Портъ-Артура были передѣланы, такимъ образомъ, изъ надземныхъ въ подземные; во время зимы можно было наблюдать своеобразное зрѣлище, какъ 100.000 человекъ жили подобно кроликамъ. Когда выпадало много снѣга, эти вырытыя въ землѣ жилища совершенно покрывались имъ; часто, просыпаясь утромъ, обитатели этихъ жилищъ замѣчали, что они засыпаны снѣгомъ, и принуждены были прорывать проходъ отъ своей двери.

Иногда, зимой, можно было пройти цѣлыя мили и не встрѣтить ни солдата, ни лошади; японцы очень не любятъ холода, и зимой не выходятъ изъ своего жилища, за исключеніемъ безусловной необходимости. Еслибъ кто-нибудь посторонній прибылъ въ армію и прошелся по линіямъ осаждающаго, онъ не могъ бы подумать, что находится среди сто тысячной арміи.

Закрытія для лошадей строились тѣмъ же способомъ, какъ и для людей, но только они не имѣли такого отдѣланнаго, законченнаго вида. Эти несчастныя животныя такимъ образомъ предохранены были, въ сильные холода, отъ гибели, которая навѣрно постигла-бы ихъ, еслибъ ихъ оставили на коновязяхъ.

Солдаты, несшіе службу въ траншеяхъ, не могли жить такъ комфортабельно; чтобы согрѣться, они принуждены были жаться другъ къ другу, такъ какъ нельзя было разводить огонь. Они натягивали свои одѣяла поверхъ траншей и, такимъ образомъ, получали нѣкоторую защиту отъ холода; въ теченіе длинныхъ зимнихъ ночей они, тѣмъ не менѣе, сильно страдали отъ холода. Только въ холодные дни я не слышалъ звуковъ стрѣльбы со стороны передовыхъ траншей; тогда солдаты обѣихъ армій сидѣли въ своихъ траншеяхъ, прижавшись другъ къ другу, чтобы согрѣться, и переставали взаимно беспокоить другъ друга.

Одинъ изъ наиболѣе заслуживающихъ вниманія фактовъ,

связанных съ осадой Портъ-Артура, полная неосвѣдомленность Японцевъ относительно количества гарнизона крѣпости. Репутація ихъ „развѣдочнаго бюро“ стоитъ высоко, но я склоненъ думать, что во время войны этотъ взглядъ былъ измѣненъ. Кажется невѣроятнымъ, чтобы японцы, имѣя полную возможность пользоваться услугами китайскаго населенія, имѣя среди своихъ людей много шпионовъ, готовыхъ рисковать жизнью, не могли до начала осады точно, или хотя-бы приблизительно, узнать количество противника въ крѣпости.

Гарнизонъ, не считая матросовъ, составляли болѣе 40.000 нижнихъ чиновъ, а между тѣмъ, уже въ августѣ и сентябрѣ, штабъ японской арміи опредѣлялъ общее количество защитниковъ крѣпости всего въ 15.000 человекъ. Въ октябрѣ, послѣ взятія капонира № 3 (Хачимачаяма) и верхнихъ траншей у форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань), когда надежды японцевъ были особенно радужны, количество гарнизона они исчисляли въ 9.000 человекъ. Послѣ ужасной неудачи 17 (30) октября, число гарнизона, скачкомъ, поднялось до 16.000; затѣмъ, въ дни предшествовавшіе штурму 13 (26) ноября, оно постепенно падало приблизительно до 12.000; послѣ этого штурма количество гарнизона опять увеличилось до 20.000—30.000 человекъ; послѣ взятія Высокой горы (203 метр. высоты) число его опять упало приблизительно до 12.000 человекъ. Когда были взяты фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), фортъ III (Нирушань) и укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), штабъ опредѣлялъ, что около 8.000 или 9.000 полуголодныхъ больныхъ людей занимали линію обороны крѣпости.

Если японцы грубо заблуждались въ своей оцѣнкѣ количества гарнизона въ Портъ-Артурѣ, то съ полковникомъ Рейсомъ, начальникомъ штаба Стесселя, вышелъ еще болѣе курьезъ. Во время заключенія капитуляціи, онъ сообщилъ невѣроятное свѣдѣніе, что только 4.000 человекъ могутъ выступить въ качествѣ военно-плѣнныхъ; остальные были—раненые и больные—въ госпиталяхъ. На слѣдующій же

день 800 офицеровъ и 22.000 нижнихъ чиновъ, не включая сюда матросовъ ¹⁾, явились на сборный пунктъ и поступили на довольствіе къ японцамъ, которые не ожидали такого большого числа и были поставлены въ затруднительное положеніе по довольствію людей. Въ общее число военноплѣнныхъ не включены еще 13.000 больныхъ и раненыхъ, оставшихся въ госпиталяхъ.

Японцы скрываютъ точныя свѣдѣнія о своей арміи гораздо удачнѣе, чѣмъ узнаютъ данныя о своемъ противникѣ. Русскіе, благодаря своей небрежности и отсутствію мѣръ предосторожности, болѣе дѣйствительно вводили въ заблужденіе японцевъ, чѣмъ если бы они систематически привялись за дѣло и окружали тайной каждое свое движеніе.

Японцы обладаютъ удивительной способностью скрывать точное количество своихъ силъ. Еслибъ меня спросили въ любой періодъ осады, сколько у японцевъ войскъ подъ Портъ-Артуромъ, я не могъ бы отвѣтить даже приблизительно. Я зналъ наперечетъ всѣ дивизіи, бригады и полки, но когда доходило дѣло до опредѣленія ихъ численности, я могъ указать только ихъ мирный составъ. Во время войны составъ частей войскъ не поддается точному учету.

Послѣ конца осады, когда уже не было цѣли скрывать дѣйствительное положеніе, я получилъ официальные свѣдѣнія, что въ лагеряхъ около Портъ-Артура было сосредоточено 97.000 человекъ, и кромѣ того 20.000 находилось въ тылу и въ Дальнемъ.

¹⁾ Общее число военно-плѣнныхъ, явившихся на сборный пунктъ—746, офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и заурядъ-прапорщиковъ, 23.131 ниж. чиновъ. Въ число нижнихъ чиновъ включены и 5.813 человекъ моряковъ.

Прим. перевод.

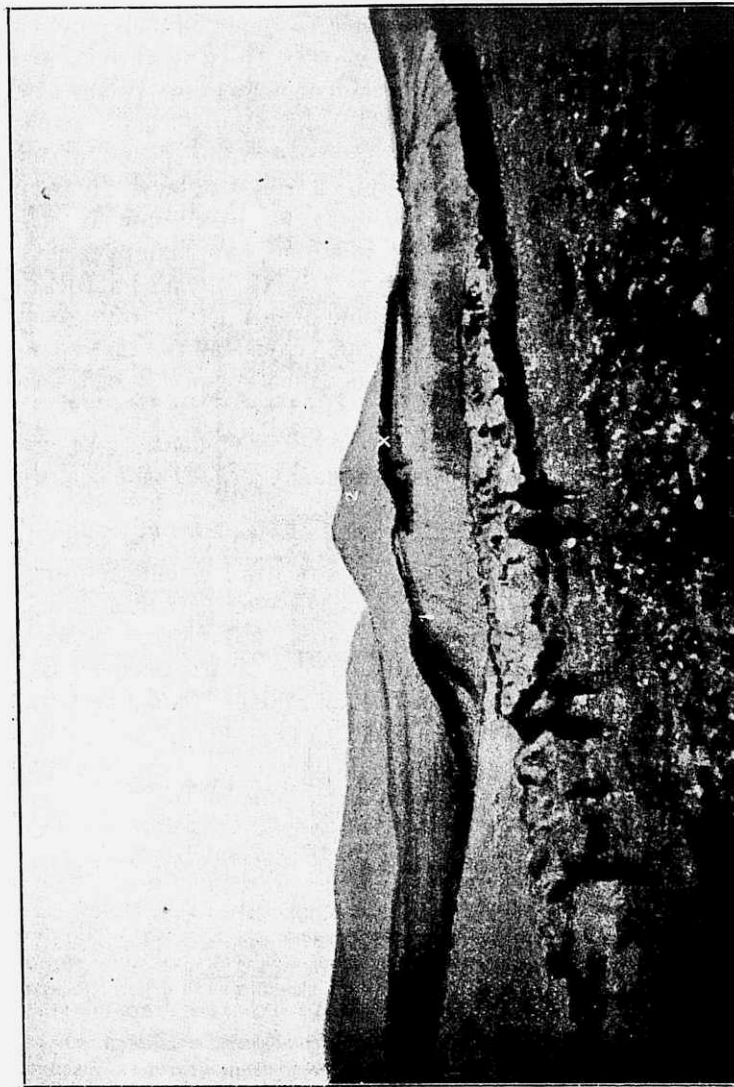
ГЛАВА XXIII.

Падение форта II (Сѣв. Кейкваншань) и форта III (Нирушань).

Падение Высокой горы (203 метр. высоты) заставило русских покинуть, почти безъ сопротивления, цѣлую линію траншей, идущую отъ взятой высоты до берега Голубиной бухты. Однако, они продолжали удерживать нѣкоторыя передовыя позиціи впереди западнаго фронта крѣпости, и необходимо было выбить ихъ изъ этихъ позицій, раньше чѣмъ двигаться сапами противъ фортовъ.

24-го ноября (7-го декабря), передъ восходомъ солнца, 7-я дивизія атаковала наиболѣе выдвинутую впередъ русскую позицію на западномъ фронтѣ и взяла ее послѣ слабаго сопротивленія. Въ тотъ же часъ 3 (16) декабря, 7-я дивизія атаковала вторую позицію и опять успѣшно. Наконецъ 4 (17) декабря, ненасытная 7-я дивизія окончательно прогнала русскихъ изъ передовыхъ позицій западнаго фронта на главную оборонительную линію. Только небольшой отрядъ русскихъ держался еще на изолированной позиціи у самой Голубиной бухты, но и отсюда ихъ скоро прогнали.

Съ 5 (18) декабря японцы владѣли всей открытой равниной, простиравшейся отъ Высокой горы (203 метр. высоты), на сѣверѣ, до Ляотѣшаня, на югѣ, и до Голубиной бухты, на западѣ.

1. Сѣверный фортъ, который атаковали японцы. 2. Даушань. X Крестомъ обозначено мѣсто, гдѣ былъ убитъ ген. Кондратенко. Фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), взятый японцами 5 (18) декабря 1904 г.

3 (16) декабря генералъ Стессель послалъ генералу Ноги письменную жалобу, что японская артиллерія бомбардируетъ госпиталя въ Портъ-Артурѣ. Генералъ Ноги отвѣтилъ, что никогда орудія умышленно не направлялись на госпитали, но въ Старомъ и Новомъ городѣ такъ много зданій украшено флагомъ Краснаго Креста, что трудно разобрать, какія предназначаются для военныхъ цѣлей и какія служатъ госпиталями. У японцевъ произошло по этому поводу нѣсколько совѣщаній и, въ концѣ концовъ, они дали русскимъ условное обѣщаніе: не направлять своихъ орудій на госпитали, если таковые будутъ сгруппированы вдали отъ военныхъ складовъ и другихъ строеній, служащихъ для военныхъ цѣлей. Къ концу осады лишь одинъ госпиталь оказался поврежденнымъ снарядами ¹⁾.

5 (18) декабря, послѣдній періодъ осады начался взрывомъ бруствера форта II (Сѣв. Кейкваншань) и, послѣдовавшимъ за этимъ, взятіемъ форта штурмомъ.

Операции, въ періодъ времени съ 5 (18) декабря до 4 часовъ дня 19 декабря (1 января), момента паденія Портъ-Артура, составляли за время всей осады—четвертый штурмъ, направленный на восточный фронтъ крѣпости. Первый штурмъ—продолжался съ 5 (18) августа до отраженія японцевъ съ Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), ночью 10 (23) августа; второй штурмъ—произведенъ былъ 17 (30) октября на группу фортовъ Кейкваншань; третій штурмъ—13 (26) ноября; четвертый и послѣдній—я собираюсь описывать.

Операции въ декабрѣ существенно отличались отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Въ первый разъ послѣ пяти мѣсяцевъ,

¹⁾ Не одинъ, а всѣ госпиталя, расположенные въ Старомъ и Новомъ городѣ, были повреждены японскими снарядами. При этомъ, многіе госпитали были расположены вдали отъ всякихъ другихъ зданій, имѣли флаги Краснаго Креста и, тѣмъ не менѣе, подвергались обстрѣлу.

Случаевъ злоупотребленій флагомъ Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ не было. Ни на одномъ зданіи, гдѣ не были размѣщены больные и раненые, флагъ Краснаго Креста не поднимался.

Прим. перевод.

которые японцы потратили на то, чтобы долбить крѣпость своими орудіями, дали пѣхотѣ дѣйствительную возможность достигнуть рѣшительнаго успѣха; результаты показываютъ, какъ хорошо пѣхота справилась со своей задачей.

Декабрьскіе штурмы были первые, которые могъ бы оправдать европейскій военачальникъ. До декабря европейскую армію держали бы въ траншеяхъ, и активныя операціи состояли бы исключительно въ сапныхъ и минныхъ работахъ противъ фортовъ, пока не достигли бы удобныхъ пунктовъ, чтобы обрушить укрѣпленія и штурмовать черезъ сдѣланные такимъ образомъ бреши. Японцы пришли къ такому положенію только въ серединѣ декабря и, какъ только они повели атаку при нормальныхъ, или обязательныхъ для подобныхъ штурмовъ, условіяхъ, они имѣли успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, они все-таки не выжидали, пока наступитъ настоящій моментъ.

Въ теченіе осады японцы безъ перерыва вели сапныя и минныя работы; однако медленность этого пріема не нравилась имъ, и три раза, не ожидая результатовъ инженерныхъ работъ, они повели атаки, полагаясь исключительно на удивительную преданность долгу и храбрость своей пѣхоты; они надѣялись, что пѣхота справится со всѣми преградами и этимъ устранена будетъ необходимость сидѣть цѣлыя мѣсяцы подъ крѣпостью, выжидая, пока саперы своими работами не приведутъ къ побѣдѣ.

Человѣческія жизни, загубленные въ августѣ, октябрѣ и ноябрѣ, въ большинствѣ случаевъ, были погублены совершенно безцѣльно, такъ какъ того-же результата можно было бы достигнуть, не предпринимая штурмовъ до середины декабря; крѣпость пала бы въ тотъ-же день, а тысячи жизней могли быть спасены.

Много времени потребовалось японскимъ генераламъ чтобы изучить правило, которое другіе начальники отлично затвердили, а именно: если даны время и деньги, необходимо прежде всего использовать работу сапера, а затѣмъ уже прибѣгать къ силѣ и храбрости войскъ. Если бы японскій

главнокомандующій взять самое элементарное руководство по долговременной фортификаціи, и приказалъ бы своимъ генераламъ слѣдовать совѣтамъ этого руководства, онъ взялъ-бы Портъ-Артуръ въ тотъ же періодъ времени, съ значительно меньшими затрудненіями и потерями.

Руководство по долговременной фортификаціи опредѣленно указываетъ весь ходъ работъ при осадѣ крѣпости. Во первыхъ, необходимо подыскать подходящую позицію, съ которой удобно было-бы двигаться впередъ сапами; такая позиція у японцевъ была—„Дивизионный гребень“. Во вторыхъ, необходимо связать головы отдѣльныхъ сапъ другъ съ другомъ; это японцы сдѣлали, такъ какъ въ долину Шуйшунинъ было проведено пять линій параллелей. Въ третьихъ, если достигли пункта, откуда нельзя двигаться дальше надъ поверхностью земли, необходимо начать минныя работы; это опять-таки японцы сдѣлали. Въ четвертыхъ, нужно разрушить контръ-эскарповыя галлерей фортовъ, чтобы овладѣть рвомъ. Въ пятыхъ, нужно продолжать вести минныя галлерей черезъ ровъ, подъ брустверъ форта, и стараться обрушить эскарпъ. Когда обрушенъ эскарпъ, можно пытаться штурмовать, съ шансами на успѣхъ; если желательно дѣйствовать болѣе осторожно, нужно продолжать движеніе впередъ минными галлереями. Когда японцы выполнили всѣ эти указанія, которыя понятны каждому школьнику, они въ декабрѣ овладѣли тремя наиболѣе сильными позиціями.

Ихъ промахъ состоялъ въ томъ, что они, вслѣдствіе своей крайней стремительности, постоянно атаквали, опережая на одинъ шагъ работу саперъ. Въ августѣ они пошли на штурмъ по открытой долину Шуйшунинъ, раньше чѣмъ проведены были сапы и параллели къ подошвѣ непріятельскихъ позицій. 17 (30) октября они штурмовали позицію Кейкваншанъ безъ всякой надежды на успѣхъ, такъ какъ инженерныя работы еще недостаточно продвинулись впередъ, а въ то же время оставили другіе форты, противъ которыхъ сапы вели безпрепятственно. 13 (26) ноября они штурмовали 3 долговременныхъ укрѣпленія, какъ только

обрушили контръ эскарпы и капонирныя галлерей, но когда еще не пытались даже обрушить эскарпы. О результатахъ этихъ атакъ—я уже говорилъ.

Критикуя преждевременныя попытки взять Портъ-Артуръ, слѣдуетъ, конечно, исключить штурмы тѣхъ позицій, которыя необходимо было взять, чтобы осаждающій могъ приблизиться къ линіи долговременныхъ укрѣпленій. Такъ, было вполне необходимо взять Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ), укрѣпленія къ югу отъ деревни Шуйшунинъ, траншею на гласисѣ форта 111 (Нирушанъ) и капониръ № 3 (Хачимачаяма). Также необходимо было занять передовыя позиціи на западѣ—Длинную гору (Намакаяма) и Высокую гору (203 метр. высоту).

Послѣ несчастной попытки 13 (26) ноября взять фортъ 111 (Сѣв. Кейкваншанъ), японскіе саперы принялись проводить минную галлерейю подъ рвомъ. Они вывели подъ эскарпъ сѣвернаго фаса два главныхъ рукава, длиною около 40 футъ каждый. Цѣлая тонна (62 пуд.) динамита и широксилина была заложена въ минахъ. Все это было выполнено очень быстро и къ 5 (18) декабря все было готово ко взрыву.

Вечеромъ 4 (17) декабря я былъ извѣщенъ, что на другой день, въ 2 часа пополудни, будетъ произведенъ взрывъ, и сейчасъ же послѣ взрыва пойдетъ въ атаку пѣхота. Самой выгодной позиціей, съ которой можно было хорошо видѣть взрывъ, была гора Дагушанъ. Днемъ 5 (18) декабря я направился къ подножію этой горы, гдѣ уже собралось очень много японскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которые въ данный моментъ были свободны и пришли посмотреть на большой взрывъ. Слухъ объ огромномъ взрывѣ, который можно было ожидать, распространился въ арміи и даже флегматическія чувства японцевъ были возбуждены этимъ новымъ способомъ дѣйствій.

За истекшую недѣлю выпало много снѣгу, который 5 (18) декабря покрывалъ землю. День былъ хорошій, ясный, но сильно морозило; снѣгъ лежалъ на землѣ и не таялъ. Когда мы начали взбираться на Дагушанъ, то убѣдились,

что почти невозможно добраться до вершины горы, такъ какъ тропинка была очень скользка.

Здѣсь, на горѣ и около нея, находилось около тысячи японскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; всѣ они выжидали результата взрыва.

Японцы очень пунктуальны въ своихъ военныхъ операціяхъ; когда стрѣлки часовъ приближались къ указанному часу, замѣтно было сильное возбужденіе среди зрителей, собравшихся на горѣ.

Ровно въ 2 часа 30 минутъ дня, надъ брустверомъ форта 11 (Сѣв. Кейкваншань) поднялась сѣрая туча, совершенно закрывшая фортъ; затѣмъ, когда звукъ взрыва дошелъ до насъ, мы услышали неясный глухой шумъ. Такъ какъ вѣтра не было, то дымъ не разсѣивался, а стоялъ надъ фортомъ нѣсколько минутъ, скрывая его отъ взоровъ.

Въ то время, какъ мы ожидали увидѣть, что пѣхота бросится на брешь, взорвана была вторая мина, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ и предыдущая. Новая огромная туча дыма прорвалась сквозь болѣе свѣтлую, оставшуюся послѣ перваго взрыва, и опять до насъ донесся глухой шумъ.

Дымъ нѣсколько минутъ держался надъ фортомъ, а когда фортъ вновь обрисовался, въ его очертаніяхъ произошла замѣтная перемѣна. Въ сѣверо-западномъ углу, гдѣ передъ тѣмъ стоялъ высокій желтый брустверъ, видно было отверстіе, имѣвшее форму конуса, черезъ которое сотни черныхъ фигуръ бросилась въ атаку. Японская пѣхота времени не теряла; едва дымъ разсѣялся, какъ они были уже въ бреші, стараясь захватить фортъ; имъ не суждено было, однако, имѣть успѣхъ.

Большинство русскихъ, занимавшихъ фортъ, было укрыто въ тыловой казармѣ; хотя они потеряли мно людей при этихъ двухъ взрывахъ, но оставшіеся въ живыхъ быстро оправились отъ охватившей ихъ паники; съ тыловой позиціи форта они отдѣлывали японцевъ ручными гранатами и ружейнымъ огнемъ, въ то время какъ артиллерія съ окружающихъ высотъ сосредоточила энергичный шрапнельный огонь по бреші.

Японскіе солдаты, изъ состава 22-го полка, не были подготовлены къ такой жаркой встрѣчѣ. Я думаю, что они, какъ и всѣ бывшіе очевидцами взрыва, полагали, что гарнизонъ форта совершенно уничтоженъ. Однако, это было далеко не такъ.

Первый взрывъ мало повредилъ брустверъ, такъ какъ главная сила взрыва пошла назадъ, въ направленіи къ контръ эскарпу; находившіеся въ минной галлерей люди понесли большія потери. Несчастье это было вызвано большимъ сопротивленіемъ бетона эскарпа; болѣе 50 японцевъ было убито и оглушено.

Сила второго взрыва пошла по должному направленію и образовала конусообразную воронку въ брустверѣ форта.

Когда дымъ отъ взрыва разсѣялся и разрушеніе, произведенное имъ, обрисовалось, 22-й полкъ получилъ приказаніе атаковать. Люди храбро двинулись впередъ по кучамъ обломковъ, но, дойдя до головы бреші, они увидѣли, что путь во внутренность форта прегражденъ обваломъ, около 12 фут. глубины.

Внутри форта они видѣли русскихъ, поджидавшихъ ихъ за проволочными загражденіями и въ горжевой казармѣ. Это было слишкомъ—для 22-го полка, который залегъ въ бреші и не двинулся впередъ. Ихъ потери, вѣроятно, были бы значительно меньше, еслибы они сразу бросились на фортъ, безъ колебаній; еслибъ они и понесли значительныя потери, они не подвергались бы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ огню русскихъ орудій, какъ это случилось, когда они залегли въ бреші.

22-й полкъ нельзя винить за то, что онъ упустилъ этотъ случай. Это былъ одинъ изъ коренныхъ полковъ арміи генерала Ноги и принималъ участіе почти во всѣхъ атакахъ съ самаго начала осады. До сихъ поръ всѣ ихъ труды не увѣнчались успѣхомъ и, безъ сомнѣнія, 5 (18) декабря воспоминанія о всѣхъ бывшихъ неудачахъ и тяжелыхъ потеряхъ были еще свѣжи въ памяти этихъ бойцевъ, что дурно вліяло на ихъ нравственное состояніе.

Положеніе сторонъ оставалось безъ перемѣнъ почти до 7 часовъ вечера.

Генераль Самеджима, который вступилъ въ командованіе 11-й дивизіей послѣ раненаго генерала Тсучія, въ 7 часовъ вечера прошелъ впередъ, въ брешь, чтобы лично посмотреть на положеніе дѣлъ. Увидѣвъ людей лежащими на краю бреша, онъ подумалъ, что всѣ они убиты или ранены. Велики было его удивленіе, но еще больше былъ его гнѣвъ, когда среди раненыхъ и убитыхъ онъ нашелъ очень много людей совершенно здоровыхъ, отказывающихся идти впередъ. Генераль обратился къ сконфуженнымъ солдатамъ: „Мнѣ не нужны солдаты, отказывающіеся идти впередъ, когда имъ приказываютъ. Вы можете вернуться въ свои траншеи, а я подведу свѣжія войска, чтобы взять фортъ!“

Такое обращеніе имѣло цѣлью возбудить энтузіазмъ солдатъ и заставить ихъ произвести новую атаку: однако подобнаго результата не послѣдовало. Оставшіеся въ живыхъ люди 22-го полка, утомленные войной и обезкураженные потерями, поймали генерала на словѣ, очистили брешь и вернулись въ свои траншеи.

Тогда Самеджима вызвалъ впередъ двѣ роты 38-го полка; большинство людей этихъ ротъ были старые солдаты, которымъ до сего времени не представлялось случая отличиться. Двѣ роты этихъ храбрецовъ двинулись впередъ, къ краю бреша, съ пѣснями. Храбрый капитанъ Явомото—первымъ вскочилъ во внутренность форта, а за нимъ послѣдовали нижніе чины. Русскіе были отброшены изъ за проволочныхъ загражденій въ бетонный казематъ, гдѣ они въ послѣдній разъ оказали храброе сопротивленіе.

Въ теченіе дня японская артиллерія направляла свой огонь на горжу форта: ей удалось разрушить деревянный мостикъ, переброшенный черезъ ровъ форта, для выхода изъ него. Подземнаго выхода изъ форта не было и, такимъ образомъ, отступленіе для русскихъ было отрѣзано; у нихъ не было другого выхода, какъ умереть сражаясь, такъ какъ пощады никто не просилъ и не давалъ. Японскія войска

были озлоблены; послѣ тѣхъ огромныхъ потерь, которыя они понесли у форта 11 (Сѣв. Кейкваншань), у нихъ нельзя отнять нѣкотораго права на удовлетвореніе совершенно законнаго чувства мести къ гарнизону форта.

Не было безпристрастныхъ свидѣтелей того, что происходило внутри форта между 7 час. вечера и 2 час. ночи, когда заколотъ былъ послѣдній русскій. Единственными очевидцами были тѣ, кто принималъ участіе въ этой рѣзни; на всѣ разспросы они отвѣчали улыбкой, говорящей объ осуществленной надеждѣ и полномъ удовлетвореніи. На фортъ былъ взятъ одинъ плѣнный, который сообщилъ, что гарнизонъ форта составляли 300 человѣкъ; изъ этого числа—25 человѣкамъ удалось скрыться, а всѣ остальные погибли отъ японскихъ штыковъ ¹⁾.

Потери японцевъ были велики—100 убитыхъ и 483 раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Взятіе форта II (Сѣверн. Кейкваншань) было крупнымъ успѣхомъ японскаго оружія и сильно подняло духъ войскъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что это былъ, въ сущности, первый долговременный фортъ, взятый за все время осады; успѣхъ явился именно тогда, когда онъ былъ очень нуженъ. Долговременныя укрѣпленія много разъ безуспѣшно штур-

¹⁾ Вся картина занятія японцами форта 11 (послѣ 7 час. вечера) нарисована авторомъ неправильно; очевидно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе разсказами участниковъ, умышленно извращавшихъ факты.

Около 7 часовъ вечера генераль-лейтенантъ Фокъ отдалъ приказаніе: взорвать бетонную казарму форта и гарнизону выйти изъ форта.

Около 11 час. вечера, когда всѣ раненые были вынесены изъ форта, гарнизонъ оставилъ фортъ и взорвалъ казарму; взрывъ былъ не совсѣмъ удаченъ и очень мало повредилъ казарму. Послѣ отступленія гарнизона былъ разобранъ мостъ черезъ горжевой ровъ.

Такимъ образомъ, вся доблестная атака двухъ ротъ 38-го полка обращается въ мифъ. Никакой рѣзни на фортѣ не было, да и не могло быть. Мостъ не былъ разрушенъ артиллеріей, а былъ разобранъ русскими, когда на фортѣ никого изъ нихъ уже не оставалось. Возможно, что одинъ человѣкъ, о которомъ упоминаетъ авторъ, не успѣлъ своевременно уйти и остался на фортѣ.

мовались, и въ рядахъ войскъ уже зародилось убѣжденіе, что эти укрѣпленія совсѣмъ нельзя взять. Паденіе форта II (Сѣверн. Кейкваншань) доказало, что при соотвѣтственной подготовкѣ, долговременный фортъ можно взять въ нѣсколько часовъ.

Потери, принимая во вниманіе достигнутый результатъ, нельзя считать очень большими; это давало надежду на успѣхъ подобныхъ операцій противъ другихъ долговременныхъ фортовъ.

Двадцать человѣкъ русскихъ, которымъ удалось спастись, взорвали передъ отступленіемъ мины, заложеныя ими подъ казематами форта.

Японцы очень боялись, что русскіе заложили подъ фортъ мины и попытаются взорвать ихъ, когда японцы овладѣютъ фортъ. Однако, этого не случилось; японскіе саперы нашли мины, разрядили ихъ и предупредили ихъ взрывъ.

Только черезъ нѣсколько дней послѣ штурма разрѣшено было посѣщать фортъ II (Сѣв. Кейкваншань); за это время внутри форта убрали трупы, которые частью зарыли, частью сожгли.

11 (24)-го декабря я пріѣхалъ въ 11-ю дивизію, позавтракалъ съ генераломъ Семеджима, и затѣмъ меня повели осматрѣть фортъ.

Произведенная бомбардировкой, а затѣмъ взрывами, разрушенія были такъ велики, что совершенно невозможно было возстановить первоначальныя очертанія форта. Внутреннее пространство форта представляло картину полного разрушенія. Здѣсь набросаны были груды—бетона, щебня, песку, земли, камней, старыхъ мундировъ, сломанныхъ орудій и винтовокъ, принадлежностей для варки пищи, пустыхъ снарядовъ, осколковъ желѣза и стали, разныхъ обломковъ.

Въ тылу уцѣлѣла одна только бетонная казарма, но и она была сильно повреждена. Казарма эта имѣла два этажа; въ одномъ мѣстѣ 28 сант. снарядъ пробилъ насквозь сводъ казармы.

2 (15)-го декабря генераль Кондратенко и его штабъ

отправились на фортъ II (Сѣверн. Кейкваншань), для обсужденія необходимыхъ исправленій. Они сидѣли въ бетонной казармѣ, подъ отверстіемъ, пробитымъ снарядомъ и временно задѣланнымъ, какъ вдругъ въ то же мѣсто попалъ второй снарядъ; онъ разорвался внутри каземата и убилъ генерала Кондратенко и 8 офицеровъ, бывшихъ около него. Это было величайшее несчастье, которое могло постигнуть Россію, такъ какъ со смертью этого доблестнаго и популярнаго человѣка духъ сопротивленія покинулъ гарнизонъ.

Внутри казармы, въ которой русскіе жили во время осады, находилась удивительная коллекція разныхъ вещей. Тутъ были мундиры, пачки картъ, караванъ хлѣба, музыкальные инструменты, даже гармонія.

Я никогда не забуду ужаснаго вида японскихъ солдатъ, занимавшихъ фортъ. Никогда я не видѣлъ людей съ такими разстроенными нервами; послѣ овладѣнія фортъ они жили подъ постояннымъ страхомъ быть взорванными. Хотя саперы вынули двѣ мины, и перерѣзали провода, но не было никакой гарантіи, что еще гдѣ-нибудь не заложены мины. Они боялись, что простое прикосновеніе къ разбросаннымъ въ казематѣ вещамъ можетъ вызвать взрывъ, почему ничего не трогали; всѣ вещи лежали тамъ, гдѣ оставили ихъ русскіе. Я не зналъ этого и поднялъ гармонію, лежавшую въ углу каземата; офицеры и нижніе чины, бывшіе около меня, закричали, когда увидѣли, что я дѣлаю, и я сейчасъ же бросилъ гармонію; къ счастью взрыва мины не послѣдовало. Этотъ совершенно мирнаго характера музыкальный инструментъ, лежавшій гдѣ то въ углу, уже вызывалъ въ нихъ подозрительность. Японскій часовой, видѣвшій какъ я взялъ гармонію, былъ такъ нервно настроенъ, что сейчасъ же выхватилъ изъ рукъ моего товарища, м-ра Розенталя, фотографическій аппаратъ и бросилъ его на землю, предполагая, вѣроятно, что аппаратъ могъ быть соединенъ съ какой-нибудь миной.

Саперы тщательно все раскапывали, разыскивая мины;

только по окончаніи этой работы приступили къ очисткѣ внутренняго пространства форта.

Около казармы для гарнизона находилась кухня, тоже изъ бетона, въ которой поставлено было нѣсколько большихъ чугунныхъ котловъ для варки пищи. Между казармой и кухней была устроена ручная подъемная машина изъ подземнаго помѣщенія, въ которомъ были сложены боевые припасы. Разрушенія внутри казематовъ было такъ велики, что подземныя помѣщенія почти сплошь были завалены мусоромъ.

Послѣ промежутка почти въ двѣ недѣли, японцы попробовали взорвать второй долговременный фортъ.

Подъ эскарпъ форта III (Нирушань) были выведены двѣ минныхъ галлерей, длиною около 50 футъ каждая. Отъ галлерей были проведены боковые рукава, въ которыхъ заложено было пять минъ. Зарядъ состоялъ изъ двухъ тоннъ (124 пуда) динамита и пироксилина.

Въ день Рождества, во время устроеннаго военными агентами завтрака, маіоръ Ямаока сообщилъ мнѣ, что черезъ нѣсколько дней мины подъ фортомъ III (Нирушань) будутъ готовы ко взрыву.

14 (27)-го декабря, при посѣщеніи главной квартиры, я узналъ, что на другой день, въ 10 часовъ утра, будетъ сдѣлана попытка взять фортъ.

Погода въ послѣднія двѣ недѣли стояла очень холодная; въ это время наружу никто старался не показываться. Японцы сидѣли, забравшись въ свои подземныя убѣжища; солдаты въ траншеяхъ прижимались другъ къ другу, чтобы согрѣться, и стрѣляли очень мало; противникъ тоже ихъ не беспокоилъ. Даже артиллеристы, казалось, подчинялись вліянію погоды и воздерживались отъ всякой бомбардировки.

Промежутокъ съ 5 (18)-го декабря по 15 (28) декабря почти единственное за всю осаду время, когда, дѣйствительно не было стрѣльбы изъ орудій.

15 (28)-го декабря была непріятная погода; ледяной вѣтеръ дулъ съ сѣвера; солнце заволакивалось туманными тучами; температура воздуха была очень низкая, и вообще условія

для военныхъ дѣйствій были самыя отвратительныя, какія можно себѣ представить.

Ровно въ 10 часовъ утра взорвали первую мину подъ сѣвернымъ фасомъ форта III (Нирушань). Дымъ не разсѣивался и закрылъ весь фортъ; затѣмъ новый клубъ дыма, отъ второго взрыва, поднялся вверхъ. Японская артиллерія открыла огонь по русскимъ фортамъ; людей въ траншеяхъ держали на готовѣ, чтобы заставить ихъ предполагать, что послѣдуетъ общія атака.

Даже звукъ выстрѣловъ большихъ гаубицъ казался заглушеннымъ и ослабленнымъ въ этомъ тяжеломъ и туманномъ воздухѣ. Не было и слѣда рѣзкости звука, которая такъ замѣтна была въ морозный день 5 (18)-го декабря.

Когда дымъ окончательно разсѣялся, то увидѣли, что середина бруствера форта III (Нирушань) значительно опустилась; черезъ образовавшееся такимъ образомъ углубленіе, на форту видно было много фигуръ, одѣтыхъ въ черное, прокладывавшихъ путь черезъ обломки. Русскія орудія сосредоточили огонь по бреші. Взрывомъ минъ былъ сбитъ западный уголъ бруствера, и такимъ образомъ штурмующій отрядъ былъ открытъ огню западныхъ фортовъ, въ особенности Зубчатой батареей (Шюанчишань) и форта IV (Ицзушань). Однако, это не вызвало среди японскихъ войскъ никакого колебанія; они атаковали съ большой стремительностью и рѣшимостью. Часть штурмующихъ бросилась на брешь и утвердилась на разрушенномъ брустверѣ.

Русскіе, въ числѣ 250 человѣкъ, занимавшіе банкетъ во время взрыва, были всѣ убиты.

Другая часть японцевъ немедленно начала вести вверхъ стѣнку изъ земляныхъ мѣшковъ, къ гребню бреші, чтобы прикрыть людей, занимавшихъ брешь, отъ огня съ западныхъ фортовъ.

Впослѣдствіи выяснилось, что фортъ III (Нирушань) обороняли 500 человѣкъ 26-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка; изъ этого числа защитниковъ первымъ взры-

вомъ была убита половина; результатъ очень значительный. ¹⁾

При взглядѣ на планъ форта III (Нирушань) видно, что онъ построенъ нѣсколько иначе, чѣмъ фортъ II (Сѣв. Кейкваншань); на форту III имѣлась вторая линия обороны, на которой были поставлены тяжелыя орудія, на бетонныхъ установкахъ.

Послѣ овладѣнія брустверомъ, японская пѣхота на нѣкоторое время была отодвинута назадъ, пока производилось обследованіе внутренности форта. Небольшія группы и отдѣльные люди были посланы впередъ, черезъ груды камня и мусора, чтобы произвести рекогносцировку впереди лежащей преграды. Они донесли генералу Ошима, начальнику 9-й дивизіи, находившемуся въ траншеѣ на гласисѣ форта III, что вторая линия обороны по срединѣ форта, занята оставшейся въ живыхъ частью русскаго гарнизона.

Генералъ Ошима предоставилъ артиллеріи нѣсколько часовъ для бомбардировки форта.

Въ 4 часа дня онъ двинулъ въ атаку, внутрь форта, 36-й и 19-й полки. Двигаясь впередъ густой колонной, эта масса людей, въ числѣ болѣе 2.000 человекъ, просто сметала все передъ собой; не заботясь о потеряхъ, люди старались обогнать другъ друга, въ своемъ бѣшенномъ стремленіи—первымъ овладѣть русскою батареей на форту.

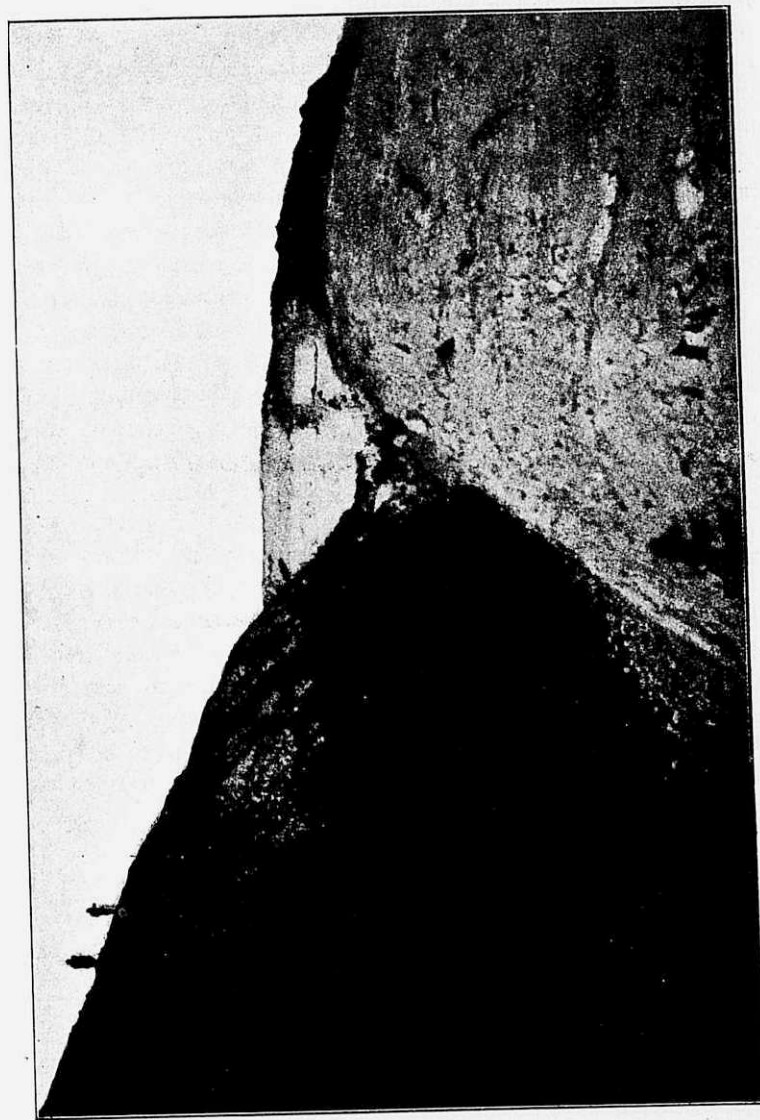
Русскіе сражались съ величайшей храбростью, но не могли устоять противъ этого потока бѣшеныхъ людей; они отступили съ батареи въ бетонную казарму и кухню, въ горжѣ форта. Съ 6-ти часовъ вечера и до 3 часовъ ночи, русскіе держались въ казематахъ и въ потернѣ форта.

Бетонная потерна, ведущая изъ середины форта въ казарму, стала ареной ужасной борьбы. Японцы взбѣшенные,

¹⁾ Здѣсь авторъ опять введенъ въ заблужденіе. Весь гарнизонъ форта III состоялъ не болѣе какъ изъ 250 человекъ.

Въ моментъ взрыва на банкетѣ были только часовые; гибель 250 человекъ отъ взрыва японской мины—чистѣйшій вздоръ.

Прим. перевод.

Ровъ и эскарпъ на форту III (Нирушань).

рѣшивши покончить со своими врагами, бросились внизъ по потернѣ и встрѣтились здѣсь съ не менѣе рѣшительнымъ сопротивленіемъ русскихъ. Русскіе, стрѣляя вверхъ по потернѣ, довольно долго сдерживали японцевъ, но въ концѣ концовъ были сбиты внизъ, въ казарму, и отошли туда преслѣдуемые побѣдоносными японцами. Въ глубинѣ потерны произошла новая отчаянная схватка. Послѣ этого многіе изъ русскихъ вылѣзли черезъ окно казармы въ горжевой ровъ форта, откуда лѣстница вела вверхъ, на горизонтъ; болѣе 150 человекъ спаслись такимъ образомъ.

Оставшіеся на форту, за невозможностью уйти, отступили изъ казармы въ кухню и здѣсь оказали послѣднее сопротивление; едва ли хоть одинъ человекъ спасся послѣ этой ночной бойни. Къ утру, на форту осталось только трое раненыхъ русскихъ, которые сообщили обычную исторію о скорой капитуляціи крѣпости.

Потеря форта III (Нирушань) придавала русскимъ отчаянную рѣшимость; передъ самымъ разсвѣтомъ 16 (29)-го они сдѣлали попытку взять фортъ обратно. Два русскихъ отряда спустились въ горжевой ровъ форта и пытались штурмовать казарму, прочно занятую японской пѣхотой. Атака эта была обречена на неудачу; она могла удалиться только при совершенной неожиданности, чего въ данномъ случаѣ не было, такъ какъ японцы были очень бдительны. Тѣ изъ атакующихъ, которые не были убиты, скоро принуждены были отступить.

Японцы дорого заплатили за свой успѣхъ—болѣе 1000 человекъ было убито и ранено на форту III (Нирушань).

Русскій гарнизонъ форта III достигалъ всего 500 человекъ; такимъ образомъ, у защитниковъ осталось одно утѣшеніе—сознаніе, что за cadaго изъ нихъ погибло два врага.

Въ числѣ добычи на форту были взяты: четыре осадныхъ орудія, 7 полевыхъ орудій и 30 орудій 37 миллиметровыхъ.

Штурмъ и взятіе форта III (Нирушань) были задуманы

блестяще и выполнены съ большой храбростью непобѣдимой 9-й дивизіей.

Лейтенантъ Хори, адъютантъ генерала Ошима, рассказывалъ мнѣ потомъ, что его генераль рѣшилъ взять фортъ, во что бы то ни стало. Утромъ, въ день атаки, онъ взялъ горячую ванну, попрощался со своими друзьями, собралъ свои вещи; затѣмъ онъ вышелъ впередъ, въ траншею на гласисѣ форта III (Нирушань), чтобы слѣдить оттуда за атакой. Еслибы со стороны солдатъ было замѣчено малѣйшее колебаніе, генераль Ошима рѣшилъ—самому идти впередъ и вести людей на штурмъ. Еслибъ атака не удалась, генераль рѣшилъ погибнуть вмѣстѣ со своими солдатами среди развалинъ русскаго форта, стоявшаго дивизіи, за время осады, такъ много жизней. Къ счастью, генералу Ошима не пришлось исполнить свое отчаянное намѣреніе. Взрывъ былъ удаченъ, солдаты атаковали храбро и драгоценная жизнь генерала Ошима была спасена, чтобы послужить своей родинѣ еще разъ, въ бою подъ Мукденомъ.

ГЛАВА XXIV.

Послѣднія операціи.

16 (29) и 17 (30) декабря прошли спокойно. Погода исправилась и 18 (31) стало совсѣмъ хорошо и ясно; солнце свѣтило ярко, почти по лѣтнему. Единственными событіями за эти дни были частые взрывы въ Портъ-Артурѣ; глухой звукъ взрывовъ доходилъ до японскихъ линій и большія тучи дыма поднимались надъ укрѣпленіями. Подобные факты должны были-бы предупредить насъ, что приближается конецъ, но мы такъ часто разочаровывались, что никто не обратилъ на нихъ вниманія.

Вечеромъ 18 (31)-го декабря получено было изъ главной квартиры извѣстіе, предшествовавшее, обыкновенно, каждому крупному предпріятію; оно сообщало, что укрѣпленіе № 3 (Шоюшань) будетъ взорвано на слѣдующій день въ 10 часовъ утра.

Событія шли впередъ съ поразительной быстротой, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ, надрывающихъ сердце, неудачъ и отбитыхъ атакъ; русскимъ не желали дать передышки, какъ только успѣхъ улыбнулся японскому оружію.

Послѣдніе дни для гарнизона укрѣпленія № 3 (Шоюшань) были очень тяжелы. 5 (18)-го декабря люди этого гарнизона видѣли, какъ былъ взорванъ фортъ II (Сѣв. Кей-кваншань) и погибла часть его гарнизона. 15 (28)-го декабря они были очевидцами, какъ на форту III (Нирушань), въ раз-

Курганная багара.
(Прикрывающій
фортъ Шоюшань).

Зубчатая багара.
(Шоюшань).

Укрѣпл. № 5
(Сѣв. Таин-
коу).

Фортъ IV
(Мяу-
шань).

Высокая гора
(Въс. 203 ме-
тра).

Плоская гора
(Акасак-
яма).

Длинная гора
(Накака-
яма).

X¹ Мѣсто расположенія мины, заложеной подъ эскарпомъ. X² Мѣсто расположенія минной галлерей, идущей подъ серо-
дну укрѣпленія. На фотографіи видна западная группа фортовъ и ихъ извѣстное расположеніе.

Укрѣпленіе № 3-й (Шоюшань), взятое 18 (31) декабря 1904 г.

Фортъ III
(Нирушань).

стоянии всего 400 ярдовъ (171 саж.) отъ нихъ, погибло отъ взрыва 250 человѣкъ изъ товарищей, при чемъ они видѣли и послѣдовавшій за этимъ штурмъ. Для всѣхъ было ясно, что теперь очередь за укрѣпленіемъ № 3 (Шоюшань), съ которымъ поступать подобнымъ же образомъ.

Каждый новый взрывъ форта былъ сильнѣе, чѣмъ предыдущій, такъ какъ саперы пользовались опытомъ, и хорошо изучили сколько нужно пироксилина, чтобы получился желаемый результатъ.

Люди гарнизона укрѣпленія № 3 (Шоюшань) могли каждую минуту ожидать, что они будутъ разорваны на куски, или погребены подъ грудями камня и бетона. Перспектива не особенно веселая! Совсѣмъ не утѣшительно сознавать, что упорный противникъ медленно, при помощи минныхъ галлерей, прокладываетъ себѣ путь подъ вашимъ обиталищемъ и заполняетъ сдѣланную имъ выемку тысячами пудовъ сильно взрывчатыхъ веществъ. Вотъ каково было положеніе этого несчастнаго гарнизона укрѣпленія № 3. Худшимъ предчувствіямъ, о характерѣ предстоящей имъ смерти, суждено было осуществиться.

Японскіе саперы состязались другъ съ другомъ за честь причинить врагу возможно большій вредъ. Саперы, которые вели минную галерею подъ укрѣпленіемъ № 3 (Шоюшань), заложили подъ брустверомъ сѣвернаго фаса мину, но этимъ они, однако, не удовлетворились; они рѣшили прорваться своихъ товарищей, и огромнымъ взрывомъ уничтожить весь гарнизонъ. Для достиженія этого вывели галерею прямо подъ середину форта, съ такимъ расчетомъ, чтобы голова галереи приходилась подъ бетоннымъ казематомъ, въ которомъ гарнизонъ укрывался отъ огня артиллеріи, когда не былъ занятъ отраженіемъ штурма; здѣсь помѣстили вторую мину.

Въ 10 часовъ утра 18 (31)-го декабря взорвали мину подъ сѣвернымъ фасомъ бруствера укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Русская пѣхота, въ ожиданіи взрыва благоразумно державшаяся сзади, тотчасъ послѣ взрыва бросилась изъ

каземата впередъ, чтобы отразить ожидаемый штурмъ. Въ то время, когда они въ числѣ около 550 человѣкъ¹⁾ выходили изъ каземата, японцы взорвали вторую мину. Результатъ получился моментально. Почти весь гарнизонъ былъ погребенъ подъ бетономъ каземата, подъ глыбами камня и земли, выброшенными взрывомъ.

Японская пѣхота сейчасъ же бросилась на штурмъ бреши, произведенной первымъ взрывомъ. Однако, подъемъ оказался такъ крутъ, что необходимо было установить двѣ штурмовыя лѣстницы, чтобы взойти на фортъ. Когда японцы достигли гребня бруствера, они встрѣтили слабое сопротивление, оставшейся въ живыхъ, части гарнизона, въ числѣ около 100 человѣкъ. Остальные, изъ 550 защитниковъ укрѣпленія № 3 (Шоюшань), погибли подъ развалинами.

Русская артиллерія, съ западныхъ фортовъ и окружающихъ высотъ, сосредоточила по бреши на укрѣпленіи № 3 (Шоюшань) сильный огонь, и японская пѣхота несла большія потери. Тѣмъ не менѣе, успѣхъ былъ обезпеченъ. Бой длился всего одинъ часъ, до 11 часовъ утра, когда остатки русскаго гарнизона подняли бѣлый флагъ и сдались военнопленнымъ²⁾.

Какъ только фортъ былъ взятъ, русскіе сосредоточили на немъ артиллерійскій огонь, откуда только возможно было; большая часть потерь у японцевъ, доходившихъ къ этому времени всего до 150 человѣкъ, была нанесена артиллерійскимъ огнемъ послѣ взятія укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Русскіе артиллеристы не ограничились обстрѣливаніемъ

¹⁾ Гарнизонъ укрѣпленія № 3 состоялъ изъ 180 человѣкъ, изъ которыхъ ушли около 40 человѣкъ; остальные частью погибли, частью попали въ плѣнъ.

²⁾ Во время второго взрыва въ горжевой казармѣ находилось только 40 человѣкъ, которымъ и удалось отступить изъ укрѣпленія. Всѣ остальные люди гарнизона находились въ потернѣ, которая была разрушена взрывомъ. Изъ этихъ людей часть погибла подъ развалинами потерны, а остальные были отрѣзаны отъ сообщенія съ горжей и принуждены были сдаться.

только укрѣпленія № 3 (Шоюшань); они были охвачены ненавистью противъ всѣхъ взятыхъ японцами укрѣпленій, изъ которыхъ фортъ III (Нирушань) также подвергся сильному огню. Японскія орудія отвѣчали, и это состязаніе между двумя артиллеріями крупныхъ калибровъ, почти послѣднее за осаду, продолжалось весь день.

Приятно было наблюдать за японскими саперами, въ бреши укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Артиллерійскій огонь, сосредоточенный здѣсь съ западной группы фортовъ, былъ такъ силенъ, что оказалось необходимымъ уложить два ряда земляныхъ мѣшковъ, чтобы пѣхота могла проходить въ фортъ изъ своихъ траншей. Поведеніе рабочихъ отрядовъ во время этой работы было выше всякихъ похвалъ. Они совершенно пренебрегали огнемъ артиллеріи, и, какъ на парадѣ, передавали земляные мѣшки, которые доставлялись изъ траншей, лежащихъ на гласисѣ укрѣпленія. Погода была такъ хороша, было такъ тепло, что солдаты сняли шинели, и многіе работали въ однихъ рубашкахъ.

Энтузіазмъ среди японскихъ солдатъ былъ поразительный. Много недѣль держалась въ арміи какая-то атмосфера угнетенности; всѣ прилагали свои старанія, а результатъ не отвѣчалъ ожиданіямъ и совершенно не соответствовалъ понесеннымъ потерямъ. Теперь все измѣнилось: въ теченіе двухъ недѣль три наиболѣе сильныхъ форта были взяты, а цѣна, заплаченная за этотъ успѣхъ, была менѣе 2000 убитыхъ и раненыхъ. Опьянѣніе побѣдой висѣло въ воздухѣ, заставляло забывать прошлое и глядѣть впередъ, съ полной увѣренностью въ скорое окончаніе осады. На лицахъ солдатъ, въ передовыхъ линіяхъ, можно было прочесть побѣду; ихъ походка была легка, а видъ ихъ былъ веселый, лишенный той мрачной рѣшимости, которая замѣтна была во взглядѣ всѣхъ чиновъ арміи еще такъ недавно.

Поразительна была также живучесть, порожденная успѣхомъ. Тяжело-раненые шли назадъ, на перевязочные пункты, безъ посторонней помощи, а когда ихъ раны были перевязаны, они уходили въ полевые госпитали.

Въ день взятія укрѣпленія № 3 (Шоюшань), я находился въ деревнѣ Шуйшунинъ, наблюдая за атакой.

Одинъ нижній чинъ раненый въ голову, съ раздробленной снарядомъ правой рукой, пошелъ на перевязочный пунктъ; его захлороформировали, ампутировали ему руку, перевязали голову, и затѣмъ онъ ушелъ съ перевязочнаго пункта въ полевой госпиталь, находившійся въ двухъ миляхъ. Я встрѣтилъ его на дорогѣ; онъ несомнѣнно испытывалъ большія страданія, но относился къ нимъ равнодушно, такъ какъ прежде всего сказалъ мнѣ: „Шоюшань взятъ“. Онъ чувствовалъ себя настолько хорошо, что могъ взять сигару и закурить ее; затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что въ него попалъ 37 мил. снарядъ.

Другой нижній чинъ, съ прострѣленной печенью, пришелъ на перевязочный пунктъ, снялъ очень аккуратно свою одежду и потребовалъ, чтобы врачъ перевязалъ его раны.

А вотъ еще случай, котораго я не былъ очевидцемъ и которому никто не повѣритъ, кто не знаетъ, что такое японскій солдатъ, какими крѣпкими нервами и какой живучестью онъ обладаетъ. Солдатъ былъ раненъ у Скалистого гребня (Новый Бонрушань); пуля пробила грудь, но тѣмъ не менѣе солдатъ прошелъ 2 мили, до госпиталя 9-й дивизіи. Здѣсь его осмотрѣлъ врачъ, котораго солдатъ спросилъ, останется ли онъ живъ. Врачъ зналъ, что случай безнадежный, но не хотѣлъ говорить объ этомъ раненому и на его вопросъ отвѣтилъ: „да“; затѣмъ, врачъ раскаялся въ обманѣ и заявилъ ему: „если вы хотите что-нибудь сказать, или написать письмо, то лучше сдѣлайте это сейчасъ“. Солдатъ отвѣтилъ: „единственное мое желаніе—написать письмо моей матери“; произнесъ эти слова, онъ тутъ же упалъ мертвымъ.

Этотъ случай могутъ подтвердить два офицера штаба 9-й дивизіи, присутствовавшіе при немъ.

Я перечисляю эти факты лишь для того, чтобы указать, насколько можно поднять духъ цѣлой арміи большимъ успѣхомъ, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ повторныхъ неудачъ.

Хотя наканунѣ объ этомъ объявлено не было, 18 (31) днемъ началъ распространяться слухъ, что, въ виду полнаго успѣха атаки на укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), произведено будетъ общее наступленіе по всей линіи, отъ батареи лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань) до укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Ночью собирались сдѣлать рѣшительную попытку выбить русскихъ изъ всѣхъ позицій восточнаго фронта, на которыхъ они еще держались. Вечеромъ японская артиллерія продолжала бомбардировать русскіе форты; передъ наступленіемъ темноты, пѣхота двинулась впередъ, по всей линіи, и начала взбираться на высоты. Точно указать, когда разныя позиціи были взяты, я не въ состояніи, въ виду наступившей темноты.

Бой продолжался безъ особаго ожесточенія всю ночь. Японская пѣхота двинулась впередъ, черезъ редутъ № 1 (Восточн. Бонрушань) и капониръ № 2 (фортъ Ичинохэ), прошла за Китайскую стѣну и начала продвигаться вверхъ по лощинѣ, отдѣляющей Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай) отъ Заредутной батареи (укрѣпленіе Н). Одна за другой позиціи переходили въ руки японцевъ, такъ какъ русскіе оказывали слабое сопротивленіе.

Съ разсвѣтомъ 19-го декабря (1-го января) вся линія, отъ укрѣпленія № 3 (Шоюшань) до сѣдловины Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), была покрыта, одѣтыми въ черные мундиры, японцами.

Въ первый разъ я видѣлъ, что тысячи японскихъ солдатъ почти безнаказанно, если не считать какого-нибудь шального снаряда, бродили около русскихъ позицій. Перебѣна поражала своей неожиданностью; нѣкоторое время трудно было повѣрить, что все это правда, что эти тысячи людей дѣйствительно японцы, овладѣвшіе наконецъ грозной линіей укрѣпленій, причинившей имъ такія огромныя потери и давшей столько примѣровъ героизма.

Я сказалъ, что вся линія была въ рукахъ японцевъ; однако, это не совсѣмъ точно. Вершину Бол. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), съ ея двумя большими орудіями, дула которыхъ

угрожающе торчали со своего скалистаго основанія, еще нужно было взять. Русскіе, казалось, не желали разстаться съ этой излюбленной позиціей, безъ соответствующаго ея значенію боя; позиція эта была самымъ высокимъ и недоступнымъ пунктомъ на всей линіи обороны восточнаго фронта; она сослужила русскимъ большую службу.

Въ теченіе утра и первой половины дня 19-го декабря (1-го января) японцы и русскіе вели ожесточенную артиллерійскую дуэль, которой суждено было быть послѣдней. Я полагаю, что русскіе уже были предупреждены, или инстинктивно чувствовали, что часъ ихъ насталъ, такъ какъ они расходовали свои снаряды очень щедро, чего никогда не дѣлали раньше. Почти всѣ орудія Золотой горы, Перепелочной батареи (Пайюйшань), Зубчатой и Саперной батарей (Шюанчишань), укрѣпленія № 4 (Дайяншишань), форта IV (Ицзушань), укрѣпленія № 5 (Таянкоу), Батареи лит. Б. (Хигаши и Кейкваншань) батареи № 22 (Рорицзуши) стрѣляли очень часто и замѣчательно точно. Огонь большинства орудій былъ сосредоточенъ на линіи занятыхъ японцами фортвъ, для обстрѣливанія обратныхъ склоновъ высотъ, гдѣ было сосредоточено много японской пѣхоты. По тому, какъ густо были размѣщены японскія войска на высотахъ, было ясно, что ихъ начальники рѣшили отстаивать занятія позиціи, во что бы то ни стало. Если судить по числу людей, двигавшихся во всѣхъ направленіяхъ, почти покрывавшихъ своими черными шинелями всѣ склоны, то каждую минуту можно было ожидать большой контръ-атаки.

Основная черта японскаго характера—ихъ крайнее любопытство—рѣзко проявлялась даже подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Подъ какимъ градомъ снарядовъ ни находились бы японцы, они не могли лишиться себя величайшаго удовольствія—разсмотрѣть при первой же возможности все новое въ обстановкѣ. Нижніе чины небольшими группами бродили по фортамъ, которые за шесть часовъ до этого еще удерживалъ противникъ. Они разсматривали захваченныя орудія, залѣзали въ блиндажи, разыскивали

оставленные русскими вещи и шутя дѣлали замѣчанія о хозяйственныхъ наклонностяхъ своихъ противниковъ.

Для многихъ, особенно для людей 9-ой дивизіи, это былъ великій день—день торжества побѣдителей. Линія укрѣпленій передъ траншеями 9-ой дивизіи была атакована наиболѣе успѣшно и была взята раньше другихъ позицій.

Генераль Ошима, начальникъ дивизіи, самъ руководилъ операціями, съ возвышеннаго пункта около его штабъ-квартиры.

Всѣ взоры были прикованы къ вершинѣ Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), которая оставалась еще въ рукахъ непріятеля.

Генераль въ бой всегда выходилъ въ короткой свѣтлосиней курткѣ, отороченной мѣхомъ, что придавало ему замѣчательно красивый видъ, но въ то же время дѣлало его хорошей цѣлью для противника. Въ послѣдній день боевыхъ дѣйствій большой снарядъ чуть не погубилъ его и чиновъ его штаба.

Воздухъ былъ наполненъ снарядами, и они рвались въ такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше никогда не рвались. Многіе выстрѣлы русской артиллеріи были направлены, повидимому, безъ опредѣленной цѣли и произведены были только для того, чтобы израсходовать возможно больше боевыхъ припасовъ, пока не насталъ конецъ.

Русскіе сосредоточили сильный огонь по батарее 28 сан. гаубицъ, расположенной у штабъ-квартиры 9-ой дивизіи. Эти четыре орудія болѣе всѣхъ другихъ способствовали паденію крѣпости; русскіе оцѣнили значеніе этихъ орудій и, естественно, питали ненависть къ этой батарее. Во время послѣдней бомбардировки они дѣлали все возможное, чтобы отплатить за старое и привести орудія въ негодность. Они направили по этой батарее огонь тяжелой гаубицы съ Крестовой батареи (Рорицзуши)¹⁾, наиболѣе восточной изъ

¹⁾ Названіе „Рорицзуши“ авторъ относитъ, очевидно, ко всей группѣ батарей Крестовой горы. Эта группа состояла изъ трехъ батарей: № 20—вооруженная 5 мортирами 9 л., № 21—6 морт. 9 дм. и № 22—5 пушками Канэ 6 дм.

Въ данномъ случаѣ авторъ говоритъ, очевидно, о стрѣльбѣ батареи № 20.

Прим. перевод.

всѣхъ русскихъ позицій. Орудіе это, котораго раньше я никогда не видѣлъ въ дѣйствиіи, работало прекрасно. Русскіе артиллеристы хорошо опредѣляли расположеніе японскихъ 28 сант. гаубицъ, и наводили по дыму, появлявшемуся послѣ каждого выстрѣла гаубицъ. Снаряды падали очень близко отъ японскихъ орудій, но судьба уже нѣсколько дней рѣзко повернулась въ сторону японцевъ, почему ихъ батарея осталась невредима.

Въ теченіе первой половины дня 19-го декабря (1 января) японская артиллерія сосредоточила свой огонь на вершинѣ Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), которая совершенно не была видна вслѣдствіе разрывовъ ежеминутно падающихъ снарядовъ.

Японская пѣхота была укрыта въ мертвомъ пространствѣ подъ самой вершиной, которая очень крута и обрывиста; кромѣ одной траншеи ее не защищали никакія искусственныя препятствія. Въ 3 часа дня два человѣка поползли впередъ, чтобы произвести рекогносцировку и посмотреть, не очистили-ли русскіе вершину. Черезъ нѣсколько минутъ люди эти вернулись, повидимому, съ благопріятнымъ докладомъ, такъ какъ пѣхота, которая до этого частью стояла, частью лежала между камнями, начала шевелиться и собираться въ небольшія группы.

Японская артиллерія начала послѣднюю бомбардировку съ такой силой, что даже старые солдаты посматривали съ удивленіемъ другъ на друга; остальные дѣлали разныя замѣчанія и посмѣивались. Батареи полевыхъ гаубицъ стрѣляли залпами, и снаряды ихъ, падая на вершину одновременно по нѣсколько штукъ, производили тамъ сильное разрушеніе; кучи камней отбивались отъ скалы и скатывались внизъ по склону.

Послѣдній штурмъ на Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай) произвелъ, на свой страхъ и рискъ, офицеръ, командовавшій отрядомъ, назначеннымъ для атаки этой позиціи.

Генераль Ошима покинулъ высоту, съ которой онъ наблюдалъ за боемъ, и возвратился въ свою квартиру.

Лейтенантъ Хори, его адъютантъ, сообщилъ мнѣ, о намѣреніи генер. Ошима—до вечера не возобновлять атаки.

Затѣмъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ мы увидѣли, что войска построились и, въ 3 часа 35 минутъ дня, начали наступать. Головная рота разсыпалась неправильной линіей, безъ соблюденія строя; каждый, видимо, былъ озабоченъ только одной мыслью, какъ-бы первымъ стать на вершинѣ. Послѣдніе нѣсколько ярдовъ люди взбирались съ большимъ трудомъ, при помощи ногъ и рукъ, такъ какъ скаты были очень круты и изрыты, рвавшимися здѣсь въ безчисленномъ количествѣ, снарядами. Передніе люди находились всего въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ гребня, когда японская артиллерія сдѣлала послѣдній выстрѣлъ. На минуту солдаты показались на гребнѣ и затѣмъ скрылись изъ виду.

Лейтенантъ Хори схватилъ карандашъ и торопливо написалъ записку, чтобы извѣстить своего генерала о ниспосланной благодати, о взятіи страшнаго Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай). Посланіе было быстро отправлено внизъ съ ординарцемъ, и мы снова взглянули на вершину. Тамъ произошла перемѣна; японская пѣхота отступала по крутому склону горы, оставляя много падающихъ людей, обозначавшихъ направленіе, по которому они спускались.

„Оно все-таки еще не взято, однако!“—сказалъ съ огорченіемъ адъютантъ, только что отправившій своему генералу радостное извѣстіе.

Еще не взято, но конецъ уже приближался. Русскіе показали послѣдній свой „козырь“, а затѣмъ рѣшили очистить позицію, пока непріятель „не назначилъ игры“.

Небольшое число русскихъ солдатъ, которые отошли на обратный склонъ Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), такъ какъ на вершинѣ его, благодаря сосредоточенному артиллерійскому огню, невозможно было держаться, бросились опять на вершину, когда передніе ряды японской пѣхоты появились на гребнѣ; на нѣкоторое время имъ удалось отбросить японцевъ.

Одинъ изъ русскихъ облилъ керосиномъ деревянныя

части блиндажей и орудійныхъ платформъ, на которыхъ стояли два 6 дм. орудія, подбитыхъ и приведенныхъ въ негодность еще въ августѣ. Затѣмъ, русскіе зажгли фитиль и бросились со всѣхъ ногъ внизъ по склону горы. Японцы, временно отброшенные съ вершины, еще разъ двинулись къ гребню и подошли къ нему въ тотъ моментъ, когда оттуда вырвалось пламя, при чемъ многіе изъ нихъ пострадали.

Неожиданно, гребень вершины какъ будто поднялся на воздухъ, а затѣмъ опустился чернымъ покровомъ, скрывъ на нѣсколько минутъ и самую вершину и ея склоны. Это было—точное изображеніе изверженія вулкана, въ миниатюрѣ. Русскіе взорвали мину, и это былъ ихъ послѣдній протестъ; ровно безъ пятнадцати минутъ въ четыре часа 19 декабря (1 января), гора, причинившая столько потерь осаждающему и оказавшая такое гигантское сопротивленіе, перешла въ руки японцевъ.

Затѣмъ наступилъ чередъ русскихъ—бомбардировать Бол. Орлиное Гнѣздо (Бодай), что они и дѣлали очень энергично. Японцы, чтобы укрыться отъ огня, принуждены были очистить гребень и отойти назадъ, на небольшое разстояніе внизъ по склону горы.

Въ теченіе остальной части дня и съ наступленіемъ сумерокъ, бомбардировка не прекращалась. Снаряды пролетали въ воздухѣ такъ часто, какъ никогда раньше. Русскіе артиллеристы безъ расчета расходовали свои скромные запасы снарядовъ. Для нихъ не важно было, куда они стрѣляли; не важно было—попадали ли они во что-нибудь; не важно было—если ихъ снаряды ложились тамъ, гдѣ непріятель никогда не могъ быть. Русскіе артиллеристы заряжали и стрѣляли, обращая вниманіе только на механическую сторону дѣла.

Общее наступленіе, въ ночь 18 (31) декабря, на восточный фронтъ обороны совпало съ атакой 7-й дивизіи на внутреннюю оборонительную линію русскихъ, на западѣ. Атака эта началась въ 8 часовъ утра 19 декабря (1 января) и продол-

жалась безъ перерыва до 2 часовъ дня, когда русскіе принуждены были отступить.

Такимъ образомъ, 7-я дивизія утвердилась близко отъ Новаго города, совершенно отрѣзавъ сообщеніе между сѣверными фортами западнаго фронта — фортомъ IV (Ицзушань), укрѣпленіемъ № 4 (Дайяншишань), Зубчатой и Саперной батареями (Шюанчишань) — и оборонительными сооружениями вокругъ Ляотѣшаня.

Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что эта атака вызвала паденіе Портъ-Артура; къ рѣшенію сдаться привела потеря цѣлаго ряда укрѣпленій, отъ батареи лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань) до укрѣпленія № 3 (Шююшань); послѣдняя атака только сломила сопротивление русскихъ на западномъ фронтѣ, давъ возможность 7-й дивизіи занести на страницы своей исторіи еще одну, вполне заслуженную побѣду.

Пока происходила окончательная атака на Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай) и продолжалось состязаніе японской и русской артиллеріи, противоположное — мирное теченіе начало обозначаться, въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу.

Въ 4^{1/2} час. дня 19 декабря (1 января), къ японскимъ линіямъ, расположеннымъ къ югу отъ деревни Шуйшунинъ, подошелъ русскій офицеръ, сопровождаемый ординарцемъ, который несъ парламентерскій флагъ. Офицеръ привезъ письмо отъ генерала Стесселя, адресованное генералу Ноги. Письмо передали японцамъ, и оно немедленно отправлено было въ штабъ-квартиру генерала Ноги.

Письмо это, написанное по-англійски, было слѣдующаго содержанія:

Портъ-Артуръ
(безъ числа)

Генералу Барону Ноги.

Милостивый Государь! Принимая во вниманіе общее положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, я нахожу дальнѣйшее сопротивленіе Портъ-Артура бесполезнымъ и, имѣя

въ виду избѣгать безцѣльныхъ потерь человѣческихъ жизней, я желалъ бы войти въ переговоры о капитуляціи. Прошу Васъ назначить делегата для обсужденія условій капитуляціи и избрать мѣсто, гдѣ мой делегатъ могъ бы встрѣтиться съ нимъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить Вамъ свое уваженіе.

Генераль Стессель.

Полученіе этого письма не прекратило, однако, военныя дѣйствія; они продолжались въ теченіе всей ночи; заключительныя сцены борьбы можно было наблюдать на склонахъ батареи лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань).

Среди ночи русскіе открыли ружейный огонь по японскимъ траншеямъ; японцы прилегли и не обращали вниманія на огонь.

Въ 2 часа ночи 20 декабря (2 января) русскія орудія на батарее лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань) сдѣлали свой послѣдній выстрѣлъ. Затѣмъ гарнизонъ очистилъ батарею, взорвалъ ее и отступилъ на невысокіе холмы, сзади занятой японцами линіи укрѣпленій. Взрывъ былъ такъ удаченъ, что послѣ него не было возможности возстановить очертанія форта. Большія орудія были сброшены со своихъ лафетовъ, и одно изъ нихъ было переброшено на разстояніе около пятидесяти ярдовъ (около 60 шаговъ).

Сейчасъ же послѣ взрыва, японская пѣхота потянулась на высоту и сдѣлалась обладательницей укрѣпленія, стоящаго многихъ трудовъ и большихъ потерь.

Утѣшеніемъ для гарнизона батареи лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань) должно служить сознаніе, что онъ остался непобѣжденнымъ въ теченіе всей осады, и что послѣднее разрушеніе произведено имъ самимъ, а не противникомъ.

Съ занятіемъ этого укрѣпленія, осада Портъ-Артура пришла къ концу.

Нѣсколько фортовъ приписываютъ себѣ честь, что они сдѣлали послѣдній выстрѣлъ; честь эта принадлежитъ либо батарее лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань), либо одному изъ фортовъ западнаго фронта.

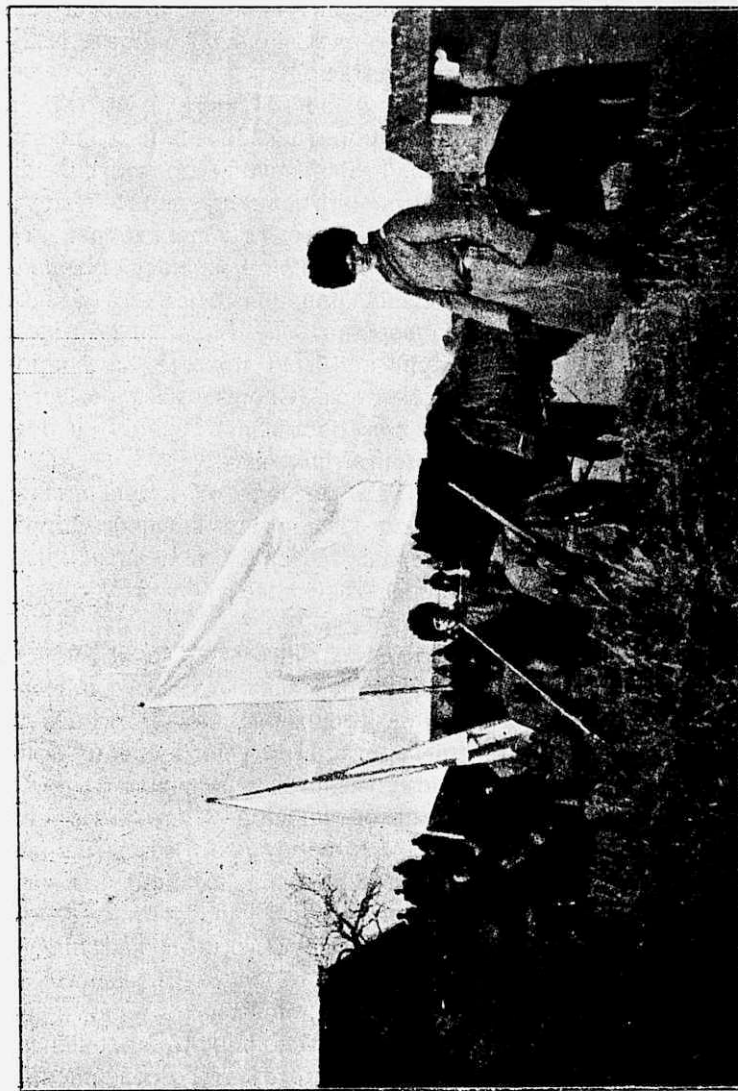
ГЛАВА XXV.

Сдача и торжество.

Подъ утро 18 (31) декабря, я думаю, ни одинъ человѣкъ въ арміи Ногі не предполагалъ, что паденіе Портъ-Артура такъ близко; однако, послѣ легко одержаннаго японцами успѣха при взятіи укрѣпленія № 3 (Шоюшань), когда русскіе сдали позицію послѣ одного часа боя, дѣла начали принимать другой оборотъ. Но даже и послѣ этого, думали, что пройдетъ еще, по крайней мѣрѣ, мѣсяць, пока наступитъ конецъ.

Мы судили о русскихъ по ихъ собственнымъ словамъ; мы твердо помнили знаменитыя слова Стесселя: „я умру въ послѣднемъ рву“.

Японцы знали мало, или почти ничего, объ укрѣпленіяхъ Портъ-Артура, но еслибы кто-нибудь заявилъ, что „послѣдній ровъ“ находится на восточномъ фронтѣ главной оборонительной линіи крѣпости, его подняли бы на смѣхъ за такой бессмысленный оптимизмъ. У японцевъ было смутное представленіе, что существуетъ вторая линія обороны, на высотахъ сзади первой линіи, и они ожидали, что остатки русскаго гарнизона отступятъ и будутъ держаться на новой позиціи. Послѣ взятія этой позиціи, на основаніи приписываемаго Стесселю намѣренія, полагали, что онъ съ остатками гарнизона отступитъ на Ляотъшань, и послѣдней по-

Капитуляція 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.)

зиціей избереть этотъ горный массивъ, гдѣ будетъ держаться, пока мученія голода не заставятъ, въ концѣ концовъ, генерала и его геройскія войска сдаться.

Утромъ 19 декабря (1 января), когда увидѣли, что весь восточный фронтъ главной оборонительной линіи крѣпости, отъ батареи лит. Б. (Сѣверн. Кейкваншань) до укрѣпленія № 3 (Шоюшань), усѣянъ былъ одѣтыми въ черное японцами, а русскіе снаряды рвались тамъ, гдѣ прежде рвались только японскіе, всѣ поняли, что кризисъ на носу. Начинаясь или заключительная сцена, или новый фазисъ осады. Сопротивленіе русскихъ на вершинѣ Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай) 19 декабря (1 января) не было похоже на сопротивленіе людей, готовыхъ сдаваться. Скорѣе казалось, что они медленно отходятъ на свои послѣднія позиціи, чтобы тамъ начать новый періодъ сопротивленія.

19 декабря (1 января) не было послано отвѣта на письмо Стесселя; въ 5 часовъ утра 20 декабря (2 января) майоръ Ямаока, офицеръ штаба генерала Ноги, былъ посланъ изъ главной квартиры, чтобы передать Стесселю отвѣтъ своего генерала.

Майоръ Ямаока учился въ Россіи; это тотъ самый офицеръ, который въ началѣ осады передалъ русскимъ письмо Микадо, съ предложеніемъ всѣмъ женщинамъ, дѣтямъ и частнымъ лицамъ покинуть городъ. Этому доблестному офицеру и безупречно вѣжливому человѣку всѣ иностранцы, бывшіе при арміи Ноги, очень обязаны за постоянную его любезность и вниманіе; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые понимали иностранцевъ и входили въ ихъ положеніе. Его имя мы вспоминаемъ съ удовольствіемъ, а о его печальной судьбѣ думаемъ съ грустью и сожалѣніемъ. Онъ принималъ участіе въ двухъ историческихъ сценахъ и многихъ опасныхъ моментахъ осады; позже, въ бою подъ Мукденомъ, майоръ Ямаока былъ сильно раненъ шрапнелью, разорвавшейся прямо надъ нимъ, и послѣ этого совершенно ослѣпъ.

Отвѣтъ генерала Ноги дошелъ до русскихъ линій въ

9¹/₂ часовъ утра, или въ 8¹/₂ часовъ утра по японскому времени; въ отвѣтъ заключалось предложеніе, чтобы русскіе делегаты прибыли къ югу отъ деревни Шуишунъ въ 11 часовъ утра этого дня; оттуда ихъ проводятъ въ деревню, гдѣ делегаты обѣихъ сторонъ встрѣтятся и обсудятъ вопросъ. Само собою было понятно, что пока делегаты будутъ вести переговоры, будетъ продолжаться перемиріе.

Ни одинъ изъ иностранцевъ, бывшихъ при японской арміи, не зналъ о полученномъ наканунѣ предложеніи Стесселя капитулировать. Что касается лично меня, то я весь день провелъ, наблюдая, какъ японцы атаквали Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай). Когда я возвращался домой по „усѣянной снарядами дорогѣ“, русскіе продолжали стрѣлять самымъ бессмысленнымъ образомъ, заботясь только объ одномъ, чтобы израсходовать свои снаряды. Это бессмысленное расходованіе снарядовъ навело меня на мысль, что приближается конецъ.

По дорогѣ я встрѣтилъ двухъ японскихъ солдатъ; одинъ изъ нихъ зналъ нѣсколько словъ по-англійски и, повидимому, ему очень хотѣлось какъ-нибудь подружиться со мной. Онъ просилъ меня проводить его въ лагерь, гдѣ онъ предлагалъ мнѣ поужинать; такъ какъ лагерь находился далеко въ сторонѣ, то я отказался туда идти и общалъ навѣститъ его въ другое время. Этотъ отвѣтъ, видимо, не удовлетворилъ его; онъ взялъ меня за рукавъ моего пальто и пытался, по-товарищески, тащить меня по направленію къ своему лагерю. По нѣкоторымъ вопросамъ я понималъ, наконецъ, что онъ не знаетъ кто я и что я, и подозреваетъ во мнѣ спасающагося русскаго; онъ хотѣлъ избѣжать всякихъ сомнѣній и старался заставить меня идти съ нимъ въ лагерь, гдѣ можно установить мою личность.

Мы поравнялись съ батареей большихъ гаубицъ, ежедневно бомбардировавшей русскія позиціи, но теперь прекратившей огонь. Русскіе стрѣляли по этой батарее изъ 4,7 дм. морского орудія, но когда мы подходили, огонь почти прекратился, такъ какъ было уже около 6¹/₂ часовъ вечера.

Я шёл дальше и съ удивленіемъ подумалъ: не приближаемся-ли мы дѣйствительно къ концу осады?

Русскіе выстрѣлили послѣдній разъ изъ морского орудія; снарядъ разорвался на высотѣ передъ самой японской батареей. Мы слышали, какъ одинъ большой осколокъ летѣлъ въ нашемъ направленіи; онъ производилъ ужасный шумъ, и мы всѣ трое невольно спрятались въ яму около дороги. Хотя осколокъ этотъ пролетѣлъ высоко надъ нами, но мы могли прослѣдить его полетъ. Ярдахъ въ 100 (43 саж.) отъ насъ стоялъ на дорогѣ японскій солдатъ, который вдругъ подскочилъ на воздухъ; осколокъ снаряда упалъ прямо у его ногъ, къ счастью не задѣвъ его, но силой удара его подбросило, какъ карлика. Довольно странно, но у меня явилось какое то предчувствіе, что это послѣдній выпущенный на моихъ глазахъ снарядъ; я сказалъ своимъ друзьямъ японцамъ, что хотѣлъ бы взять этотъ осколокъ себѣ на память. Мы всѣ направились къ солдату, около котораго упалъ осколокъ; онъ стоялъ на дорогѣ и смѣялся, радуясь, что остался цѣлъ; затѣмъ, онъ началъ между камнями разыскивать осколокъ снаряда, который мы долго искали, но не могли найти.

Во всякомъ случаѣ, это былъ послѣдній снарядъ, выпущенный на моихъ глазахъ изъ Портъ-Артура, и это былъ вообще одинъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ.

Были еще стычки въ эту ночь; русскіе, занимавшіе батарею лит. Б. (Хигаши Кейкваншань), рѣшили ночью очистить позицію; они дали нѣсколько залповъ по японскимъ траншеямъ, и въ 2 часа ночи отступили, взорвавъ предварительно батарею и совершенно разрушивъ ее. Японцы заняли позицію сейчасъ же послѣ взрыва.

У насъ вошло въ привычку, каждое утро ходить въ штабъ, чтобы узнать, что должно произойти днемъ, а также, чтобы разузнать, не произошло ли ночью чего нибудь на одномъ изъ наиболѣе отдаленныхъ участковъ.

Въ 9 часовъ утра 20 декабря (2 января) группа представителей печати собралась въ небольшой комнатѣ, отведенной

для нихъ послѣ наступленія холодовъ. Говорили мало; никто не зналъ о предстоящей сдачѣ; мы начали обсуждать вѣроятный срокъ паденія крѣпости, который оказался болѣе близкимъ, чѣмъ мы думали.

Въ воздухѣ стоялъ шумъ голосовъ, одни говорили о сдачѣ, другіе указывали на дальнѣйшее отчаянное сопротивление. Еслибъ мы могли только забыть этотъ „послѣдній ровъ“, повязка спала бы съ нашихъ глазъ; но какимъ же образомъ „послѣдній ровъ“ могъ оказаться на главной линіи обороны?

Мы послали за капитаномъ Ясухара, нашимъ любезнымъ „чичероне“, обязанность котораго состояла въ сообщеніи намъ свѣдѣній о текущихъ событіяхъ. На этотъ разъ капитанъ Ясухара нѣсколько запоздалъ; когда, наконецъ, дверь открылась, то появился не капитанъ Ясухара, а ординарецъ съ подносомъ, на которомъ стояла бутылка ликера и нѣсколько стакановъ. Мы съ удивленіемъ посмотрѣли на это странное явленіе; если японскій офицеръ начинаетъ въ 9 часовъ утра пить ликеръ, то значитъ ночью произошло что нибудь особенное.

Черезъ нѣсколько минутъ появился капитанъ Ясухара.

„Господа, генераль Стессель капитулировалъ; Портъ-Артуръ сдался“.—Это были его первыя слова. Мы всѣ невольно крикнули—„Банзай“.

Нужно замѣтить, что „банзай“ больше подходитъ для выраженія чувствъ, чѣмъ „ура“, и имѣетъ опредѣленный смыслъ: „живи вѣчно“. Теперь, когда англо-японскій союзъ возобновленъ, слѣдовало бы принять это слово и для англичанъ.

Капитанъ Ясухара улыбнулся и быстро началъ наливать ликеръ въ стаканы, передавая ихъ присутствующимъ. Нашъ первый тостъ былъ—„за Микадо“; нашъ второй тостъ—„за короля Эдуарда“; тосты продолжались, пока не выпили всю бутылку.

Затѣмъ появился генераль Ноги, и мы поздравили его. Пожавъ всѣмъ руки, онъ разрѣшилъ сдѣлать нѣсколько

фотографических снимковъ съ него. Однако, нужно было вернуться къ дѣлу и узнать детально, что произошло и что должно еще произойти.

Драгоценное посланіе Стесселя намъ показали въ оригиналѣ, причемъ разрѣшили погладить письмо, углы котораго въ это время заботливо держалъ капитанъ Ясухара. Однако, никому не позволили подержать письмо въ рукахъ; японцы какъ будто боялись, что Стессель можетъ отказаться отъ своего слова, и если они не сохранятъ этого документа, не будетъ доказательства, что онъ выразилъ желаніе сдаться.

Первой и главной заботой каждого изъ насъ было узнать, гдѣ делегаты должны встрѣтиться и въ какомъ часу. Скоро мы увидѣли, что нельзя терять времени на мелочи; Ясухара сообщилъ, что въ 11 часовъ утра делегаты соберутся въ деревнѣ Шуйшунинъ (около двухъ часовъ пути отъ главной квартиры), и что каждый, желающій присутствовать при этомъ историческомъ событіи, долженъ сейчасъ же торопиться туда, такъ какъ было уже почти 11 часовъ.

Я добрался до деревни Шуйшунинъ только въ половинѣ второго, но на мое счастье делегаты опоздали на 2 часа.

Русскихъ прибыло всего 17 человекъ, а именно: полковникъ Рейсъ—начальникъ штаба генерала Стесселя, еще три полковника, капитанъ I ранга Щенсновичъ—командиръ „Ретвизана“, прапорщикъ Малченко, одинъ мичманъ, переводчикъ, одинъ гражданскій чиновникъ и 8 казаковъ. Эта небольшая группа, предшествуемая казакомъ, везшимъ большой бѣлый флагъ на длинномъ древкѣ, подъѣхала къ одному изъ уцѣлѣвшихъ китайскихъ домовъ въ деревнѣ Шуйшунинъ. сошла съ лошадей и сейчасъ вошла въ домъ. Казаки уцѣлились на скамейкѣ, у края дороги, все еще держа свой бѣлый флагъ.

Японскіе делегаты уже собрались; въ число ихъ входили: генералъ Иджичи—начальникъ штаба генерала Ноги, майоръ Ямаока, капитанъ Тсунода, г. Ивамура—чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, д-ръ Арига, извѣстный знатокъ международного права, и нѣсколько переводчиковъ.

Переговоры велись на англійскомъ языкѣ, со случайными переходами на русскій языкъ. Генералъ-майоръ Иджичи говоритъ и понимаетъ по-англійски; отличный знатокъ англійскаго языка д-ръ Арига; среди русскихъ единственнымъ хорошимъ лингвистомъ оказался мичманъ, на долю котораго выпала тяжелая задача, состязаться съ извѣстнымъ знатокомъ международного права и знаменитымъ начальникомъ штаба. Тѣмъ не менѣе, благодаря воодушевлявшему обѣ стороны желанію, возможно скорѣе прекратить военныя дѣйствія, переговоры велись почти безъ недоразумѣній.

Къ огорченію любителей зрѣлищъ, все происходило въ большомъ секретѣ, при закрытыхъ дверяхъ, и о ходѣ событій можно было судить только по торопливости выходившихъ, отъ времени до времени, то русскихъ, то японскихъ офицеровъ, посылавшихъ ординарцевъ, то въ Портъ Артуръ, то въ штабъ-квартиру генерала Ноги.

Очень жаль, что до потомства не дойдетъ полная драматизма картина этого, составляющаго эпоху, событія, подобная той, которая осталась послѣ капитуляціи Седана, когда Наполеонъ III и Бисмаркъ, обсуждая условія, сидѣли за столомъ снаружи дома. Не будетъ у насъ картины въ родѣ той, гдѣ несчастный Вимпфенъ проситъ о болѣе выгодныхъ для своей арміи условіяхъ, а Мольтке стоитъ съ суровымъ лицомъ, указывая пальцемъ на карту, на которой обозначена позиція артиллеріи, готовой, въ случаѣ недоразумѣній, уничтожить остатки арміи Макъ-Магона.

Красивыя и художественныя сцены былыхъ войнъ, дѣлавшія эти войны такими привлекательными, прошли навсегда; въ современныхъ войнахъ очень мало темъ для художника, такъ какъ суровые факты дѣйствительности совершенно не соотвѣтствуютъ фантазіи художника.

Въ переговорахъ о капитуляціи Портъ Артура у обѣихъ сторонъ была только одна забота—скорѣе придти къ какому нибудь рѣшенію; обѣ стороны готовы были встрѣтить предложенія другой стороны съ благосклоннымъ вниманіемъ. Несмотря на отсутствіе главныхъ дѣйствующихъ лицъ и на

то, что дѣйствіе происходило при закрытомъ занавѣсѣ, сцена снаружи была достаточно красива и могла произвести впечатлѣніе на самого флегматичнаго человѣка.

Сама природа, повидимому, рѣшила выказать свое одобреніе тому обороту, который приняли событія; она дала отличную погоду, какой не было подъ Портъ-Артуромъ за все время осады; солнце свѣтило почти по лѣтнему, и было очень тепло. Все, что происходило теперь, такъ мало было похоже на то, что происходило въ теченіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ.

Домъ, въ которомъ происходили переговоры, стоялъ посреди деревни; передъ нимъ находилось большое открытое пространство, въ родѣ деревенской площади. Днемъ 20 декабря (2 января) эта площадь была усеяна японскими солдатами, пришедшими изъ ближайшихъ лагерей посмотреть на врага, вооруженнаго вмѣсто винтовки оливковой вѣтвью. Въ самой серединѣ группы японцевъ сидѣли на скамейкѣ казаки, держа своихъ лошадей. Одинъ изъ нихъ держалъ передъ собой древко съ кускомъ бѣлаго холста, символомъ мира; рядомъ съ нимъ сидѣлъ японскій кавалеристъ, державшій такое же древко съ такимъ же кускомъ матеріи. Вниманіе всѣхъ присутствующихъ сосредоточено было на этихъ двухъ фигурахъ; величайшее добродушіе было написано на дѣтскихъ лицахъ японскихъ солдатъ и на открытыхъ лицахъ длинноволосыхъ широкоплечихъ казаковъ. На послѣднихъ не было замѣтно никакихъ признаковъ лишеній или страданій; они все время слѣдили за японцами, часто начиная хохотать, если замѣчали что-нибудь комичное въ одеждѣ или поведеніи солдатъ Микадо; японскіе солдаты, видимо, тоже находили въ казакахъ нѣчто чрезвычайно забавное. Такъ прошелъ весь день въ веселой болтовнѣ, въ которой не было и слѣда вражды.

Въ одной милѣ къ югу отъ мѣста мирныхъ переговоровъ, была видна вся арена борьбы, только что прекратившейся. Укрѣпленіе № 3 (Шоюшань) еще дымилось; видѣлся грозный валъ форта III (Нирушань), гдѣ войсками, не знавшими пораженія, оказано было самое рѣшительное сопротивленіе,

сломленное только послѣ неоднократныхъ штурмовъ; на другихъ высотахъ и фортахъ кишѣли одѣтые въ черное японскіе солдаты; на болѣе удаленныхъ гребняхъ русскіе въ первый разъ вылезли изъ своихъ траншей; только узкая лощина, шириной въ 200 ярдовъ (85 саж.), раздѣляла, еще вчера враждовавшія, стороны. На западѣ русскіе еще оставались полными хозяевами фортовъ, которые не были атакованы во время осады.

Первое совѣщаніе делегатовъ произошло въ 1 часъ 20 мин. дня. Начальники штабовъ пожали другъ другу руки, обмѣнялись документами, дающими имъ право на заключеніе договора, и затѣмъ представили другъ другу сопровождавшихъ ихъ лицъ. Затѣмъ, японскіе делегаты вручили русскимъ условія капитуляціи и дополнительные къ ней документы, которые попросили рассмотреть въ отдѣльной комнатѣ въ теченіе полчаса. Передъ выходомъ изъ комнаты русскіе спросили окончательны ли эти условія. Японцы отвѣтили „да“, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказали, что они съ удовольствіемъ рассмотрятъ всѣ указанія и предложенія, которыя будутъ сдѣланы русскими. Однимъ словомъ, японцы требовали безусловной сдачи Портъ-Артура и передачи всего имущества, за исключеніемъ предметовъ, которые необходимы плѣннымъ для ихъ личнаго употребленія. Все общественное и частное имущество Портъ Артура должно быть передано японцамъ и удерживается ими, пока не послѣдуетъ особаго распоряженія.

Одновременно, русскимъ передана была телеграмма Микадо, адресованная генералу Ноги, въ которой было сказано, что, во вниманіе доблестнаго поведенія русскихъ во время осады, Микадо разрѣшаетъ русскимъ офицерамъ, если они дадутъ слово не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Японіи, возвратиться въ Россію.

Затѣмъ, делегаты Стесселя вышли на 10 минутъ, но въ 1 часъ 30 минутъ вернулись и повторили прежній вопросъ: „Эти условія окончательныя?“—Японцы, какъ и раньше, отвѣтили утвердительно.

Въ 2 часа 30 минутъ дня вторично собрались на совѣщаніе. Русскіе, желая выдержать свою роль, представили въ отвѣтъ на японское предложеніе—безусловной сдачи, нѣчто въ родѣ контръ-предложеній. Контръ-предложенія русскихъ, въ виду категорическаго отвѣта японцевъ, можно было объяснить только желаніемъ затянуть переговоры; они состояли изъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Всѣ солдаты и матросы получаютъ разрѣшеніе вернуться въ Россію;

2) Такъ какъ въ Россіи нѣтъ закона, позволяющаго дать слово не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, просятъ позволенія войти въ непосредственныя сношенія съ ГОСУДАРЕМЪ, раньше чѣмъ воспользоваться, предоставленной офицерамъ, возможностью вернуться на родину подъ честнымъ словомъ;

3) Въ отвѣтъ на вопросъ, содержащійся въ одномъ изъ дополнительныхъ документовъ, сообщилось, что всѣ люди гарнизона, за исключеніемъ около 4.000 человекъ, либо больны, либо ранены;

4) Сообщалось, что всѣ полковыя знамена сожжены;

5) Просятъ позволенія взять всѣхъ своихъ лошадей, которыхъ по ихъ показанію въ крѣпости оставалось еще 1.800 шт.

6) Каждый офицеръ получаетъ разрѣшеніе взять съ собой одного вѣстового;

7) Японцы принимаютъ на себя заботу о госпиталяхъ;

8) Желаютъ знать, что дѣлать съ плѣнными японцами, число которыхъ 60 человекъ.

Въ 3 часа 7 минутъ стороны разошлись; японцы вышли, чтобы разсмотрѣть русскій отвѣтъ.

Въ 3 часа 37 минутъ собрались въ третій разъ. Японцы отвѣтили на всѣ приведенные русскими пункты:

1) Всѣ офицеры, гражданскіе чиновники и частныя лица, не принимавшіе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, получаютъ разрѣшеніе вернуться въ Россію на честное слово; офицеры сохраняютъ оружіе; всѣ солдаты и матросы должны считаться военно-плѣнными;

2) Каждому офицеру разрѣшается взять съ собой одного вѣстового;

3) Всѣ лошади должны быть сданы;

4) Каждый офицеръ имѣетъ право взять съ собой столько багажа, сколько разрѣшается возить, въ военное время, японскому офицеру соотвѣтствующаго чина;

5) Все остальное частное имущество остается въ крѣпости, и распоряженія относительно него будутъ сдѣланы впоследствии;

6) Госпитали должны функционировать по прежнему.¹⁾

Пока продолжалось это третье совѣщаніе, въ Портъ-Артурѣ, въ разныхъ частяхъ города, начались пожары; генералъ Иджичи обратилъ вниманіе полковника Рейса, что уничтоженіе имущества въ то время, когда происходятъ переговоры, является грубымъ нарушеніемъ перемирія. Полковникъ Рейсъ сейчасъ же послалъ спѣшное письмо генералу Стесселю, съ просьбой прекратить эти пожары. Письмо послали съ казакомъ-ордннарцемъ, въ сопровожденіи японскаго солдата. Нѣсколько позже, часть пожаровъ потушили; генералъ Стессель отвѣтилъ, что онъ приложитъ всѣ старанія, чтобы прекратить пожары, которые являются дѣломъ рукъ поджигателей.

Устанавливая окончательныя условія, японцы согласились отправить отъ имени русскихъ телеграмму ГОСУДАРЮ, съ просьбой разрѣшить офицерамъ—дать честное слово не участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ; отправка телеграммы могла состояться при условіи, что она будетъ написана ясно, по-англійски. Въ то же время было рѣшено, что условія капитуляціи будутъ подписаны сейчасъ же, какъ только они будутъ готовы, не ожидая полученія отвѣта отъ ГОСУДАРЯ.

Въ 7 часовъ 30 минутъ вечера русскіе передали япон-

¹⁾ Японскій отвѣтъ переданъ довольно правильно, но русскія предложенія сильно искажены и перепутаны. Такія предложенія, какъ указанныя въ пунктахъ 5-мъ и 8-мъ, явно нелѣпы и не были предъявляемы русскими.

цамъ телеграму къ ГОСУДАРЮ. Въ 8 часовъ 45 минутъ вечера условія капитуляціи подписали начальники штабовъ; полковникъ Рейсъ подписалъ первымъ, а послѣ него—генераль Иджичи.

Покончивъ съ официальной стороною дѣла, делегаты перешли на болѣе неофициальную почву и начали обсуждать между собой осаду и главныя ея событія. Балашовъ, начальникъ русскаго общества Краснаго Креста, сообщилъ, что въ крѣпости не хватаетъ многого, для помощи больнымъ и раненымъ, и просилъ немедленно оказать въ этомъ помощь. Въ 9 часовъ вечера делегаты обѣдали въ томъ же домѣ, гдѣ происходили переговоры.

Полковникъ Рейсъ указалъ, что главныя причины сдачи Портъ-Артура—большое количество больныхъ и раненыхъ, положеніе госпиталей и недостатокъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. Онъ сказалъ, что русскіе могли бы держаться еще дней пять, но такъ какъ не было никакой цѣли, ради которой стоило бы держаться дальше, то рѣшили сдаться.

Японцы спросили при этомъ, сколько солдатъ выйдетъ изъ крѣпости военно-плѣнными, что имъ необходимо было знать для соотвѣствующихъ приготовленій. Полковникъ Рейсъ повторилъ тогда свое оригинальное заявленіе, что могутъ выйти изъ крѣпости только 4.000 человекъ; однако, впоследствии это число возросло до 1.300 офицеровъ и 24.000 солдатъ и матросовъ. Доблестный полковникъ, будучи начальникомъ штаба, конечно могъ быть лучше освѣдомленъ объ условіяхъ, въ которыхъ находилась крѣпость; вдобавокъ къ его ошибочному расчету количества гарнизона, впоследствии, въ крѣпости нашли съѣстныхъ припасовъ на четыре мѣсяца, и очень много боевыхъ припасовъ, которыхъ могло хватить на довольно продолжительный срокъ.

Въ 10^{1/2} часовъ вечера делегаты обѣихъ армій покинули Шуйшунинъ и возвратились въ свои штабы.

Японцы не вступили въ Портъ-Артуръ немедленно послѣ его сдачи. Условлено было, что всѣ русскіе плѣнные вый-

дутъ изъ крѣпости на другой день послѣ сдачи ея, а японцы предварительно пошлютъ туда офицеровъ съ переводчиками, для пріема всѣхъ общественныхъ зданій, и жандармовъ, для наблюденія за порядкомъ въ городѣ, такъ какъ по городу бродило много солдатъ и рабочихъ, отъ которыхъ ожидали безпорядковъ.

Такимъ образомъ, только черезъ 12 дней генераль Ноги торжественно вошелъ въ крѣпость, во главѣ арміи. Этотъ періодъ бездѣйствія былъ очень утомителенъ, но мы принуждены были терпѣливо подчиниться запрещенію посѣтить крѣпость, такъ какъ оно одинаково относилось къ иностранцамъ, генераламъ и частнымъ лицамъ.

Японцы никоимъ образомъ не могутъ считаться людьми, не любящими празднествъ. Во время войны, когда въ Токио доходили свѣдѣнія о побѣдахъ, по вечерамъ собирались толпы народа съ фонарями и флагами, и въ торжественномъ шествіи проходили по городу, совершенно такъ, какъ это дѣлала толпа у насъ во время Южно-Африканской войны. Газеты выпускали спеціальныя прибавленія, небольшіе печатные листки, сообщавшіе о великихъ событіяхъ; ихъ тысячами продавали бѣгающіе газетчики, звонившіе при этомъ колокольчиками. Въ Токио, однако, поводы для подобныхъ сценъ представлялись болѣе часто, чѣмъ въ Лондонѣ.

На войнѣ радостныя торжества ограничиваются, обыкновенно, болѣе узкими рамками; празднованіе въ японскихъ лагеряхъ извѣстія о паденіи Портъ-Артура совершенно не соотвѣтствовало важности событія.

Что бы сдѣлала европейская армія послѣ такой большой побѣды, какъ побѣда генерала Ноги и его доблестныхъ войскъ? Навѣрно, увеселенія длились бы цѣлыми днями. Но еслибы кто-либо посторонній попалъ въ среду японскихъ солдатъ, сейчасъ же послѣ сдачи крѣпости, онъ по поведенію офицеровъ и нижнихъ чиновъ не могъ бы узнать, что произошло нѣчто особенное, что казавшаяся неодолимой сила Россіи на Дальнемъ Востокѣ теперь уничтожена.

Вечеромъ 20 декабря (2 января) японскія войска праздновали свою побѣду подобающимъ образомъ, но съ соблюденіемъ полного порядка. При этомъ ихъ не такъ воодушевляло сознаніе побѣды, какъ огромная радость, что покончили, наконецъ, съ Портъ-Артуромъ, а кромѣ того, и надежда на новый успѣхъ. Они знали, что съ паденіемъ крѣпости ихъ труды не кончаются, что генераль Ноги и его 100.000 испытанныхъ войскъ, какъ только они освободятся, будутъ двинуты противъ Куропаткина. Наступалъ моментъ, когда эти ненасытные вояки должны принять участіе въ заключительныхъ событіяхъ войны.

Въ ночь 20 декабря (2 января) энтузіазмъ японскихъ войскъ дошелъ до апогея. Во всѣхъ лагеряхъ солдаты зажгли костры; вдоль линіи взятыхъ русскихъ позицій, на каждой высотѣ былъ разведенъ костеръ; въ то же время, далеко назади, въ темнотѣ зимней ночи, мерцали одинокіе огоньки, обозначая постъ при интендантскомъ складѣ, или группу солдатъ, охраняющихъ линію сообщеній. Въ лагеряхъ, около костровъ, собравшіеся тысячами солдаты кричали до хрипоты, распѣвали патріотическія пѣсни и громко орали „банзай“, танцуя вокругъ огня.

Подходившій къ этимъ лагернымъ кострамъ иностранецъ могъ быть увѣренъ въ отличномъ приѣмѣ; солдаты настаивали, чтобы мы приняли участіе въ ихъ празднествѣ и угощали насъ своимъ „саки“, безпрепятственно выдававшимся въ эту ночь. Для наблюдателя, стоящаго на одной изъ многочисленныхъ возвышенностей, открывалась необычайная картина; болѣе чѣмъ на 20 миль кругомъ, все освѣщено было безчисленными кострами, что напоминало какой-то большой городъ, наполовину скрывшійся во мглѣ. Крики „банзай“ раздавались со всѣхъ сторонъ; какъ только въ какомъ-нибудь лагерѣ затыгивали этотъ національный боевой кличъ, онъ подхватывался по всей линіи, пока не терялся далеко на западѣ, у Голубиной бухты.

Въ главной квартирѣ арміи можно было наблюдать картину такого же энтузіазма. Мнѣ представился случай навѣ-

стить одного изъ офицеровъ штаба, и я видѣлъ, какъ главная квартира, временно, преобразилась. Работа остановилась, всѣ праздновали. Я засталъ жандармовъ, на обязанности которыхъ лежала военно-полицейская охрана арміи, сидящими за обѣденнымъ столомъ; они пили шампанское, красное вино, пиво, ликеръ и „саки“ въ большомъ количествѣ; лица ихъ расплылись въ улыбку добродушнаго веселія. Каждая группа приглашала къ себѣ поужинать.

Такъ незамѣтно прошла ночь. Но когда встало солнце, желѣзная дисциплина снова сковала этихъ кутилъ, и съ разсвѣтомъ армія опять превратилась въ совершенный боевой механизмъ, готовый въ походъ, на сѣверъ. На другой день послѣ капитуляціи, генераль Ноги послалъ своего адъютанта, капитана Тсунода, въ Портъ-Артуръ, чтобы передать генералу и г-жѣ Стессель свое почтеніе и узнать, нельзя ли что-нибудь сдѣлать для ихъ удобствъ; въ то же время онъ намекалъ, что теперь военныя дѣйствія окончились, и могла произойти встрѣча его съ генераломъ Стесселемъ.

22-го декабря (4 января) капитанъ Тсунода опять навѣстилъ генерала и его жену, при чемъ передалъ г-жѣ Стессель подарокъ, состоявшій изъ 24 цыплятъ, 12 бутылокъ шампанскаго и 12 бутылокъ краснаго вина. Капитана Тсунода сопровождалъ г. Ивамура, чиновникъ японскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; въ домѣ генерала Стесселя произошло свиданіе самаго дружескаго характера между генераломъ, его женой и двумя японскими офицерами. Ивамура говорилъ по-русски съ г-жей Стессель, Тсунода—по-французски, черезъ переводчика, съ генераломъ.

Первый вопросъ Стесселя былъ: „Гдѣ Куропаткинъ?“

Тсунода: „Я не знаю, но думаю, что онъ гдѣ-либо на Шахэ“.

Стессель: „Послѣдній разъ я имѣлъ свидѣнія отъ него 6-го октября, когда онъ писалъ мнѣ слѣдующее: дорогой товарищъ, необходимо продержаться еще нѣсколько времени, такъ какъ я приду со всей своей арміей выручать васъ. Я выслалъ нѣсколько китайскихъ шпионовъ—узнать,

гдѣ находится Куропаткинъ; одинъ—донесъ, что онъ въ Цзинчжоу (Наншань), другой—что у Чоранш (деревня въ 7 миляхъ отъ Портъ-Артура), но я думаю, что онъ долженъ быть на Шахэ“.

Тсунода: „Куропаткинъ побить Оямой на Шахэ, при чемъ первый потерялъ 50.000 или 60.000 человѣкъ“.

Стессель: „Гдѣ Балтійскій флотъ?“

Тсунода: „Не знаю, но полагаю, что часть его не обошла еще вокругъ мыса Доброй Надежды“.

Стессель: „Теперь, когда Портъ-Артуръ палъ, нѣтъ смысла эскадрѣ идти дальше; лучше ей идти обратно“.

Въ отвѣтъ на вопросъ: „что причинило вамъ наибольшее безпокойство за время осады?“—Стессель сказалъ: „28 сантим. гаубицы; послѣ ихъ прибытія наши крѣпостныя сооруженія оказались бесполезны. Я возражалъ Сахарову, градоначальнику Дальняго, противъ его плана построить портъ и докъ въ Дальнемъ, и говорилъ, что всѣ эти сооруженія должны быть въ Портъ-Артурѣ. Сахаровъ теперь умеръ отъ дизентеріи. Я былъ противъ войны. Я зналъ японцевъ, такъ какъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними во время „Боксерскаго движенія“; тогда я встрѣчался съ генералами Ямагучи (впослѣдствіи умершимъ) и Фукашима. Я командовалъ 3-й дивизіей; японцы, по моему мнѣнію, сдѣлали львиную долю работы въ эту войну. Съ тѣхъ поръ я высоко цѣню знанія и храбрость японскихъ генераловъ и солдатъ. Нѣкоторые говорятъ, что вызвалъ войну Алексѣевъ, но это невѣрно. Алексѣевъ всегда былъ противъ войны, и не относился съ пренебреженіемъ къ японцамъ, такъ какъ онъ былъ въ Тяньцзинѣ, во время боксерскихъ безпорядковъ, и научился цѣнить японцевъ“.

Далѣе Стессель восхвалялъ знанія и терпѣніе японскихъ саперъ, которые все „рыли, рыли, рыли“. Въ началѣ онъ считалъ, что японская артиллерія дѣйствуетъ слабо, но впослѣдствіи убѣдился, что она дѣйствовала отлично. Стессель полагалъ, что настоящей причиной войны нужно считать

незнакомство русскаго народа съ дѣйствительнымъ характеромъ японцевъ.

Это взваливаніе на несчастный русскій народъ ответственности за войну—превосходило всякую мѣру!

Затѣмъ, Стессель говорилъ, что онъ въ дѣйствительности не долженъ былъ остаться въ Портъ-Артурѣ, такъ какъ его 3-я дивизія находится на сѣверѣ; 4-я и 7-я дивизіи назначены были въ Портъ-Артуръ. Когда японцы произвели свою первую морскую атаку, въ январѣ, Стессель былъ пораженъ, что начались военные дѣйствія, такъ какъ форты только наполовину были готовы, и гарнизонъ крѣпости составляли всего около 3.000 человѣкъ. Генералъ Кондратенко и нѣкій полковникъ—инженеръ ¹⁾ посвятили себя приведенію крѣпости въ оборонительное состояніе; оба эти героя были убиты на форту II, 2 (15) декабря, взрывомъ 28 сантим. снаряда. Стессель сильно восхвалялъ Кондратенко и сказалъ, что онъ окончилъ академію и былъ отличный инженеръ. Стессель прибавилъ, что онъ самъ участвовалъ въ трехъ войнахъ: въ русско-турецкой—онъ былъ въ чинѣ капитана и былъ раненъ; въ боксерской—онъ былъ начальникомъ дивизіи и тоже былъ раненъ; въ настоящей войнѣ—онъ опять былъ раненъ. Куропаткинъ былъ его товарищъ по корпусу.

Стессель высказалъ мысль, что онъ теперь достаточно послужилъ своей родинѣ и не имѣетъ другого желанія, какъ уйти въ свое помѣстье и доживать свой вѣкъ въ кругу семьи. Онъ усыновилъ 5 человѣкъ дѣтей офицеровъ, убитыхъ во время осады. Кончая разговоръ, Стессель сказалъ, что ему доставитъ большое удовольствіе встрѣтиться съ генераломъ Ноги въ деревнѣ Шуйшуинъ. Встрѣча была назначена въ 12 часовъ, на слѣдующій день.

Важнымъ событіемъ 23 декабря (5 января) была встрѣча двухъ генераловъ; каждый хотѣлъ присутствовать при этой

¹⁾ Полковникъ Рашевскій.

исторической сценѣ. Все было устроено такъ, чтобы избѣжать всякаго намека, что встрѣчаются побѣдитель и побѣжденный. Былъ отданъ особый приказъ, запрещающій войскамъ собираться въ деревнѣ Шуйшуинъ и вдоль дорогъ, ведущихъ къ „храму мира“; такое названіе получилъ домикъ въ деревнѣ, гдѣ происходило свиданіе. Генераль Ноги, какъ хозяинъ, долженъ былъ прибыть раньше, чтобы встрѣтить русскаго генерала и его штабъ, при ихъ прибытіи.

Однако, благодаря печальному недоразумѣнію, все вышло плохо изъ-за очень простой причины, которую легко можно было предусмотрѣть. Было условлено, что капитанъ Тсунода поѣдетъ за Стесселемъ и проводить его къ мѣсту встрѣчи. Стессель хотѣлъ встрѣтиться съ Ноги въ 12 часовъ, но относительно разницы въ русскомъ и японскомъ времени забыли обѣ стороны; когда у русскихъ было 12 часовъ, у японцевъ было 11 часовъ.

Я поѣхалъ въ деревню Шуйшуинъ и прибылъ туда безъ четверти двѣнадцать, но не замѣтилъ никакихъ признаковъ предстоящей встрѣчи; затѣмъ, я увидѣлъ нѣсколькихъ корреспондентовъ, прибывшихъ туда раньше меня. Они рассказали мнѣ, что, около половины двѣнадцатаго, генераль Стессель поѣхалъ со своимъ штабомъ, и что не было ни души, чтобы показать ему дорогу къ мѣсту встрѣчи. Къ счастью, онъ встрѣтилъ эту небольшую группу англичанъ, которые находились въ деревнѣ, въ ожиданіи его пріѣзда. Они радостно привѣтствовали генерала и указали ему дорогу къ дому; туда генераль со своимъ штабомъ прямо и направился, и они, сойдя съ лошадей, вошли въ домъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ двѣнадцати часовъ, полнымъ ходомъ при скакалъ со стороны города капитанъ Тсунода; у него былъ видъ, будто онъ желалъ провалиться сквозь землю; онъ съѣздилъ въ Портъ-Артуръ только для того, чтобы узнать, что генераль Стессель уже уѣхалъ.

Кто послѣ этого можетъ сказать, что времена военныхъ корреспондентовъ миновали навсегда. Не окажись тамъ

этой небольшой группы людей, чтобы привѣтствовать Стесселя, онъ, можетъ быть, съ большимъ огорченіемъ уѣхалъ бы обратно въ Портъ-Артуръ.

Вскорѣ послѣ этого, прибылъ генераль Ноги и его штабъ; они сейчасъ же вошли въ домикъ. Генерала Ноги сопровождали: начальникъ штаба генераль Иджичи, капитанъ Матсуода, капитанъ Ясухара, капитанъ Тсунода, г-нъ Ивамура и маіоръ Ватанабэ.

Свиту Стесселя составляли: полковникъ Рейсъ—начальникъ штаба, поручики Невельской и Малченко, офицеры штаба 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса, и нѣсколько казаковъ подъ командой унтеръ-офицера.

При этой встрѣчѣ не было бѣлыхъ флаговъ, такъ какъ крѣпость уже сдалась и гарнизонъ передалъ японцамъ свое оружіе; однако, русскій генераль, во вниманіе къ его чину, получилъ разрѣшеніе, до выѣзда изъ Портъ-Артура, сохранить свой личный вооруженный эскортъ.

Всѣ иностранцы были безусловно устранены отъ участія во встрѣчѣ, но японцы сообщили о томъ, что происходило при этомъ; я точно повторяю всѣ свѣдѣнія относительно этого историческаго свиданія, не нарушая даже особенностей рѣчи.

Оба генерала пожали другъ другу руки и затѣмъ представили другъ другу свою свиту. Генераль Ноги выразилъ при этомъ свое большое удовольствіе, что онъ можетъ пожать руку генералу Стесселю. Стессель благодарилъ Ноги за эту встрѣчу и выразилъ свое удовольствіе, что можетъ пожать руку такому воякѣ, какъ генераль Ноги.

Затѣмъ, генераль Ноги сообщилъ Стесселю о распоряженіи Микадо—обращаться съ нимъ (Стесселемъ) очень почтительно, въ уваженіе къ его храбрости. Стессель благодарилъ Микадо за такое вниманіе и сказалъ, что теперь честь его семьи спасена.

Стессель благодарилъ Ноги за передачу телеграммы къ ГОСУДАРЮ, и при этомъ Ноги вручилъ, полученный сегодня утромъ, отвѣтъ ГОСУДАРЯ, слѣдующаго содержанія:

„Разрѣшаю всѣмъ офицерамъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ возвратиться въ Россію, съ обязательствомъ не принимать участія въ настоящей войнѣ, или раздѣлить участь своихъ людей. Благодарю васъ и вашъ гарнизонъ за доблестную оборону“. Николай.

Оба генерала восхваляли храбрость войскъ противника. Затѣмъ разговоръ перешелъ на взрывъ укрѣпленія № 3 (Шоюшанъ) 18 (31) декабря, при чемъ Стессель подтвердилъ, что весь гарнизонъ былъ уничтоженъ этимъ большимъ взрывомъ. Онъ хвалилъ знанія саперъ и стрѣльбу артиллеріи, особенно ея сосредоточенный огонь, слѣдовавшій за взрывомъ; о доблестной дѣятельности пѣхоты онъ считалъ лишнимъ даже говорить.

Стессель восхвалялъ вѣрность Ноги своему отечеству и сказалъ, что онъ слышалъ, будто оба его сына умерли, сражаясь за отечество. На это генераль Ноги отвѣтилъ: „Одинъ изъ моихъ сыновей убитъ на Цзинчжоу (Наншанъ), другой на Высокой горѣ (203 метр. высота). Для моей арміи было весьма важно взять обѣ эти позиціи, поэтому я считаю, что жизнь ихъ погибла не напрасно“.

Стессель просилъ Ноги принять отъ него, въ знакъ уваженія, боевого коня, сѣраго араба. Ноги отвѣтилъ: „Ваша любезность не имѣетъ границъ. Однако, я не могу принять вашего подарка, такъ какъ всѣ лошади, пушки и прочая добыча принадлежатъ моей арміи, и я не имѣю права обратиться въ мою частную собственность; я буду слѣдить, чтобы о вашей лошади заботились, и чтобы съ нею обращались съ особымъ вниманіемъ“.

Ноги просилъ Стесселя оставаться въ занимаемомъ имъ домѣ, въ Портъ-Артурѣ, пока все будетъ подготовлено для его отъѣзда въ Дальній и оттуда въ Россію.

Стессель просилъ Ноги, чтобы тѣла русскихъ, павшихъ во время осады, были собраны и похоронены въ одномъ мѣстѣ. Ноги сказалъ, что онъ хоронилъ тѣла русскихъ, павшихъ во время осады; тѣмъ не менѣе, онъ общался, какъ только у его людей будетъ свободное время, собрать

тѣла русскихъ, по возможности, въ одно мѣсто и поставить въ честь ихъ памятники.

Ноги просилъ разрѣшенія—съ ихъ группы снять фотографію, на что Стессель согласился.

Когда подали Стесселю араба, онъ спросилъ: „Развѣ это не прекрасный конь?“.

Во время встрѣчи, въ городѣ снова начались пожары. Стессель просилъ извиненія за нихъ, приписывая ихъ поджогамъ; онъ просилъ, чтобы японскія войска въ тотъ же день вошли въ городъ и охраняли бы его. Это было исполнено.

Стессель, между прочимъ, сдѣлалъ любопытное признаніе, что одна изъ причинъ сдачи крѣпости—затрудненія при поддержаніи порядка среди 3.000—4.000 рабочихъ, которыхъ онъ описывалъ какъ разбойниковъ.

Пока генералы были заняты разговоромъ, солдаты ихъ эскортовъ братались самымъ дружескимъ образомъ; они, очевидно, считали своей обязанностью отбросить всякія разногласія и стать друзьями, если ихъ генералы показываютъ имъ примѣръ. Начальникъ эскорта Ноги и начальникъ эскорта Стесселя обняли другъ друга и, такимъ образомъ, расхаживали взадъ и впередъ, стараясь понасть на снимокъ одной изъ многочисленныхъ фотографическихъ камеръ, готовыхъ запечатлѣть эту своеобразную сцену для исторіи. Остальные солдаты дѣлали то же самое, доставляя удовольствіе себѣ и развлеченіе зрителямъ, которые вспоминали, что въ предыдущіе 9 мѣсяцевъ эти же люди прилагали всѣ усилія, чтобы убить другъ друга. Генералы пробыли вмѣстѣ около часа, а затѣмъ генераль Стессель и его штабъ уѣхали.

Генераль Ноги выѣхалъ часомъ позже Стесселя и тоже направилъ свой путь къ Портъ-Артуру, сопровождаемый однимъ только адъютантомъ, капитаномъ Ясухара. Они проѣхали вдоль линіи взятыхъ фортовъ, которые генераль Ноги въ первый разъ видѣлъ такъ близко.

ГЛАВА XXVI.

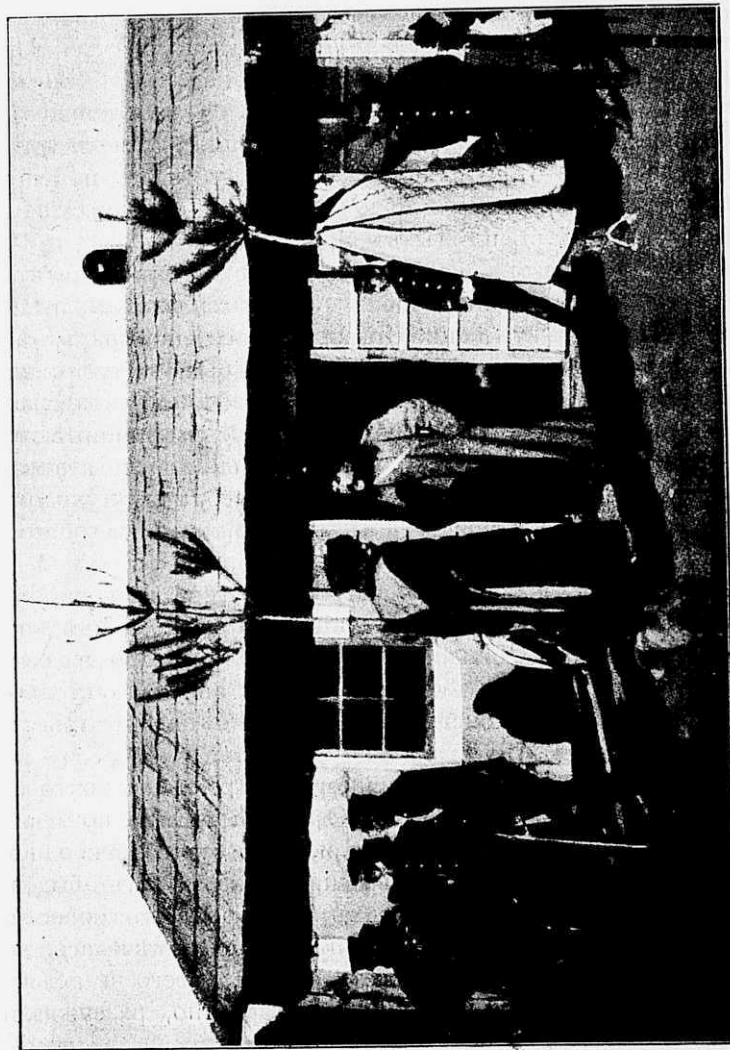
Заключительныя сцены.

Согласно условій капитуляціи, 24 декабря (6 января) русскіе должны выступить въ деревню Лахутзе, около Голубиной бухты, и здѣсь ожидать, пока будутъ окончены всѣ приготовления для отправки ихъ въ Дальній.

Деревня Лахутзе находится приблизительно въ 15 миляхъ отъ станціи желѣзной дороги, и русскіе должны были пройти это разстояніе пѣшкомъ.

23 декабря (7 января) первый эшелонъ выступилъ на станцію Чораши; когда русскіе шли по большой дорогѣ, картина была очень красивая. Впереди шли офицеры, вооруженные шашками; нѣкоторые ѣхали верхомъ, другіе, уставые, плелись пѣшкомъ. Всѣ офицеры были хорошо одѣты; въ своихъ свѣтло-сѣрыхъ пальто и лакированныхъ сапогахъ они скорѣе имѣли видъ идущихъ съ парада, а не послѣ осады, длившейся шесть мѣсяцевъ. Что касается солдатъ, то ихъ одежда и, въ особенности, сапоги были въ жалкомъ видѣ; на многихъ были одѣты китайскіе халаты и овечьи тулупы; всѣ они имѣли бодрый и здоровый видъ.

Охрана, сопровождавшая плѣнниковъ, была самая незначительная. Тамъ и сямъ въ колоннѣ, сквозь тучи пыли, поднимаемой при движеніи, можно было разглядѣть нѣсколько маленькихъ одѣтыхъ въ цвѣтъ „хаки“ фигурокъ,

Генераль Стеesselъ прощается съ ген Илжици, начальникомъ штаба ген. Ноги, на станціи Чораши.

съ краснымъ мѣшкомъ за спиной и ружьемъ въ рукахъ, совершенно тонувшихъ въ густой колоннѣ русскихъ. Это были японскіе солдаты, посланные съ плѣнными, чтобы не допускать попытокъ къ бѣгству. Очень комично было видѣть, какъ небольшая группа японскихъ солдатъ конвоировала нѣсколько тысячъ русскихъ; послѣдніе хотя и могли разбѣжаться, но отлично понимали, что уйти съ полуострова невозможно; они были мало огорчены переменѣй судьбы, посылавшей ихъ въ плѣнъ, въ Японію.

Вѣроятно, самыми неприятными для нихъ были моменты, когда они проходили по улицамъ китайскихъ деревень и слышали замѣчанія китайцевъ. Когда, въ послѣдній разъ, они проходили по той же самой дорогѣ, это была отступающая, но не побѣжденная армія. Теперь очарованіе исчезло, слава русскихъ погибла; китайцы не могли упустить удобный случай—посмѣяться надъ тѣми, кратковременное господство которыхъ было такъ тяжело. Нѣсколько дней, между уходомъ одного властителя и появленіемъ другого, китайцы пользовались относительной свободой.

На станціи Чораши былъ устроенъ лагерь, въ которомъ размѣщались плѣнные, въ ожиданіи прихода поѣздовъ, отвозившихъ ихъ въ Дальній. Здѣсь же имъ щедро выдавались съѣстные припасы; каждый солдатъ получалъ столько коробокъ мясныхъ консервовъ и столько пачекъ галетъ, сколько хотѣлъ ¹⁾.

Всѣ, видимо, были въ отличномъ настроеніи и никто не тяготился своимъ положеніемъ. Офицеры гуляли по платформѣ, курили папирсы и шутили, какъ будто сдача одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ мірѣ была дѣломъ обыденнымъ. Безчувственность русскихъ офицеровъ къ понесенному ихъ отечествомъ униженію рѣзко замѣчалась во время осады; ею-то, быть можетъ, скорѣе всего и объясняется причина ихъ пораженія. Они, вѣроятно, разсуждали

¹⁾ Это—неправда. Продовольствіе выдавалось по точному расчету и въ очень ограниченномъ количествѣ.

Прим. перевод.

такъ: „все кончится хорошо; мы сдѣлали все, что могли, и не наша вина, если дѣла приняли дурной оборотъ“.

Это—результатъ управленія, въ которомъ подданные не принимаютъ участія; они, естественно, не чувствуютъ несчастія своего отечества, какъ свободный народъ, который раздѣляетъ отвѣтственность съ правительствомъ и вмѣстѣ съ нимъ участвуетъ во всѣхъ удачахъ и неудачахъ государства.

30 декабря (12 января) генераль Стессель, его штабъ и большая часть изъ 400 офицеровъ, рѣшившихся дать слово и не раздѣлять плѣна со своими людьми, выѣхали со станціи Чораши въ Дальній. Предполагали подать поѣздъ для генерала въ Портъ-Артуръ, но путь былъ слишкомъ испорченъ, и его нельзя было своевременно исправить; офицеры и дамы принуждены были проѣхать восемь миль, чтобы добраться до станціи желѣзной дороги.

Въ Портъ-Артурѣ извозчики устроили стачку; зная отлично, что безъ ихъ услугъ обойтись нельзя, они не хотѣли везти женщинъ и дѣтей, пока имъ не уплачивали самой невѣроятной цѣны; такимъ образомъ, несчастнымъ русскимъ офицерамъ приходилось платить по 5 фунтовъ стерлинговъ (около 50 руб.) за одноконную повозку и по 7 фунтовъ стерлинговъ (около 70 руб.) за парную коляску.

На станціи желѣзной дороги собралась толпа, посмотреть на отъѣздъ счастливцевъ, уѣзжавшихъ домой.

Нѣсколько сотъ русскихъ офицеровъ ходили взадъ и впередъ по платформѣ, смѣясь и разговаривая, какъ будто это мѣсто еще принадлежитъ имъ, и они уѣзжаютъ только на короткій срокъ съ тѣмъ, чтобы опять вернуться сюда. Они, кажется, плохо понимали ту драму, которая разыгрывалась въ это время на станціи Чораши.

Все значеніе совершавшагося событія, конечно, не ускользнуло ни отъ иностранцевъ, ни отъ японцевъ. Для нихъ эта сцена была послѣднимъ актомъ драмы, начавшейся восемь лѣтъ тому назадъ, когда союзъ державъ, однимъ изъ наиболѣе отвратительныхъ актовъ, какіе знаетъ исторія, заста-

вить завоевателей Портъ-Артура отказаться отъ того, что они пріобрѣли самымъ законнымъ образомъ. А теперь, главный виновникъ всего, происшедшаго восемь лѣтъ тому назадъ, покидалъ крѣпость, захваченную имъ при помощи хитрости; онъ уходилъ назадъ по той-же дорогѣ, но не по принужденію державъ, а вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго ему той націей, которую онъ обобралъ.

Поведеніе японскихъ офицеровъ было выше всякой похвалы; они представляли олицетворную вѣжливость; наблюдая, какъ они помогали русскимъ выносить багажъ и укладывать вещи, можно было подумать, что это просто станціонные служащіе. Но подъ спокойной внѣшностью этихъ храбрыхъ людей скрывалась ненависть, смѣшанная съ презрѣніемъ къ своему врагу; эти чувства, однако, скрывались, потому что японцы были господами положенія и хотѣли быть великодушными. Не въ характерѣ рыцарскаго народа торжествовать надъ павшимъ врагомъ, даже если этотъ врагъ ведетъ себя съ неумѣстной и грубой притязательностью.

Я пріѣхалъ на станцію Чораши, какъ и всякій другой, съ чувствомъ симпатіи къ русскимъ; ихъ паденіе и униженіе были такъ велики, что изъ простого человѣколюбія нельзя было не симпатизировать отдѣльнымъ лицамъ, каковы бы ни были чувства ко всей націи.

Однако, присмотрѣвшись къ этой толпѣ генераловъ, полковниковъ и младшихъ чиновъ, одѣтыхъ въ наряды, болѣе подходящіе для бала ¹⁾, чѣмъ для даннаго момента,

¹⁾ Совершенно напрасно авторъ издѣвается надъ фактомъ, что нѣкоторые офицеры были одѣты во все новое. Наши офицеры, благодаря „рыцарской любезности“ японцевъ, столь восхваляемой авторомъ, должны были бросить въ П.-Артуръ все свое имущество. Естественно, что офицеры предпочли бросить все старое и одѣть новое, у кого оно имѣлось; дико было бы оставить въ Портъ-Артуръ новые сапоги и ѣхать въ старыхъ, рваныхъ, чтобы только показать свое огорченіе и не возбуждать злой критики праздныхъ наблюдателей. Еслибы почтенный авторъ на себѣ испыталъ пресловутую японскую „любезность“, онъ заговорилъ бы иначе.

наблюдая, какъ легко они переносили свое положеніе и какъ высокомерно принимали столь охотно предложенную помощь своихъ враговъ, всякія симпатіи къ русскимъ быстро исчезали; ихъ мѣсто занимало убѣжденіе, что свершонъ судъ правый, и приговоръ вполне заслуженъ.

Естественно, что истинныя симпатіи возбуждали женщины и дѣти, явившіяся другъ къ другу среди этой ужасной обстановки. Одной бѣдной женщинѣ пришлось присматривать за тремя дѣтьми, изъ которыхъ одному было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Это было выше ея силъ, но изъ толпы офицеровъ, лишенія которыхъ она такъ храбро раздѣляла, ни одна рука не протянулась, чтобы помочь ей. Они смѣялись, болтали, проходя мимо нея, но не обращали на нее ни малѣйшаго вниманія.

Неоднократно, во время войны, простой русскій солдатъ выказывалъ свое превосходство надъ офицеромъ, но контрастъ между ними особенно рѣзко былъ замѣтенъ на платформѣ станціи Чораши. Простой рядовой, грязный и нечесанный, вѣроятно крестьянинъ, никогда не учившійся читать, подошелъ, взялъ одного ребенка на руки и держалъ его, пока поѣздъ не отошелъ. Это былъ одинъ небольшой фактъ, но было много и другихъ подобныхъ.

Генераль Стессель, г-жа Стессель, генераль-маіоръ Рейсъ (вновь произведенный) и остальные чины штаба прибыли въ Чораши почти послѣдними. Генераль пріѣхалъ верхомъ, въ послѣдній разъ на своемъ арабѣ. Подъѣхавъ къ станціи, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ къ платформѣ, въ сопровожденіи своего штаба. Медленными шагами, опустивъ головы, они шли по насыпи, ведущей къ платформѣ, гдѣ ихъ ожидали японскіе офицеры и генералы. По пути генераль кланялся всѣмъ своимъ знакомымъ, которые отвѣчали ему на поклонъ вѣжливо, но не слишкомъ сердечно. Затѣмъ, Стессель вошелъ въ залъ для пассажировъ, куда раньше уже прошла его жена. Здѣсь съ ними разговаривалъ генераль-маіоръ Иджичи, пріѣхавшій, чтобы пожелать генералу счастливаго пути отъ имени генерала Ноги. Они стояли,

окруженные небольшой группой офицеровъ, и вели оживленный разговоръ.

Одна изъ наиболѣе трогательныхъ сценъ въ исторіи—прощаніе Наполеона со старой гвардіей, передъ его отъѣздомъ на островъ Эльбу.

Портъ-Артуръ представлялъ отличныя условія для сцены, изображенной на картинѣ „*Les adieux de Fontainebleau*“; еслибъ главное дѣйствующее лицо соотвѣтствовало своей роли, то послѣдняя сцена, прощаніе Стесселя съ крѣпостью и ея защитниками, могла бы сдѣлаться исторической.

Наконецъ, подали къ платформѣ поѣздъ и открыли двери. Г-жа Стессель, ведя пятерыхъ усыновленныхъ ею дѣтей, отцы которыхъ были убиты во время осады, прошла черезъ толпу впередъ и вошла въ вагонъ. Стессель пожалъ руку генералу Иджичи и пошелъ прощаться съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ, которые уѣзжали позднѣе, и съ которыми онъ не предполагалъ встрѣтиться до пріѣзда въ Россію.

Когда онъ шелъ къ вагону, ему на глаза попалась небольшая группа оборванныхъ грубыхъ солдатъ. Онъ обернулся къ нимъ и протянулъ одному изъ нихъ руку. Это былъ вполне подходящий моментъ для одной изъ тѣхъ потрясающихъ сценъ, которыя навсегда остаются жить въ исторіи. Солдаты могли броситься къ ногамъ своего обожаемаго генерала, обнимая его, могли разорвать его пальто на куски, чтобы сохранить ихъ какъ воспоминаніе, но ничего подобнаго не случилось. Бѣдные солдаты, равнодушно относившіеся къ своему генералу и совершенно не привыкшіе, чтобы имъ протягивали руку, на любезную предупредительность Стесселя только посмотрѣли глазами, выразившими не то страхъ, не то крайнее удивленіе. Стессель повернулся на каблукъ и вошелъ въ вагонъ.

При размѣщеніи въ вагоны, получилась странная картина, которую никто изъ присутствовавшихъ не забудетъ и всегда будетъ вспоминать съ чувствомъ стыда и отвращенія. Вагоновъ 3-го класса на линіи Дальній—Портъ-Артуръ было мало, и надо было довольствоваться открытыми платфор-

мами; въ данномъ случаѣ, былъ поданъ отдѣльный вагонъ для Стесселя и еще нѣсколько крытыхъ вагоновъ. Когда генералъ и его жена вошли въ вагонъ, можно было ожидать, что поведутъ женщинъ и дѣтей и усадятъ ихъ на свободныя мѣста въ крытыхъ вагонахъ; вмѣсто этого, цѣлая толпа генераловъ и офицеровъ бросилась впередъ и вошла въ вагоны, отталкивая женщинъ и дѣтей, не оказывая имъ ни малѣйшаго вниманія. Скоро всѣ вагоны были заполнены этими господами, а женщины и дѣти остались сидѣть на платформѣ, на своемъ багажѣ.

У иностранцевъ и японцевъ такое проявленіе жестокости и грубости возбудило негодованіе. „Они обращаются со своими женщинами, какъ съ какими-то животными“, замѣтилъ кто-то.

Нѣкоторые изъ станціонныхъ служащихъ и японскихъ офицеровъ вмѣшались въ дѣло и усадили безпомощныхъ женщинъ на открытыя платформы, уже заполненные прислугой офицеровъ, которая равняясь на своихъ господъ, не подумала подождать, пока женщины и дѣти усядутся. Женщины сидѣли на платформахъ среди простыхъ солдатъ и офицерскаго багажа. Вдову офицера, убитаго во время осады, красота которой могла зародить въ груди одного изъ русскихъ воиновъ искру вѣжливости, оставили гулять въ одиночествѣ, и она упустила бы поѣздъ, еслибъ адъютантъ генерала Ноги, капитанъ Матсуада, не высадилъ нѣсколькихъ солдатъ и не нашелъ бы ей мѣсто на одной изъ платформъ.

Наконецъ, съ послѣднимъ свисткомъ, поѣздъ медленно тронулся, увозя съ собой истинную причину паденія Россіи на Дальнемъ Востокѣ и оставляя женщинъ и дѣтей, сидѣвшихъ на станціонной платформѣ, въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда. Отвратительная это была картина! Она разсѣяла послѣдніе остатки чувства жалости къ неудачамъ гарнизона.

Утромъ 31 декабря (13 января), на другой день послѣ отъѣзда генерала Стесселя, назначено было торжественное или, точнѣе сказать, официальное вступленіе японской арміи въ Портъ-Артуръ.

Одна изъ наиболѣе симпатичныхъ чертъ японцевъ, проглядывавшая во всѣхъ ихъ поступкахъ послѣ сдачи крѣпости, это—желаніе избѣгать всего, что могло казаться хотя бы намекомъ на торжество побѣдителя надъ павшимъ врагомъ; поэтому генераль Ноги воздержался отъ въѣзда въ городъ, пока не уѣхалъ бывшій русскій начальникъ и большинство гарнизона.

Правило, которое генераль Ноги самъ исполнялъ, было предписано къ строгому руководству и другимъ; начальники дивизій и бригадъ, которые именно и привели крѣпость къ сдачѣ, принуждены были оставаться на занятыхъ позиціяхъ, со своими войсками, и въ теченіе двѣнадцати дней смотрѣть издали на обѣтованную страну, на дома Старого и Нового города, на морской портъ, на воды гавани и на разбитыя русскія суда, затонувшія тамъ.

Иностранные корреспонденты и иностранные военные агенты тоже принуждены были соблюдать это правило; пожалуй, самый утомительный и скучный періодъ, за всѣ шесть мѣсяцевъ осады, было время вынужденнаго бездѣлья, въ ожиданіи дня вступленія въ крѣпость.

Китайцы говорили, что ихъ старожилы не помнятъ такой прекрасной погоды, какая стояла въ это время. Съ 18-го (31) декабря, когда было взято укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), до 25-го декабря (7 января), погода стояла удивительно теплая и хорошая. Несчастные 30.000 русскихъ плѣнныхъ, которымъ приходилось дѣлать длинные переходы и проводить время въ томительномъ ожиданіи поѣздовъ, для отправки въ Дальній, должны благодарить судьбу, распорядившуюся, чтобы въ теченіе этого времени солнце свѣтило почти по лѣтнему. Еслибъ повторилась погода, которая стояла въ серединѣ ноября, то страданія плѣнныхъ были бы ужасны; при данныхъ же условіяхъ перевозка тысячъ плѣнныхъ происходила безпрепятственно и съ наименьшими для нихъ неудобствами.

Предполагалось, что никто не войдетъ въ городъ раньше 31 декабря (13 января). Однако, нѣсколько офицеровъ, граж-

данскихъ чиновниковъ и жандармовъ были отправлены въ крѣпость, для исполненія обязанностей комиссаровъ по приѣмкѣ общественныхъ зданій и для организаціи полицейской службы. Около 5.000 русскихъ рабочихъ производили безпорядки въ городѣ; нѣкоторые китайцы и другія неизвѣстныя лица рыскали по городу, выискивая удобный случай—украсть и ограбить. Однако, кромѣ этихъ жандармовъ и комиссаровъ, посланныхъ по службѣ, никто не получилъ разрѣшенія входить въ городъ.

Первоначально было объявлено, что произведенъ будетъ большой смотръ всей арміи, на самой ровной части долины Шуйшунъ; эту идею, однако, оставили, отчасти вслѣдствіе большого количества войскъ, затруднявшаго удобное маневрированіе, отчасти вслѣдствіе того, что было несогласно съ этикетомъ—производить большой смотръ, носящій характеръ торжества, когда военныя дѣйствія еще продолжаются. Поэтому устроили болѣе скромное торжество. Отрядамъ отъ всѣхъ частей и управленій арміи было приказано—къ 10 часамъ утра 31 декабря (13 января) стать на дорогѣ, ведущей въ городъ. Отъ каждого пѣхотнаго полка была выслана рота; отъ кавалерійскаго полка—взводъ; отъ артиллерійской бригады—батарея; не были забыты даже интендантскіе обозы, на долю которыхъ выпала одна изъ наиболѣе тяжелыхъ и опасныхъ работъ—ежедневная доставка въ боевую линію припасовъ по дорогамъ, обстрѣливаемымъ артиллерійскимъ огнемъ; если эти маленькія не нагруженные повозки, высланныя отъ каждого отдѣленія обоза, по виду не совсѣмъ подходили къ остальнымъ войскамъ, тѣмъ не менѣе онѣ вполне заслужили свое мѣсто въ процессіи.

Голова колонны стояла на мѣстѣ въ 11 часовъ утра. Предшествуемая генераломъ Ноги и его штабомъ, иностранными военными агентами и оркестромъ музыки, колонна медленно двинулась по улицамъ Нового города, пока не дошла до главной площади около гостинницы, оставшейся недостроенной и служившей госпиталемъ.

Здѣсь генераль Ноги, со своимъ штабомъ и военными

агентами, отделился от колонны и стал на правой стороне дороги, на несколько шагов впереди остальных офицеров. Это было место для смотра войск. Оркестр стал по левую сторону дороги, против генерала. Затѣмъ, музыка заиграла торжественный маршъ, а войска начали медленно проходить, при чемъ каждая рота по командѣ своего начальника салютовала, когда подходила къ генералу Ноги.

Не было ничего блестящаго въ этомъ смотрѣ: почти полное отсутствіе красивыхъ тоновъ; музыка была очень слаба, и ее противно было слушать; салютовали плохо и многія части, видимо, забыли свою выправку, такъ какъ уже давно ее не требовали; старанія этихъ упрямыхъ маленькихъ грехотинцевъ справиться со всѣми трудностями германской маршировки были такъ же забавны, какъ ихъ попытки держать ногу и равняться. Мундиры солдатъ были потерты и очень нуждались въ починкѣ; сапоги были сильно поношены, и даже винтовки были не совсѣмъ чисты. Полковые сигналисты, получившіе приказаніе быть повнимательнѣе, производили отвратительный шумъ, совершенно не попадая въ тактъ оркестра, что дѣйствовало на нервы начальника штаба, генерала Иджичи; онъ несколько разъ уходилъ съ своего мѣста, чтобы прекратить эту разногласицу.

Однако, несмотря на всѣ недостатки, никогда зрѣлище не производило болѣе сильнаго впечатлѣнія. Отсутствіе разныхъ смотровыхъ мелочей, столь существенныхъ въ мирное время, только подчеркивало всѣ тягости и лишения войны, и еще въ лучшемъ свѣтѣ показывало, что эти люди сдѣлали, и что они перенесли въ теченіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ.

Число зрителей при этомъ воинственномъ зрѣлищѣ было, конечно, ограниченное; не было густой толпы, кричавшей до хрипоты при видѣ своихъ любимцевъ, какъ это было въ Лондонѣ при возвращеніи войскъ.

Эти спокойные маленькіе люди, упорно старавшіеся вспомнить уроки мирнаго времени и сбросить съ себя послѣдствія борьбы, которую они только-что закончили, не имѣли сви-

дѣтелей своего торжества. Только нѣсколько иностранцевъ, оставшіеся жители города, вышедшіе посмотреть на вступленіе тѣхъ людей, которые побѣдили и унизили ихъ, и нѣсколько дамъ, преимущественно сестеръ милосердія изъ переполненныхъ еще госпиталей,—смотрѣли на торжественную процессію. Присутствующихъ было, дѣйствительно, мало для такого историческаго событія, какъ второе, въ теченіе десяти лѣтъ, вступленіе японцевъ въ ту же крѣпость, подъ начальствомъ одного и того же генерала.

Каковы должны были быть чувства генерала Ноги, когда онъ смотрѣлъ на развернувшуюся передъ нимъ картину и вспоминать подобное же событіе, бывшее десять лѣтъ тому назадъ?—Навѣрно, въ этотъ моментъ онъ чувствовалъ величайшее удовлетвореніе.

Десять лѣтъ тому назадъ онъ взялъ крѣпость въ одинъ день, почти безъ потерь; вторично онъ вступалъ въ крѣпость послѣ восьмимѣсячной кампаніи, доведенной до удачнаго конца его рѣшимостью, не знающей колебаній, и упорной отвагой войскъ.

Дивизіи проходили по порядку номеровъ—1-я, 7-я, 9-я, и 11-я, а за ними слѣдовали двѣ отдѣльныя резервныя бригады изъ Кобэ.

Во главѣ всей процессіи шелъ извѣстный начальникъ 1-й дивизіи, генералъ Матсумура, принявшій командованіе дивизіей послѣ боя подъ Цзинчжоу (Наншань), когда принцъ Фуними уѣхалъ изъ арміи. Съ этого времени онъ водилъ 1-ю дивизію во всѣхъ бояхъ и вполне заслужилъ репутацію, которой онъ пользовался. Взявшая на него работа, временами, была тяжела и неблагоприятна. Его войскамъ выпала задача очистить „Метровый гребень“ отъ русскихъ, укрѣпившихъ почти всѣ ближайшія къ нему высоты.

Съ 31 іюля (13 августа) по 2 (15) августа, его дивизія, поддерживаемая 1-й резервной бригадой изъ Кобэ, производила подготовительныя операціи для овладѣнія этими передовыми позиціями. Борьба длилась съ 6 (19) по 10 (23) августа, когда ужасное пораженіе, понесенное 9-й и 11-й диви-

зіями подѣ Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ (Бодай), заставило сдѣлать передышку до сентября. Затѣмъ, съ 6 (19) по 10 (23) сентября, разыгралась отчаянная борьба за обладаніе Длинной горой (Намакаяма) и Высокой горой (203 метр. высотой).

Какъ доблестный полкъ, подѣ руководствомъ своего стараго командира, героя 57 боевъ, штурмовалъ и взялъ первую изъ названныхъ позицій, объ этомъ уже было сказано. Какъ войска 1-й резервной бригады изъ Кобэ, поддержанныя 15-мъ полкомъ, взобрались на Высокую гору, взяли траншею у самого гребня и затѣмъ были выбиты сосредоточеннымъ огнемъ русскихъ судовъ, фортонъ и полевыхъ орудіи,—тоже уже рассказано.

Затѣмъ, наступилъ для дивизіи длинный отдыхъ, если можно назвать отдыхомъ, когда войска не сражаются, а, по словамъ Стесселя, „роютъ, роютъ, роютъ“. Потери 1-й дивизіи были такъ велики, а предстоявшая ей задача была такъ тяжела, что на поддержку ей были посланы три полка, 26-й, 27-й и 28-й, изъ вновь прибывшей 7-й дивизіи.

О борьбѣ, разыгравшейся съ 14 (27) ноября по 22 ноября (15 декабря), за обладаніе Плоской горой (Акасакаяма) и Высокой горой (203 метр. высотой), говорить вновь не приходится. 1-я дивизія со своимъ начальникомъ въ этомъ бою принимала самое дѣятельное участіе; она сильно пострадала, но, въ концѣ концовъ, успѣхъ увѣнчалъ ихъ усилія, гора была взята и русскія суда были разрушены.

Ни одна дивизія не сдѣлала такъ много, какъ 1-я дивизія, ни одному генералу не выпадала болѣе трудная задача, чѣмъ генералу Матсумура. О серьезности боевъ, успѣху которыхъ дивизія такъ много содѣйствовала, свидѣтельствовало состояніе знаменъ, которыя несли знаменщики посланныхъ на парадъ ротъ. Многія знамена 1-й дивизіи представляли одни обрывки и висѣли на древкахъ, пробитыхъ пулями; на нѣкоторыхъ едва ли оставался дюймъ шелковой матеріи.

Одна за другой проходили передѣ главнокомандующимъ

роты, представительницы 1-го, 2-го, 3-го и 4-го полковъ, составляющихъ 1-ю дивизію, обтрепанныя, нечищенные, но гордые и удовлетворенныя совершеннымъ ими дѣломъ.

Однимъ изъ послѣднихъ событій въ карьерѣ генерала Матсумура было командованіе дивизіей, проходившей передѣ генераломъ Ноги. Ему не суждено было участвовать въ торжествѣхъ подѣ Мукденомъ; на пути къ сѣверу его сломили тягости и лишенія войны.

Затѣмъ, шла 7-я дивизія; дивизія съ блестящей боевой репутацией; она была прислана къ Портъ-Артуру въ сентябрѣ, чтобы довести до конца дѣло, начатое въ августѣ ея товарищами. Это были все молодые солдаты, которые раньше не бывали въ дѣлахъ; они были призваны, чтобы пожертвовать тысячами жизней въ какіе-нибудь двадцать четыре часа, послѣ прибытія на театръ военныхъ дѣйствій. Ихъ велъ генералъ Осака, которому пришлось увидѣть 7.000 человекъ, изъ его людей, убитыми и ранеными въ первомъ же бою. За нимъ слѣдовали генералъ-маіоры Саито и Юшида, репутация которыхъ создавалась на кровавыхъ склонахъ Высокой горы (203 метр. высоты), гдѣ они распоряжались и руководили послѣдней атакой. Эта дивизія, даже послѣ взятія Высокой горы (203 метр. высоты), не получила отдыха, а медленно выбивала непріятеля съ позицій, въ сторонѣ Ляотѣшаня, гдѣ онъ грозилъ дать послѣдній отпоръ. Одинъ за другимъ прошли блестящіе—25-й, 26-й, 27-й и 28-й полки; за ними шла ихъ артиллерія и интендантскія повозки, уступившія мѣсто 9-й дивизіи.

Изъ всѣхъ войскъ подѣ Портъ-Артуромъ 9-я дивизія имѣла наиболѣе равномерный успѣхъ. Ея доблестный начальникъ генералъ-лейтенантъ баронъ Ошима вполне можетъ гордиться работой дивизіи, а дивизія можетъ гордиться своимъ генераломъ. Онъ пользовался огромной популярностью въ арміи, и говорили, что онъ предназначенъ въ командующіе одной изъ армій, на сѣверѣ.

Неоднократно генералъ Ошима возмущался замедленіями въ осадѣ и выражалъ желаніе идти на сѣверъ, чтобы его

дивизія тамъ была поставлена въ условія, при которыхъ могла бы отличиться, не подвергаясь такой ужасной бойнѣ, какъ при штурмахъ фортовъ.

Ни одна дивизія, ни одинъ генералъ не заслужили лучшей репутаціи. Весь участокъ, отъ форта Ш (Нирушанъ) до редута № 1 (Вост. Бонрушанъ), на которомъ дѣйствовала 9-я дивизія, былъ взятъ штурмомъ, и только въ двухъ случаяхъ первый штурмъ не удался, а именно: 10 (23) августа, ночью, на Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай) и 13 (26) ноября на фортъ Ш (Нирушанъ); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ люди 9-й дивизіи выполняли поставленную имъ задачу съ перваго же раза. Правда, въ августѣ ихъ выбили изъ Водопроводнаго редута (фортъ Куропаткина) и изъ Кумирнскаго редута (укрѣпленія въ долині Шуйшунъ), но они взяли эти укрѣпленія въ сентябрѣ, и сдѣлали бы то же самое въ августѣ, еслибъ не была отложена общая атака.

Въ качествѣ помощниковъ у генерала Ошима были два лучшихъ въ арміи командира бригадъ и нѣсколько самыхъ боевыхъ командировъ полковъ.

Каждый безпристрастный человѣкъ, если спросить его, кто былъ дѣйствительнымъ героемъ осады, сразу назоветъ генералъ-маіора Ичинохэ, командира 6-й бригады, состоящей изъ 7-го и 35-го полковъ. Генералъ Ичинохэ—настоящій воинъ; онъ идетъ въ боевую линію со своими нижними чинами; если полагаться на обычные расчеты, его уже давно должны были бы убить и похоронить. Его бригада въ августѣ взяла два редута (укрѣпленія Банрушанъ); атака эта была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, и къ концу ея изъ бригады, штатный составъ которой былъ 5.000 штыковъ, осталось только 400 человѣкъ. Послѣ взятія редутовъ генералъ Ичинохэ оставался въ нихъ еще цѣлую недѣлю, въ теченіе которой отбивалъ повторныя вылазки русскихъ, рѣшившихся отобрать потерянные позиціи; однако, всѣ ихъ усилія оказались тщетны.

Въ сентябрѣ 9-я дивизія взяла Водопроводный редутъ (фортъ Куропаткинъ); послѣ этого, въ октябрѣ, 18-я бри-

гада, подъ командой генералъ-маіора Хараса, взяла капониръ № 3 (Хачимачаяма); 30-го октября, единственный успѣхъ японцевъ былъ достигнутъ опять при участіи генерала Ичинохэ и его людей, которые взяли капониръ № 2 (укрѣпленіе Р); ночью ихъ выбили оттуда, но генералъ собралъ около себя отступившую роту и повелъ ее обратно, къ побѣдѣ. Вскорѣ послѣ этого взяли фортъ Ш (Нирушанъ), а 19-го декабря (1 января) 9-я дивизія первая отогнала противника, утвердилась на взятыхъ высотахъ и увидѣла передъ собой городъ и гавань Портъ-Артура. Вотъ, краткій перечень изъ послужного списка генерала барона Ошима и 9-й дивизіи. Не удивительно, что знамена полковъ 9-й дивизіи были отрепаны болѣе всѣхъ другихъ, а два знамя были даже замѣнены новыми.

Послѣ 9-й шла, сильно пострадавшая, 11-я дивизія; ея потери были больше, чѣмъ всякой другой дивизіи. Нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ удачной атаки горъ Дагушанъ и Сяогушанъ, 9-ю дивизію преслѣдовалъ злой рокъ. Дивизію призывали атаковать наиболѣе сильныя позиціи всей оборонительной линіи—фортъ II (Сѣверн. Кейкваншанъ) и батарею лит. Б. (Хигаши-Кейкваншанъ). Она же участвовала и въ штурмѣ Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай) въ августѣ, при чемъ понесла большія потери.

Во время штурмовъ 17 (30) октября и 13 (26) ноября дивизію отбили съ большимъ урономъ. При послѣднемъ штурмѣ 9-я дивизія потеряла своего начальника, генерала Тсучіи, который былъ раненъ пулей въ голову, хотя и не смертельно.

Полки 11-й дивизіи—12-й, 22-й, 43-й и 44-й—всѣ понесли тяжелыя потери; 12-й и 22-й, въ сущности, были уничтожены. Мѣсто генерала Тсучіи, отправленнаго въ Дальній, занялъ генералъ Самеджима, который принесъ съ собой обезкураженнымъ войскамъ нѣкоторую долю счастья. 5 (18) декабря былъ взорванъ фортъ II (Сѣверн. Кейкваншанъ); при штурмѣ его самъ доблестный генералъ велъ своихъ людей въ атаку на брешь.

Не особенно много успѣховъ и очень крупныя потери выпали на долю 11-й дивизіи; тѣмъ не мѣнѣе, она съ удовольствіемъ можетъ сказать, что первая взяла долговременный фортъ. На парадѣ генераль Сamedжима шелъ впереди своей дивизіи.

За 11-й дивизіей шла одна бригада 8-й дивизіи, а за ней шли 1-я и 4-я резервныя бригады изъ Кобэ; затѣмъ шли отряды военного телеграфа, желѣзнодорожныхъ частей и санитарныхъ войскъ.

Начальники дивизій, командиры бригадъ и штабы, пройдя мимо главнокомандующаго и отсалютовавъ ему, затѣмъ шли вправо и становились сзади генерала Ноги; войска послѣ парада возвратились на свои биваки.

Когда окончился смотръ и послѣдняя часть скрылась изъ виду, генераль Ноги поѣхалъ по городу, во главѣ кавалькады, состоявшей изъ чиновъ его штаба, иностранныхъ агентовъ и многихъ офицеровъ, сопровождаемый смѣшанной толпой корреспондентовъ и русскихъ жителей, мужчинъ и женщинъ.

Проѣзжая по набережной, сдѣлали небольшую остановку, чтобы посмотреть на русскія военныя суда, потопленныя и изуродованныя; суда были сгруппированы въ наиболѣе укрытыхъ мѣстахъ, для спасенія отъ огня гаубицъ. Вотъ, гдѣ находилась истинная причина продолжительныхъ штурмовъ, веденныхъ съ такимъ самопожертвованіемъ; боязнь, что эти суда опять выйдутъ въ море, руководила рѣшеніями, принимаемыми генеральнымъ штабомъ. Еслибы раньше знали о полной неспособности и малодушіи, царившихъ въ русскомъ флотѣ, можно было бы избрать иной способъ дѣйствій.

Кто могъ вводить въ расчеты тотъ фактъ, что русскіе адмиралы будутъ сидѣть смирно и позволятъ японской арміи разрушать русскія суда, не сдѣлавъ попытки прорваться на свободу и не стараясь нанести своему врагу какой-нибудь уронъ, чтобы такимъ образомъ облегчить дѣйствія Балтійской эскадры?

Это первый случай, когда флотъ, изъ современныхъ броневыхъ судовъ, погибъ отъ атаки пѣхоты. Гусары Пишегрю, захватившіе флотъ во Фландріи, подошли зимой, по льду.

Хотя японцы отказывались, по указаннымъ мною выше причинамъ, отъ идеи большого смотра, тѣмъ не менѣе, они считали нужнымъ устроить какую-нибудь церемонію въ честь всѣхъ павшихъ во время осады.

Церемонія была назначена на 1 (14) января, а мѣстомъ для нея была избрана открытая равнина, къ сѣверу отъ деревни Шуйшунъ. На небольшой возвышенности устроили самага простого вида алтарь; на немъ установили приношенія, въ видѣ пищи, питья и цвѣтовъ; внизу алтаря поставлено было нѣсколько большихъ снарядовъ.

Отряды отъ всѣхъ полковъ заняли большой квадратъ вокругъ этого алтаря; они выстроились къ 11 часамъ утра. Генераль Ноги, въ сопровожденіи своего штаба, иностранныхъ агентовъ и нѣсколькихъ священнослужителей высшаго сана, подѣхалъ въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ и сталъ передъ алтаремъ.

Зрѣлище производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Крайняя простота японскихъ воинскихъ торжествъ приводитъ къ тому, что они производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ самыя пышныя празднества.

Утро 1 (14) января было холодное и непріятное; стоялъ сильный туманъ, и всѣ предметы, въ разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ, были плохо видны.

Когда генераль сталъ передъ алтаремъ, чтобы начать церемонію и произнести свое обращеніе къ мертвымъ, почти невозможно было рассмотреть густую массу войскъ, окружавшую его со всѣхъ сторонъ. Все это придавало церемоніи особую торжественность.

Буддійскіе священники, въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, были единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на окружавшемъ темномъ фонѣ; они пѣли монотоннымъ голосомъ полуженныя при служеніи молитвы.

Когда они кончили, генераль Ноги вышелъ впередъ, къ алтарю; стоя съ обнаженной головой, съ пергаментнымъ

сверткомъ въ рукѣ, онъ началъ тихо читать обращеніе къ душамъ тѣхъ, кто отдалъ жизнь свою за родину. Никто не забудетъ этой сцены: на первомъ планѣ простой алтарь съ поставленными на немъ жертвоприношеніями, около него то дм. снаряды; главнокомандующій съ непокрытой головой читаетъ торжественное обращеніе, къ тысячамъ погибшихъ во время отчаянныхъ боевъ за истекшіе шесть мѣсяцевъ, слѣдующаго содержанія:

„Я, Ноги Марески, командующій третьей Императорской арміей подъ Портъ Артуромъ, праздную съ вами и разными приношеніями торжество въ честь васъ, офицеры и нижніе чины, которые погибли.

„Я дѣлаю это 14-го января 38-го года Мейджи.

„Болѣе 200 дней и ночей вы сражались и трудились, глядя въ лицо смерти отъ огня, меча и болѣзни. Я хочу сказать вамъ, что ваше доблестное самопожертвованіе было не напрасно, такъ какъ флотъ непріятеля разрушенъ и Портъ Артуръ наконецъ сдался.

„Я, Ноги Марески, вмѣстѣ съ вами клялся побѣдить или искать забвенія въ смерти. Я остался жить, чтобы получить благодарность Императора, но я не желаю присвоить себѣ одному всю славу. Съ вами, души умершихъ, способствовавшихъ такому блестящему концу, я желаю подѣлиться своимъ торжествомъ.

„Я выбралъ это мѣсто для торжества, такъ какъ съ него видны высоты, долины и форты, арена вашихъ подвиговъ, пропитанная вашей кровью. Я соорудилъ алтарь. Теперь я подношу свои приношенія и призываю васъ, души мертвыхъ, принять ихъ и возрадоваться вашему участию въ славѣ нашей побѣды“.

Въ числѣ павшихъ были два сына Ноги, но генераль самыми презрительными словами останавливалъ тѣхъ, кто выражалъ ему соболѣзнованіе, не считая жертвой эти двѣ дорогія жизни, погибшія на службѣ отечеству.

Туманъ скрывалъ тысячи солдатъ, окружавшихъ алтарь; полная тишина усиливала впечатлѣніе; всѣ старались уло-

вить слова своего генерала; ни шопота, ни единого звука не было слышно изъ плотныхъ рядовъ войскъ. Въ этотъ моментъ воображеніе рисовало тысячи душъ храбрыхъ воиновъ, пронесившихся сквозь туманъ и мракъ въ вѣчность, чтобы присоединиться тамъ къ безчисленнымъ милліонамъ, погибшимъ въ годы войны, передать имъ о своихъ подвигахъ и получить должную хвалу отъ великихъ воиновъ, бывшихъ полководцевъ прошлаго. Имъ обезпечено мѣсто въ общемъ спискѣ доблестныхъ; второго мѣста они не займутъ. У японцевъ, собравшихся воздать почести своимъ товарищамъ въ туманное утро 1(14) января, на этотъ счетъ сомнѣній быть не могло.

Пока генераль читалъ свое обращеніе, солнце нѣсколько разъ неудачно старалось пробиться сквозь туманъ и освѣтить всю картину. Когда онъ кончилъ, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ алтарю; ладонь, который онъ держалъ въ рукѣ, онъ сжегъ на небольшой чашѣ съ углями, стоящей посреди алтаря. Когда дымъ ладона поднялся, солнце вышло изъ-за тучъ и освѣтило тысячи солдатъ, стоявшихъ смирно, съ примкнутыми штыками; раздалась команда „на краулъ“, и одновременно всѣ 10.000 человѣкъ отдали честь своимъ товарищамъ. Души отошедшихъ стали тѣнями и были приняты въ священные владѣнія Валгаллы, японскаго божества.

Когда генераль Ноги отошелъ въ сторону, его мѣсто занялъ начальникъ штаба, генераль Иджичи. Затѣмъ, другъ за другомъ подходили всѣ старшіе чины арміи, начальники дивизій и бригадъ, а за ними иностранные военные агенты и представители иностранной прессы; каждый, стоя съ непокрытой головой, сжигалъ ладонь на алтарѣ.

Черезъ полчаса послѣ окончанія богослуженія, солнце освѣщало уже совсѣмъ иную картину.

Генераль Ноги пригласилъ всѣхъ офицеровъ арміи на завтракъ, въ 1 часъ дня: этимъ заканчивались празднества, слѣдовавшія за паденіемъ крѣпости, и обозначался переходъ отъ Ляодунской кампаніи — къ новой кампаніи въ Манчжуріи.

Найти мѣсто для 3.000 офицеровъ и иностранцевъ была очень трудная задача; конечно, это можно было сдѣлать только на открытомъ воздухѣ, почему успѣхъ всецѣло зависѣлъ отъ капризовъ погоды. Къ счастью судьба была милостива; не смотря на пасмурный видъ погоды съ утра, весь день стояла отличная и теплая погода.

Это замѣчательное сборище, одно изъ наиболѣе оригинальныхъ, было устроено согласно японскихъ обычаевъ. Часть деревни Шуйшунгъ была обнесена стѣнкой изъ палаточныхъ полотнищъ, укрѣпленныхъ на стойкахъ; у входа была устроена триумфальная арка, черезъ которую гости проходили къ столамъ. Столы, наскоро сколоченные изъ досокъ и стоекъ, были установлены длинными рядами; въ глубинѣ, перпендикулярно къ этимъ столамъ, стоялъ столъ для генерала Ноги, начальниковъ дивизій, командировъ бригадъ, иностранныхъ военныхъ агентовъ и буддійскихъ священниковъ, принимавшихъ участіе въ церемоніи.

Совершенно невозможно было устроить сидѣнья для всего этого огромнаго сборища голодныхъ генераловъ и офицеровъ, почему всѣмъ пришлось стоять, за исключеніемъ бывшихъ за столомъ генерала Ноги, гдѣ были поставлены скамейки.

Завтракъ состоялъ изъ обыкновенныхъ японскихъ блюдъ. Передъ каждымъ было поставлено по двѣ коробки, въ одной изъ нихъ оказался рисъ, а въ другой рыба, мясо, солонина, цыпята или баранина, съ примѣсью какихъ то странныхъ вещей, сущность которыхъ такъ и осталась секретомъ. Посреди стола лежали большія груды рисовыхъ пирожковъ, начиненныхъ сладкой кашкой. Наканунѣ, возвращаясь изъ Портъ Артура, я видѣлъ что полковые повара были заняты приготовленіемъ огромнаго количества этихъ пирожковъ, и я тогда удивился, для какой цѣли это дѣлалось. Съ промежутками около фута, на столахъ были разставлены въ рядъ бутылки „саки“ и ликеровъ. Гдѣ приобрѣли такое количество ѣды и питья, для удовлетворенія болѣе 3.000 человекъ, это навсегда останется секретомъ японской организаци.

Праздникъ начался въ полномъ порядкѣ; всѣ были голодны и занялись исключительно ѣдой. Такъ какъ бутылки „саки“, по мѣрѣ ихъ опустошенія, замѣнялись новыми, то тишина скоро была нарушена звуками смѣха, а пирожки начали летать по воздуху.

Японцы вообще не привыкли много пить и не закалены въ этомъ отношеніи, какъ европейцы; ихъ очень легко вывести изъ обычнаго состоянія; когда они разгуляются, то веселятся отъ всей души и находятся въ отличномъ расположеніи духа.

Мы праздновали великое событіе не только войны, но мірового значенія. Мы здѣсь встрѣчали старыхъ друзей и поздравляли другъ друга, что остались невредимы къ концу осады. Каждую минуту кто-нибудь вставалъ съ бутылкой въ рукѣ и настаивалъ, чтобы выпили за его здоровье; мѣсто этого занималъ другой съ подобнымъ же предложеніемъ; скоро стало ясно, что если завтракъ затянется еще немного, то горсть казаковъ можетъ справиться со всѣми офицерами генерала Ноги.

На одной сторонѣ площади была устроена сцена, на которой въ теченіе дня давались разныя представленія. Солдаты, наряженные въ костюмы прежнихъ вѣковъ, изображали старинные танцы мечей.

Чтобы развлекать солдатъ, въ теченіе вынужденнаго бездѣйствія зимнихъ мѣсяцевъ, изъ Японіи привезли странствующихъ актеровъ, которые на зимнихъ квартирахъ играли для солдатъ пьесы.

Солдаты, подражая этимъ актерамъ, нарядились въ импровизированные костюмы, полагая, что изображаютъ сцены изъ европейской жизни; они своей забавной игрой цѣлый день развлекали генерала Ноги и его гостей. Особенно комиченъ былъ одинъ солдатъ, который былъ наряженъ прекрасной англичанкой, со шляпой на головѣ. Солдатъ этотъ, гулявшій въ толгѣ подъ руку съ капельмейстеромъ, вызывалъ крики восторга у зрителей. Всякія церемоніи въ обращеніи были отброшены; генералы, младшіе офицеры, ино-

странцы—все относились другъ къ другу по товарищески; все строгости военной дисциплины были на это время забыты.

На главномъ мѣстѣ за столомъ сидѣлъ генералъ Ноги; его лицо расплылось въ улыбку; онъ говорилъ съ каждымъ, кто къ нему обращался. Сзади него было устроено возвышеніе, съ котораго проносились рѣчи, не многочисленныя въ этотъ день.

Генералъ Матсумура, старѣйшій изъ присутствовавшихъ начальниковъ дивизій, взошелъ на возвышеніе и въ теплыхъ словахъ предложилъ тостъ—„за главу арміи“. Тостъ былъ принятъ громкими криками—„Банзай“, при чемъ были выпиты тысячи стакановъ.

Генералы гуляли съ своими подчиненными. Доблестный Ичинохэ, общій любимецъ, былъ окруженъ толпой поклонниковъ, которые постоянно пили за его здоровье.

Многіе изъ младшихъ офицеровъ были уже сильно возбуждены и начали шумѣть. Особенно выдѣлялись при этомъ двое, которые прибыли въ армію къ концу осады, прямо изъ военного училища. Они заучили по учебникамъ нѣсколько англійскихъ словъ, чѣмъ очень гордились; рѣшивъ показать свои знанія, они сообщая, съ большимъ трудомъ, составили одну фразу; вооружившись этой фразой, они ходили и просили, чтобы ихъ представили всѣмъ европейцамъ по очереди. Какъ только ихъ подводили, они сейчасъ же наполняли свои стаканы и громко кричали въ одинъ голосъ заученную фразу: „русскіе храбры, японцы очень храбры“. Эта фраза, повидимому, должна была служить для иностранца чѣмъ-то въ родѣ объясненія, почему Портъ-Артуръ палъ.

Эти два неразлучныхъ друга въ теченіе дня разъ шесть подходили ко мнѣ и представлялись мнѣ, каждый разъ повторяя одни и тѣ же историческія слова. Во время шестого визита я отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе другимъ: „Русскіе пьяны; японцы очень пьяны“. Это былъ намекъ на то, въ какомъ состояніи они находятся; однако, они не поняли моего намека, отъ души смѣялись и очень обрадовались,

что узнали нѣсколько новыхъ англійскихъ словъ; они прибавили мои слова къ своему изреченію и, въ дальнѣйшемъ, когда встрѣчались со мной, привѣтствовали меня словами: „Русскіе храбры, японцы очень храбры; русскіе пьяны, японцы очень пьяны“.

Эта сцена веселаго празднества не была лишена нѣкоторой грусти; многіе были сильно огорчены, не встрѣчая здѣсь нѣкоторыхъ знакомыхъ лицъ и замѣчая много новыхъ. Пока армія оставалась въ траншеяхъ, невозможно было точно опредѣлить, какъ велики потери за время осады. Здѣсь впервые собрались все пережившіе осаду офицеры, и можно было судить, какъ много офицеровъ погибло. Я съ трудомъ могъ отыскать кого-нибудь изъ офицеровъ, которыхъ я зналъ въ началѣ осады; ни одного изъ моихъ друзей въ 3-мъ баталіонѣ 12-го полка не осталось—все до единого погибли.

Другой фактъ сильно поразилъ всехъ—юношескій видъ большинства офицеровъ; многіе изъ нихъ были просто мальчики, спѣшно отправленные прямо изъ училища, для пополненія офицерскаго состава.

День приходилъ къ концу. Когда генералъ Ноги и его начальникъ штаба уходили, молодые офицеры подняли ихъ на руки и пронесли подъ триумфальной аркой до мѣста, гдѣ ожидали лошади. Послѣ отъѣзда генераловъ, молодежь продолжала празднество до поздняго вечера.

ГЛАВА XXVII.

Павшая крѣпость.

21 декабря (3 января), на другой день послѣ подписанія капитуляціи, я воспользовался возможностью посѣтить взятыхъ русскихъ позиціи и спокойно разсмотрѣть поврежденія, причиненныя имъ въ теченіе осады. Я хорошо сдѣлалъ, что не откладывалъ осмотра позицій, такъ какъ черезъ три дня послѣ капитуляціи крѣпости всѣ иностранцы, находившіеся при японской арміи, были подчинены цѣлому ряду самыхъ скучныхъ ограниченій.

22 декабря (4 января) главная квартира сдѣлала распоряженіе, въ силу котораго всѣмъ запрещалось посѣщать русскіе форты безъ сопровожденія японскаго офицера. Намъ также запретили входить въ Портъ-Артуръ, подъ страхомъ отвѣтственности по законамъ военнаго времени; было бы болѣе чѣмъ достаточно, просто извѣстить насъ объ этомъ, но, тѣмъ не менѣе, намъ предложили присутствовать при собственномъ униженіи—заставили насъ дать подписку, что мы признаемъ подобную отвѣтственность.

Японцы, вполне основательно, считали, что Портъ-Артуръ, послѣ его паденія, находится на военномъ положеніи, какъ и всякая другая японская крѣпость въ военное время. Поэтому они не хотѣли позволить иностранцамъ ходить повсюду и снимать фотографіи съ позицій; японцы,

когда-нибудь, можетъ быть, принуждены будутъ защищать эти позиціи отъ народовъ, представители которыхъ находились при арміи. Никто не жаловался на это, но у насъ было полное основаніе жаловаться на измѣнившееся вдругъ, послѣ паденія Портъ-Артура, наше положеніе.

Съ самаго начала до конца осады, за исключеніемъ одного или двухъ незначительныхъ случаевъ, нельзя было относиться къ намъ болѣе корректно, чѣмъ относились японцы. Послѣ паденія крѣпости, японцы рѣшили, что теперь нѣтъ никакой необходимости удерживать насъ при арміи: они не заботились больше о томъ, что мы уѣдемъ и оповѣстимъ міръ о происходившемъ во время осады.

Мы, конечно, желали видѣть русскихъ плѣнныхъ и поговорить съ ними. Никакого вреда отъ этого быть не могло; мы не пытались бы выдавать военныя свѣдѣнія тѣмъ русскимъ офицерамъ, которые возвращались на родину, давъ честное слово. Тѣмъ не менѣе, намъ грозили законами военнаго времени, если мы попытаемся разговаривать съ кѣмъ-либо изъ плѣнныхъ офицеровъ или нижнихъ чиновъ. Никто, однако, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на это распоряженіе, и мы неоднократно вели интересные разговоры съ русскими на станціи Чораша, когда они ожидали поѣздовъ, перевозившихъ ихъ въ Дальній.

Никто не сознаетъ такъ хорошо своихъ недостатковъ, какъ русскій офицеръ; большинство не старалось скрывать состоянія внутренняго разложенія, бывшаго въ ихъ арміи. Многіе вполне сознавали шаткость положенія Россіи на Дальнемъ Востокѣ, но было замѣтно, что ихъ это мало заботитъ. Было ясно, что только очень немногіе принимали войну близко къ сердцу.

Нѣкоторые русскіе офицеры очень хотѣли получить свѣдѣнія о японской арміи, бывшей у Портъ-Артура, главнымъ образомъ, о ея численности; они, однако, сейчасъ же прекращали свои вопросы, если имъ заявляли, что нельзя говорить о вещахъ, касающихся военныхъ секретовъ.

21 декабря (3 января), когда я посѣтилъ восточный

фронтъ крѣпости, японская армія пользовалась вполне заслуженнымъ отдыхомъ. Генералы, офицеры, доктора, чиновники, солдаты и матросы тысячами разсыпались по фортамъ и укрѣпленіямъ, осматривая русскія орудія, залѣзая въ разрушенные блиндажи, прогуливаясь по казематамъ и капонирнымъ галлереямъ долговременныхъ фортовъ.

Солдаты разыскивали оставленные непріятелемъ вещи, состоявшія преимущественно изъ большихъ караваевъ хлѣба и пустыхъ водочныхъ бутылокъ, желая среди развалинъ найти что-нибудь на память. Это, хотя и пріятное, занятіе было крайне опасно и привело къ нѣсколькимъ несчастнымъ случаямъ.

Повсюду было разбросано много разныхъ сильно взрывчатыхъ веществъ. Неразорвавшіеся русскіе и японскіе снаряды, ручныя гранаты, мины и небольшіе мѣшочки съ пироксилиномъ тысячами были разбросаны повсюду. Пироксилинъ былъ уложенъ въ небольшіе мѣшочки, имѣющіе видъ колбасокъ, которые только надо было бросить на небольшое разстояніе, чтобы они разорвались съ очень печальнымъ результатомъ для всѣхъ, находящихся вблизи въ это время.

Однако, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ отважной работы японскихъ солдатъ, высокій духъ и любознательность, такъ глубоко вкоренившіеся въ ихъ характеръ, не ослаблялись такими непріятными случайностями, какъ смерть товарища. Отъ времени до времени, какой-нибудь солдатъ взлеталъ на воздухъ при неудачномъ шагѣ, или при легкомысленномъ стремленіи узнать причины, почему не разорвался снарядъ, для чего, обыкновенно, примѣнялся простой пріемъ—ударяли по снаряду, пока не достигали желаннаго результата.

Когда вы стояли на какомъ-нибудь форту, то не проходило пяти минутъ, чтобы гдѣ-нибудь не поднялась тучка бѣлаго дыма, за которой слѣдовалъ звукъ взрыва; затѣмъ, вы видѣли, что къ этому мѣсту бѣжали носильщики, которые доставляли въ ближайшій госпиталь трупъ несчастнаго солдата.

Самый печальный случай подобнаго взрыва произошелъ на форту III (Нирушанъ), гдѣ лошадь, подвозившая продовольствіе въ передовую линію, наступила на фугасъ, который взорвался, убивъ двухъ человѣкъ и ранивъ двадцать человѣкъ и нѣсколько лошадей. Тысячи японскихъ солдатъ, поодиночкѣ, проходили по этому мѣсту безъ всякихъ послѣдствій, и потребовался всѣхъ лошади, чтобы взорвать фугасъ.

На Б. Орлиномъ Гнѣздѣ (Бодай) я видѣлъ двухъ японскихъ артиллеристовъ, возившихся съ неразорвавшимся 28-сант. снарядомъ. Они были заняты вывинчиваніемъ трубки; въ это время снарядъ разорвался; оба взлетѣли на воздухъ и, какъ камни, упали мертвыми въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ мѣста работы.

Болѣе 80 человѣкъ были, такимъ образомъ, убиты и ранены послѣ капитуляціи крѣпости, вслѣдствіе собственной неосторожности или несчастныхъ случаевъ.

Генераль Ноги увидѣлъ, что побѣдоносная его армія уменьшается въ числѣ, хотя военныя дѣйствія уже окончились, почему принужденъ былъ отдать специальный приказъ, запрещавшій нижнимъ чинамъ забавляться неразорвавшимися снарядами.

Въ это время, въ первый разъ послѣ августовскихъ штурмовъ, тысячи солдатъ разгуливали по долинѣ Шуйшунинъ, вмѣсто того, чтобы проходить по цѣлымъ милямъ траншей, вырытыхъ на ней.

Много тяжелыхъ воспоминаній мрачныхъ августовскихъ дней попадалось здѣсь на глаза. Слѣдуетъ вспомнить, что въ августѣ японская пѣхота наступала по открытой мѣстности, безъ какихъ-либо траншей и параллелей, прямо подъ дулами тяжелыхъ орудій и подъ губительнымъ огнемъ тысячъ стрѣлковъ. Тѣла многихъ нижнихъ чиновъ, погибшихъ во время этихъ операцій, лежали тамъ, гдѣ упали, и теперь, когда скрывавшая ихъ растительность погибла, они оказались прямо на виду. Убитые въ августѣ нижніе чины были одѣты въ мундиры цвѣта „хаки“; отъ большой жары

ихъ тѣла сильно съежились; отъ нихъ остались—одежда, ранецъ, подсумокъ и винтовка, висѣвшіе на скелетѣ; это были вполнѣ одѣтые солдаты, въ томъ видѣ, какъ они пошли въ бой въ августѣ, но безъ тѣла, которое обратилось въ прахъ. Въ небольшихъ рытвинахъ и другихъ укрытыхъ мѣстахъ лежали дюжины такихъ тѣлъ, указывая мѣста, куда проползли раненые, чтобы укрыться отъ желѣзнаго дождя. Послѣ того какъ были ранены, они протащились до этихъ углубленій, чтобы умереть истощенными отъ жажды и голода, вдали отъ помощи своихъ товарищей. По всей долинкѣ Шуйшунинъ валялись тысячи снарядовъ и стальныхъ осколковъ; для русскихъ артиллеристовъ представлялся наиболѣе удобный случай наносить пораженіе, когда японская пѣхота проходила по этой открытой мѣстности.

Когда вы проходили по узкой лоцинкѣ между редутами № 1 и № 2 (Восточ. и Запад. Банрушань) и поднимались на Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай), передъ вами открывались тѣ же ясные слѣды большого пораженія въ августѣ. По этой мѣстности японцы шли въ атаку ночью 10 (23) августа и тѣла многихъ солдатъ, убитыхъ въ этомъ дѣлѣ, все еще лежали на склонахъ высотъ.

Лучшій видъ на восточный фронтъ крѣпостной оборонительной линіи открывался съ вершины Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), при чемъ невольно бросалась въ глаза естественная сила высотъ, на которыхъ были построены форты. Какъ ни казались сильны позиціи при взглядѣ изъ долины, трудно было вполнѣ оцѣнить ихъ грозные размѣры, пока не стоишь на самыхъ позиціяхъ. Отсюда можно было видѣть, что каждое движеніе осаждающей арміи совершалось на глазахъ гарнизона, котораго никоимъ образомъ нельзя было застать врасплохъ; онъ могъ слѣдить за всякимъ предполагавшимся движеніемъ по признакамъ жизни въ непріятельскихъ траншеяхъ.

Стоя на Б. Орлиномъ Гнѣздѣ (Бодай), трудно было понять, какимъ образомъ японской пѣхотѣ удался штурмъ редутовъ № 1 и № 2 (Вост. и Зап. Банрушань), 9 (22) августа.

Повидимому, можно было стрѣлять по гребню этихъ двухъ укрѣпленій съ Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай), почему предпріятіе ген. Ичинохэ, можно считать, по крайней мѣрѣ, необычайнымъ.

Удивительный промахъ—пытаться взять штурмомъ въ лобъ Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай)—становился вполнѣ ясенъ каждому, кто поднимался по лоцинкѣ между редутами № 1 и № 2 (Вост. и Зап. Банрушань), по которой двигался атакующій отрядъ. Лощина эта окружена фортами, и нѣтъ ничего удивительнаго, что атака не удалась, а атакующій понесъ соотвѣтствующія потери. Генералы, отвѣтственные за это, вѣроятно, почувствовали угрызенія совѣсти, когда увидѣли, въ какую гибельную засаду они бросили свою пѣхоту. Солдаты, рассыпавшіеся по взятымъ позиціямъ, тоже, вѣроятно, поняли, что тысячи ихъ товарищей погибли напрасно тамъ, гдѣ предварительно можно было изучить мѣстность.

Я посѣтилъ одинъ за другимъ всѣ форты, начиная съ батареи лит. Б. (Хигаши Кейкваншань). Что за картина открывалась на этомъ форту! Мертвыхъ сожгли, но нѣкоторые слѣды, уцѣлѣвшіе на склонѣ высоты, ясно указывали, какая отчаянная борьба кипѣла здѣсь.

Японцы подошли сапами къ батарее лит. Б. въ сентябрѣ и октябрѣ, и во время штурма 17 (30) октября пѣхота пыталась добраться до подошвы эскарпа, но была отбита. 10 (23) ноября японцы штурмовали батарею лит. Б. (Хигаши Кейкваншань), и снова были отбиты. 13 (26) ноября они еще разъ пытались штурмовать батарею и опять были отбиты.

Когда японская армія перешла къ послѣднему успѣшному наступленію, батарея лит. Б. (Хигаши Кейкваншань) все еще оставалась въ рукахъ русскихъ. Въ ночь 19 декабря (1 января) они очистили укрѣпленіе, взорвавъ предварительно бетонныя основанія и установленныя на нихъ два крѣпостныхъ орудія; одно изъ этихъ орудій было отброшено на разстояніе 50 ярдовъ (65 шаговъ).

Затѣмъ, я посѣтилъ Куропаткинскій люнетъ (укрѣпле-

ніе Q), которое подвергалось штурму только одинъ разъ за время осады, 17 (30) октября. Укрѣпленіе было устроено открытымъ съ горжи; весьма понятно, почему японская пѣхота не могла удержаться на этой позиціи, послѣ овладѣнія ею.

Слѣдующимъ по порядку былъ фортъ II (Сѣв. Кейкваншань), посѣщеніе котораго, послѣ взятія его, я уже описывалъ.

Относительно Б. Орлинаго Гнѣзда (Бодай) и Заредутной батареи (укрѣпленіе H) говорилось такъ много, что не требуется дополнительнаго описанія. Между Заредутной батареей (укрѣпленіемъ H) и Скалистымъ Гребнемъ (Нов. Банрушань) русскіе помѣстили свою главную гаубичную батарею ¹⁾, укрытую подъ самымъ гребнемъ высоты.

Каждая гаубица была поставлена на отдѣльной установкѣ. Назначеніе этой батареи было—сдерживать огонь японскихъ орудій, поставленныхъ за высотами. Японская артиллерія сосредоточила по этой батарееѣ свой огонь, и 28-сант. снаряды привели въ полную негодность три орудія изъ шести ²⁾.

Русскія орудія здѣсь представляли удобную цѣль для японскихъ артиллеристовъ, такъ какъ послѣ каждаго выстрѣла надъ высотой поднималась тучка бѣлаго дыма. Одна гаубица была выброшена изъ своего гнѣзда и лежала на землѣ; у другой—была отбита часть дула; гнѣздо третьей представляло ужасную картину: русскіе артиллеристы, видимо, заряжали орудіе и уже наполовину вложили зарядъ въ каналъ, когда японскій снарядъ попалъ сюда и перебилъ артиллеристовъ всѣхъ до единого; они лежали тутъ же и были сильно изуродованы.

Глубокія траншеи и блиндажи составляли продолженіе оборонительной линіи отъ описанной выше батареи до горжи форта III (Нирушань).

На фортъ III можно попасть, спустившись въ ровъ при

¹⁾ Волчья мортирная батарея, вооруженная четырьмя 9-дм. мортирами.

²⁾ Здѣсь стояли всего 4 мортиры.

помощи стальной лѣстницы, или по ступенькамъ; изъ рва въ казарму проходили черезъ дверь.

Фортъ III (Нирушань) былъ такъ хорошо построенъ, что бетонная казарма, прикрытая слоемъ земли, не пострадала отъ бомбардировокъ.

Изъ казармы рядъ каменныхъ ступеней велъ вверхъ, во внутренній дворъ форта, и выходилъ сзади второй линіи обороны, на которой были установлены тяжелыя орудія. Четыре крѣпостныя орудія, бывшія на фортѣ III (Нирушань), были разрушены.

Тамъ, гдѣ японцы пошли на штурмъ, бруствера почти совсѣмъ не было; огромная масса камней, земли и бетона упала въ ровъ и совершенно засыпала его, образовавъ насыпь для перехода черезъ ровъ. По этой грудѣ обломковъ японская пѣхота пошла въ атаку 15 (28) декабря. Западная часть форта III (Нирушань) осталась невредимой; изучая очертанія форта, можно было вполне оцѣнить всю геркулесовскую работу, которую произвели японскіе саперы.

Съ форта III (Нирушань) я прошелъ внизъ, въ маленькую лоцину, шириною около четырехсотъ ярдовъ (171 саж.), отдѣлившую фортъ отъ укрѣпленія № 3 (Шоюшань). Лоцину защищали проволочныя загражденія. Она не избѣжала общаго разрушенія: много деревьевъ и кустовъ было сбито сотнями снарядовъ, направленныхъ на фортъ III (Нирушань) и укрѣпленіе № 3 (Шоюшань).

Я поднялся по восточному склону высоты, на которой построено укрѣпленіе № 3 (Шоюшань); весь этотъ склонъ покрытъ пнями сосенъ, отъ которыхъ фортъ получилъ свое названіе.

Внутренность укрѣпленія представляла ту же картину разрушенія, какъ и въ другихъ мѣстахъ; разбитыя пушки, груды камней и разлагающіеся трупы защитниковъ, достигнутыхъ большимъ взрывомъ 18 (31) декабря, лежали по всѣмъ направленіямъ.

Въ тылу укрѣпленія № 3 (Шоюшань), на высотѣ, было устроено оборонительное сооруженіе, поднимавшееся зна-

чительно выше укрѣпленіе № 3. На вершинѣ этой высоты находился домикъ, въ которомъ помѣщалась электрическая машина, обслуживавшая прожекторъ; домикъ былъ разрушенъ огнемъ артиллеріи еще въ началѣ осады. Русскіе воспользовались этой высотой, для установки сзади нея батареи полевыхъ гаубицъ.

Когда капитуляція была подписана, это оборонительное сооруженіе все еще оставалось въ рукахъ защитниковъ, и русскіе часовые ходили взадъ и впередъ по траншеямъ, отдѣленнымъ отъ японцевъ разстояніемъ всего въ 100 ярдовъ (43 саж.).

Я подошелъ и окликнулъ русскихъ; меня встрѣтилъ старшій унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой, которые были очень любезны и непремѣнно желали попасть на фотографію.

На склонѣ высоты, гдѣ построена Курганная батарея (Прикрывающій фортъ Шоюшань), лежатъ тѣла несчастнаго отряда генерала Накамура; они лежатъ тамъ, гдѣ пали во время попытки произвести неожиданное нападеніе, ночью 13 (26) ноября.

Къ западу отъ укрѣпленія № 3 (Шоюшань) лежитъ открытая долина р. Лунхэ, шириной около мили, раздѣляющая западныя и восточныя оборонительныя сооруженія крѣпости. Черезъ эту долину входятъ въ Портъ-Артуръ желѣзная дорога и большая грунтовая дорога.

Этотъ открытый участокъ старательно укрѣпили траншеями и тремя сплошными линиями проволочныхъ загражденій, отстоящими одна отъ другой на разстояніе около 200 ярдовъ (85 саж.). Имѣя съ одной стороны укрѣпленіе № 3 (Шоюшань), а съ другой Зубчатую и Саперную батареи (Шюанчишань), для атакующей пѣхоты было бы совершенно невозможно двигаться по этой долинѣ, которая плоска, какъ бильярдъ, и совершенно не имѣетъ закрытія.

Изъ западной группы фортовъ я прежде всего посѣтилъ Зубчатую батарею (Шюанчишань). Эта позиція была, пожалуй, сильнѣе восточныхъ, но оборонительныя постройки были далеко не готовы, и на укрѣпленіи не было современныхъ

тяжелыхъ орудій. На Зубчатой батарее (Шюанчишань) были установлены, въ отдѣльныхъ бетонныхъ гнѣздахъ, шесть стараго образца Крупновскихъ 6-дм. пушекъ, изготовленныхъ частью въ 1878 году, частью въ 1888 г. Вѣроятно, эти орудія были взяты у китайцевъ.

Укрѣпленіе это (Шюанчишань), въ сущности, не могло быть названо фортомъ; это была просто очень высокая и крутая гора, на которой устроили земляныя укрѣпленія и поставили пушки ¹⁾.

Глядя съ вершины горы внизъ, на фортъ IV (Ицзушань), лежащій къ сѣверо-западу, было очевидно, что атакующій отрядъ не можетъ занять фортъ и удержать его за собой, пока не взята Зубчатая батарея (Шюанчишань).

Чтобы пополнить недостатокъ современныхъ крупныхъ орудій на западныхъ фортахъ, русскіе установили нѣсколько морскихъ орудій, взятыхъ съ военныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ были 6 дм., 4,7 дм., 12 фунт. и 3 фунт. пушки. Фортъ IV (Ицзушань) не могъ похвастаться ни однимъ крупнымъ орудіемъ; вся его артиллерія состояла изъ двухъ—12 фунт. и шести—3 фунт. пушекъ ²⁾. Фортъ имѣлъ форму кресла, отчего онъ и получилъ свое названіе—Ицзушань. Вдоль фронта форта шла неглубокая выемка, которую едва ли можно назвать рвомъ, но которая, несомнѣнно, должна была служить для этой цѣли.

Установленный на форту IV (Ицзушань) прожекторъ игралъ важную роль въ оборонѣ, пока его не разбилъ японскій снарядъ. Когда я былъ на форту, я видѣлъ остатки этого, когда-то прекраснаго, прибора—часть рефлектора и тысячи кусковъ толстаго синяго стекла.

¹⁾ На этой вершинѣ были расположены: Зубчатая батарея, долговременнаго типа, вооруженная четырьмя 6-дм. пушками вѣсомъ 120 пд. и одной 120-мм. морской пушкой; Саперная батарея, временнаго типа, вооруженная четырьмя 6-дм. пушками вѣсомъ 190 пд.; кроме того, нѣсколько траншей и стрѣлковыхъ окоповъ. Форта здѣсь не было, и не предполагалось строить.

²⁾ На форту IV были поставлены: четыре—75 мм. и четыре—47 мм. пушки.

Прим. перевод.

Внутренность форта пострадала очень мало; только нѣсколько небольшихъ морскихъ орудій были разрушены. На форту была очень хорошая казарма, которую русскіе оставили не испортивъ; въ казармѣ лежали кухонныя принадлежности, пустые ящики, предметы обмундированія, книги и пустыя бутылки; ни на одной изъ позицій, оставленныхъ русскими, нельзя было найти ни одной полной бутылки.

Укрѣпленіе № 4 (Дайяншишань) ¹⁾ очень сильная позиція, расположенная непосредственно передъ Высокой горой (203 метр. высотой); еслибъ не было необходимости удерживать Высокую гору, для спасенія судовъ отъ огня дальнѣйшихъ орудій, укрѣпленіе № 4 (Дайяншишань) могло быть послѣднимъ укрѣпленіемъ оборонительной линіи на западѣ. На этомъ укрѣпленіи орудій крупнѣе 4,7 дм. калибра не было.

Къ юго-западу отъ укрѣпленія № 4 (Дайяншишань) расположено укрѣпленіе № 5 (Таянкоу), ²⁾ защищающее Портъ-Артуръ съ западной стороны.

Отъ укрѣпленія № 5 (Таянкоу) шелъ цѣлый рядъ небольшихъ укрѣпленій, служащій продолженіемъ линіи обороны въ сторону Ляотъшаня.

Замѣчательно, что русскіе не сдѣлали попытки разрушить форты на западномъ фронтѣ, или хотя бы испортить орудія, прежде чѣмъ очистить форты.

Почему не взорвали фортовъ и не испортили орудій передъ капитуляціей? Была ли деморализація гарнизона такъ велика, или присущая русскому характеру апатія привела къ тому, что считали лишнимъ это сдѣлать?

Во всякомъ случаѣ, на генерала падаетъ не малая отвѣтственность, если онъ сдаетъ крѣпость въ цѣлости, тогда какъ могъ разрушить оборонительныя сооруженія и орудія, не измѣняя послѣдующихъ условій сдачи.

Слѣдуя по главной дорогѣ, идущей отъ деревни Шуйшунинъ, входишь въ Портъ-Артуръ.

¹⁾ Укрѣпленіе № 4—долговременнаго типа.

²⁾ Укрѣпленіе № 5—тоже долговременнаго типа.

Прим. перевод.

Портъ-Артуръ дѣлится на двѣ части: Старый и Новый городъ. Старый городъ расположенъ сзади фортовъ восточнаго фронта; онъ очень сильно пострадалъ во время осады.

Во время разныхъ бомбардировокъ много японскихъ снарядовъ перелетало черезъ форты и попадало въ городъ. Едва ли можно найти домъ, который не пострадалъ во время осады; многіе дома пострадали нѣсколько разъ, такъ что отъ нихъ не осталось ничего, кромѣ пепла и обугленныхъ бревенъ. По мѣрѣ приближенія къ гавани, поврежденія становятся болѣе замѣтны; многіе снаряды, направленные по военнымъ судамъ, не попадали въ цѣль, а вмѣсто этого разрушали городскія зданія.

Улицы изрыты большими ямами отъ 28 сант. снарядовъ.

Домъ, гдѣ жилъ ген. Стессель, избѣжалъ поврежденій. Онъ былъ построенъ ближе къ линіи фортовъ, чѣмъ остальные дома, и поэтому японскіе снаряды перелетали черезъ него. Домъ намѣстника Алексѣева, близъ порта, тоже уцѣлѣлъ, хотя и поврежденъ однимъ или двумя снарядами.

Портъ почти совсѣмъ разрушенъ. Снаряды попадали въ мастерскія, разбивая машины и разбрасывая все въ разныя стороны.

Портъ былъ очень хорошо оборудованъ, и русскіе исправляли всѣ свои суда имѣвшимися въ порту средствами. Къ несчастью, не было сухого дока, въ который могъ бы войти броненосецъ; это было очень серьезнымъ препятствіемъ для русскихъ. Когда „Ретвизанъ“ и „Цесаревичъ“ въ январѣ (февралѣ) были повреждены японскими минами, эти суда нельзя было починить, пока изъ Россіи не была прислана часть пловучаго дока, которую установили около нихъ ¹⁾.

Въ маломъ докѣ былъ затопленъ минный заградитель „Амуръ“, который лежалъ на боку. Въ теченіе войны это судно разставило болѣе 3.000 минъ, вблизи Портъ-Артура.

¹⁾ Ничего подобнаго не было. Всѣ работы по исправленію поврежденныхъ кораблей произведены были исключительно мѣстными средствами, благодаря изобрѣтательности и находчивости нашихъ корабельныхъ и военныхъ инженеровъ.

Прим. перевод.

Оно погибло совсѣмъ неожиданно. Какъ-то вечеромъ японскія гаубицы выпустили три снаряда, которыя не могли быть точно направлены, такъ какъ докъ не былъ виденъ; всѣ эти три снаряда попали въ несчастное судно, стоявшее въ докѣ.

Если идти вдоль берега западнаго бассейна гавани, входишь въ Новый городъ.

Русскіе въ Новомъ городѣ, передъ началомъ войны, энергично вели постройку зданій; многіе изъ нихъ остались незаконченными, со стоящими вокругъ нихъ лѣсами. Очень многіе изъ домовъ въ этой части города служили госпиталями, и, насколько возможно, японцы воздерживались отъ обстрѣливанія этихъ зданій. Однако при 500 орудіяхъ, установленныхъ вокругъ крѣпости, довольно много снарядовъ неизбежно должны были попасть не въ тѣ мѣста, куда ихъ направляли, и могли попадать въ госпитали. Во время осады женщины и дѣти жили въ Новомъ городѣ, среди госпиталей. Въ началѣ поговаривали о томъ, чтобы размѣстить ихъ въ подземныхъ убѣжищахъ, но отъ этого проекта отказались, какъ не вызываемаго необходимою.

Женщины и дѣти очень боялись бомбардировокъ въ началѣ осады и бросались подъ первое попавшееся закрытіе, когда слышали приближеніе снаряда. Черезъ нѣкоторое время чувство страха прошло, и на снаряды обращали вниманія не болѣе, чѣмъ на сильный дождь. Мнѣ рассказывали русскіе, что ежедневно можно было наблюдать странное зрѣлище: дѣти на улицахъ играли въ игру, состоящую въ томъ, что они загадывали, въ какую часть города упадетъ слѣдующій снарядъ, и какой величины онъ будетъ; для этой цѣли они условно раздѣлили городъ на участки и играли такъ же, какъ въ рулетку.

Женщины, всѣ безъ исключенія, поступили на службу въ госпитали и провели тяжелые мѣсяцы, ухаживая за больными и ранеными. Женщины, несшія службу въ качествѣ сестеръ милосердія, имѣли право получать ежедневную дачу хлѣба, мяса, водки и другихъ продовольственныхъ припасовъ. Вдобавокъ къ этому обыкновенному отпуску, женщины

и офицеры имѣли право покупать кое-что на „военномъ рынкѣ“, устроенномъ для этой цѣли ¹⁾.

Главнымъ продуктомъ питанія служили: свѣжее мясо пока оно было, затѣмъ—солонина и, наконецъ, конина. Въ послѣднее время цѣна конины поднялась до 2 шиллинговъ (около 1 руб.) за фунтъ, хотя трудно объяснить, почему это произошло; русскіе передали японцамъ 1.920 лошадей. Въ началѣ конину считали очень противной, но затѣмъ привыкли къ ея вкусу.

Въ Портъ-Артурѣ многія частныя лица рассказывали мнѣ, будто они жили подъ постояннымъ страхомъ, что крѣпость будетъ взята штурмомъ и разъяренные японскіе солдаты разграбятъ городъ. Кажется, о жестокости японцевъ ходили обычные рассказы, которымъ вѣрили.

Еслибъ русскіе были освѣдомлены о дѣйствительномъ характерѣ японцевъ, то никогда бы этой войны не было. Какое можетъ быть лучшее доказательство ихъ добродушія и истинной гуманности, чѣмъ поступокъ Микадо, предложившаго всѣмъ женщинамъ, дѣтямъ и частнымъ лицамъ, не служащимъ на военной службѣ, покинуть Портъ-Артуръ съ началомъ осады? Въ началѣ августа, былъ присланъ специальный комиссаръ изъ Японіи, съ госпитальными принадлежностями и всевозможными припасами для гарнизона, на случай если онъ сдастся.

Въ послѣдніе два или три дня осады была очень замѣтна деморализація среди русскихъ солдатъ. По этому поводу, какой-то нѣмецъ привелъ, въ видѣ примѣра, фактъ, какъ солдаты ограбили лавку одного француза и забрали оттуда водку; люди, посланные прекратить безпорядокъ, составили ружья и выпили всю оставшуюся водку.

¹⁾ Тутъ авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать объ отпускѣ, по установленной цѣнѣ, изъ крѣпостного интендантства нѣкоторыхъ предметовъ, взятыхъ по реквизиціи въ магазинахъ, хозяева которыхъ отсутствовали. Такимъ образомъ, можно было получить: обувь, мыло, табакъ, красное вино, шоколадъ, печенье и нѣкоторые другіе предметы. Кромѣ этого, никакого „военнаго рынка“ въ Портъ-Артурѣ не было.

Въ городѣ Портъ-Артурѣ самый большой интересъ представляла гавань, гдѣ былъ потопленъ русскій флотъ. Все остальное, въ сравненіи съ этимъ зрѣлищемъ, заслуживало мало вниманія.

Въ западномъ бассейнѣ было потоплено нѣсколько военныхъ судовъ; ихъ верхняя палуба виднѣлась изъ воды. Въ узкомъ проходѣ въ гавань виднѣлись мачты судовъ, потопленныхъ самими русскими, чтобы заградить входъ.

Дальше, около полумили впередъ, видна была линія мачтъ пароходовъ, потопленныхъ японцами во время ихъ экспедицій.

Не понятно, какъ этимъ пароходамъ удалось подойти такъ близко ко входу, и какъ на нихъ кто-нибудь могъ остаться въ живыхъ, подъ огнемъ орудій Золотой горы и Тигроваго Хвоста. Русскіе громко восхваляли полное презрѣніе къ жизни, выраженное японскими добровольцами, участниками этихъ экспедицій. Они говорили также, что суда потоплены и жизни погублены безцѣльно, такъ какъ суда неизбѣжно должны были быть потоплены, не заградивъ входа въ гавань; еслибъ даже и удалось заградить такимъ образомъ входъ, препятствіе могло быть взорвано въ одинъ день, имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами.

Никто не забудетъ картину, какъ большіе броненосцы лежали затопленные въ гавани, накренившись подъ разными углами. Они почти не имѣли вида судовъ, такъ какъ трубы и верхняя палуба были исковерканы и сожжены. Они казались тѣнями давно погибшей эскадры, выглянувшей съ морской глубины.

„Баянъ“ былъ единственное судно, потопленное въ восточномъ бассейнѣ, гдѣ онъ лежалъ вдоль набережной. Этотъ злосчастный крейсеръ совершилъ свой послѣдній выходъ изъ Портъ-Артура 14 (27) іюля; послѣднее активное участіе его въ оборонѣ крѣпости состояло въ обстрѣливании 11-й дивизіи. Возвращаясь послѣ этой „сухопутной операціи“, онъ имѣлъ несчастье натолкнуться, у входа въ гавань, на свободно плававшую мину, русскую или японскую.

Сильно поврежденный крейсеръ, тѣмъ не менѣе, могъ держаться на водѣ и вошелъ въ гавань. Пытались починить его, но нашли, что не стоитъ; нѣсколько орудій были сняты съ него и переданы на другія суда эскадры, для замѣны подбитыхъ, а остальные были установлены на берегу, чтобы пополнить недостатокъ орудій на фортахъ.

Остальные суда русской эскадры, затопленные въ западномъ бассейнѣ, прижались къ мели, чтобы найти хотя нѣкоторое закрытіе за высотами, которыя въ этомъ мѣстѣ подходятъ къ самой водѣ.

Близъ пристани затопленъ красавецъ - крейсеръ „Паллада“; онъ упирался на дно; размѣры его поврежденій въ подводной части не были видны; выше ватерлиніи судно сильно пострадало; многія изъ его орудій были сняты и установлены на сушѣ. По внѣшнему виду, однако, казалось, что „Паллада“ скоро пойдетъ подъ японскимъ флагомъ.

Не далѣе 50 ярдовъ (65 шаговъ) отъ „Паллады“ нашла для себя мѣсто отдыха „Побѣда“. Она лежала съ такимъ креномъ на правый бортъ, что пушки находились всего въ двухъ футахъ отъ воды; не легко было пройти по ея палубѣ.

Палубы всѣхъ судовъ русскіе покрыли каменнымъ углемъ и брикетами ¹⁾, для защиты ихъ отъ снарядовъ, а когда они рѣшили окончательно разрушить эскадру, уголь подожгли при помощи керосина. Причиненныя этимъ поврежденія были очень велики, такъ какъ всѣ деревянные части палубъ были сожжены.

Капитанская рубка на „Побѣдѣ“ погибла; только нѣсколько испорченныхъ стальныхъ стоекъ указывали ея мѣсто; мостикъ представлялъ изъ себя массу исковерканной стали; жара отъ пожара была такъ велика, что передній боевой марсъ сломался, въ двухъ футахъ отъ палубы, и свѣсилъ за правый бортъ, увеличивая кренъ судна. Все верхнее строеніе и верх-

¹⁾ Брикетъ—каменный уголь, спрессованный въ видѣ большихъ кирпичей.

няя палуба „Побѣды“ были совершенно разрушены; ихъ придется дѣлать совершенно заново.

Обѣ башни броненосца были взорваны зарядами пироксилина; взорваны были марсы, и разрушены механизмы то дм. орудій, главныхъ орудій этого судна и его близнеца „Пересвѣта“. Тѣла орудій были покрыты сплошной ржавчиной снаружи и внутри; если вѣрить одному судовому механику, процессъ разрушенія зашелъ слишкомъ далеко, и орудія уже нельзя спасти. Нѣсколько 6 дм. и меньшаго калибра орудій могли быть исправлены.

„Побѣда“ имѣла нѣсколько пробойнъ отъ снарядовъ, изъ которыхъ самыя большія временно были задѣланы котельнымъ желѣзомъ. Водолазъ, посланный для осмотра корпуса судна, доложилъ, что имѣется очень большое отверстіе въ лѣвомъ борту; предполагали также, что „Побѣда“ сильно повреждена на правомъ борту, но сильный кренъ судна не позволялъ удостовѣриться въ размѣрахъ поврежденія.

Японскій судовою инженеръ, осматривавшій „Побѣду“, говорилъ мнѣ, что поврежденія очень серьезны, и мало вѣроятія спасти судно; еслибъ даже его подняли, стоимость исправленій была бы слишкомъ велика, и результатъ не окупилъ бы затратъ.

Впоследствии стало извѣстно, что „Побѣда“ поднята и отправлена въ Японію.

По всей вѣроятности японцы приложили всѣ усилія, чтобы починить русскія суда, даже если они никогда не будутъ имѣть боевого значенія; они считали для себя особой гордостью—послать эти суда крейсировать въ Европу, чтобы показать русскимъ, какъ они выглядятъ подъ новымъ командованіемъ.

Подъ прямымъ угломъ къ „Побѣдѣ“, въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ берега, лежалъ „Ретвизанъ“, погрузившійся въ воду глубже другихъ судовъ. Этотъ, когда-то блестящій, броненосецъ былъ просто грудой исковерканныхъ стальныхъ связей и пробитыхъ трубъ. Передняя башня была сбита; орудія глядѣли въ сторону входа въ гавань, какъ бы выжи-

дая, когда придется стрѣлять по непріятелю. Дула всѣхъ орудій были въ водѣ. Поврежденія на „Ретвизанѣ“ были болѣе почетнаго свойства, чѣмъ на „Побѣдѣ“, такъ какъ почти всѣ они были нанесены непріятельскими снарядами. Въ своемъ рапортѣ о дѣлѣ 28 іюля (то августа) адмиралъ Того доноситъ:

„Тогда „Ретвизанъ“ отдѣлился отъ остальной эскадры и „приблизился къ колоннѣ нашего флота; подойдя на разстояніе 1000 ярдовъ (428 саж.), онъ подвергся нашему сосредоточенному огню и сильно пострадалъ.“

Судно, дѣйствительно, пострадало; его палубныя постройки и мостикъ выстрѣлами были разбиты въ куски; трубы, избитыя мелкими снарядами, напоминали рѣшето. Судно, однако, не было повреждено ни въ одной жизненной части; ни одно орудіе не было приведено въ негодность во время боя, хотя пострадала одна изъ башенъ.

Странное и непріятное чувство вызываетъ прогулка по разрушенному, полузатонувшему броненосцу, когда вы слышите мягкій ударъ воды, во время приливовъ и отливовъ. Во время отлива средняя палуба, покрытая иломъ и снарядами, обнажалась. Если войти въ каюту, тамъ можно было увидѣть сломанную мебель, куски бумаги и пустые ящики, изъ которыхъ содержимое спѣшно было вынуто, когда получень былъ приказъ затопить судно. На полкахъ стояли въ рядъ вещи матросовъ, а въ ящикахъ лежали флаги. Повсюду были разбросаны разные предметы, составлявшіе личную собственность экипажа, а также изломанныя винтовки и разбитая посуда. Стоя на средней палубѣ, можно было видѣть въ верхней палубѣ ровное круглое отверстіе, величиной не больше тарелки, и подъ нимъ такое же отверстіе; эти два отверстія показывали, какъ прошелъ одинъ изъ 28-сант. снарядовъ, пробившій верхнюю палубу и затѣмъ разорвавшійся внутри судна.

Японскіе артиллеристы первоначально думали, что они потопили суда артиллерійскимъ огнемъ, но это было не такъ. Русскіе сами затопили ихъ, чтобы предохранить отъ япон-

скихъ снарядовъ; они надѣялись поднять ихъ, если крѣпость удастся отстоять. 28-сант. снаряды рвались внутри судна, но не пробивали дна.

6 дм. орудія „Ретвизана“ почти всѣ находились подъ водой; нѣкоторыя изъ нихъ, закутанныя въ свои холщевые чехлы, въ которыхъ они стояли съ 28 іюля (10-го августа), едва были видны. Какъ и на „Побѣду“, башни „Ретвизана“ были взорваны пироксилиномъ.

Главные поврежденія „Ретвизана“ заключались, однако, не въ его верхнемъ строеніи. Осмотръ водолазовъ показалъ, что въ правомъ борту было не менѣе четырехъ большихъ пробоинъ, а около борта находилась еще не разорвавшаяся мина; была также пробоина и въ лѣвомъ борту. Судовой механикъ мало надѣялся на подъемъ этого судна, и казалось почти достовѣрнымъ, что „Ретвизанъ“ никогда не украситъ собой японскаго флота.

Приблизительно въ 50 ярдахъ (65 шаговъ) за кормой „Ретвизана“, уперся въ дно гавани небольшой броненосецъ „Полтава“, въ такомъ прямомъ, естественномъ и красивомъ положеніи, что просто трудно было подумать, что онъ не плаваетъ. Судно это было одно изъ менѣе пострадавшихъ ниже ватерлинии.

Судовой механикъ заявилъ, что у „Полтавы“ нѣтъ подводныхъ пробоинъ и, такъ какъ она затоплена на очень мелкомъ мѣстѣ, ее легко поднять. „Полтава“ была послѣднимъ судномъ въ русской колоннѣ, во время боя 28 іюля (10-го августа), и она жестоко пострадала въ этомъ бою. За исключеніемъ „Ретвизана“ ни одно судно не пострадало больше „Полтавы“. Одинъ тяжелый снарядъ попалъ въ двѣ 6 дм. пушки, поставленныя въ башняхъ на правомъ борту, и совершенно перебилъ ихъ пополамъ, выведя батарею изъ строя. Другіе крупные снаряды разрушили верхнія части броненосца, убили и ранили многихъ людей экипажа. „Полтава“ была сестрой „Севастополя“; это были небольшіе броненосцы, съ водоизмѣщеніемъ около 10.000 тоннъ каждый;

по мнѣнію капитана фонъ-Эссена, они были совершенно недостаточно защищены броней.

Въ небольшомъ разстояніи отъ „Полтавы“ стоялъ послѣдній броненосецъ—„Пересвѣтъ“, затопленный на очень мелкомъ мѣстѣ; его высокіе борта были видны гораздо больше, чѣмъ у другихъ судовъ. „Пересвѣтъ“ былъ очень сильно обожженъ, почти такъ же, какъ „Побѣда“, и вдобавокъ былъ пробитъ многими большими снарядами; пробоины, зацѣпленные листами котельнаго желѣза, придавали ему грубый, неоконченный видъ. Нѣкоторыя орудія броненосца были повреждены, а другія сняты. Обѣ башни, вооруженныя 10 дм. пушками, были взорваны какъ и на другихъ судахъ, включая и „Полтаву“; такимъ образомъ, въ надводной части броненосца не было ничего, чѣмъ можно было бы воспользоваться. Водолазы тщательно осмотрѣли корпусъ „Пересвѣта“ и донесли, что они не могли найти никакихъ повреждений, почему японцамъ не трудно было поднять этотъ броненосецъ.

Когда я уѣхалъ изъ Портъ-Артура, японцы еще не осматривали внутреннихъ помѣщеній затопленныхъ судовъ, и ничего не было извѣстно о состояніи машинныхъ отдѣленій и о поврежденіяхъ, причиненныхъ механизмамъ. Обо всемъ этомъ надо было узнать впоследствии.

„Севастополь“, выведенный изъ гавани своимъ храбрымъ командиромъ, чтобы встрѣтить многочисленныя минныя атаки непріятеля, нѣкоторое время отражалъ атаки своего врага; въ концѣ концовъ, непріятельская мина нашла себѣ путь черезъ сѣтку, попала въ корму, сдѣлала въ борту большую пробоину и разбила рулевой аппаратъ. Такъ какъ послѣ этого „Севастополь“ уже не могъ служить своей родинѣ, его вывели на глубокую воду, затѣмъ открыли кингстоны, и онъ затонулъ на глубинѣ 150 ф. Мѣсто его могилы знаютъ только капитанъ фонъ-Эссенъ и небольшой экипажъ броненосца. Японцы уже никогда не увидятъ „Севастополя“.

ГЛАВА XXVIII

Стессель и сдача.

За все время войны наибольшего вниманія заслуживаетъ фактъ—внезапное измѣненіе отношеній къ генералу Стесселю и его гарнизону, послѣдовавшее за сдачей Портъ-Артура.

За недѣлю до капитуляціи, генерала восхваляли, какъ единственнаго героя Россіи, созданнаго войной, а его армію—какъ единственныя войска, доказавшія, что въ Россіи еще сохранился прежній типъ солдата. Пѣхоту, отстаивавшую съ такой постоянной преданностью своему долгу траншеи подъ Портъ-Артуромъ, считали достойной послѣдовательницей тѣхъ войскъ, которыя часами стояли передъ сосредоточеннымъ огнемъ французской артиллеріи подъ Бородиномъ и бросались густыми массами на смертоносныя и неодолимыя укрѣпленія Плевны.

Однако, эти чувства сразу измѣнились. Генераль Стессель, во мнѣніи многихъ, низко палъ со своего высокаго пьедестала; въ гарнизонѣ его, хотя и отдавали должное упорной храбрости пѣхоты, не видѣли уже группы героевъ, которые должны были попасть на страницы исторіи въ блескѣ славы.

Какая была причина для такой внезапной перемѣны? Можно ли ее объяснить фактами, обнаружившимися послѣ

сдачи, или просто желаніемъ умалить заслуги гарнизона, часто проявляемымъ тѣми, которые критикуютъ съ разстоянія и не были участниками великихъ событій?

Если послѣднее предположеніе отвѣчаетъ дѣйствительности, то генералу Стесселю и его гарнизону нечего бояться за свою добрую славу въ будущемъ, такъ какъ исторія воздастъ имъ должное щедро, хотя и съ опозданіемъ, какъ это она очень часто дѣлаетъ съ памятью героевъ.

Можно, однако, предполагать, что исторія категорически подтвердить приговоръ, произнесенный, съ разной степенью суровости, тѣми, кто присутствовалъ при военныхъ дѣйствіяхъ и видѣлъ своими глазами положеніе крѣпости, состояніе гарнизона и запасовъ продовольствія ко времени сдачи. Нѣкоторые доходили до крайности въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ; другіе судятъ о сдачѣ менѣе сурово. Правду, обыкновенно, нужно искать между крайними предѣлами, и данный случай не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

До извѣстнаго момента оборону гарнизона можно называть геройской. Какъ русская пѣхота много разъ, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, держалась подъ сосредоточеннымъ огнемъ, равнаго которому никогда не видывали,—это навсегда останется одной изъ лучшихъ страницъ русской военной исторіи.

Возьмемъ для примѣра Высокую гору (203 м. высоту), гдѣ полковникъ Ирманъ¹⁾ заставилъ своихъ людей держаться на открытой и почти незащищенной позиціи подъ сосредоточеннымъ огнемъ 11 дм. мортиръ и сотенъ другихъ ору-

¹⁾ Высокую гору оборонялъ полковникъ (нынѣ генераль-маіоръ) Третьяковъ, который сидѣлъ на самой горѣ, пока не былъ серьезно раненъ. Своей отвагой и спокойствіемъ, подъ страшнымъ огнемъ противника, онъ воодушевляюще дѣйствовалъ на весь гарнизонъ Высокой горы. Генераль-маіоръ Кондратенко, полковникъ Ирманъ и прочіе начальствующія лица во время боевъ находились у штаба 5-го В. С. стр. полка, въ 2 верстахъ отъ Высокой горы. Они могли вліять на ходъ боя только своевременной высылкой резервовъ.

дій. Японцы должны были въ теченіе десяти дней непрерывно бомбардировать Высокую гору и произвести цѣлый рядъ штурмовъ, стоившихъ 12000 человекъ, чтобы согнать, или, точнѣе сказать, снести этихъ русскихъ солдатъ съ высоты. Одинъ этотъ примѣръ бѣшеной храбрости, кажется, убѣдительно показываетъ, что духъ русскаго солдата не измѣнился, и что съ него слѣдуетъ снять всякую отвѣтственность за сдачу крѣпости.

Для выясненія дѣйствительныхъ причинъ внезапнаго поворота мнѣній и далеко распространившагося взрыва непріязненной критики, слѣдуетъ обратиться къ генераламъ и офицерамъ.

Каково было положеніе генерала Стесселя по отношенію къ крѣпости, порученной его заботамъ съ самаго начала осады?

Онъ самъ говорилъ: „когда японцы произвели свою ночную атаку 26 января (8 февраля), я былъ ошеломленъ, такъ какъ укрѣпленія были только наполовину готовы, и гарнизонъ насчитывалъ всего 3000 человекъ“. Отсюда ясно, что первой его задачей было—предупредить приближеніе непріятеля къ крѣпости, пока она не будетъ приведена въ состояніе, пригодное для обороны. Чтобы достигнуть этого, необходимо было вести оборонительную кампанію на Ляодунскомъ полуостровѣ, насколько возможно, сѣвернѣе.

У Цзинчжоу узкій перешеекъ полуострова представлялъ выгодную позицію. Бой при Цзинчжоу (Наншань) произошелъ 13 (26) мая; русскіе принуждены были очистить Дальній и занять, на нѣсколько миль ближе къ Портъ-Артуру, оборонительную позицію, идущую поперекъ полуострова, по гористой мѣстности; до 13 (26) іюня имъ не пришлось больше вести серьезнаго боя; въ этотъ день они потеряли двѣ важныхъ позиціи. Затѣмъ, наступила опять передышка до 13 (26) іюля, когда послѣ трехдневнаго упорнаго боя русскіе были отброшены на свою послѣднюю линію обороны; эту линію, въ свою очередь, они покинули 17 (30) іюля, ради закрытій, которыя давали сооруженія крѣпости. До этого

момента генераль Стессель прилагать всѣ старанія, чтобы дѣйствовать возможно лучше, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ имѣлъ лишь посредственный успѣхъ.

Можно считать, что осада крѣпости началась съ 19 іюля (1-го августа).

Стессель стоялъ теперь передъ двумя главными задачами: удержать крѣпость до прибытія на выручку арміи съ сѣвера, или, если выручка окажется невозможной, удержать крѣпость до того момента, когда Портъ-Артурская эскадра будетъ въ состояніи скрыться во Владивостокъ.

Въ это время прибытіе Балтійскаго флота—была случайность слишкомъ отдаленная и не заслуживала серьезнаго вниманія.

28 іюля (10 августа) Стессель присутствовалъ при выходѣ изъ гавани эскадры, состоявшей изъ шести броненосцевъ и трехъ крейсеровъ. Въ это утро, когда эскадра скрылась изъ виду, Стессель думалъ, что это послѣдній выходъ эскадры; онъ надѣялся никогда больше ее не видѣть. Уходя эскадры снималъ съ его плечъ очень тяжелую отвѣтственность. Необходимость, во что бы то ни стало, защищать эту несчастную эскадру больше его не стѣсняла.

Затѣмъ, легко себѣ представить его разочарованіе, когда на другое утро, 29 (11 августа), изувѣченный „Пересвѣтъ“, а слѣдомъ за нимъ, на разныхъ интервалахъ, остатки эскадры, безъ флагманскаго судна „Цесаревича“, опять вошли въ гавань и стали на свою прежнюю якорную стоянку.

Послѣ этого, положеніе значительно измѣнилось къ худшему, и сама собой явилась новая задача. Сомнительно было, чтобы, высланная съ сѣвера для выручки крѣпости, армія могла дойти до нея; съ другой стороны, фактически было доказано, что эскадра не можетъ добраться до Владивостока; поэтому необходимо было, во всякомъ случаѣ, приготовиться удерживать крѣпость, пока прибытіе Балтійскаго флота не возстановитъ преобладаніе Россіи на морѣ. Такимъ образомъ, генераль и его гарнизонъ обречены были на долгую и утомительную осаду.

Извѣстіе о сраженіи подѣ Ляояномъ окончательно убило всякую надежду на скорую помощь. Стессель могъ при этомъ утѣшать себя соображеніемъ, что удержаніе большой японской арміи подѣ крѣпостью сдѣлало побѣду подѣ Ляояномъ нерѣшительной и дало возможность Куропаткину прорваться на сѣверъ.

Въ серединѣ сентября, отчаянной и чуть не увѣнчавшейся успѣхомъ, попыткой взять Высокую гору (203 метр. высоту) японцы напомнили Стесселю, на какой тонкой ниткѣ виситъ участь судовъ, стоящихъ въ гавани. Безъ сомнѣнія, онъ своевременно предупредилъ адмираловъ, что можетъ наступить моментъ, когда онъ не въ состояніи будетъ удерживать эту высоту и что флотъ долженъ приготовиться еще разъ сдѣлать попытку пробиться на свободу.

15 (28) сентября, при первомъ выстрѣлѣ одной изъ вновь поставленныхъ 28 сант. гаубицъ, гарнизонъ увидѣлъ, что его ожидаетъ въ будущемъ. Впечатлѣніе, которое произвелъ на русскихъ первый снарядъ, было потрясающее.

Укрѣпленія Портъ-Артура проектировались въ предположеніи, что имъ никогда не придется встрѣчаться съ орудіями, крупнѣе 6 дм. калибра. Прибытіе 11 дм. гигантовъ, бросавшихъ снаряды въ 5 разъ крупнѣе, чѣмъ снаряды орудій, раньше дѣйствовавшихъ у крѣпости,—было очень плохое предзнаменованіе для гарнизона; и форты, и блиндажи, и закрытые ходы сообщеній—все пробивалось навѣснымъ огнемъ этихъ орудій.

23 сентября (6 октября) духъ гарнизона временно поднялся, вслѣдствіе полученія письма отъ Куропаткина, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что онъ уже идетъ на выручку крѣпости. Сраженіе на Шахѣ было дополненіемъ къ этому письму.

Повидимому, никакихъ дальнѣйшихъ сообщеній отъ Куропаткина не получалось; однако, извѣстія о большихъ потеряхъ и о пораженіи его войскъ пропускались черезъ ряды осаждающаго въ крѣпость, и дѣйствовали угнетающе на духъ защитниковъ.

Вмѣстѣ съ этимъ пораженіемъ, первое главное основаніе для упорной обороны крѣпости—ожиданіе выручки съ сѣвера—погибло навсегда. Второе основаніе—прорывъ Портъ-Артурской эскадры во Владивостокъ—не имѣло, повидимому, никакихъ шансовъ на успѣхъ. Оставалось только одно третье основаніе—ожиданіе прибытія Балтійской эскадры. Оно побуждало защитниковъ крѣпости упорно держаться на своихъ позиціяхъ, что и было ими доблестно выполнено 17 (30) октября и 13 (26) ноября.

Что же дѣлала въ это время Портъ-Артурская эскадра? Согласно заявленій самихъ русскихъ, причиненныя судамъ 28 іюля (10 августа) поврежденія около 19 августа (1 сентября) были исправлены, и всѣ броненосцы, хотя и съ нѣкоторыми дефектами, могли выйти въ море. Стессель, какъ и адмиралы, хорошо долженъ былъ понимать, насколько важно для флота—быть въ полной готовности къ выходу въ море въ любой моментъ, на случай соединенія съ Балтійской эскадрой, или на случай послѣдней попытки вырваться на свободу при паденіи крѣпости.

Предпринятыя для достиженія этой цѣли шаги были чрезвычайно странны: около конца октября, моряки были сняты съ судовъ и посланы на форты, для усиленія сухопутныхъ войскъ; кромѣ того, многія крупныя орудія были сняты съ судовъ и установлены на сушѣ, а снаряды морскихъ орудій, оставшіеся уже въ ограниченномъ и даже недостаточномъ количествѣ, ежедневно выпускались по линіямъ осаждающаго и расходовались совершенно напрасно.

Трудно представить, чтобы къ концу октября существовала дѣйствительная необходимость перемѣщенія морскихъ экипажей на берегъ. Если же подобная мѣра не вызывалась необходимостью, то это непростительная ошибка; драгоцѣнная жизнь матросовъ подвергалась опасности; они несли потери, и экипажъ судна, послѣ двухъ мѣсяцевъ подобной службы, былъ совершенно ни къ чему не годенъ.

Это перемѣщеніе экипажей и орудій съ морской на сухопутную службу лучше всего показываетъ, какой нездо-

ровый духъ и какое отсутствіе нравственной силы проникли въ среду русскаго морскаго начальства. Моряки, которые, за нѣсколько мѣсяцевъ раньше, чѣмъ нужно, рѣшаютъ, что они не будутъ сражаться на морѣ, не заслуживаютъ названія моряковъ. Однако, таково было рѣшеніе, принятое русскими адмиралами. Вся воинственность была выбита изъ нихъ 28 іюля (10 августа); послѣ этого они твердо рѣшили ни въ коемъ случаѣ не рисковать новой встрѣчей съ врагомъ на своей родной стихіи.

Насколько я могъ понять, русскіе морскіе офицеры не сопровождали своихъ людей въ траншеи, и все остальное время осады жили въ городѣ ¹⁾.

Въ морской исторіи нѣтъ болѣе печальнаго примѣра: пять броненосцевъ и два крейсера, стоявшіе на якорѣ въ гавани, имѣли возможность, но не рѣшались выйти и встрѣтить врага въ открытомъ морѣ, а предпочли быть разстрѣланными сухопутной артиллеріей, стоя на якорѣ.

13 (26) ноября русскій солдатъ опять показалъ свою доблесть, оказавъ сопротивленіе самому рѣшительному штурму на восточный фронтъ крѣпости, сопровождавшемуся ужасной бомбардировкой.

Затѣмъ, 14 (27) ноября началась битва гигантовъ за обладаніе Высокой горой (203 метр. высотой); исходъ этого боя долженъ былъ рѣшить участь флота. Достаточно сдѣлано было предостереженій, такъ какъ японцамъ потребовалось десять дней, чтобы взять высоту; однако, никто изъ командировъ судовъ не шевельнулъ пальцемъ, чтобы вывести изъ гавани суда, которымъ грозила опасность. Единственное исключеніе—капитанъ фонъ-Эссенъ, который, собравъ 100 человекъ, сталъ со своимъ судномъ на якорь подъ

¹⁾ Это—неправда. Морскіе офицеры, вмѣстѣ со своими людьми, геройски дрались на сухопутномъ фронтѣ крѣпости и геройски умирали. Большое число убитыхъ и раненыхъ на сушѣ моряковъ, какъ офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ, служитъ яснымъ доказательствомъ этого. На Высокой горѣ погибло не мало моряковъ съ ихъ офицерами.

Тигровымъ Хвостомъ, установилъ вокругъ него загражденія и нѣсколько дней успѣшно сражался съ японскими миноносцами.

22 ноября (5 декабря) Высокую гору (203 метр. высоту) взяли, а на слѣдующій день 28 снт. снаряды начали падать около русскихъ судовъ, вслѣдствіе чего русскіе сами затопили ихъ. Суда не были потоплены японскими снарядами, какъ утверждали; снаряды рвались подъ бронированной палубой, которую легко пробивали, но не могли пробить корпусъ судна.

При этихъ критическихъ условіяхъ, снова разберемъ положеніе генерала Стесселя. Третье основаніе для удержанія крѣпости, во что бы то ни стало, исчезло, подобно первымъ двумъ: Балтійскій флотъ съ приходомъ въ гавань, не получалъ болѣе никакихъ выгодъ. Такимъ образомъ, если основанія для удержанія Портъ-Артура заключались только въ этомъ, и были ограничены указанными тремя причинами, то вопросъ исчерпанъ: генераль Стессель сдѣлалъ свое дѣло.

Нужно, однако, разсмотрѣть: не было ли еще и другихъ основаній? не было ли, въ дѣйствительности, основаній такого огромнаго практическаго и стратегическаго значенія, которыя должны были заставить его подвергнуть войска послѣднему испытанію?

Наступилъ моментъ, когда Стесселю приходилось на дѣлѣ доказать, своей предусмотрительностью и рѣшительностью, права на мѣсто въ рядахъ великихъ полководцевъ, или же вписать свое имя въ безконечный списокъ посредственностей. Несомнѣнно, въ глазахъ многихъ Стессель можетъ найти достаточно оправданій своей сдачи; однако, выдающийся генераль, тщательно взвѣсивъ вліяніе подобнаго факта на ходъ всей кампаніи, въ которой ему выпадала лишь незначительная роль, конечно, пришелъ бы къ иному рѣшенію.

Мы вернемся къ этому вопросу, закончивъ описаніе событий.

Генераль Стессель рѣшилъ сдаваться. Онъ искалъ только подходящаго случая, такъ какъ было очень неудобно пред-

принимать подобный шагъ, пока непріятель не взялъ какого-нибудь долговременнаго укрѣпленія; слѣдуетъ припомнить, что къ 22 ноября (5 декабря) ни одно долговременное укрѣпленіе еще не пало. Со дня взятія Высокой горы (203 метр. высоты) сдача, насколько это касалось Стесселя, была напередъ рѣшена.

Однако, до 2 (15) декабря онъ не былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ положенія, такъ какъ Кондратенко былъ еще живъ; духъ и энергія этого храбреца отражались на всемъ гарнизонѣ. Пока онъ былъ живъ, не говорили о сдачѣ среди солдатъ, хотя она и была рѣшена, частнымъ образомъ, генераломъ Стесселемъ. 2 (15) декабря произошло величайшее, со времени гибели адмирала Макарова, несчастье: въ этотъ день доблестный Кондратенко со всѣмъ своимъ штабомъ, въ числѣ десяти человѣкъ, былъ убитъ въ то время, какъ распоряжался нѣкоторыми исправленіями на форту II (Сѣв. Кейкваншань). Съ его смертью духъ сопротивленія отлетѣлъ, но все еще не могли найти приличнаго предлога для сдачи.

5 (18) декабря японцы взорвали и штурмовали фортъ II (Сѣв. Кейкваншань); за этимъ послѣдовала, 15 (28) декабря, новая удача японцевъ, фортъ III (Нирушань) былъ взятъ послѣ рѣшительной атаки; наконецъ, 18 (31) декабря въ ихъ руки перешло также укрѣпленіе № 3 (Шоюшань). Это дало Стесселю, столь необходимый ему, удобный поводъ для капитуляціи, за который онъ ухватился съ неприличной торпливостью; въ 4 часа дня 19 декабря (1 января) онъ послалъ уже своего парламентаря, съ предложеніемъ сдать крѣпость.

За нѣсколько дней до капитуляціи, въ крѣпости происходило совѣщаніе всѣхъ высшихъ начальниковъ; большинство подало голосъ за дальнѣйшее сопротивленіе.

Рѣшеніе это было отмѣнено Стесселемъ, единолично.

Каково было состояніе крѣпости и гарнизона, на которомъ основывалось подобное рѣшеніе?

Какая цѣль могла быть достигнута при дальнѣйшемъ

сопротивленіи крѣпости, послѣ пораженія Куропаткина и разрушенія Портъ-Артурской эскадры?

Второго вопроса можно коснуться вкратцѣ. Было много оснований для продленія осады.

Во-первыхъ, болѣе продолжительная и геройская оборона увеличила бы престижъ русскаго оружія.

Во-вторыхъ, въ концѣ декабря Стессель удерживалъ подъ Портъ-Артуромъ японскую армію въ 100.000 человѣкъ. Очевидно, Куропаткинъ вполнѣ сознавалъ значеніе подобнаго отвлеченія силъ, такъ какъ, сейчасъ же послѣ паденія крѣпости, онъ перешелъ въ наступленіе, чтобы добиться какого-нибудь успѣха раньше, чѣмъ придутъ на сѣверъ войска генерала Ноги. Въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, маршалъ Ояма говоритъ о пятой арміи, появляющейся въ Маньчжуріи впервые, которая состояла изъ войскъ генерала Ноги.

Въ-третьихъ, каждый лишній день пребыванія японскихъ войскъ въ траншеяхъ, въ суровые зимніе мѣсяцы, понижалъ нравственный элементъ войскъ и уменьшалъ ихъ готовность къ весеннимъ операціямъ.

Въ-четвертыхъ, тѣ же причины могли привести не только къ лишеніямъ и страданіямъ, но и къ дѣйствительнымъ потерямъ въ рядахъ японскихъ войскъ. Относительно этого не можетъ быть сомнѣній. Еслибъ генералъ Стессель продержался до весны, Куропаткинъ имѣлъ бы возможность перейти къ наступательнымъ операціямъ, съ значительно большей вѣроятностью на успѣхъ.

Способность Портъ-Артура продолжать оборону и дѣйствительное состояніе гарнизона требуютъ болѣе длинныхъ разсужденій.

Утвержденіе, что потеря форта II (Сѣв. Кейкваншань), форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шоюшань) ставили, по волѣ рока, въ опасное положеніе Стесселя, ни одну минуту не можетъ быть поддержано. Даже послѣ взятія этихъ фортовъ, русскіе удерживали еще нѣсколько сильныхъ позицій вдоль главной оборонительной линіи крѣпости, которыя японцы еще долго не могли бы взять; Скалистый Гре-

бень (Новый Банрушань), Заредутная батарея (укрѣпленіе Н), Большое Орлиное Гнѣздо (Бодай) и вся линія укрѣпленій сзади форта II (Сѣв. Кейкваншань)—были не тронуты.

Всѣ эти укрѣпленія, въ ночь 18 (31) декабря, были покинуты русскими, оказавшими сопротивление только для вида. Если эти позиціи съ потерей трехъ долговременныхъ фортовъ, оказывались открыты и если считали, что дальше невозможно снабжать ихъ продовольствіемъ и подкрѣпленіями, то можно было покинуть весь восточный фронтъ главной оборонительной линіи. Въ этомъ случаѣ, русскіе могли бы отойти на, лежащую сзади, цѣпь высотъ, на которой, специально для этой цѣли, была сооружена вторая, внутренняя линія обороны. Эта вторая линія была биткомъ набита морскими орудіями и могла бы оказывать сопротивление еще два мѣсяца, если не болѣе.

Чтобы взять эту внутреннюю оборонительную линію, японцы принуждены были бы пройти черезъ тѣ же стаціи, но только въ меньшихъ размѣрахъ, какъ и при атакахъ на внѣшнюю оборонительную линію. Еслибъ внутренняя оборонительная линія пала, осталась бы вся группа западныхъ фортовъ, въ которыхъ русскіе могли оказать послѣднее сопротивление.

Русскіе, кажется, считали, что оборона Портъ-Артура состоитъ въ защитѣ города, который, послѣ занятія японцами восточной части внутренней оборонительной линіи, оказался бы въ рукахъ осаждающаго.

Однако, западный участокъ фортовъ былъ самостоятеленъ, и его можно было бы удерживать даже послѣ того, когда нельзя было удерживать городъ, и когда разрушеніе флота сдѣлало подобное удержаніе безцѣльнымъ. При такихъ условіяхъ, на Ляодунскомъ полуостровѣ была бы задержана большая японская армія, что въ дальнѣйшемъ имѣло бы большое значеніе.

Русскіе сами охотно допускаютъ, что стратегически положеніе было далеко не безнадежно, и что причиной сдачи были другія соображенія, а именно: первая—уменьшеніе боевыхъ силъ; вторая—состояніе запасовъ продовольствія;

третья—недостатокъ боевыхъ припасовъ; наконецъ—положеніе госпиталей.

Что касается числа крѣпкихъ, здоровыхъ людей, оставшихся въ гарнизонѣ, то слѣдуетъ вспомнить, что полковникъ Рейсъ, во время встрѣчи делегатовъ утверждалъ, что только четыре тысячи солдатъ могутъ выступить изъ крѣпости, всѣ же остальные—больны или ранены. Еслибъ это заявленіе оказалось, хотя бы приблизительно, вѣрно, не могло бы, конечно, быть и рѣчи относительно дальнѣйшаго сопротивления, но указанное количество постепенно возросло до 26.000 солдатъ и матросовъ и болѣе 1.600 офицеровъ¹⁾. Можетъ быть, большинство этихъ людей были не вполне здоровы, и многіе изъ нихъ годились скорѣе для службы въ госпиталяхъ, чѣмъ въ траншеяхъ, но что всѣ они могли пройти 16—20 миль, до станціи желѣзной дороги, не выказывая никакихъ признаковъ утомленія—это неоспоримый фактъ. Вслѣдствіе этого, ссылка на то, что уменьшившееся количество гарнизона препятствовало дальнѣйшей оборонѣ, кажется очень слабымъ оправданіемъ, особенно, если принять во вниманіе, что вторая линія была бы короче, чѣмъ главная, съ которой они отступали.

Въ вопросѣ о недостаткѣ боевыхъ припасовъ было много неизвѣстнаго, пока не были опубликованы официальные японскія донесенія; въ крѣпости по окончаніи осады нашли 82.670 штукъ²⁾ снарядовъ разныхъ калибровъ, что составляетъ 151 снарядъ на каждое изъ 546 орудій, найденныхъ неповрежденными.

¹⁾ Общее число военнопленныхъ, явившихся на сборный пунктъ,—746 офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и заурядъ-прапорщиковъ, 23.131 нижній чинъ. Въ число нижнихъ чиновъ включены и 5.813 человекъ моряковъ.

²⁾ Общее число снарядовъ, безъ раздѣленія ихъ по калибрамъ, равно ничего не доказываетъ, такъ какъ въ это число входитъ очень много мелкихъ снарядовъ (57 мм., 47 мм., и 37 мм.), не имѣвшихъ серьезнаго боеваго значенія. Снарядовъ для орудій 4 дм. и болѣе крупныхъ калибровъ сдано всего около 9.000 штукъ, что составляетъ около 60 снарядовъ на орудіе. Для нѣкоторыхъ калибровъ, какъ напр. для 11 дм. мортиръ, совсѣмъ не было снарядовъ.

Прим. перевод.

Едва ли это можно считать недостаточным; если и былъ недостатокъ въ снарядахъ для тяжелыхъ орудій, то это соображеніе, въ дѣйствительности, особаго значенія не имѣло, такъ какъ оборона могла держаться на огнѣ ружей и пулеметовъ. Съ того момента, какъ японцы близко подошли къ русскимъ оборонительнымъ линіямъ, никогда артиллерія не приносила особой пользы, за исключеніемъ шрапнельнаго огня.

Въ началѣ осады, по русскимъ свѣдѣніямъ, въ крѣпости было 16 милліоновъ ружейныхъ патроновъ ¹⁾; къ концу осады оставалось болѣе 2 мил. патроновъ. Гарнизону, конечно, пришлось бы экономить патроны. Кромѣ того, невозможно допустить, чтобы въ большомъ арсеналѣ, какъ Портъ-Артурскій, не было приспособленій для выдѣлки пуль и снаряженія пустыхъ гильзъ ²⁾; вслѣдствіе близости непріятельскихъ линій, можно было бы снаряжать патроны половиннымъ зарядомъ пороха ³⁾. Японцы приняли 30 тоннъ (около 1860 пуд.) пороха и другихъ взрывчатыхъ веществъ.

Такимъ образомъ, повидимому, ничто не подтверждаетъ мнѣнія, что состояніе боевыхъ припасовъ препятствовало дальнѣйшему сопротивленію.

Относительно того, что въ продовольственныхъ припасахъ не было недостатка, не можетъ быть сомнѣнія; у насъ имѣются таблицы, показывающія количество запасовъ, принятыхъ японскими комиссарами послѣ сдачи, и свѣдѣнія эти совпадаютъ со свѣдѣніями самихъ русскихъ.

Въ интендантскихъ магазинахъ японскія военныя власти нашли: муки—43.000 пуд., кукурузы—2.480 пуд., овса—4.960

¹⁾ Было не 16 мил., а болѣе 30 мил. патроновъ.

²⁾ Въ Портъ-Артурѣ никогда не было никакого арсенала, въ томъ смыслѣ какъ понимаетъ авторъ; былъ только небольшой артиллерійскій магазинъ, въ которомъ нельзя было снаряжать патроны. Да, наконецъ, не было для этого главнаго—пороха; нельзя же снаряжать ружейные патроны артиллерійскимъ крупно-зернистымъ порохомъ.

³⁾ Совѣтъ довольно наивный и практически непримѣнимый.

Прим. перевод.

пуд., бобовъ—43.400 пуд., консервированнаго мяса—2.480 п., сухарей—3.720 пуд., соли—24.800 пуд., сахару—1.240 пуд., рису—62 пуда и крупы 124 пуда ¹⁾.

Эти цифры довольно точно показываютъ количество пищевыхъ продуктовъ, оставшихся у гарнизона къ концу осады.

Кромѣ того, въ магазинахъ морского вѣдомства находилось муки (полученной на пароходѣ „King Arthur“)—43.400 пуд. ²⁾, сахару—2.480 пуд., масла—124 пуд.

Ко всему этому надо прибавить: 75.000 тоннъ кардифскаго угля, 54.000 тоннъ японскаго угля и 15.000 тоннъ угольныхъ брикетовъ.

Послѣ сдачи крѣпости, японцамъ передано 1.920 лошадей. Русскіе говорятъ, что нижніе чины не любили конину и не хотѣли ѣсть ее; если это правда, то, слѣдовательно, гарнизонъ вовсе не былъ близокъ къ голодной смерти, какъ хотѣли убѣдить весь міръ, ибо голодающій солдатъ будетъ все ѣсть ³⁾. Во многихъ большихъ осадахъ, въ послѣдніе періоды обороны, конина считалась роскошью. Подобная разборчивость въ пищѣ стоила бы Англіи Лэдисмита, а можетъ быть и всей Южной Африки.

Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, что въ интендант-

¹⁾ Всѣ продукты показаны авторомъ въ тоннахъ; для наглядности мы перевели тонны въ пуды, считая 62 пуда въ тоннѣ. Цифры, приведенныя авторомъ, во многомъ не сходятся съ дѣйствительностью. Особенно рѣзко бросается въ глаза количество сданныхъ японцамъ консервовъ, которыхъ сдано не 2.480 пуд., а всего 94 пуда, или 15.064 порціи; этого количества могло хватить для довольствія $\frac{1}{5}$ части гарнизона, въ теченіе одного дня.

²⁾ На пароходѣ „King Arthur“ получено было всего около 800 тоннъ муки; изъ этого количества морское вѣдомство получило только четверть, т.-е. около 12.000 пудовъ; остальное передано было крѣпостному интендантству.

³⁾ Лошади остались не потому, что солдаты не ѣли конину, а потому что нельзя было съѣсть всѣхъ лошадей, иначе тѣмъ же солдатамъ пришлось бы таскать на своихъ плечахъ снаряды, бревна, воду, рельсы, орудія и т. п. Безъ лошадей и перевозочныхъ средствъ невозможно было бы продолжать оборону крѣпости.

Прим. перевод.

скихъ магазинахъ Портъ-Артура имѣлось достаточное количество припасовъ, чтобы прокормить, полной дачей, гарнизонъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ ¹⁾.

Въ добавленіе къ этимъ продовольственнымъ припасамъ, до самаго конца осады, оставалось огромное количество излюбленнаго напитка русскихъ солдатъ—водки; водка очень помогала имъ забывать объ однообразіи пищи, хотя эта пища была лучше той, которой ежедневно довольствуются тысячи ихъ земляковъ въ Россіи ²⁾. Въ концѣ декабря людямъ гарнизона отпускали водки по одной бутылкѣ на четырехъ человекъ ежедневно.

Вечеромъ 18 (31) декабря, когда гарнизону стало извѣстно, что готовится капитуляція ³⁾, солдаты вломились и разграбили лавку француза Мондонъ; они вытащили оттуда 900 ящичковъ водки, по 60 бутылокъ каждый. Затѣмъ, разыгралась пьяная оргія на улицахъ. Для подавленія безпорядковъ былъ посланъ полкъ, который прогнавъ буяновъ, выпилъ остатки водки ⁴⁾.

Если въ крѣпости было достаточно людей, много боевыхъ припасовъ и изобиліе продовольствія, то остается рассмотреть только одинъ фактъ, влиявшій на рѣшеніе Стесселя,—состояніе госпиталей.

Когда японцы приняли госпиталь Портъ-Артура, въ нихъ состояло около 13.000 человекъ раненыхъ и больныхъ. Русскіе говорили, что ихъ госпитали находились въ жалкомъ состояніи: перевязочныхъ средствъ было мало; совсѣмъ не было госпитальнаго комфорта; вслѣдствіе полного отсутствія зелени, среди войскъ развилась цынга.

¹⁾ Если бы авторъ тщательно провѣрилъ всѣ данныя и болѣе безпристрастно освѣтилъ ихъ, то увидѣлъ бы, что продовольственныхъ припасовъ могло хватить не болѣе, какъ на 1—1½ мѣсяца.

²⁾ Авторъ здѣсь выказываетъ полное непониманіе обстановки и положенія гарнизона осажденной крѣпости.

³⁾ Объ этомъ узнали даже высшіе начальники только 19 декабря (1 января), вечеромъ.

⁴⁾ Эту небылицу авторъ уже рассказывалъ, но только иначе, на стр. 429.

Прим. перевод.

До извѣстной степени все это вѣрно, такъ какъ въ госпиталяхъ было болѣе 6.000 больныхъ цынгой. Однако, нельзя признать за правило войны, что генералъ имѣетъ право сдаваться, если его госпитали находятся въ плохомъ состояніи. Къ тому же, самого генерала Стесселя приходится сильно винить за подобное положеніе дѣлъ, какъ относительно продовольственныхъ запасовъ, такъ и относительно госпиталей.

Какъ это ни странно, но, съ самаго начала осады, не было сдѣлано никакой попытки сосредоточить подъ контролемъ военныхъ властей большіе запасы продовольствія, имѣвшіеся въ городѣ у частныхъ лицъ. Былъ только отданъ приказъ, что всѣ запасы продовольствія и вина должны продаваться военнымъ властямъ по опредѣленнымъ цѣнамъ, устанавливаемымъ этимъ приказомъ.

Кой-что было продано по утвержденнымъ цѣнамъ, но многіе владѣльцы запасовъ нашли способъ обходить этотъ приказъ; вслѣдствіе этого, въ теченіе всей осады, каждый, у кого были наличныя деньги, могъ пойти въ частныя лавки и купить тамъ съѣстного и вина.

Безусловно достовѣрно, что, ко времени паденія Портъ-Артура, въ крѣпости имѣлись огромныя количества съѣстныхъ припасовъ и вина; когда побѣдители вошли въ городъ, они могли пріобрѣтать многіе предметы роскоши, въ родѣ шампанскаго и краснаго вина, которыхъ за предѣлами крѣпости они не могли получить ¹⁾.

Моихъ друзей и меня самымъ любезнымъ образомъ принялъ германскій торговый домъ, который, въ началѣ осады, припряталъ достаточное количество запасовъ, для довольствія своихъ служащихъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ; у нихъ былъ даже большой избытокъ припасовъ, и они частенько помогали друзьямъ, менѣе счастливымъ, чѣмъ они. Вѣроятно, въ Портъ-Артурѣ рѣдко кто былъ обставленъ

¹⁾ Все это авторомъ сильно преувеличено и неправильно освѣщено.

Прим. перевод

такъ хорошо, какъ мои друзья-нѣмцы. Казалось страннымъ, что мы, шесть мѣсяцевъ стучавшіеся въ ворота крѣпости, первый хорошій обѣдъ получили именно здѣсь, въ крѣпости, и голодающіе жигели были хозяевами обѣда.

Теперь, мы разсмотрѣли тѣ четыре основанія, которые служили для русскихъ поводами для сдачи, или выставялись въ качествѣ таковыхъ защитниками генерала Стесселя.

Надо поискать болѣе правильныхъ объясненій, чѣмъ тѣ, которыя заключаются въ приведенныхъ выше основаніяхъ.

Кажется, съ самаго начала осады, замѣчалось въ средѣ гарнизона какое-то удивительное отсутствіе корпоративнаго духа и гармоніи въ дѣйствіяхъ. Такъ, ко времени паденія крѣпости, большинство сухопутныхъ офицеровъ не говорили со своими товарищами—морскими офицерами ¹⁾; первые, кромѣ того, раздѣлились на двѣ группы: тѣхъ, которые одобряли сдачу, и тѣхъ, которые были противъ нея. Какъ это ни кажется страннымъ, но, положительно, между защитниками и ихъ побѣдителями было меньше озлобленія, чѣмъ между отдѣльными группами защитниковъ крѣпости.

Въ Портъ-Артурѣ кромѣ регулярныхъ войскъ, находилось около 5.000 человекъ русскихъ рабочихъ; люди эти съ самаго начала служили источникомъ серьезныхъ безпорядковъ.

Стессель, видимо, никогда не сознавалъ всей важности держать подъ контролемъ не военный элементъ крѣпости. На тѣхъ, которые не участвуютъ въ бояхъ, время осады отражается наиболѣе рѣзко; сѣмья раздоровъ и несогласій, всегда развивающееся среди подобныхъ людей, могло, съ очень дурными послѣдствіями, распространиться и въ рядахъ солдатъ.

Генераль Стессель, въ своемъ интервью съ генераломъ Ноги, увѣрялъ, что однимъ изъ основаній для сдачи служила невозможность поддерживать порядокъ среди рабочихъ.

¹⁾ Это—чистѣйшій вымыселъ, ни на чемъ не основанный.

Прим. перевод.

Довольно странное признаніе для главного начальника осажденной крѣпости, который могъ располагать жизнью и смертью подчиненныхъ ему людей!

Если въ гарнизонѣ замѣчается общая деморализація, то причины ея почти всегда можно найти въ высшемъ начальствѣ.

Безпечность генерала Стесселя отражалась на поведеніи его офицеровъ. Частныя лица—можетъ-быть и не совсѣмъ достоверные свидѣтели—разсказывали, что въ дни, когда навѣрняка можно было ожидать штурма, много офицеровъ разгуливали по улицамъ или выпивали въ ресторанахъ, оставивъ свои команды на унтеръ-офицеровъ ¹⁾. Послѣдніе вели себя выше похвалы; смѣлая отвага простыхъ солдатъ возрастала, сообразно тяжести положенія, и замѣняла довѣріе, котораго не внушали ихъ начальники.

Нѣкоторые выражали удивленіе, что Стессель не сдѣлалъ попытки пробить себѣ путь черезъ окружавшую его желѣзную стѣну, чтобы спасти честь Россіи и, раньше чѣмъ слѣдъ, нанести нѣкоторый вредъ противнику. Трудно сказать, былъ ли этотъ планъ выполненъ. О спасеніи, конечно, не могло быть рѣчи; но онъ могъ собрать 15.000 человекъ наиболѣе здоровыхъ людей гарнизона, снабдить ихъ продовольствіемъ на два—три дня и затѣмъ повести сильную атаку на крайній восточный флангъ японской линіи. Здѣсь японцевъ было меньше, чѣмъ въ другихъ пунктахъ, такъ какъ на этомъ участкѣ они атаки не вели.

Еслибъ такая вылазка была поведена рѣшительно и японская линія была прорвана, Стессель овладѣлъ бы южной дорогой въ Дальній, проходящей между Дагушанемъ и Сяогушанемъ. Чтобы остановить его наступленіе, японская армія должна была совершенно переменить фронтъ, а нѣкоторые полки находились болѣе чѣмъ на 20 миль въ сторонѣ. Артиллерию, стоявшую на постоянныхъ позиціяхъ,

¹⁾ Это—чистѣйшая ложь. Непонятно, почему авторъ прилагаетъ все стараніе, чтобы возможно больше очернить всѣхъ офицеровъ гарнизона.

Прим. перевод.

обращенныхъ къ крѣпости, не легко было бы перемѣстить, и ранѣе чѣмъ могли собраться противъ него равныя силы, Стессель былъ бы уже на пути въ Дальній.

Оставивъ аррьергардъ на одной изъ многихъ удобныхъ позицій, вдоль дороги, онъ съ остальными войсками могъ быстро двинуться въ Дальній и сжечь огромные запасы припасовъ, собранные здѣсь. Послѣ этого, онъ могъ спокойно сдаваться. Женщинъ и дѣтей можно было оставить, подъ надежной охраной, въ одномъ изъ западныхъ фортовъ, пока не будутъ установлены подходящія условія сдачи.

Возможно, что ему не удалось бы пробиться черезъ японскія линіи; однако, и въ этомъ случаѣ вредныхъ послѣдствій отъ подобнаго маневра не произошло бы, а престижъ русскаго оружія, конечно, былъ бы поднятъ. Потерпѣлъ бы Стессель неудачу, или добился бы успѣха, съ русскихъ войскъ спросили бы не больше, чѣмъ съ турецкихъ войскъ Османа-паши подъ Плевной, когда, запертый въ городѣ безъ надежды на выручку, этотъ храбрецъ предпочелъ броситься со своей арміей на врага и сдѣлать послѣднее усиліе—уйти.

Если дѣйствія Стесселя должны строго осуждаться, то прямо облегченіе—обратиться къ Кондратенкѣ, къ человѣку, которому всѣ удивлялись и которымъ всѣ восхищались. Этотъ неутомимый инженеръ, построившій почти всѣ укрѣпленія, былъ жизнью и душой обороны. Его всегда видѣли тамъ, гдѣ шелъ болѣе горячій бой; онъ ободрялъ своихъ людей, или наблюдалъ за исправленіемъ поврежденныхъ укрѣпленій. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что оставаясь въ живыхъ Кондратенко, Портъ-Артуръ продолжалъ бы оказывать сопротивленіе непріятелю, такъ какъ солдаты всегда дрались бы подъ предводительствомъ этого человѣка, дѣйствительнаго начальника крѣпости, а не только по имени; но съ его смертью—душа обороны отлетѣла.

Портъ-Артуръ, по сравненію съ другими осадами, принесъ мало чести Россіи. Стратегическое положеніе было такое же, какъ французовъ въ Генуѣ, 104 года тому назадъ. Тамъ Массена, запертый въ городѣ, безъ малѣйшей надежды

на выручку, осажденный австрійской арміей подъ начальствомъ Отта, тѣмъ не менѣе, оцѣнили значеніе удержанія города до самой послѣдней минуты, чтобы дать время Первому Консулу перейти Альпы и атаковать главныя силы австрійцевъ, бывшія у Маренго, подъ начальствомъ Меласа, раньше чѣмъ послѣдній могъ быть усиленъ арміей, осаждавшей Геную.

Массена былъ въ положеніи Стесселя, Меласъ—въ положеніи маршала Оямы, а Наполеонъ—въ положеніи Куропаткина. Массена, въ концѣ концовъ, долженъ былъ капитулировать раньше боя при Маренго, но онъ сдѣлалъ это тогда, когда его солдаты, дѣйствительно, сѣли свои сапоги, сѣдла и когда 5.000 австрійскихъ плѣнныхъ и 20.000 жителей города—мужчинъ, женщинъ и дѣтей—едва не умерли отъ болѣзней и голода. Поступокъ неустрашимого маршала далъ Наполеону нужное время, чтобы передохнуть; Меласъ былъ разбитъ, и Италія была спасена.

Еслибъ Стессель былъ человѣкомъ съ твердой волей и могъ бы предвидѣть будущее, онъ руководствовался бы тѣми же соображеніями, которыя вліяли на дѣйствія Массена. Онъ пожертвовалъ бы собой и своимъ гарнизономъ, для улучшенія положенія Куропаткина, и избавилъ бы его отъ давленія арміи Ноги, пока не начался бы періодъ дождей.

У русскихъ въ Портъ-Артурѣ были изрядные запасы, которыхъ, при очень скромномъ расчетѣ, могло хватить на цѣлые мѣсяцы, а еслибъ выяснилась настоятельная необходимость, то можно было бы временно перейти на уменьшенныя дачи. Другія войска довольствовались иногда половиной или даже четвертью полной дачи.

Однако, гдѣ Массена ѣстъ свои сѣдла, Стессель отказывается отъ хлѣба и конины; въ результатѣ—сдача. Еслибъ Стессель былъ начальникомъ въ Генуѣ, исторія міра, можетъ быть, была бы иная; пожалуй, трудно предположить у Стесселя такую же увѣренность, что Куропаткинъ весной разобьетъ японцевъ, какая была у Массены, что Наполеонъ

побѣтъ австрійцевъ, тѣмъ не менѣе, долгъ каждаго военачальника—основывать всѣ свои рѣшенія на предположеніи, что его сторона, въ концѣ концовъ, возьметъ верхъ.

Генералу Стесселю съ тѣмъ блестящимъ матеріаломъ, которымъ онъ располагалъ, представлялся великолѣпный случай—разыграть одну изъ величайшихъ осадъ исторіи.

Всякій другой генералъ, располагавшій войсками, которые могли и желали биться, какъ билась русская пѣхота на Высокой горѣ, удерживалъ бы крѣпость, пока не съѣденъ послѣдній сухарь и не выпущена послѣдняя пуля. Стессель, однако, не имѣлъ ни характера, чтобы пріобрѣсти довѣріе своихъ войскъ, ни энергіи, чтобы воспользоваться полной возможностью добиться славы.

Какое же окончательное мнѣніе о его поведеніи?

Вину генерала Стесселя нѣсколько искупаетъ героизмъ его солдатъ, почти восемь мѣсяцевъ ведущихъ непрерывную борьбу, при поразительномъ ожесточеніи атакъ и огромной разрушительности бомбардировокъ.

Не будутъ осуждать Стесселя только гуманисты, которые восхваляютъ каждый поступокъ, избавляющій отъ пролитія крови. Но тѣ—кто видитъ дальше окружающаго, тѣ—кто старается уяснить себѣ вліяніе настоящаго на будущее, а главнымъ образомъ, тѣ—кто на войнѣ исключаетъ всѣ соображенія, кромѣ достиженія конечнаго успѣха,—скажутъ, что въ поведеніи генерала Стесселя проявлено слишкомъ мало дальновидности и, широко понимаемаго, патріотизма, которые только и могли спасти его отечество въ это критическое время.

Заключение.

Осада Портъ-Артура непременно станетъ въ ряды наиболѣе замѣчательныхъ осадъ новѣйшихъ временъ, а быть можетъ и вообще военной исторіи.

Если 18 (31) іюля, когда русскіе были отброшены за линію долговременныхъ укрѣпленій, считать началомъ, а 20 декабря (2 января), когда капитулировалъ Стессель, концомъ осады, то она длилась ровно пять мѣсяцевъ. Если же за начало считать бой при Цзинчжоу (Наншань), 13 (26) мая, когда гарнизонъ Портъ-Артура участвовалъ первый разъ въ дѣлѣ, то осада длилась болѣе 8 мѣсяцевъ. Весь этотъ періодъ 150.000 чел. бились за обладаніе нѣсколькими изъ самыхъ сильныхъ укрѣпленій, какія можетъ создать современный инженеръ.

Не часто бываетъ, чтобы паденіе крѣпости имѣло большое значеніе для успѣха всей кампаніи. Обыкновенно, это—просто, окончаніе ряда операцій, направленныхъ для обезпеченія извѣстнаго результата; свершившаяся капитуляція, хотя и является удовлетвореніемъ для побѣдителя, но въ общемъ мало вліяетъ на исходъ войны.

Съ Портъ-Артуромъ дѣло обстояло иначе; поставленные на карту интересы имѣли огромное значеніе для двухъ большихъ націй и отчасти соприкасались съ интересами многихъ другихъ державъ.

Паденіе Портъ-Артура приводило къ разрушенію Тихо-

океанской эскадры, что, въ концѣ концовъ, рѣшило вопросъ о господствѣ въ Восточной Азіи. Если бы Высокая гора (203 метр. высота) не была взята, и Стессель продержался еще четыре мѣсяца, соединеніе Портъ-Артурской эскадры съ Балтійскимъ флотомъ было бы, вѣроятно, совершившимся фактомъ; а тогда, кто могъ бы предсказать исходъ встрѣчи японскаго флота съ соединенной русской эскадрой? Еслибы интересами Россіи руководилъ хотя бы простой здравый смыслъ, японцамъ пришлось бы стать лицомъ къ лицу съ этой задачей.

Если слѣдуетъ порицать Стесселя за его преждевременную сдачу, то еще большаго порицанія заслуживаютъ тѣ, кто упустили своевременную подготовку къ войнѣ. Россія должна была пожертвовать всѣми другими интересами, чтобы сдѣлать Портъ-Артуръ неуязвимымъ. Еслибы это сдѣлали, Тихоокеанская эскадра могла бы простоять на якорѣ, пока на сценѣ не появился бы Балтійскій флотъ.

Ни одному народу природа не давала лучшихъ оборонительныхъ позицій, и ни одна нація не извлекала такихъ ничтожныхъ результатовъ изъ своего выгоднаго положенія. Еслибы небольшую долю времени и денегъ, затраченныхъ на устройство морского порта въ Дальнемъ, удѣлили бы на оборону Портъ-Артура, какъ измѣнились бы условія мирнаго договора, заключеннаго по окончаніи войны. Еслибы русскіе укрѣпили линію отъ бухты Луизы до Дагушаня, они могли бы задержать на много мѣсяцевъ поступательное движеніе японскихъ сапъ противъ фортовъ. Еслибы главная линія обороны была защищена, отъ одного конца до другого, долговременными фортами, въ родѣ форта II (Сѣв. Кей-кваншань) и форта III (Нирушань), то крѣпость могла бы совсѣмъ не сдаться, или, въ крайнемъ случаѣ, только послѣ подхода Балтійскаго флота. Принимая во вниманіе упорство, съ которымъ японцамъ приходилось встрѣчаться, чтобы занять даже самыя изолированныя и плохо укрѣпленныя позиціи, легко представить себѣ, какой цѣною запла-

тила Россія за этотъ пробѣлъ въ необходимыхъ мѣрахъ предосторожности.

Тѣмъ, кто не былъ въ Японіи, трудно себѣ представить всю тяжесть, которая угнетала морскія и сухопутныя военныя власти, и висѣла надъ народомъ, пока русскія суда въ Портъ-Артурѣ не были окончательно разрушены. Эти заботы легче всего можно уяснить себѣ, если припомнить цѣлый рядъ отчаянныхъ атакъ, веденныхъ съ огромными жертвами на позиціи, которыя могли быть взяты только медленными приѣмами правильной осады.

Три раза чувство отчаянія было такъ велико, что начальство убѣждало людей попытаться вырвать побѣду, хотя бы цѣной собственнаго уничтоженія. Въ концѣ концовъ, послѣ того какъ три фронтальныя атаки на восточный фронтъ крѣпости не удалась, непоколебимые начальники обратились на западъ, ища тамъ спасенія. Здѣсь, они обрѣли его, взявъ только одну Высокую гору; хотя цѣна, уплаченная за это, была ужасна и доходила до 10.000 человѣческихъ жизней, но русскій флотъ былъ уничтоженъ.

Послѣ взятія Высокой горы (203 метр. высоты), Портъ-Артуръ въ кампаніи игралъ лишь второстепенную роль; но даже и въ это время Стессель могъ придать ему новое значеніе и, можетъ быть, могъ спасти Куропаткина, еслибы продержался еще два мѣсяца.

Ожесточеніе, храбрость и рѣшительность, выказанныя сражавшимися обѣихъ сторонъ, почти не имѣютъ примѣровъ. Ужасы борьбы, казалось, скорѣе соответствовали варварскимъ временамъ, чѣмъ двадцатому вѣку. Ужасная участь тысячъ раненыхъ, которые могли быть спасены, еслибы за ними былъ уходъ, навсегда останется темной страницей войны.

Особенный интересъ борьбѣ придавало желаніе японцевъ согласовать современное оружіе и современные приемы разрушенія съ устарѣвшими формами построеній для атаки; въ результатъ получалось небывалое избіеніе. По всей вѣроятности, мы были въ послѣдній разъ свидѣтелями та-

кихъ устарѣлыхъ приѣмовъ штурмовать форты. Еще до начала войны, многіе увѣряли, что подобные приѣмы непримѣнны, хотя тогда разсуждали, не считаясь съ японцами. Послѣ урока подъ Портъ-Артуромъ, японцы, пожалуй, никогда больше не будутъ пытаться производить подобные штурмы. И ни одна нація не повторитъ этого эксперимента, такъ какъ никогда нельзя будетъ разсчитывать, что люди пойдутъ впередъ при подобныхъ условіяхъ.

Тяжелые снаряды, примѣненные у Портъ-Артура, превосходятъ по вѣсу и разрушительности все, что примѣнялось раньше. Никто не забудетъ 28 сант. снарядовъ, которые рвались и сыпались дождемъ на русскія позиціи, а также сосредоточеннаго огня 500 орудій, предшествовавшего атакамъ. Подобное зрѣлище можно увидѣть разъ въ столѣтіе; оно будетъ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ для тѣхъ, кому выпало счастье быть очевидцемъ.

Почти всѣ средства борьбы, примѣнявшіяся при осадѣ Іерусалима и упоминаемыя въ книгѣ Іосифа, пускались въ дѣло обѣими сторонами, осаждающими и осажденными: галереи, штурмовыя лѣстницы, переносные мосты, глыбы камня, заостренныя жерди—все это играло почтенную роль во время осады. Къ этимъ устарѣлымъ приѣмамъ присоединяли еще всѣ ужасы, которые создала современная наука для уничтоженія человѣка: ручныя гранаты, фугасы, электрическіе провода, прожекторы и, сверхъ всего, подземныя мины, которыя въ нѣсколько секундъ уничтожаютъ цѣлое сооруженіе и сотни людей.

Тѣмъ, кто состоялъ при полевыхъ японскихъ арміяхъ, представлялась полная возможность наблюдать многое, но настоящаго боя они почти не видѣли. Таково общее впечатленіе всѣхъ безъ исключенія, кто сопровождалъ маршала Ояму въ Маньчуріи. Они издали видѣли тучи дыма и линіи людей, разбросанныхъ на очень длинномъ фронтѣ; все это гораздо лучше видно на маневрахъ.

Подъ Портъ-Артуромъ было иначе—здѣсь все было выставлено на показъ, какъ на сценѣ. Можно было занять

мѣсто (въ одной изъ треншей), въ какомъ угодно близкомъ разстояніи отъ ramпы. Кто не желалъ платить за мѣста опасностью попасть подъ ружейный, никогда не прекращавшійся, и артиллерійскій огонь, тотъ могъ занять мѣста въ амфитеатрѣ, на расположенныхъ сзади высотахъ.

Съ этихъ мѣстъ все было видно. Можно было слѣдить за передвиженіями людей въ арміи осаждающаго, а иногда и въ арміи осажденнаго. Можно было избрать для наблюденія отдѣльныхъ людей; слѣдить за ихъ движеніями во время атаки съ момента, когда они перелѣзали черезъ брустверь своей траншеи, до тѣхъ поръ, пока не сходились съ непріателемъ или не падали пораженные пулей. Можно было наблюдать, какъ люди падаютъ раненые, какъ они ползутъ, чтобы скрыться отъ снарядовъ въ ямахъ или въ складкахъ мѣстности, какъ они стрѣляютъ и колятъ друга друга штыками. Можно было слѣдить за полетомъ въ воздухѣ крупныхъ снарядовъ.

Положительно, изъ того, чему очевидцами были сами участники боя, очень мало ускользнуло отъ наблюдателей, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ видѣли больше участниковъ.

Почти бесполезно пытаться описать всю сцену осады. Съ высотъ надъ долиной Шуйшунъ, изо дня въ день, открывалась картина, внушавшая своимъ величіемъ священный трепетъ: долина, усѣянная земляными постройками; грозная линія фортовъ; снаряды сотенъ орудій, рвущіеся надъ фортами; блескъ солнца на тысячахъ штыковъ; разрывы ручныхъ гранатъ; огромная масса летящихъ вверхъ обломковъ, при взрывахъ минъ; баталіоны въ сомкнутомъ строю, какъ могущественныя волны, ударяющіяся о форты; они разбиваются и уходятъ назадъ, рассыпаясь, какъ волны прилива. За фортами, дымки осужденнаго города медленно поднимались къ небу; тихое синее море служило фономъ для всей боевой картины. Вдали видны суда японскаго флота, день и ночь крейсирующие передъ входомъ въ гавань, выжидая и надѣясь на выходъ русской эскадры. На тихой поверхности воды

суда казались въ полной безопасности, но вокругъ нихъ, въ нѣсколькихъ футахъ ниже поверхности воды, находились тысячи смертоносныхъ приборовъ для разрушенія, которые могли въ нѣсколько секундъ потопить самый сильный броненосецъ.

Когда ночь спускала свой мирный покровъ надъ этой боевой картиной, получалось зрѣлище еще болѣе величественное. Прожекторы огромными полосами чистаго бѣлаго свѣта разсѣкали окружающій мракъ, перескакивая съ высоты на высоту, освѣщая позицію за позиціей, батарею за батареей, стараясь раскрыть приближеніе нѣхоты.

Въ промежуткахъ между лучами прожекторовъ, тысячами рвались красивыя свѣтяція ракеты. Очень своеобразное впечатлѣніе получалось, когда прожекторы направляли лучи свѣта вверхъ, скользя по небосклону, какъ-будто для того, чтобы проникнуть за тучи и освѣтить путь отходящимъ въ вѣчность душамъ. Ночь не прекращала боя. Изъ мрака, окружавшаго траншеи, перекачиваясь эхомъ среди высотъ и долинъ, глухо и таинственно доносились—непрерывная ружейная трескотня, жалобное завываніе пулеметовъ и грохотъ большихъ гаубицъ.

Значеніе результатовъ, достигнутыхъ Японіей со взятіемъ Портъ-Артура, уже указано; помимо значенія этого факта для хода всей войны и для разрѣшенія вопроса о господствѣ въ Восточной Азіи, японцамъ, вмѣстѣ съ крѣпостью, досталась огромная матеріальная добыча, а именно: 57 долговременныхъ и временныхъ укрѣпленій; 546 орудій разныхъ калибровъ и 35.252 винтовки; 82.000 снарядовъ и 2.266.800 ружейныхъ патроновъ; болѣе 6 милліоновъ фунтовъ ¹⁾ муки, сухарей, соли, бобовъ, ячменя, кукурузы, риса, консервированнаго мяса и сахару; 75.000 тоннъ кардифскаго угля и

¹⁾ Чтобы поразить своихъ читателей грандіозностью цифръ, автору слѣдовало показать вѣсъ вѣсхъ продуктовъ не въ фунтахъ, а въ золотникахъ. Въ предыдущей главѣ авторъ все показывалъ въ тоннахъ, а тутъ перешелъ на фунты.

Прим. перевод.

55.000 тоннъ японскаго угля; 15.000 тоннъ угольныхъ брикетовъ; 1.920 лошадей; четыре броненосца, два крейсера, 14 миноносцевъ и 20 разныхъ судовъ, изъ которыхъ часть разрушена.

Число военнопленныхъ: 8 генераловъ, 809 офицеровъ, 22.434 унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ; 4 адмирала, 301 офицеръ флота, 500 гражданскихъ чиновниковъ, 4.500 матросовъ, 3.645 мирныхъ жителей, 13.000 больныхъ и раненыхъ.

Такой результатъ стоилъ арміи генерала Ногги 89.000 человекъ убитыхъ, раненыхъ и больныхъ, а если включить и бой при Цзинчжоу (Наншань), то 94.000 человекъ. Изъ общаго числа потерь, по официальнымъ донесеніямъ, убитыхъ и раненыхъ было 64.000 человекъ; остальные 25.000 человекъ—больные и умершіе отъ болѣзней. Относительно числа убитыхъ, съ японской стороны, официальныхъ свѣдѣній не имѣется; если принять во вниманіе особый характеръ операцій и огромное количество раненыхъ, которые оставались умирать на атакуемыхъ позиціяхъ, то число убитыхъ едва-ли можно считать менѣе 25.000 человекъ; пожалуй, оно было даже больше.

Потери въ офицерскомъ составѣ у японцевъ были огромны, и доходили за время осады, какъ говорятъ, до 10.000 человекъ.

Если отбросить 5.000 человекъ потерь, понесенныхъ японцами при Цзинчжоу (Наншань), и, кромѣ того, 6.000 человекъ потерь, за періодъ боевъ на передовыхъ позиціяхъ, то увидимъ, что за время дѣйствительной осады, т.е. съ 19 іюля (1 августа) по 19 декабря (1 января), третья японская армія ежедневно теряла, въ среднемъ,—560 человекъ, или болѣе двухъ ротъ. Каждый часъ осады хоронили или отвозили въ госпиталь по 23 японскихъ солдата; на каждыя три минуты, въ этотъ пятимѣсячный періодъ, приходился одинъ смертный случай. Многіе считаютъ потери японцевъ больше официально сообщенныхъ; безъ сомнѣнія, много легко раненыхъ не попали въ официальные отчеты.

Точное число потерь, понесенныхъ русскими во время

осады, неизвѣстно. По имѣющимся свѣдѣніямъ, круглымъ числомъ, 10.000 человѣкъ были убиты или умерли отъ ранъ; 13.000 раненыхъ и больныхъ японцы нашли въ госпиталяхъ, когда приняли ихъ; кромѣ того, много тысячъ русскихъ были ранены болѣе одного раза, почему точнаго подсчета сдѣлать нельзя.

Полученные въ теченіе осады Портъ-Артура уроки и пріобрѣтенный опытъ въ будущемъ сильно повліяютъ на способы веденія войны, по многимъ отраслямъ военного дѣла, каковы—артиллерія, телефоны, воздушные шары, транспортная часть, примѣненіе взрывчатыхъ веществъ, инженерное дѣло.

Главный фактъ, выдѣляющійся изъ всѣхъ другихъ, что лопата все еще господствуетъ; если даны время и деньги, возможно сдѣлать всякую позицію безусловно недоступной для атаки.

Чтобы имѣть представленіе о томъ, какія препятствія японцамъ приходилось преодолевать, взгляните на профили форта III (Нирушань) или форта II (Сѣв. Кейкваншань); они дадутъ ясную картину того, что значить атака долговременной позиціи; къ этому слѣдуетъ прибавить еще—нѣсколько линій траншей и проволочныхъ загражденій, желѣзнодорожную насыпь, открытую долину и тогда получится полная картина препятствій, съ которыми японцамъ пришлось бороться.

Изъ главныхъ позицій японцы атаквали, въ общемъ, двадцать одну; штурмъ каждаго изъ этихъ укрѣпленій выводилъ изъ строя, въ среднемъ, болѣе 3.000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, независимо того, временное ли это укрѣпленіе или долговременное.

Всемирный интересъ возбудилъ мало извѣстный народъ, достигшій такого крупнаго результата; онъ въ два года опровергъ всѣ теоріи относительно народовъ Востока и задѣлъ гордость всѣхъ западныхъ націй, побѣдивъ и унизивъ одну изъ нихъ.

Каковы основныя черты характера этого замѣчатель-

наго народа, если судить о нихъ по поведенію войскъ на войнѣ?

Японцы—раса очень умная, при чемъ низшіе классы болѣе развиты, чѣмъ у другихъ народовъ. Это замѣтно даже по выраженію лица. Если долго прожить среди японцевъ и привыкнуть къ типу ихъ лица, то просто поражаешься добротой ихъ взгляда.

Японцы—раса очень способная, съ большимъ запасомъ жизненныхъ силъ; ихъ способность находить новыя средства, при всякомъ оборотѣ дѣла, всегда будетъ вызывать изумленіе. Я приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ, отмѣченныхъ мною. Около середины восточнаго фронта крѣпостной оборонительной линіи, на одной изъ высотъ, близъ Китайской стѣны, русскіе устроили кухню, чтобы снабжать пищей гарнизонъ этого участка. Можно было разсчитывать пользоваться этой кухней только въ мирное время, ибо такая видная цѣль должна немедленно быть замѣчена японскими артиллеристами, которые могли снести ее нѣсколькими выстрѣлами. Однако, эта кухня, хотя и была замѣтна, стояла невредимой до конца осады, тогда какъ около нея каждый ярдъ былъ изрытъ снарядами. Такъ какъ никогда въ кухню не попадали снаряды, она постепенно получила значеніе безопаснаго убѣжища для русскихъ, которые часто укрывались тамъ. Безопасность этой постройки входила въ расчеты японцевъ. Въ самомъ началѣ осады, одинъ японскій офицеръ замѣтилъ, что съ Дагушаня совершенно ясно видно, что происходитъ въ кухнѣ; а при помощи сильной подзорной трубы можно было опредѣлить, что поваръ готовить къ обѣду. Когда этотъ фактъ сталъ извѣстенъ, артиллеристы получили приказаніе оставить это зданіе неприкосновеннымъ, такъ какъ оно могло давать японцамъ свѣдѣнія, о состояніи съѣстныхъ припасовъ гарнизона.

Другая замѣчательная черта японцевъ—ихъ постоянное стремленіе пріобрѣтать знанія и свѣдѣнія. Офицеры и солдаты были одинаково склонны учиться, какъ во время мира, такъ и на войнѣ, какъ на полѣ сраженія, такъ и въ лагеряхъ.

На одной из осадных батарей находились капитан и младший офицер, которые знали немного по-французски, но ни одного слова по-английски. Они очень старались хоть немного изучить английский язык; каждый раз, когда их посещал, они употребляли оригинальный прием. Около орудий находился блиндаж, вырытый в земле, куда мы входили. Оба офицера, вынув бумагу и карандаш, начинали писать по-французски отдельные фразы. Я должен был писать то же самое по-английски, а они записывали произношение английских слов по-японски. Затем, мы старались добиться правильного произношения, и японцы каждое слово старательно заучивали. Если в это время батарея стреляла, то офицеры по очереди выходили из блиндажа, чтобы управлять стрельбой орудий; когда один из них возвращался, он списывал из книжки своего товарища каждое пропущенное им слово.

Подобное стремление офицеров учиться—у нижних чинов проявляется в форме чрезвычайного любопытства. Хотя действия многих официальных лиц часто вызвали у иностранцев неприятное чувство, простого японского солдата все, кто приходил с ним в более близкое соприкосновение, всегда хвалят. Кто может забыть улыбающиеся детские лица нижних чинов? В каждой черте их лица написано величайшее добродушие, когда они обступят иностранца и осматривают его одежду, почти стаскивая ее с человека, чтобы освидетельствовать подкладку или материал. Их любовь к шуткам и забавам вошла в поговорку, и можно привести не мало подобных примеров. Эти солдаты, с их детски игривым настроением, через несколько часов превращались в демонов, готовых идти куда угодно и делать что угодно.

Японцы—раса очень любезная и гуманная. Обращает на себя внимание факт, как они дружески встречались с русскими при капитуляции. Не было и следа злобного чувства после шести месяцев кровавой борьбы, в которой даже знаку Красного Креста не оказывали должного уважения.

Кроме всего этого, очень резко бросается в глаза героизм, выказанный японскими солдатами, героизм, которому нет равного и который редко встречается в истории войны. Каждая нация имела войска, действовавшие доблестно в течение того или другого периода времени; однако, я сомневаюсь, создала ли какая-нибудь нация людей, которые могут повторить подвиги, совершенные японцами под Порт-Артуром, в течение продолжительного периода в 6 месяцев.

Мы, конечно, гордимся такими фактами нашей истории, как атаки Легкой Бригады, воспоминания в стихах и прозе; однако, история осады Порт-Артура—это история цулаги ряда атак Легкой Бригады, произведенных в нашем строю и неоднократно повторяемых одними и теми же людьми, да еще при условиях разрушительности современного оружия.

Часто указывали, как трудно рассчитывать, чтобы люди пошли в атаку на позиции, перед которыми они стоят очень близко в течение нескольких месяцев. Сооружения неприятеля необычайно преувеличиваются в болтливой фантазии людей, которых постоянно преследует сознание, что рано или поздно они будут призваны атаковать эти сооружения. Японские войска жили пять месяцев в расстоянии всего 50 ярдов (около 65 шагов) от русских укреплений, но во время атаки на них всегда можно было положиться.

Что может побуждать 100.000 человек, в расцвете сил, жизнерадостных, от времени до времени идти вперед почти на верную гибель, жить в течение долгого времени в ближайшем соседстве какой-нибудь траншеи; слушать постоянно резкий звук пуль, свистящих над головой, подвергаться риску быть убитым, если неосмотрительно выглянуть из траншеи, слышать в нескольких футах от себя непрерывные, нагоняющие страх, разрывы снарядов и гранат?

Картина, которая открывалась японским солдатам, ко-

гда они, отодвинувъ камни, смотрѣли черезъ бойницы, требовала самыхъ крѣпкихъ нервовъ. Въ 30 или 40 ярдахъ (40—50 шаговъ) передъ собой, они видѣли линіи грозныхъ земляныхъ укрѣпленій, защищенныхъ всѣми средствами современнаго инженернаго искусства—проволочными загражденіями, фугасами, палисадами и стрѣлковыми окопами.

Такова была картина, открывавшаяся передъ глазами людей послѣ безсонной ночи, проведенной въ атмосферѣ, зараженной разлагающимися трупами, послѣ ночи, покой которой нарушался непрерывными вылазками, минами, контръминами и криками раненыхъ, оставленныхъ между непріятельскими линіями.

Подобное существованіе очень тяжело, но оно становится еще хуже, если васъ преслѣдуетъ сознаніе, что въ любой моментъ звонокъ можетъ призвать васъ къ телефону, чтобы услышать приказаніе—перейти черезъ укрывающую васъ стѣнку изъ земляныхъ мѣшковъ въ полосу, гдѣ изо дня въ день вы слышали свистъ пуль, разрывы снарядовъ и ручныхъ гранатъ. Люди въ передовыхъ траншеяхъ постоянно жили подъ угрозой смерти. Уголовные преступники знаютъ, что законъ отправитъ ихъ на тотъ свѣтъ быстро и безъ страданій; у этихъ же не было и этого утѣшенія. Къ счастливымъ смерть являлась быстро, но тысячи людей знали, что къ нимъ она должна явиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ страданій и ужаса—отъ жажды, голода или медленной смерти раненыхъ, брошенныхъ на полѣ.

Существуетъ взглядъ, что японскаго солдата нельзя оцѣнивать по одному шаблону съ другими солдатами; замѣчательныя особенности его храбрости и выносливости заставили предполагать, что въ его природѣ есть что-то почти сверхъестественное. На основаніи моихъ наблюденій, я считаю, что японскіе солдаты обладаютъ тѣми же характерными чертами и воодушевляются тѣми же побужденіями, какъ и солдаты другихъ націй.

Я частенько слышалъ такое сужденіе: „Японскій солдатъ не думаетъ о томъ, что жертвуетъ своею жизнью; онъ не

страшится смерти; для него истинное удовольствіе—умереть за свою родину“.—Это преувеличеніе; никогда не было людей, которые радовались бы, жертвуя своею жизнью за родину или за что-нибудь другое. Если все сказано и сдѣлано, и вы рискуете даже жизнью,—что же тогда остается?

Нѣтъ ничего особеннаго ни въ темпераментѣ, ни въ религіи японцевъ, что побуждало бы ихъ поступать подобнымъ образомъ. Еслибы японецъ былъ одаренъ сверхъестественными качествами, то для него не было бы никакой заслуги въ тѣхъ геройскихъ подвигахъ, которые онъ совершилъ на войнѣ. Въ дѣйствительности, онъ самый обыкновенный человѣкъ; какъ и каждый солдатъ всякой другой арміи, онъ готовъ дѣлать свое дѣло, потому что это его обязанность; онъ стремится къ удобствамъ и хорошей жизни; онъ думаетъ о томъ, какъ бы поскорѣе вернуться на родину, чтобы получить отъ своихъ друзей похвалу за совершенные имъ подвиги.

Въ разныя эпохи міровой исторіи, почти всѣ великія націи имѣли возможность похвалиться тѣмъ, что онѣ обладаютъ самыми лучшими солдатами. Таковыми считались: Македонская фаланга, римскій легіонъ, англійскіе стрѣлки изъ лука, испанскіе пикенеры, шведы Карла XII; въ болѣе позднія времена, солдаты французской революціи и англійскіе солдаты на Пиринейскомъ полуостровѣ, которымъ Наполеонъ присудилъ пальму первенства.

Еслибы мы могли точно возстановить всѣ событія отдаленныхъ періодовъ исторіи, то, вѣроятно, нашли бы, что тѣ, кто не знаетъ, на чей счетъ отнести собственные неудачи, всегда приписываютъ побѣдителямъ всякія сверхъестественныя доблести.

Почти во всѣхъ случаяхъ превосходство солдатъ извѣстной эпохи можно объяснить комбинаціей обстоятельствъ, которыя вліяютъ на націю и отдѣльных лицъ какими-то средствами, дѣлающими солдатъ непобѣдимыми. Эти качества удерживаются одной націей довольно короткій періодъ и затѣмъ переходятъ къ кому-нибудь другому. Въ настоящее

время первенство остается, неоспоримо, въ рукахъ японцевъ. Нѣтъ солдатъ, которые своимъ поведеніемъ на войнѣ, въ послѣднее время, могли бы сравниться съ японскими, въ смыслѣ доказанной храбрости, преданности долгу и рѣшимости.

Сто лѣтъ тому назадъ, когда мы достигли зенита нашей военной славы, Англія имѣла людей, быть можетъ, одинаковой съ японцами храбрости. Солдаты, штурмовавшіе Ціудадъ-Родриго, Бадахось и высоты Бузако, были отлиты изъ одного матеріала съ тѣми, что умирали тысячами вокругъ Портъ-Артура.

Чѣмъ же, собственно, японскій солдатъ отличается отъ другихъ націй и почему былъ онъ такъ непобѣдимъ въ послѣднюю войну?

Выражаясь кратко, японцы — нація, которая еще поднимается къ высшей точкѣ современной цивилизаціи и роскоши. Она еще не достигла той точки, когда первобытная доблесть человѣка начинаетъ уменьшаться. Японцы подвергаютъ себя всѣмъ тягостямъ и непріятностямъ военной жизни, такъ какъ для государства необходимо, чтобы каждый гражданинъ принималъ участіе въ защитѣ родины. Изученіе событий, приведшихъ къ послѣдней войнѣ, сразу покажетъ, какъ сильно война должна была отозваться на японскомъ народѣ, и съ какимъ сердечнымъ сочувствіемъ онъ вступалъ въ эту борьбу.

Солдаты хорошо сражаются, когда во главѣ ихъ стоитъ великій человѣкъ, или когда они бьются за національное дѣло. Исторія даетъ безчисленные примѣры доблести войскъ, которые сражались за великихъ полководцевъ или за крупные интересы.

Македоняне, подъ предводительствомъ Александра Великаго, дрались за своего вожда; то же дѣлали Карфагеняне при Ганнибалѣ; какъ только полководцы сошли со сцены, Македонія и Карфагенъ потеряли прежнюю славу.

Такъ же и Шведы, при Карлѣ XII, сражались скорѣе за личность полководца, чѣмъ за какую-нибудь идею. Фран-

цузскіе солдаты временъ революціи сражались за идею; тѣмъ же руководствовались и солдаты Наполеона въ первыхъ его походахъ, но впослѣдствіи идея была поглощена личностью полководца. Война между Сѣверными и Южными штатами, гдѣ обѣ стороны были воодушевлены національными интересами, велась съ необычайнымъ озлобленіемъ. Японцы сражались за національную идею, понятную самому простому человѣку, а кромѣ того, побудительной причиной для нихъ служило то, что во главѣ государства стояла такая крупная личность, какъ Микадо.

Императоръ Японіи считается гражданскимъ и духовнымъ главой государства. Раньше онъ былъ только духовнымъ главой, съ резиденціей въ Кіото, а обязанности гражданского главы захвачены были Шіогунъ Иеддо.

Когда Шіогунъ добровольно отказался отъ своей власти, Микадо сталъ правителемъ государства и „de jure“, и „de facto“.

Можно было предполагать, что значеніе Микадо, какъ духовнаго лица, должно будетъ пострадать отъ соединенія въ его лицѣ духовнаго и политическаго представительства. Но, повидимому, вышло иначе, и японскій народъ глубоко уважаетъ своего Императора.

Каждую побѣду этой войны адмиралъ Того и маршалъ Ояма приписывали доблести Императора и его предковъ. Трудно, конечно, предположить, что Ояма и Того считаютъ Императора отличающимся отъ обыкновеннаго человѣка, или что въ духовной сторонѣ его характера находятъ что-либо недоступное ихъ пониманію. Простые солдаты и матросы, видѣвшіе, что ихъ знаменитые начальники всякій успѣхъ приписываютъ Императору, дѣлали то же самое.

Результатомъ этого получалось, что всѣ благодарственные и хвалебныя посланія Императора, которыя посылались только послѣ очень важныхъ событий, дѣйствовали на солдатъ воодушевляюще.

Похвала Императора, представляющаго въ народной фан-

тази высшій предѣлъ земной и небесной власти, сильно влияетъ на солдата въ часть боя.

Я склоненъ думать, что, при оцѣнкѣ замѣчательныхъ и постоянныхъ успѣховъ японцевъ, слишкомъ большое значеніе придается духовнымъ особенностямъ японскаго солдата, и слишкомъ мало обращается вниманія на блестящія физическія качества расы.

„Mens sana in corpore sano“¹⁾. Надо обратиться къ національной жизни Японіи, чтобы правильно объяснить ихъ поразительную физическую силу.

Наиболѣе тяжкому испытанію подвергается солдатъ, когда его нервы долго напряжены; никакая сила патріотическихъ чувствъ или императорскихъ посланій не поможетъ нервному человѣку, когда онъ долженъ оставить свое закрытіе и атаковать непріятельскія позиціи.

Какія мысли преобладаютъ въ умѣ солдата передъ самымъ штурмомъ, который для него можетъ быть гибелью? Думаетъ ли онъ въ это время о своей родинѣ, о своемъ Императорѣ или о своей семьѣ?

Мысли солдата въ это время сосредоточены на болѣе мелкихъ и мѣстныхъ интересахъ—на какой-нибудь особенности лежащей передъ нимъ мѣстности, на какомъ-нибудь поступкѣ одного изъ товарищей, на какомъ-нибудь движеніи своего офицера, на воспоминаніи о послѣднемъ обѣдѣ, на томъ, что онъ намѣренъ дѣлать на слѣдующій день. Хорошій солдатъ, съ крѣпкими нервами, будетъ думать о подобныхъ предметахъ.

Болѣе нервнаго солдата будутъ удручать ужасныя призраки; дикія мысли будутъ бродить у него въ головѣ; пустыя надежды и незнающее границъ отчаяніе будутъ у него чередоваться, пока онъ не дойдетъ до состоянія, граничащаго съ истерикой. Совершенно неизвѣстно, будетъ ли такой солдатъ храбро атаковать или убѣжить; все зависитъ отъ того, какія мысли будутъ бродить у него въ мозгу,

¹⁾ Здоровый умъ—въ здоровомъ тѣлѣ.

когда раздастся призывный звукъ къ наступленію. Никакой патріотизмъ, никакое императорское хвалебное посланіе не помогутъ человѣку при этихъ условіяхъ. Здѣсь главную роль играютъ не духовныя, а физическія условія; патріотизмъ никогда не излѣчитъ физической немощи. Поэтому, когда дѣло доходитъ до дѣйствительнаго боя, слѣдуетъ считаться лишь съ нервами человѣка, состояніе которыхъ зависитъ отъ образа жизни его предковъ и отъ состоянія культуры его отечества.

Едва-ли кто станетъ отрицать, что успѣхи цивилизаціи имѣютъ вредное вліяніе на физическую сторону и жизнеспособность націи, а если идетъ на убыль физическое развитіе націи, то понижается и храбрость, и рѣшительность, и боевыя доблести.

Японцы, несомнѣнно, раса наиболѣе совершенная въ физическомъ отношеніи; конечно, не съ точки зрѣнія роста, который у нихъ очень малъ, но, вообще, съ точки зрѣнія ихъ физическихъ качествъ; ростъ никоимъ образомъ нельзя принимать въ расчетъ.

Японцы очень крѣпко и хорошо сложены и представляютъ отличный матеріалъ для войскъ. Японскіе солдаты очень подвижны, быстро ходятъ и замѣчательно хорошо прыгаютъ. Они способны переносить такія страданія, которыя кажутся европейцу сверхъестественными; обыкновенно это приписываютъ стоицизму восточныхъ народностей, но я думаю, что это неправильное объясненіе.

Европейцы не могутъ переносить страданія, не выражая чѣмъ-либо свои чувства; этого я никогда не замѣчалъ у японцевъ, которые обладаютъ менѣе нервнымъ организмомъ, чѣмъ европейцы.

Японцы переносятъ усталость лучше, чѣмъ всѣ другія расы. Они могутъ существовать при самомъ ничтожномъ питаніи. За исключеніемъ бери-бери, японцы менѣе подвержены всякимъ болѣзнямъ организма, опустошающимъ ряды арміи въ военное время и имѣющимъ болѣе роковое значеніе, чѣмъ пули и снаряды.

Чѣмъ же объясняется ихъ физическое превосходство?

Въ теченіе столѣтій почва Японіи питала огромное народонаселеніе, и народъ принужденъ былъ жить самымъ скромнымъ образомъ, чтобы не умереть отъ голода. Въ странѣ было слишкомъ мало денегъ, и нельзя было тратить ихъ на роскошь. Простая жизнь японцевъ сдѣлала изъ нихъ закаленный народъ; они могутъ переносить величайшія испытанія и лишенія совершенно спокойно.

Вотъ почему, японскія войска идутъ въ дѣло при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ; храбрость въ значительной степени зависитъ отъ хорошаго здоровья. Нѣкоторые животныя отъ дѣлн становятся трусливыми; то же происходитъ и съ людьми. Никто не можетъ постоять за себя, даже при сильнѣйшей опасности, если онъ боленъ; чѣмъ здоровѣе люди, посылаемые на войну, тѣмъ лучше они будутъ сражаться.

Неоднократно замѣчалось, что японцы быстро пьянѣютъ, и это приводилось, какъ отрицательная черта ихъ національнаго характера; но, въ дѣйствительности, это объясняется одной изъ основныхъ чертъ ихъ характера—большой умѣренностью. Народъ такъ не привыкъ къ крѣпкимъ напиткамъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, что стаканъ саки или пива уже дѣйствуетъ на человѣка возбуждающе. Для японца нужно очень немного выпить, чтобы вызвать явно замѣтное измѣненіе въ его состояніи духа.

Это одно изъ самыхъ драгоценныхъ качествъ, такъ какъ оно даетъ возможность солдату на войнѣ воздерживаться отъ пьянства и оставаться всегда бодрымъ.

Если солдаты привыкли переносить лишенія въ мирное время, то переходъ къ условіямъ военного времени для нихъ незамѣтенъ. Пища японской арміи въ военное время значительно лучше того, чѣмъ большинство нижнихъ чиновъ питаются дома. Полное отсутствіе сознанія лишеній дѣлаетъ солдатъ на войнѣ бодрыми и готовыми на все.

Человѣкъ, привыкшій съ дѣтства къ пиву, всю жизнь поддерживаетъ нормальное состояніе духа постояннымъ потребленіемъ того или другого спиртнаго напитка. Я не хочу

этимъ сказать, что при нормальныхъ условіяхъ жизни умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ предосудительно; при этихъ условіяхъ оно приноситъ мало, а можетъ быть и совсѣмъ не приноситъ, вреда; однако, когда нормальныя условія жизни прекращаются, и человѣкъ встрѣчается со всѣми тягостями и лишеніями военной жизни, тогда начинаются затрудненія. Отсутствіе средствъ, для удовлетворенія вошедшихъ въ привычку излишествъ, вызываетъ угнетенное состояніе духа; мысли становятся мрачными, а это оказываетъ разрушительное дѣйствіе на здоровье, ослабляетъ въ человѣкѣ рѣшимость и храбрость.

Бодрость—одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ свойствъ японскаго характера. Японскій солдатъ, когда онъ отправляется на войну, фактически умираетъ для домашней жизни и для своихъ друзей; его возвращенія никто не ожидаетъ. Недавній голодъ въ Японіи, въ значительной степени, былъ вызванъ беззаботностью, съ которой народъ расходовалъ свои сбереженія на прощальныя празднества отправляющимся на войну, которыхъ не надѣялись больше увидѣть.

Кто видѣлъ когда-нибудь, чтобы проливались слезы при отъѣздѣ японскихъ войскъ на войну? Матери, жены, сестры и дѣти отъѣзжавшихъ воиновъ приходили на станцію, чтобы пожелать имъ счастливаго пути; они охотно приносили жертву для насущныхъ нуждъ отечества, и приходили сюда не для причитаній. Безъ сомнѣнія, они были бы очень довольны, еслибъ ихъ друзей и родныхъ не посылали на войну, но они этого не показывали. Японскіе солдаты тоже не выказывали несвойственнаго мужчинѣ огорченія. Они были бодры, какъ всегда.

Великій секретъ успѣховъ японцевъ заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ со станціи желѣзной дороги увозилъ съ собой на войну энтузіазмъ и сохранялъ его до своей смерти или до возвращенія на родину.

Оркестры и веселая толпа, которые провожаютъ европейскаго солдата при его отъѣздѣ на войну, возбуждаютъ въ немъ самыя героическія чувства, но какъ только онъ по-

падаетъ въ боевую обстановку, у него начинаютъ зарож-
даться совершенно другія чувства.

Каждая нація можетъ получить хорошій урокъ, если
ближе изучить положеніе дѣлъ въ Японіи во время послѣд-
ней войны, а въ особенности если изучить десять лѣтъ под-
готовки къ войнѣ, благодаря которой только и оказалась
возможной эта война.

Сравненіе между Англіей и Японіей—далеко не въ нашу
пользу.

Кажется, что Англія достигла той точки, откуда цивили-
зація ведетъ къ пониженію первобытной доблести, которая
идетъ по наклонной плоскости, уменьшаясь изо дня въ день.

Недостатокъ подготовки и полное отсутствіе администра-
тивного опыта всесторонне выяснились во время южно-
африканской войны. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе
на управленіе войсками въ бою.

Число случаевъ сдачи войскъ, въ южно-африканскую
войну, было очень велико; одно это указываетъ уже, что,
какъ военный народъ, мы сильно пали съ нашего прежняго
высокаго положенія ¹⁾.

Суждено ли Японіи удержать свое превосходство въ
военномъ дѣлѣ, или она просто играетъ роль выскочки,
который черезъ нѣсколько десятилѣтій соприкосновенія съ
деморализующимъ вліяніемъ западной культуры подпадетъ
подъ ея вліяніе?

Въ настоящее время мы можемъ попытаться сдѣлать вы-
воды только на основаніи тѣхъ признаковъ, которые уже
проявляются.

Прежніе государственные люди Японіи хорошо понимали,

¹⁾ Дальше, на 7 страницахъ, авторъ подробно излагаетъ свои мнѣнія и
взгляды относительно вооруженныхъ силъ Англіи и ея военного могу-
щества. Затронутое здѣсь авторомъ вопросы не имѣютъ ничего общаго съ
«Осадой Портъ-Артура» и мало интересны для русскаго читателя. Все это
выпущено нами, чтобы сократить заключеніе, и безъ того написанное слиш-
комъ длинно.

что разложеніе націи неизбежно связано съ открытіемъ
страны для иностранцевъ, противъ чего они примѣняли са-
мые строгіе, исключительные законы.

Войска, получавшія укомплектованія изъ крупнаго про-
мышленнаго района Японіи Осака, въ нѣкоторыхъ случа-
яхъ не вполне удовлетворяли своему назначенію. Въ Осака
условія жизни приблизительно тѣ же, что и въ нашихъ про-
мышленныхъ городахъ.

Часто замѣчали, что многіе японцы, пріѣзжающіе въ
Европу и обучающіеся въ тамошнихъ университетахъ, возвра-
щаются на родину, утративъ слѣды тѣхъ качествъ, которыя
составляли силу и оплотъ Японіи въ послѣднюю войну. Я
не отношу этого къ тѣмъ, которые посѣщаютъ Западъ,
исключительно съ цѣлью изучить кораблестроеніе или дру-
гія науки; это все избранные люди, и нельзя найти людей
болѣе работающих и самоотверженныхъ. Сказанное выше
я отношу къ немногочисленному классу лѣнтяевъ, суще-
ствующему и въ Японіи, которые пріѣзжаютъ въ Европу,
чтобы усвоить себѣ наши манеры и обычаи. Многіе могутъ
возразить, что подобные люди не составляютъ главной массы
народа, и что неудобно указывать на нихъ, какъ на при-
мѣръ. Это, конечно, справедливо, но самое существованіе
подобныхъ личностей показываетъ, что элементъ разложе-
нія уже имѣется и только ждетъ развитія.

Японія въ нѣсколько лѣтъ собрала у себя опытъ и уроки,
на пріобрѣтеніе которыхъ многія націи затратили столѣтія.
Армія генерала Ноги въ теченіе шести мѣсяцевъ испытала
столько разныхъ переворотовъ, сколько, обыкновенно, армія
испытываетъ въ теченіе многихъ десятилѣтій.

Въ легкомысленныхъ попыткахъ японцевъ—взять штур-
момъ Портъ-Артуръ въ августѣ 1904 года, мы видѣли мо-
лодую націю, солдаты которой смотрятъ на опасность какъ
дѣти и почти не сознаютъ, что это такое. Первые штурмы
по характеру имѣли много общаго съ веселыми пикниками.
Тутъ мы видимъ ту же беззаботность, съ которой дрались
сто лѣтъ тому назадъ наши солдаты или французскіе сол-

даты времени революцій, люди, которые жертвовали своею жизнью только изъ любви къ борьбѣ.

Позже, во время осады, спокойная рѣшимость замѣнила фанатическое легкомысліе японцевъ; въ это время они дрались не ради удовольствія, а по долгу службы, и шли въ бой, хотя и безъ радости, но съ прежней храбростью.

Къ концу осады Портъ-Артура наступилъ періодъ, когда даже у японцевъ начали сказываться нервы; иногда они подвергались паникѣ и одинъ разъ даже отказались идти въ атаку. Все это являлось слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ, испытаннаго японцами за шестимѣсячный періодъ осады.

Деморализація была замѣтна лишь въ нѣсколькихъ небольшихъ частяхъ войскъ, но не коснулась всей арміи.

Какъ воинственная раса, японцы уже перешли черезъ высшую точку своего развитія. Солдаты, прошедшіе черезъ страшное напряженіе войны, уже совсѣмъ не тѣ, какими они были, покидая родину два года тому назадъ. Болѣе полумилліона людей внесетъ въ націю слѣды борьбы, въ видѣ расшатанныхъ нервовъ.

Слѣдующее поколѣніе будетъ уже другой формации, не тотъ героическій, безнервный типъ, который такъ отважно сражался за Японію въ послѣднюю войну. Воспитаніе, удобство сообщеній, увеличеніе благосостоянія и роскоши, съ сопутствующими имъ прелестями западной культуры, постепенно наложатъ свою печать на народъ.

Во многихъ отношеніяхъ нація будетъ совершенствоваться, но японской арміи, какъ боевому механизму, суждено опускаться, какъ это было въ прошломъ и съ арміями другихъ народовъ. На это я указываю не съ цѣлью умащенія достоинствъ ихъ національнаго характера; я привожу это только какъ доказательство, что японцы подвержены тѣмъ же недостаткамъ, какъ и народы Запада, но въ настоящее время процессъ разложенія, вызываемый развитіемъ культуры, у нихъ нѣсколько замедлился.

Японія превзошла Западъ въ многихъ наукахъ мира и

войны. Суждено ли ей опускаться съ тою же быстротой,—это вопросъ очень интересный, но слишкомъ сложный, чтобы касаться его здѣсь.

Въ общемъ крикъ удивленія передъ совершенными японцами на войнѣ подвигами, раздавшимся во всемъ цивилизованномъ мірѣ, заслуженная русскими доля славы остается почти незамѣченной. Между тѣмъ, если принять все во вниманіе, русскій солдатъ сражался лучше и перенесъ больше, чѣмъ могли бы выдержать при подобныхъ условіяхъ солдаты другихъ націй.

Стратегія у русскихъ генераловъ не существовало; управленіе арміей было устарѣлое; снабженіе и снаряженіе служили добычей подрядчиковъ. Многіе офицеры были плохо обучены, не хотѣли работать и не умѣли руководить своими людьми.

Однако Россія, несмотря на пораженіе, не должна отчаяваться, такъ какъ непоколебимая храбрость простого солдата безчисленными примѣрами доказала, что сильный духъ народа остался прежній.

Россія, угнетенная невѣжествомъ и безответственнымъ правительствомъ, была опаснымъ врагомъ въ прошломъ; въ будущемъ, Россія свободная, съ населеніемъ въ 90 милліоновъ, состоящимъ изъ людей просвѣщенныхъ, воспитанныхъ, преданныхъ своему Государю и своему отечеству, будетъ обладать самымъ страшнымъ боевымъ механизмомъ, какой міръ когда-либо видѣлъ.

Если русскія войска такъ превосходны въ оборонѣ, то нужно только развитіе частной инициативы и правильное обученіе армій, чтобы сдѣлать ихъ такими же и въ атакѣ; основныя качества, необходимыя для атаки и для обороны, одни и тѣ же—выдающееся мужество и хладнокровіе при всякой обстановкѣ.

Что касается доброкачественности русскаго боевого матеріала, то ни у кого, бывшаго очевидцемъ обороны Портъ-Артура и, главнымъ образомъ, обороны Высокой горы (203 м. высоты), не можетъ быть на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній.

Мысль простого солдата, русскаго и японца, вслѣдствіе недостаточнаго развитія рѣдко заглядываетъ дальше своего полковаго горизонта. Для нихъ недоступны великія цѣли, заставляющія націю рѣшиться на войну, и нравственная оцѣнка правъ той и другой стороны начать войну. Ихъ взяли отъ сохи не для того, чтобы они заботились о судьбѣ страны, а для приданія вѣса словамъ тѣхъ, которые дѣлаютъ это вмѣсто нихъ. Солдаты—это просто кирпичъ въ стѣнѣ полка, которая должна будетъ оказать сопротивленіе нападенію врага родины. Въ часъ боя его единственная обязанность—держаться непоколебимо на всякой позиціи, куда его поставятъ.

Солдаты Россіи и Японіи исполняли доблестно свое назначеніе въ теченіе всей осады Портъ-Артура; они выказали прекрасныя качества при самой тяжелой обстановкѣ. Вниманіе міра болѣе привлекаетъ побѣдитель, чѣмъ побѣжденный, но было бы гнусно не уравнивать, вызывающія величайшее восхищеніе, достоинства этихъ двухъ народовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I. Командный состав 3-ей японской арміи.

Главкомандующій Генераль Баронъ Ноги.
Начальникъ штаба. Генер.-лейтенантъ Иджичи.
Начальникъ артиллеріи Генер.-маіоръ Тешима.
Начальникъ морского штаба . Капитанъ Ивамуро.

1-ая дивизія, изъ округа Токио. Генер.-лейтен. Матсумура.
(Скончался черезъ нѣсколько недѣль
послѣ окончанія осады).

Начальникъ штаба. Полковникъ Хошино.
1-ая бригада. Генер.-маіоръ Ямамото.
(Убитъ на Длинной горѣ).
Замѣститель—Ген.-м. Баба.

1-й полкъ Подполковникъ Охара.

15-й полкъ Полковникъ Игучи.

2-ая бригада. Генер.-маіоръ Накамура.
(Впослѣдствіи тяжело раненъ).

2-й полкъ Полковникъ Танабэ.

3-й полкъ Подполковникъ Ушиджима.

7-ая дивизія, изъ окр. Хоккаидо. Генер.-лейтенантъ Осака.

Начальникъ штаба. Полковникъ Коидзуми.

13-ая бригада Генер.-маіоръ Йошида.

25-й полкъ . . .	Полковникъ Ватанабэ.
26-й полкъ . . .	Подполковникъ Юшида.
14-ая бригада . . .	Генер.-маіоръ Саито.
27-й полкъ . . .	Подполковникъ Окуда.
28-й полкъ . . .	Подполковникъ Мураками.

9-ая дивизія, изъ окр. Каназава.	Генер.-лейтен. Бар. Ошима.
Начальникъ штаба	Полковникъ Сукагаи.
6-ая бригада	Генер.-маіоръ Ичинохэ.
7-й полкъ	Подполков. Оучи. (Убитъ).
35-й полкъ	Полковникъ Накамура.
18-ая бригада	Генер.-маіоръ Хираса.
19-й полкъ	Полковникъ Саги. (Раненъ).
	Замѣститель—Пол. Хатори.
36-й полкъ	Полковникъ Фукуія.

2-ая дивизія, изъ окр. Сикоку и Матсугама	Ген.-лейтен. Тсучійя. (Ран.)
	Замѣститель—Ген.-лейт. Са- меджима.
Начальникъ штаба	Полковникъ Ишида.
10-ая бригада	Генер.-маіоръ Камиво.
12-й полкъ	Подполковникъ Мійяма.
43-й полкъ	Подполковникъ Нишійяма.
22-ая бригада	Генер.-маіоръ Яманака.
22-й полкъ	Подполковникъ Аваки.
44-й полкъ	Полковникъ Ишивара.

1-ая резерв. бриг. Кобэ (Токио).	Генер.-маіоръ Такеноучи.
1-й полкъ	
15-й полкъ	
16-й полкъ	

4-ая резерв. бриг. Кобэ (Осака).	Генер.-маіоръ Томоясу
8-й полкъ	
9-й полкъ	
38-й полкъ	

II. Артиллерія 3-ей японской арміи, принимавшая участіе въ осадѣ Портъ-Артура.

Пушки:

4,7-дм. морскія	10
6-дм. морскія	4
12-ти фунтов. морскія	20
10,5-сантим. Круппа	4
Бронзовыя	30
8,7 сантим. русскія	6
Полевыя	146
Горныя	72
Итого	292

Гаубицы:

28-сантиметр.	18
15-сантиметр.	16
12-сантиметр.	28
Итого	62

Мортиры:

Разныхъ калибровъ	160
Всего	341

III. Гарнизонъ Портъ-Артура.

Главнокомандующій на Ляодунск. полуостровѣ. Генер.-лейтен. Стессель.
Начальникъ штаба. Генер.-маіоръ Рейсъ.
Главный инженеръ. Ген.-маіоръ Кондратенко.

4-ая и 7-ая дивизіи:

25-й, 26-й, 27-й, 28-й Сибирск. стр. полки.

3-й и 7-й резерв. батальоны.

11-й и 12-й полки.

4-ая артиллерійск. бригада.

Крѣпостная артиллерія.

Квантунская артиллерія.

Жандармы.

Примѣчаніе. Въ этой таблицѣ показаны далеко не всѣ части, а показанныя неправильно наименованы. Изъ начальствующихъ лицъ названы, вѣроятно, только хорошо извѣстныя автору фамиліи. Генераль-маіоръ Кондратенко былъ начальникомъ 7-ой Вост. Сибир. стрѣлков. дивизіи, а не главнымъ инженеромъ.

Переводчикъ.

IV. Число плѣнныхъ, при сдачѣ Портъ-Артура.

Армія:

Генераловъ	8
Штабъ-офицеровъ	57
Оберъ-офицеровъ	531
Гражданскихъ чиновниковъ.	99
Медицинскихъ чиновъ	109
Священниковъ	13
Итого.	817
Унтеръ-офицер. и нижн. чиновъ.	22.434
Всего.	23.251

Флотъ:

Адмираловъ	4
Капитановъ	100
Лейтенантовъ	200
Судовыхъ священниковъ	7
Чиновниковъ	500
Итого	811
Нижнихъ чиновъ.	4500
Всего.	5311

Больныхъ и раненыхъ. 13000

Мирныхъ жителей 3645

Всего сдавшихся чиновъ арміи и флота, и мирныхъ жителей . . . 45207

Примѣчаніе. Данныя этой таблицы не совсѣмъ вѣрны. Число нижнихъ чиновъ арміи и флота достигаетъ всего 23.000 чел., а у автора оно показано въ 26.934, т.-е. почти на 4.000 больше. Число офицерскихъ чиновъ флота показано невѣрно.

Переводчикъ.

V. Количество запасовъ, найденныхъ въ Портъ-Артурѣ послѣ сдачи.

(Приблизительное количество, въ тоннахъ).

Военнаго вѣдомства:

Муки	700 тоннъ.
Крупы	80 "
Бобовъ	700 "
Мясныхъ консервовъ	40 "
Сухарей	60 "
Соли	400 "
Кукурузы	40 "
Сахару	20 "
Рису	1 "
Ячменя	2 "

Морского вѣдомства:

Муки	700 тоннъ.
Сахару	40 "
Масла	2 "

Кромѣ того:

Лошадей	1920 штукъ.
Водки	очень много.

Примѣчаніе. Данныя этой таблицы сильно расходятся съ дѣйствительностью. По этому поводу мною сдѣлана оговорка въ примѣчаніи на стр. 449, гдѣ указаны главнѣйшія неправильности въ цифрахъ автора.

Переводчикъ.

VI. Вѣдомость имущества, сданнаго въ Портъ-Артурѣ.

Укрѣпленій 59

Артил. орудій:

Крупнаго калибра	54
Средняго калибра	149
Мелкаго калибра	343
Всего орудій	546

Снарядовъ:

Разныхъ калибровъ	82.670
Шрапнелей	1.588

Винтовокъ	35.252
Холоднаго оружія	1.891
Минъ	60
Пороху	30 тоннъ.
Револьверовъ	579
Ружейныхъ патроновъ	2.266.800
Зарядныхъ ящиковъ	290
Лафетовъ	65
Двуколокъ	606
Прожекторовъ	14
Телефонныхъ аппарат.	134
Телеграфныхъ аппар.	15
Сигнальныхъ аппарат.	3
Шанцевого инструмент.	Не сосчитанъ.
Лошадей	1.920

Судовъ:

Броненосцевъ	4
Крейсеровъ	2
Миноносцевъ и истребит.	14
Пароходовъ	10
Баркасовъ	8
Разныхъ лодокъ	12
Паровыхъ катеровъ	35

Примѣчаніе. Въ этой таблицѣ показано много имущества, приведеннаго въ полную негодность.

Переводчикъ.

VII. Дневникъ событій.

(Числа—по новому стилю).

Май 1904 г.

- 26-го—Бой на Цзинчжоуской позиціи (Наншань).
31-го—Высадка 3-ей арміи въ бухтѣ Керръ.

Іюнь.

- 1-го—Занятіе Дальняго.
26-го—Взятіе горы Хуинсанъ (Кеншань) и Уайцелазы (Витошань).

Іюль.

- Съ 3-го по 5-ое—Контръ-атаки русскихъ на Хуинсанъ (Кеншань).
Съ 26-го по 28-ое—Бой на Зеленыхъ горахъ.
30-го—Русскіе отступаютъ на линію долговременныхъ укрѣпленій.

Августъ.

- Съ 7-го по 9-ое—Штурмъ и взятіе Дагушаня и Сяогушаня.
Съ 12-го по 15-ое—Предварительныя операціи противъ „Метроваго Гребня“.
22-го—Взятіе редутовъ № 1 и № 2 (Укрѣпленій Банрушань).
23-го Отраженіе атаки японцевъ на Б. Орлиное Гнѣздо (Бодай). Конѣцъ перваго общаго штурма.

Сентябрь.

- Съ 1-го по 20-ое—Сапныя работы.
20-го—Взятіе Длинной горы (Намакаяма) и укрѣпленій Шуйшуинъ.
21-го—Японцы первый разъ отбиты съ Высокой горы (Высота 203 метра).

Октябрь.

- Съ 1-го по 16-ое—Сапныя и минныя работы противъ долговременныхъ фортовъ.
15-го—Взятіе капонира № 3 (Хачимачаяма).
26-го—Взятіе линіи верхнихъ траншей на форту III (Нирушань) и укрѣпленіи № 3 (Шююшань).
30-го—Второй общій штурмъ на восточные форты.

Ноябрь.

- Съ 1-го по 23-е—Разрушеніе контръ-эскарповыхъ сооруженій форта II (Сѣв. Кейкваншань), форта III (Нирушань) и укрѣпленія № 3 (Шююшань).
23-го—Японцы отбиты на батарее лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань).
26-го—Третій общій штурмъ на восточные форты.
27-го—Начало атакъ на Высокую гору (Высота 203 метра).

Декабрь.

- 5-го—Взятіе Высокой горы (Высота 203 метра).
6-го—Взятіе Плоской горы (Акасакаяма).
Съ 6-го по 10-ое—Гибель русскихъ военныхъ судовъ.
18-го—Взятіе форта II (Сѣв. Кейкваншань).
28-го—Взятіе форта III (Нирушань).
31-го—Взятіе укрѣпленія № 3 (Шююшань). Паденіе линіи отъ батареи лит. Б. (Хигаши-Кейкваншань) до укрѣпленія № 3 (Шююшань).

Январь 1905 г.

1-го—Взятие Б. Орлиного Гнезда (Бодай). Стессель предлагает сдать крепость.

2-го—Капитуляция Портъ-Артура.

13-го—Торжественный входъ японцевъ въ Портъ-Артуръ.

Б. В. Норригаардъ. Великая осада Портъ Артура и его падение. Перевелъ съ англійскаго *Борисъ Серебренниковъ* 2 руб.

Будучи корреспондентомъ «Daily Mail», авторъ книги въ числѣ другихъ иностранныхъ корреспондентовъ былъ допущенъ къ арміи Ноги въ августѣ мѣсяцѣ, а потому съ этого времени и начинается рассказъ г. Норригаарда о тѣхъ событіяхъ, очевидцемъ которыхъ онъ былъ. Въ цѣломъ рядѣ главъ, онъ описываетъ неудачные японскіе штурмы въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, занятіе высоты въ 203 метра и сдачу крепости. Кромѣ того онъ останавливается на организации японской тыловой службы, даетъ краткое описаніе нѣкоторыхъ техническихъ приспособленій, примѣнявшихся какъ японцами, такъ и нами, и, въ заключеніе, пытается объяснить причину японскихъ успѣховъ.

Къ достоинствамъ книги нельзя не отнести ея безпристрастіе. Отдавая должное храбрости и настойчивости японцевъ, авторъ неоднократно подчеркиваетъ доблесть защитниковъ Портъ-Артура и, вообще, видимо старается отрѣшиться отъ того гипноза японскихъ успѣховъ, которому въ большинствѣ случаевъ поддаются иностранцы вообще и его соотечественники въ особенности. Онъ не скрываетъ ошибокъ нашихъ противниковъ и не старается облить нѣкоторыхъ ихъ поступковъ, какъ, напр., обстрѣливанія госпиталей, которые прямо ставятъ имъ въ вину.

Къ книгѣ приложены планы Квантуна, окрестностей Портъ-Артура, нѣкоторыхъ фортовъ и 25 фотографическихъ снимковъ. Изъ послѣднихъ интересны: японскій бивакъ въ окопѣ, японскій полевой госпиталь, снимки съ нашихъ судовъ, затопленныхъ въ гавани, видъ нашего госпиталя № 9, разстрѣляннаго японцами, и внутренность форта Сунгшу послѣ взрыва мины.

Кромѣ того, въ текстѣ помѣщены рисунки японскихъ щитовъ, ручныхъ гранатъ и схематическіе чертежи укрѣпленій.

Книга г. Норригаарда несомнѣнно прочтется съ интересомъ военнымъ читателемъ, такъ какъ авторъ свѣдушъ въ военномъ дѣлѣ и потому въ его сочиненіи нѣтъ тѣхъ перловъ критическихъ сужденій, которыми изобилуютъ обыкновенно книги, составленныя корреспондентами газетъ.

Въ пользу книги говоритъ также тотъ фактъ, что, переведенною на нѣмецкій языкъ, ею пользовались какъ матеріаломъ многіе солидные нѣмецкіе авторы, занимающіеся изслѣдованіемъ нашей послѣдней войны.

«Вѣстовой № 124»

ПРЕДПРИНЯТО НОВОЕ ИЗДАНИЕ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ.

Въ изданіе это предполагается включить все наиболѣе замѣчательное, появившееся за границею. Сюда войдутъ статьи, помѣщенные въ военныхъ журналахъ, разборы военныхъ дѣйствій, доклады военныхъ агентовъ, воспоминанія участниковъ иностранцевъ, выдержки изъ сочиненій и нѣкоторыя сочиненія цѣликомъ, а также схемы, фотографическія и картографическія приложенія.

- Вып. I. Поученія, извлеченныя изъ опыта Русско-Японской войны маіоромъ германской службы Иммануэлемъ. Съ чертежами въ текстѣ и 8 картами (вышелъ) . . . 1 р.
- » II. Стратегическіе и тактическіе уроки Русско-Японской войны маіора саксонскаго ген. шт. Леффлера (вышелъ) 50 к.
- » III. Изъ опыта Русско-Японской войны. Тактическіе выводы кап. французскаго ген. штаба Ніесселя (вышелъ) . 50 к.
- » IV. Атаки японцевъ во время войны въ Вост. Азіи 1904—1905 гг. Маіора германскаго ген. шт. Лютвица (вышелъ) 75 к.
- » V. Изъ записокъ очевидца мукденскихъ боевъ. Маіора германской службы Бронсара Ф. Шеллендорфа и Наступательныя дѣйствія пѣхоты по опыту русско-японской войны. Маіора Балка (вышелъ) 50 к.
- » VI. Дѣйствія пѣхоты въ освѣщеніи Русско-Японской войны. Кап. австрійской службы Аладара Кнебеля Ф. Трейеншверта (вышелъ) 40 к.
- » VII. Мукденскій бой. Изслѣдованія капитана австрійскаго ген. штаба Рихарда Ф. Флека (печатается).
- » VIII. Извлеченіе изъ сочиненія проф. капитана Р. Менъ. Русско-Японская война (печатается).
- » IX. Пѣхота I Японской арміи во время войны съ Россією. Маіора австр. службы Адальберта Дани. (печатается).
- » X. Японцы подъ Мукденомъ. Корреспонденціи Барцита въ Итальянскую газету «Corriere della sera». (печатается).

Слѣдующіе выпуски

будутъ печататься по мѣрѣ выхода иностраннаго матеріала.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

руч
руч